МИЛОРАДОВИЧ

Александр Бондаренко

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга военного журналиста и историка Александра Бондаренко рассказывает о судьбе графа Михаила Андреевича Милорадовича — военачальника, озарившего славой побед два царствования, кумира солдат. Она освещает один из наиболее интересных и романтических периодов в истории России, предельно насыщенный событиями, среди которых Швейцарский поход Суворова, Аустерлицкое сражение, Отечественная война 1812 года, восстание декабристов… Милорадович был деятельным участником многих из них, ярким и блистательным исполнителем воли государя в мирное время или главнокомандующего во время войны — порой, при совершенно невозможных обстоятельствах, так что судьба России несколько раз воистину оказывалась в его руках.

Легенды, анекдоты и сплетни тесным кольцом окружили имя Милорадовича и в огромном количестве осели на страницах не только мемуарной, но и научной, исторической литературы. Автор книги, представляя различные точки зрения на героя и события со стороны как современников, так и историков, дает возможность читателю самому разобраться в хитросплетениях его судьбы и особенностях его личности.

- Александр Бондаренко
  -
  - ПРОЛОГ
  - ЧАСТЬ I
    - Глава первая.
    - Глава вторая.
    - Глава третья.
    - Глава четвертая.
    - Глава пятая.
  - ЧАСТЬ II.
    - Глава шестая.
    - Глава седьмая.
    - Глава восьмая.
    - Глава девятая.
  - ЧАСТЬ III.
    - Глава десятая.
    - Глава одиннадцатая.
    - Глава двенадцатая.
  - ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГЕНЕРАЛА ОТ ИНФАНТЕРИИ ГРАФА МИХАИЛА

АНДРЕЕВИЧА МИЛОРАДОВИЧА
- НАГРАДЫ
- БИБЛИОГРАФИЯ
- ИЛЛЮСТРАЦИИ

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35
  - 36
  - 37
  - 38
  - 39

- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83

- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127

- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171

- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215

- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259

- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288
- ○ 289
- ○ 290
- ○ 291
- ○ 292
- ○ 293
- ○ 294
- ○ 295
- ○ 296
- ○ 297
- ○ 298
- ○ 299
- ○ 300
- ○ 301
- ○ 302
- ○ 303

- ○ 304
- ○ 305
- ○ 306
- ○ 307
- ○ 308
- ○ 309
- ○ 310
- ○ 311
- ○ 312
- ○ 313
- ○ 314
- ○ 315
- ○ 316
- ○ 317
- ○ 318
- ○ 319
- ○ 320
- ○ 321
- ○ 322
- ○ 323
- ○ 324
- ○ 325
- ○ 326
- ○ 327
- ○ 328
- ○ 329
- ○ 330
- ○ 331
- ○ 332
- ○ 333
- ○ 334
- ○ 335
- ○ 336
- ○ 337
- ○ 338
- ○ 339
- ○ 340
- ○ 341
- ○ 342
- ○ 343
- ○ 344
- ○ 345
- ○ 346
- ○ 347

- ○ 348
- ○ 349
- ○ 350
- ○ 351
- ○ 352
- ○ 353
- ○ 354
- ○ 355
- ○ 356
- ○ 357
- ○ 358
- ○ 359
- ○ 360
- ○ 361
- ○ 362
- ○ 363
- ○ 364
- ○ 365
- ○ 366
- ○ 367
- ○ 368
- ○ 369
- ○ 370
- ○ 371
- ○ 372
- ○ 373
- ○ 374
- ○ 375
- ○ 376
- ○ 377
- ○ 378
- ○ 379
- ○ 380
- ○ 381
- ○ 382
- ○ 383
- ○ 384
- ○ 385
- ○ 386
- ○ 387
- ○ 388
- ○ 389
- ○ 390
- ○ 391

- ○ 392
- ○ 393
- ○ 394
- ○ 395
- ○ 396
- ○ 397
- ○ 398
- ○ 399
- ○ 400
- ○ 401
- ○ 402
- ○ 403
- ○ 404
- ○ 405
- ○ 406
- ○ 407
- ○ 408
- ○ 409
- ○ 410
- ○ 411
- ○ 412
- ○ 413
- ○ 414
- ○ 415
- ○ 416
- ○ 417
- ○ 418
- ○ 419
- ○ 420
- ○ 421
- ○ 422
- ○ 423
- ○ 424
- ○ 425
- ○ 426
- ○ 427
- ○ 428
- ○ 429
- ○ 430
- ○ 431
- ○ 432
- ○ 433
- ○ 434
- ○ 435

- ○ 436
- ○ 437
- ○ 438
- ○ 439
- ○ 440
- ○ 441
- ○ 442
- ○ 443
- ○ 444
- ○ 445
- ○ 446
- ○ 447
- ○ 448
- ○ 449
- ○ 450
- ○ 451
- ○ 452
- ○ 453
- ○ 454
- ○ 455
- ○ 456
- ○ 457
- ○ 458
- ○ 459
- ○ 460
- ○ 461
- ○ 462
- ○ 463
- ○ 464
- ○ 465
- ○ 466
- ○ 467
- ○ 468
- ○ 469
- ○ 470
- ○ 471
- ○ 472
- ○ 473
- ○ 474
- ○ 475
- ○ 476
- ○ 477
- ○ 478
- ○ 479

- ○ 480
- ○ 481
- ○ 482
- ○ 483
- ○ 484
- ○ 485
- ○ 486
- ○ 487
- ○ 488
- ○ 489
- ○ 490
- ○ 491
- ○ 492
- ○ 493
- ○ 494
- ○ 495
- ○ 496
- ○ 497
- ○ 498
- ○ 499
- ○ 500
- ○ 501
- ○ 502
- ○ 503
- ○ 504
- ○ 505
- ○ 506
- ○ 507
- ○ 508
- ○ 509
- ○ 510
- ○ 511
- ○ 512
- ○ 513
- ○ 514
- ○ 515
- ○ 516
- ○ 517
- ○ 518
- ○ 519
- ○ 520
- ○ 521
- ○ 522
- ○ 523

- ○ 524
- ○ 525
- ○ 526
- ○ 527
- ○ 528
- ○ 529
- ○ 530
- ○ 531
- ○ 532
- ○ 533
- ○ 534
- ○ 535
- ○ 536
- ○ 537
- ○ 538
- ○ 539
- ○ 540
- ○ 541
- ○ 542
- ○ 543
- ○ 544
- ○ 545
- ○ 546
- ○ 547
- ○ 548
- ○ 549
- ○ 550
- ○ 551
- ○ 552
- ○ 553
- ○ 554
- ○ 555
- ○ 556
- ○ 557
- ○ 558
- ○ 559
- ○ 560
- ○ 561
- ○ 562
- ○ 563
- ○ 564
- ○ 565
- ○ 566
- ○ 567

- ○ 568
- ○ 569
- ○ 570
- ○ 571
- ○ 572
- ○ 573
- ○ 574
- ○ 575
- ○ 576
- ○ 577
- ○ 578
- ○ 579
- ○ 580
- ○ 581
- ○ 582
- ○ 583
- ○ 584
- ○ 585
- ○ 586
- ○ 587
- ○ 588
- ○ 589
- ○ 590
- ○ 591
- ○ 592
- ○ 593
- ○ 594
- ○ 595
- ○ 596
- ○ 597
- ○ 598
- ○ 599
- ○ 600
- ○ 601
- ○ 602
- ○ 603
- ○ 604
- ○ 605
- ○ 606
- ○ 607
- ○ 608
- ○ 609
- ○ 610
- ○ 611

- ○ 612
- ○ 613
- ○ 614
- ○ 615
- ○ 616
- ○ 617
- ○ 618
- ○ 619
- ○ 620
- ○ 621
- ○ 622
- ○ 623
- ○ 624
- ○ 625
- ○ 626
- ○ 627
- ○ 628
- ○ 629
- ○ 630
- ○ 631
- ○ 632
- ○ 633
- ○ 634
- ○ 635
- ○ 636
- ○ 637
- ○ 638
- ○ 639
- ○ 640
- ○ 641
- ○ 642
- ○ 643
- ○ 644
- ○ 645
- ○ 646
- ○ 647
- ○ 648
- ○ 649
- ○ 650
- ○ 651
- ○ 652
- ○ 653
- ○ 654
- ○ 655

- ○ 656
- ○ 657
- ○ 658
- ○ 659
- ○ 660
- ○ 661
- ○ 662
- ○ 663
- ○ 664
- ○ 665
- ○ 666
- ○ 667
- ○ 668
- ○ 669
- ○ 670
- ○ 671
- ○ 672
- ○ 673
- ○ 674
- ○ 675
- ○ 676
- ○ 677
- ○ 678
- ○ 679
- ○ 680
- ○ 681
- ○ 682
- ○ 683
- ○ 684
- ○ 685
- ○ 686
- ○ 687
- ○ 688
- ○ 689
- ○ 690
- ○ 691
- ○ 692
- ○ 693
- ○ 694
- ○ 695
- ○ 696
- ○ 697
- ○ 698
- ○ 699

- ○ 700
- ○ 701
- ○ 702
- ○ 703
- ○ 704
- ○ 705
- ○ 706
- ○ 707
- ○ 708
- ○ 709
- ○ 710
- ○ 711
- ○ 712
- ○ 713
- ○ 714
- ○ 715
- ○ 716
- ○ 717
- ○ 718
- ○ 719
- ○ 720
- ○ 721
- ○ 722
- ○ 723
- ○ 724
- ○ 725
- ○ 726
- ○ 727
- ○ 728
- ○ 729
- ○ 730
- ○ 731
- ○ 732
- ○ 733
- ○ 734
- ○ 735
- ○ 736
- ○ 737
- ○ 738
- ○ 739
- ○ 740
- ○ 741
- ○ 742
- ○ 743

- ○ 744
- ○ 745
- ○ 746
- ○ 747
- ○ 748
- ○ 749
- ○ 750
- ○ 751
- ○ 752
- ○ 753
- ○ 754
- ○ 755
- ○ 756
- ○ 757
- ○ 758
- ○ 759
- ○ 760
- ○ 761
- ○ 762
- ○ 763
- ○ 764
- ○ 765
- ○ 766
- ○ 767
- ○ 768
- ○ 769
- ○ 770
- ○ 771
- ○ 772
- ○ 773
- ○ 774
- ○ 775
- ○ 776
- ○ 777
- ○ 778
- ○ 779
- ○ 780
- ○ 781
- ○ 782
- ○ 783
- ○ 784
- ○ 785
- ○ 786
- ○ 787

- ○ 788
- ○ 789
- ○ 790
- ○ 791
- ○ 792
- ○ 793
- ○ 794
- ○ 795
- ○ 796
- ○ 797
- ○ 798
- ○ 799
- ○ 800
- ○ 801
- ○ 802
- ○ 803
- ○ 804
- ○ 805
- ○ 806
- ○ 807
- ○ 808
- ○ 809
- ○ 810
- ○ 811
- ○ 812
- ○ 813
- ○ 814
- ○ 815
- ○ 816
- ○ 817
- ○ 818
- ○ 819
- ○ 820
- ○ 821
- ○ 822
- ○ 823
- ○ 824
- ○ 825
- ○ 826
- ○ 827
- ○ 828
- ○ 829
- ○ 830
- ○ 831

- ○ 832
- ○ 833
- ○ 834
- ○ 835
- ○ 836
- ○ 837
- ○ 838
- ○ 839
- ○ 840
- ○ 841
- ○ 842
- ○ 843
- ○ 844
- ○ 845
- ○ 846
- ○ 847
- ○ 848
- ○ 849
- ○ 850
- ○ 851
- ○ 852
- ○ 853
- ○ 854
- ○ 855
- ○ 856
- ○ 857
- ○ 858
- ○ 859
- ○ 860
- ○ 861
- ○ 862
- ○ 863
- ○ 864
- ○ 865
- ○ 866
- ○ 867
- ○ 868
- ○ 869
- ○ 870
- ○ 871
- ○ 872
- ○ 873
- ○ 874
- ○ 875

- ○ 876
- ○ 877
- ○ 878
- ○ 879
- ○ 880
- ○ 881
- ○ 882
- ○ 883
- ○ 884
- ○ 885
- ○ 886
- ○ 887
- ○ 888
- ○ 889
- ○ 890
- ○ 891
- ○ 892
- ○ 893
- ○ 894
- ○ 895
- ○ 896
- ○ 897
- ○ 898
- ○ 899
- ○ 900
- ○ 901
- ○ 902
- ○ 903
- ○ 904
- ○ 905
- ○ 906
- ○ 907
- ○ 908
- ○ 909
- ○ 910
- ○ 911
- ○ 912
- ○ 913
- ○ 914
- ○ 915
- ○ 916
- ○ 917
- ○ 918
- ○ 919

- ○ 920
- ○ 921
- ○ 922
- ○ 923
- ○ 924
- ○ 925
- ○ 926
- ○ 927
- ○ 928
- ○ 929
- ○ 930
- ○ 931
- ○ 932
- ○ 933
- ○ 934
- ○ 935
- ○ 936
- ○ 937
- ○ 938
- ○ 939
- ○ 940
- ○ 941
- ○ 942
- ○ 943
- ○ 944
- ○ 945
- ○ 946
- ○ 947
- ○ 948
- ○ 949
- ○ 950
- ○ 951
- ○ 952
- ○ 953
- ○ 954
- ○ 955
- ○ 956
- ○ 957
- ○ 958
- ○ 959
- ○ 960
- ○ 961
- ○ 962
- ○ 963

- ○ 964
- ○ 965
- ○ 966
- ○ 967
- ○ 968
- ○ 969
- ○ 970
- ○ 971
- ○ 972
- ○ 973
- ○ 974
- ○ 975
- ○ 976
- ○ 977
- ○ 978
- ○ 979
- ○ 980
- ○ 981
- ○ 982
- ○ 983
- ○ 984
- ○ 985
- ○ 986
- ○ 987
- ○ 988
- ○ 989
- ○ 990
- ○ 991
- ○ 992
- ○ 993
- ○ 994
- ○ 995
- ○ 996
- ○ 997
- ○ 998
- ○ 999
- ○ 1000
- ○ 1001
- ○ 1002
- ○ 1003
- ○ 1004
- ○ 1005
- ○ 1006
- ○ 1007

- ○ 1008
- ○ 1009
- ○ 1010
- ○ 1011
- ○ 1012
- ○ 1013
- ○ 1014
- ○ 1015
- ○ 1016
- ○ 1017
- ○ 1018
- ○ 1019
- ○ 1020
- ○ 1021
- ○ 1022
- ○ 1023
- ○ 1024
- ○ 1025
- ○ 1026
- ○ 1027
- ○ 1028
- ○ 1029
- ○ 1030
- ○ 1031
- ○ 1032
- ○ 1033
- ○ 1034
- ○ 1035
- ○ 1036
- ○ 1037
- ○ 1038
- ○ 1039
- ○ 1040
- ○ 1041
- ○ 1042
- ○ 1043
- ○ 1044
- ○ 1045
- ○ 1046
- ○ 1047
- ○ 1048
- ○ 1049
- ○ 1050
- ○ 1051

- ○ 1052
- ○ 1053
- ○ 1054
- ○ 1055
- ○ 1056
- ○ 1057
- ○ 1058
- ○ 1059
- ○ 1060
- ○ 1061
- ○ 1062
- ○ 1063
- ○ 1064
- ○ 1065
- ○ 1066
- ○ 1067
- ○ 1068
- ○ 1069
- ○ 1070
- ○ 1071
- ○ 1072
- ○ 1073
- ○ 1074
- ○ 1075
- ○ 1076
- ○ 1077
- ○ 1078
- ○ 1079
- ○ 1080
- ○ 1081
- ○ 1082
- ○ 1083
- ○ 1084
- ○ 1085
- ○ 1086
- ○ 1087
- ○ 1088
- ○ 1089
- ○ 1090
- ○ 1091
- ○ 1092
- ○ 1093
- ○ 1094
- ○ 1095

- ○ 1096
- ○ 1097
- ○ 1098
- ○ 1099
- ○ 1100
- ○ 1101
- ○ 1102
- ○ 1103
- ○ 1104
- ○ 1105
- ○ 1106
- ○ 1107
- ○ 1108
- ○ 1109
- ○ 1110
- ○ 1111
- ○ 1112
- ○ 1113
- ○ 1114
- ○ 1115
- ○ 1116
- ○ 1117
- ○ 1118
- ○ 1119
- ○ 1120
- ○ 1121
- ○ 1122
- ○ 1123
- ○ 1124
- ○ 1125
- ○ 1126
- ○ 1127
- ○ 1128
- ○ 1129
- ○ 1130
- ○ 1131
- ○ 1132
- ○ 1133
- ○ 1134
- ○ 1135
- ○ 1136
- ○ 1137
- ○ 1138
- ○ 1139

- ○ 1140
- ○ 1141
- ○ 1142
- ○ 1143
- ○ 1144
- ○ 1145
- ○ 1146
- ○ 1147
- ○ 1148
- ○ 1149
- ○ 1150
- ○ 1151
- ○ 1152
- ○ 1153
- ○ 1154
- ○ 1155
- ○ 1156
- ○ 1157
- ○ 1158
- ○ 1159
- ○ 1160
- ○ 1161
- ○ 1162
- ○ 1163
- ○ 1164
- ○ 1165
- ○ 1166
- ○ 1167
- ○ 1168
- ○ 1169
- ○ 1170
- ○ 1171
- ○ 1172
- ○ 1173
- ○ 1174
- ○ 1175
- ○ 1176
- ○ 1177
- ○ 1178
- ○ 1179
- ○ 1180
- ○ 1181
- ○ 1182
- ○ 1183

- ○ 1184
- ○ 1185
- ○ 1186
- ○ 1187
- ○ 1188
- ○ 1189
- ○ 1190
- ○ 1191
- ○ 1192
- ○ 1193
- ○ 1194
- ○ 1195
- ○ 1196
- ○ 1197
- ○ 1198
- ○ 1199
- ○ 1200
- ○ 1201
- ○ 1202
- ○ 1203
- ○ 1204
- ○ 1205
- ○ 1206
- ○ 1207
- ○ 1208
- ○ 1209
- ○ 1210
- ○ 1211
- ○ 1212
- ○ 1213
- ○ 1214
- ○ 1215
- ○ 1216
- ○ 1217
- ○ 1218
- ○ 1219
- ○ 1220
- ○ 1221
- ○ 1222
- ○ 1223
- ○ 1224
- ○ 1225
- ○ 1226
- ○ 1227

- ○ 1228
- ○ 1229
- ○ 1230
- ○ 1231
- ○ 1232
- ○ 1233
- ○ 1234
- ○ 1235
- ○ 1236
- ○ 1237
- ○ 1238
- ○ 1239
- ○ 1240
- ○ 1241
- ○ 1242
- ○ 1243
- ○ 1244
- ○ 1245
- ○ 1246
- ○ 1247
- ○ 1248
- ○ 1249
- ○ 1250
- ○ 1251
- ○ 1252
- ○ 1253
- ○ 1254
- ○ 1255
- ○ 1256
- ○ 1257
- ○ 1258
- ○ 1259
- ○ 1260
- ○ 1261
- ○ 1262
- ○ 1263
- ○ 1264
- ○ 1265
- ○ 1266
- ○ 1267
- ○ 1268
- ○ 1269
- ○ 1270
- ○ 1271

- ○ 1272
- ○ 1273
- ○ 1274
- ○ 1275
- ○ 1276
- ○ 1277
- ○ 1278
- ○ 1279
- ○ 1280
- ○ 1281
- ○ 1282
- ○ 1283
- ○ 1284
- ○ 1285
- ○ 1286
- ○ 1287
- ○ 1288
- ○ 1289
- ○ 1290
- ○ 1291
- ○ 1292
- ○ 1293
- ○ 1294
- ○ 1295
- ○ 1296
- ○ 1297
- ○ 1298
- ○ 1299
- ○ 1300
- ○ 1301
- ○ 1302
- ○ 1303
- ○ 1304
- ○ 1305
- ○ 1306
- ○ 1307
- ○ 1308
- ○ 1309
- ○ 1310
- ○ 1311
- ○ 1312
- ○ 1313
- ○ 1314
- ○ 1315

- ○ 1316
- ○ 1317
- ○ 1318
- ○ 1319
- ○ 1320
- ○ 1321
- ○ 1322
- ○ 1323
- ○ 1324
- ○ 1325
- ○ 1326
- ○ 1327
- ○ 1328
- ○ 1329
- ○ 1330
- ○ 1331
- ○ 1332
- ○ 1333
- ○ 1334
- ○ 1335
- ○ 1336
- ○ 1337
- ○ 1338
- ○ 1339
- ○ 1340
- ○ 1341
- ○ 1342
- ○ 1343
- ○ 1344
- ○ 1345
- ○ 1346
- ○ 1347
- ○ 1348
- ○ 1349
- ○ 1350
- ○ 1351
- ○ 1352
- ○ 1353
- ○ 1354
- ○ 1355
- ○ 1356
- ○ 1357
- ○ 1358
- ○ 1359

- ○ 1360
- ○ 1361
- ○ 1362
- ○ 1363
- ○ 1364
- ○ 1365
- ○ 1366
- ○ 1367
- ○ 1368
- ○ 1369
- ○ 1370
- ○ 1371
- ○ 1372
- ○ 1373
- ○ 1374
- ○ 1375
- ○ 1376
- ○ 1377
- ○ 1378
- ○ 1379
- ○ 1380
- ○ 1381
- ○ 1382
- ○ 1383
- ○ 1384
- ○ 1385
- ○ 1386
- ○ 1387
- ○ 1388
- ○ 1389
- ○ 1390
- ○ 1391
- ○ 1392
- ○ 1393
- ○ 1394
- ○ 1395
- ○ 1396
- ○ 1397
- ○ 1398
- ○ 1399
- ○ 1400
- ○ 1401
- ○ 1402
- ○ 1403

- ○ 1404
- ○ 1405
- ○ 1406
- ○ 1407
- ○ 1408
- ○ 1409
- ○ 1410
- ○ 1411
- ○ 1412
- ○ 1413
- ○ 1414
- ○ 1415
- ○ 1416
- ○ 1417
- ○ 1418
- ○ 1419
- ○ 1420
- ○ 1421
- ○ 1422
- ○ 1423
- ○ 1424
- ○ 1425
- ○ 1426
- ○ 1427
- ○ 1428
- ○ 1429
- ○ 1430
- ○ 1431
- ○ 1432
- ○ 1433
- ○ 1434
- ○ 1435
- ○ 1436
- ○ 1437
- ○ 1438
- ○ 1439
- ○ 1440
- ○ 1441
- ○ 1442
- ○ 1443
- ○ 1444
- ○ 1445
- ○ 1446
- ○ 1447

- ○ 1448
- ○ 1449
- ○ 1450
- ○ 1451
- ○ 1452
- ○ 1453
- ○ 1454
- ○ 1455
- ○ 1456
- ○ 1457
- ○ 1458
- ○ 1459
- ○ 1460
- ○ 1461
- ○ 1462
- ○ 1463
- ○ 1464
- ○ 1465
- ○ 1466
- ○ 1467
- ○ 1468
- ○ 1469
- ○ 1470
- ○ 1471
- ○ 1472
- ○ 1473
- ○ 1474
- ○ 1475
- ○ 1476
- ○ 1477
- ○ 1478
- ○ 1479
- ○ 1480
- ○ 1481
- ○ 1482
- ○ 1483
- ○ 1484
- ○ 1485
- ○ 1486
- ○ 1487
- ○ 1488
- ○ 1489
- ○ 1490
- ○ 1491

- ○ 1492
- ○ 1493
- ○ 1494
- ○ 1495
- ○ 1496
- ○ 1497
- ○ 1498
- ○ 1499
- ○ 1500
- ○ 1501
- ○ 1502
- ○ 1503
- ○ 1504
- ○ 1505
- ○ 1506
- ○ 1507
- ○ 1508
- ○ 1509
- ○ 1510
- ○ 1511
- ○ 1512
- ○ 1513
- ○ 1514
- ○ 1515
- ○ 1516
- ○ 1517
- ○ 1518
- ○ 1519
- ○ 1520
- ○ 1521
- ○ 1522
- ○ 1523
- ○ 1524
- ○ 1525
- ○ 1526
- ○ 1527
- ○ 1528
- ○ 1529
- ○ 1530
- ○ 1531
- ○ 1532
- ○ 1533
- ○ 1534
- ○ 1535

- ○ 1536
- ○ 1537
- ○ 1538
- ○ 1539
- ○ 1540
- ○ 1541
- ○ 1542
- ○ 1543
- ○ 1544
- ○ 1545
- ○ 1546
- ○ 1547
- ○ 1548
- ○ 1549
- ○ 1550
- ○ 1551
- ○ 1552
- ○ 1553
- ○ 1554
- ○ 1555
- ○ 1556
- ○ 1557
- ○ 1558
- ○ 1559
- ○ 1560
- ○ 1561
- ○ 1562
- ○ 1563
- ○ 1564
- ○ 1565
- ○ 1566
- ○ 1567
- ○ 1568
- ○ 1569
- ○ 1570
- ○ 1571
- ○ 1572
- ○ 1573
- ○ 1574
- ○ 1575
- ○ 1576
- ○ 1577
- ○ 1578
- ○ 1579

- ○ 1580
- ○ 1581
- ○ 1582
- ○ 1583
- ○ 1584
- ○ 1585
- ○ 1586
- ○ 1587
- ○ 1588
- ○ 1589
- ○ 1590
- ○ 1591
- ○ 1592
- ○ 1593
- ○ 1594
- ○ 1595
- ○ 1596
- ○ 1597
- ○ 1598
- ○ 1599
- ○ 1600
- ○ 1601
- ○ 1602
- ○ 1603
- ○ 1604
- ○ 1605
- ○ 1606
- ○ 1607
- ○ 1608
- ○ 1609
- ○ 1610
- ○ 1611
- ○ 1612
- ○ 1613
- ○ 1614
- ○ 1615
- ○ 1616
- ○ 1617
- ○ 1618
- ○ 1619
- ○ 1620
- ○ 1621
- ○ 1622
- ○ 1623

- ○ 1624
- ○ 1625
- ○ 1626
- ○ 1627
- ○ 1628
- ○ 1629
- ○ 1630
- ○ 1631
- ○ 1632
- ○ 1633
- ○ 1634
- ○ 1635
- ○ 1636
- ○ 1637
- ○ 1638
- ○ 1639
- ○ 1640
- ○ 1641
- ○ 1642
- ○ 1643
- ○ 1644
- ○ 1645
- ○ 1646
- ○ 1647
- ○ 1648
- ○ 1649
- ○ 1650
- ○ 1651
- ○ 1652
- ○ 1653
- ○ 1654
- ○ 1655
- ○ 1656
- ○ 1657
- ○ 1658
- ○ 1659
- ○ 1660
- ○ 1661
- ○ 1662
- ○ 1663
- ○ 1664
- ○ 1665
- ○ 1666
- ○ 1667

- ○ 1668
- ○ 1669
- ○ 1670
- ○ 1671
- ○ 1672
- ○ 1673
- ○ 1674
- ○ 1675
- ○ 1676
- ○ 1677
- ○ 1678
- ○ 1679
- ○ 1680
- ○ 1681
- ○ 1682
- ○ 1683
- ○ 1684
- ○ 1685
- ○ 1686
- ○ 1687
- ○ 1688
- ○ 1689
- ○ 1690
- ○ 1691
- ○ 1692
- ○ 1693
- ○ 1694
- ○ 1695
- ○ 1696
- ○ 1697
- ○ 1698
- ○ 1699
- ○ 1700
- ○ 1701
- ○ 1702
- ○ 1703
- ○ 1704
- ○ 1705
- ○ 1706
- ○ 1707
- ○ 1708
- ○ 1709
- ○ 1710
- ○ 1711

- ○ 1712
- ○ 1713
- ○ 1714
- ○ 1715
- ○ 1716
- ○ 1717
- ○ 1718
- ○ 1719
- ○ 1720
- ○ 1721
- ○ 1722
- ○ 1723
- ○ 1724
- ○ 1725
- ○ 1726
- ○ 1727
- ○ 1728
- ○ 1729
- ○ 1730
- ○ 1731
- ○ 1732
- ○ 1733
- ○ 1734
- ○ 1735
- ○ 1736
- ○ 1737
- ○ 1738
- ○ 1739
- ○ 1740
- ○ 1741
- ○ 1742
- ○ 1743
- ○ 1744
- ○ 1745
- ○ 1746
- ○ 1747
- ○ 1748
- ○ 1749
- ○ 1750
- ○ 1751
- ○ 1752
- ○ 1753
- ○ 1754
- ○ 1755

- ○ 1756
- ○ 1757
- ○ 1758
- ○ 1759
- ○ 1760
- ○ 1761
- ○ 1762
- ○ 1763
- ○ 1764
- ○ 1765
- ○ 1766
- ○ 1767
- ○ 1768
- ○ 1769
- ○ 1770
- ○ 1771
- ○ 1772
- ○ 1773
- ○ 1774
- ○ 1775
- ○ 1776
- ○ 1777
- ○ 1778
- ○ 1779
- ○ 1780
- ○ 1781
- ○ 1782
- ○ 1783
- ○ 1784
- ○ 1785
- ○ 1786
- ○ 1787
- ○ 1788
- ○ 1789
- ○ 1790
- ○ 1791
- ○ 1792
- ○ 1793
- ○ 1794
- ○ 1795
- ○ 1796
- ○ 1797
- ○ 1798
- ○ 1799

- ○ 1800
- ○ 1801
- ○ 1802
- ○ 1803
- ○ 1804
- ○ 1805
- ○ 1806
- ○ 1807
- ○ 1808
- ○ 1809
- ○ 1810
- ○ 1811
- ○ 1812
- ○ 1813
- ○ 1814
- ○ 1815
- ○ 1816
- ○ 1817
- ○ 1818
- ○ 1819
- ○ 1820
- ○ 1821
- ○ 1822
- ○ 1823
- ○ 1824
- ○ 1825
- ○ 1826
- ○ 1827
- ○ 1828
- ○ 1829
- ○ 1830
- ○ 1831
- ○ 1832
- ○ 1833
- ○ 1834
- ○ 1835
- ○ 1836
- ○ 1837
- ○ 1838
- ○ 1839
- ○ 1840
- ○ 1841
- ○ 1842
- ○ 1843

- ○ 1844
- ○ 1845
- ○ 1846
- ○ 1847
- ○ 1848
- ○ 1849
- ○ 1850
- ○ 1851
- ○ 1852
- ○ 1853
- ○ 1854
- ○ 1855
- ○ 1856
- ○ 1857
- ○ 1858
- ○ 1859
- ○ 1860
- ○ 1861
- ○ 1862
- ○ 1863
- ○ 1864
- ○ 1865
- ○ 1866
- ○ 1867
- ○ 1868
- ○ 1869
- ○ 1870
- ○ 1871
- ○ 1872
- ○ 1873
- ○ 1874
- ○ 1875
- ○ 1876
- ○ 1877
- ○ 1878
- ○ 1879
- ○ 1880
- ○ 1881
- ○ 1882
- ○ 1883
- ○ 1884
- ○ 1885
- ○ 1886
- ○ 1887

- ○ 1888
- ○ 1889
- ○ 1890
- ○ 1891
- ○ 1892
- ○ 1893
- ○ 1894
- ○ 1895
- ○ 1896
- ○ 1897
- ○ 1898
- ○ 1899
- ○ 1900
- ○ 1901
- ○ 1902
- ○ 1903
- ○ 1904
- ○ 1905
- ○ 1906
- ○ 1907
- ○ 1908
- ○ 1909
- ○ 1910
- ○ 1911
- ○ 1912
- ○ 1913
- ○ 1914
- ○ 1915
- ○ 1916
- ○ 1917
- ○ 1918
- ○ 1919
- ○ 1920
- ○ 1921
- ○ 1922
- ○ 1923
- ○ 1924
- ○ 1925
- ○ 1926
- ○ 1927
- ○ 1928
- ○ 1929
- ○ 1930
- ○ 1931

- ○ 1932
- ○ 1933
- ○ 1934
- ○ 1935
- ○ 1936
- ○ 1937
- ○ 1938
- ○ 1939
- ○ 1940
- ○ 1941
- ○ 1942
- ○ 1943
- ○ 1944
- ○ 1945
- ○ 1946
- ○ 1947
- ○ 1948
- ○ 1949
- ○ 1950
- ○ 1951
- ○ 1952
- ○ 1953
- ○ 1954
- ○ 1955
- ○ 1956
- ○ 1957
- ○ 1958
- ○ 1959
- ○ 1960
- ○ 1961
- ○ 1962
- ○ 1963
- ○ 1964
- ○ 1965
- ○ 1966
- ○ 1967
- ○ 1968
- ○ 1969
- ○ 1970
- ○ 1971
- ○ 1972
- ○ 1973
- ○ 1974
- ○ 1975

- ○ 1976
- ○ 1977
- ○ 1978
- ○ 1979
- ○ 1980
- ○ 1981
- ○ 1982
- ○ 1983
- ○ 1984
- ○ 1985
- ○ 1986
- ○ 1987
- ○ 1988
- ○ 1989
- ○ 1990
- ○ 1991
- ○ 1992
- ○ 1993
- ○ 1994
- ○ 1995
- ○ 1996
- ○ 1997
- ○ 1998
- ○ 1999
- ○ 2000
- ○ 2001
- ○ 2002
- ○ 2003
- ○ 2004
- ○ 2005
- ○ 2006
- ○ 2007
- ○ 2008
- ○ 2009
- ○ 2010
- ○ 2011
- ○ 2012
- ○ 2013
- ○ 2014
- ○ 2015
- ○ 2016
- ○ 2017
- ○ 2018
- ○ 2019

- ○ 2020
- ○ 2021
- ○ 2022
- ○ 2023
- ○ 2024
- ○ 2025
- ○ 2026
- ○ 2027
- ○ 2028
- ○ 2029
- ○ 2030
- ○ 2031
- ○ 2032
- ○ 2033
- ○ 2034
- ○ 2035
- ○ 2036
- ○ 2037
- ○ 2038
- ○ 2039
- ○ 2040
- ○ 2041
- ○ 2042
- ○ 2043
- ○ 2044
- ○ 2045
- ○ 2046
- ○ 2047
- ○ 2048
- ○ 2049
- ○ 2050
- ○ 2051
- ○ 2052
- ○ 2053
- ○ 2054
- ○ 2055
- ○ 2056
- ○ 2057
- ○ 2058
- ○ 2059
- ○ 2060
- ○ 2061
- ○ 2062
- ○ 2063

- ○ 2064
- ○ 2065
- ○ 2066
- ○ 2067
- ○ 2068
- ○ 2069
- ○ 2070
- ○ 2071
- ○ 2072
- ○ 2073
- ○ 2074
- ○ 2075
- ○ 2076
- ○ 2077
- ○ 2078
- ○ 2079
- ○ 2080
- ○ 2081
- ○ 2082
- ○ 2083
- ○ 2084
- ○ 2085
- ○ 2086
- ○ 2087
- ○ 2088
- ○ 2089
- ○ 2090
- ○ 2091
- ○ 2092
- ○ 2093
- ○ 2094
- ○ 2095
- ○ 2096
- ○ 2097
- ○ 2098
- ○ 2099
- ○ 2100
- ○ 2101
- ○ 2102
- ○ 2103
- ○ 2104
- ○ 2105
- ○ 2106
- ○ 2107

- ○ 2108
- ○ 2109
- ○ 2110
- ○ 2111
- ○ 2112
- ○ 2113
- ○ 2114
- ○ 2115
- ○ 2116
- ○ 2117
- ○ 2118
- ○ 2119
- ○ 2120
- ○ 2121
- ○ 2122
- ○ 2123
- ○ 2124
- ○ 2125
- ○ 2126
- ○ 2127
- ○ 2128
- ○ 2129
- ○ 2130
- ○ 2131
- ○ 2132
- ○ 2133
- ○ 2134
- ○ 2135
- ○ 2136
- ○ 2137
- ○ 2138
- ○ 2139
- ○ 2140
- ○ 2141
- ○ 2142
- ○ 2143
- ○ 2144
- ○ 2145
- ○ 2146
- ○ 2147
- ○ 2148
- ○ 2149
- ○ 2150
- ○ 2151

- ○ 2152
- ○ 2153

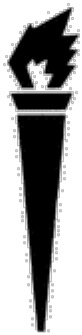
Александр Бондаренко
МИЛОРАДОВИЧ

Жизнь замечательных людей ®

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1327

(1127)

«Молодая гвардия», 2008

ПРОЛОГ

По свидетельству современников, в первую ночь по вступлении на российский престол императора Николая I Санкт-Петербург являл собой картину жуткую и для столицы могущественной империи необычайную.

«Площадь вся была обставлена войском, на ней горели огни, я подумал: "Точно военное время"», — рассказывал, отвечая на вопросы следствия, полковник Федор Николаевич Глинка[1].

«Мороз к вечеру усилился. На дворцовом дворе развели костры.

Дворцовая, Адмиралтейская и Сенатская площади представляли вид только что завоеванного города: на них также пылали костры, около которых гвардейские солдаты отогревались и ели принесенную им из казарм пищу. По окраинам этих площадей протянуты были цепи застрельщиков, никого посторонних, без особенного разрешения коменданта, не пропускавших. В нескольких местах на углах выходящих на площадь улиц стояли караулы и при них заряженные орудия. По всем направлениям площадей и смежным улицам ходили пешие и разъезжали конные патрули, и эти меры военного времени продолжались всю ночь», — воспоминал генерал-лейтенант Владимир Иванович Фелькнер, в 1825 году бывший прапорщиком лейб-гвардии Саперного батальона[2].

«На Исаакиевской площади кроме Конной гвардии на всю ночь было оставлено еще несколько полков. Перед каждым мостом было выставлено по два орудия. Полки расположились биваком и зажгли костры. Со всех сторон был виден свет этих бивачных огней», — добавлял барон Василий Романович фон Каульбарс, тогда штабс-ротмистр лейб-гвардии Конного полка[3].

«Ночь с 14 на 15 декабря была не менее замечательна, как и прошедший день…» — с предельной лаконичностью отметил и сам император Николай Павлович[4].

Казалось, что войска охраняют город от нового возмущения — но, скорее, они обеспечивали тайну того, что происходило в эти часы на площадях и улицах столицы, на льду замерзшей Невы.

«В ночь по Неве, от Исаакиевского моста до Академии художеств и дальше к стороне Васильевского острова, сделано было множество прорубей, величиною как только можно опустить человека, и в эти проруби к утру спустили не только трупы, но (ужасное дело) и раненых, которые не могли уйти от этой кровавой ловли. Другие ушедшие раненые таили свои раны, боясь

открыться медикам и правительству, и умирали, не получив помощи, — писал на основании имевшихся в его распоряжении служебных документов Михаил Максимович Попов, дослужившийся в Третьем отделении Собственной его императорского величества канцелярии до чина тайного советника. — Не менее неприятно то, что полиция и помощники ее в ночь с 14 на 15 декабря пустились в грабеж. Не говоря уже, что с мертвых и раненых, которых опускали в проруби, снимали платье и отбирали у них вещи, даже убегающих ловили и грабили»[5].

На Сенатскую площадь, где спешно засыпали снегом алые пятна замерзшей крови, сгоняли солдат мятежных полков — московцев, лейб-гренадеров и гвардейских моряков — строили их в молчаливую, оцепеневшую колонну, чтобы вести в Петропавловскую крепость. В Зимний дворец, волей нового государя превращенный в огромную съезжую, уже начали свозить первых арестованных бунтовщиков: К.Ф. Рылеева и А.Н. Сутгофа, князей С.П. Трубецкого и Д.А. Щепина-Ростовского… Александр Бестужев, вскоре ставший известным всей читающей России как писатель Марлинский, явился во дворец сам. В числе первых был приведен и гвардии капитан князь Е. П. Оболенский, «уличенный, — как тогда написал Николай I своему старшему брату цесаревичу Константину Павловичу, — в убийстве Милорадовича, или, по крайней мере, в нанесении ему штыковой раны»[6] … Наверное, по этой самой причине «…князь Оболенский был приведен со связанными руками; император обругал его»[7].

В ту самую ночь — долгую, страшную и бессонную — в одной из офицерских квартир в казармах лейб-гвардии Конного полка, расположенных в нескольких сотнях метров от Сенатской площади, умирал военный генерал-губернатор Санкт-Петербурга генерал от инфантерии граф Михаил Андреевич Милорадович. Умирал прославленный герой, человек, который создал недавнее двоевластие в России и фактически сделал все от него зависящее, чтобы восстание 14 декабря совершилось. Когда же стало ясно, что «бунт гвардии» не приобретает должного развития, то граф оказался единственным генералом, который смог бы увести с площади мятежные войска — именно это его и погубило…

Вскоре после полуночи Милорадовичу было доставлено письмо от императора, сознательно пославшего его на смерть:

«Мой друг, мой любезный Михаил о Андреевич, да вознаградит тебя Бог за все, что ты для меня сделал. Уповай на Бога так, как я на него уповаю; он не лишит меня друга; если бы я мог следовать сердцу, я бы при тебе был, но долг мой меня здесь удерживает. Мне тяжел сегодняшний день, но я имел утешение

ни с чем не сравненное, ибо видел в тебе, во всех, во всем народе друзей; да даст мне Бог Всещедрый силы им за то воздать, вся жизнь моя на то посвятится.

Твой друг искренний

Николай.

14 декабря 1825 года»[8].

«С глубоким чувством, и даже усиливаясь приподняться, умирающий отвечал: "Доложите его величеству, что я умираю, и счастлив, что умираю за него!" Когда ему прочли самое письмо, он поторопился взять его из рук читавшего, прижал к сердцу и не выпускал до минуты своей смерти», — так написал официальный историк барон Модест Андреевич Корф — кстати, лицейский товарищ Пушкина…[9]

Письмо привез двоюродный брат государя — генерал от инфантерии принц Евгений Вюртембергский[10], командовавший в Отечественную войну 4-й пехотной дивизией, которая отважно сражалась при Бородине, Красном и Кульме под знаменами генерала Милорадовича. Вот что вспоминал принц: «На мою долю выпало отвезти от императора письмо к моему боевому товарищу графу Милорадовичу. Грустная картина, мне представившаяся, никогда не изгладится из моей памяти. Граф Милорадович, изумлявший всех нас своим хладнокровием на полях битв, не изменил себе и на смертном одре. Здесь он уже не мог казаться фанфароном, за которого его так часто принимали, это был герой в истинном значении слова, каким он и должен был быть всегда, чтобы встретить смерть так спокойно. Со слезами на глазах подал я ему письмо.

"Я не мог получить этого письма из более достойных рук: ведь мы связаны с вами, принц, славными воспоминаниями", — сказал Милорадович.

На мое искреннее сожаление о постигшем его несчастии и на высказанную надежду видеть его здоровым он отвечал:

"Зачем поддаваться надежде! Внутренность моя горит!.. Смерть, конечно, не совсем приятная гостья; но видите, я умру так, как жил, с чистой совестью".

По прочтении письма Милорадович сказал:

"Охотно умираю за императора Николая… Меня успокаивает мысль, что не от руки старого солдата пал я… Прощайте, принц!.. До свидания в лучшем мире!.."»[11]

Наверное, все было именно так; а может, и не совсем так — и даже, быть может, все было совершенно по-иному, совсем наоборот.

Недаром же Николай I изволил начертать на полях рукописи барона Корфа: «За верность всего этого рассказа я не ручаюсь»[12].

Легенды, анекдоты и сплетни тесным кольцом окружили имя Милорадовича еще со времен Альпийского похода, если не раньше, и в огромном количестве осели не только на страницах мемуарной, но и научной, исторической литературы. Кстати, можно задать вопрос, кто из современных ему полководцев и военачальников был так же окружен легендами? Только Суворов! Ни Багратион, ни Раевский, ни даже знаменитый Ермолов не дотягивали до этого уровня… Да и в другие времена российской истории таковых тоже по пальцам перечесть.

Последние же две с половиной недели жизни графа — с 27 ноября по 14 декабря 1825 года —вообще всё запутали, век спустя существенно изменив официальное отношение к блистательному генералу, буквально вычеркнув его славное имя со страниц истории на три четверти XX столетия… Потому перед автором, стремящимся написать возможно более полную и всестороннюю биографию Михаила Андреевича, стоит трудная задача «отделить злаки от плевел», подлинные события от придуманных, а также определить мотивацию некоторых поступков героя, совершенно не понятных нашему современнику. Велик, конечно, соблазн обойти, умолчать или оправдать какие-то негативные моменты, что нередко, вольно или невольно, делают биографы, потому как избранный человек для пишущего не просто интересен, но и дорог, любим, близок. Однако на «отретушированном» портрете граф наверняка уже не будет тем самым Милорадовичем, которым восхищались одни и которого осуждали другие, человеком, еще при жизни награждаемым не всегда лестными эпитетами. В «оправдательном» варианте о нем нельзя будет говорить как о фигуре, чья роль в истории еще не получила должной оценки. Вот почему, стремясь к объективности, автор старался максимально использовать как многочисленные воспоминания современников, изданные в свое время и частично переизданные недавно, так и чеканные формулировки историков далекого XIX столетия — какую бы оценку ни давали они личности и поступкам Михаила Андреевича.

«Благоговея к памяти Суворова, Россия особенно уважала тех, кого отличал великий полководец, и потому со времен Италийского похода имя Милорадовича было у нас именем народным. Описывать примеры бесстрашия, хладнокровия Милорадовича среди губительного огня битв значило бы исчислять бессчетные сражения, в коих он участвовал в продолжение четверти века, с Шведской войны в 1789 году до взятия Парижа в 1814 году», — отозвался о нем известный историк, генерал-лейтенант А.И. Михайловский-Данилевский[13].

«Милорадович пользовался славой храброго генерала, но я не

имел повода в том удостовериться. Иные полагали его даже искусным полководцем; но кто знал лично бестолкового генерала сего, то, верно, имел иное мнение о его достоинствах», — писал генерал от инфантерии, вошедший в историю под честно заработанным на поле брани именем Муравьев-Карский[14].

В начале своего боевого поприща, юными офицерами, оба они были достаточно близки к генералу Милорадовичу, что не могло не сказаться на их последующих карьерах.

А это два документальных свидетельства того времени:

«Военный губернатор Киева, пользуется большой популярностью, но не очень хороший генерал; в военном искусстве никогда не делал больших успехов; прежде был адъютантом маршала Суворова, и это во многом способствовало его возвышению. В начале войны с турками командовал авангардом и там получил чин полного генерала. Дурной человек, проевший все состояние», — писал один французский агент перед вторжением Великой армии Наполеона в Россию[15].

«Военачальник, озаривший славой побед два царствования и в начале третьего запечатлевший своей кровью свою верность к престолу, герой Милорадович — которого оплакивает монарх и Отечество, — служил сорок пять лет царям и Отечеству, лета сии представляют ряд беспрерывных заслуг» — говорилось в некрологе графа[16].

Таковы мнения современников — по-своему односторонние, но чем их больше, тем нагляднее и достовернее получается общая картина. И вот уже на основе многих свидетельств и воспоминаний возникает объективная точка зрения историка:

«Храбрый военачальник, кумир солдат, Милорадович не отличался ни гениальностью, ни особенно просвещенным умом; но это был, в полном смысле, боевой генерал и *прекрасный исполнитель* на поле битвы самых опасных и важных поручений главнокомандующих… Недаром же так высоко ценил его гениальнейший из наших полководцев Суворов; не напрасно же оказывал к нему самую нежную приязнь старик Кутузов… Не чуждый некоторых недостатков, тщеславия, мотовства и самонадеянности, Милорадович тем не менее и как человек заслуживал вполне любовь и уважение всех знавших его людей: простота в обращении, доброта и своего рода прямодушие были его отличительными свойствами»[17].

«Трудно найти человека, имеющего характер счастливее графа Милорадовича, который рожден, кажется, любимцем всех, кто его знает. Веселый и будто бы несколько беспечный характер его, ласковое, непринужденное обращение, снисхождение ко всякому, а особливо непритворное расположение делать добро

заставляют всех, кто только знает графа Михаила Андреевича Милорадовича, любить и почитать его»[18].

Судьба нашего героя принадлежит одному из наиболее интересных и романтических исторических периодов, предельно насыщенному событиями: Альпийский поход, Аустерлиц, Отечественная война, заговор декабристов… Милорадович был деятельным участником многих из них, ярким и блистательным исполнителем воли государя, главнокомандующего — порой при совершенно невозможных обстоятельствах, так что судьба России несколько раз воистину оказывалась в его руках. Хотя не он завязывал гордиевых узлов, зато часто лишь он способен был их разрубить… Впрочем, в последние две с половиной недели его замечательной жизни все происходило совершенно по-другому.

Понятно, что главным содержанием жизни нашего героя была война:

«Многие, посещая Милорадовича, замечали, что мебели, картины и статуи бывали у него беспрестанно переставляемы с одного места на другое. На вопрос о перемене Милорадович отвечал: "Войны не будет… Мне скучно: я велю все передвигать в доме — это меня занимает и тешит"»[19].

Однако, как военный писатель, знаю, что рассказывать про боевые действия нелегко, да и читать о них достаточно утомительно. Подробное «Die erste Kolonne marschiert… die zweite Kolonne marschiert…»[20] увлекает только специалиста. К тому же представители противоборствующих сторон нередко по-разному трактуют состоявшиеся события — и каждый, даже проигравший, — в свою пользу. Поэтому в описаниях былых кампаний мы также прибегаем к воспоминаниям и запискам, фрагменты которых, пусть просто поставленные в подбор, без особенных комментариев, позволяют составить «мозаичную картину» более объективную, наглядную, увлекательную и понятную, нежели «батальное полотно», предлагаемое учебниками.

Впрочем, достаточно предисловий — пора переходить к делу. «Бог мой!» — как любил говаривать наш Милорадович, рискнем! Мы знаем, то, что нужно, у нас обязательно получится — следует только очень стараться и, понятное дело, не трусить. В конце концов сам граф Михайло Андреевич всегда поступал именно так, ибо страха он вообще не ведал.

«Однажды в разговоре графу Милорадовичу кто-то сказал: "Вы поступили очень смело". Милорадович отвечал ему: "Я иначе никогда не действую, я исполнил свой долг"»[21].

Короткий этот пролог закончим следующей оценкой:

«Монархи русские считали Милорадовича лучшим перлом в своей короне: император Павел — осыпал его крестами, звездами,

лентами; император Александр I, *в довод своего особенного благоволения к отличной службе* Милорадовича, сопричислил его к чинам, состоявшим при своей особе; император Николай, в первые часы по воцарении, в собственноручном письме благоволил назваться его *другому* император Александр II торжественно почтил вековой юбилей со дня его рождения…

Суворов, Кутузов, Барклай — твердо верили в его доблести»[22].

Забыть такую оценку автору просто нельзя: как мы уже сказали, выбранный герой для пишущего и дорог, и любим, и близок.

ЧАСТЬ I
«БУДЕТ СЛАВНЫМ ГЕНЕРАЛОМ…»

Глава первая.
ГЁТТИНГЕНСКИЙ СТУДЕНТ

«Сербы, именуя сами себя Срби или Србли, известны в Европе с шестого столетия по РХ[23]. С того времени распространились они по всей древней Иллирии (нынешним Сербии, Боснии, Герцеговине, Черногории, Далмации, Славонии, Кроации и пр.)»[24].

«Все Милорадовичи по происхождению своему сербы. Они водворились в Южной России в начале прошлого [XVIII] столетия»[25].

«В Сербии было семейство, состоящее из многих сыновей, которые все были в военной службе и на войне. Все они пали и только один уцелел. Возвратясь на родину, первым делом его было помолиться за спасение свое в сражении перед алтарем Всемогущего промысла. Пробыв некоторое время в доме родительском, он опять вернулся в Белград служить своему отечеству. Возвратясь, он был представлен султану, который его спросил: "Ну что же, — родители были довольны увидеть тебя?" — "Я им был мил, а они мне были рады!" — "Ну, так будь же Милорадович!" — ответил ему султан»[26].

«Малороссийская фамилия Милорадович, как показано в свидетельстве правителей и советников республики Рагузской, посредством фамилии Храбреновичев, производит свою фамилию от сербских графов Охмукевичев. Произошедший от сего рода Михаил Ильич Милорадович с братом своим Гавриилом и Александром Ильичом прибыл в Россию в 1711 году»[27].

«…Происходит из рода древнего. Предки его всегда отличались преданностью к России. Один из них, пользуясь большим уважением соотечественников, содержал до 20 тысяч [воинов] и храбро сражался с турецкими войсками за пользы россиян. Признательный Петр I пригласил его в Россию и пожаловал богатыми поместьями в Малороссии»[28].

«Милорадовичи вышли в Малороссию из Сербии около 1713 года, в числе трех братьев: Александра, Михаила и Гавриила. Случилось так: в начале 1711 года Петр Великий, готовясь к войне с турками, искал искусных агентов для возбуждения последних против мусульман. Одним из таких агентов вызвался быть серб Михаил Милорадович. В ответ на предложение Милорадовича — служить царю Головкин, в письме от 3 марта 1711 года, отвечал, что царь, "познав искусство и верность Милорадовича в воинских делах против врагов христианского

имени и святого креста, определил его полковником христианских войск"…»[29]

«Петр I… за военные заслуги пожаловал Михаила Милорадовича Гадячским полковником»[30].

Красиво, романтично и предельно ясно — за исключением, разумеется, мудрого султана, придумавшего фамилию «Милорадович». По призыву царя-реформатора отважные и благородные единоверцы пришли на службу Российской империи, братскому народу… Все так, да не совсем так.

«Видя в Милорадовиче человека способного, царь решил дать ему полковничий уряд в Малороссии, надеясь, что бездомный выходец постарается заслужить эту милость… Прибыв в Гадяцкий полк бедняком, Милорадович поставил себе главной целью — нажиться. В этом отношении полковничьи уряды были самыми выгодными местами для наживы…»[31]

Нет смысла рассказывать о многочисленных злоупотреблениях гадяцкого полковника, которого от всей души ненавидели разоряемые им казаки. Место было более чем «хлебное» — недаром же в 1726 году, «как только умер Михайло Милорадович, младший его брат Таврило немедленно направился в Москву — искать там гадяцкого полковничества»[32]. Это было очень непросто, и удалось ему только с помощью жены — «служительки от двора князя Меншикова». Счастье оказалось недолгим, уже через два года Гаврилу отрешили от должности и отдали под суд, а в 1730 году он умер, но материальное благосостояние и видное общественное положение «клана Милорадовичей» оказалось обеспечено. Как известно, в России во все времена было гораздо легче выбраться наверх, нежели упасть вниз, — естественно, для этого необходимо вскарабкаться до очень высокого уровня.

Возможно, вслед за тремя легендарными братьями на Русь приехали и другие их родственники, ибо в не очень внятных генеалогических описаниях отец нашего героя именуется внучатым племянником Михаила Ильича. Но есть и иная версия, так сказать, соответствующая положению: «От этого-то Михаила Ильича и произошла та ветвь фамилии Милорадовичей, которая, благодаря заслугам знаменитого генерала Отечественной войны Михаила Андреевича, приобщила графскую корону к своему дворянскому гербу… Единственный сын Михаила Милорадовича от брака его с дочерью генерального есаула Бутовича Ульяной — Степан Милорадович был бунчуковым товарищем[33]»[34].

У Степана, в свою очередь, было шестеро сыновей, из которых нас интересует только один: «Андрей Степанович Милорадович, сын бунчукового товарища Степана Михайловича Милорадовича,

от брака сего последнего с Марией Ивановной Гамалей, родился в царствование императрицы Екатерины I в 1727 году»[35].

Карьеру Андрей Степанович сделал весьма успешную: «…по окончании образования в Киевской духовной академии начал службу в Малороссии и в 1747 году уже получил звание бунчукового товарища; в 1749 году определен поручиком и лейб-компании гренадером[36]. Семилетняя война с Пруссией доставила ему случай явить первые опыты храбрости, и он приобрел несколько чинов на поле чести, в сражениях при Пальциге, Кунерсдорфе и при осаде Кольберга»[37]. «Участник турецких войн Екатерининской эпохи и кавалер ордена святого Георгия 3-й степени, достиг высокого положения наместника Малороссии»[38]. Скончался он в 1798 году, в чине генерал-поручика.

Работая над биографией, нередко задаешься вопросом: что именно легло в основу того или иного блестящего жизненного успеха, что подтолкнуло произошедшие события? Как-то не верится, что стремительный взлет человека — пусть даже очень талантливого, деятельного и работоспособного — начался ни с того ни с сего. Мол, просто разглядело его мудрое начальство… В обыденной жизни начальство чаще всего двигает посредственность, с ней спокойнее.

Время сглаживает подробности и детали, а потому столь интересно узнавать потаенный смысл событий…

Вот дневниковые записи статского советника Якова Яковлевича Штелина о дворцовом перевороте 1762 года: «4 часа пополудни [29 июня]. Приезд в Ораниенбаум генерал-лейтенанта Суворова и Адама Васильевича Олсуфьева с отрядом гусар и конной гвардии. Голштинский генералитет, со всеми обер- и унтер-офицерами и прочими войсками, отдают им свои шпаги и тесаки, после чего их объявляют пленными и заключают в крепости…

30-го числа в 3 часа пополудни. Василий Иванович Суворов делает общую перекличку всем офицерам и нижним чинам. Из них русские, малороссияне, лифляндцы и прочие здешние ранжируются на одну сторону и приводятся к присяге в дворцовой церкви, а голштинцев и других иноземцев ведут к каналу, сажают там на суда и перевозят в Кронштадт.

2 июля. Гусарский полковник Милорадович составляет именной список обер- и унтер-офицерам и перечневый — рядовым и назначает к квартирам офицеров по их желанию охранный караул из гусар»[39].

Переворот, случившийся еще до рождения будущего графа, сам по себе интереса для нашего повествования не представляет,

однако именно он свел двух людей, которых впоследствии прославят их сыновья. Очевидно, степень причастности генерала Василия Ивановича Суворова к заговору была достаточно велика — недаром же его сын Александр, еще в январе 1762 года командированный в столицу из действующей армии, в августе был произведен в полковники и принял под свою команду Астраханский пехотный полк. Астраханцы несли караульную службу в Санкт-Петербурге в то время, когда Екатерина II короновалась в Москве.

Законных прав на российский престол Екатерина Алексеевна не имела, и цареубийство отнюдь не вызывало того всенародного одобрения, о котором писала сама императрица: «Целый день продолжали раздаваться среди народа крики радости, и беспорядков вовсе не было… В течение следующих двух дней радостные крики продолжались, но не было ни излишеств, ни беспорядков, вещь весьма необыкновенная в таком большом волнении»[40]. Свержению Петра III радовалась только определенная часть столичного общества, а к остальной массе вполне применимо пушкинское: «Народ безмолвствует», хотя и сказанное совсем по иному поводу. К тому же вблизи Петербурга, в Шлиссельбургской крепости, был заключен законный государь Иван VI — Иоанн Антонович. В такой обстановке столицу империи можно было доверить только самому надежному человеку. Знать, Екатерина Алексеевна крепко верила в генерала Суворова, раз перенесла это доверие и на его ничем в то время не прославленного сына, которому затем, как известно, благоволила всю свою жизнь.

Выяснить, какие чувства и угрызения совести испытывали участники дворцового переворота, равно как и все причастные к оному, нельзя ни по документам, ни по мемуарным свидетельствам. Подобные тайны уносят с собой в могилу, но они же связывают друг с другом живущих. Не случайно, видимо, Андрей Милорадович подружился с Суворовым-младшим, почти своим ровесником, — а то уж слишком просто выглядит все в официальных биографиях: «Со времени поступления Андрея Степановича Милорадовича под начало Суворова между начальником и подчиненным завязались приятельские отношения»[41]. Пройдет время, и Александр Васильевич станет патронировать Михаилу Милорадовичу, который под его командованием вступит на боевое поприще.

Есть версия, что великий полководец предсказал нашему герою его блистательную судьбу. «Суворов, видя Михаила Милорадовича ребенком в доме друга своего Андрея Степановича Милорадовича, сказал ему о сыне: "Милорадович будет славным

генералом"»[42].

Было так или не было — вопрос спорный. Возможно, те же слова Суворов говорил всем своим друзьям и сослуживцам, да только их сыновья или военными не стали, или в службе не преуспели, а потому несбывшееся пророчество забылось… Сохранилось ведь еще одно суворовское предсказание: «Давыдов, как все дети, с младенчества своего оказал страсть к маршированию, метанию ружьем и проч. Страсть эта получила высшее направление в 1793 году от нечаянного внимания к нему графа Александра Васильевича Суворова, который при осмотре Полтавского легкоконного полка, находившегося тогда под начальством родителя Давыдова, заметил резвого ребенка и, благословив его, сказал: Ты выиграешь три сражения! Маленький повеса бросил псалтырь, замахал саблей, выколол глаз дядьке, проткнул шлык няне и отрубил хвост борзой собаке, думая тем исполнить пророчество великого человека»[43].

Так писал в «Некоторых чертах из жизни Дениса Васильевича Давыдова» легендарный поэт-партизан, коего мы не раз еще встретим на страницах нашего повествования. В его же «Встрече с великим Суворовым» слова гениального полководца выглядят иначе: «Это будет военный человек; я не умру, а он уже три сражения выиграет!»[44] Как бы то ни было, в год смерти генералиссимуса Давыдов еще только стал юнкером, да и выигранных сражений в его биографии не было — только отдельные стычки с неприятелем…

Итак, «…граф Михаил Андреевич Милорадович родился в год, славный победами, 1770-й, когда Суворов пожинал лавры на полях Оттоманских; а через двадцать восемь лет Милорадович, в чине генерал-майора, уже сопутствовал Суворову в Италии»[45].

Звучит красиво, однако на самом деле все было совершенно не так.

Во-первых, «…год рождения графа Михаила Андреевича по актам неизвестен, хотя за наиболее достоверное мы принимаем 1 октября 1771 года»[46], — указывал известный военный историк, и, действительно, именно 1771 год считается датой рождения Милорадовича.

Во-вторых, Суворов тогда еще ни с какими турками не воевал. «За весь 1770 год ему только дважды — под Опатовым и Наводницею — удалось захватить и разбить жестоко польские банды… Суворов начинает усиленно хлопотать о переводе его в армию против турок… Перевод не состоялся, и Суворову вместо боевых подвигов пришлось заняться устройством карантинов, перекапыванием дорог на своем участке и т. п., в виду появления в тылу главной армии заразительной болезни, вроде чумы»[47].

Так что на Дунае Александр Васильевич оказался только в 1773 году.

Кстати, не лишним будет заметить, что Суворов был произведен в генерал-майоры лишь 1 января 1770 года, когда ему было уже 40 лет. По тем временам достаточно поздно. Хотя его 44-летний друг Андрей Степанович тогда вообще пребывал в бригадирском чине — между полковником и генералом — и сражался с турками, командуя бригадой из Ярославского и Севского пехотных полков.

Неясности с датами рождения казались тогда делом обыкновенным. «Михаил Андреевич родился в 1770 году. По обычаю того времени, он,

> Как богатых бар потомок,
> Был сержантом из пеленок», —

писал в биографическом очерке Николай Семенович Лесков[48]. Ошибившись в дате рождения, великий русский писатель упоминает и не совсем точные по сути слова безвестного стихотворца: по-настоящему богатые баре записывали своих потомков в гвардию. Все дело было в том, что, согласно соответствующему указу Петра Великого, никто не мог стать офицером, не пройдя солдатской службы. Однако вскоре отцы дворянских недорослей придумали записывать своих чад в полки с рождения — а то и еще раньше, так что те, подрастая в своих поместьях, числились на действительной военной службе, получали чины и к совершеннолетию выходили в офицеры. Андрей Степанович записал сына в некий армейский полк, а в какой именно — сведений не имеется. Вообще, о начале жизни будущего графа известно очень мало. Матерью его была племянница белгородского епископа — Мария Андреевна, урожденная Горленко, а родился он вроде бы на Украине. По крайней мере, в формулярном списке штаба Отдельного гвардейского корпуса указано, что Милорадович происходил «из дворян Полтавской губернии»[49].

Рождение сына оказалось для Андрея Степановича счастливым знамением: как раз в эти дни он наконец-то был произведен в генералы, а 22 октября 1771 года фельдмаршал П.А. Румянцев докладывал императрице Екатерине II:

«Того же дня [20 октября] на рассвете генерал-майор Милорадович своими, сперва легкими действиями, служившими к обращению на себя внимания, одержал поверхность над неприятелем при городе Мачине, а 21-го числа, переправившись с корпусом на сопротивный берег, атаковал неприятеля в его

Мачинском лагере и, выгнав оного, овладел городом, знатным числом пушек и всем тут бывшим военным снарядом»[50].

Успех был серьезный — «об этой победе императрица Екатерина II даже сообщала в письмах Бьелке и Вольтеру»[51].

Затем, в составленном для государыни обзоре кампании 1771 года, граф Румянцев писал так: «Генерал-майор Милорадович подвигнут был до того наибольшим желанием подать собою пример храброго и преусердного службе офицера, что, изнемогая обложною и жестокою болезнью, стремился однако ж со всею доброю волею исполнить свою экспедицию»[52].

В общем, сын рос, отец воевал, и эти события до определенного времени не имели между собой никакой связи.

Между тем отношения Андрея Степановича с Суворовым, громившим мятежных поляков, оставались самые дружеские, о чем свидетельствуют сохранившиеся короткие письма полководца, подобные следующему:

«Милостивый Государь мой Андрей Степанович.

При отъезде моем цалую Вас! Не забудь меня. Благодарствую Ваше Превосходительство за Вашу благосклонную дружбу. Остаюсь с совершенным почтением

Милостивый Государь мой

Вашего Превосходительства

покорнейший слуга

Александр Суворов»[53].

Вскоре генералы встретились на Балканском театре военных действий и оказались вполне достойными друг друга: «Героями сражения при Козлуджи[54] бесспорно можно назвать Суворова, Озерова[55] и Милорадовича. Поражение неприятеля было полное и, чтобы воспользоваться последствием победы, необходимо было продолжать наступление к Шумле и разбить визиря с остатками его армии»[56].

«В награду за войну 1771—1774 годов Милорадович, между прочим, в день мирного торжества, в силу статуса, получил орден святого Георгия 3-й степени, а кроме того — село Вороньки в Лубенском уезде»[57].

Ну вот, подвиги отца напрямую коснулись сына: это были те самые Вороньки, об украшении и усовершенствовании которых Михаил Андреевич заботился всю жизнь, куда мечтал уехать после отставки, чтобы на покое провести последние годы своей бурной жизни… Не сбылось!

Тем временем карьера старшего Милорадовича уверенно шла по восходящей линии.

«В 1779 году Милорадович произведен был в генерал-поручики и вскоре назначен правителем только что учрежденного

Черниговского наместничества, которым управлял более 15 лет и был единственным, так как подобное наместничество существовало сравнительно недолго и было заменено учреждением Малороссийской губернии»[58].

И еще такой момент, который, возможно, является очередной легендой, хотя о нем пишут все биографы графа:

«Чтобы показать, как любил Андрей Степанович Милорадович своего единственного сына Михаила Андреевича, достаточно сказать, что, получив орден святого Александра Невского, он просил императрицу вместо этой награды перевести его сына из армии в лейб-гвардии Измайловский полк. Екатерина согласилась, и Михаил Андреевич был записан в Измайловский полк, а Андрею Степановичу вскоре вторично пожалована была Александровская лента»[59].

Различные просьбы о замене награждения действительно случались, хотя и не часто — несколько реже, чем о них рассказывалось… К тому же государи нередко выполняли просьбу, не отменяя и награды.

«16 ноября 1780 года он зачислен подпрапорщиком в лейб-гвардии Измайловский полк, то есть любимейший полк императрицы Екатерины II, так как измайловцы были первые, по времени, ее сторонники при вступлении ее на престол»[60].

Утверждение насчет любимого полка императрицы весьма сомнительно. Измайловцы, хотя и первыми поддержали мятежную жену императора Петра III — кстати, только потому, что полк ближе всех прочих находился к Петергофскому тракту, по которому следовала в столицу Екатерина Алексеевна, — однако никакого последующего значения в полковой истории этот факт не имел.

Впрочем, более подробный рассказ о лейб-гвардии Измайловском полку и об измайловцах у нас впереди…

«Не находясь еще на действительной службе, юноша Милорадович 4 августа 1783 года произведен в сержанты»[61].

Думается, здесь будет не лишним разъяснить непростую систему унтер-офицерских чинов, существовавших во второй половине XVIII столетия.

«Ближайшими помощниками ротного командира являлись, конечно, все субалтерн-офицеры[62] и все унтер-офицеры… Унтер-офицеры состояли из сержантов, подпрапорщиков, каптенармусов и фурьеров.

Число сержантов в роте находилось в прямой зависимости от числа ее рядов, и их полагалось от трех до четырех, но налицо обыкновенно было всегда не более двух, так как остальные бывали или в отпусках и командировках, или же рапортовались

больными. Старший из сержантов в роте выполнял должность, соответствующую обязанностям нынешнего фельдфебеля…

Затем, с 1762 года, по повелению императора Петра III, является в роте фельдфебель, который утверждался в этом звании не иначе, как по выбору Его Величества, а число сержантов в каждой роте было сокращено до двух.

За сержантом в ротном управлении следовал подпрапорщик. До 1730 года всякий унтер-офицер, чтобы достичь звания сержанта, должен был предварительно быть произведенным в подпрапорщики; но с этого года начали производить в сержанты прямо из унтер-офицеров, а подпрапорщика получал лишь тот, кто подавал надежду быть офицером своего полка. При Екатерине II в этот чин производились только дворяне, дежуря и исполняя другие обязанности службы наравне с унтер-офицерами…

На обязанности сержанта лежало обучение чинов роты фронта. По хозяйственной же части прямым помощником ротного командира был каптенармус. Он заведовал ротной амуницией, обмундированием и обувью.

К самому младшему унтер-офицерскому чину можно отнести фурьера. Их полагалось по одному на каждую роту. В строю фурьер исполнял должность жалонера[63], по внутреннему же управлению роты — каптенармуса.

…Когда же в 1762 году эта отрасль перешла в руки каптенармусов, они, наравне с прочими унтер-офицерами, стали как бы помощниками фельдфебеля.

Что же касается капралов, то они хотя и не были унтер-офицерского звания, но считались непосредственными начальниками своей части. Капралов в роте полагалось по числу капральств. Это число в описываемую эпоху менялось от четырех до шести»[64].

Итак, двенадцати лет от роду Михаил стал сержантом славного лейб-гвардии Измайловского полка. При том сын правителя Черниговского наместничества отправился отнюдь не в Санкт-Петербург, где квартировала немногочисленная тогда по своему составу Российская императорская гвардия, но поехал в Европу — получать образование.

* * *

«Публичных ученых заведений тогда в России почти не было, был только в Петербурге Кадетский корпус, и в Москве университет, но ни в тот, ни в другой высшее дворянство детей своих не отдавало, основываясь на предрассудке или на

некоторых предубеждениях против сих заведений, может быть, и несправедливых… И так почти все дворянство воспитывалось дома, кроме весьма малого числа богатейших, посылаемых в чужие края»[65].

«Сперва обучался он в Кёнигсбергском университете, под руководством знаменитого Канта, потом провел два года в Гёттингене, откуда для усовершенствования в военных познаниях послан родителем в Страсбург и Мец, где особенно прилежал в фортификации и артиллерии»[66].

Спору нет, звучит все это прекрасно. Теперь, по логике вещей, следовало бы рассказать о прославленных учебных заведениях, о знаменитых профессорах и особо об Иммануиле Канте, основоположнике немецкой классической философии, — однако известно, что девять проведенных в Европе лет не оставили в душе и памяти Михаила сколь-либо заметного следа.

«Михаил Милорадович получил образование за границей, но оно было поверхностным и незаконченным»[67], — тактично говорится в дореволюционной Военной энциклопедии.

«Образование его было самое поверхностное; не видно, чтобы где-нибудь он прошел и кончил курс наук основательно. Напротив того, проведя несколько лет за границей, он не усвоил себе даже основательного знания иностранных языков и, впоследствии, особенно любя говорить по-французски, Милорадович беспрестанно делал самые забавные ошибки»[68].

В общем, пушкинское «с душою прямо Гёттингенской» — явно не про него. Но что делать, ежели наша книга посвящена не философу или поэту, а прославленному военачальнику?

Для нас в данном случае гораздо важнее, что «…за границу Михаил Андреевич отправился с двоюродным своим братом Григорием Петровичем, сопровождаемые дядькой или гувернером Иваном Лукьяновичем Данилевским[69]. Это был Академии Киевской студент богословия, который обязался при поездке в Немецкую землю Григория Петровича обучать его катехизису, наблюдать за уроками, преподаваемыми другими профессорами в университетах, и неотступно следить за нравственностью и поведением своего питомца»[70]. Те же обязанности Данилевский, соответственно, выполнял и по отношению к Михаилу.

С сыном его наставника — Александром Михайловским-Данилевским — судьба впоследствии свяжет Милорадовича на всю жизнь. Какие, однако, интересные «цепочки» выстраиваются уже в самом начале нашей книги: В.И. Суворов — А.С. Милорадович — А.В. Суворов — М.А. Милорадович; И.Л. Данилевский — М.А. Милорадович — А.И. Михайловский-Данилевский… Подобных «цепочек» вытянется на протяжении

этого повествования еще немало… Люди того времени умели не только дорожить дружбой, но и передавать ее из поколения в поколение, а также считали своим долгом помогать сыновьям, племянникам, внукам тех, кого они по-тогдашнему обычаю именовали своими «благодетелями».

Считается, что в европейских университетах двоюродные братья выучились: «…французскому и немецкому языкам — фундаментально, арифметике — всех частей, геометрии, географии, истории, архитектуре гражданской и военной и юриспруденции, а также рисованию, фехтованию и музыке "на скрипицу" и "на клавир"»[71].

За время непродолжительного обучения в военных школах в Страсбурге и Меце — порядка двух месяцев в каждой, «…наш будущий Баярд особенно оказал прилежание в фортификации и артиллерии»[72].

Ну, прилежание — прилежанием, а вот отзыв современника, сражавшегося под командованием Михаила Андреевича в 1812 году, о качестве его военного образования: «Милорадович, по возвышенности духа, был истинный Баярд; по недостатку приготовления, беспечности и избалованному счастью не дорожил наукой. Он совершенно ее не знал; и у него всегда должно быть другому, который бы управлял целою пьесой. Его можно сравнить с хозяином, который дает волю приказчику — всем располагать, но который берет на себя только трудное и опасное»[73].

Приведенная оценка представляется не только образной, но и не однозначной, в чем ее особенная для нас ценность. Стоит заметить, что и в том, и в другом случае Михаила Андреевича уподобляют легендарному благородному французу, «рыцарю без страха и упрека» Баярду (1473—1524) — под этим почетным прозвищем генерал Милорадович был известен как по всей русской армии, так и в самых широких кругах общества.

«По окончании курса военных наук в Меце ездил он в Париж, где был представлен Людовику XVI и королеве Марии-Антуанетте»[74].

Подробности этого представления не известны, но ясно, что ни о каком индивидуальном приеме речи быть не могло — определенно, шестнадцатилетний Михаил находился в числе нескольких десятков счастливцев, удостоенных высочайшего внимания. Но кто бы мог тогда предполагать, что до начала трагических событий, перевернувших судьбы Франции, Европы и всего мира, оставалось уже менее десяти лет? И разве думал тогда гвардейский сержант, что следующий раз он окажется в «столице мира» лишь через три с половиной десятилетия,

приведя сюда свои победоносные полки…

Замечательный русский писатель и историк Николай Михайлович Карамзин во время своего пребывания в Париже в 1790 году не сразу усваивает все историческое значение тех грандиозных явлений, очевидцем которых ему приходилось быть. «Можно ли было ожидать, — недоумевает он, — таких сцен от зефирных французов, которые славились своей любезностью и пели с восторгом: "Для любезного народа счастье добрый государь"»[75]. А что мог предвидеть юный сержант, посетивший Францию за несколько лет до того?

«Обогащенный плодами европейского образования, Милорадович, возвратясь в Россию, был произведен в прапорщики Измайловского полка»[76].

Так судьба Михаила Андреевича соединилась с Российской императорской гвардией.

Глава вторая. ГВАРДЕЕЦ

Гвардия — одна из романтических составляющих давно ушедшей эпохи. В памяти возникают петровские «потешные», подвиги при Нарве, Аустерлице и Кульме, придворные балы и громкие дуэли, дворцовые перевороты, Сенатская площадь… История гвардии — это история Российской империи. Созданные Петром Великим лейб-гвардии Преображенский и Семеновский полки, вынесшие основную тяжесть Северной войны, послужили ядром для формирования и новой армии, и всей государственной машины. Гвардейские солдаты и унтера — как дворяне, так и представители иных сословий — выходили в полевые полки обер-офицерами; офицеры и сержанты ездили с дипломатическими поручениями к иностранным дворам и ревизовали губернии; гвардейские офицеры и генералы могли быть назначены на любую государственную должность. Гвардия охраняла монарха и его семью. Но это была и политическая сила: в XVIII веке государи вступали на трон, опираясь исключительно на гвардейские штыки…

Так, при поддержке гвардии превратилась в самодержавную императрицу племянница Петра I Анна Иоанновна — герцогиня Курляндская. В первый же год своего царствования она учредила два гвардейских полка — Конный и Измайловский, ставший третьим полком в пешей гвардии. «Сформирование полка было поручено генерал-адъютанту графу Левенвольду[77]; ему в помощь был дан шотландец Кейт, а все офицеры были выбраны из прибалтийских дворян. Такое предпочтение немцам было знамением эпохи, так как во главе правления стоял всесильный Бирон[78]»[79].

Данное положение известно всем историкам, и никто из них почему-то никогда не пытался его опровергнуть, механически перенося из книги в книгу. Вот что утверждает наш современник, серьезный исторический писатель: «Принципы формирования Измайловского полка вполне укладываются в прекрасно знакомую историкам традицию деспотических режимов — создание военно-политической опоры на иностранцев»[80].

Но если взять «Список чинам лейб-гвардии Измайловского полка в важнейшие эпохи его существования»[81] и посмотреть записи, относящиеся ко дню основания полка (22 сентября 1730 года), то узнаем, что полковником в нем был граф Карл Густав Левенвольде, подполковником — шотландец Джеймс Кейт, а

кроме майоров Иосифа Гампфа и Густава фон Бирона находим еще Ивана Шилова. Дальше — больше. Капитанами служили Дмитрий Чернцов и Иван Толстой. Капитаны прусской службы фон Тетау и Гордан, а также Штегентиен, барон Бауер, Латур, Лаврентий де Лакруа и Лефорт — не все выходцы из Остзейского края. Если же брать капитан-поручиков, они все великороссы: князья Крапоткин, Друцкой и Волконский, а также дворяне Гурьев, Павлов, Кологривов, Дмитриев, Ильин, Данилов, Дурнов и Рославлев. Исключение составил только Кранман. Командиры рот и субалтерн-офицеры, то есть те, кто непосредственно общался с солдатами и имел на них наибольшее влияние, тоже были русскими.

Вот так разрушается легенда об «остзейском» полку… Теперь обратимся еще к одному общему заблуждению — утверждению, что в гвардии царили самые аристократические, великосветские нравы.

Известный издатель и литератор Фаддей Венедиктович Булгарин, в начале XIX века служивший в Уланском Цесаревича и Великого Князя Константина Павловича полку, вспоминал: «В Кавалергардском, Преображенском и Семеновском полках был особый тон и дух. Этот корпус офицеров составлял, так сказать, постоянную фалангу высшего общества, непременных танцоров, между тем как офицеры других полков навещали общество только по временам, наездами. В этих трех полках господствовали придворные обычаи, и общий язык был французский, когда, напротив, в других полках, между удалой молодежью, хотя и знавшей французский язык, почиталось неприличием говорить между собою иначе, как по-русски… Конногвардейский полк был, так сказать, нейтральным, соблюдая смешанные обычаи; но лейб-гусары, измайловцы и лейб-егеря следовали, по большей части, господствующему духу удальства и жили по-армейски»[82].

К тому же времени относятся воспоминания конногвардейского офицера Мирковича, в будущем — генерала от кавалерии: «Только в двух полках, Преображенском и Семеновском, было тогда более порядочное общество офицеров… Общество офицеров остальных полков было посредственное, так что в общественном мнении армейские артиллерийские офицеры стояли выше гвардейских пехотных. В кавалерии отличались обществом офицеров только кавалергарды и лейб-гусары, куда поступала вся знатная и богатая молодежь. Кроме упомянутых четырех полков, офицерский состав представлял сборище молодых людей, малообразованных и чуждых столичных обществ»[83].

Можно возразить, что такое положение вещей наблюдалось в

армии спустя два десятилетия после описываемых событий, когда и гвардия существенно увеличилась по количеству полков, но сомнительно, чтобы за это время Измайловские офицеры столь «опростились». Наоборот, именно в конце галантного восемнадцатого столетия русское дворянство, к которому принадлежало и все гвардейское офицерство, старалось забыть грубые патриархальные привычки своих предков, спешно приобретая светский лоск и изысканные манеры… Так что Измайловский полк, несмотря на свою принадлежность к старой гвардии, все же был полком несколько иным, нежели Преображенский и Семеновский. Хотя, как можно понять из вышеприведенных воспоминаний Булгарина, и здесь встречались свои аристократы.

«Возвратясь в Россию, Михаил Милорадович имел большой успех в обществе в качестве красивого, ловкого танцора и веселого и остроумного собеседника. Общество наше тогда было очень нетребовательно. Да если припомним Онегина, то и в позднейшие времена у нас:

> Кто по-французски совершенно
> Мог изъясняться и писать.
> Слегка мазурку танцевать
> И кланяться непринужденно.
> То про такого свет решил.
> Что он умен и очень мил[84] —

следовательно, понятно, что милое невежество молодого графа нисколько не помешало ему в свете»[85].

Если учесть, что идет речь о юном гвардейском прапорщике — этот первый офицерский чин Михаил получил 4 апреля 1787 года, — которому, как начинающему офицеру, следовало бы денно и нощно постигать азы службы, то характеристика звучит более нежели оригинально. Но вряд ли автор очерка особо погрешил против истины — свидетельством тому может быть следующий исторический анекдот: «Служа в Измайловском полку прапорщиком, Милорадович услышал, что одного из товарищей его называют лучшим танцором. Милорадович сказался больным, заперся в своей комнате, нанял первого балетмейстера того времени и не выезжал со двора, пока не превзошел в танцах своего соперника»[86]. Забавно!

А вот анекдотов про ревностное отношение Милорадовича к службе на тот период почему-то не сохранилось…

Однако «…было бы слишком поверхностным смотреть на танцы, единственно, как на простое препровождение времени. В

педагогическом отношении танцы не менее, если не более, нужны, чем простая гимнастика. Танцами развивается то, что никакая иная гимнастика дать не может: умение стоять, держать руки, сидеть и ходить по-человечески… Преподавание танцев служит лучшим средством к развитию тела, для поддержания физической и духовной стороны человека в постоянно здоровом и нормальном состоянии. Развивая силу и ловкость, танцы, как и гимнастика, тем самым оказывают благотворное влияние и на духовную сторону человека: они поддерживают спокойное расположение духа, вселяют бодрость, смелость, предприимчивость»[87].

И еще одна легенда — впрочем, ничем не подтвержденная: «Возвратясь при Екатерине из-за границы, он заказал себе триста шестьдесят пять фраков; все тогдашние щеголи напали на него, и он уехал в малороссийскую свою деревню»[88].

Общественный статус гвардейского офицера был тогда чрезвычайно высок. Вот что писал однополчанин Милорадовича Е.Ф. Комаровский[89]: «Ко мне подошел гофмаршал князь Ф.С. Барятинский и сказал мне:

— Вы можете остаться обедать за столом императрицы.

Сие мне было очень приятно. Какой шаг давал в царствование императрицы чин гвардии офицера! Я был тогда наравне со всеми, и мой полковой командир И.И. Арбенев, который в сержантском моем чине не хотел и знать меня, теперь обедает за одним со мной столом, и у кого же — у российской императрицы. После обеда он первый подошел ко мне и просил меня ездить к нему запросто на обед или на вечер, как я хочу»[90].

Кстати, одновременно с Милорадовичем в полку служили известные впоследствии военачальники, герои Отечественной войны 1812 года А.Н. Бахметев[91] и А.А. Бибиков[92], будущие знаменитые государственные деятели А.Д. Балашов[93] и В.В. Ханыков[94], братья С.Л. и В.Л. Пушкины — отец и дядя великого поэта, и многие другие…

Квартировал полк на левом берегу реки Фонтанки, в Измайловской слободе. Здесь «…каждая рота поместилась на особой улице, получившей наименование номера роты. Люди размещены были в просторных светлицах»[95].

«В заботливости своей о гвардии император Петр III задумал построить вместо деревянных светлиц — каменные казармы»[96], но не успел. В 1766 году Екатерина II подписала указ, чтобы «Лейб-Гвардии полкам вместо нынешних деревянных светлиц построить каменные домы»[97], да только и тут не сбылось, так что в каменные здания измайловцы перебрались только при Александре I.

Для полноты картины уточним, что в то время «…у гвардейцев сохранились мундиры без лацканов, отличающиеся цветом воротника по полкам: в Преображенском полку воротник был красный, в Семеновском — светло-синий, в Измайловском — зеленый; в двух последних с 1786 года появилась красная выпушка по краю воротника…

На левом плече мундира нижние чины носили погон с бахромой и вензелем Екатерины: …в Измайловском [полку] погон желтый, вензель красный»[98].

Существовавшие в то время штаты гвардейской пехоты были утверждены еще Петром III, 13 марта 1762 года. (Интересно, что сколь бы ни обвиняли этого несчастного императора во всех грехах и откровенном слабоумии, а также в том, что вся его деятельность носила антироссийский характер, но именно он во многом определил направления и внутренней, и внешней политики Екатерины II.) Согласно этому штату, пешие полки гвардии были «переформированы в двухбатальонные из одной гренадерской и пяти мушкетерских рот в каждом… В гренадерских ротах положено иметь по 179 человек, в мушкетерских по 146; в полку всего 1857 человек с нестроевыми»[99].

В гвардейском полку были «полковник, подполковник, премьер-майор, секунд-майор. Капитанов — 12, поручиков — 12, подпоручиков — 14, прапорщиков — 10. Фельдфебелей — 12, сержантов — 23, каптенармусов — 12, фан-юнкеров или подпрапорщиков — 10, фурьеров — 12, капралов — 72, гренадеров — 300, мушкетеров — 1200, барабанщиков — 26, флейтщиков — 14»[100]. Несколько позже происходило переименование офицерских чинов с сохранением их общей численности.

Вот, очевидно, и все, что можно сказать о начале действительной службы будущего графа и генерала от инфантерии Михаила Андреевича Милорадовича. Обычно ведь об обер-офицерах известно очень и очень мало. Да и вообще, о тогдашнем Измайловском полку мы знаем гораздо меньше, нежели о Преображенском и Семеновском, его более аристократических собратьях.

«К сожалению, за этот период приходится отметить некоторый упадок дисциплины и распущенность при исполнении служебных обязанностей, — говорится в истории лейб-гвардии Преображенского полка. — При полном равнодушии к подобному печальному состоянию со стороны начальствующих лиц, неудивительно, что с каждым днем распущенность эта возрастала. Дело дошло до того, что нередко караульных

офицеров можно было встречать на улице, свободно разгуливавших по-домашнему, то есть в халатах, а их жен, надевавших мундир и исполнявших обязанности мужа. Кутежи и дебоши гвардейской молодежи начали принимать колоссальные размеры…»[101]

«Гвардия составляет позор и бич русской армии; но императрица, которая обязана была ей своей короной, любит ее и потворствует ей, — писал граф Ланжерон[102]. — Офицеры состоят из всего, что есть наизнатнейшего и богатейшего в России среди высшего дворянства, а сержанты принадлежат к дворянству второстепенному.

Вельможи или лица, пользующиеся высокой протекцией, никогда почти не служат в России в обер-офицерских чинах; родители записывают их, в самый день рождения, сержантами в гвардию; в 15 или 16 лет, а иногда и ранее, они становятся офицерами или по старшинству, или по протекции, живут у себя или в Москве, или в деревне; если же они находятся в Петербурге, то лишь едва-едва занимаются службой и, дослужившись до чина капитана, выходят в отставку бригадирами или переходят в армию полковниками»[103].

Перспективная судьба Милорадовича определена здесь достаточно верно. Действительно, не прошло и года, как 1 января 1788-го — «во всей гвардии производство было один только раз в год 1 января»[104] — он был произведен в следующий чин подпоручика гвардии. Это было равно армейскому капитан-поручику или, позднее, штабс-капитану. Михаилу было 16 — в этом возрасте великий Суворов, служивший в Семеновском полку, не стал еще даже и капралом.

…Между тем далеко не всё в пределах Российской империи было так прекрасно, как это казалось. Продолжалась «вторая [Турецкая] война (1787—1791), победоносная и страшно дорого стоившая людьми и деньгами»[105]; весьма неспокойно было в Польше, находившейся в «состоянии маразма и хронической анархии»[106] и неумолимо приближавшейся к своему второму разделу; тучи сгущались еще и на северо-западном направлении. XVIII век начался для России Северной войной со Швецией — теперь становилось похоже, что войною со Швецией он и закончится…

* * *

«Возраставшее могущество России, приобретавшееся ею во время второй Турецкой войны, не могло нравиться Франции и

Англии, которые вследствие этого и не переставали возбуждать несогласия между Петербургским и Стокгольмским кабинетами. Кроме того, шведский король Густав III, "имевший личную неприязнь к императрице Екатерине за ее резкие отзывы о нем и движимый тщеславным чувством проявить себя героем", получив от Турции денежную помощь, в которой ему отказали другие державы Европы, хотел отблагодарить Порту за ее услугу и, "задавшись невероятной мыслью возвратить все прежние приобретения России от Швеции, Густав III не стеснялся в выборе предлога к войне"»[107].

«Шведский король… придравшись к неисправному, по его мнению, салюту русских кораблей шведской эскадре, предъявил России дерзкие требования, а вслед за тем объявил войну. 36-тысячная шведская армия под начальством самого короля вторгнулась в русскую часть Финляндии и осадила Нейшлот»[108].

«Когда началась шведская война, все выдающиеся военные люди находились на юге, в армии Потемкина. Выбор остановился на графе В.П. Мусине-Пушкине[109], хотя о нем сама же Екатерина писала князю Потемкину, что сидел в военной коллегии "аки сущий болван", не "растворяя" уст "ниже муху с носу не сгонит"»[110].

Под стать командующему оказалась и армия, составленная из плохо обученных войск и каких-то случайных формирований — вплоть до Гатчинского батальона цесаревича Павла. В нее был включен и гвардейский отрад. «В состав Финляндского корпуса вошло по одному батальону от каждого полка гвардии, а от Конного — три эскадрона. Еще в начале июня Екатерина, предвидя войну со Швецией, дала повеление полковой канцелярии, дабы один батальон от каждого гвардейского полка был готов к выступлению при первом требовании»[111].

«1-й батальон и часть третьего ходили до Выборга (первый сухопутно, а третий на галерах)»[112], — значится в истории лейб-гвардии Измайловского полка.

Михаил служил в 1-м батальоне и участвовал в походе.

«Сын ваш по внезапному походу, имея нужду в деньгах, просил меня снабдить его 500 рублями, которые я ему и дал, и его и мой поступок не считаю происшедшим против Вашего благоволения»[113], — писал Андрею Степановичу Милорадовичу П.В. Завадовский[114].

Внимание на это письмо следует обратить по двум причинам. Во-первых, в нем, пожалуй, впервые отражена та самая бесконечная проблема, которая пройдет через всю жизнь нашего героя — финансовая. Недаром же скажет он на смертном одре: «Ну, кажется, теперь я расквитаюсь со всеми моими долгами»[115].

Хотя, скорее всего, это легенда, однако об обозначенной проблеме мы будем вспоминать на протяжении всей нашей книги…

Во-вторых, очень интересен сам человек, ссудивший подпоручика деньгами. Петр Васильевич, сослуживец старшего Милорадовича в Турецкую войну, происходил из бедных малороссийских помещиков. Стремительный взлет ему обеспечило внимание Екатерины II, которая предпочла его светлейшему князю Потемкину-Таврическому… Хотя фаворитом Завадовский пробыл очень недолго, он остался в числе высших сановников империи и в 1788 году имел чин тайного советника и возглавлял Государственный банк, будучи притом еще и директором Пажеского корпуса, и председателем комиссии по сооружению Исаакиевского собора — список можно продолжить… Понятно, что этот человек мог оказывать не только материальную поддержку.

Кстати, в отличие от сына Андрей Степанович сразу же рассчитался с долгом, о чем свидетельствует следующее письмо Завадовского, подтверждающее также предположение о «сильной протекции»:

«Возвращенные вами пятьсот рублей я получил и с удовольствием сыну вашему пособлять всегда буду не токмо в нуждах сего рода, но и во всяком другом случае, где помощь моя быть нужна ему может, ибо по старой нашей дружбе всякого добра желаю ему от искреннего сердца. Одну мне только волю Вашу знать притом нужно, какой предел в надобности его положите, и до какой степени одолжения мои по оным быть Вам угодны могут на будущее время, потому что хотя сие лето пройдет у нас считаю без дальнего грома, но, может быть, на будущее продолжится»[116].

Прекраснодушное старшее поколение! Петр Васильевич думал, что деньги нужны Михаилу только на личные военные расходы… Хотя общество тогда жило войною и разговорами о войне.

«Король шведской, если ему удачи не будет, намерен принять веру римско-католическую и жить в Риме партикулярным человеком, — эту фантастическую сплетню записал в своем дневнике 13 июля 1788 года адъютант Потемкина М.А. Гарновский[117], добавляя: — Гвардейские батальоны и эскадроны выступили уже в поход»[118].

Заметим, что вскоре имя Гарновского оказалось теснейшим образом связано с Измайловским полком. На средства, полученные от спекуляций и иного жульничества, полковник выстроил огромный дом на углу Фонтанки и Вознесенского

проспекта. После того как при Павле I незадачливый делец был арестован и помещен в Петропавловскую крепость, а здание, именуемое «домом Гарновского», конфисковано, здесь устроили офицерские квартиры полка…

«Выступив из Петербурга, гвардейский отряд, не доходя Выборга, был остановлен у села Красного, где Татищеву[119] было приказано ожидать дальнейших распоряжений Главнокомандующего. Здесь отряд был усилен гарнизонами из городов, двумя батальонами из неспособных церковных причетников[120] и праздношатавшихся крепостных людей, а также казачьим полком, сформированным из ямщиков.

Вся численность этого корпуса не превышала 14 тысяч человек»[121].

Боевые действия развивались ни шатко, ни валко, хотя тот же Гарновский и записывал в дневнике: «Шведы везде от нас бегут и почти уже все перебрались за реку Кюмень, в свою границу»[122].

«Король шведский, поручив осаду Нейшлота бригадиру Гастферу, сам перешел границу у Аберфорса и направился к Фридрихсгаму. Узнав об этом, Мусин-Пушкин начал стягивать свой корпус к Выборгу и приказал Татищеву с гвардейским отрядом перейти к станции Кнуте и расположиться там лагерем… В начале августа лагерь под Кнуте посетил цесаревич, приехавший в армию из Выборга, чтобы лично обозреть шведские позиции, и 10 числа делал смотр гвардейскому отряду»[123].

«Приезд цесаревича в армию сопровождался немедленной ссорой с графом Мусиным-Пушкиным; водворившийся в главной квартире разлад поддерживался Штейнвером[124], находившим, кроме того, обильную пищу для критики, сравнивая состояние наскоро собранных в Финляндии войск с порядками, принятыми в гатчинских войсках»[125].

Наследник престола 34-летний Павел Петрович существенной роли в государственной жизни не играл, выхода на авансцену ему предстояло ждать еще долгих восемь лет. Все это время цесаревич продолжал копить ненависть против матери, погубившей его отца и узурпировавшей престол, равно как и против всей созданной ею системы…

Известно, что история развивается по спирали, и при кажущемся повторении драматические события нередко превращаются в фарс. Король мечтал о реванше за Северную войну, отбросившую Швецию на европейские задворки, — но обратного хода для этого недавно еще могущественного государства не было.

«Самонадеянный потомок Карла XII… готовясь овладеть Фридрихсгамом, был остановлен неповиновением собственных

войск. 25 июля шведы исчезли из-под крепости, к немалому удивлению и радости осажденных… Неожиданным образом Густав очутился в оборонительном положении, но граф Мусин-Пушкин, к несчастью, не сумел воспользоваться благоприятными обстоятельствами, и потому поход 1788 года на сухом пути кончился только тем, что шведы очистили только всю занятую ими территорию русской Финляндии»[126].

«Таким образом, участие гвардейских батальонов в походе 1788 года ограничилось только одними движениями»[127].

Вот, пожалуй, весь рассказ о первом годе кампании. Вообще, «война 1788—1790 годов со Швецией прошла бесцветно, серьезных столкновений с неприятелем не было. Наши полководцы Мусин-Пушкин и Салтыков воодушевить своей армии не в состоянии были и не сумели составить смелого и умного плана кампании»[128].

Впрочем, официоз всё может подать в нужном ключе: «Первая война (1788 г.), кроме морских сражений, была оборонительная: четырнадцать тысяч россиян мужественно отразили нападения 36-тысячной армии, которой начальствовал сам король Густав III»[129]. Впечатляет.

* * *

В 1789 году война со Швецией продолжилась, и в ней вновь принимали участие измайловцы — «первый батальон и гренадерские роты»[130], которые на этот раз побывали в нескольких боях. Неизвестно почему, но Милорадович в этот поход не пошел. Неизвестно также и то, как он жил и чем занимался, оставаясь в Петербурге. Зато, судя по приведенным ниже письмам, жил он на широкую ногу, не слишком заботясь о завтрашнем дне.

А.С. *Милорадович — Г.П. Милорадовичу, 25 июня 1789 года:*

«Прошу увидеть жительство сына моего и в чем надобность есть советами Вашими подправить. Сказывают, может быть и правда, пребывание и обороты его в доме подобны как проезжему через город человеку, экономия его без журнала, а сколько на что захватить удается с кармана…»

А.С. *Милорадович — Г.П. Милорадовичу, 30 июля 1789 года:*

«При сем решился я с крайним неудовольствием послать к Михаилу Андреевичу семьсот пятьдесят рублей, да пред сим мною выданным многим числом сверх определенных в годовое содержание полторы тысячи рублей. Вы, любезный друг, увидите из письма к нему, что сие сделано от меня в последнее…»[131]

Вопрос: 1500 рублей — это много или мало? Обратившись к истории Преображенского полка, можно узнать, что в 1780—1799 годах подполковник гвардии получал в год 1556 рублей, а подпоручик, каковым был тогда Михаил Андреевич, — 192 рубля[132]. Тут уже все понятно.

А вот еще одно послание, на сей раз уже — Андрею Степановичу.

П.В. *Завадовский — А.С. Милорадовичу, 14 октября 1789 года:*

«Сын ваш имел необходимость заплатить в роту, в сем не его вина, а случай непредвиденный приключил таковой убыток. На сию нужду дал я ему семьсот рублей, не затрудняясь: раз потому, что в образе его жизни не вижу мотовства, во-вторых, что без расплаты нельзя бы ему отъехать и пользоваться свиданием с родителем»[133].

Письмо это вызывает определенные сомнения и даже заставляет подозревать нашего героя в лукавстве — что это за убыток, который нужно оплатить немедленно? Подобное было не в духе того времени, когда процветало казнокрадство, узаконены были «безгрешные доходы» — за счет экономии на снабжении людей и лошадей, а при сдаче полка, батальона или роты нередко вскрывались воистину фантастические злоупотребления. Но можем ли мы сегодня понять то, в чем не сумел или не пожелал разобраться Завадовский? Так что оставим подозрения при себе. Тем более, думается, что на службе у Михаила все было хорошо — недаром же 1 января 1790 года 18-летний Милорадович был произведен в поручики гвардии. В этом чине он и отправился в новый поход.

«В 1790 году 1-й и 2-й батальоны с гренадерской ротой и егерской командой снова двинулись в поход, под начальством лейб-гвардии Измайловского полка секунд-майора Арбенева, в Финляндию и направились на Вильманстранд»[134].

«Хотя императрица не желала обидеть графа Мусина-Пушкина, "понеже я ему персонально обязана", но терпение государыни все-таки истощилось. В 1790 году командование войсками, действовавшими в Финляндии, было поручено барону Игельстрому[135], под главным начальством графа Ивана Петровича Салтыкова[136]»[137].

Боевые действия той кампании заключались в нескольких эпизодах, причем не все из них оказались удачны для русских. Но все же «3 августа 1790 года мир был заключен между Россией и Швецией, военные действия в Финляндии прекратились, и гвардейским батальонам было предписано прямыми путями возвратиться в Петербург. В начале сентября месяца они все уже были на своих местах в столице»[138].

Хотя роль Милорадовича в этих двух кампаниях совершенно неизвестна, однако биографы графа могли с полным основанием утверждать, что «в первых обер-офицерских чинах молодому гвардейцу довелось, как говорится, понюхать пороху: он участвовал в двухлетней войне со Швецией»[139]. Этот факт записан и в его формулярном списке.

Последние годы царствования императрицы Екатерины II — времена для России не лучшие. Вся придворная жизнь вращалась вокруг ее фаворита — генерал-фельдцейхмейстера светлейшего князя Платона Зубова (1767—1822), по возрасту своему бывшего всего лишь на четыре года старше Михаила Милорадовича. Все, кто мог себе это позволить, — крали. Структуры, созданные Петром I и той же Екатериной II в лучшую пору ее царствования, разваливались. Между тем стороннему наблюдателю казалось, что все замечательно, и многих подобная жизнь вполне устраивала.

Служба в гвардейском полку, открывавшая блистательные перспективы, привлекала очень и очень многих. Достаточно сказать, что «в 1795 году в Измайловском полку находилось две тысячи унтер-офицеров и две тысячи рядовых»[140]. Это вместо 1857 нижних чинов — с нестроевыми — по штату.

«Все общество в последних годах ее царствования утопало в роскоши, и прежняя дешевизна была совершенно забыта. Торговцы и магазинщики не знали пределов тех цен, которые они назначали для покупателей, видя изменение мод и фасонов чуть ли не ежемесячно. К этому времени от всякого порядочного человека, а в особенности от офицера гвардии требовались прежде всего "изящная внешность и одежда с прическою"… Кутежи и дебоши гвардейской молодежи начали принимать колоссальные размеры. Не было конца рассказам о выбитых окнах, о купчихах, до полусмерти напуганных гвардейцами, и проч.»[141].

Вряд ли вся эта знаменитая «гвардейская лихость» помогала службе. «В 1793 году приехал в Петербург князь Н.В. Репнин[142]; он вступил в командование Измайловского полка и сделал смотр оному. Князь нашел полк так запущенным, что приказал составить образцовую команду…»[143]

Составили, показали пример всем прочим. А «в 1794 году возникло в Польше безначалие: Российские войска, находившиеся в Лифляндии и в Минской губернии, были подчинены князю Репнину»[144], который отправился в Польшу «и восстановил там тишину». Понятно, что «образцовая команда» приказала долго жить, что вряд ли кто заметил…

Непримиримым противником происходящего был великий

князь Павел Петрович.

«Еще до своего вступления на престол император Павел I имел предубеждение к Екатерининской гвардии, так как, по его понятиям, все шло вразрез с требованиями военного быта… Что особенно его возмущало — это изнеженность и роскошь, господствовавшие в то время между офицерами гвардии, которые довели то и другое до такой степени, что ходили по улицам в шубах с муфтами и выезжали из дома не иначе, как в рыдванах, запряженных четвернею цугом и с гайдуками на запятках»[145].

Цесаревич представил своей державной матери записку с предложениями о реорганизации гвардии: «Гвардию нахожу весьма великой и весьма неспособной ко всякому делу… Вовсе быть без нее нельзя, ибо как достоинство, обычай, так и привычка глаз всех делают ее необходимой, ибо в безделицах опасно идти против обычая и привычки. Разве не чувствительным образом… Для всего сего мысль моя о ней такова. Оставить названия всех полков и мундир оных, но довести пехотные три [полка] нижеследующим образом для того, чтоб под всяком не было более баталиона, составленного из гренадерской и четырех мушкетерских рот, и так сохранится сим обычай имен… А дабы дух своевольный вывести из нее, раздающийся от праздной и одноместной жизни, то каждый год посылать их в разные места с прочими на ревю, и сим средством будут они от марта месяца до августа в походе, в сии пять месяцев не до своевольства будет, а остальные семь пройдут в отдыхании да в сборах. Конную [гвардию] же можно оставить, как и была, ибо оной не много, с некоторыми только переменами. Офицеров же гвардии производить, как и ныне, но наличных, а тех, которые вновь производиться будут, то жаловать армейскими прапорщиками и вести армейскими чинами»[146].

Никакого действия записка эта не возымела.

Павла I до сих пор изображают сумасшедшим тираном, что было выгодно и англичанам, которых пугал союз Российской империи и Французской республики, и нашим соотечественникам, коим очень не нравились реформы, направленные на наведение порядка и централизацию власти. Конечно, его характер весьма испортился за время правления матушки, но идиотом он не был, это уж точно.

«Как-то цесаревич Павел Петрович пожелал видеть Суворова; тот вошел к нему в кабинет и начал проказничать. Цесаревич сурово его остановил и сказал: "Мы и без этого понимаем друг друга"»[147]. Слова эти подтвердятся впоследствии…

«В августе месяце 1796 года вздумалось офицерам нашего полка дать праздник своим знакомым, и для того наняли дачу по

Петергофской дороге… Барону Г.А. Строганову поручено было украшение залы и ужин. На меня возложили полицейскую часть на счет приезда и разъезда экипажей. Несколько офицеров назначены были для приема гостей, коих было до 150 особ; вся дача была иллюминована, и в заключение праздника сожжен был огромный фейерверк, и когда в щите загорелся вензель императрицы, со всего полка собранные барабанщики били поход, и полковая музыка играла. Праздник вообще был прекрасный, и долго о нем говорили»[148].

Очевидно, для офицеров лейб-гвардии Измайловского полка это было последнее яркое событие Екатерининской эпохи.

* * *

Все изменилось в одночасье. «Вечером [5 ноября 1796 года] около девяти часов цесаревич с великой княгиней Марией Федоровной прибыли в Зимний дворец, наполненный людьми всякого звания, объятыми страхом и любопытством и ожидавшими с трепетом кончины Екатерины. У всех была дума на уме, как замечает современник и очевидец, что теперь настанет пора, когда и подышать свободно не удастся. Великие князья Александр и Константин встретили родителя в мундирах своих гатчинских батальонов… Хотя Екатерина еще дышала, но уже чувствовалась близость новой злополучной эры!»[149]

Новая эра началась на следующий день.

«Почти никогда перемена на российском престоле не вела за собой таких изменений в жизни русской армии, как последовавшее 6 ноября 1796 года восшествие на престол императора Павла I»[150].

«В минуту восшествия императора Павла I на престол, как следует, всем войскам приказано было присягать на своих полковых местах, а роту гренадер послать во дворец за знаменами, где они всегда находились; тогда же нам объявлено было, что император принимает на себя звание полковника Преображенского полка, наследника, великого князя Александра Павловича назначает полковником Семеновского полка и военным губернатором петербургским, Аракчеева[151] — комендантом, а великого князя Константина Павловича — полковником Измайловского полка. Полк наш собрался на большом проспекте, который идет мимо церкви[152]. Первый, посланный из дворца, ошибкою сказан, что полк должен идти на Дворцовую площадь. Мы уже и прошли несколько улиц, как бывший наш секунд-майор Кушелев встретил нас, возвращаясь из

дворца, и воротил назад. Весь полк пустился бежать на парадное место…»[153]

Как видно, все начиналось с неразберихи, однако Павел Петрович постарался быстро навести порядок во всей империи. Он «…вступил на престол с твердым намерением исправить во всех отраслях управления вкравшиеся злоупотребления и недостатки»[154]. Прямой наследник императора Петра III, Павел всю свою сознательную жизнь готовился царствовать — чувство это подогревало в его сердце его окружение. Теперь ему было 42 года, и он очень спешил…

«Император Павел I, следуя обычаям своих предшественников, на другой день после кончины Екатерины II, изволил назвать себя полковником гвардейских полков и присоединил еще титул шефа и предоставил полковничье звание и другим членам своей августейшей Фамилии. Пароль, отданный Великим Князем Александром Павловичем 7 ноября 1796 года, гласил: "Его Императорское Величество Павел Петрович принимает на себя шефа и полковника всех гвардии полков"»[155].

«На другое утро, 7 ноября, император начал обычное гатчинское препровождение времени, перенесенное теперь в Петербург. В девятом часу Павел Петрович совершил первый верховой выезд по городу в сопровождении цесаревича Александра Павловича, а затем, в одиннадцатом, присутствовал при первом вахтпараде или разводе. С этого дня вахтпарад приобрел значение важного государственного дела и сделался на многие годы непременным ежедневным занятием русских самодержцев»[156].

Столичные жители этого поначалу не поняли и не оценили.

«Достойно примечания, что народу на площади было очень мало, и сие небывалое зрелище в Петербурге, — чтобы сам император, едва вступивший на престол, присутствовал при разводе, — никакого приметного действия не произвело, и как будто это всегда случалось. Император был разводом нашим доволен и изъявил свое благоволение, что нас очень ободрило, а радость великого князя была неизреченна»[157], — вспоминал полковой адъютант лейб-гвардии Измайловского полка Евграф Комаровский.

Лихорадочное нетерпение угодить новому монарху — это очень по-русски! — охватило ближайшее окружение государя.

«На другой день был тоже развод Измайловского полка, и великому князю [Константину] хотелось, чтобы некоторые командные слова были уже по-гатчински, и чтобы все офицеры имели на параде трости и с раструбами перчатки. Когда я к нему явился в 5 часов утра, он мне приказал тотчас отправиться

искупить сии вещи, и чтобы они находились на полковом дворе, а он туда приедет в 8 часов; развод же назначен был в 11. Сия комиссия была самая затруднительная, ибо где найти столько тростей и перчаток, и когда еще все лавки заперты, а в ноябре месяце рассветает только в 7 часов по полуночи. Я просил его высочество, чтобы он пожаловал несколько из своих ездовых в мое распоряжение, на что он согласился; я разослал их по всем перчаточникам, а сам поехал по Гостиному двору. К счастью моему, лавочникам в эту ночь что-то не спалось: все лавки были открыты очень рано, и мне удалось вовремя исполнить поручение, чем великий князь был очень доволен. Правду сказать, что офицеров при полку было налицо тогда очень немного…»[158].

Только что казалось, что Россия благоденствует «под се-нию Екатерины», — и вот уже все сразу спешно перестраивается на Павловский, гатчинский лад. Конечно, привыкать к новым требованиям было очень нелегко.

«По принятии же престола императором Павлом I, тотчас заведены были вахтпарады по примеру прусских, как были в Гатчине. Как никто из гвардейских офицеров не имел понятия об оных, то в первые дни их императорские высочества, также комендант, плац-майор и плац-адъютанты водили офицеров за руки для показания каждому своего места. Вообще вся служба изменилась»[159].

Заветной мечтой Павла Петровича была совершенная реорганизация гвардии и введение во всей армии новых порядков, уже примененных им в своей так называемой гатчинской армии. Новые правила должны были не только изменить службу, обмундирование и т. д., но касались даже частного образа жизни военнослужащих. На первом же вахтпараде, происходившем в первый день царствования, были объявлены некоторые из этих правил. Прежде всего, ни один офицер ни под каким предлогом не мог являться нигде иначе как в мундире; офицерам запрещалось ездить в закрытых экипажах, а дозволялось только ездить верхом или в санях и дрожках; предписывалось всякому носить пудру, косичку или гарбейтель…

Новый государь не только вводил новые правила, но и привел новых людей. В первую очередь — так называемых «гатчинцев».

«Император Павел I, будучи великим князем и генерал-адмиралом, имел при себе в Павловске и Гатчине несколько батальонов морских, которые одеты были и выучены совершенно по образцу Фридриха II; из сих батальонов сформированы были также несколько эскадронов тяжелой и легкой кавалерии. Сие маленькое войско должно было служить образцом всей русской армии при вступлении Павла I на престол — что в сем случае

немедленно и исполнилось»[160].

«На четвертый день после восшествия на престол императора Павла мы видели зрелище совсем нового для нас рода, это было вступление гатчинских и павловских батальонов в Петербург. Войска одеты были совершенно по-прусски, в коротких мундирах с лацканами, в черных штиблетах[161], — на гренадерах шапки, как теперешние Павловского полка, а на мушкетерах маленькие треугольные шляпы без петлиц, а только с одною пуговкой. Офицеры одеты были все в изношенных мундирах, а так как цвет их был темно-зеленый и, вероятно, перекрашен из разноцветных сукон, то все они полиняли и представляли вид пегий… Когда войска вошли в алиниеман на Дворцовой площади, император сам сказал:

— Благодарю вас, мои друзья, за верную ко мне вашу службу, и в награду того вы поступаете в гвардию, а господа офицеры чин в чин»[162].

Так совершилось слияние гатчинских войск с гвардией.

«Павел Петрович видел… в гатчинских войсках верный залог будущего возрождения российской армии, нуждавшейся, по его мнению, в коренном преобразовании в гатчинском духе»[163].

Павловские военные реформы принято категорически осуждать, несмотря на то, что многое, введенное в конце XVIII века, до сих пор сохранилось в нашей армии. Например, «император Павел поднял значение знамен (до той поры считавшихся амуничной принадлежностью). Он указал знаменам служить бессрочно (до того служили 5 лет)»[164]. Даже нынешние разводы подразделений Президентского полка на Соборной площади в Кремле — не что иное, как Павловский вахтпарад, с неизбежным прусским «гусиным шагом».

Считается, что «…в военном деле вся деятельность Павла I сводится в первую очередь к искоренению реформ ненавистного ему предыдущего царствования»[165], но ведь на то у императора были веские причины.

Император Павел не мог не заметить, что войско, вследствие разных посторонних обстоятельств, далеко не во всех отношениях соответствовало тем строгим началам воинского порядка, которые имел в виду Петр Великий. Императрица в последние годы мало входила в управление полками, предоставив их начальникам полную свободу действий, поэтому каждый полк имел свои порядки, которые менялись с назначением нового командира полка. Определенного не было ничего; управление, хозяйство и служба зависели от произвола. Вкравшиеся беспорядки могли быть искоренены только решительными мерами — солдатский быт нуждался в улучшениях; в дисциплине

недоставало определенности взаимных отношений между военнослужащими. Все это было поводом к тем преобразованиям, которые произведены в войсках императором Павлом I.

За образец он взял прусскую армию, которая по уровню дисциплины, порядка и организованности была лучшей в Европе. Можно вспомнить суворовское «русские прусских всегда бивали», однако армии мирного и военного времени имеют между собой многие существенные различия. Недаром же четыре года спустя, отправляя Суворова в Альпийский поход, «…император Павел, вопреки своим взглядам и принципам, сказал ему: "Веди войну по-своему, как умеешь!"»[166].

Так что стремление «…быстро и круто поставить гвардию и вообще весь военный персонал на ту суровую ступень, которой так гордились войска Прусского строя»[167], отнюдь не было «прихотью тирана», и в деле этом ему должны были помочь верные, испытанные гатчинцы.

«С какой радостью великие князья увиделись со своими сослуживцами, и с какой печалью мы должны были считать их своими товарищами! На всех нас напало какое-то уныние. Иначе и быть не могло, ибо сии новые наши товарищи не только были без всякого воспитания, но многие из них самого развратного поведения; некоторые даже ходили по кабакам, так что гвардейские наши солдаты гнушались быть у них под командой»[168].

«Нечего и говорить, что это малоизвестное "иноземное" войско, служившее до сих пор лишь мишенью для острот и насмешек и ставшее теперь примером для изучения новой службы, не могло быть особенно приятно богатым, знатным и изящным баловням Екатерининского века»[169].

«Дико было видеть гатчинских офицеров вместе со старыми гвардейскими: эти были из лучшего русского дворянства, более придворные, нежели фрунтовые офицеры; а те, кроме фрунта, ничего не знали; без малейшего воспитания, и были почти оборыш из армии… Однако ж несколько было из них и благонравных людей, хотя без особливого воспитания, но имеющих здравый рассудок и к добру склонное расположение»[170].

Нетрудно понять, что конфликт между гвардейцами и гатчинцами состоял не в принадлежности к «военным школам» — суворовской и прусской, или, тем паче, не упирался в национальный вопрос, как это было с несчастными голштинцами Петра III, — отправленные на родину, они утонули в бурных водах Балтийского моря во время кораблекрушения… Нет, здесь, скорее, был конфликт между старинным родовым и новым

служилым дворянством, появившимся при Петре I и постепенно оттеснявшим аристократию от вершин управления государством. Впрочем, умные аристократы понимали, что в таковых условиях они должны не полагаться на свои громкие имена и заслуги предков, но просто ни в чем не уступать неофитам.

«Сии пришлецы, которые навсегда сохранили название гатчинских офицеров, никогда не смешивались с нами; но они были нашими учителями. Я прилежно занялся службой и вскоре признан был хорошим фрунтовым офицером», — вспоминал семеновец князь Щербатов[171].[172]

Но большинству гвардейцев заниматься экзерциями не хотелось.

«Однажды вечером потребован я был прямо к государю, — вспоминал полковой адъютант лейб-гвардии Семеновского полка князь Волконский[173], — прибыв, нашел в передней товарищей своих, адъютантов полков лейб-гвардии Преображенского — Толбухина, Измайловского — Комаровского и Конной гвардии — Н.Н. Леонтьева, которые тоже были требованы к его величеству; всех нас позвали вместе к его величеству; государь, подошед к нам, сказал:

— Господа, до меня доходят слухи, что господа офицеры гвардии ропщут и жалуются, что я их морожу на вахтпараде; вы сами видите, в каком жалком положении служба в гвардии: никто ничего не знает, каждому надо не только толковать, показывать, но даже водить за руки, чтобы делали свое дело; кто не хочет служить — поди прочь, никого не удерживают, я хочу, чтобы каждый знал свою должность; ежели кто из вас услышит вновь от кого ропот, то приказываю вам таковому отрезать ухо и ко мне принести; подите и объявите о сем вашим начальникам и товарищам, господам офицерам, каждый по своему полку»[174].

Нет сомнения, что эта государева шутка наделала немало переполоху в рядах и без того уже изрядно встревоженной гвардии.

«Образ нашей жизни офицерской совсем переменился; при императрице мы помышляли только, чтобы ездить в общество, театры, ходить во фраках, а теперь с утра до вечера на полковом дворе; и учили нас всех, как рекрут»[175].

«Строгая дисциплина, приказание всем приписанным к полкам явиться по первому зову, с опасением, в противном случае, быть исключенными, изгнание шуб, муфт и вообще роскоши и добросовестное исполнение служебных обязанностей по всем правилам военного артикула — вот начало осуществления тех видов, к которым Государь так стремился, еще будучи Наследником. По выражению Московского

Главнокомандующего князя Долгорукова, "все военные с этих пор должны были в мороз и стужу, в жару и вихрь выносить то, что могли делать только черти да кадеты"»[176].

«Но Павловские военные преобразования касались не одной внешности войск: они шли глубже… Высшим чинам армии, не исключая и фельдмаршалов, также пришлось учиться и знакомиться с тайнами гатчинской экзерциции. Введение старого прусского военного устава сопровождалось новыми требованиями по службе, так что старые генералы оказались настолько же несведущими, как и вновь произведенные прапорщики»[177].

Государь постарался положить предел и «заочной службе». Когда в 1796 году, 25 декабря, по воле императора Павла Петровича все малолетние из полков гвардии были исключены, в Конной гвардии было их следующее число: корнетов — девять, каптенармусов — 199, вахмистров — 252, гефрейт-капралов — 420, вице-вахмистров — 252, капралов — 259, квартирмистров — 150 человек. Кстати, по штату в этом полку было порядка полутора тысяч человек.

«Нижние чины из дворян произведены либо отставлены. Солдатский состав гвардейских полков ничем больше, разве что чисто физиономическими качествами, не отличался от армии»[178].

Петровская практика обязательной для дворян солдатчины ушла в небытие. Чтобы получить офицерский чин, следовало либо закончить кадетский корпус, либо послужить в полку юнкером. Все же до конца искоренить практику «заочной службы» у Павла I не получилось — не сумел этого сделать и Александр I, в годы правления которого недоросли по-прежнему продолжали числиться в полках — конечно, не в столь огромном количестве, как «при бабушке».

Основным желанием нового государя было заставить каждого строго исполнять свои обязанности. Тотчас по восшествии на престол император издал уже давно приготовленный им воинский устав, в подробностях определявший как обязанности военных чинов, так и все условия военной службы. Он сам наблюдал за точным исполнением предписанных им правил, вникал в самые мелкие подробности, требовал службы неуклонной, ревностной, щедро награждал за усердие и исправность и примерно наказывал за малейшее отступление от введенного им порядка.

«Совершенный переворот в военной службе, преобразование русской армии как во внешнем ее виде, так и в устройстве в прусское войско времен Фридриха II, суровая строгость, заменившая мягкое правление предшествующего царствования,

все вводимые новости или, лучше сказать, обращение во многом за полвека назад, сделало сильное на всех впечатление, большое число военных, особенно в гвардии, оставили службу, еще более за малейшие ошибки были отставляемы или выключены»[179].

«Главной целью обучения становилось точное, до самых мельчайших подробностей, воспроизведение уставных форм и механическое движение при соблюдении самого строгого равнения и держания дистанции и интервалов…

Экзерциция занимает все время, эволюции же и маневры отрядов небольшого состава, разнообразные по содержанию, поучительные для войск и низших начальников, уступают место линейным учениям больших отрядов на ровной однообразной местности, учениям, сводящимся к приемам механической дрессировки»[180].

Наводя порядок по прусскому образцу, государь перенимал все, без разбору. Русская армия вновь возвращалась к устаревшей «линейной тактике».

За образец был принят прусский устав. Согласно прусской тактике, стрельба считалась главным средством поражения противника. Следствием было то, что развернутый трехшереножныи строй занял первенствующее место перед прочими строями. Удар в штыки считался делом второстепенным, потому и строй для действия холодным оружием был подчинен требованиям стрельбы. Стремление к усовершенствованию развернутого строя привело к строгим требованиям равнения, сохранения направления при движении, точности, пунктуальности в размере шага.

Итог оказался печален. «Нужно признать, что армия времен императора Павла, как боевое орудие, была несравненно хуже подготовлена, чем армия эпохи императрицы Екатерины II. Воспитание войск в царствование императора Павла было еще в худших условиях, чем обучение, так как ему не придавали никакого значения, да для него и не оставалось времени»[181].

Впрочем, не стоит забывать, что на военные реформы Павла Петровича мы смотрим, в основном, глазами его недоброжелателей. Но был и иной взгляд.

«Приведу пример материальный. В арсеналах стоят еще, вероятно, громоздкие пушки Екатерининских времен на уродливых красных лафетах. При самом начале царствования Павла и пушки, и лафеты получили новую форму, сделались легче и поворотливее прежних. Старые артиллеристы, в том числе люди умные и сведущие в своем деле, возопили против нововведения. Как-де отменять пушки, которыми громили врагов на берегах Кагула и Рымника! Это-де святотатство. Самый

громкий ропот, смешанный с презрительным смехом, раздался, когда вздумали стрелять из пушек в цель! Этого-де не видано и не слыхано! Между тем это было первым шагом к преобразованию и усовершенствованию нашей артиллерии, перед которой пушки времен очаковских и покоренья Крыма ничтожны и бессильны»[182].

Понятно, что «…полки гвардии все были переформированы. Лейб-гвардии Преображенский из 4 батальонов четырехротных — в 3 батальона пятиротные; лейб-гвардии Семеновский полк и Измайловский из 3 батальонов четырехротных — в 2 батальона пятиротные; гренадерские две роты Преображенского полка составили особый гренадерский батальон; две же роты гренадерские, одна Семеновского и одна Измайловского полков составили сводный гренадерский батальон.

Егерский батальон Преображенского полка и две егерские роты, одна Семеновская и одна Измайловская, составили особый гвардейский егерский пятиротный батальон. Бомбардирская рота Преображенского полка с пушкарскими командами Семеновского и Измайловского полков составили артиллерийский гвардейский батальон»[183].

Таким образом, гвардия начала увеличиваться вновь, чего не наблюдалось со времен Анны Иоанновны, сформировавшей лейб-гвардии Измайловский и Конный полки.

Говоря о павловских преобразованиях, нельзя обойти вниманием и столь важный по тем временам вопрос, как форма одежды.

Вопрос обмундирования сделался почти главным в служебной деятельности каждого: офицер, хорошо одетый и усвоивший все тонкости обмундировки, мог смело рассчитывать на благоволение государя и, наоборот, относящийся к этому небрежно не мог избегнуть его гнева…

Император желал видеть войска Петербургского гарнизона одетыми по-новому — в темно-зеленые кафтаны нового покроя. Но так как ни в городе, ни в комиссариате такого сукна на всех не хватало, государь приказал перешить носимые светло-зеленого сукна мундиры по образцу гатчинских, а поскольку покрой старых мундиров был распашной и не позволял застегиваться на все пуговицы донизу, то и приказано было застегивать их только на две средние пуговицы. Шляпы приказано сделать по образцу гатчинских, обшив края белою тесьмою, и вместо сапог сделать суконные черные штиблеты.

«По воскресным и праздничным дням, после вахтпарада, все военные вообще должны были находиться, при выходах в церковь их величеств, в башмаках, застегивая мундиры на три крючка

против средних пуговиц.

На вахтпараде же носили, с 1 ноября по 1 марта, мундиры, застегнутые на все пуговицы; в большие морозы оберроки, то есть такие же мундиры один на другом… шпаги носили в левой фалде, а шарфы по мундиру, в перчатках с крагенами и тростями. С 1 марта по 1 июня мундиры застегивали на средние две пуговицы, шарфы носили по камзолу и шпаги на боку; с 1 июня по 1 сентября мундиры застегивали на крючки против средних пуговиц, шарфы также по камзолу и шпаги на боку. Батальонные командиры и все обер-офицеры и солдаты носили тогда летние штаны, а генералы и младшие штаб-офицеры и адъютанты носили всегда лосины, штаны и ботфорты; с 1 сентября по 1 ноября носили мундиры застегнутыми на две пуговицы, как в марте месяце»[184].

Форма одежды установилась в общих чертах следующая: кафтан, переименованный в мундир, был темно-зеленого сукна с зеленым отложным воротником, круглыми сшивными обшлагами и медными пуговицами. Камзол и штаны — белые, башмаки — тупоносые; поверх чулок надевались штиблеты, которые были двух родов: вседневные — черные суконные и парадные — белые полотняные; галстук — красный, с белой обшивкой; шляпа с белой обшивкой, медной пуговицей и тремя зелеными висящими кистями. Во время ненастной погоды надевалась шинель из серого сукна с отложным зеленым воротником. Полк от полка отличался цветом петлиц и кисточек на клапанах рукавов… Кроме того, существовало еще то различие, что в Преображенском полку волосы на висках убирали в три, в Семеновском — в две и в Измайловском — в одну буклю.

Впрочем, перечислить все перемены в формах обмундирования за время царствования Павла Петровича нет никакой возможности.

Жизнь, между тем, шла своим чередом.

«2 декабря все полки гвардии и бывшие в столице армейские полки построены были от Зимнего дворца до Невского монастыря, и удивленным петербургским жителям представилось зрелище, которое еще недавно не приснилось бы самому смелому воображению: из монастыря, при сильном морозе, двинулась в одиннадцать часов утра печальная процессия с останками Петра III, а за гробом шествовали пешком в глубоком трауре их величества и их высочества. В шествии участвовал также и граф А.Г. Орлов-Чесменский[185]; ему повелено было нести императорскую корону!.. 18 декабря останки Петра III и Екатерины II были преданы земле»[186].

«В начале 1797 года вся гвардия пошла в Москву для

коронования императора…»[187]

Стоит отметить, что император Павел I, несмотря на всю свою строгость и требовательность по службе, относился к гвардейским офицерам чрезвычайно милостиво. Если небрежность и незнание службы вызывали его гнев, то, с другой стороны, имевший счастье вызвать удовольствие государя мог всегда рассчитывать на его благорасположение и щедрые награды. Относительно наград — Павел Петрович, в особенности в первое время своего царствования, можно сказать, не раздавал их, а осыпал ими.

Сейчас гораздо больше говорят о репрессиях императора Павла — и зачастую весьма сгущают краски. Все, например, знают, как полк якобы был сослан в Сибирь. Однако, «…по уверению князя [Павла Петровича] Лопухина, пресловутой ссылки целого полка — как говорят, Конной гвардии, — с плац-парада прямо в Сибирь никогда не было: это один из тех злонамеренных вымыслов, коими так щедры насчет императора Павла»[188].

В отношении поощрений государь был гораздо более справедлив.

«Однажды проезжал он мимо какой-то гауптвахты. Караульный офицер в чем-то ошибся.

— Под арест! — закричал император.

— Прикажите сперва сменить, а потом арестуйте, — сказал офицер.

— Кто ты? — спросил Павел.

— Подпоручик такой-то.

— Здравствуй, поручик!»[189]

Что значит — офицер знал правила службы!

И еще — свидетельство современника: «Летом во время пребывания двора в городе Павловске, а осенью в городе Гатчине, по одному батальону от каждого гвардейского полка ходили туда на месяц для содержания караула, и я проводил там время довольно весело»[190].

Вот так! Самые «заповедные» Павловские места — а там весело…

…Рассказывая о начале царствования императора Павла Петровича, мы словно бы позабыли про нашего героя. Как же отнесся к происходящему Милорадович, кстати, еще в первый день 1796 года ставший капитаном гвардии?

Михайловский-Данилевский писал, что граф в ту пору «… решился покинуть службу, и уже просьба его была написана, но убеждениями отца моего, коего советами руководствовался, он отменил свое намерение»[191]. Может, это и так, но не исключено, что Александр Иванович несколько преувеличил роль своего отца

в жизни прославленного полководца. Слишком контрастно выглядит следующее замечание: «Когда после Екатерины II на престол вступил император Павел, то исполнительность и расторопность Милорадовича на разводах и экзерциях, которые, как известно, страстно любил этот государь, быстро обратили на него внимание императора. В 1797 году Павел произвел Милорадовича в полковники, а менее чем через год — в генерал-майоры и назначил шефом Апшеронского мушкетерского полка. Таким образом, выходит, Михаил Андреевич Милорадович был генералом, имея всего двадцать семь лет…»[192]

Ругать императора Павла и его военные реформы принято, но критика эта не во всем объективна. В «Российском архиве» помещен обзор «Русские генералы в войнах с Наполеоновской Францией в 1812—1815 гг.», куда включено 550 фамилий. Из перечисленных только двенадцать человек стали генералами при Екатерине II, зато 117 —в том числе князь П.И. Багратион, М.Б. Барклай-де-Толли, граф П. Х. Витгенштейн, Д.С. Дохтуров, П.П. Коновницын, граф А.И. Остерман-Толстой — получили чин от Павла Петровича[193]. Значит, их заметил, выбрал и отличил именно этот государь. Свидетельствует о многом!

Хотя говорят и про то, что «…большая часть генералов, преимущественно отличившихся в войне 1812 года, были исключены в царствование Павла, как то: Беннигсен, Тормасов, Сакен, Ламберт, Коновницын, Дохтуров, Багговут, Ермолов и др.»[194]. Да — и исключались, и возвращались, что объясняется прежде всего неуравновешенным характером императора Павла.

Пожалуй, наиболее сложными — но весьма показательными — были его взаимоотношения с великим Суворовым.

«6 февраля 1797 года отдан был после вахтпарада следующий приказ, похоронивший собою представителя русской военной славы: "Фельдмаршал граф Суворов, отнесясь его императорскому величеству, что так как войны нет и ему делать нечего, то за подобный отзыв отставляется от службы"»[195].

«К Суворову новый император не чувствовал особого расположения. Он не считал его выдающимся полководцем, слепо разделяя взгляды своих прусских учителей на Суворова как на грубую, но "счастливую" силу, и в подвигах его находил больше отрицательных, чем поучительных сторон. Так, например, образцовый Пражский штурм он "не почитал даже действием военным, а единственно закланием жидов". Вместе с тем, в глазах Павла Суворов являлся олицетворением столь ненавистной ему старой екатерининской армии; и в силу одного этого, даже если бы императору и не были известны резкие отзывы Суворова о "прусских затеях", было очевидно, что Суворову не может быть

места в рядах "обновленной" гатчинской армии»[196].

Может, оно и так — но почему ж тогда немногим более, чем через год, император вновь пригласил Александра Васильевича в Петербург?

«Наконец, государь дождался прибытия Суворова, но состоявшееся немедленно свидание не привело к умиротворению взаимного неудовольствия. Павел Петрович делал фельдмаршалу разные намеки с целью убедить его проситься снова на службу, но тщетно; Суворов же в ответ заводил длинный рассказ про Измаил, Прагу и всячески подвергал испытанию терпение своего царственного собеседника. Суворов, конечно, не мог принять мирной службы на немыслимых по его разумению началах и потому уклонялся от этой чести, прикрываясь обычными приемами свойственного ему одному чудачества… Во время вахтпарада дело пошло еще хуже: Суворов подсмеивался над окружающими, проявлял умышленное невнимание; он отворачивался от проходивших взводов и не замечал, что государь, желая сделать ему приятное, производил батальонное учение не так, как обыкновенно, а водил его скорым шагом в атаку. Наконец, Суворов сказал князю Горчакову: "Не могу, брюхо болит", и уехал до конца развода, не стесняясь присутствием государя»[197].

Знать бы, кому еще простил бы Павел Петрович подобное поведение? И можно ли после того утверждать, что государь не ценил Суворова?

«В два года после смерти Екатерины II русская армия совершенно преобразовалась по наружному образованию и составу»[198].

* * *

Михаил Андреевич стал шефом Апшеронского полка 27 июля 1798 года, а 31 октября полк стал называться «мушкетерским генерал-майора Милорадовича», потому как в тот самый день «полки получили наименования по шефам»[199].

Подобное переименование — серьезная ошибка Павла I. Петр I, формируя регулярные полки, вначале также называл их по именам полковников, но потом, «…чтобы солдаты больше полюбили знамена, под которыми они сражались, он дал русским полкам имена русских земель, и в полку были знамена с гербом той земли, именем которой назывался полк. Через это солдат почитал себя принадлежностью государства, так как он служил в полку, носившем имя одной из частей государства; а когда полки

прозывались именами генералов, те же солдаты считали, что они принадлежат этим генералам»[200].

«Апшеронский, 81-й пехотный… полк принадлежит к числу славнейших полков русской армии; 9 июля 1724 года, из находившихся в Персидском походе частей войск: одной роты гренадерского Зыкова полка, четырех рот Великолуцкого и четырех рот Шлиссельбугского полков, сформирован был двухбатальонный полк, названный Астрабадским пехотным полком. 7 ноября 1732 года новый полк был переименован в Апшеронский»[201].

В боевой летописи полка — подавление восстания в Дагестане в 1725 году, «Донская экспедиция» и взятие Азова в 1736-м, походы в Крым в 1736—1739 годах, Шведская война 1741—1743 годов; в Семилетнюю войну апшеронцы отличились при Гросс-Егерсдорфе, Цорндорфе, Пальциге, Куннерсдорфе и взятии Берлина, а после того было еще два похода в Польшу и две турецкие войны, причем во второй из них полк, под знаменами Суворова, дрался при Фокшанах, Измаиле, Рымнике… Без сомнения, это был один из лучших боевых полков.

«Все войска были расписаны на 12 дивизий или инспекций, и Апшеронский полк попал в Литовскую инспекцию; вслед за тем от полка отделены гренадерские роты, которые вместе с двумя гренадерскими ротами Муромского полка образовали сводно-гренадерский батальон под командой Апшеронского полка подполковника Дендригина[202]».[203] Полковая квартира находилась тогда в старинном польском городке Ровно. «Город был грязен»[204].

Граф Ланжерон говорил о переходивших в армию гвардейских офицерах, что «…в 20 или 25 лет они отправляются командовать полками, поправлять там свое состояние, уплачивать свои петербургские долги, царствовать в провинции и выжидать чина генерал-майора»[205]. Насчет двадцати лет он несколько утрировал. Зато в павловское время в каждом полку появился шеф в чине генерал-майора. Шефы эти нередко командовали бригадами, куда входил полк, но чаще — не имели других должностей.

«Император Павел ввел шефов полкам… Шефы имели непосредственное отношение к своим полкам; они обыкновенно жили в местах их расположения, имели от полка особого адъютанта (шефского); старший штаб-офицер в полку назывался командиром полка, управлял строевыми и хозяйственными его делами, докладывая обо всем шефу»[206].

«В России полковые командиры, вышедшие из гвардии, часто не имеют ни малейшего представления о службе в мирное время

и еще менее пригодны для боевой службы. Между тем почти все полки раздаются подобным образом; на десять полковых командиров приходится по меньшей мере 4 или 5 на гвардию и только 5 или 6 на армию»[207].

«Хотя некоторые офицеры армии и имеют образование и отличной службой могли бы надеяться на высшие чины, но 30 тысяч телохранителей, имеющих 800 адептов на все лучшие звания, преграждают им путь…

Преимущество двух чинов перед армией 800 офицеров есть зло неизъяснимое, 10 лет службы не всегда достойному и образованному человеку дают чин полковника, подчиняя неопытному старого, поседелого в боях воина, и сей рассадник штаб-офицеров, наводняя армию старшими чиновниками, отнимают у прочих ревность к службе, порождая зависть и взаимную ненависть»[208].

Командиром Апшеронского полка был подполковник С.Т. Карпов, которого через год заменил Иван Никитич Инзов (1768—1845), прибывший в полк почти одновременно с Милорадовичем. Если про Карпова мы ничего фактически сказать не можем, то Инзов, безусловно, впоследствии стал одним из самых известных генералов Александровской эпохи. Имя его на слуху, но только по одной причине: Иван Никитич был Бессарабским наместником в то время, когда в Кишиневе находился ссыльный поэт Александр Сергеевич Пушкин.

В гвардии Инзов не служил — он начинал в Сумском легкоконном полку, где был произведен в корнеты, и вскоре перешел в Московский гренадерский полк. В отличие от Милорадовича, имевшего за плечами недолгий Шведский поход, Иван Никитич изрядно повоевал и с турками, и с поляками. Понятно, что по своим заслугам и опыту именно он должен был бы стать полковым шефом, но всё определили происхождение и связи Михаила Андреевича. Отношения между этими людьми никогда бы не сложились, если б не счастливый характер Инзова, его жизненный опыт и навыки настоящего строевого офицера, командира.

«Отчуждение всякого самолюбия, при уме простом, но здравом, строгой отчетливости и правоте, во всем его руководствовавшей, равно заставляли Репнина и Милорадовича, Кутузова и Каменского, Чичагова и Тормасова, Барклая-де-Толли и Беннигсена, Рудзевича и Сабанеева, людей совершенно противоположных между собою, чтить Инзова уважением и от всех подчиненных привлекали ему любовь и преданность безграничную»[209].

«Инзов, в чине подполковника, переведен был в Апшеронский

полк в 1798 году. "Ничто, — говаривал впоследствии Инзов, — не поразило меня столько в моей жизни, как противоположность, найденная мною между князем Репниным и Милорадовичем, особенно между образом жизни их. У одного — великолепие и пышность боярина Екатерининского века, торжественные выходы и приемы, для всех занятий определенные часы и минуты. У другого (Милорадовича) — все вверх дном: ночь, обращенная в день, день, обращенный в ночь".

Вскоре, однако ж, Инзов привык к образу жизни своего шефа, а на кровавых пирах смерти в Италии и Швейцарии они заключили тесный союз дружбы»[210].

«Он был единственным гостем и человеком, с которым Милорадович на всяком шагу должен был встречаться по делам и хозяйству полка, и даже по делам жизни: потому что он любил советоваться с этим мужем опыта, хотя и не всегда следовал советам его. Инзов и Милорадович были решительно два противоположных полюса: один степенный, часто до холодности; слишком осторожный и оттого иногда копотливый, и хлопотун по службе. Другой пылкий, летучий; оттого часто неосторожный, действовавший более на авось, не терпевший хозяйственной и мелочной части полка; всем этим заправлял Инзов…

Инзов был всегда, во всех смыслах этого слова, застегнут на все пуговицы; Милорадович — часто на распашку… один надевал шляпу по форме, другой с поля… Зато уж Милорадович бывал подтянут, затянут, как картинка, а Инзов ходил распустив полы.

…Инзов любил Милорадовича, а тот уважал и, порой, побаивался его, как старого опекуна. Солдаты ценили и любили и того и другого, и, по меткой разборчивости здорового русского ума, перекрестили обоих по-своему: Инзова называли батюшкой игуменом, а Милорадовича — залетною птицей»[211].

Вот тут, впервые за все наше повествование, мы вспомнили солдата — простого солдата, на котором держится армия и без которого даже самые блистательные полководцы оставались бы частными людьми.

А что мы знаем про этих солдат — «чудо-богатырей», по меткому суворовскому определению? В современном представлении они являются чем-то сродни былинным витязям. Однако на самом деле все было совсем не так.

Система комплектования армии нижними чинами была введена Петром I. «В 1699 году был объявлен призыв 32 тысяч даточных — первый в России рекрутский набор»[212].

«Рекрутская система несомненно была для своего времени прогрессивным явлением. Ее введение позволило создать постоянную регулярную армию, имевшую типовое вооружение и

форму и содержавшуюся на средства государства… Однако наряду с положительными чертами рекрутская система имела существенные недостатки. При этой системе государство было вынуждено содержать большую в численном отношении армию, отягощавшую бюджет страны. Хотя численность войск в мирное время всегда была велика, она была всегда недостаточной для военного времени. В ходе войны приходилось прибегать к усиленным наборам… Вторым недостатком рекрутской системы являлось то, что при длительных сроках службы армия постоянно имела в своем составе больше солдат старших возрастов, чем молодых»[213].

Рекрутский набор открывал «сдаточным» — крестьянам, мещанам, представителям иных сословий — дорогу в новую жизнь. Дело было не только в том, что они отправлялись служить куда-то за тридевять земель, участвовали в войне. Главное, что у каждого русского солдата — как позже у французского, по образному выражению Наполеона, — «в ранце лежал маршальский жезл». Каждый солдат мог заслужить — боевой отвагой, безупречным исполнением обязанностей, своими знаниями — офицерский чин, а с ним вместе и дворянское достоинство.

Младший сын императора Павла I великий князь Михаил[214] так оценит этот русский демократизм: «Где солдат, поступивший из моих крепостных людей, может через год сделаться мне равным и иметь сам крепостных людей?»[215]

Однако система рекрутского набора в условиях крепостного права имела и еще один очень существенный недостаток.

«Так как рекрута берут у помещика навсегда и таким образом обстоятельство это уменьшает его доход, то можно ясно представить себе, что помещик отдает самого худшего. Если среди его крестьян или слуг есть неисправимый вор, то он отсылает его; за неимением вора он отдает пьяницу или лентяя; наконец, если среди его крепостных находятся одни лишь честные люди, то он выбирает самого слабосильного… Когда полковой командир получает человека маленького роста, некрасивого и слабосильного, то он может надеяться, что это честный человек; но если он получает красивого, высокого и сильного человека, то это наверное негодяй»[216].

Такое не очень приятное открытие. У нас-то все пишется, что рекрутов определяли «в очередь», путем жребия. Но ведь даже Суворов не отдавал своих крестьян в солдаты, а покупал рекрутов на стороне. Кто ж поверит, что для службы продавали лучших? Хорошо известны и помещичьи угрозы: чуть что — «забрить лоб», «отдать под красную шапку»… Недаром же в русских народных

сказках солдаты, как правило, оказываются большими прохиндеями — такой не то что «суп из топора» сварит, но и черта объегорит!

«Стать под Государевы знамена вменяют в наказание провинившемуся гражданину, тогда как он должен быть представитель славы своего Отечества. Давно уже в армиях замечена взаимная нелюбовь солдата к офицеру, а последнего к своим властям; одна война пробуждает в русском солдате народный дух; тут истинное славолюбие руководствует каждым, общий труд и свист свинца равняет всех, заставляя забыть притеснения»[217].

«По этому составу и по выбору этих рекрут, которые без малейшего исключения или негодяи, или приходящие в отчаяние от сдачи в набор, можно заключить, что русские солдаты должны быть самыми худшими солдатами в мире, а между тем они могут быть наилучшие»[218].

Это признавали все современники.

«Русская пехота — это стена, — писал генерал-поручик барон Вильгельм Васильевич Шульц[219]. — Быть может, на земле нет нации более способной к войне, чем русская… Русские солдаты по темпераменту суровы, по предрассудку — храбры, по привычке — послушны, а совокупность этих качеств каждой личности составляет основание каждого воина»[220].

Оказавшийся во время осады Очакова в рядах потемкинской армии известный европейский кондотьер принц де Линь[221], утверждал, что русский солдат — «…это образец исполнительности, выносливости и послушания. Я еще не встретил ни одного пьяного солдата, не видел ни одного вольнодумца, не слышал ни о ссорах между солдатами, ни о небрежении к службе. К сожалению, никто с солдатами не занимается, никто о них не заботится»[222].

В последней оценке, думается, есть некоторый перегиб. Хотя в войсках не было воспитательных органов, зато о новичках заботились старослужащие солдаты — «дядьки», земляки; их до седьмого пота обучали и муштровали унтера; в многочисленных походах солдаты постоянно общались с офицерами и генералами, делившими с ними трудности и опасности.

Система взысканий была жестокая и самая примитивная, соответствующая суровому духу времени и грубым нравам тогдашнего общества.

«Наказанием для русских солдат служат побои. Но от них они не делаются ни менее храбрыми, ни менее верными»[223].

Между прочим, если в прусской армии считалось, что солдат должен больше бояться палки своего капрала, чем пули врага, то

в русской армии наказание нужно было заслужить. Хотя это было и несложно, но все-таки…

«Палки и побои; побои и палки были одним *ultima ratio,* одними двигателями всего упрощенного по сему военного механизма. Палками встречали несчастного рекрута при вступлении на службу, палками напутствовали при ее продолжении и с палками его передавали в ожидавшее его ведомство после отставки. Побои — число их, и род палок входили в неотъемлемое право какого бы то ни было начальника, и в каком он чине ни был. Солдат был собственностью, принадлежностью каждого! Били его и ефрейтор, и унтер-офицер, и фельдфебель, и прапорщик и так далее до высочайшего. Не было ему суда, и всякая жалоба вменялась ему в вину, и он наказывался, как бунтовщик!»[225]

Такие вот нравы господствовали в армии крепостнической России. И все-таки, даже в подобных условиях тот далеко не лучший человеческий материал, что собирался в рекрутских наборах, превращался в «чудо-богатырей», удивлявших мир своими подвигами. Как это происходило, мы расскажем далее — ведь впереди война. Приближался 1799 год…

Глава третья. АЛЬПИЙСКИЙ ПОХОД

«1799 год принадлежит к числу тех достопамятных эпох отечественной истории, которыми Россия вправе гордиться. Это год славный и для русского оружия, и для русской дипломатии. Император Павел I стал во главе грозного союза, ополчившегося против Французской республики. Судьба целой Европы, можно сказать, решалась в кабинете российского монарха»[226], — написал полковник Милютин (1816— 1912)— будущий граф, военный министр и последний по времени производства генерал-фельдмаршал.

Европа уже давно воевала против республиканской Франции. В начале 1792 года Австрия и Пруссия пожелали отобрать у своей охваченной революционной смутой соседки несколько провинций. Их поддерживали Англия и роялисты, находившиеся на территории Франции и вне оной. Однако, как скажет поэт Кондратий Рылеев: «Народ тиран-ствами ужасен разъяренный!»[227] — и потому к концу следующего года оккупированная территория была освобождена, а вскоре революционный пожар вообще вырвался за пределы Франции — на земли Бельгии, Голландии и далее…

«Республика, несмотря на малочисленность своих сил, в сравнении с восставшим против нее грозным союзом, не только не избегала войны, но как будто сама вызывала всю Европу на бой; она искала войны, как средства, которым надеялась, может быть, поправить внутреннее свое расстройство. Директория Французская мечтала даже о новых завоеваниях и предположила действовать везде наступательно»[228].

«Еще в государствование Екатерины II, Суворов желал идти против французов, но императрица медлила явною войной… "Матушка! — писал он к государыне по вступлении в Варшаву. — Вели идти против французов"»[229]. Как известно, столица Польши покорилась «чудо-богатырям» 25 октября 1795 года.

«Настал и 1798 год. Мы стали уже забывать о походе к сумасбродным французам, куда отец русских воинов Александр Васильевич Суворов нас бывало приготавливал; не знали и где он жил, не ведали, жив ли он, здоров ли? Но каждый вечер мы, собираясь в сборной избе за получением приказаний, вспоминали его и творили Господу Богу о нем молитву»[230].

«Первоначальная политика Павла I, стремившаяся исключительно к мирным целям, в два года времени

преобразилась в совершенно противоположную»[231].

«Политика Павла Петровича не лишена была также и ахиллесовой пяты, открывшей скоро дверь к спасению Европы ценою русской крови, но без всякой для империи пользы, а именно: правительство заявило намерение, оставаясь в твердой связи с союзниками, "противиться всевозможными мерами неистовой французской республике, угрожающей всю Европу совершенным истреблением закона, прав и благонравия"»[232].

Если обратиться к последующей истории, то можно сказать, что «…спасение Европы ценою русской крови, но без всякой для империи пользы» легло в основу политики и Александра I, и Николая I, и Александра II — с его походом на Балканы, и Николая II, ввязавшегося в Мировую войну… В том, чтоб Россия воевала с Францией, более всего была заинтересована Англия, привыкшая чужими руками разрешать конфликты на континенте. Союзником России считалась Австрия — наш традиционный союзник, который из разу в раз нас традиционно же и предавал.

«Все члены коалиции преследовали в предстоящей войне с Францией определенные материальные цели, и только Россия стремилась "принудить Францию войти в прежние границы и тем восстановить в Европе прочный мир и политическое равновесие"»[233].

«Решив оказать поддержку Австрии, Павел I повелел 13 июля 1798 года сформировать из войск, расположенных в Брест-Литовской и Смоленской инспекциях, особый корпус под начальством генерала от инфантерии Розенберга[234], которому было предписано собрать войска у Брест-Литовска и находиться в готовности выступить в Австрию по первому приказанию. В состав корпуса вошел и Апшеронский полк…»[235]

В корпусе было семь пехотных, один гренадерский и два егерских полка, четыре сводно-гренадерских батальона, шесть донских казачьих полков, две артиллерийские роты — 24 орудия. Всего насчитывалось 20 601 человек.

«Корпус Розенберга… был уже с августа месяца в полной готовности к походу; но выступление его надолго замедлилось по вине австрийцев, хотя сам же Венский двор неоднократно просил императора Павла ускорить выступление вспомогательного корпуса за границу. Причиной такого замедления были недоразумения, возникшие относительно довольствия русских войск»[236].

Немцы — народ экономный, тратиться не любят. В те времена бытовало мнение, что «…нет ни одного солдата, которого было бы легче кормить, чем русского: он сам месит и печет свой хлеб в печах, устраиваемых им же в земле, когда ему доставляют муку;

если же продовольствие состоит из сухарей (ржаные, очень черствые и черные сухари), то он разрезает их на маленькие кусочки, величиною с орех и считает их для себя еще лучшим кушаньем и приготовляет из них похлебку с различными овощами. Эти ржаные сухари, хотя немного и кислые, на вкус нисколько не неприятны; сверх того, они очень питательны, не крошатся и сохраняются очень долго. Русский солдат настолько привык к ним, что сладкий пшеничный хлеб, как утверждают, ослабляет его. Хотя русские и любят крепкие напитки, но они легко обходятся без них и не жалуются, когда их нет; они совершали походы, не получая ни пива, ни водки»[237].

А вот что вспоминала легендарная «кавалерист-девица»[238], встреча с которой предстоит нам достаточно скоро:

«Улан предложил мне три больших заплесневелых сухаря; я с радостью взяла их и положила в яму, полную дождевой воды, чтобы они несколько размокли. Хотя я не ела более полутора суток, однако ж не могла съесть более одного из этих сухарей, так они были велики, горьки и зелены»[239].

Вот так кормили русского солдата… Впрочем, не стоит грешить на старину: официальная точка зрения на снабжение продовольствием служилого человека у нас и сегодня не слишком переменилась. Улучшение может упираться только в хорошего начальника. «Розенберг объявил, что не перейдет границу, пока не будет обещано производить его корпусу достаточное содержание, — о чем в то же время известил посла российского в Вене и донес самому императору Павлу. Государь, вполне одобрив образ действий генерала Розенберга, повелел ему [12/23 сентября] распустить войска и расположить их по квартирам до тех пор, пока не получит от австрийского комиссара удовлетворительного ответа»[240].

Конечно, все понимали, что поход будет, и 15/26 сентября войскам был проведен инспекторский смотр, который «произвести… император повелел генерал-майору барону Аракчееву. Результаты смотра оказались настолько блестящи, что Павел I, вообще не щедрый на похвалы, послал генералу Розенбергу такой рескрипт: "Узнав о состоянии корпуса, вам вверенного, повелеваю всем шефам полков и сводных гренадерских батальонов командирам, в команде вашей состоящим, изъявить Мое благоволение и признательность; солдатам же объявить, что, уверен уже будучи в их непоколебимой верности, усердии и храбрости, уверен заранее и в предъидущих новых подвигах и победах их на истребление врагов веры и благоденствия всемирного. Да будет честь Мне, хвала Отечеству и слава им"»[241].

«18 октября апшеронцы вступили в границы Римско-Императорских владений. Возможно, что это выступление в поход спасло Милорадовича от тех превратностей судьбы, которые постигли многих в царствование императора Павла»[242]. Несколько оригинальное утверждение! Разве отставка явилась бы для генерала большей «превратностью» нежели Суворовский переход через Альпы, воистину превзошедший человеческие возможности?

«В Австрию корпус Розенберга выступил двумя колоннами, состоявшими каждая из двух отделений; Апшеронский полк, поступивший в состав первой колонны генерал-лейтенанта Львова[243], шел во втором отделении генерал-майора Ферстера[244]. Согласно выданному австрийскими властями маршруту, русские войска должны были следовать в Австрию на Люблин, Краков, Брюн и Креме»[245].

Походов в нашем повествовании будет очень много, рассказывать о том, как шли, малоинтересно, а потому обратимся к несколько иным событиям…

* * *

Война требовала боевых военачальников, а не «паркетных» генералов.

«Император Франц, не находя, видно, между своими полководцами достойного противостоять французским предводителям армии, обратился с просьбой к союзнику своему, императору Павлу I, дать ему в Главнокомандующие его армией никогда не побежденного фельдмаршала, графа Суворова-Рымникского, жившего тогда под присмотром капитана-исправника в Новгородской своей деревне»[246].

«Всей Европе был известен этот наиболее прославившийся из русских генералов, особенно со времени последней Польской войны. В Австрии же он приобрел громкую известность еще раньше, когда во вторую Турецкую войну, вместе с принцем Кобургским[247], одержал две блестящие победы, доставившие полное удовлетворение национальному самолюбию»[248].

«Фельдмаршал Суворов — один из самых необыкновенных людей своего века. Он родился с геройскими качествами, необыкновенным умом и ловкостью, превосходящей, быть может, и его способности, и ум. Суворов обладает самыми обширными познаниями, энергическим, никогда не изменяющим себе характером и чрезмерным честолюбием. Это великий полководец и великий политик, несмотря на сумасбродства, которые он себе

позволяет. Еще не видав его, я постоянно слышал, будто он сумасшедший.

Ознакомившись с Суворовым лично, я могу сказать, что он с таким совершенством разыгрывает сумасшедшего и сделал себе такую привычку прикидываться им, что привычка эта обратилась у него во вторую натуру; он разыгрывает сумасшедшего, но в действительности весьма далек от него»[249].

«Всё говорит, что это был человек высокообразованный, хотя сохранивший природное чутье, основанное на непосредственном знании людей и вещей. Он много работал, но скрывал это, чтобы сильнее поражать воображение своих солдат, во всем стараясь казаться вдохновленным»[250].

«Суворов — высший выразитель русского воинского духа и военного таланта»[251].

«Однажды, разговаривая о самом себе, Суворов сказал окружавшим его: "Хотите ли меня знать? Я вам себя раскрою: меня хвалили цари, любили воины, друзья мне удивлялись, ненавистники меня поносили, при Дворе надо мною смеялись. Я бывал при Дворе, но не придворным, а Эзопом, Лафонтеном: шутками и звериным языком говорил правду. Подобно шуту Балакиреву, который был при Петре Первом и благодетельствовал России, кривлялся я и корчился. Я пел петухом, пробуждал сонливых, утомлял буйных врагов Отечества…"»[252]

«Император Павел изъявил свое согласие на просьбу Франца II[253]. Послан был курьер за графом Суворовым»[254].

«1799 г. февраля 4. С.-Петербург

Сейчас получил я, граф Александр Васильевич, известие о настоятельном желании венского двора, чтобы вы предводительствовали армиями его в Италии, куда и мой корпус Розенберга и Германа[255] идут. И так по сему и при теперешних европейских обстоятельствах долгом почитаю не от своего лица, но от лица и других предложить вам взять дело и команду на себя и прибыть сюда для отъезду в Вену.

За тем есм вашим благосклонным

Павел»[256].

«Облобызав рескрипт, Суворов прижал его к ранам своим, немедленно отслужил молебен в сельской церкви и, готовясь к неимоверным подвигам, продолжал отличаться оригинальностью, отдал следующий приказ старосте: "Час собираться, другой отправляться…"»[257]

«Фельдмаршал немедленно приехал в Петербург, где он принят был публикой с восторгом»[258].

«Суворов повергнулся 18 февраля к стопам Императора.

Подняв престарелого героя, Павел I возложил на него большой крест святого Иоанна Иерусалимского. "Господи, спаси царя!" — воскликнул тогда фельдмаршал. "Тебе спасать царей!" — отвечал император. "С тобою, государь, — возразил Суворов, — возможно"… Завистники утверждали, что победитель неустроенных войск турецких и польских утратит всю свою славу перед искусными вождями французов. Нелепые отзывы доходили до Суворова: он отомстил тайным врагам — делами»[259].

«Еще в марте месяце пронесся между нами слух, что отец наш Суворов поехал в Вену и будет начальствовать нами и австрийскими войсками. Радость наша в том была невыразимая — молитвы к Богу усердные и благодарность к царю-государю несказанная. Всё ожило, всё, от старика до молодого, пришло в бодрость. Ведь мы душою любили Александра Васильевича, любили по-прежнему, по-старому, и надеялись быть непобедимыми под его властью; и только под его одним начальством воины русские могли быть страшны врагам своим»[260].

Слух о суворовском назначении еще только достиг русских войск, а полководец уже был на подъезде. 8/19 марта он писал: «Два дня назад прибыл я к австрийским войскам и нашел их в полных успехах. Российские прежде шли тихо, но потом сделали марш 88 миль в 19 суток, в горах, в непогоду, по последнему зимнему пути и разлитии рек»[261].

«Согласно рапорта… от 29 марта, в Апшеронском полку значилось: по списку: штаб и обер-офицеров — 49, нижних чинов — 1507, а налицо: штаб офицеров — 2, обер-офицеров — 46 и нижних чинов — 1470, итого — 1516»[262].

«Суворов прибыл к армии, в Валеджио, 4 апреля»[263].

«Суворов знакомился в Италии с генералами, посредством представления генерала Розенберга. Он стоял навытяжку с закрытыми глазами и, кого не знал, открывши глаза, говорил: "помилуй Бог, не слыхал! познакомимся!" Когда дошла очередь до младших, Розенберг говорил: генерал-майор Милорадович! "А, а! Это Миша! Михайло!" — Я, Ваше Сиятельство! — "Я знал вас вот таким… (сказал Суворов, показывая рукою на аршин от пола), — и едал у вашего батюшки, Андрея, пироги. О! да какие были сладкие!.. Как теперь помню и вас, Михайло Андреевич: вы хорошо тогда ездили на палочке! О! да как же вы тогда рубили деревянною саблею! Поцелуемся, Михайло Андреевич! Ты будешь герой! Ура!" — Все мое усилие употреблю для того, чтоб оправдать доверенность Вашего Сиятельства! — сказал сквозь слезы Милорадович»[264].

Вот она, та самая «цепочка»: Суворовы — Милорадовичи!

Признаем, что Александр Васильевич всегда старался «порадеть родному человечку», чему подтверждением — произведенные в генерал-майоры 15-летний сын полководца Аркадий[265] и 19-летний племянник Андрей Горчаков[266]. Демонстративно отличив сына своего друга, Суворов покровительствовал ему и далее.

«Немедленно в австрийские полки были командированы русские офицеры-инструкторы — для "научения таинству побиения неприятеля холодным ружьем" и "отучения от ретирад". С той же целью и для ознакомления с основами Суворовской тактики отданы были приказами по армии краткие наставления для действия в бою»[267].

Инструкция А.В. Суворова о способах действия в бою: «Надо атаковать!! — холодное оружие — штыки, сабли! Смять и забирать, не теряя мгновения, побеждать все, даже невообразимые препятствия, гнаться по пятам, истреблять до последнего человека. Казаки ловят бегущих и весь их багаж; без отдыху вперед, пользоваться победой!»[268]

«Австрийцы были обижены этими распоряжениями: часть австрийских генералов, и в числе их недавний победитель Шерера[269], барон Край[270] — открыто выражали неприязнь к Суворову и русским»[271]. «Одни взглянули на это как на оскорбление, другие — как на глупость»[272].

Изначальное непонимание между союзниками весьма опасно, однако известно, что хуже союзников может быть только отсутствие таковых…

«Суворову пришлось несколько дней оставаться в Валеджио, прежде чем предпринять наступательное движение. Пользуясь этим временем, генерал-квартирмейстер маркиз Шателер[273] вздумал предложить фельдмаршалу сделать рекогносцировку. Такое предложение было вовсе не по вкусу русскому полководцу; с досадой отвечал он Шателеру: "Рекогносцировка! Не хочу; они годны только для трусов, чтобы предостеречь противника; а кто захочет, тот и без них всегда отыщет неприятеля… Колонны, штыки, холодное оружье, атаки, удар… Вот мои рекогносцировки!"

Такой урок был нелишним для австрийцев, которые до крайности были пристрастны к рекогносцировкам и демонстрациям: под видом рекогносцировок они ощупывали неприятеля, не решаясь атаковать его; делая демонстрации, они раздробляли свои силы и нигде не могли наносить настоящего удара»[274].

«Суворовская военная система не порождена обстоятельствами, а родилась из особенностей его военного

дарования. Главная ее основа — человек и духовная его сила; главные атрибуты — энергия, смелость, быстрота, простота… Основным условием своей теории Суворов ставил боевое воспитание и обучение войск; устава он не изменял, ибо не мог и не считал нужным; все внимание обратил на применение уставных правил к практике; на внешних требованиях не останавливался; обучение за цель не принимал. Он напирал на развитие в людях отваги и упорства, на воспитании солдатского сердца в самоотвержении, в закалке его до притупления инстинкта самосохранения, до парализования впечатлительности ко всякого рода неожиданностям»[275].

Суворов считал: «Не довольно, чтоб одни главные начальники были извещены о плане действия. Необходимо и младшим начальникам постоянно иметь его в мыслях, чтобы вести войска согласно с ним. Мало того: даже батальонные, эскадронные, ротные командиры должны знать его по той же причине, даже унтер-офицеры и рядовые. Каждый воин должен понимать свой маневр»[276].

«Существенные основания Суворовской тактики заключались в следующем:

Войска, двигаясь в походе обыкновенно рядами, перестраивались с приближением к неприятелю в колонны повзводно (на полных дистанциях) справа и слева; потом, подходя уже под неприятельские выстрелы, строили фронт захождением повзводно. Пехота становилась в две линии, с небольшими интервалами между батальонами; кавалерия располагалась поэскадронно или подивизионно позади второй линии пехоты или на флангах ее.

В таком порядке войска шли навстречу неприятелю. В случае наступления со стороны последнего войска никогда не должны были ожидать его на месте; напротив того, им приказано было, чтобы, подпустив противника под сильный огонь картечный и ружейный, сами двинулись вперед в штыки. Наступление производилось всей линией, с барабанным боем, музыкой, с распущенными знаменами; подходя под картечные и ружейные выстрелы, войска бросались вперед бегом, чтобы миновать черту действия картечи. Самый удар производился также беглым шагом с криком "ура!" Вторая линия следовала в 200 шагах за первой. Кавалерия выжидала удобного случая броситься на фланги неприятеля, а казаки всегда готовы были позади пехоты или кавалерии, чтобы довершить поражение противника: лишь только последний начинал колебаться или отступать, казаки высыпали вперед, с гиком, визгом, обскакивали неприятеля в тыл, преследовали его и забирали пленных.

В этом состоял весь механизм знаменитой тактики Суворовской»[277].

Но и наш противник воевал не по шаблону, не по-старинному.

«Французская военная система, благодаря которой Франция с успехом противостояла Европе такое долгое время, родилась из обстоятельств и сложилась под их влиянием. В начале революции анархия, охватившая Францию, разрушила в войсках дисциплину; армия в настоящем смысле перестала существовать, и открывшаяся война доказала это воочию. Стали приискивать средства и нашли указания на полях сражений. Следовало избегать правильного боя и заменять крупные столкновения рядом мелких стычек; задирая неприятеля, тревожа его беспорядочным огнем, учащать усилия и в массах людей находить для этого способы. При революционном возбуждении, а особенно при терроре, дело не могло стать за людьми, и они поступали под знамена в большом числе. Правда, не было ни средств, ни времени для обмундирования, снаряжения, обучения людей, и против неприятеля приходилось высылать не солдат, а свежих рекрут, но это оказывалось достаточным в виду новопринятого образа действий… Был введен рассыпной строй и колонны, требующие меньшей дрессировки людей, в стрелки рассыпали целые полки, колонны походили на кучи; действовали налетами, занимали неприятеля малой войной»[278].

«Вот несколько любопытных строк из письма, найденного на груди немецкого офицера, убитого в сражении при Йене[279]: "… если бы вопрос заключался только в физической силе, мы скоро бы оказались победителями. Французы малы ростом, тщедушны: один немец может одолеть четырех из них. Но в огне они становятся сверхъестественными существами. Ими овладевает неподдающаяся описанию ярость, которой и следа не найти в наших солдатах"»[280].

* * *

«10 апреля Багратион первым открыл боевые действия, взяв, совместно с отрядом австрийских войск, крепость Брешию»[281].

Итак, на страницах нашей книги появился князь Петр Иванович Багратион (1765—1812) — «заклятый друг» и извечный соперник нашего героя. Он был известен Суворову отнюдь не по батюшкиным пирогам, и потому вот как они встретились при прибытии Александра Васильевича к армии:

«"Князь Багратион!" — проговорил Розенберг. Тут отец наш

Александр Васильевич встрепенулся, открыл глаза, вытянулся и спросил: "Князь Петр? Это ты, Петр? Помнишь ли ты… под Очаковом!., с турками!.. В Польше!.." — и с распростертыми руками подвинулся к Багратиону, обнял его, поцеловавши в глаза, в лоб, в уста, сказал: "Господь Бог с тобою, князь Петр!.. Помнишь ли? А?.." — Нельзя не помнить, ваше сиятельство, — отвечал Багратион с слезами на глазах, — нельзя не помнить того счастливого времени, в которое служил под командою вашею»[282].

Князь Петр начинал службу отнюдь не в гвардии, но сержантом в Кавказском полевом батальоне. «В 1783 году Багратион выступил в первый поход против чеченцев и затем несколько лет участвовал в боевых действиях Кавказской армии. В 1788 году принял участие в штурме Очакова. В 1794 году воевал под началом Суворова в Польше… Участие в кампании 1794 года, веденной под руководством опытного полководца, имело для Багратиона важное значение, явившись школой для выработки в нем тех боевых приемов, которыми впоследствии он всегда старался подражать своему великому учителю Суворову; вместе с тем это дало последнему возможность подметить в Багратионе талант военачальника-партизана и дать способностям его надлежащее применение»[283].

«Война упорная требовала людей отважных и решительных, тяжкая трудами — людей, исполненных доброй воли. Суворов остановил на нем свое внимание, проник в него, отличил, возвысил! Современники князя Багратиона, исключая одного Милорадовича, не были ему опасными. Сколь ни умеренны были требования Суворова, но ловкий их начальник, провожая их к общей цели, отдалил столкновение частных их выгод…»[284]

Обратим внимание на слова «исключая одного Милорадовича» — здесь все сказано, в них ключ взаимоотношений! Будучи старше по возрасту, Багратион стал генералом в начале 1799 года, почему и считался младше Милорадовича в чине — а это в те времена много значило…

Между тем главные силы союзной армии двинулись форсированным маршем к реке Адде, и 11/22 апреля Суворов писал фельдмаршал-лейтенанту Меласcу[285]: «До сведения моего доходят жалобы на то, что пехота промочила ноги. Виною тому погода. Переход был сделан на службе могущественному монарху. За хорошею погодою гоняются женщины, щеголи да ленивцы. Большой говорун, который жалуется на службу, будет, как эгоист, отрешен от должности. В военных действиях следует быстро сообразить — и немедленно же исполнять, чтоб неприятелю не дать времени опомниться. У кого здоровье плохо,

тот пусть и остается назади. Италия должна быть освобождена от ига безбожников и французов: всякий честный офицер должен жертвовать собою для этой цели. Ни в какой армии нельзя терпеть таких, которые умничают. Глазомер, быстрота, натиск! — этого будет довольно!»[286]

«При селении Лекко последовал кровавый бой, в котором Милорадович обнаружил необычайную находчивость, быстроту и храбрость — отличительные свойства его дарований, развившихся еще сильнее в школе гениального Суворова»[287].

Это сражение, более известное как сражение на реке Ад-де, происходило с 15 по 17 (26—28) апреля. Отряд князя Багратиона действовал на левом фланге противника, отвлекая внимание от центра, куда Суворов наносил главный удар.

«Вскоре первые две колонны ворвались в город, но встретили здесь такое упорное сопротивление, что Багратион вынужден был просить подкрепления. Граф Суворов отправил к Лекко Милорадовича с гренадерским батальоном Дендрыгина. Собрав, откуда можно, обывательские подводы, Милорадович посадил на них солдат и, около 4 часов пополудни, прибыл к Лекко. Помощь поспела вовремя… Русские войска опять перешли в наступление и вторично заняли Лекко. Ночь остановила сражение, продолжавшееся 12 часов»[288].

«В четыре часа пополудни увидел я приближающийся ко мне поспешно с генерал-майором Милорадовичем гренадерский батальон подполковника Дендрыгина, который, собравшись не доходя до города, присоединился ко мне. Я отрядил его к правой стороне к мосту, дабы пресечь путь стремившегося неприятеля переправиться на другую сторону реки…»[289]

«Нельзя не упомянуть про прекрасный поступок Милорадовича в бою при Лекко. Будучи старше Багратиона в чине и прибыв к нему на помощь с батальоном, он предоставил Багратиону кончить дело, обещавшее успешный исход, сказав при этом, что здесь не место считаться старшинством. Суворов лично благодарил Милорадовича за его поступок, упомянул о нем в донесении государю и объявил в приказе по армии»[290].

«На другой день после разбития французов дневали, а на следующий рано утром пошли с Милорадовичем и сделали сильный переход вправо, а князь Багратион пошел влево. Тут погода сделалась дождливая, солнце уступило свое место ненастью. Наши сухари стали киселем, подстать старым бабам, а не нашим храбрым гренадерам, как называл нас Милорадович»[291].

«На следующий день Милорадович показал новые опыты искусства и мужества своего. Французский генерал Серюрье[292],

отрезанный от армии своей, заперся в Вердерио, который обнес крепкими окопами. 17 числа [апреля] союзные войска с трех сторон напали на замок. Неприятель тщетно защищался. Предводительствовавшие атаками, особенно Милорадович, ободряя солдат личным примером неустрашимости, принудили неприятеля, наконец, положить оружие и сдаться вместе с генералом Серюрье военнопленными»[293].

«Император Павел I, получив донесение Суворова о победе на реке Адде, отправил фельдмаршалу рескрипт такого содержания: "Реляцию вашу получил: благодарил Бога; благодарю вас и храброе Мое воинство, в нем же слава Моя и России. Господин майор Румянцев скажет вам о радости Нашей и доставит знаки благоволения Нашего удостоенным вами: украсьте их оными и руководствуйте их мужеством в дальних подвигах ваших. Побеждайте и восстановляйте Царей".

Суворов пожалован был бриллиантовым перстнем с портретом Императора, Милорадович — орденом святой Анны 1-й степени; все нижние чины получили по серебряному рублю»[294].

Боевой дебют генерала Милорадовича во всех отношениях оказался блистательным. Его поступок был очень высоко оценен современниками.

«К славе нашего Отечества, это не один пример: Багратион, после блистательного отступления своего без ропота поступивший под начальство Барклая в Смоленске; Барклай, поступивший под начальство Витгенштейна в Бауцене; Витгенштейн, поступивший снова под начальство Барклая во время и после перемирия; и прежде сего, в Италии, под Лек-ко, — Милорадович, явившийся под команду младшего себя по службе Багратиона, — представляют возвышенность в унижении, достойную геройских времен Рима и Греции!»[295]

В те дни фельдмаршал Суворов писал князю А.К. Разумовскому[296], чрезвычайному послу в Вене: «Адда — Рубикон. Мы ее перешли на грудях неприятеля, при Кассано (как здесь называют); слабейшей колонною разбили его армию, что отворило нам путь в Милан»[297].

«Неприятель утвердился в многочисленных крепостях Италии, ожидая свежих войск»[298]. Суворовская армия продолжала свое стремительное продвижение. Тем временем к ней ехал еще один волонтер.

«Чтобы придать более важности сей кампании и удовлетворить желанию великого князя Константина Павловича, государю угодно было позволить его высочеству находиться волонтером при графе Суворове. Для сопровождения великого

князя в пути и для нахождения в армии при его особе назначен был из лучших генералов Екатеринина века генерал от кавалерии граф Дерфельден[299]»[300]. «Великий князь Константин Павлович ехал в Итальянскую армию под именем графа Романова»[301].

«Между тем, лишь только граф Суворов приехал к армии, как начались победы; всякий день бюллетень объявлял о каком-нибудь выигранном сражении, так что граф Дерфельден спустя несколько дней сказал мне:

— Надобно просить великого князя ехать скорее к армии, а то мы ничего не застанем; я знаю Суворова, теперь уже он не остановится»[302].

«26 апреля фельдмаршал прибыл в Вогеру к авангарду князя Багратиона, а через час сюда же приехал Цесаревич, Великий князь Константин Павлович»[303]. «По приезде в армию, мы нашли фельдмаршала в Вогере; это было поздно вечером; лишь только он узнал, что великий князь к нему пришел, граф Суворов выскочил из другой комнаты, подошел к его высочеству, поклонился ему об руку и сказал:

— Сын природного нашего государя.

Фельдмаршал был одет в коротком белом кителе; на голове имел род каски, на которой был вензель F II, на шее Мальтийский крест великого бальи[304], на широкой черной ленте, а глаз завязан черным платком; он не снял, вероятно, каски потому, что она придерживала перевязку. Его высочество обнял фельдмаршала, поцеловал и спросил:

— Что это у вас, граф Александр Васильевич, глаз завязан?

— Ах, ваше высочество, — отвечал фельдмаршал, — вчерашний день проклятые немогузнайки меня опрокинули в ров и чуть косточек моих всех вдребезги не разбили. (Казаки взяли в реквизицию где-то одну небольшую синего цвета карету. Граф Суворов ее увидел и приказал купить: в этой карете он всегда ездил запряженною парою лошадей, которых брали из ближайших деревень, и с кучером из мужиков, а кривой его повар стоял всегда лакеем на запятках.)

Потом, подходя к графу Дерфельдену, сказал: "не вижу". Великий князь назвал ему генерала.

— Старинный приятель и сослуживец, Вильгельм Христофорович! — сказал фельдмаршал, перекрестясь, поцеловал крест, который находился в Андреевской звезде; — нам должно, — продолжал он, — его высочество, сына природного нашего государя, — и опять поклонился об руку, — беречь более, нежели глаза свои: у нас их два, а великий князь у нас здесь один»[305].

«На другой день утром Суворов, в полном парадном мундире, со всеми чинами главной квартиры, представился великому

князю и подал его высочеству строевой рапорт о войсках русских и австрийских»[306].

«Присутствие здесь государева сына не замедлило вдохнуть новое рвение в войска и произвело на население благотворное в отношении союзников влияние»[307]. Сказано со всем монархическим патриотизмом, хотя на самом деле — по крайней мере, поначалу — всё оказалось совершенно не так…

Для нас же великий князь Константин Павлович, во многом похожий на своего державного отца, представляет особенный интерес. Суворовский поход по-настоящему свел его с Михаилом Андреевичем, что определило судьбу нашего героя до последнего его дня — и даже сам этот день. Хотя нет сомнения, что он и ранее был хорошо знаком с шефом лейб-гвардии Измайловского полка.

«Генерал граф Милорадович, великолепный во всех его деяниях, по прибытии его высочества к корпусу генерала Розенберга, в котором Милорадович служил, подвел к великому князю прекрасную английскую лошадь; Сафонова[308] и меня, как бывших с ним однополчан, ссудил тоже английскими лошадьми»[309].

«В полдень [30 апреля] к авангарду прибыли великий князь Константин Павлович и генерал Милорадович»[310].

Как назло, в это время «Суворов приказал генералу Розенбергу… с частью его корпуса идти за [реку] По и овладеть городом Валенцей… это была операция совершенно частного характера; проведенная в непосредственной близости от главных сил французской армии, она не могла удаться и в лучшем случае вела лишь к тому, чтобы укрепиться на правом берегу По. Никто не знает, что должно было получиться из этой операции, и можно даже сказать, что она была во вкусе сражений на турецком театре войны, где они не имели другого значения, кроме взаимного уничтожения»[311].

Поначалу, когда авангард переправился за реку По, все развивалось успешно. «Жители Бассиньяны встретили Чубарова[312] с радостью и тотчас стали рубить дерево вольности»[313]. Не удивительно — «…по справедливости в начале войны можно было назвать общественное мнение авангардом французской армии. Но как с того времени все переменилось! Нигде не имела Франция столь много врагов, как в завоеванных ею землях»[314].

«Узнав о переправе русских у Бассиньяна, генерал Моро[315] немедленно двинул туда части дивизии Виктора[316] и Гренье[317] и сам поехал на место сражения… Положение авангарда Чубарова с каждой минутой становилось все тяжелее и тяжелее, а помощи

не являлось. Тогда великий князь Константин Павлович сам поскакал к переправе и приказал генералу Милорадовичу с одним батальоном своего полка идти на выручку Чубарова. Милорадович бегом повел свой батальон на поле сражения и, придя сюда, пристроился к правому флангу. Вслед за тем подошли еще 2 батальона. В это время неприятель обходил наш отряд с обоих флангов; кавалерия — справа, а пехота — слева. Войска наши, отступая, отбивали все атаки французов. Но вот на ближайших высотах показалась колонна генерала Виктора, шедшего из Александрии.

"В такое критическое мгновение генерал Милорадович, в голове двух рот, с правого крыла бросается в ту сторону, где угрожает большая опасность. Взяв в руки знамя, он сам устремляется вперед и еще раз отбивает атаку неприятельскую" (Милютин). Дойдя до Бассиньяна, Чубаров занял позицию и держался здесь до самой ночи, отбивая все атаки»[318].

В полковой истории все изложено весьма сдержанно. На самом деле происходящее осложнилось тем, что Константин почувствовал себя полководцем:

«Великий князь сказал генералу Розенбергу: "Нечего мешкать, ваше превосходительство, прикажите людям идти вперед".

Генерал отвечал его высочеству: "Мы слишком еще слабы; не дождаться ли нам подкрепления?"

Великий князь возразил: "Я вижу, ваше превосходительство, что вы привыкли служить в Крыму; там было покойнее и неприятеля в глаза не видали".

Генерал Розенберг, оскорбленный до глубины души таким упреком, отвечал: "Я докажу, что я не трус", — вынул шпагу, закричал солдатам: "за мной!" и сам пошел первый вброд.

Сия поспешность имела самые дурные последствия»[319].

«Не думайте, чтобы француз был плохой воин; его надо бить умеючи. Нам случилось один раз видеть, что и у него вместо шерсти бывает щетина. Это было на берегу реки, когда с нами не было Суворова; вот мы почитай что не двое ли суток бухались с ним и что проку-то? — все дело было дрянь. Да спасибо нашему Милорадовичу, что хоть выручил, а то просто так француз расходился, что прямо к морде так и лезет»[320].

«Бригада Чубарова потеряла всю свою артиллерию и 2500 человек убитыми и ранеными»[321].

Последний штрих: жители Бассиньяно, недавно рубившие «дерево вольности», теперь «перерезали канат парома и даже из домов своих стреляли по русским»[322]. Что ж, на войне главное вовремя понять, кто победитель…

«Граф Суворов призвал меня к себе и сказал мне с грозным

видом: "Я сейчас велю вас и всех ваших товарищей сковать и пошлю к императору Павлу с фельдъегерем; как вы смели допустить великого князя подвергать себя такой опасности? Если бы его высочество, — чего Боже сохрани, — взят был в плен, какой бы стыд был для всей армии, для всей России, какой удар для августейшего его родителя и какое торжество для республиканцев! Тогда принуждены бы мы были заключить самый постыдный мир, словом такой, какой бы предписали нам наши неприятели". Во все это время он ходил по комнате, а я молчал. Потом спросил он у меня, как велик конвой из казаков при его высочестве? Я отвечал: "20 человек при одном обер-офицере". Фельдмаршал, уже несколько успокоясь, продолжал: "Мало". Тотчас позвал адъютанта и приказал из своего конвоя отрядить сто казаков, при самом исправном штаб-офицере, и внушить им, что они должны быть телохранителями сына их императора»[323], — вспоминал граф Комаровский.

На другой день «…скрепя сердце, поехал великий князь к Суворову, тот с низкими поклонами и другими знаками почтения встретил его в передней, пригласил в кабинет и запер за собою дверь на замок. Через полчаса великий князь вышел с расстроенным лицом и в слезах; Суворов провожал его с низкими поклонами и, войдя в приемную, где ожидала свита его высочества, сердито обратился к адъютантам:

— Ах вы мальчишки! Вы будете мне отвечать за его высочество. Если вы пустите его делать то, что он теперь делал, то я отправлю вас к государю»[324].

«Фельдмаршал хотел было отдать приказ по армии и отнести всю неудачу сражения 1 мая к неопытности и лишней запальчивости юности, но тогда бы все узнали, что сие относится до великого князя»[325].

Суворов был опытным царедворцем, так что из его приказа от 3 мая вообще нельзя понять, что русские при Бассиньяно потерпели поражение. Зато была отмечена самоотверженность войск, названы герои: «Мужественный генерал-майор Милорадович, отличившийся уже при Лекко, видя стремление опасности, взявши в руки знамя, ударил на штыках, поразил и поколол против стоящую неприятельскую пехоту и конницу, и, рубя сам, сломил саблю; две лошади под ним ранено. Ему многие последовали…»[326] Ну а потом «…ночь разделила сражающихся. Неприятель, потерявши вдвое, отступил к Александрии, россияне переправились обратно через реку По»[327].

Может быть, именно тогда, а может, в какой-то другой раз или это вообще легенда, произошел следующий случай: «Милорадович переправлялся через реку в виду французов.

Неприятель целил в Милорадовича, окруженного своими адъютантами. Милорадович вынул из кармана Анненскую ленту и, надев ее на себя, сказал: "Посмотрим, умеют ли они стрелять"»[328]. Было так или не было — однако известно, что играть со смертью он любил. Зато можно точно сказать, что, непосредственно участвуя в бою при Бассиньяно, Михаил выказал недюжинную личную отвагу — качество, в полной мере ему присущее, что будет доказано во всех последующих кампаниях. Подобное поведение было характерным для русских офицеров и генералов, которые в сражениях обыкновенно находились в первых рядах. К сожалению, эта ситуация имела и свою оборотную сторону:

«Я видел русских офицеров во всех опасных случаях, в которых сам находился вместе с ними, подающими пример храбрости и неустрашимости своим солдатам… Потеря офицерами была пропорционально на одну треть больше потери солдатами»[329].

О подвиге Милорадовича фельдмаршал даже написал князю Багратиону: «Между прочим, ваш приятель Милорадович колол штыками конницу, и иные последовали примеру»[330].

Сложно сказать, были ли эти молодые генералы приятелями хотя бы поначалу, но то, что Суворов поддерживал между ними «соревновательный дух», сомнения не вызывает. Достаточно прочитать его рапорт Павлу I:

«Генерала Багратиона, яко во многих случаях наиотличнейшего генерала и достойного высших степеней, наиболее долг имею повергнуть в высочайшее вашего императорского величества благоволение. Под ним генерал-майора Милорадовича, подающего о его достоинствах великую надежду…»[331]

Милорадович, как мы сказали, был старше, так что вряд ли он мог быть польщен подобными оценками. Нет сомнения, что это понимал и фельдмаршал.

Вот не совсем внятные солдатские воспоминания, тоже кое о чем свидетельствующие:

«Между всеми начальниками князя Багратиона Суворов отличал более прочих и говаривал об нем, что он "по мне будет!" — "Молодец! Молодец, Багратион!" — он везде его выхвалял и ставил первым.

А Милорадовичу однажды сказал: "Господин Милорадович! Я бы вам не советовал после бала ходить к разводу!" — "Виноват, ваше сиятельство, опоздал[332]. Так отвечал Милорадович"».

Бассиньяно было единственным несчастливым для нас сражением на Итальянской земле. Однако оно упрочило боевую

славу Милорадовича, а Константин Павлович уже долго не пытался изображать полководца.

13/24 мая. «Сегодня пришло известие, что неприятель оставил город Казал[333], для занятия коего и командирован был г. м. [генерал-майор] Милорадович с полком своего имени и полком Барановского, а инженерному полковнику Гартингу поручено освидетельствовать того города крепостное строение и привести оное в оборонительное состояние»[334].

«Суворов пошел на Турин — столицу Пьемонта и главный узел сообщений северной Италии. Моро стал отступать на Геную, опасаясь вторичной встречи с Суворовым. 15/26 мая русские войска вступили в Турин и Александрию… Вся северная Италия была в течение одного месяца очищена от французов, сохранивших за собой лишь Геную и Ривьеру»[335].

«"Все войны между собою различны. В Польше нужна была масса; в Италии нужно было, чтоб гром гремел повсюду", — писал граф А.В. Суворов»[336].

Гром гремел, и его раскаты разносились по Европе. Начальник военного департамента граф Ф.В. Ростопчин[337] писал послу в Лондоне графу С.Р. Воронцову[338]: «Дела в Италии идут изумительно хорошо. Главный залог успеха, это презрение нашего солдата к французу. "Да они хуже поляков, а с турками и равнять не можно, давай их сюда!" Ожесточение ужасно, и после дела при Леки, где французский батальон сначала положил оружие, а потом стал стрелять в наших, французам не дают пощады»[339].

Если с противником все казалось ясно, то с союзниками возникали сплошные недоразумения.

«Одним из главных поводов к неудовольствиям и взаимным укоризнам было требование Венского двора, чтобы Суворов ничего не предпринимал важного, не испросив предварительно разрешения из Вены. Гофкригсрат[340] привык уже к тому, что генералы австрийские не отваживались сделать ни единого шага без положительного предписания из Вены; но полководец наш не мог подчиниться такому порядку»[341].

И опять, граф Ростопчин — графу Воронцову: «В Италии барон Тугут недоволен тем, что граф Суворов не берет приступом Мантуи, Тортоны, Александрии и пр. Он знает, что наши солдаты идут на приступ как на катанье с гор во время масленицы; но зачем же губить их тысячами? Война ведется с блестящим успехом в этой стране, и вы увидите из прилагаемой реляции графа Суворова, что французы дерутся плохо»[342].

«Прямая переписка австрийских генералов с венским кабинетом давала обширное поле интригам всякого рода. Зная

это, Суворов не мог иметь никакого доверия к окружавшим его лицам; на каждого из австрийских генералов смотрел он с подозрением; в каждом видел врага своего и лазутчика»[343].

Плохо, когда нет согласия в союзном руководстве, но гораздо хуже, ежели эти проблемы доходят непосредственно до войск, превращая союзников во врагов, — подобное, кстати, вскоре проявилось в рядах вторгшейся в Россию «великой армии», состоявшей из «двунадесяти языков»…

«Австрийское провиантмейстерство совершенно не заботилось о сколько-нибудь исправном прокормлении русских войск, и нередко наши части по три дня оставались без хлеба, а мяса не видели по целым неделям. По этому поводу рассказывают такой случай. Во время одного из переходов группа солдат расположилась на берегу реки. Закусывали тем, что имели при себе, и смачивали горло водой, хлебая ее деревянными ложками прямо из реки. Наехал случайно Суворов. "Что, ребята, вы тут делаете?" — спросил он. "Итальянский суп хлебаем, ваше сиятельство", — отвечали солдаты. Суворов слез с лошади, подсел к ним, взял ложку, похлебал воды, очень похвалил итальянский суп и потом сказал, что "теперь совсем сыт, совсем сыт"»[344].

Однако русский солдат обладал совершенно уникальными качествами. Когда 5/16 июня французский генерал Виктор потеснил наших союзников у Пьяченцы, то, «…несмотря на сильную жару и на бывший до того утомительный ночной переход, русские не шли, а бежали на выручку попавшим в беду австрийцам. Многие из солдат падали от изнеможения, но вскоре вставали и опять шли. Суворов разъезжал между полками, и одно появление любимого вождя заставляло солдат забывать усталость и сон»[345]. «Страшный след обозначил их путь к Сант-Джиовано: люди целыми шеренгами падали от изнеможения, в подошедших ротах не насчитывалось и по 40 человек»[346].

С 6 по 8 (17—19) июня у реки Треббии произошло встречное сражение между союзными и французскими войсками.

«Успех уже решительно склонялся на сторону французов: объединив свои разрозненные до того времени атаки, они захватили австрийскую батарею у дер. Сармато; польская дивизия Домбровского[347] появилась у дер. Карамелло, грозя отрезать поколебленным рядам австрийцев путь отступления. В этот момент подоспел Суворов. Одного взгляда, брошенного с холма на поле сражения, было достаточно, чтобы ориентироваться. Два казачьих полка и австрийские драгуны понеслись вправо, против Домбровского: казаки Молчанова и Семерникова влево, на правый фланг неприятеля. Эта лихая атака приостановила наступление французов. Тем временем успели подойти головные

батальоны пехоты авангарда»[348]. «Домбровский с польским легионом хотел обойти правое крыло наше: Багратион, прежде всех, встретил его штыками; Розенберг, подкрепленный Милорадовичем, атаковал и сломил в линии»[349].

На другой день «…сила удара Макдональда[350] разбилась о стойкость и искусство сопротивления; к 6 часам пополудни вся линия французов была отброшена обратно за Треббию. Суворов попытался перейти ее следом за противником. Но попытки эти были отбиты артиллерийским и ружейным огнем с того берега. Крайнее утомление войск заставило вновь перенести решение боя на следующий день»[351]. 8/19 июня французы отступили, потеряв около 16 тысяч человек, — на десять тысяч больше, чем союзники.

В реляции императору Павлу о сражении при Треббии Суворов писал:

«Отличившихся в делах против неприятеля осмеливаюсь повергнуть в высокомонаршую вашего императорского величества милость… Милорадовича, который, командуя двумя батальонами, атаковал неприятельскую пехоту, опрокинул ее и гнал за реку Треббию, поражая штыками, пленил при двух офицерах до ста рядовых»[352].

«За отличие в сражении при Требии [Апшеронский] полк получил "гренадерский марш"[353]»[354].

«Одиннадцатидневная операция Суворова… является классическим образцом действий по внутренним операционным линиям. И результаты ее соответствовали понесенным армией Суворова трудам: после неудачи Макдональда Средняя и Южная Италия были окончательно потеряны для французов; в Тоскане произошло восстание, великий герцог вновь призван во Флоренцию, во Франции — итальянские события вызвали сильнейшие опасения за пределами самой республики; Макдональд и Моро были отрешены от командования; генералы Виктор, Лапуап[355], Монришар[356] отданы под суд. Еще недавно второстепенный, итальянский театр приобрел характер решающего»[357].

Казалось, исход войны понятен, и не зря Суворов, «… прощаясь с Серюрье [в Милане], сказал, что надеется увидеться с ним в Париже»[358]. Такова была и государева точка зрения, которую Александр Васильевич сформулировал следующим образом: «Францию во Франции исправить, так высочайшее намерение»[359]. Однако присутствие России в Европе пугало наших союзников во все времена. «Спасение Европы ценою русской крови» их устраивало, но призрак возможного усиления России заставлял поступать даже вопреки своим интересам.

Успешное суворовское наступление было фактически остановлено.

«Шесть недель пришлось провести в полном бездействии. Занимаясь ежедневно обучением войск, Суворов тщательно разрабатывал в часы досуга план отложенного им, но отнюдь не отмененного похода на Геную»[360].

«Робость Венского кабинета, зависть ко мне, как к чужестранному, интриги частных, двуличных начальников, относящихся прямо в Гофкригсрат, который до сего операциями правил, и безвластие мое в производстве сих прежде доклада на 1000 верстах, принуждают меня Вашего Императорского Величества всеподданнейше просить об отзыве моем, ежели сие не переменится. Я хочу мои кости положить в моем отечестве и молить Бога за моего государя»[361], — писал Суворов императору Павлу.

«Вынужденное бездействие Суворова было использовано французами»[362], которые в начале августа предприняли наступление через Генуэзские горы. Главнокомандующим армией был 30-летний генерал Жубер[363].

«Вместе с Моро и Сен-Сиром[364] Жубер выехал на высоту у Нови и тут увидел собственными глазами все расположение многочисленной армии союзников. Прямо перед ним в расстоянии не более двух верст с половиной — стояло до 9500 русских войск: в первой линии — князь Багратион, во второй, позади Поцоло-Формигаро — генерал Милорадович. За этими войсками, еще верстах в шести позади, виднелся лагерь у Ривальты, где осталось до 15 тысяч войска (6100 русских Дерфельдена и 8800 австрийских Меласса). Обратившись влево, к реке Орбе, Жубер увидел две длинные развернутые линии, упиравшиеся правым флангом к реке у Фресонары: тут были уже вместе войска Края и Бельгарда[365], составлявшие до 27 тысяч человек.

Итак, Жубер с 35 тысячами войска как будто нечаянно наткнулся на пятидесятитысячную армию Суворова, за которой еще оставались у Тортоны, на правом берегу Скриви, два корпуса…»[366]

«Еще до зари 4 августа Суворов двинул Края в атаку на левый фланг. Здесь пал Жубер, по первым выстрелам прискакавший в цепь. Командование принял Моро»[367]. «Седый Суворов позавидовал смерти столь знаменитой и велел мне написать в реляции, что он сражался с Жубертом, которого сам Бонапарт называл своим преемником. Вот лучшая ему эпитафия!»[368]

«Первая атака русских велась 10 батальонами, предводительствуемыми генералами Багратионом и

Милорадовичем, и была направлена на фронт Нови и ближайших участков позиции. У французов было достаточно сил и времени, чтобы приготовиться к этой атаке и не испытывать никаких опасений. Русские повсюду были отброшены с большими потерями. Тогда Багратион сделал попытку с 4 батальонами обойти Нови с востока. Это движение совпало с маневром дивизии Ватрена. Она атаковала эти 4 батальона с фланга, частью отбросив их к остальным силам, частью приведя их в расстройство и вынудив отступить на Формигаро»[369]. «Храбрость Багратиона и Милорадовича тщетно направляла русских воинов, положение неприятеля было слишком выгодно, и упорство его было отчаянное»[370]. «Апшеронский и Бутырский полки мужественно держались, несмотря на подавляющее большинство неприятеля. Апшеронский полк, предводимый своим храбрым генералом Милорадовичем, несколько раз ходил в штыки, заставляя неприятеля отступать. Во время одной из этих атак был тяжело ранен командир полка полковник Карпов; его место заступил подполковник Инзов»[371].

«Багратион, несмотря на отчаянную храбрость своих войск и поддержку, оказанную Милорадовичем, не смог подняться на высоты и после кровопролитного боя в самом Нови и на склоне высоты вынужден был прекратить атаку и спустить свои войска вниз»[372].

«Князь Петр Иванович Багратион говорил: "Я имел приказание выманить неприятеля из гор на плоскость, и тихо оттягивал назад к боевой линии; французы напирали сильно, и их подчивали мои егеря порядком. Три раза, один за другим, посылал я к Александру Васильевичу своих адъютантов и ординарцев с донесением о ходе сражения, и наконец послал с просьбою о позволении начать натиск; но посланные мои не возвращались; неприятель, заняв довольное пространство места, мною ему данного, остановился, производил с стрелками моими сильную ружейную и пушечную пальбу. Все это заставило меня ехать к самому Александру Васильевичу; один из посланных мною встретился мне на пути, доносил: "Граф спит, завернувшись в плащ". — Что бы это значило? — гадал я; помилуй Бог. Уж жив ли он? — и ускорил бег моей лошади. Впереди колонн корпуса Вилима Христофоровича [Дерфельдена. — *А. Б.]* стоял круг генералов — я к ним, и вижу невдалеке: Дивный [А.В. Суворов. — *А. Б.]* лежит, закутавшись в свой старинный плащ. — Лишь в ответ Дерфельдену сказал я одно слово, как Александр Васильевич откинул с себя плащ, вскочил на ноги. Сказал: "Помилуй бог! Заснул. Крепко заснул… пора!" — А он, по-видимому, вовсе не спал, а вслушивался в слова господ генералов

и приезжающих с битвы адъютантов и обдумывал о предстоящем деле. Расспросив меня наскоро о ходе сражения и взглянув на позицию неприятеля, он ту ж минуту повелел мне и Милорадовичу вступить в бой".

Битва открылась по всей линии, исключая левого фланга армии; там были австрийцы, тысяч до пятнадцати — и там было тихо. Корпус Дерфельдена вступал в сражение по частям на подкрепление Багратиона и Милорадовича»[373]. «Вскоре после перехода в атаку Багратиона и Милорадовича Суворов, став во главе дивизии Дерфельдена, выступил для поддержки этой атаки»[374].

Сражение, начавшееся рано утром, завершилось лишь к 18 часам — французская армия отступила под угрозой окружения.

В письме адмиралу Федору Федоровичу Ушакову (1743—1817) фельдмаршал Александр Васильевич Суворов подробно написал: «Я спешу сообщить… о сильном поражении неприятеля. 4/15 сего месяца показался он на хребтах гор около Нови, состоявший в 37 000 человеках, и выстроился в боевой порядок, имея с левой стороны за собой Гавию, а правым крылом простирался к Серавалле. В таком положении был он атакован, совершенно разбит и обращен в бегство. Урон его простирался, по признанию самих французов, до 20 000 человек. На месте убито свыше 6000 человек, в том числе и командовавший армией генерал Жуберт, дивизионный генерал Ватрант[375] и бри[гадный] г[енерал] Гаро; в плен взято 4 генерала: генерал-аншеф Периньян[376], дивизионный генерал Груши[377], бригадные генералы Колли[378] и Партоно[379], а штаб, обер-офицеров и рядовых близ 5000; разбрелось за 4000 человек; пушек отбито 39, с порохом ящиков 48…»[380]

В послании к графу Ростопчину граф Суворов был предельно краток:

«Русский Бог велик… охают французы, усмехаются цесарцы… а здесь, хоть и победно, но тяжело…»[381]

Полковник Комаровский подвел итог кампании: «С небольшим в три месяца мы прошли и очистили от неприятеля все владения Венецианской республики, всю Ломбардию и весь Пиемонт. В течение сего времени армия возвращалась от Турина назад до Пияченцы, где три дня продолжалась знаменитая баталия на трех реках: Тидоне, Требии и Нуре, и опять подошли к Турину»[382].

«После Новийского сражения Суворов мечтал о наступательном движении в Генуэзскую Ривьеру, но вместо того возникшие недоразумения с венским кабинетом заставили его просидеть в бездействии в городе Асти три недели…

Число лиц, желавших представиться великому фельдмаршалу, было всегда очень велико… Многих из представлявшихся Суворов приглашал на свои обеды, которые в таких случаях продолжались по несколько часов и во время которых фельдмаршал особенно поражал своим остроумием, знанием, странностями и проч.»[383].

«Уловив момент молчания, граф Милорадович рассказал анекдот, как два наши солдата поставлены были в Германии на квартиру к одной старушке, которая угощала их, как мать. Тронутые ее ласкою, солдаты изъявляли знаками свою благодарность, но, заметив, что она их не понимает, вскричали: "Куда старушка бестолкова? Кажется, говоришь ей по-польски, а она все 'нихтферштен'". "Знаешь ли, брат, — сказал один, — наденем мундиры и отдадим нашей доброй кормилице честь к ноге". Тотчас оделись, вытянулись и прокомандовали: "К ноге!" Старушка расхохоталась.

— Я, — продолжал рассказчик, — хочу непременно заставить искусного артиста выгравировать эстамп с изображени ем изумленной старухи и двух солдат, отдающих ей честь к ноге, и с надписью: "Благодарность русских солдат за гостеприимство".

Граф любил М.А. Милорадовича и, выслушав его рассказ, сказал:

— Любезный Михаил Андреевич! Этот анекдот русский; прибавьте к надписи еще и русскую пословицу: "Хорошо, кто хлеб-соль водит; а вдвое тому, кто хлеб-соль помнит", — и закончил: — Вот каковы наши чудо-богатыри!»[384]

Император Павел Петрович писал Суворову в рескрипте своем от 9 августа:

«"Примите в воздаяние за славные подвиги ваши; да пребудет память их в потомках ваших к чести их и к славе России…" В заключение высочайшего рескрипта было приписано: "Простите, победоносный Мой фельдмаршал, князь Италийский, граф Суворов-Рымникский!"»[385]

«Император Павел I повелел гвардии и всем Российским войскам, даже и в присутствии своем, отдавать князю Италийскому, графу Суворову-Рымникскому все воинские почести, подобно отдаваемым Особе Его Императорского Величества»[386].

Весьма высоко оценил боевую деятельность русского полководца и неприятель: «За главу Суворова назначила Французская республика два миллиона ливров. "Ах, помилуй Бог, как дорого", — сказал он»[387].

Наградой генерал-майору Милорадовичу стало «высокомонаршее благоволение»[388].

Между тем «…отношения между союзниками испортились до такой степени, что их правительства решили впредь действовать обособленно. Русской армии надлежало перейти в Швейцарию, австрийцам остаться в Италии. Австрийцы всячески торопили русских, но в то же время чинили препятствия на каждом шагу… Находившийся в Швейцарии эрцгерцог Карл[389] выступил оттуда, не дожидаясь русских, и оставил на произвол судьбы под Цюрихом только что прибывший из России 30-тысячный корпус генерала Римского-Корсакова[390]. Предательский этот поступок имел самые печальные последствия.

28 августа русская армия, собравшись в Алессандрии, выступила в новый поход. Союзники расставались… Одних на высотах альпийских ждала слава, чистая, как снег тех высот, — слава Чертова моста и Муттенской долины. Других ожидал позор Маренго, Гогенлиндена и Кампо Формио… Каждому воздалось по делам его»[391].

* * *

Уже потом, возвращаясь в Россию, Суворов записал:

«Нам требовалось 15 дней, чтобы очистить Италию, но меня погнали в Швейцарию, чтобы там уничтожить. Эрцгерцог при приближении нового русского корпуса хотя и располагал армией, на одну треть сильнее русской, все же предоставил ей удерживать все занятые пункты и хладнокровно ушел, не помышляя о возвращении»[392].

«Швейцария составляла как бы центр расположения обеих враждебных армий. Не будучи сама воюющей стороной, она была тем театром, на котором государства Европы боролись за верховное господство»[393].

«Надобно при этом заметить, что Суворов не имел точных сведений ни о силах неприятельских, ни о местности нового театра войны. В том и в другом отношении положился он на австрийцев: по сведениям, доставленным от генерала Готце[394], фельдмаршал считал во всей Швейцарии не более 60 тысяч неприятельских войск. Относительно же местности, вероятно, русскому полководцу и на мысль не приходили все страшные преграды, ожидавшие его на пути через Сен-Готард»[395].

Будущий военный министр оказался здесь не совсем точен — князь Италийский писал императору Францу I: «Еще должен почтительнейше заметить, что корпус генерала Корсакова, за исключением кавалерии, которую невозможно использовать по условиям тамошней местности, состоит только из 24 тысяч

человек, а русский корпус, находящийся в Италии, из 16 тысяч человек, следовательно, армии противника, которая по сведениям генерала Корсакова имеет 70 тысяч войска, мы противопоставили 40 тысяч человек»[396].

«Назначены были к нему офицеры австрийского Генерального штаба, знакомые с местностью в Швейцарии. Один из них, полковник Вейротер…[397] пользовался доверенностью фельдмаршала; он составлял в продолжение Швейцарского похода все диспозиции и проекты; он вел всю военную переписку; он же, сколько известно, присоветовал и выбор пути через С.-Готард»[398].

Перевал Сент-Готард — высота 2108 метров. «Какое значение для обеих сторон могло иметь обладание С.-Готар-дом? Мы имеем смелость утверждать: крайне незначительное, как бы предосудительным ни показалось такое мнение генеральным штабам армий»[399], — писал впоследствии знаменитый военный теоретик Карл Клаузевиц[400], поясняя, что в глубь Швейцарии вели и другие, более удобные и безопасные пути.

Очевидно, так, но будем исходить из того, как это считали в 1799 году:

«На театре войны гора Сен-Готард как в Италии, так и в Швейцарии есть ныне важнейший пункт, к удержанию коего нужно употребить все способы»[401], — предписывал Суворов графу Гадику[402], ибо «18 мая С.-Готард был уже во власти союзников»[403]. Вот только 14 августа они его потеряли…

«Чем далее шли мы от Александрии к Швейцарии, тем более климат изменялся, делался суровее, пасмурнее, холоднее; слишком часто мочил нас и крепко мочил дождичек, с пронзительным, холодным ветром. С переменою климата и жители проходимых нами мест изменялись, города, местечки и селения постройкою были хуже итальянских, — но люди в движениях своих были проворнее итальянцев, крупнее ростом и благороднее в лице — так мне казалось…»[404]

«Поход через Альпийские горы не представлял нам никаких выгод, ни такого изобилия в продовольствии, как Италия. Напротив того, в осеннее время, с беспрерывными дождями, а часто и снегом, без бараков, которые не из чего было сделать, армия находилась под открытым небом и питалась одним сыром и картофелем, от чего сделались болезни. Приятно, однако же, было видеть, с каким радушием встречали нас добрые швейцарцы: они выносили навстречу нашим солдатам вино, хлеб, сыр и фрукты»[405].

«4 сентября Суворов из Алессандрии прибыл в Таверну — у подножья Альп. Отсюда ему представлялось два пути на

соединение с Корсаковым: кружной — в долину верхнего Рейна, и кратчайший — на Беллинцону, Сен-Готард, долину Рейсы — к озеру Четырех Кантонов. По представлению союзников-австрийцев, Суворов избрал этот второй путь с тем, чтобы, пройдя берегом озера на Швиц, действовать в тыл армии Массены. Однако австрийцы, советовавшие фельдмаршалу выбрать этот путь, утаили от него главное: вдоль озера дорог на Швиц не существовало, и русская армия неминуемо попадала в тупик»[406]. «По утверждению самого Суворова, он был убежден в том, что С.-Готардская дорога идет от Флюэлена, вдоль озера, в Швиц»[407].

Но это был, так сказать, главный сюрприз, и таковых австрийцы «подготовили» еще немало — более мелкого масштаба. Хотя, конечно, нелепо было бы считать, что все это делалось злонамеренно, с целью погубить русских. Нет, союзники просто не задумывались о том, чтобы их сберечь, действовали по известному принципу: «кони чужие, хомут не свой — погоняй, не стой». Уж ежели российские правители никогда людей не жалели, то чего тогда требовать от чужеземцев?! «Авось, прорвутся православные, нешто им!» — так, думается, можно выразить австрийскую точку зрения «на языке родных осин».

В результате исконно русского наплевательства с австрийской стороны «…расчет по продовольствию войск сделан ошибочный. Из соображения разных документов и данных видно, что первоначально Суворов предполагал взять с собой 14-дневный или, по крайней мере, 10-дневный запас провианта, но потом, вероятно, вследствие необоримых затруднений, ограничился 7-дневным»[408].

По словам участника похода, рацион этот был достаточно скромен: «Подойдя к горам, каждый из нас получил порцию сухарей, и этим запасом пришлось продовольствоваться чуть ли не все время странствования по голодной Швейцарии»[409].

6/17 сентября Суворов писал Францу I: «Я пришел сюда 4/15 числа: следовательно, сдержал свое слово; не без труда сделал я в 6 дней такой переход, на который считали нужным не менее 8 дней. Но здесь не нашел я ни одного мула и даже не имею никаких известий о том, когда прибудут они. Таким образом, поспешность нашего похода — осталась бесплодной; решительные выгоды быстроты и стремительности нападения — потеряны для предстоящих важных действий…»[410]

Австрийцы оказались правы: православные нашли, как вывернуться. Очень интересным представляется письмо Суворова императору Павлу I, датированное 9 сентября:

«В сем отчаянии не оставалось нам иного средства, как употребить вместо мулов казачьих лошадей, которое толико

спасительное средство изволил к нашему общему утешению преподать его императорское высочество, благоверный государь великий князь Константин Павлович»[411].

Подумать только, никто из опытных военачальников и боевых офицеров не мог догадаться, а 20-летний великий князь сообразил сразу! Тонким политиком был фельдмаршал Суворов…

Очевидно, вся армия сразу узнала, кто принял столь гениальное в своей простоте решение: «Мысль [Константина Павловича] употребить казачьих лошадей под вьюки действительно была сообразна с обстановкой, ибо в горах спешенные казаки могли принести больше пользы»[412].

«Вместо обещанных 1429 мулов австрийцы заготовили 650; с провиантом они, кажется, тоже запоздали. После долгого ожидания решились, наконец, вместо недостающих мулов употребить для перевозки провианта и багажа 1500 казачьих лошадей»[413].

План действий Суворова был таков: «Во всей позиции неприятельской от устья реки Аар чрез кантоны Цюрих, Гларис, Швиц, Ури и Унтервальден самая сильнейшая часть есть левое крыло не только по числу войск, но и по естественным препятствиям, которые представляются наступающему от местности…

Можно с успехом атаковать только правое крыло неприятельской позиции. Хотя здесь местность весьма гориста, зато, по крайней мере, выгоды с обеих сторон одинаковы, а при нападении между озерами Люцернским и Цугским можно противопоставить неприятелю даже большее протяжение фронта. Выгода эта останется и в том случае, если силы, рассеянные ныне в кантонах Швице и Гларисе, присоединятся также к 30 тысячам, стоящим на Альбисе, которые тогда усилятся уже до 40 тысяч человек. К тому же нельзя не заметить, что в таком случае мы будем иметь дело только с 20 тысячами неприятельских войск, против которых можем выставить более 35 тысяч; эта часть неприятельских войск будет, разумеется, разбита и обращена в бегство; несколько тысяч пленных останутся в наших руках; затем мы нападем победоносно на остальные силы правого крыла его, приведем их в расстройство, в замешательство; упорное сопротивление сделается невозможным и последствием будет победа»[414].

«При этом подлинно чудесном переходе из Италии в Швейцарию, через Альпийские горы, Милорадович находился в корпусе Розенберга, который по предназначенному плану должен был следовать через Рейн и озеро Обер-Альп к Гризонам, обойти Урзерн и выгнать оттуда французов»[415].

Кажется, мрачная красота гор настроила Суворова на поэтический лад. Он писал государю: «На каждом шаге в этом царстве ужаса зияющие пропасти представляли отверстые и поглотить готовые гробы смерти. Дремучие, мрачные ночи, непрерывно ударяющие громы, лиющиеся дожди и густой туман облаков, при шумных водопадах, с каменьями с вершин низвергавшихся, увеличивал трепет. Там явилась зрению нашему гора Сен-Готард, этот величественный колосс гор, ниже хребтов которого громоносные тучи и облака плавают…»[416]

«Говорят, будто бы наши войска, изумленные необычайным для них зрелищем покрытых вечными снегами Альп, отказались идти далее: событие невероятное, почти невозможное!»[417] «Услышав негодование, Суворов предоставил им избрать любое: беспрекословно повиноваться ему или предать его земле у подошвы Сен-Готарда; велел рыть для себя могилу. "Здесь похороните меня, — произнес герой. — Вы более не дети мои — я более не отец вам — мне ничего не остается, кроме смерти!" Изумленные, растроганные солдаты, зная решительность вождя своего, бросились к нему с громкими восклицаниями: веди, веди нас! Подняли его на руки. "Вот, — говорит очевидец Фукс, — первый шаг Суворова к победам в горах Альпийских"»[418].

«Погода была ненастная, туман висел на горах, и как будто шла изморось. Нам, нагруженным провиантом, с непривычки трудно было подниматься в горы; люди беспрестанно отставали. Суворов, бывший при нашем отряде, объезжал тянувшиеся в горы ряды и говорил солдатам: "Молитесь Богу, ребята! Бог поможет! С нами Бог! Вперед, чудо-богатыри! Вот ты шаг ступил и ближе — все меньше остается!"»[419]

«Непривычные к горной войне, они медленно двигались к цели, то подсаживая один другого, то упираясь штыками. Приходилось ползти и карабкаться в сильную стужу по таким дебрям, заброшенным на недосягаемую высоту, по которым не ступала нога человеческая»[420].

«Если пехота беспрекословно исполняла сверхчеловеческую задачу и — самое смелое — высказывала беспокойство, то казаки, выбитые из седла и раздосадованные тем, что надо идти пешком, кричали Суворову:

— Куда ведешь ты нас, батюшка? На это генералиссимус отвечал:

— К славе!»[421]

Звучит красиво! Правда, можно и призадуматься: насколько нужна была казакам эта самая слава, да и как, вообще, они ее понимали?

Более реальной представляется следующая ситуация:

«Суворов совершил неимоверный поход среди своего войска на лошади, едва влачившей ноги, в синем обветшалом плаще, который достался ему после отца и был известен под названием родительского, в круглой большой шляпе, взятой у одного капуцина. Ропот воинов, отчаянием исторгаемый, доходил до него: "Старик наш, — говорили они вслух, — выжил из ума: Бог весть куда завел нас!" — Суворов спрашивал: что они говорят? Ему отвечали: "Вы слышите сами". — "Да! — кричал он: — Помилуй Бог, они меня хвалят; так хвалили они меня в Туретчине и Польше". — И утомленные солдаты хохотали, забывали свою усталость, радостно повторяя слова Предводителя: Вперед! С нами Бог! Русское войско победоносно. Ура!»[422]

Однако начальник походной канцелярии Суворова статский советник Егор Фукс (1762—1829) утверждает нечто иное: «Слышал он иногда ропот своих воинов, отчаянием исторгаемый, и, скорбя о них, забывал самого себя. "Вперед — с нами Бог! Русское войско победоносно — ура!" Сии слова Героя — и все забыто»[423].

«Войска, назначенные для обороны Сен-Готарда, были размещены так, что три батальона, под непосредственным начальством Гюдена[424], находились на Сен-Готарде против Айроло; один батальон занимал Фурку; два батальона стояли при озере Обер-Альп; небольшой отряд на Кришпальте. Таким образом, французские войска расположены были как на главном пути, ведущем через Сен-Готард в Швейцарию, так и на тропинках, по которым можно было обойти главную позицию; но силы их были весьма недостаточны для упорной обороны занятых ими пунктов»[425].

«Из тогдашней переписки французских генералов обнаруживается… что как Массена[426], так и подчиненные ему начальники не подозревали плана союзников и наступления Суворова; во всяком случае они не знали ничего определенного ни о времени наступления, ни о направлении союзников, и были совершенно поражены появлением русских на С.-Готарде»[427].

«Утром 10 сентября оба русских корпуса направились к Сен-Готарду… Для облегчения атаки горы С.-Готард, занятой неприятелем, Розенберг должен был обойти позицию неприятеля справа. Дорога сначала проходила по узкой долине Бленьо, затем поднималась на горы, спускалась к реке, переходя с одного берега на другой. Войска двигались в следующем порядке: в авангарде шли Апшеронский полк, егерский батальон и 100 человек казаков под начальством генерал-майора Милорадовича…»[428]

Здесь Михаил Андреевич впервые выступил в качестве авангардного вождя — в той роли, которую он будет

блистательно играть во всех последующих войнах.

«Когда мы перешли через Сен-Готард, великий князь послал меня поздравить фельдмаршала с совершением столь многотрудного и знаменитого похода, и что имя его приобрело тем незабвенную славу в истории. Граф Суворов принял сие поздравление со всеподданнической признательностью, как от сына природного своего государя, — это были его слова. При сем я прибавил ему от себя комплимент, но фельдмаршал мне отвечал:

— А Ганнибал? — он первый то же сделал»[429].

«10 сентября корпус наш выступил в поход… Здесь присоединился к нам с полком имени своего Милорадович, полный военного духа генерал, знаменитый в боях. Он стал в авангард с полком своим и несколькими егерями Кашина полка; мы шли 10-е, 11-е и 12-е число, то по узеньким тропинкам лезши на высочайшие горы, то спускаясь в пропасти; часто не видали тропинок; часто переходили вброд глубокие быстротоки, выше колен в воде, — а два раза и по пояс ее было…»[430]

«Проливной дождь, скользкая дорога, крутые спуски и подъемы на каждом шагу замедляли движение Розенберга.

В авангарде следовал Милорадович… Выступая ежедневно с рассветом, колонна шла почти безостановочно до самой ночи. Переходы были чрезвычайно утомительны… В этой стране, суровой и пустынной, на высоте 8 тысяч футов[431] над поверхностью океана, в холодную и бурную ночь, войска не имели даже хворосту, чтобы обогреться у бивачных костров… С рассветом 12-го числа колонна начала взбираться на снеговой гребень…»[432]

Егор Борисович Фукс писал в частном письме:

«Страх и трепет объемлют сердце при воззрении на сии над тучами и облаками возвышающиеся вершины гор, на которые должно подниматься. Каждый шаг скользит, а под пятой вижу неизмеримые пропасти. В виду всей гусем тянущейся армии полетел один наш офицер на лошади стремглав в сии преисподние пучины… Ужасные вихри разрушали и низвергали страшные камни, падение которых раздавалось громовыми ударами; шумные водопады так заглушали воздух, что в пяти шагах не слышал я иногда кричащего со всею силою ко мне спутника… Иногда в один день проходили мы все климаты и испытывали все возможные погоды; нередко на высоте горы, покрытой вечным льдом и снегом, все войско начинало от чрезмерной стужи и ветров костенеть; вожатые наши трепетали и наконец разбежались. Преданным нам на произвол судьбы, отверзала повсюду зев свой лютая смерть. Умереть

долженствовало от холоду, от голоду, от падения громад камней, от ледяных глыб, от соединенной свирепости всех элементов…»[433]

«В три дня войска Розенберга прошли по трудной горной дороге около 75 верст. Несмотря на то, отсталых почти не было: если кто из молодых солдат начинал выбиваться из сил, товарищи подхватывали его ношу, чтобы дать ему оправиться. Многие из офицеров вовсе не имели ни вьюков, ни верховых лошадей: скатав шинель через плечо, они несли сами в узелке насущное пропитание и все походное свое имущество»[434].

13 сентября. «В 6 верстах от Тевеча казаки открыли передовые неприятельские посты и завязали с ними перестрелку; позиция неприятельского отряда располагалась на снежной седловине, между двумя высокими горами; здесь стояли два батальона. Генерал Милорадович с Апшеронским полком и казаками двинулся прямо; за ним шел с Азовским полком и егерским батальоном генерал Ребиндер[435]; Орловский же полк направлен по горе Криспальте, в обход левого фланга позиции. В резерве оставлен Новгородский полк.

Казаки сбили передовые французские посты, которые начали взбираться на гору; по пятам их шел Милорадович, имея впереди егерский батальон. Атакованный на горе авангардом, французский отряд отступил к озеру Обер-Альпу, где и занял новую позицию»[436]. «Отсюда выбить их было труднее, хотя войска Розенберга успели стянуться почти все и имели огромный перевес числа. Общая атака тремя колоннами по обоим берегам озера встретила упорную оборону и кроме того была затруднена болотистой местностью; однако Милорадовичу удалось сбить правое французское крыло. Это побудило неприятеля к общему поспешному отступлению; хотя он и пытался останавливаться еще на нескольких позициях, но деятельный Милорадович не давал ему утвердиться, и под конец отступление обратилось почти в бегство»[437]. «Рассказывают, что в одном месте… гора была так крута, что солдаты остановились в недоумении, как спуститься по ней. Тогда генерал Милорадович, со словами: "посмотрите, как возьмут в плен вашего генерала", покатился вниз — и за ним в тот же миг бросился весь Апшеронский полк»[438].

Было так или не было? Кто знает… Хотя вариантов рассказа об этом случае сохранилось несколько. Например, такой: «Здесь генерал Милорадович, начальствовавший передовым отрядом, на всяком шагу сражался с природой и побеждал врагов. Достигнув высоты одной горы, утесистой как стена, солдаты рассуждали: "как же спуститься нам". "А вот как", — сказал генерал, опрокинулся на спину и покатился с горы… Солдаты сделали то

же и полетели за ним! У подошвы ожидал неприятель; он открыл жестокий ружейный огонь: но толпа храбрых, как будто ниспавшая с облаков лавина, обрушившись, смяла, раздавила и рассеяла неприятелей»[439].

А в следующем варианте рассказа вдруг появляется Свиты по квартирмейстерской части поручик Толь[440], в 1812 году ставший генерал-квартирмейстером 1-й Западной, а в 1813-м — и всей русской армии. «При переходе через Сен-Готард Толь находился при Милорадовиче. При спуске с крутой скалы в долину, защищаемую французами, колонна Милорадовича остановилась среди ужасов природы. Заметя колебание, Милорадович воскликнул солдатам: "Посмотрите, как возьмут в плен вашего генерала!" — и покатился на спине с утеса. Войско последовало примеру любимого начальника, но Толь был первый, кинувшийся за Милорадовичем. С тех пор Милорадович и Толь сделались самыми искренними друзьями»[441].

«Преследование продолжалось безостановочно целые шесть верст до селения Андермата (Урзерн), где французские войска, снова успевшие устроиться, были атакованы авангардом Милорадовича и опрокинуты с значительным уроном по направлению к Чертову мосту»[442].

Милютин писал: «Странно, что в истории войны 1799 года те именно события, которые с первого взгляда кажутся наиболее известными, остаются в действительности самыми темными. Много противоречий представляется в рассказах о переходе Суворова через Чертов мост»[443].

Мысль верная, только ничего странного нет. Те, кто писал реляции, вряд ли находились в первых рядах атакующих, да и общую картину происходящего в тамошних условиях обозреть было невозможно… Каждый из участников похода видел ее по-своему, запомнил что-то свое — и на основе этих рассказов, нередко противоречивых, создавалась история кампании.

«Спустившись в равнину, все войска построились в боевой порядок и совершенно неожиданно атаковали неприятеля. Несмотря на все мужество и стойкость противника, он был разбит и принужден отступать, оставив в наших руках 3 пушки и потеряв около 180 убитых. Во время преследования неприятеля взяты в плен один штаб-офицер и до 40 солдат. В Унзерне захвачен склад провианта и 370 тысяч патронов»[444].

«Преследование было так быстро, что французы едва успели небольшим только отрядом занять страшную теснину через Урзернский проход к Чертову мосту. Между тем войска Розенберга, подойдя к Урзерну, остановились на высоком уступе горы, чтобы стянуться и устроиться. Левая колонна

Милорадовича, присоединившись еще на пути к остальным войскам, образовала левое крыло, в центре стали войска Ребиндера, а на правом крыле полк Мансурова[445]. Впереди всего боевого порядка, по краю обрыва, рассыпаны были егеря Сабанеева[446].

Пока русские строились и готовились к атаке, неприятель пробовал бросать в них гранаты; но выстрелы снизу вверх, на крутую гору, нисколько не могли вредить нашим войскам. Время подходило к вечеру, темные, тяжелые облака спускались все ниже и ниже на дно долины…»[447]

«На рассвете 14-го числа генерал-майор Мансуров с его и с занимавшим деревню Вейскирхен баталионом отряжен был на мост Тейфельсбрюк»[448].

«Встреченный в Урзернской дыре ружейными залпами и картечью, авангард Милорадовича остановился. Форсирование прохода привело бы к значительным и напрасным потерям. Суворов выслал две колонны в обход. Полковник Трубников с 300 человек взобрался на отвесные почти скалы над Урзернской дырой; майор Тревогин — с 200 егерями перейдя вброд Рейсу, по крутизнам стал заходить в тыл защитникам Чертова моста. Появление Трубникова, вызвав смятение в рядах французов, облегчило фронтальную атаку подземелья; гренадеры Милорадовича прорвались через узкий проход и по следам французов бросились на мост»[449].

«Вдруг слышим, что неприятель укрепился за каким-то Чертовым мостом. И точно, мы как будто опускались в чёртово гнездо: на каждом шагу натыкались на скалы и крутые обрывы, а внизу, в пропасти, реку ворочает, словно камни в пыль перемалывает.

Теснота такая, что двум человекам в ряд идти опасно: а где из щели ветром так и хватит, что не устоишь на ногах! Туман, словно кисель какой, — так и висит на плечах.

Однако с Чертова моста передние войска сбили неприятеля. Нам пришлось проходить уже по готовому мосту, около которого господа офицеры сами хлопотали и уцелевшие бревна связывали шарфами»[450].

«Старавшийся совсем испортить мост неприятель не допускается, на том месте поражается, падает в Русс, срывает остающиеся с лафета пушки и бросает в воду. Майор князь Мещерский 1-й[451] переходит на ту сторону через испорченной мост, переводит туда генерала и офицера с помощью шарфа, нижние чины за ними следуют по оставшемуся бревну, бегут за неприятелем, гонят и теснят везде по пути его»[452].

«Французы отошли к Альтдорфу. Суворов остановил свои

войска у Вазена; несколько дальше продвинулся авангард Милорадовича, успевший потушить подожженный Лекурбом мост у Амстега»[453]. «15-го на рассвете, по изготовлении переправы, Милорадович с авангардом выступает вперед, гонит неприятеля и находит другой мост в Амштеге сожженным. Сие ни его, ни целой корпус не удерживает, все идут по тлеющим бревнам к Альтдорфу, принимают из французского магазейна несколько мешков муки и выгоняют из лагерей неприятеля. При сближении к Альтдорфу удерживается он на горах между стенами и на мосту перед оным; он защищает сии места пушкою»[454].

«Мы услышали впереди себя ружейные и пушечные выстрелы, и тогда охотники целого корпуса понеслись к месту сражения. Остальные войска шли ускоренным шагом. Мы увидали врага в нескольких колоннах под прикрытием двойной цепи своих стрелков. Милорадович и охотники, к нему прибывшие, ускорили шаг вперед. Неприятель встретил нас стойко и вступил в сражение. Но Милорадович, не любивший перестрелки и немецкой тактики, повел все войска свои в натиск со штыками и принудил врага отступить под прикрытием густой цепи своих стрелков; с нею хлопот было мало — она мгновенно была опрокинута и погнана»[455].

«Неприятель, достигши местечка Альтдорф, стал в нем твердой ногой и, пользуясь горным местоположением и строениями, вступил в жаркую битву. Но Милорадович сделал натиск и неприятель не устоял от штыков русских; преследуемый он бежал к стороне озера Люцерна, где и сел на вооруженные пушками лодки и отчалил от берега»[456].

И только тут выяснилось, что никакой дороги к Швицу вокруг Люцернского озера нет и что к тому же французы забрали все лодки. Пришлось спускаться в Муотенскую (Муттенскую) долину через перевал Росшток… Но это оказался тот вариант, о котором в народе говорится, что «из огня да в полымя».

«Положение русских войск в Муттенской долине действительно было ужасно: изнуренные неимоверным походом, почти босые, без всякой теплой одежды, несколько дней уже нуждались они в продовольствии»[457]. «Офицеры и генералы бедствовали чуть ли не больше, и солдаты охотно им помогали, чем могли: чинили обувь на привале, делились харчами из последних скудных остатков. Милорадович на привале съел у одного солдата спеченную из альтдорфской муки пригорелую лепешку, очень ее похвалил, поблагодарил хозяина и прислал ему взамен небольшой кусочек сыра — половину всего, что имел сам. Солдат не взял сыру, а вместе с другими своего десятка или капральства составил складчину, по сухарику с брата, и все это с

кусочком сухого бульона, взятого с убитого французского офицера, отнес в узелке к Милорадовичу, который поблагодарил и принял»[458].

Рассказывали и так: «Милорадович подошел к огню, увидел спеченные лепешки, взял одну и начал кушать с величайшим аппетитом: "Бог мой! да это вкуснее пирога! слаще ананаса! чья лепешка?" Ему сказали. "Благодарствую! Я пришлю тебе за нее сырку!" И в самом деле, человек принес маленький кусок сыру и, отдавая ратнику, сказал: "Извини, что немного! Барин пополам разделил, больше нет, ведь вьюк наш отстал!" Ратник не взял сыру, говоря: "Умру с голоду, а не возьму!" Тогда весь круг бросился к сухарным своим мешкам; достали каждый по сухарю и всякого, кто что давал, завязали в платок и понесли Милорадовичу, который, все приняв, пришел сам благодарить их за то»[459].

«18-го числа (29 сентября) Суворов собрал у себя военный совет, на который приглашены были: великий князь Константин Павлович, все русские генералы и некоторые из штаб-офицеров… Все вместе вошли к фельдмаршалу. Суворов остановился, сделал поклон, потом зажмурил глаза и, казалось, собирал свои мысли. После минутного молчания вдруг окинул всех своим быстрым, огненным взглядом и начал говорить торжественно, сильно, с одушевлением: "Корсаков разбит и прогнан за Рейн! Готце пропал без вести, и корпус его рассеян! Елачич[460] и Линкен[461] ушли! весь план наш — расстроен!"»[462]

На пути русских стояла 60-тысячная армия генерала Массены.

Суворов говорил: «"Одна остается надежда на всемогущего Бога, да на храбрость и самоотвержение моих войск! Мы русские! с нами Бог!"…

Как будто искра электрическая пробежала во всех присутствовавших. Придя в какое-то восторженное состояние, Суворов продолжал: "Спасите честь России и государя! Спасите сына нашего императора!"… С этими словами бросился он к ногам великого князя и облился слезами. Все окружавшие приведены были в неизъяснимое волнение; никому еще не случалось видеть Суворова в таком расстроенном и встревоженном состоянии. Семидесятилетний полководец, испытанный в тысяче опасностей, непреклонный до упрямства, всегда изумлявший своей железной силой воли, — теперь плакал от горя…»[463]

«И с последними словами великий полководец пал к ногам Константина Павловича.

"Мы, — сказать прямо — остолбенели, и все невольно

двинулись поднять старца-героя от ног великого князя; но Константин Павлович тогда же быстро поднял его, обнимал, целовал его плечи и руки, и слезы из глаз его лились. У Александра Васильевича слезы падали крупными каплями"»[464].

«Генерал Дерфельден первый заговорил от имени всех русских начальников: он ручался за неизменную храбрость и беспрекословное самоотвержение войска, готового безропотно идти всюду, куда поведет великий полководец. Слова эти были истинным услаждением для Суворова…»[465]

«Военный совет постановил — вместо Швица идти на Гла-рус и Кенталь. На арьергард Розенберга выпала трудная и почетная задача — прикрыть этот маневр от армии Массены, начавшей уже от Швица спускаться в Муттенскую долину»[466].

Багратион рассказывал: «Ту ж минуту Александр Васильевич, подошедши к столу, на котором была разложена карта Швейцарии, начал говорить, указывая по ней: тут, здесь и здесь французы; мы их разобьем и пойдем сюда…

"Михайло (Милорадович)! ты впереди, лицом к врагу! — Максим (Ребиндер)! Тебе слава!.. Все, все вы русские! — Не давать врагу верха; бить его и гнать по-прежнему! — Слава Богу! — Идите и делайте все во славу России и ее Самодержца Царя Государя". — Он поклонился нам и мы вышли»[467].

«19-го поутру передовые с обеих сторон пикеты имели перестрелку»[468].

«Сшибка загорелась сильно, но ненадолго; французы бежали с поля боя… Вслед за перепалкой Михаил Андреевич Милорадович приехал к нам с одним казаком; объехав нашу линию, велел собраться нам — и все слетелись к нему, как дети к любимому отцу. Он нам говорил: "Смотрите же, братья! Бить врага должно; вы для того только здесь, чтобы заманить врага к нам ближе. Стреляйте цельно, редко да метко! Налетов класть штыками на упокой и помаленьку оттягивать назад, когда будет приказано; слушайте барабана, смотрите на начальника; за храбростью в карман не лазить: ставь русскую богатырскую грудь на лицо, прямо!" Он тут ударил рукою по своей высокой груди и, простившись с нами, пожелал нам в поборники святого Георгия и уехал. "Вот богатырь — так богатырь!" — говорили ратники: "хват, молодец, наш брат русский! Начальник драгоценный!.."»[469]

«Пополудни в два часа неприятель, рассеяв своих тиральеров[470] впереди, сделал атаку начально на пикеты, потом на стоявшую впереди роту егерей и далее на расположенные за монастырем наши войска»[471]. «Горячий бой уже длился более двух часов, когда прибыли наконец на подкрепление авангарда остальные три полка: Милорадовича, Ферстера и Велецкого[472].

Это было уже часу в пятом по полудни. В то самое мгновение, когда неприятель был озадачен неожиданным переходом в наступление слабого авангарда Ребиндера, свежие войска русские с барабанным боем двинулись через первую линию. Предводимые неустрашимым Милорадовичем, они смело ударили в штыки и мгновенно опрокинули неприятеля»[473].

«Как только Ребиндер ударил на врага, — Милорадович с богатырским полком своего имени и с двумя другими полками (имен их не упомню), вырвавшись из второй линии, быстро, бегом бросился вперед. В мгновение враг на всех пунктах был опрокинут, бит пулями и штыками насмерть и преследован по пути к Швицу более пяти верст»[474].

«Сего дня было там в деле против нас 8 тысяч под командой генерала Мортье, число, нас гораздо превосходнейшее; из оного убито до 500, загнанных в реку потонуло более 100, взято в плен 70 да ранено за тысячу человек… Ночь пресекла сие сражение, и войска были поставлены в прежнюю позицию»[475].

«Михаил Андреевич Милорадович во время боя, при последнем натиске на врага и при преследовании его был впереди, и везде на виду у ратников»[476].

На следующий день сражение продолжалось, противник, имеющий превосходные силы, пытался наступать.

«Когда неприятель, увлеченный наступлением, уже достаточно близко подошел к нашим резервам, то передовая линия раздвинулась, и изумленным французам предстали грозные колонны русских войск. Но, вслед за тем, неприятель с музыкой продолжал наступление, а артиллерия его открыла по нашим войскам огонь картечью. Вдруг вся линия полков после залпа по французам на самом близком расстоянии, предводимая храбрым Милорадовичем, ринулась в штыки.

Совсем не ожидая перехода в наступление, неприятель пришел в полное смятение: его первая линия дрогнула и обратилась в бегство, а за нею и все остальные»[477].

«Четырехтысячный русский отряд не только отразил неприятеля, имевшего двойные силы, но, можно сказать, одержал над ними победу блистательную. Вся слава этого дня принадлежит Ребиндеру и Милорадовичу. Неприятель понес при отступлении довольно сильный урон: дорога была закидана телами, много французов потонуло при переправе через реку Муотту, человек 70 пленных с одним орудием остались в руках победителей»[478].

«Три дня— 18, 19 и 20 сентября —вел неравный бой в Мутгенской долине этот геройский арьергард. 4 тысячи, а затем 7 тысяч русских — оборванных, голодных, изнуренных —

разгромили 15 тысяч солдат Республики. Массена едва избежал плена. В этих боях французы лишились 3 тысяч убитыми и ранеными, 2200 пленными, 2 знамен, 12 орудий… Тем временем главные силы армии карабкались по оледенелым кручам, до тех пор считавшимся недоступными. 20 сентября, сбив дивизию Молитора[479], армия собралась в Гларусе, где выждала присоединение арьергарда Розенберга»[480].

«Узнав, что все тяжести перевалили через гору Брагель, фельдмаршал послал генералу Розенбергу приказание отступить из Мутгенской долины. Но отступление нашего малочисленного корпуса в виду превосходных сил противника могло повлечь за собой большие потери; поэтому генерал Розенберг пустился на хитрость: он приказал жителям Швица заготовить провианта на 12 тысяч человек, которые будто бы должны вступить 21-го числа в эту деревню. Генералу Массене дали о том знать, и он целый день простоял на своей позиции в ожидании русских. Не видя их, он наконец сделал рекогносцировку в Муттенскую долину и тут убедился, что его обманули, и русский корпус беспрепятственно ушел»[481].

«Войска тронулись в путь ночью с 23 на 24 сентября. Милорадович шел в авангарде, за ним вьюки, потом остальные войска Розенберга и наконец Дерфельден»[482].

«Армия Суворова начала свой последний швейцарский переход. В арьергарде остался Багратион, без артиллерии и патронов, одними штыками отбивавший весь день 24-го атаки втрое сильнейшего противника»[483].

«Дорога, трудная сама по себе, сделалась совсем непроходимой от продолжительного ненастья. При начале подъема войска вязли в грязи, едва вытаскивали ноги, спотыкались и даже обрывались в бездны. Чем выше поднимались, тем круче и труднее становился подъем, а выпавший в ночь свежий снег совсем занес дорогу. Густые облака одевали всю поверхность горы, так что русские карабкались наобум, ничего не видя перед собой. Проводники разбежались и войска должны были сами искать дорогу, погружаясь в снежные сугробы. Вьюга немедленно же сметала все следы, и каждый солдат должен был пробивать себе новый путь. С высоты горы слышались на дне глухие раскаты грома, по временам сквозь густой, непроницаемый туман сверкала молния. Огромные каменья, срываемые бурей, с грохотом катились в бездны… Все без различия — солдаты, офицеры, генералы были босы, голодны, изнурены, промочены до костей. Каждый неверный шаг стоил жизни…

Целый день безостановочно колонна тянулась через хребет, и

только авангард Милорадовича с частью вьюков сумел засветло спуститься к деревеньке Панике»[484].

Согласно рапорту Суворова, весь авангард генерал-майора Милорадовича — два егерских, мушкетерский и два казачьих полка — составлял 2586 человек[485]. Напомним, что в начале кампании в одном только генерал-майора Милорадовича мушкетерском полку налицо было 1516 человек. «Из состава полка выбыло: 6 обер-офицеров и 165 нижних чинов убитыми; 2 штаб-офицера, 13 обер-офицеров и 199 нижних чинов ранены и 40 без вести пропало — всего 425 человек»[486].

«Все войско, начиная от Суворова, представляло одно тощее, изнуренное лицо — все герои, ибо все боролись со смертью, каждый выставлял свою грудь»[487].

Казалось бы, следуя сформулированному Наполеоном закону: «Война сама себя кормит», русские должны были сполна вознаградить себя за все тяготы и лишения похода. Однако документы свидетельствуют об обратном. «Комиссар Фассбинд в своей рукописи, хранящейся в кантональном архиве, писал, что русские грабили лишь тогда, "когда жители Муотенской долины запрашивали с них втридорога, и голод их к тому принуждал"…

У них господствует строгая дисциплина, и нарушители ее строго наказываются. Офицеры были роскошно одеты и имели при себе много оружия. Русская пехота по виду своему не представляла ничего необыкновенного… Несмотря на ужасно длинные марши (от 300—400 часов), которые они сделали до нашей страны, они не казались сильно утомленными, потому что они бодро шли на неприятеля; они были также очень умеренны и скромны, ни священникам, ни церквам, ни женщинам не нанесли ни малейшего оскорбления, наоборот, они вели себя набожно и благочестиво…»[488]

«Так закончился знаменитый поход, в котором Апшеронский полк блистательно доказал, что установившаяся о нем репутация, как об одном из славнейших полков русской армии, вполне справедлива»[489].

28 октября «…император возвел Суворова в звание генералиссимуса и повелел воздвигнуть ему в Петербурге памятник; великому князю Константину Павловичу пожалован титул цесаревича, а все офицеры получили награды»[490].

«"Это много для другого, — произнес тогда император графу Ростопчину, — а Суворову мало: быть ему Ангелом", — и велел вылить бронзовую статую для украшения столицы, в память знаменитых подвигов…

Великий князь Константин Павлович за храбрость и примерное мужество получил от своего Августейшего Родителя

титул Цесаревича»[491].

Это титул наследника престола. Известно, император гораздо больше доверял Константину, нежели его брату Александру, любимцу Екатерины II, которую Павел ненавидел. Не исключается, что государь хотел передать престол своему второму сыну… Между прочим, «…почти весь переход по Швейцарии, беспримерный по перенесенным трудностям, великий князь совершил пешком»[492].

Вскоре Суворов писал императору: «Я сделался стар и слаб… и одной прошу милости у всемилостивейшего государя моего, чтобы отпустил меня домой. Мы увидим, что будет с австрийцами, когда бич их Бонапарте возвратится в Европу»[493].

Взаимоотношения между союзниками были испорчены вконец, доверие утрачено напрочь — зато отношение императора Павла к Франции постепенно изменялось… В результате государь принял решение, отразившееся в соответствующем письме Суворову:

«Поздравляю вас, князь, с новым годом, скажу вам в ответ на письмо ваше от 16-го текущего, что обстоятельства требуют возвращения армии в свои границы, ибо виды венские те же, а во Франции перемена, которой оборота терпеливо и не изнуряя себя мне ожидать должно. Идите домой непременно. Вам доброжелательный друг

Павел»[494].

«Суворов получил Высочайшее повеление возвратиться в Россию и, читая в будущем, произнес: "Я бил французов, но не добил. Париж — мой пункт — беда Европе!"»[495]

Как видно, несмотря на изменение политических конъюнктур, отношение Александра Васильевича к Франции не изменилось — он понимал, что Республика принесет Европе еще немало бед. Однако в сложившихся условиях русским войскам следовало вернуться на родину.

«Удаление русской армии поразило как громом австрийцев, и они употребляли все усилия, чтобы изменить решение Павла I, но их старания оказались бесполезными. Да и сам Суворов не хотел уже иметь никакого дела с союзниками, которым более соответствовало название изменников»[496].

«Австрийский кабинет… вознамерился прислать князя Эстергази в главную квартиру, в Аугсбург, как особу, которой великий князь оказывал милости. Инструкция князя Эстергази состояла в том, чтобы склонить его высочество быть посредником между двумя императорами… Князь Эстергази привез от императора Франца две ленты военного ордена Марии Терезии: одну великому князю, а другую князю Суворову; два ордена на

шею: князю Багратиону и Милорадовичу, и несколько орденов в петлицу, которые предоставлено было генералиссимусу возложить по его усмотрению»[497].

«При выступлении своем из Швейцарии в Богемию Суворов назначил Милорадовича дежурным генералом армии, и с тех пор он был всегдашним собеседником героя. Благодарность к нему Милорадович сохранил на всю свою жизнь. Суворов был кумир его»[498].

Думается, Суворов полюбил этого молодого генерала не только по причине дружбы с его отцом. «Будучи сам отважен до безрассудства, Суворов ценил это качество и в других. Генералы Дерфельден, Багратион, Милорадович и Кутузов были для него лучшими друзьями; всякий подвиг храбрости находил в Суворове первого и наиболее справедливого ценителя. При этом он не знал никакого различия в национальностях. С особенным уважением и любовью он относился к генералу Милорадовичу, которому даже подарил свой миниатюрный портрет, сделанный искусным итальянским живописцем; известно, что даже коронованные особы с трудом выпрашивали его портреты»[499]. «Суворов всегда отличал Милорадовича. В знак особенного благоволения Суворов подарил ему портрет в самом малом виде. Милорадович вставил его в перстень и на четырех сторонах его написал: "быстрота, штыки, победа, ура!" — всю тактику великого наставника своего. Суворов, увидя перстень этот, сказал: "Должно бы еще прибавить пятое слово: натиск, между штыки и победа, тогда тактика моя совершенно бы содержалась в этих пяти словах"»[500].

Русская армия отправилась в обратный путь.

«— Когда мы, — рассказывал Милорадович на обеде во дворце, в присутствии самого императора Александра I, — возвращались из Италии, то остановились в Праге; я был при Суворове дежурным генералом и должен был с ним всегда ездить в карете на обеды и вечеринки. Фельдмаршал имел небольшой круг знакомых, где по вечерам собиралось много молодых девушек; играли в жгуты, и Суворов изо всей мочи бивал их, за то и они ему платили той же монетой. За обедом он приказывал мне говорить в то время, когда он кушал, и продолжать начатую им речь. Однажды он рассказывал, как сорок лет тому назад стоял в Полтаве; вдруг ему подали кушанье, и он замолчал. Я сначала не знал, что говорить о полтавском его пребывании, но, вспомня, что в старые годы жила там старуха Кочубей, сказал:

— Его светлость, тогда страстно влюбленный в госпожу Кочубей, проводил у нее все вечера.

— Браво, браво! — воскликнул на это Суворов»[501]. «Памятен еще всем, служившим в Итальянском походе, тот великолепный и

единственный пир, который дал Милорадович отцу войска и своему благодетелю в Праге, в Богемии. Суворов называл этот пир Лукулловым. На другой день после того обеда, говоря о пышности великолепия угощения, спросил он: "Есть ли в свете хотя один государь, который мог бы обогатить Милорадовича? Нет! У храброго нашего друга деньги, как сор, которые он беспрестанно из горницы выметает"»[502].

Император Павел с нетерпением ожидавший возвращения Суворова, писал ему собственноручно: «Не мне тебя, герой, награждать. Ты выше мер моих; но мне чувствовать сие и ценить в сердце, отдавая тебе должное. Благосклонный Павел»[503].

Однако совсем скоро отношение государя к полководцу переменилось…

* * *

Последняя опала и смерть генералиссимуса Александра Васильевича Суворова — отдельная тема, к нашему повествованию прямого отношения не имеющая. Она требует большого исследования, ибо здесь далеко не все ясно. Точно можно утверждать, что в мирное время популярный военачальник становится фигурой не только лишней, но и опасной — достаточно вспомнить М.Д. Скобелева или Г.К. Жукова. Причем их боятся не только властители, подозревающие в них своих соперников, но и оппозиционеры, видящие в них опору существующего режима. Очень возможно, что Павла I с Суворовым поссорили те, кто готовил цареубийство…

Невольной причиной опалы стал Милорадович — должность дежурного генерала, на которую его назначил Суворов, существовала при Екатерине II, теперь же была упразднена. В письме от 20 марта 1800 года император писал:

«Господин генералиссимус, князь Италийский, граф Суворов-Рымникский. Дошло до сведения моего, что во время командования вами войсками моими за границей имели вы при себе генерала, коего называли дежурным, вопреки всех моих установлений и высочайшего устава. То удивляяся оному, повелеваю вам уведомить меня, что вас побудило сие сделать.

Павел»[504].

Назначенная торжественная встреча была отменена… Все происходившее далее достаточно подробно описано во многих источниках. Однако в исторической литературе порой говорится, что император проигнорировал похороны великого полководца. На самом деле это было не так.

«В числе поджидавших печальную процессию находился и государь с небольшой свитой, на углу Невского и Садовой. При приближении гроба Павел I снял шляпу; в это время за спиной его раздалось громкое рыдание, он оглянулся и увидел, что генерал-майор Зайцев, бывший в Итальянскую кампанию бригад-майором, плачет навзрыд… Государь не смог пересилить самого себя, и у него из глаз капали слезы. Пропустив процессию, тихо возвратился во дворец, весь день был невесел, всю ночь не спал и беспрестанно повторял слово "жаль"»[505].

Этот эпизод совсем не так описан Я.М. Старковым, скрывшим свое имя под псевдонимом «Старый Воин»: «Генерал-майор Алексей Дмитриевич Зайцев, бывший бригад-майором[506] и в 1800 году находившийся безотлучно при особе Государя Императора, рассказывал мне…» — к сожалению, каких-либо конкретных сведений ни об авторе этих строк, ни об упомянутом им генерале Зайцеве нам найти не удалось. «Я не утерпел и никак не мог себя удержать, громко зарыдал, — говорил Алексей Дмитриевич. — Государь обернул ко мне голову, взглянул и изволил сказать: "Господин Зайцев! Вы плачете? Это похвально; это делает вам честь; вы любили его?" У его величества из глаз слезы падали каплями»[507].

«В назначенный день вельможи, чиновники и все сословия двинулись к Александро-Невской лавре. Император, окруженный блистательной свитой, ожидал печальное шествие у Публичной Библиотеки и, по приближении гроба, снял шляпу, низко и почтительно поклонился праху знаменитого мужа, который прославил его царствование»[508].

«— Прощай!.. Прости!.. Мир праху великого! — сказал он в полный голос, отдавая низкий поклон усопшему, и все видели, как в эту минуту текли слезы по лицу Государя.

В воротах Лавры шествие затруднилось. Опасались, что высокий надгробный балдахин не пройдет под ворота и уже хотели было его снимать.

— Вперед! — закричал вдруг старый гренадерский унтер-офицер, ломавший все походы вместе с Суворовым. — Не бойтесь, пройдет! Он везде проходил!

И вот, по слову старика-инвалида, разом двинулись вперед, и действительно, колесница вместе с балдахином прошла на монастырский двор вполне благополучно»[509].

* * *

Эти петербургские события никак не коснулись нашего героя

— сразу после похода полк его имени возвратился к прежнему месту дислокации…

«Год, проведенный Милорадовичем под начальством Суворова, был лучшей для него школой: в ней развилось его действительное призвание, в ней усвоил он ту удаль, ту предприимчивость, то замечательное умение привязать к себе солдат, которые впоследствии так далеко выдвинули его из рада современных русских генералов. С этого времени Милорадович вдруг становится популярным и в армии и в народе.

Император Павел щедро наградил Милорадовича за итальянскую кампанию: он дал ему орден святой Анны первого класса, пожаловал его командором ордена святого Иоанна Иерусалимского с присвоением ему при последнем пожаловании по тысяче рублей ежегодного дохода и наградил вдобавок орденом Александра Невского и проч.

Император австрийский и король сардинский, со своей стороны, спешили выразить свою признательность Милорадовичу; первый подарил ему осыпанную алмазами табакерку, а второй дал орден Маврикия и Лазаря большого креста.

В этом же походе Милорадович приобрел особое расположение и дружбу великого князя Константина Павловича, который вступил даже с ним в переписку и в своих письмах постоянно благодарит Милорадовича за его службу»[510].

«Апшеронский полк по возвращении из Италии расположился в Ровне; в самом городе находился полковой штаб и один батальон, а другой батальон размещен был по ближайшим селам. В Ровно жил и шеф полка Михаил Андреевич Милорадович, совершенно сроднившийся с апшеронцами на полях Италии и в горах Швейцарии; он знал не только всех офицеров полка, но и многих солдат; строевыми учениями занимался сам, и у него ежедневно обедала чуть ли не половина офицеров полка. Учения чередовались с балами, задаваемыми Михаилом Андреевичем, до которых он сам был большой охотник»[511].

Впрочем, думается, Милорадович в полковой истории несколько идеализируется — вряд ли он был столь старательным службистом, тем более — вдали от высочайшего двора.

Современник свидетельствует: «Милорадович любил подсмеиваться над старым полковником [Инзовым] за то, что тот, с невероятным терпением, по три часа сряду муштровал свою роту, свой батальон и, без гнева и страсти, одним и тем же голосом повторял: "отставь!", если прием ружейный исполнялся не чисто. Часто Милорадович, узнав о часе и времени такого учения, говорил своим: "Уж этот мне Иван Никитич!.. Он переделает гренадер моих в немцев!" — и, вскочив на прыгающего

коня… он мчался на место, где тихим шагом, поодиночке или пошереножно, плавали усатые гренадеры. Подлетев к фрунту, Милорадович кричал: "Стройся!.. Гренадеры, вспомните Италию!.." и, составя на минуту фрунт, начинал ломать его на взводы, дробить взводы на отделения: крутил, мутил, переворачивал и, заметя подчас суматоху, восклицал нараспев густым басом: "Бог мой! Порядок в беспорядке: солдат должен быть на все готов!.." Часто оканчивал он очень удачно склейку фрунта, а иногда не мог сладить расклеенных частей и тогда, как и во многих случаях своей домашней жизни, говаривал: "Иван Никитич, поправить все!" — и уезжал домой»[512].

«Хотя бывший командир полка И.Н. Инзов… вспоминал про шефа, что "у него все вверх дном: ночь, обращенная в день, день, обращенный в ночь", но тем не менее полк был в блестящем виде; так, цесаревич Константин Павлович писал (29 сентября 1802 года) Милорадовичу: "…доведя в обучении и исправность во всех частях вверенного вам Апшеронского мушкетерского полка до желаемого Его Императорским Величеством совершенства… делает вам честь, яко начальнику, исполняющему долг свой с отличным усердием и знанием…" Подтверждает это и Высочайшее благоволение…»[513]

В Ровно Михаил Андреевич устроился со всем возможным комфортом, и его жилище достойно пространного описания: «Он занимал дом деревянный, довольно большой, с мезонином, пана Горецкого, один из лучших домов во всем городе. Чего не вытерпел этот мученик дом! По крайней мере раз в месяц изменялся вид внутренних комнат. Что бал, то новое преобразование! — вдруг исчезала целая стена; на место ее являлась колоннада. В другой комнате становилось одним или двумя окнами менее и одной дверью более. О диванах, зеркалах и прочем говорить нечего: все, как живое, почти ежедневно, прыгало с места на место, и все это устанавливал, прилаживал, примеривал сам Милорадович! У него было необыкновенное стремление к гармонии и симметрии, необыкновенно тонкий вкус. Он был великий охотник и мастер убирать свои комнаты. И эта охота зацелела в нем до последних дней жизни. Дурно прибранная комната наводила на него тоску, и часто, где-нибудь в гостях, говаривал он: "вот этот диван поставил бы я туда-то, а это зеркало повесил бы здесь". Но не подумайте, чтобы он привязан был душою к своим дорогим, часто драгоценным вещам. С истинной беспечностью запорожского воина обходился он со своей прекрасной мебелью. Возвратясь с полкового учения, которому всегда умел придавать вид малой войны или сражения, он, весь в пыли, забрызганный грязью, кидался на шелковые и

бархатные диваны. Дорогие шали, которыми иногда закутывал себя более для щегольства (простуды он не боялся!), также немилосердно бывали измяты и запылены…

Кабинет… облит был весь каким-то роскошным и вместе с тем томным освещением… Почти все стены кабинета были зеркальные или тесно установленные зеркалами, которых рамы таились за богатой драпировкой из зеленой шелковой материи, искусно развешенной на золотых кольцах. По местам стояли белые алебастровые вазы, разливая прелестное лунное освещение. В других вазах… хранился душистый попурри и мускус, от которых невидимо курилось очаровательное благовоние… Прекрасный транспарант, занимавший почти всю поперечную перегородку. Освещенный с тылу, этот транспарант представлял картину с большим эффектом. Яркие блистательные краски так и бросались прямо в глаза. В нескольких отделениях представлялась история инков или, лучше сказать, сцены из романа Мармонтела.

Величественная природа Южной Америки, кацики в своих головных уборах и преследующие их испанцы в полурыцарских одеждах, с огнестрельным оружием… Подле транспаранта у перегородки стоял диван, одетый черным бархатом, распещренный красными (тогда была такая мода) иероглифическими фигурами и разными принадлежностями египетского быта. На правой руке, у стены, под большим зеркалом в золотых рамах, находился также шелковый диван, более покойный чем прежний и под цвет комнаты. На нем лежала измятая шаль и развернутая книга. Блеск от бронзы, золота и фарфора, густой аромат и томное, магическое освещение…

…Вдруг поднялась по всем углам тревога. Бронзовый арап, с отдутыми щеками, с белыми бусами на шее, стал водить в обе стороны глазами и качать курчавой головой, между тем как часы, которые держал он в охапке, трещали, готовясь бить. Другие часы, вделанные в вазу с цветами, стояли за стенкой в шелковой нише, третьи рисовались на бюро, четвертые, с курантами, висели на стене в соседней комнате, и еще одни, с флейтами, были в зале. Все они раскачивали свои маятники, шипя и тревожась перед исходом последних минут часа. И вдруг со всех сторон зазвонило, запело, заиграло и везде пробило: "одиннадцать часов"»[514].

…Часы отсчитывали последние минуты царствования императора Павла.

Глава четвертая. В АВСТРИЙСКИХ ВЛАДЕНИЯХ

«Император Павел, несмотря на всю свою строгость и вспыльчивость, любил солдата — и тот чувствовал это и платил Царю тем же. Безмолвные шеренги плачущих гренадер, молча колеблющиеся линии штыков в роковое утро 11 марта 1801 года являются одной из самых сильных по своему трагизму картин в истории русской армии»[515].

Так было… Но в официальной истории, а от нее — и в исторической памяти, остались совершенно иные картины. Не удивительно: за пределы императорского дворца выходит только нужная, скажем так, информация: «Вступление на трон Александра было приветствовано единодушными и искренними восторженными возгласами. Никогда еще большие чаяния не возлагались у нас на наследника власти. Спешили забыть безумное царствование»[516].

Очень похоже на описание переворота 1762 года, собственноручно сделанное Екатериной II. Хотя, действительно, спешили — но не так уж и многие. Князь Чарторижский[517], один из ближайших сподвижников нового императора, осторожно признавал: «Заговор, правда, был выражением почти единодушных желаний высших классов и большей части офицеров[518], но не так дело обстояло с солдатами. Строгости, безрассудные неистовства императора Павла обрушивались обыкновенно на чиновников, на генералов и старших офицеров. Чем человек был выше рангом, тем сильнее он подвергался всему этому. Но только в очень редких случаях прихотливая строгость Павла касалась солдат. Кроме того, солдатам постоянно раздавали после парада и учения хлеб, мясо, водку и деньги. Ужас, испытываемый офицерами, и наказания, которым те ежедневно подвергались, не заключали в себе ничего неприятного для простого солдата. Наоборот, солдаты видели в этом даже некоторого рода удовольствие за битье палками и дурное обращение, которое они постоянно терпели от офицеров… Солдатам нравилось, их забавляло то, что их император подвергал наказаниям и строгостям офицеров, в то же время при всяком случае обильно награждая войска за работы, бессонные ночи и всякие стеснения, которым они подвергались.

Одним словом, солдат, а в особенности гвардеец, при Павле чувствовал себя хорошо, был доволен, привязан к императору»[519].

К сожалению, Павловские реформы, не только торопливо проводимые, но и саботировавшиеся ближайшим окружением императора, в их осуществлении не заинтересованном, не привели к желаемой цели — наведению порядка в империи.

«Менее всего порядка было в военном ведомстве, где после Павловского режима наступила полная путаница, и, несмотря на благие намерения военного министра, генерала Вязьмитинова[520], ему не удавалось восстановить расшатанного. Дух войск был прекрасный, дисциплина была строгая, но генералы были, в большинстве, бездарные и бестолковые. Весной 1803 года государь приказал вернуться из Грузина Аракчееву и снова вступить инспектором всей артиллерии… Государю нужен был человек, преданный ему и близкий, чтобы серьезно заняться приведением армии в подобающий вид. Он и вызвал Аракчеева единственно для этой цели, в чем оказался вполне прав, так как за это время Аракчеев всецело предался своей специальности — артиллерии, которую вскоре и привел в блестящее состояние»[521].

Звучит не очень логично, а утверждение о бездарности павловских генералов вообще спорно, о чем мы уже говорили. Да и недаром же именно Аракчеева, фаворита убиенного императора, приблизил к себе Александр I для исправления положения дел — в отношении службы он четко следовал по отцовскому пути.

«Гатчинские порядки причинили Александру непоправимое зло; они привили ему увлечение фронтом, "мелкостями" военной службы, солдатской выправкой, одним словом, экзерцирмейстерство, парадоманию. Усмотрев в порядках, заведенных отцом, существенную сторону военного дела, Александр… довел в свое царствование выправку до небывалого совершенства»[522]. «Проявилась страсть к военной муштровке, столь любимой им еще во времена гатчинских вахтпарадов. Ведь эта страсть была отличительной чертой не только Александра Павловича, но и остальных его братьев»[523].

Все же в предшествующее царствование совершилась полная переформировка всего войска вообще, и первые плоды этой реформы должны были сказаться в настоящее царствование. Император Александр I пояснил, добавил и развил мысль августейшего своего родителя, и уже в первые годы его царствования всеобщий вид благоустройства, порядок, определенность показали все превосходство новых установлений.

Государь поспешил исправить и некоторые ошибки отца — например, «…через 17 дней после восшествия на престол Александр I вернул полкам прежние названия по наименованиям

городов и земель империи»[524].

Вообще, «…начало царствования императора Александра было ознаменовано самыми блестящими надеждами для благосостояния России»[525].

«Апшеронский полк состоял в дивизии графа Ланжерона, который жил в Бресте, а все Волынские войска находились под главным начальством великого князя Константина Павловича, любившего Милорадовича как сослуживца в Италии, как любимца Суворова»[526].

Да, цесаревич Милорадовича любил, но он, генерал-инспектор всей кавалерии, главный начальник кадетских корпусов, председательствующий «воинской комиссии», на Волыни не начальствовал… А вот с Ланжероном судьба сведет Михаила Андреевича надолго, и этот внимательный и желчный наблюдатель немало о нем нам поведает.

Особо следует сказать еще об одном человеке, с которым пересеклись тогда пути нашего героя. Летом 1803 года в полк прибыли шестеро прапорщиков, окончивших курс в 1-м кадетском корпусе, — среди них был Федор Глинка[527].

«В Киеве услышали мы в первый раз о будущем нашем шефе — Милорадовиче. Там знали этого молодого генерала, одного из русских героев в Италии — обвешенного крестами (тогда это было редко), пылкого на войне, любезного, даже пленительного, в обхождении с прекрасным полом. Но еще более подробностей узнали мы о нем, проезжая Волынь. Там гремели обе его славы — военная и разгульная. Нам рассказывали, что, несмотря ни на какие дороги, рано весною и в позднюю осень, он любил скакать по-курьерски. Особенно удивлялись тому, что он никогда не дозволял тормозить своего экипажа, и с каждой горы, как бы крута она ни была, мчался во весь конский скок, приводя в трепет самых бестрепетных фурманов (извозчиков) — по большей части евреев…

Нам рассказывали также, что он любил музыку, охотно слушал русские песни и давал великолепные балы, на которых до упаду танцевал с живыми, прекрасными польками.

…Наконец мы приехали в Ровно, старинный польский городок. Вдруг пронесся плавным галопом через всю площадь статный ездок в генеральском мундире на гнедой английской лошади. Чепрак, залитый золотом, и множество крестов на груди сверкали на солнце. Высокий султан волновался над шляпою. Это был Мршорадович. За ним неслась его свита из адъютантов и ординарцев, пользовавшихся прекрасными лошадьми из его конюшни… Все эти особы ехали к шефу полка обедать. За обедом — так нам рассказывали — играли 24 музыканта из крепостных

людей генерала. После обеда ездили опять верхами или катались с песенниками на лодках по озеру, окружавшему с одной стороны город. Вечером отправлялись на гербату (на чай) в замок к князю Юзефу Любомирскому. При чае всегда было чтение; читали по очереди вслух журналы, чаще какое-нибудь новое произведение французской литературы. Тогда еще не убивали время за картами. Игрывали на бильярде и в шахматы. Милорадович считался опасным бойцом с кием в руках и на шахматной доске. Везде он рисковал, везде делал смелые выходки, изумляя противников отвагою, а часто и успехом.

Вдруг раздавался в зале резкий звук смычка — и через минуту все общество кружилось в звонком вихре вальса или рисовалось в мазурке.

Много было патриархального в тогдашней военной жизни. Офицеры любили Милорадовича, солдаты обожали его»[528].

«Нас представили генералу после его обеда. Он лежал в мундире нараспашку на софе и курил трубку. Богатый янтарь дымился в устах его. Тут имел я время рассмотреть своего шефа, как говорится, с ног до головы, и вглядеться в лицо чрезвычайно значительное. В этом лице тотчас можно было угадать родовые черты серба. Но большой сербский нос не портил его лица, продолговато-округлого, тогда еще веселого, открытого. Русые волосы легко осеняли чело, слегка отененное думою. Он имел светлые, голубые глаза, которых очерк был продолговатый и взор ясный. Улыбка скрашивала губы узкие, даже несколько поджатые. У иных означает это скупость; в нем могло означать только какую-то внутреннюю силу, потому, что нескупость его слишком была известна! — Правда, по временам, и он бывал скуп, но надолго ли? После поездок в Белую Церковь всякий раз принимался он за хозяйство. "Знаешь ли (говорил он), как аккуратно живет генерал П… Вот хозяин! Я непременно стану жить так же. Он дал мне формы для заведения хозяйственных книг и по дому, и по деревне; у меня страшный везде беспорядок; но этого более не будет!.." И тут закипала работа. Переплетали книги, графили листы, распределяли должности между дворней и даже записывали расход и приход в продолжение двух, трех суток. Но скоро это прискучивало: книги валялись уже под столом, и старое шло по-старому»[529].

«Генерал отличался своею грудью. У него была, как говорят, грудь колесом. Красиво обозначалась она под мундиром, при стройной, щегольски затянутой талии. Он был только что разве среднего роста, но плечист.

…Окинув взором нас, молодых офицеров, и видя, что все мы были дробны ростом, Милорадович улыбнулся шутливо, не

сардонически (он мог вспылить, рассердиться, но не умел язвить) и сказал: "Ну, Бог мой! (любимая его поговорка) теперь только нам нужна война! Война! А воины есть!"»[530]

«"Вы читаете по-французски?" — Читаю. — "Пожалуйте прочтите! (и подал мне книгу) Я долго сегодня читал. В горах Италии простудил я свои глаза: они часто воспаляются". — Я принял книгу. Это было описание какого-то плавания по Тихому океану и рассказы о быте и междоусобных войнах разноплеменных островитян-дикарей. Я начал читать звонко и приятно. По временам он прерывал чтение и заводил разговор. При сей верной оказии я выгружал все, чем наделило меня корпусное ученье, по части истории и географии. Мы говорили также о войне и политике, касались даже предметов философии… "Я очень вами доволен, — сказал генерал. — Приходите завтра обедать; мы познакомимся короче!"»[531]

Вот такие очерки оставил о своем начальнике Федор Глинка. По этим рассказам Милорадович совсем не кажется столь ограниченным человеком, как утверждали некоторые. Хотя Федор Николаевич был к нему очень пристрастен.

В первом номере журнала «Москвитянин» за 1844 год был опубликован его же непритязательный рассказ «Иванчук», названный по фамилии солдата, который, тоскуя по дому, дважды бежал из полка… Во второй раз военный суд приговорил его к телесному наказанию, что смутило весь город, — и лишь полковой шеф сохранял видимое спокойствие. Хотя «…в поведении Милорадовича заметна стала какая-то особенность. В почтовые дни, вместо того, чтоб, по всегдашнему своему обыкновению, диктовать бумаги вслух, декламируя и расхаживая по комнате или лежа, растянувшись на диване, он уединялся в уголок и писал, писал… Потом сам делал конверт, запечатывал его с особенной тщательностью и с надписью: "в Брест" или "С.-Петербург" — отдавал для отсылки. С почты приказал он также приносить бумаги прямо к себе…»[532].

Когда же солдата повели на казнь, генерал продиктовал полковому адъютанту: «"По предварительному сношению с высшим начальством, которое соблаговолило уважить представленные мною причины, я имел счастье исходатайствовать (это его любимое слово) рядовому из рекрут Иванчуку за вторичный побег его — прощение. Вследствие чего (опять его привычное в бумагах слово) виновного рекрута от телесного наказания освободить и переслать в дальнюю мушкетерскую роту. Полковому священнику рекомендовать сделать Иванчуку приличное отеческое увещание; а капитан *** имеет поручить его строгому надзору двух старых мушкетер,

бывших со мною в Италии".

— Готово? Подай! — и тут размашистым почерком, с живописным крючком, подмахнул он: "Милорадович"»[533].

Что тут сказать? Истинное, деятельное милосердие, сочетаемое с громким театральным эффектом… Весьма характерно для Михаила Андреевича!

Федор Глинка оставил и такое воспоминание:

«Учтивый со всеми теми, которых он держал вдалеке от себя, Милорадович говорил всегда: "Вы". Слово "Ты" означало степень сближения с ним. Он часто приближал к себе офицеров своего полка, и говорил им "Ты". Но, подметив что-нибудь невыгодное в их нравах и поведении, переходил на "Вы". И это было знаком отдаления. Меня поставил Милорадович на точку: "Ты"»[534].

«В ноябре 1804 года полковник Инзов произведен был в генерал-майоры, с назначением командиром Киевского гренадерского полка, а Апшеронский полк принял полковник князь Александр Васильевич Сибирский 1-й[535]»[536].

* * *

Поводом к войне стала казнь принца французского королевского дома герцога Энгиенского[537], который до 1799 года командовал авангардом корпуса эмигрантов, а затем частным образом — правда, на английскую пенсию — жил в баденском городке Эттенхейм. Здесь, по приказу Наполеона, он был захвачен тайно перешедшим границу французским отрядом, доставлен во Францию, спешно осужден и расстрелян ранним утром 21 марта 1804 года.

«Россия громко протестовала против поступка первого консула, служившего доказательством полного забвения самых священных начал. Россия требовала объяснения, которое могло бы ее удовлетворить, хотя и было ясно, что подобного объяснения Франция дать не могла. Ответ не заставил себя долго ждать. Он был резок и оскорбителен. Министр иностранных дел Талейран, чтобы доказать неуместность выступления России по поводу казни герцога Энгиенского, напоминал, что во время смерти императора Павла Франция не позволила себе спрашивать какого-либо объяснения»[538].

Мемуарист, по понятным причинам, неточен — Бонапарт написал, что если б убийцы Павла I находились на территории Франции, он выдал бы их Александру. Это была откровенная издевка: цареубийцы находились в России, их никто не искал. Таким образом, Наполеон приобрел врага на всю жизнь.

В 1805 году в Европе началась новая война… Кроме России, в состав коалиции вошли Великобритания, Швеция, Королевство обеих Сицилии и все те же австрийцы. Боевые действия теперь развернулись на австрийской земле. Во главе нашей действующей армии был поставлен «старый, но хитрый генерал Михаил Ларионович Голенищев-Кутузов»[539].

«Кутузов, будучи очень умным, был в то же время страшно слабохарактерным и соединял в себе ловкость, хитрость и действительные таланты с поразительной безнравственностью»[540].

Некоторые историки называют его «любимым учеником Суворова» — Кутузов «правая рука Суворова, по собственному его выражению»[541]. Понятно, что Михаилу Илларионовичу было выгодно считаться «суворовским учеником» — быть может, он сам и поддерживал эту легенду. Но князь Италийский был один — как один оказался и князь Смоленский.

Апшеронский полк выступил в Австрийский поход в июле. «Численный состав полка по строевому рапорту генерала Кутузова от 26 августа был следующий: по списку: штаб офицеров — 7, обер-офицеров — 59, унтер-офицеров — 123, музыкантов — 57, рядовых — 1879, нестроевых — 141; подъемных лошадей — 169; больных: обер-офицеров — 1, унтер-офицеров — 5, рядовых — 48, нестроевых — 4; в командировке: обер-офицеров — 1 (поручик Юрасов), рядовых — 50, нестроевых — 7. Налицо: штаб офицеров — 7, обер-офицеров — 57, унтер-офицеров — 118, музыкантов — 57, рядовых — 1786, нестроевых — 130; подъемных лошадей — 139»[542].

«В 1805 году покойный Милорадович, перед началом кампании против французов, приехал в корпус и в классах хотел выбрать несколько кадет для своего штата. Я помню, как он обратился к полковнику Арсеньеву и сказал: "Ну, этого вы, верно, мне также не дадите" (указывая на меня), а тот отвечал: "Это у нас лучший ученик, которого мы готовим в артиллерию, а вернее в гвардию"»[543], — вспоминал гвардейский артиллерист Иван Жиркевич[544].

Видно, что подбором офицеров Милорадович занимался серьезно.

«Настроение господ передается крестьянам: на пути за границу войска встречают в деревнях радушный прием; современники, по словам Михайловского-Данилевского, должны помнить возгласы: "Забросаем Бонапарта шапками!"»[545]

Патриотизм и политграмотность крестьян умиляют! Между тем русскую армию ожидал серьезный противник. Французы словно бы взяли на вооружение суворовские принципы ведения

войны, «…ибо совершенно им последуют: быстрота видна во всех их движениях, в походах они неутомимы, идут день и ночь излучистыми путями, обходят, окружают и внезапным появлением изумляют устрашенного неприятеля. Два только способа, которыми русские во времена Суворова сильно вредили неприятелю, французами почти не употребляются, а именно: штыки и ночные нападения… Но зато французы стреляют превосходно, почти всякий из их солдат есть искусный стрелок, заряжают они отменно скоро, и пули из рядов стреляющих батальным огнем сыплются как дождь.

Ружья их гораздо исправнее и лучше наших. Артиллерия французская действует также отменно исправно и метко… Французы наступают и отступают всегда колоннами, в том и другом движении производят беспрерывный огонь, охотники рассыпаются перед головами колонн и первые вступают в перестрелки с неприятелем… Конница французская весьма многочисленна и довольно хороша, только лошади несколько тяжелы, люди прекрасные, а особливо конные гренадеры и кирасиры, покрытые непроницаемыми латами. Более же всего отличается она конными егерями, которые весьма искусно стреляют с лошадей»[546].

«Армия Кутузова (40—45 тысяч человек) перешла 13 августа границу Австрии»[547]. «В 8 часов утра полки Черниговский драгунский, Малороссийский гренадерский, наш Апшеронский, роты артиллерии и пионеров свернулись в колонну и под начальством генерал-лейтенанта Эссена 2-го перешли за границу.

Солдаты были бодры, но на лицах их изображалась горесть»[548].

«На завтрашний день колонна наша пошла в поход, а я вместе с генералом М… остался в Ландсгуге, мы прожили почти две недели, пока все шесть колонн, составлявшие нашу армию, прошли мимо»[549]. Далее автор «Писем…» говорит о проживавших в поместье, где они квартировали, «прекрасной задумчивой графине М.», «скромной и всеми дарованиями украшенной княгине Л.» и «молодой, любезной графине Г.», утверждая, что они «достойны называться грациями». Что там было или чего не было, и почему генерал Милорадович так надолго задержался в этом поместье, сегодня никто уже сказать не может.

13 сентября Кутузов разделил армию на две части:

«Первая часть, состоящая из пяти колонн пехотных полков, следует под главным моим начальством; в оной командуют:

Первой колонной генерал-майор князь Багратион…

Второй колонной генерал-майор Милорадович.

Полки: Малороссийский гренадерский, Апшеронский, Смоленский мушкетерские»[550].

Австрийская кампания вновь свела этих гордых и самолюбивых соперников. «И то правда, что Кутузов имел необыкновенных помощников: князь Багратион и Милорадович командовали его пехотой, князь Витгенштейн[551] — конницей, а Ермолов[552] (в чине подполковника) артиллерией. Что за люди!»[553]

Вот и еще два знаменитых имени, которые пройдут через все наше повествование…

«Узнав о быстроте движений Наполеона из Булони к среднему Рейну, австрийское правительство просило Кутузова ускорить движение и выставило массу подвод. Кутузов, скрепя сердце, приказал идти форсированными маршами… Обогнав армию, Кутузов приехал 24 сентября (6 октября) в Вену, где был принят "торжественно, однако ж не с таким восторгом, как 6 лет перед тем Суворов"»[554].

2 октября. «Наконец ввечеру вчерашнего числа прибыли мы в город Браунау. Колонна наша под начальством генерала Милорадовича вступила в город с восклицанием: ура! Во всех полках играла музыка и пели веселые песни. Город Браунау, стоящий на берегу реки Инна, пограничный город между Австрией и Баварией, имеет прекрасные укрепления, но ни одного человека в гарнизоне, имеет много медных пушек в арсеналах, но очень мало исправных на валах…»[555]

«Пока мы стояли в Браунау, Главнокомандующий приказал назначать к нему с каждого полка на ординарцы офицера с одним унтером из дворян и по одному рядовому на вести… Рано утром ввели нас в огромную аванзалу и построили в две шеренги. Скоро зала наполнилась генералами и штаб-офицерами. Сзади нашего фронта была маленькая дверь, вроде потаенной, и оттуда, через полчаса, вышел Кутузов. Скромно пробравшись вдоль стены к правому флангу, сперва прошел он офицеров, разговаривая с некоторыми, а потом начал смотреть наш фронт. Я стоял по старшинству полка первый. Михайло Ларионович подошел ко мне, спросил мое имя и которой губернии. На ответ мой он вскричал: "Ба, малороссиянин!" — и, обратясь к Милорадовичу, промолвил: "Благословенный край, я провел там с корпусом мои лучшие годы, люблю этот храбрый народ!" Моему шефу генералу Дохтурову[556] он приказал оставить меня при главной квартире бессменным. Потом я узнал, что Кутузов часто посещал дом моего деда и нередко проживал у него дня по три и более»[557], — вспоминал Иван Бутовский (1784 —после 1857), бывший в 1805 году портупей-прапорщиком Московского пехотного полка.

Что ж, и Кутузов привечал родственников своих друзей…

* * *

Как ни спешила русская армия на соединение с австрийцами, она опоздала — 8 (20) октября, под Ульмом, капитулировали главные силы союзников, предводимые генералом Макком[558]. Австрийское командование впало в панику.

«Из Вены, не только от гофкригсрата, но и лично от императора сыпались и советы, и приказания; и те, и другие указывали, что в Вене не только жители, но правительство подвергалось действию страха; вместе с тем указывали они на явное желание рискнуть не только своими, но и русскими войсками для спасения Вены. От Кутузова сразу требовали "удерживать французов на каждом шагу" и притом не только "избегать поражений", но "сохранять войска целыми… не вступать в сражения". На это последовала всепочтительнейшая отписка, что пред Кутузовым такой противник, которого одними маневрами не удержишь»[559].

12 октября Кутузов отдал приказ: «Завтрашнего числа имеет быть поход в 6 часов пополуночи. Дивизии и бригады выступают левым флангом.

Впереди идет отделенная[560] бригада под командою генерал-майора Милорадовича…»[561]

Таким образом, с самого начала кампании Михаил Андреевич был определен в привычном уже ему качестве авангардного вождя.

«Наконец вышли мы из Браунау, и началось знаменитое отступление, которому и сам неприятель не отказал удивляться.

Глубокое осеннее время и беспрерывные дожди до такой степени разрушили дороги, что войска на третьем переходе от Браунау догнали отправленные вперед тягости, и по необходимости умедлилась скорость движения… В городе Ламбахе армия остановилась на один день, дабы тягостям дать время удалиться. Здесь достиг нас авангард неприятельский, и мы в царствование Александра I в первый раз сразились с французами. Мы занимали выгодное местоположение, войска нашего арьергарда противостали с наилучшим духом, потеря была незначительна… Авангард французский был не в больших силах, ибо войска, не имевши продовольствия, разбросались по дороге и производили грабеж.

При отступлении от Ламбаха войскам нашим дано следующее распределение:

Арьергард остался в команде генерал-майора князя Багратиона.

Под начальством генерал-майора Милорадовича состоял отряд, наименованный отдельной бригадой, которая, назначена будучи в подкрепление арьергарду, должна была находиться поблизости от оного.

Прочие войска разделены были на две дивизии и подчинены генерал-лейтенантам Дохтурову и Мальтицу[562]»[563].

«Во время ретирады этой неприятель не переставал теснить всеми силами арьергард князя Багратиона и принудил его отступать к отдельной бригаде Милорадовича. Имея в виду удержать напор французского авангарда, князь Багратион остановился в ночь на 24 октября (с 4-го на 5 ноября) на высотах близ Амстеттена»[564].

«Октября 24-го арьергард князя Багратиона при местечке Амштеттене атакован был большими силами. Невзирая на храбрость, с каковою дрались Киевский и Малороссийский гренадерские и 6-й егерский полки, несмотря на все усилия князя Багратиона, не могли они устоять против стремления превосходного неприятеля и, потерпев урон, приведены были в замешательство. Артиллерия сбита была с своих мест, и войска в нестройных толпах теснились на дороге. Лесистое местоположение скрывало от глаз неприятеля отряд генерал-майора Милорадовича, и, когда думал он только преследовать разбитый арьергард, встретил свежие, твердо ожидающие его войска»[565].

«Главнокомандующий повелел отдельной бригаде Милорадовича, состоявшей из 3 пехотных и 1 конного полка, подкрепить князя Багратиона. Михаил Андреевич с необыкновенной быстротой и мужеством устремился на неприятеля, достиг его и исторг из руки его окровавленный венец победы»[566].

«Мы стояли в две линии, вторая наша линия и резерв были у самого леса в лощине, так что неприятель не мог их хорошо видеть. Генерал Милорадович, помня наставления великого Суворова, что русский солдат должен доставить победу концом своего штыка, отдал приказание, чтоб гренадерский батальон его полка не заряжал ружей, а встретил бы неприятеля прямо грудью и холодным ружьем. В четыре часа пополудни дело началось: первая наша линия выслала стрелков против неприятельских, которые высыпали из лесу»[567].

«Он приказал коннице ударить на колеблющегося неприятеля, и Мариупольского гусарского полка подполковник Игельстром[568], офицер блистательной храбрости, с двумя

эскадронами стремительно врезался в пехоту, отбросил неприятеля далеко назад, и уже гусары ворвались на батарею. Но одна картечь и одним храбрым стало меньше в нашей армии! После смерти его рассыпались его эскадроны, и неприятель остановился в бегстве своем… Я продолжал канонаду, между тем устроились к атаке гренадерские батальоны Ап-шеронского и Смоленского полков, и сам Милорадович повел их в штыки. Ободренные присутствием начальника, гренадеры ударили с решительностью»[569].

«Произошла невиданная до того времени в военной истории 30минутная штыковая схватка без единого выстрела. С обеих сторон дрались войска, проникнутые стремлением — не отступать ни на шаг. От ударов ломались штыки; русские солдаты хватали противника руками, душили, грызли…»[570]

«Мюрат[571] сделал нападение, но оно было отбито: на правом крыле — Бергом[572], на левом — графом Витгенштейном… неприятель возобновил наступление, но был встречен штыками гренадеров Апшеронского и Смоленского полков. Произошла самая упорная схватка. Наши бились до истощения сил и, наконец, отбросили французов… По окончании боя, когда предводимые Бергом гренадеры, взяв ружья наперевес, преследовали отступающих неприятелей, ружейная пуля, уже на излете, ударила ему в нижнюю губу, выбила два зуба и остановилась во рту, не повредив его»[573].

«Смерть близехонько пролетела мимо меня. Вот как это было. Генерал Милорадович послал меня к графу Витгенштейну… Лишь только я сказал приказание и, возвращаясь назад, стал въезжать на высоту, как вдруг из рук моих ускользнула шпага, когда я ударил ею по лошади. Спеша к генералу, я хотел было оставить шпагу, но какое-то предчувствие понудило меня ее поднять. Лишь только я слез и, наклонившись, принялся за эфес, как вдруг ядро завизжало над самою головою моей лошади, и она вся затряслась, как лист. Место, на котором я остановился, было возвышено, и ядра летели недалеко от его поверхности. Если б не выпала из рук моих шпага и я не слез бы ее поднять, то Бог знает, что бы со мной было!..»[574]

Определенно, судьба хранила этих людей для будущих подвигов и деяний.

«Отпор, сделанный неприятелю, честь делает российским войскам. Окончание сего дела и прогнание неприятельской пехоты версты за 3 принадлежит российской пехоте. Наипаче два батальона, которые из резервного корпуса ударили в штыки, гнали неприятеля и взяли пленных некоторое число, в том числе и двух офицеров»[575].

«По окончании дела, уже в сумерки, генерал (Милорадович) послал донести Главнокомандующему, что неприятель прогнан за лес, и мы заняли гору. Я нашел его в лагере. Генерал Кутузов отменно был доволен вестью о победе…»[576]

«Мы провели ночь на поле сражения. Вместе со светом пошли мы назад, и вскоре появился неприятель, но преследовал не с тою, как прежде, дерзостью. С сего времени отдельная бригада генерала Милорадовича заступила место арьергарда, а войскам князя Багратиона приказано составить подкрепление, и они по справедливости имели нужду в некотором отдохновении»[577].

«После двухдневного похода арьергард мой под командой князя Багратиона был атакован многочисленным неприятельским корпусом. На корпус под вашим командованьем возлагалась обязанность поддерживать арьергард; корпус князя Багратиона был вынужден ретироваться к вам.

Здесь, господин генерал, вы возобновили сражение с полками, под вашим командованьем находящимися, — Смоленским, Апшеронским, Малороссийским и 8-м егерским. Два батальона гренадер под вашим и генерала Колюбакина[578] командованием, очень удачно ударили в штыки, и вам принадлежала слава закончить этот весьма ответственный день решительно в нашу пользу. Несколько батальонов противника были полностью смяты и отступили весьма далеко.

С этого момента вы составляли арьергард армии. Я должен вам отдать справедливость, что все то время, пока вы исполняли эту обязанность, я прекрасно был осведомлен через вас о всех действиях противника. Ваша бдительность не дала ему обойти вас, когда вы прикрывали мою позицию вблизи Мелька, вы вынесли кавалерийское сражение, когда я занимал позицию у Сен-Пельтена, сражение, о котором свойственная вам скромность не позволила говорить вам достаточно громко»[579], — писал впоследствии Милорадовичу генерал от инфантерии Кутузов.

«С сего времени, до самого Кремса, бригада наша оставалась в арьергарде. Тут-то наиболее претерпели мы беспокойства. Всякий день перестрелки с неприятелем и часто дня по два и более без хлеба, питаясь одним картофелем… Но прежде, чем достигнуть Кремса, Милорадович имел еще одно жаркое дело с французами у Мелька, где Мюрат успел догнать наш арьергард. Русские полки держались с замечательной стойкостью и отступили в полном порядке к С.-Пельтену»[580].

«Арьергард генерала Милорадовича остался при самом разделении дорог, дабы сколько возможно продлить неведение неприятеля о направлении нашей армии. Передовые посты наши из венгерских гусар довольно далеко впереди занимали между

лесами выгодное расположение, и неприятель не мог видеть ни малочисленности нашей, ни занимаемого нами места. С передовых постов дано знать, что прислан парламентер, объявляющий желание французского авангарда переговорить о деле с генералом Милорадовичем… После довольно несвязного разговора и множества неуместных приветствий, на которые французский капитан отвечал предложением свести наши передовые посты, присоединяя обещание, что они в продолжение дня со стороны своей ничего не предпримут, Милорадович, исполненный мечтаний о рыцарских блаженных временах, когда на каждом перекрестке первый встретившийся выставлял себя за образец чести и добродетели, не дерзнул оскорбить рыцаря недоверием к словам его, и, как должно, не спросив его о имени, приказал снять посты.

Только что стали мы приближаться к своему лагерю, как получили известие, что когда оставили места свои войска, составлявшие передовую стражу, и начали собираться, неприятель напал на них в больших силах, преследует их не в дальнем уже расстоянии, и что вслед идет немалое число войск.

Вскоре появился неприятель и занял все окрестные возвышения, так что в виду его отступление делалось весьма опасным. Не выходя из лагеря, устроились мы в боевой порядок и приуготовились к отражению. Неприятель двинул сильную пехоту на правый наш фланг, ослабевший положением, и заставил нас обратить в ту сторону и силы наши и внимание, а в то самое время против левого крыла большим отрядом кавалерии произвел обозрение в тылу нашем, где не могло укрыться от него, что кроме войск князя Багратиона не имели мы другого подкрепления. По счастью нашему, неприятель не мог прежде вечера кончить обозрение, по той причине, что кавалерия его принуждена была сделать большой обход вокруг леса, мимо коего кратчайший путь лежал под выстрелами наших батарей. Итак, наставший вечер не допустил ничего предпринять решительного, и Милорадович избавился наказания за непростительную ошибку, которую надобно было поправлять потерею многих голов. Неприятель не застал бы головы у Милорадовича, ибо, невзирая на бесстрашие, она была в величайшем замешательстве. В полночь, разложив весьма большие огни, мы беспрепятственно отступили»[581].

Пространная эта цитата представляет особенный интерес, в данном случае характеризуя Милорадовича совсем не с лучшей стороны. Благородство души — качество замечательное, но оправдывает ли оно «потерю многих голов»? По счастью, Михаил Андреевич умел учиться на ошибках. Впоследствии, оставаясь в

представлении современников все тем же «Русским Баярдом», он не проявлял уже излишней доверчивости, а потому ему по праву принадлежит честь практического исполнения блистательного «Тарутинского маневра» в 1812 году. Историк писал: «Кампания 1805 года — одна из самых красивых в истории военного искусства»[582]. Можно добавить, что в ряде своих моментов она явилась как бы генеральной репетицией Отечественной войны.

Между тем, как и пять лет тому назад, наши союзники продолжали двурушничать. «Император Франц послал к Наполеону графа Гиулая[583] с предложением перемирия. Кутузов об этом шаге австрийского правительства не был уведомлен. Перемирие не состоялось, так как Наполеон поставил первым условием удаление русских из Австрии»[584]. Предать русских австрийцы могли, однако остаться без нашей помощи боялись…

28 октября арьергард переправился за Дунай, мост через который был затем сожжен. Из французских войск на левом берегу реки находился лишь корпус под командованием маршала Мортье[585].

30 октября «…на другой день по прибытии в Креме заняли мы арьергардом предместье Штейн. Маршал Мортье, занявши виноградники, простирающиеся на крутизне гор над самым городом, с частью войск приблизился к самым воротам оного, и началась весьма горячая перестрелка»[586].

«В начале 8-го часа утра французский авангард, ночевавший в Обер- и Унтер-Лойбене, двинулся к Штейну и завязал бой с Милорадовичем. Мортье, бывший при дивизии Газана[587], был уверен, что имеет дело лишь с арьергардом Кутузова, и, задержанный упорным сопротивлением Милорадовича, поддержанного Штриком[588], сосредоточил против него всю дивизию Газана, послав в то же время Дюпону[589] приказание ускорить марш»[590].

«Увидев у самого берега занятую неприятелем деревню, желая сбить оного из выгодной его позиции, потребовал охотников. Тогда бывший по дороге назади Апшеронский гренадерский батальон обежал всех, прибыл ко мне. Я препоручил оному взять деревню и удерживать оную; стрелков же умножил из других батальонов для подкрепления егерей, оставил Малороссийского гренадерского батальону две роты под командой майора Гельмана на левой стороне дороги, две же роты для занятия в правой стороне гор в подкрепление егерей, оставив гренадерский Смоленский батальон и мушкетерский полковника Сакена на правой стороне дороги. Гренадерского Апшеронского батальона капитан Морозов, пошед от деревни с двумя ротами вправо, а штабс-капитан Манько с двумя ротами влево, взяли

деревню с редкой решительностью и тем более опасностью, что неприятель был в домах, на крышах и дворах, который однако ж весь тут и истреблен холодным оружием и прикладами.

Между тем майор Платцов с егерями и майор Криштафович[591] с гренадерскими ротами и стрелками Смоленского батальона барона Сакена, выбив неприятеля с большой горы, храбро и решительно преследовал оного, выбивая из двух впереди гор, находящихся во флангах линии неприятельской. Тут началось самое упорное дело…»[592] — описывал сражение при Креймсе в рапорте главнокомандующему сам генерал Милорадович.

«Французы засыпали нас картечью из множества своих батарей. Мы несколько раз принуждены были отступать до самого города, и всякий раз генерал Милорадович, начальствовавший в сем деле, мужественно отражал неприятеля и по трупам его водил расстроенные полки свои вперед. Все запасные батальоны, находившиеся в городе Штейне под начальством генерала Эссена 2-го[593], вступили в дело. На долине и в горах бой продолжался с равным жаром. Теснота места усугубляла жестокость сражения. Пули сновали туда и сюда, как рои пчел. Ядра и картечи, шумя по горам, ссекали деревья и дробили камни. Людей било сучьями и ивернями…[594] Полк наш, сражаясь отчаянно, очевидно исчезал. Много офицеров было раненых, и многие, перевязав раны, возвращались в бой. Наконец уже к вечеру Уланиус[595] с егерями, а генерал Дохтуров с своей колонной ударили на неприятеля с тылу, и он весь частью потоплен, частью забран был в плен»[596].

«В сем сражении из нашего полка пал князь Сибирский, молодой, любезный человек, имевший чин подполковника: он стоил многих слез своему достойному брату. Еще убит недавно выпущенный из гвардии поручик Дмитриев. Получив две раны, он не переставал сражаться и в третий раз сражен пулею. Отличились в Апшеронском полку офицеры: Морозов, Албинский, Воронец, Скальский и Шушерин. Справедливость требует, чтобы не умолчать здесь об отличном подвиге рядового Музен-Каца — гренадерского батальона, роты капитана Морозова. Гренадер Музен-Кац, находясь в стрелках, в виноградном саду, отрезан был от своих товарищей. Французский офицер с четырьмя рядовыми нападают на него. "Сдайся" (пардон)! — кричат ему со всех сторон. Но храбрый гренадер не хочет принимать их требования, надеясь управиться со всеми пятью. Первым выстрелом убивает он офицера. Четыре солдата с бешенством на него бросаются. Начинается рукопашный бой. Музен-Кац колет штыком и бьет прикладом. Все четыре супротивника его, один за другим валятся бездыханно к его ногам. "Ура! — воскликнул Музен-Кац. — С

нами Бог, злодеев нет!" — и, покрытый шестью ранами, возвратился к своей роте»[597].

Итак, «…у города Кремса отряд, вверенный Милорадовичу, дрался целый день. Бой кончился полным поражением французов»[598].

«Подвиг Милорадовича под Кремсом и Багратиона под Амстеттеном, предмет наших разговоров во время отдыха, были для меня лучшие образовательные впечатления того времени»[599], — вспоминал один из русских офицеров.

Избежав возможного окружения, армия Кутузова смогла остановиться на отдых в Кремсе, чтобы затем продолжать движение на Ольмюц для соединения с войсками генерала Буксгевдена[600], в боях еще не участвовавшими. Но тут союзники преподнесли нашим очередной «сюрприз».

«Вскоре после сражения получено известие, что неприятель овладел Веной без сопротивления. Малое число бывших там войск перешли на левый берег Дуная, но мост не истреблен по немецкой расчетливости… Редкий из немецких генералов не примет перемирия, и потому не отказано предложенное французами. В продолжение оного маршал Ланн[601] обманул стоящий на мосту австрийский пикет, и колонна французских войск бегом захватила мост…

По овладении мостом на Дунае неприятель имел свободную дорогу на Брюнн и возможность предупредить нас в следовании от Кремса, буде бы Главнокомандующий промедлил там несколько дней»[602].

«Сдача Вены заставила Кутузова ускорить соединение со второй нашей армией при Ольмюце. 3 ноября маршал Ланн настиг его в Голлабрюнне. Кутузов прибегнул к хитрости: вступил в переговоры с Мюратом и, получив акт перемирия, продержал его более двадцати часов. Между тем армия русская отошла на два перехода; Багратион с шестью тысячами воинов оставлен на жертву для спасения главных сил и, окруженный 40 тысячами неприятелей, проложил себе дорогу штыками, отбил одно знамя, взял в плен полковника, двух офицеров и 50 рядовых, присоединился к Кутузову с потерею двух тысяч человек»[603].

«Багратион и Милорадович попеременно сталкивались с французами; ни одно дело не обходилось без того, чтоб неприятель не отступал от наших в большом расстройстве»[604].

По мнению Алексея Петровича Ермолова, «…в особенном внимании [Кутузова] были генерал-лейтенант Дохтуров и генерал-майоры князь Багратион и Милорадович. Последние два доселе были одни действующие и наиболее переносили трудов; словом, на них возлежало охранение армии»[605].

Представляя 7/19 ноября Багратиона к чину генерал-лейтенанта и ордену Святого Георгия 2-й степени, хотя «третьего Георгия» князь Петр Иванович не имел, главнокомандующий писал государю: «…поелику же генерал-майор Милорадович старее его и хотя не имел случая так отличиться, как князь Багратион в последнем деле, со всем тем, во время сражения в Кремсе он выдержал весь огонь неприятельский с утра до самого вечера и не токмо не уступил свое место, но часто опрокидывал неприятеля на штыках и тем дал время зайтить нашим ему с тыла и решить победу, то не благо-угодно ли будет и сего храброго генерал-майора пожаловать в генерал-лейтенанты»[606]. Кутузов также представил Милорадовича к награждению орденом Святого Георгия — но 3-й степени.

Император Александр 1 находился при армии, а потому указ был им подписан уже на следующий день.

«По всевысочайшему приказу за отличную храбрость в действии против неприятеля произведены из генерал-майоров в генерал-лейтенанты князь Багратион и Милорадович»[607], — отдал приказ по войскам главнокомандующий.

«Отступление Кутузова на протяжении 600 верст проведено блестяще и во всемирной военной истории должно быть поставлено на второе место — сейчас же за Швейцарским походом Суворова»[608].

К сожалению, главное сражение Австрийской кампании было еще впереди.

* * *

И опять — передвижения войск, рассказывать о которых практически нечего.

«На место арьергарда поступила бригада генерала Милорадовича, и хотя неприятель вскоре догнал оную, но кроме перестрелок, не имевших никаких последствий, ничего важного не произошло»[609].

«Соединяясь с Буксгевденом (8 ноября), Кутузов дал отдых утомленным войскам»[610].

«На следующий день дали роздых, подле двух небольших деревень; в несколько минут улицы наполнились солдатами, несмотря на то, что оба императора и генералитет занимали некоторые дома; на главной, где проходило шоссе, разных полков нижние чины, гурьбой, ловили кур, и одна из них порхнула вверх и разбила окошко: там были Александр и Франц. Люди испугались: Милорадович, выбежавший оттуда, стал их стыдить,

называя нахалами. Лишь начали солдаты расходиться, как показались у двери с веселым видом оба императора. Вместо ожидаемого наказания людям, что в виду своих императоров так дерзко полевали[611], император Франц приказал, чтоб тотчас отпустили во все полки винную порцию. Спустя час места куриного погрома остались впусте: все колонны были на марше»[612].

12/24 ноября русские армии и остатки австрийских войск объединились в Ольмюце. Ждали, что сюда придет противник, однако французы на выбранную союзниками позицию не спешили, зато очень скоро возникли трудности с продовольствием.

«Император Александр решил не выжидать, а действовать…

Назначив Кутузова номинально главнокомандующим, Александр Павлович фактически перенес на себя все обязанности его. Не видав войны и усвоив себе, благодаря слепому поклонению пруссаковщине, неправильные понятия о военном деле, государь, к несчастью, еще подпал под влияние некоторых австрийских генералов с Вейротером во главе. По складу своему ума и характера Александр Павлович любил систематичность, доведенную в своей точности до педантизма; у немцев того времени эти качества имелись в избытке…»[613]

Александр I решил двигаться навстречу неприятелю. Через неделю противники были уже готовы встретиться на поле близ Аустерлица.

«Французская армия подавала все признаки скорого отступления. Поэтому у нас решено было наступать, чтобы воспользоваться положением врага. Хотя и не ожидали встретить сопротивления, все же на всякий случай решили определить движение каждого корпуса. Это было поручено полковнику Вейротеру, так как он прекрасно знал местность, которую много раз объезжал»[614].

«19 ноября, около 10 часов ночи войска пришли на назначенные им биваки. На утро предстоял бой…»[615]

«В полночь с 19 на 20 ноября (2 декабря) собраны были у Кутузова в Кршеновицце главные начальники колонн, предназначенных для атаки неприятеля. Генерал Вейротер, разложив подробную карту окрестностей Брюнна и Аустерлица, приступил к чтению и разъяснению своей многоречивой диспозиции»[616]. «Кутузов, сидя в кресле, сначала задремал, а затем, по мере продолжения этого "урока географии" совершенно заснул»[617].

«Кутузов тотчас погрузился в глубокий сон, в чем и выразилась, в этом случае, вся его оппозиция плану, получившему

уже одобрение Александра I. Граф Буксгевден слушал чтение стоя и, как замечает граф Ланжерон в описании этого совещания, наверное ничего не понимал. Милорадович молчал, Пршибышевский[618] стоял сзади, и один Дохтуров рассматривал карту»[619].

«Главную атаку надлежало вести на правое крыло неприятельской армии. Все войска были разделены на пять колонн: 1-я — генерал-майора Дохтурова — состояла из 25 батальонов пехоты, 2 рот батарейной артиллерии, пионерной роты и 2 ½ сотен казаков; 2-я — графа Ланжерона — 18 батальонов, пионерная рота и 2 ½ сотни казаков; 3-я — генерал-майора Пржибышевского — 17 батальонов и пионерная рота; 4-я — австрийского генерала Коловрата[620] (собственно ею командовал генерал Милорадович) 12 русских (в том числе три Апшеронских)[621] и 15 слабых австрийских батальонов, рота батарейной артиллерии и пионерная рота; 5-я — австрийского генерала князя Лихтенштейна[622] — 4 русских полка кавалерии и 32 австрийских эскадрона; князь Багратион командовал особым отрядом из четырех пехотных и 5 кавалерийских полков, 8 сотен казаков и 2 конных и одной пешей рот артиллерии. В резерве, под начальством цесаревича Константина Павловича, находилась вся гвардейская пехота и кавалерия»[623].

Казалось бы, все спланировано до мелочей, но потом началось…

«Еще до рассвета выступила армия, опасаясь, по-видимому, чтобы неприятель не успел уйти далеко. Войска на марше должны были войти в места, по диспозиции для них назначенные, и потому начали колонны встречаться между собою и проходить одна сквозь другую, отчего произошел беспорядок, который ночное время более умножало. Войска разорвались, смешались, и, конечно, не в темноте удобно им было отыскивать места свои. Колонны пехоты, состоящие из большого числа полков, не имели при себе ни человека конницы, так что нечем было открыть, что происходит впереди, или узнать, что делают и где находятся ближайшие войска, назначенные к содействию. Генерал Милорадович на моих глазах выпросил по знакомству у одного шефа полка двадцать гусар для необходимых посылок. К сему прибавить надобно, что ни одна из колонн не имела впереди себя авангарда»[624].

«С рассветом Кутузов выехал к Працену и остановился у 4-й колонны. Государь, сопровождаемый Кутузовым, еще до солнечного восхода подъехал к бивуаку генерала Берга (4-й колонны). Они сошли с коней и грелись у огня. — "Что, твои ружья заряжены?" — спросил государь у Берга. Когда Берг

ответил, что нет, государь приказал зарядить ружья. Из этих слов Берг впервые узнал, что в этот день предстояло дело…

Сначала выступлению 4-й колонны в определенный час мешала проходившая перед ней кавалерия князя Лихтенштейна. Вскоре колонна очистила ей путь, но Кутузов, хотя и должен был по диспозиции идти вперед, стоял неподвижно, как будто угадывая готовимое Наполеоном прямо на него нападение и не покидая места, составлявшего ключ позиции.

Вдали послышались звуки здоровающихся полков, и голоса эти стали быстро приближаться по всему протяжению колонны. То ехали оба императора, окруженные блестящей свитой. Подъехав к Кутузову, государь спросил его: "Что ж вы не начинаете, Михайло Ларионович?" — "Я поджидаю, ваше величество; не все войска колонны еще пособрались". — "Ведь мы не на Царицыном лугу, Михайло Ларионович, где не начинают парада, пока не придут все полки". — "Потому и не начинаю, государь, что мы не на Царицыном лугу. Впрочем, если прикажете, ваше величество", — докончил Кутузов.

Приказание было отдано»[625].

Очевидно, что в подобной ситуации Суворов пропел бы петухом или улегся бы спать под обветшалым родительским плащом…

«В авангарде колонны, с генералом Милорадовичем, шли два батальона Новгородского полка, а за ними гренадерский батальон Апшеронского полка, под командой капитана Морозова. Когда апшеронцы проходили мимо государя, то Милорадович напомнил им про подвиги в Италии и сказал: "Вам не первую деревню брать!"»[626]

Красиво, сомнений нет! Но почему Михаил Андреевич поставил в голову колонны именно новгородцев?! Этот полк понес ощутимые потери в боях — в том числе при Шенграбене, и был спешно доукомплектован молодыми солдатами…

«Полки этого отряда, каждый из трех батальонов, потеряли много людей на отступлении от Браунау, и в батальонах было не более как по 500 человек, но в них заключалась главная сила колонны, потому что бывшие у Коловрата австрийские батальоны состояли почти исключительно из необстрелянных рекрут»[627].

Известно, что «Высочайшим приказом 30 апреля 1802 года всем [мушкетерским полкам] повелено состоять из трех четырехротных батальонов — одного гренадерского и двух мушкетерских»[628]. Почему нельзя было поставить в авангард отборных гренадер, компенсировав численность боевым качеством?!

«Едва лишь два батальона Новгородского мушкетерского

полка, составлявшие голову авангарда 4-й колонны, подошли к Працену, как совершенно неожиданно увидели прямо перед собою грозные массы французов, которых считали еще далеко. Застигнутые врасплох, атакованные превосходными силами, новгородцы не выдержали и побежали…»[629]

«Сказывали потом, что Государь арестовал за это весь [Новгородский] полк на 6 месяцев. У офицеров сняли темляки, а у солдат отобрали тесаки»[630].

А вот что рассказал о произошедшем граф Ланжерон: «В 7 часов утра [четвертая колонна] начала движение и шла левым флангом, имея русских в голове. Впереди шел Новгородский полк, а за ним Смоленский, Апшеронский и Малороссийский гренадерский и 12 батарейных орудий. Колонна шла повзводно, без приказаний, без предосторожностей, без авангарда, без разъездов; даже ружья не были заряжены и сделали это только в 300 шагах от противника. Говорят, при ней не было кавалерии; но разве генерал Милорадович не имел при себе адъютантов и ординарцев-казаков? Не мог разве он послать хотя одного из них осмотреть впереди лежащую местность? Разве он не мог сделать это сам? И что делали 500 кавалеристов конвоев государей и Кутузова? Что делали молодые адъютанты императора, его ординарцы и бывшие при них казаки, если 40 тысяч противника сосредоточились в тысяче шагов от этой колонны и никто об том не знал? Одного разведчика было достаточно, чтобы заметить расположение противника и спасти армию от поражения наголову, которое ее постигло. Слабая рекогносцировка, которую Кутузов приказал произвести генерального штаба майору Толю, была направлена на Кобельниц, по пути движения колонны, и ничего не сделано на правом фланге.

Милорадович говорил в свое оправдание, что он не получил никаких донесений из колонны Пржибышевского, шедшей впереди его, и потому не предполагал французов так близко; но разве это оправдание чего-нибудь стоит? Приказать произвести рекогносцировку дорог, где предложено идти и дать бой, и освещать свои фланги есть долг не только генерала, но вообще каждого офицера, командующего отрядом.

Если бы рекогносцировали позицию французов, если бы увидали, что они покинули ту, которую занимали накануне, чтобы захватить инициативу атаки, прорвать наш центр и занять высоты, от обладания которыми зависел исход сражения, то четвертая колона была бы остановлена и развернута в две линии близ Працена. Приказали бы повернуть и трем остальным колоннам, в это время едва начавшим движение. Он [Наполеон] сказал перед сражением и потом опять повторял, что если бы мы

охраняли Праценские высоты, он нас никогда не атаковал бы. Если ему удалось воспроизвести свои намерения и одержать столь легкую победу, то он обязан ею в значительной степени ошибке генерала Милорадовича, подставившего ему свою колонну, а с нею и всю армию»[631].

Можно заметить, что утверждения генерала Ланжерона существенно расходятся с приведенными выше словами Ермолова. Но граф Александр Федорович буквально всю вину за происшедшее возлагает на Милорадовича. Достается при том и майору Толю, с которым мы уже встречались в Альпах, — кстати, он был любимым учеником Голенищева-Кутузова в кадетском корпусе. Граф осторожно критикует и главнокомандующего, и даже самого государя.

Между тем, в отличие от Ланжерона, Михаил Андреевич начальником колонны не был. «Милорадович командовал русскими бригадами, входившими в состав четвертой колонны, находившейся под начальством австрийского генерала графа Коловрата»[632]. В общем, не все так просто. Хотя, конечно, виноват…

«Не приняв мер к охранению движения, Милорадович ввел авангард в деревню Працен в походной колонне и не зарядив ружья, но едва успел авангард выйти из деревни, как был неожиданно встречен огнем 14-го пехотного полка. Новгородцы "не держались ни мало и обратились в бегство", смяли апшеронцев, и всё побежало назад, к тому месту, где несколько минут тому назад войска проходили мимо императоров»[633].

«Вся русская колонна была опрокинута на австрийскую и привела ее в беспорядок. Французы, предводимые Сультом и Бернадотом, развивали достигнутые успехи с быстротою, не позволившей союзникам собраться. Русские были отброшены на Крженовиц, австрийцы на Аустиерадт, и сражение с самого начала было безвозвратно проиграно… Напрасно Кутузов со своей свитой, император Александр и его адъютанты делали все, что могли, чтобы исправить столь ужасное поражение, которое в сущности было непоправимо, и восстановить порядок в войсках; им не удалось этого достичь. Император кричал солдатам: "Я с вами, я подвергаюсь той же опасности, стой!" — все было бесполезно: неожиданность и панический страх, бывший ее результатом, заставили всех потерять голову»[634].

«Только под Аустерлицем магическое влияние Милорадовича на солдат оказалось бессильным перед внезапностью удара и превосходством неприятельских сил на Праценских высотах»[635].

Итак, колонна разбита, все бегут, что делать?! Михаил Андреевич принял единственно верное решение, так что граф

Ланжерон совершенно несправедлив в оценке его действий: «Милорадович… чувствовал свою ошибку и сделал все, что надо было, чтобы выказаться перед императором. Он был на великолепной скаковой английской лошади, скакал галопом по фронту; ездил взад и вперед под градом пуль и снарядов самым смелым образом; он кричал, клялся, ругал солдат и держался все время между ними и противником. Император был убежден более чем когда-либо, что Милорадович герой»[636].

Да, так оно и есть: не проявив полководческого таланта, Михаил Андреевич показал себя отважным командиром, и его последующие действия упрека не вызывают.

«Французы могли сосредоточить огонь своей артиллерии против нравственно уже расшатанной пехоты 4-й колонны. Милорадович, беззаботный до преступности вне боя, но незаменимый в бою, понял, что войска, не двигаясь с места, не устоят, и потому по завету Суворова повел контратаку. Французы остановились, развернули батальоны, встретили Милорадовича батальным огнем, а затем бросились в штыки»[637].

«Тут началось с четырьмя полками, имеющими под ружьем всего до 5 тысяч человек, и двумя австрийскими батальонами против 28 тысяч неприятеля (что потом известно было) самое упорное невероятное сражение, в коем Малороссийской гренадерский полк и Апшеронского мушкетерского полка гренадерский батальон два раза шли на штыки и сей последний под предводительством капитана Морозова отбил было два орудия»[638], — писал затем сам Михаил Андреевич в рапорте.

«Желая удержать неприятеля, Милорадович повел в дело десять русских батальонов, в том числе весь Малороссийский полк, но, после невероятных усилий, они были смяты… В то время как наши бились у Працена, генерал Берг взял из рук подпрапорщика одно из знамен своего полка и долго удерживал натиски французов. Бывшие подле Берга офицеры, в том числе адъютант его, пали, убитые или раненые. Пришед в изнеможение, он велел водить себя под руки и убеждал гренадеров стоять твердо, пока не получил две сильные контузии от ядер в левую ногу, за пятнадцать лет перед тем простреленную шведской картечью. Он упал почти замертво и был взят в плен»[639].

«К вечеру генерал Милорадович, под картечными выстрелами собрав рассеянную свою колонну, повел оную в Аустерлиц для приема патронов, которые все уже были расстреляны. Говорят, что против сей четвертой колонны, состоявшей не более как из 4 тысяч, французов было более 10 тысяч и сам Бонапарте, ибо он желал пробиться сквозь середину. Наиболее отражали мы неприятеля штыками, и хотя были весьма расстроены, однако ж

удерживали место почти чрез целый день»[640].

«Милорадович, подкрепленный конницей князя Лихтенштейна и артиллерией российской гвардии, упорно отстаивал последнюю позицию у Аустерлица, пред лицом императора Александра. "Бог мой! — кричал он солдатам. — Гуще огня, ребята! Государь на вас смотрит!"»[641]

«Наши войска отступали в беспорядке по всем направлениям; не прерывался бой лишь в отряде князя Багратиона и в 4-й колонне Милорадовича, стоявшей впереди Аустерлица и прикрывавшей общее отступление. Апшеронский, Смоленский и Малороссийский полки целый день находились в бою и в конце сражения явились единственными оставшимися на поле боя русскими войсковыми частями… Император Александр I оставил Милорадовича впереди Аустерлица, а всем остальным войскам повелел идти к деревне Годьежицу. Поздно ночью к позиции Милорадовича подошел с отрядом князь Багратион»[642].

Все же граф Ланжерон придерживается своей точки зрения: «Если бы император имел в то время военный опыт, который он приобрел с тех пор, он увидал бы, что один Милорадович был причиной подобной катастрофы, отнял бы у него после сражения командование и предал бы суду: нельзя было быть более виноватым, чем он. Но вышло наоборот: Милорадович попал в большую милость, чем когда-либо… Государь не желал все-таки слишком шокировать общественное мнение, давая ему награду. Отговорились тем, что он был произведен вне правил в генерал-лейтенанты и что этого довольно»[643].

Думается, граф Александр Федорович не совсем прав. Вряд ли царь был столь наивен, чтобы не разглядеть главного виновника поражения. Да и в излишнем либерализме его вряд ли можно упрекнуть. Например, вернувшийся из французского плена генерал-лейтенант Пржибышевский, был разжалован в рядовые. Причем, по мнению того же Ланжерона, — не совсем справедливо.

Но, как бы там ни было, сражение было проиграно — и в том, думается, есть доля вины каждого из военачальников.

«В союзных войсках не было больше ни полков, ни главного корпуса; это были просто толпы, бежавшие в беспорядке, грабившие и тем еще больше увеличивавшие безотрадность этого зрелища. Я хотел соединить обоих императоров в одном месте, чтобы лучше обеспечить их безопасность, но это мне не удалось. Император Франц брел своей дорогой, поручая мне иногда передать от его имени утешение Александру. Оно заключалось всегда в одном и том же: он уверял нас, что уже переживал подобного рода несчастья, и, хотя в данный момент зло

обрушивалось непосредственно на него, он все же далеко не терял надежд»[644].

Людям свойственно не признавать своих ошибок, винить во всем кого-либо другого или обстоятельства. Венценосные особы в этом плане исключением не являются. «Александр I говорил об итогах 1805 года: "Я сделал все, что зависело от сил человеческих. Если бы Макк не растерял армии под Ульмом, если бы король прусский объявил немедленно войну Наполеону, после нарушения французами нейтралитета его, если бы король шведский не затруднял движения войск на севере, англичане пришли вовремя на театр войны, и вообще Лондонский двор оказал более деятельности с той минуты, когда ему нечего было опасаться высадки французов, мы удержали бы Бонапарте, не дозволили бы ему сосредоточить против нас все силы его, и дела приняли бы другой оборот"»[645]. Если бы… если бы…

По наблюдению современника, «Аустерлицкая битва сделала великое влияние над характером Александра I — и ее можно назвать эпохой его правления: до того он был кроток, доверчив, ласков, а тогда сделался подозрителен, коварен, строг до безмерности, неприступен и не терпел уже, чтобы кто говорил ему правду; к одному графу Аракчееву имел полную доверенность, который по жестокому своему свойству приводил государя на гнев и тем отвлек от него людей, истинно любящих Россию»[646].

Зато низложенный французский император до конца своих дней гордился одержанной при Аустерлице победой. «Наполеон вспоминал уже на острове святой Елены: "Русская армия 1805 года была лучшей из всех выставленных когда-либо против меня. Эта армия никогда не проиграла бы Бородинского сражения"»[647].

А вот уже очевидная легенда на все ту же тему: «Спустя 15 лет, именно 20 ноября 1820 года, император Александр I, встретив во дворце генерала Милорадовича, сказал ему: "Помнишь, Михаил Андреевич, сегодня, за 15 лет, несчастный день для нашей армии?" — "Позвольте мне не согласиться с вашим величеством, — отвечал Милорадович. — Не могу назвать несчастным для армии день, где солдаты и офицеры дрались, как львы". Император улыбнулся и пожал руки храбрейшего из храбрых»[648].

Хотя эпизод этот, повторенный Михайловским-Данилевским и иными известными историками, растиражирован на страницах многих изданий, в нем нет ни грана достоверности. Но про то мы скажем в свое время…

Вернувшийся в пределы Отечества Апшеронский полк был

включен в состав собранной против турок Дунайской армии. Ее главнокомандующим был генерал от кавалерии Михельсон[649], известный как победитель Пугачева.

«6 февраля [1806 года] составлено было расписание армии; Апшеронский полк, бывший в составе 10-й дивизии генерал-лейтенанта Милорадовича, находился в корпусе генерала от кавалерии барона Мейендорфа[650] и расположился в Ольвиополе.

Армия, состоявшая из 90 батальонов пехоты, 100 эскадронов регулярной кавалерии, 8 казачьих полков и 286 орудий, в общей численности не превышала, однако, 60 тысяч человек. Для пополнения значительного некомплекта войсковых частей, происшедшего от убыли в сражениях прошлого года и от развившихся болезней, в армию отправлено было значительное число рекрут… в Апшеронский полк, потерявший в кампании 1805 года 921 нижних чинов убитыми, ранеными и взятыми в плен, прибыло 1000 человек. Вслед за тем полковым командиром назначен был подполковник Аврам Аврамович Рейхель[651]»[652].

На юге начиналась новая война.

Глава пятая.
«СПАСИТЕЛЬ БУХАРЕСТА»

Война России с Турцией была очень выгодна Франции. «9 августа 1806 года в Константинополь прибыл в качестве посланника генерал Себастиани[653]… Ему дана была инструкция пустить в ход все средства для вовлечения Турции в войну с Россией»[654]. Думается, особых усилий тут не потребовалось — в России также желали этой войны, которая, как надеялись, наконец-то поставит точку в чреде Русско-турецких кампаний, начатых еще Петром I.

«Сербское восстание [1804 года] вызвало в Александре I стремление освободить балканских христиан из-под гнета турок, присоединить к России Молдавию и Валахию, а из остальных [придунайских княжеств] образовать союз под покровительством России. Поводом к войне послужило закрытие Турцией (по настоянию Наполеона) проливов для русских судов и смена ею вопреки Ясскому миру преданных России господарей»[655].

«Протест России оставлен был без ответа. Тогда в октябре 1806 года Государь повелел генералу Михельсону с армией, собранной у Днестра, войти в придунайские княжества»[656].

«Для переправы через Днестр Михельсон разделил свою армию на три части: правое крыло переправлялось у местечка Жванца близ Хотина; центр или главные силы — у городов Могилева и Ямполя, а левое крыло — у Дубоссар. Войска, входившие в состав главных сил, также были подразделены на две части, из которых первой командовал генерал-лейтенант Милорадович, а второй — генерал-лейтенант граф Каменский 1-й[657]. Впереди их, в виде авангарда, шел отряд генерал-майора князя Долгорукова[658]»[659].

«В одной дивизии Милорадовича, в октябре месяце, показывалось 2850 человек кавалерии и 12 473 человека пехоты; но такого состава не имела ни одна из пяти дивизий, да и у Милорадовича едва ли состояло столько под ружьем. Было много больных; в войсках открывались побеги, которые усиливались по мере приближения армии к турецким границам, где беглые могли легко укрываться. Рекрутские же команды разбегались почти наполовину, так что Главнокомандующий доносил 6 сентября — "что рекруты здешнего края слабы здоровьем и неспособны к службе; особенно же господствует в них закоренелая страсть к побегам, так что никакие меры удержать их не могут". Михельсон просил не назначать ему рекрут из того района, который

занимала армия»[660].

«Авангард армии и корпус Милорадовича, переправясь 11 ноября у Могилева, через Днестр, двинулись к Яссам…

Корпус Милорадовича вступил сюда 18 числа. Жители Молдавии чрезвычайно обрадовались прибытию русских войск, спасавших их от насилий со стороны турок… Не желая терять даром времени в переписках с пашами, генерал Михельсон немедленно сделал распоряжения относительно занятия Валахии, возложив исполнение этого предприятия на генерал-лейтенанта Милорадовича. "Избираю к сему ваше превосходительство, — писал Михельсон Михаилу Андреевичу, — яко опытность, храбрость и усердие ваше неоднократно отличались". Из войск Милорадовича образован был особый авангард под начальством генерал-майора Улануса; в состав его вошли: гренадерский батальон Апшеронского полка под командой майора Штерха, 6-й егерский полк, 4 эскадрона Белорусского гусарского полка, 300 казаков Донского Мелентьева полка, пионерная рота и по два орудия батарейного 8-го полка и Донской конной артиллерии.

23 ноября авангард Улануса и остальные войска Милорадовича выступили из Ясс и двинулись на Васлуй, Бырлад и Фокшаны к Бухаресту»[661].

Ошибочно было бы считать, что русским за Дунаем предстояла некая «военная прогулка» под восторженные рукоплескания туземцев[662]. «Еще 1 ноября Михельсон писал Милорадовичу, что рушукский Аян-Мустафа Байрактар[663] имеет намерение, даже без разрешения Порты, воспротивиться силой оружия занятию нами Валахии и Бухареста, где он собрал будто бы до 60 тысяч человек»[664].

По счастью, информация эта оказалась несколько преувеличенной.

«Узнав о приближении русских, рушукский Аян-паша выслал им навстречу из Бухареста отряд около 5000 человек, расположившийся на полдороге между Бузео и Бухарестом, в местечках Гладени, Катапка-Маре и Урзичени»[665].

Однако «Милорадович, доверяя преувеличенным слухам, передаваемым шпионами, не решался… идти далее вперед, прежде занятия Галаца, и потому, вместо движения к Бухаресту, лично отправился к отряду князя Долгорукова. Михельсон, указывая на то, что для занятия Галаца достаточно было выслать всего один батальон гусар с двумя орудиями, писал Милорадовичу от 6 декабря: "Я должен вашему превосходительству при сем заметить, что служба не терпит, чтобы подчиненные смели поступать в противность повелениям, увеличивая опасности, где оных нет, и упускали время, которое,

потеряв, возвратить не можно".

Требуя занятия Бухареста, главнокомандующий говорил, что "всякое упущение времени и неисполнение моих предписаний я буду уметь взыскать"»[666].

Какой реприманд — на грани обвинения в трусости!

Сам Михельсон был человеком легендарной храбрости. «Несмотря на свои 70 лет, ходил в атаки с саблей наголо, показав себя перед смертью тем же лихим гусаром, каким был, когда гонял Пугачева от Казани до Царицына»[667]. Он наказывал: «Не смотреть на число неприятеля, но искать его везде; трус гонит, а молодец отрезывает; начальник должен во всяком деле быть примером»[668].

Кажется, с Милорадовичем ему жить душа в душу — и вдруг… Откуда ж взялась подобная нерешительная осторожность, ранее Михаилу Андреевичу не свойственная?!

Аустерлиц — поражение после победоносных кампаний XVIII века! В панике бежали те, кого еще недавно именовали «чудо-богатырями». В таком позоре в некоторой степени был виноват и он, Милорадович. Сознание этого, душевные переживания надломили нашего героя… Конечно, это предположение, ибо исповедальных бесед с сотоварищами он не вел, откровенных мемуаров не писал. Но вряд ли можно думать, что трагедия русской армии не ударила генерала в самое сердце. Требовалось время, чтобы это пережить, залечить нравственные раны; нужны были боевые успехи, чтобы возвратились вера в собственные силы и уверенность в подчиненных.

Кстати, после Аустерлица многие офицеры и генералы оставили службу. Думали — навсегда, оказалось — в подавляющем большинстве своем, — до 1812 года. В числе таковых был и поручик Федор Глинка…

Думается, Михаил Андреевич пришел в себя довольно быстро — даже самые тяжелые испытания, ломающие слабых, закаляют сильных. К тому же военная обстановка заставляла забывать все прочее.

«Генерал Милорадович вел корпус свой по направлению к Бухаресту. Положение сего обширного и многолюдного города было ужасно! Меч висел над главой его! — войска турецкие, подозревая валахов в тайной преданности России, положили твердое намерение, если не отстоят города грудью, предать его огню и разрушению, оставив русским одни развалины и пепел… Милорадович, живо чувствуя важность обстоятельств и времени, летит, а нейдет»[669].

«Милорадович приехал в Валахию гораздо раньше, чем его ожидали турки. С ним прибыли полки: Апшеронский, Олонецкий,

Орловский, 5-й егерский, Белорусские гусары и два казачьих полка. Эти полки составляли авангард, начальником которого был Уланиус.

11 декабря, двигаясь из Бузео в Урзичени, Уланиус узнал, что из Бухареста выступили тысяча или полторы турок с Махмутом-Тираном во главе. Получив приказание Милорадовича атаковать их, Уланиус встретил турок около деревни Глодиани, в 7 или 8 верстах от Урзичени, вступил с ними в бой и опрокинул их»[670].

«Неприятель потерял более 400 одними убитыми, в плен же захвачено 10 человек и отбито два знамени; наш авангард пострадал весьма незначительно: в нем убиты один обер-офицер и 3 нижних чина и ранено 2 обер-офицера и 56 нижних чинов»[671].

«Отряд турок осаждал уже монастырь святого Пантелеймона, в котором заперлись сербы и князь Ипсилантий[672]. Милорадович, по прибытии к Фундени, выслал оттуда на освобождение сербов часть своей кавалерии, которая с возможной быстротой прибыла к осажденному монастырю, разогнала турок и, соединясь с сербами, двинулась к Бухаресту, примкнув к левому флангу отряда Милорадовича»[673].

«Подойдя к Колентинскому мосту, генерал-майор Уланиус тремя пушечными выстрелами известил жителей о своем прибытии. Утром 13 декабря к мосту подошла пехота авангарда и генерал Милорадович с частью своего отряда. После самого непродолжительного отдыха войска, переправясь через ручей Колентин, двинулись к Бухаресту. Для атаки неприятеля Милорадович построил свою пехоту в три каре, из которых войска Уланиуса, составив каре левофланговое, направились по расстилавшейся вокруг города равнине, в обход его с левой стороны…

Генерал-майор Уланиус послал в город гренадерскую роту Апшеронского полка и роту 6-го егерского полка, приказав им выбить турок из домов и монастырей, расположенных в левой стороне города. Несмотря на открытый турками сильный ружейный огонь, апшеронцы и егеря ворвались в Бухарест, где и закипел отчаянный бой. Дрались на улицах, в домах, в церквах… Невзирая на отчаянную оборону, защитники были выбиты со всех пунктов и погибли под штыками наших солдат. Одновременно с атакой каре Уланиуса остальные два выбили неприятеля из других частей города»[674].

«Милорадович, галопом, с саблей в руке, более храбрый, чем осторожный, влетел в город со своими гусарами, и в 4 часа вечера в Бухаресте уже не было ни одного турка. Милорадовича встретили как освободителя города, и действительно он был

таковым»[675].

А вот еще что рассказывали: «Один наездник, видя Милорадовича впереди войск и заметя его генеральский мундир, отважно подскакал к нему на несколько шагов, сделал пистолетный выстрел, к счастью, неудачный, и помчался назад. Милорадович, обращаясь к конвойным Белорусским гусарам[676], сказал: "Продайте мне коня этого молодца". Бело-русцы нагнали турка, закололи его и привели коня к Милорадовичу; сто червонцев были наградою гусарам за отвагу»[677].

Наверное, так и было — а может, придумано… Но вот это — еще хлестче: «Вечером арнауты[678] устроили Милорадовичу маленькую овацию, которая по своей идее достойна того, чтобы быть записанной для составления понятия о нравах этой варварской нации. Как только они узнали, что дом князя Гики назначен для русского генерала, они собрали все турецкие головы, отрубленные ими, и положили их в два ряда по лестнице, на дверях и в галерее дома; против каждой головы они поставили зажженный факел. Милорадович возвратился домой очень поздно и был провожаем арнаутами с большим триумфом. Видя издали иллюминацию, он был в восторге от нее, но когда он вошел во двор и увидел это ужасное зрелище, он на несколько минут потерял сознание. Он не захотел оставаться в этом окровавленном дворце и поместился там только несколько дней спустя, когда все было вымыто и вычищено»[679].

«Общая потеря наших войск при овладении Бухарестом не известна; но в каре Уланиуса, согласно его рапорту, убит 1 казак и ранены 41 нижний чин. Таким образом, победа Милорадовича над турками и взятие Бухареста спасли жителей от поголовного истребления»[680].

«Около 1000 турок были умерщвлены в городе или во время бегства, остальные без остановки бежали до Журжево.

Милорадовича упрекали, что он не пошел тотчас туда. Этот упрек не основателен. Его войска были измучены 100-верстным безостановочным походом, а от Бухареста до Журжево считается 88 верст; он мог пройти их только в два дня с большим трудом.

Эти два сражения: под Гладиано и Бухарестом — были первыми в этой долгой и жестокой войне. Они не понравились двору, который воображал, что три провинции эти будут заняты без ружейного выстрела. Милорадович, вместо того чтобы получить благодарность, которую он заслужил, получил замечание»[681].

Очень возможно, что в Петербурге тоже сказывался «комплекс Аустерлица» и что Милорадовичу не желали простить его прегрешений.

«До марта 1807 года корпус Милорадовича дальше не подвигался»[682]. Отрад барона Мейендорфа еще с декабря 1806 года осаждал знаменитый Измаил.

* * *

Франция и сама была не прочь вмешаться в войну России с Турцией. «Наполеон возобновил свои предложения Селиму III[683]: он предлагал ему послать через Боснию, Македонию и Болгарию 25 тысяч человек из армии Мармона[684], чтобы сражаться против русских на Днестре»[685]. От помощи турки отказались, однако опыт у своих союзников старались перенимать.

«Еще до своего вступления на престол Селим III убежден был в необходимости произвести реформу турецкой армии и флота. Селим и его сотрудники… выработали фирман, которым учреждался, под названием низами-джедид, целый корпус регулярной армии с разделениями и чинами на европейский образец, с точно определенным бюджетом»[686].

Так что война продолжалась с новой силой.

«С целью отвлечь часть неприятеля от Измаила и тем облегчить Мейендорфу овладение им, корпус графа Каменского наступал к Браилову, а генерал Милорадович со своими войсками двигался из Бухареста к Журже; Главнокомандующий же находился при последнем корпусе»[687].

Это было 4 марта; Паскевич[688], в ту пору штабс-капитан, вспоминал:

«Выступили мы при теплой погоде, по-летнему; но вскоре пошел дождь при холодном ветре, потом вместе с холодом снег и вьюга; степь замело, ничего различить было невозможно, проводники потеряли дорогу, по которой прошли передовые войска с Милорадовичем»[689].

«Едва стемнело, как пошел сильный дождь, продолжавшийся всю ночь; тем не менее русские войска, невзирая на сильный холод, не раскладывали огней, чтобы не дать тем знать неприятелю о своем приближении…

Милорадович подошел к Турбату, где был встречен большими силами турок. Казаки, завязавшие перестрелку с неприятелем, когда приблизилось каре, приняли вправо, к горам. Генерал Милорадович, продолжая наступление, открыл орудийный огонь, принудивший противника отступить в Турбат, где турецкая пехота укрепилась в домах, землянках, за плетнями… С каждой минутой сражение разгоралось; неприятель

постепенно получал подкрепления, отрад его конницы показался со стороны Журжи и направился в тыл нашим войскам. Тогда генерал Михельсон отправил на подкрепление Милорадовича всю кавалерию, под начальством генерал-майора Ребиндера[690], который, атаковав и опрокинув турецкую конницу, гнал ее три версты по журжевской дороге.

Стрелки ворвались в Турбат, где и завязался упорный рукопашный бой. Уцелевшая часть турок отступила в окруженный глубоким рвом замок. Когда на предложение выйти и сдаться неприятель ответил выстрелами, то Главнокомандующий приказал подвезти батарейные орудия, начавшие ядрами громить замковые стены. Вскоре почти весь замок пришел в разрушение, и стрелки двинулись на штурм. Не более как в четверть часа замок был взят, и все защитники его погибли под штыками солдат. Так закончилось сражение 5 марта, ознаменовавшее наши войска еще одной победой»[691].

На следующий день части русской армии вновь имели успешное сражение большим турецким отрядом, вышедшим из Журжи, а затем, простояв три недели в Турбате, Михельсон возвратился к Бухаресту. Тем временем генерал Мейендорф разгромил под Измаилом отряд сераскира Пегливана[692].

Русские победы — точнее, собственные поражения — громовым эхом отозвались в султанском дворце.

«Янычары свергли Селима III и провозгласили султаном Мустафу IV[693]»[694].

«Селим пал жертвой коалиции солдатчины, простонародья и духовенства.

Новый султан дано уже был известен своей ненавистью к реформам. Он приписывал поражения османов тем европейским новшествам, которые уже были ими приняты. Вообще он был человеком посредственного ума и занят был только своими удовольствиями»[695].

«Новый султан решил действовать энергично и приказал визирю с 40-тысячным войском двинуться на Бухарест»[696].

«Узнав, что грозный Милорадович отозван на нижний Дунай, а в Бухаресте один Александр Федорович Ланжерон, одержимый лихорадкой, имеющий только 3000 здоровых солдат, верховный визирь, по убеждению валахских князей, решил переправиться в одном месте, у Журжи, и идти прямо на Бухарест»[697].

«Ибрагим-паша, разделив армию на два корпуса, 30 марта двинулся к Силистрии и Журже. Главный удар направлялся на корпус Милорадовича…

Узнав о движении главной турецкой армии… генерал Милорадович понял опасное положение своего корпуса. Главная

опасность угрожала со стороны Силистрии, откуда неприятель, через город Обилешти, мог направиться к Бухаресту — и тогда наш малочисленный корпус, атакованный с двух сторон превосходными силами противника, должен был неминуемо потерпеть поражение. Но как до конца мая неприятель не двигался вперед, то тем временем Милорадович отправил все продовольственные припасы и войсковые тяжести в Урзичени, а больных, на подводах, отослал в Фокшаны. Паника, обуявшая жителей при известии о наступлении турок, была настолько велика, что вскоре город и окрестные села совершенно опустели, а бесконечные обозы с разным имуществом потянулись из Бухареста к Яссам и дальше, к границам Австрии. Ни уверения Милорадовича, ни полное спокойствие русских войск, остававшихся в городе и ближайших деревнях, не могли подействовать на валахов, твердо убежденных, что русских постигнет неминуемое поражение и поголовная гибель. В Бухаресте царили полный беспорядок и смятение»[698].

«Напрасно Милорадович старался рассеять опасения жителей, приказав везде играть музыке и давая балы в Бухаресте. Все это относили только к его беспечности. Никто из жителей не сомневался, что русские войска, стоявшие под Бухарестом, будут разбиты, отрезаны от сообщений и, конечно, принуждены будут сдаться. Тогда настанет грозный час расплаты с турками.

Но Милорадович был не из тех, которых тешат пустые забавы в ущерб дела. Он понимал всю важность обстоятельств и с напряженной энергией следил за каждым шагом противника, обдумывая план, способный расстроить все расчеты неприятеля»[699].

«Наконец, 29 мая, пришли первые вести о дальнейшем движении неприятеля… Невзирая на движение таких грозных сил, генерал Милорадович не только не унывал, но и надеялся еще разбить турок. В случае если бы корпусу, подавляемому численностью противника, пришлось отступать, то "…храбрость моих войск, — писал Михаил Андреевич генералу Михельсону, — соединит меня с корпусом графа Каменского"»[700].

«Смертная опасность угрожает Бухаресту в другой раз. Но генерал Милорадович, собрав до 5 тысяч войск, делает быстрый суворовский марш»[701].

«31 мая Милорадович собрал весь корпус в Бухаресте, выставив аванпосты из казаков на реке Сабаре, чтобы обмануть турок»[702].

«Выбор следования к Обилешти и меры, принятые в походе, в видах устранения всяких случайностей и неожиданностей, показывают, что Милорадович умел предвидеть все и соединить

крайнюю осторожность с решительностью и смелостью, что так редко случается встречать в военном деле»[703].

«Зная, что сосредоточенный у Слобозеи неприятельский корпус не может в скором времени двинуться к Бухаресту, Милорадович решился направиться к Обилешти и атаковать сосредотачивающиеся здесь части турецкой армии…

С рассветом 2 июня он был уже в виду Обилешти. Численность передовых турецких сил не превышала 18 тысяч; остальные еще не успели подойти… Когда русские перестроились в боевой порядок и двинулись к неприятельской позиции, Али-паша с чрезвычайной стремительностью атаковал всей конницей своего корпуса наш левый фланг; несмотря на открытый нами сильный артиллерийский и ружейный огонь, турки одновременно обрушились на левофланговое каре и окружили стоявшие на левом фланге три эскадрона Белорусского гусарского полка, которым, однако, удалось пробиться сквозь окружившие их массы конницы, а атака на пехотное каре была отбита ружейным и артиллерийским огнем. С целью поставить неприятеля под перекрестный огонь в случае повторения нападения, Милорадович приказал двум правофланговым и Апшеронскому каре выдвинуться вперед. Турки поняли этот маневр и, сосредоточив сильный огонь по Апшеронским батальонам, атаковали оба правофланговые каре. Как раз перед первым каре неприятельская конница неожиданно встретила глубокий овраг, в котором и столпилась, не имея возможности выбраться на противоположную сторону. Этим обстоятельством воспользовалась наша артиллерия, начавшая громить турок картечью, а правофланговое каре расстреливало неприятеля во фланг. Понеся огромные потери, неприятельская конница кое-как выбралась из оврага и в полном беспорядке бежала, преследуемая нашей кавалерией. Тогда Али-паша выбрал новую позицию для боя, но Милорадович повел все каре на штурм: наши войска, штыками сбив противника с позиции, принудили его к отступлению на всех пунктах. В 2 часа пополудни сражение всюду завершилось, и неприятель, потерпев полное поражение, бежал… Турки потеряли до 3000 убитыми и ранеными, сверх того отбито у них три знамени, одна пушка, два тулумбаса и множество разного рода имущества»[704].

«После Обилештского сражения, увидя сильно изрубленного солдата Белорусского гусарского полка, Милорадович спросил его: "Сколько у тебя ран?" — "Семнадцать!" — был ему ответ. Тут же, на месте, Милорадович отсчитал гусару 17 червонцев, на каждую рану по одному»[705].

«Если Милорадович выказал смелость и решительность в

атаке турок у Обилешти, то не менее выказал он энергии и предусмотрительности, прекратив преследование, и в тот же вечер форсированным маршем возвратился в Бухарест, куда он прибыл 3-го»[706]. К городу уже подступал Байрактар — известие о поражении заставило его отступить. «Если бы Милорадович одним часом опоздал прибыть к Бухаресту, город был бы ограблен и выжжен неприятелем»[707].

Однако о сражении при Обилешти говорили и другое. Генерал Ермолов писал, что Милорадович так ему рассказывал: «"Я, узнавши о движении неприятеля, пошел навстречу; по слухам был он в числе 16 тысяч человек; я написал в реляции, что разбил 12 тысяч, а в самом деле было турок не более четырех тысяч человек". Предприимчивость его в сем случае делает ему много чести!»[708] — иронизирует Алексей Петрович. Неужто «спасение Бухареста» — миф, придуманный самим Милорадовичем? Впрочем, злоязыкость Ермолова известна — в своих мемуарах он сумел сказать «доброе слово» буквально о каждом из военачальников…

Граф Ланжерон утверждает примерно то же самое, притом не подвергая сомнению заслуги Милорадовича: «Совершенно лишнее ему было раздувать этот успех бесполезной болтовней ради тщеславия. Никакой необходимости также не было писать в своей реляции, что турок было 12 тысяч, когда на самом деле сражавшихся было только 5 тысяч человек и они имели с собой только 5 пушек. У Милорадовича было такое же число людей и 37 пушек… В сражении при Обилешти у него было убито 30 человек, а у турок около 200 человек. В своей реляции число убитых турок он увеличил до 3 тысяч, тем более что это ничего не стоило ему. Они потеряли только одну пушку и 29 пленников, но ведь дело от этого не становится менее важным»[709].

Чему верить — донесению Михаила Андреевича, запискам его современников? Но почему никто из завистников или недоброжелателей сразу же не сообщил в Петербург, что количество разгромленных войск противника в несколько раз завышено Милорадовичем? Так что остается только гадать, как было на самом деле…

Однако в истории осталось следующее свидетельство: «Милорадович одержал знаменитую победу при Обилешти, напомнившую туркам громовые удары Румянцева и Суворова, и тем спас столицу Валахии»[710]. Да и Александр I отнесся к военачальнику самым милостивым образом: «Господин генерал-лейтенант Милорадович, в ознаменование мужественных подвигов и искусства, явленных вами во второй день минувшего июня при селении Обилешти, где вы, предводительствуя

вверенным вам корпусом, благоразумными распоряжениями вашими разбили совершенно скопившихся там турок, коих число простиралось до 12 тысяч, и, при сем случае, досталось вам в добычу пять знамен и одна пушка, в предшествии же сему вы, вступив с порученными вам войсками в Валахию, супротивоборствовали неприятелю в покушениях его и, преодолев все преграды им противопоставляемые, заняли потом Бухарест и через то спасли сей город от неприятельского покушения, жалую вам золотую шпагу, алмазами украшенную, с надписью: "за храбрость и спасение Бухареста", в полном уверении, что вы, приняв сей новый опыт Моей к вам признательности, усугубите рвение ваше соделаться более достойным к изъявлению благоволения Моего, которое мне всегда приятно будет вам оказывать.

Пребываю вам благосклонный

Александр»[711].

С тех пор за «Русским Баярдом» утвердилось лестное прозвище «Спаситель Бухареста».

Однако на это звание нашлись и другие претенденты.

«Милорадович… молодой генерал, обыкновенно так рассеянный и внушавший опасение вследствие своей неопытности в военных операциях и часто смешной в своих личных делах, выказал деятельность, решительность и рассудительность, которые сделали бы честь и более старым генералам. Он оказал своему отечеству большую услугу, но в то же время это была единственная, которую он оказал во всю свою военную жизнь…»[712]

Обрываем цитату, чтобы выразить несогласие с автором слов о «единственной услуге», — вся наша книга доказывает, что таковых было немало…

«…Я знаю общее мнение армии и жителей Валахии, что Милорадович только следовал советам Уланиуса, который и составил план всей экспедиции. Верно, что Уланиус очень заносчив и хвастался этим, Милорадович никак не мог заставить его замолчать, но если даже этот план и был составлен Уланиусом, Милорадович все-таки имел большую заслугу, так хорошо и точно исполнив его»[713]. Вот с этим нельзя не согласиться — сколько блистательных, казалось бы, планов было провалено бездарным, робким исполнением! Далеко не обязательно, что генерал, составивший прекрасный план, сможет потом его выполнить…

Граф Ланжерон вспоминал, что, глядя на полученную Милорадовичем шпагу, Уланиус принародно заявил: «Я смотрю на мою шпагу, она очень хороша».

Подобное поведение военного человека достойно осуждения. Но, сколь ни прискорбно признавать, русские генералы никогда не жили между собой в ладу и согласии, а потому, столетие спустя, именно борьба амбиций и честолюбий во многом и привела к поражению Белого движения. По счастью, не амбиции все-таки были главными чертами в генеральских характерах, не ими определялись заслуги военачальников перед Отечеством.

«2 июня 1807 года Милорадович нанес туркам страшный удар под деревней Обилешти. В этом сражении Гейсмар[714] участвовал в чине подпоручика и… в течение всего боя внимательно соображал все передвижения турок — старался уловить, так сказать, характер их военных действий. Наверное, никто тогда не мог предполагать, что он 20 лет спустя, уже в качестве самостоятельного Главнокомандующего, даст туркам Бойлештское сражение[715], цель и последствия которого были те же, что и Обилештского, — а потому барон Гейсмар может считать себя достойным учеником генерала Милорадовича, усвоившим себе хладнокровие, мужество и быстроту своего "незабвенного учителя"»[716].

Какие блистательные офицеры проходили боевую школу под знаменами Милорадовича — Паскевич, Гейсмар! А сколько таких имен у нас еще впереди…

…Милорадович разгромил турок в тот самый день, когда в Восточной Пруссии, под Фридландом, барон Беннигсен[717] уступил поле боя французам. Кампания 1806—1807 годов оказалась для нас столь же неудачной, как и война 1805 года. 27 июня был заключен Тильзитский мир — постыдный для России, но ей необходимый. Мирные переговоры с турками начались за три дня до этого…

«Весь 1808 год прошел в бездействии и переговорах. Россия начала войну со Швецией. В Турции произведен очередной переворот, Мустафа IV низложен, а султаном провозглашен Махмуд II[718]. В Эрфурте состоялось свидание Александра I с Наполеоном. Между Россией и Францией заключен союз, и Наполеон, желая заручиться помощью России в блокаде Англии и назревающем конфликте с Австрией, согласился на приобретение Россией Молдавии и Валахии. Император Александр повелел Прозоровскому[719] вступить в переговоры непосредственно с Мустафой-пашой Рущукским (ставшим великими визирем) и требовать у него уступки Молдавии и Валахии (русско-турецкая граница по Дунаю) и протектората России над Сербией. Визирь уже согласился на эти чрезвычайно выгодные для России условия, но в ноябре был убит янычарами. Тем временем Англия и Австрия, ставшие врагами России после союза Александра с

Наполеоном, убедили султана отвергнуть русские требования»[720].

Ну вот, в нашем тексте — впервые и ненадолго — появилось имя генерал-фельдмаршала князя Прозоровского.

«19 августа 1807 года генерал от инфантерии Михельсон умер и вместо него Главнокомандующим назначен фельдмаршал князь Прозоровский»[721].

Новый главнокомандующий был на восемь лет старше умершего. Ровесник Суворова, произведенный одновременно с ним в офицеры, но на пять лет раньше — в генералы, он стал фельдмаршалом только сейчас, при назначении.

«Несмотря на глубокую старость Прозоровского, император Александр вверил ему армию против турок, которые не раз были им побеждаемы при Екатерине. Ему было тогда семьдесят шесть лет; он страдал от подагры и хирагры, но еще имел дух бодрый, пылал усердием и, на закате дней, деятельно занимался службой, которая одна поддерживала угасавшую жизнь его»[722].

Человек опытный сразу обратился к вопросам жизнеобеспечения войск:

«Ввиду разразившейся в конце 1807-го и в начале 1808 года болезненности в войсках, князь Прозоровский обратил особенное внимание на доброкачественность пищи в войсковых частях и обязал корпусных командиров и других начальников инспектировать провиантские магазины, смотрители которых производили большие злоупотребления. Недоброкачественность продуктов, в связи с непривычными климатическими условиями, создала в войсках огромное количество больных, большей частью тифозной горячкой. В отчетах Апшеронского полка за второе полугодие 1808 года нам пришлось встретить поразительные цифры больных: офицеров — 16 и нижних чинов — 409; по-видимому, в это время болезнь приняла эпидемический характер»[723].

Государь принял и еще одно «смелое кадровое решение»: в Молдавскую армию получил приказание отправиться генерал от инфантерии Голенищев-Кутузов, тоже совсем немолодой человек, который «…прибыл в главную квартиру в начале 1808 года, но, быв до того Главнокомандующим, тяготился своим назначением и вскоре, по неудовольствию с фельдмаршалом, определен в Вильну военным губернатором. Солдаты, расставаясь с ним, проливали слезы. Он, подобно Суворову, умел владеть сердцами: стоял за них горою; заботился об улучшении пищи храбрых воинов; ел с ними кашицу; часто посещал больных и раненых и с целью, в присутствии своем, давал волю речам, чтобы выведывать мысли солдат, узнавал их слабости и доблестные подвиги»[724].

Прозоровский «…жаловался на "интриги" подчиненных ему генералов, особенно Кутузова. Щадя самолюбие старика (просившего об отставке), Александр I перевел Кутузова губернатором в Вильну и в помощь Прозоровскому направил Багратиона»[725].

Это произойдет несколько позже, и судьба вновь сведет соперников, но на ином, чем прежде, уровне: князь Багратион, отличившийся в только закончившуюся войну со Швецией, носил уже чин генерала от инфантерии.

* * *

«В 1809 году генерал-лейтенант Милорадович находится в Большой Валахии, жил преимущественно в Бухаресте. Переговоры о мире с турками, начатые… Прозоровским еще в 1808 году, тянулись и первые месяцы 1809 года. В этом затишье Милорадовичу было довольно много хлопот. Они состояли в мерах по обеспечению вверенных ему войск продовольствием, в удобнейшем размещении их и в постоянной борьбе с кознями и интригами валахских бояр»[726].

«Все валахские бояре были, втайне, весьма враждебны русским интересам, зная, что Россия требует присоединения Дунайских княжеств к ее владениям»[727].

Проблем добавляло и то, что русское военное командование выполняло в Валахском княжестве многие административные функции. Вот что утверждал граф Ланжерон, обращаясь еще к началу кампании: «Михельсон был только солдатом и не имел понятия ни о политике, ни об администрации. Он был очень ограниченный и дрожал перед двором и всеми, кто только, как он подозревал, был там в милости. Уверенный, что Милорадович пользовался этой милостью, так как последний много сам о ней говорил и ему верили на слово, Михельсон совершенно подпал под его влияние и силу.

Милорадович, который знал науку управления не лучше Михельсона, имел больше смелости, гордости и упрямства, пленился дочерью одного из первых бояр Валахии по имени Филипеско, хотя она и не была красавицей, но ему она очень нравилась и он не разбирал, кому она принадлежит, нашим друзьям или врагам, а вскоре ее отец завладел всей администрацией. Константин Филипеско, наибольший враг русских, будучи самым скрытным и вероломным из всех валахов, воспользовался этой непростительной слабостью Милорадовича и, продав ему свою дочь (эта молодая девушка по своим хорошим

качествам не заслуживала быть жертвой бесчеловечных расчетов своего отца, но она, по своей молодости и неопытности, понадеялась на обещание Милорадовича жениться на ней — обещание, которое он забыл, уже выезжая из Бухареста), овладел его доверием, а через него и доверием Михельсона. Ему удалось бросить подозрение в измене на Ипсиланти и удалить его»[728].

Вообще, по мнению Александра Федоровича, Милорадович был виноват буквально во всех накопившихся тогда трудностях. Но есть и иные утверждения: «В течение Турецкой войны обрисовалась личность Милорадовича как начальника, необыкновенно заботливо и неутомимо относившегося к всестороннему удовлетворению потребностей войск, и как благородного человека, который бесхитростно пресекал козни продажной администрации княжеств»[729].

Кажется, слово «бесхитростно», является здесь ключевым.

Историк пишет: «Князь Прозоровский давно уже имел подозрения относительно Филипеско и указывал на его неблагонадежность Милорадовичу, который, влюбленный в его дочь, казалось, был совершенно ослеплен хитрым греком, и потому всегда защищал его… Князь Прозоровский писал князю Багратиону от 5 августа: "Корпус Милорадовича отправьте к Галацу; а сам генерал Милорадович, когда хочет остаться в Бухаресте, то сие в его воле…"»[730]

Кажется, любовь — или страстное увлечение — оказалась для Милорадовича важнее интриг и войны… Другого военачальника на его месте не представишь!

«В Валахии начальствовал генерал-лейтенант Милорадович, и редкий день не было праздника, которые он делал сам и других заставлял делать для забавы своей любезной»[731].

Признаем, что характер у нашего героя был жуткий — впрочем, читателю это можно было понять и ранее — излишне пылкий, безоглядно увлекающийся, нерациональный и эгоистичный. Хотя в те времена рационалистов в военном деле было очень немного: недаром дерзкого оригинала Суворова солдаты беззаветно любили, а мудрого, методичного Барклая-де-Толли[732] — ненавидели. Иные историки, правда, утверждают, что «чудо-богатыри» не переносили генералов с нерусскими фамилиями. Фамилии ни при чем! Отважного Бистрома[733], такого же как и Барклай, эстляндского дворянина, солдаты между собой звали «генералом Быстровым».

У Михаила Андреевича был и еще один существенный недостаток, который мы также упоминали. Воспитанный на больших деньгах, неправедно нажитых его предками, он совершенно не знал им цены и не задумывался, каким образом

достаются деньги другим людям. Если в Альпах он за съеденную лепешку отдавал солдату последний свой кусочек сыра, то в Валахии о возвращении долгов он совершенно не беспокоился.

«Греки просили Милорадовича об уплате должных им денег. "Заплачу, — сказал он, — когда возьму Константинополь"»[734].

Ладно, здесь-то можно предполагать, что денежная ссуда представляла собой замаскированную взятку, действия не возымевшую, почему Михаила Андреевича и просили ее вернуть, но вот происшествие, из ряда вон выходящее: «Один случай покажет всю бесчувственность этого бессовестного человека; мне его рассказывали очевидцы. Когда он начальствовал в Бухаресте, занял он у одного провиантского чиновника до 10 тысяч казенных денег. Вскоре другой чиновник приехал первому на смену и стал требовать сдачи. Тот убедительно умолял должника о заплате, представляя, что он рискует попасть под суд и быть разжалован. "Подожди, помилуй, неужели ты мне не веришь?" — всегда был ответ; последний же был — приглашение к себе на бал. Несчастный явился и в промежутке танцев стал посреди залы и воскликнул: "Знаете ли, господа, мы у кого? У злодея, у вора". С тем вместе вынул он пистолет и тут же застрелился. "Мой Бог (известная поговорка Милорадовича), — закричал он, — что это значит? Велите скорей вынести этого сумасброда". А после того, как бы ни в чем не бывало, принялся за мазурку»[735].

Поверим, что так и было. Понять Михаила Андреевича можно — мало кто подозревает в интенданте честного человека — вот только простить его за такое нельзя… А он ведь совершенно не был скуп: «Однажды купил Милорадович две шали за 600 червонцев; одну подарил знакомой ему боярыне. "А другую, — сказал он, — отдам первой хорошенькой девушке, какую встречу завтра на улице". Увидя на другой день прекрасную молдаванку, совсем ему незнакомую, он остановил ее и просил принять от него богатую шаль. "После того, — присовокупил он, — я никогда не видел этой девушки"»[736]. В этом тоже весь Милорадович…

Живя в Бухаресте, Михаил Андреевич вел обширную переписку с различными людьми — «князем Багратионом, а также с бывшим тогда военным министром графом Аракчеевым, с командиром отряда войск в Малой Валахии генералом Исаевым[737], атаманом Платовым[738], графом Ланжероном, с генералами Резвым[739], Энгельгардтом[740], с полковником Турчаниновым[741]… Милорадович хорошо владел саблей и далеко не боек был на бумаге; тем не менее письма его даже за один 1809 год, будучи весьма разнообразного содержания, довольно ярко вырисовывают нравственную его личность»[742]. К тому же помогают и понять происходившее вокруг.

Графу А.А. Аракчееву — 11 мая 1809 года:

«Император ко мне милостиво расположен. Мне ничего не остается более, как стараться и все усилия употребить заслуживать лестную и счастливую для меня обо мне мысль Всемилостивейшего Монарха и оказанные мне милости… Для начальника, единственно о общей пользе думающего, самая лучшая награда, ежели подчиненные его достойно за усердие их отличаются; сие ободряет всех вообще, дает вес и доверенность начальнику и способ находить достойных людей, охотно тогда с ним служащих. Я обязанным будучи, по многим причинам, служить Государю Императору нелицемерно и без малейшего пристрастия, пренебрегаю эгоизм, отдаю каждому справедливость и тем, кои против меня идут, угождая обстоятельствам, и не ищу для себя ничего. Сие доказал я во все время моей службы, и Ваше Сиятельство сами известны, что я о себе Вам ничего никогда не говорил. Следуя правилам сим, заслужил я любовь в подчиненных и здешнего народа, превозмогая всевозможные трудности, шиканы[743] и интриги от некоторых бояр, по корыстолюбию, а к несчастию, и наших протежирующих их, против меня существовавших, а может быть, и теперь существующих… Дружеское расположение ко мне Вашего Сиятельства служило мне много удержать верх над интригующими, которые боялись, чтобы я оным не воспользовался. Но я молчал, не наскучивая никому…»

Генерал-майору И.И. Исаеву — 24 мая 1809 года:

«В секретном повелении Его Сиятельства ко мне… князь пишет следующее: "При сем прилагаю… копию с донесения от Действительного Статского Советника Родофиникина[744]; из содержания оного усматриваю я, что тут, кажется, кроются интриги генерал-майора Исаева 1-го; как он настоятельно сам ко мне писал, а равно и чрез вас, чтобы ему позволить идти в Сербию, но, не получа желаемого ответа, настроил сербов настоятельно меня именно об нем просить. Посему и поручаю я Вашему превосходительству таковое мое заключение ему сказать, и чтобы он от подобных интриг, если я не ошибаюсь, воздерживался. Довольно был я против его снисходителен, когда он сам послал от себя войска за Дунай без моего и вашего позволения, и я тогда молчал; ибо, чтобы войска сами туда пошли, как генерал Исаев утверждал, то сего быть не может, поелику республиканского духа в российских войсках и ни в каких регулярных не должно быть, и никакие войска, без приказания начальника, никуда идти не могут…")»

Князю А.А. Прозоровскому — 25 мая 1809 года:

«Давно уже мне известно, что в армии существуют интриги;

эгоизм и корыстолюбие некоторых господ генералов руководствуют оными и все возможные средства употреблялись к достижению цели. Счастие, что справедливость Вашего Сиятельства была для них препона. С удивлением, однако ж, равномерно и с прискорбием видеть должно, что дерзость интриганов так велика, что они даже располагали назначение военных операций, сходно с злыми их намерениями. Тут ни общественной пользы, ни привязанности к начальнику, ни чести нет… В службе ничего не ищу, доселе ничего и ни у кого не просил; с удовольствием находиться буду в оной, равномерно без огорчения оставлю оную…»

Полковнику П.П. Турчанинову — 4 июля 1809 года:

«С большим неудовольствием, прискорбием и с не меньшим удивлением слышу я, что генерал-майор Исаев отзывался на мой счет самым неблагопристойным образом; не меньшее всего, что старается взвести на меня подозрение в таких поступках, которые сами его самого обнаружили. Но всякой человек имеет свои правила. Пора кончить интриги. Вот мой ордер к нему: я настоятельно хочу, чтобы исследовано было все наиподробнейшее и чтобы наказаны были интриганты, особливо находящиеся под протекциею господина генерал-майора Исаева… Зло искоренять должно: оно слишком в армии нашей умножается…»

Полковнику П.П. Турчанинову — 12 июля 1809 года:

«Я рад, что дошедшие до меня слухи ложны. Не люблю ни малейших беспокойствий и побочных неприятных дел… Надобно смотреть, чтобы общественное благо соблюдаемо было, и лицо каждого начальника не может иметь ни неприятелей, ни приятелей. Я, как занимающий важное место, по обязанности своей, не должен терпеть никакого зла и должен искоренять все злые намерения и зловредные поступки людей, единственно в свою пользу действующих, ворующих и грабящих собственное свое отечество…

Я получил отзыв генерал-майора Исаева и ни малейшего не имею подозрения. Сей генерал расторопен и полезен по службе. Сие для меня довольно, чтобы все для пользы его делать….»[745]

Генерал-майору И.И. Исаеву — 16 сентября 1809 года:

«Я, имев честь служить с Вами в самых труднейших обстоятельствах, с помощью Божиею, Вы и я изворачивались полезными успехами. Ныне сие паки быть должно. Бог с нами!.. Будьте со мной откровенны для общей пользы»[746].

На последние два письма стоит обратить особое внимание: Милорадович разобрался в наветах и не держит зла. Качество весьма редкое в начальниках…

Все интриги и трения завершились естественным путем. «Переговоры о мире не привели к желаемым результатам, и в начале 1809 года предполагалось открыть военные действия. Корпус генерала Милорадовича придвинулся к Дунаю и стоял в местечках Копочени, Мавродино, Негоешти, Будешти и других… а главные силы под начальством генерала от инфантерии Голенищева-Кутузова — в Фокшанах и его окрестностях… Согласно плану кампании, весной 1809 года надлежало овладеть турецкими крепостями Журжею, Измаилом и Браиловым и перенести театр военных действий на правый берег Дуная. Для овладения Журжею назначался корпус Милорадовича»[747].

«18 марта князь Прозоровский выехал из Ясс в Фокшаны, чтобы лично присутствовать при действиях корпуса Милорадовича против Журжи, взятием которой должна была начаться кампания.

Еще в начале марта Милорадович вступил в секретные сношения с рущукским пашой Ахмет-эфенди, который, находясь в немилости у султана, не хотел спокойно ожидать смерти, к которой был приговорен еще во время бунта янычаров. Ахмет-паша изъявлял желание перейти в Россию и в доказательство своей искренности советовал Милорадовичу атаковать слабоукрепленную Журжу, обещая не подкреплять ее войсками из Рущука… Он объявил, что "гарнизон Журжи был весьма слабый, укрепления во многих местах разорены, и вообще крепость в весьма дурном положении"»[748].

«Уже к 20 марта часть войск Валашского корпуса сосредоточилась в Бухаресте, откуда предполагалось открыть наступление, и того же числа прибыл сюда инженер генерал-майор Гартинг[749], под руководством которого приступлено к изготовлению лестниц, фашин, туров и прочих принадлежностей для штурма»[750].

«Но, как вы назначены от меня к сей экспедиции, — писал Прозоровский Милорадовичу, — то вы оною и распоряжайтесь, а я буду только зрителем»[751].

«22 марта весь корпус передвинулся в местечко Фалаш-ток, в 45 верстах от Бухареста. На другой день генералом Милорадовичем дана диспозиция к штурму. Весь корпус разделен был на шесть колонн… Всем войскам приказано было двигаться в полном порядке, с соблюдением возможно большей тишины: "Прибытие колонн к крепости должно произойти поутру, в 4 часа; я буду находиться на правом фланге, между первой и второй колоннами, и сигналом к штурму послужит ракета.

Резерву колонн находиться от последних не далее 200 шагов, чтобы в случае неудачи своевременно подкрепить и принять на

себя отступающие войска.

Я знаю солдат, коими командую; в успехе не сомневаюсь, а в наблюдении порядка уверен. Господа генералы, командующие частями, все известны своими подвигами; дело солдат — следовать их примеру и повиноваться; малейший беспорядок может быть пагубен, и кто тому причиной будет вреден чести и славе полков; я люблю добрых солдат и истреблю виновников.

Когда ретраншамент[752] форштата[753] будет занят, тут наиболее соблюдать устройство: ни один не должен оставлять своего места; в улицах удвоить старание соблюсти порядок и поспешно достигнуть до крепости: — тогда победа, трубы, награды, успех, честь и слава!" Апшеронские батальоны шли во главе штурмующей колонны и первыми должны были броситься в атаку»[754].

«Суворовские нотки» звучат в приказе весьма явственно.

Штурм, как и намечалось, начался ранним утром 24 марта, но открыть кампанию блистательной победой фельдмаршалу Прозоровскому не удалось.

«Турки, защищавшие передовые укрепления, большей частью легли под штыками наших солдат, и только немногие успели спастись под защиту стен замка, высокий вал которого не остановил стремление русских войск; но, к сожалению, здесь явилась непреодолимая преграда дальнейшим успехам. Как оказалось, журжинские укрепления сильно разнились от укреплений, показанных на имевшемся у нас плане: глубокий двойной ров, о котором у нас ничего не знали, затруднял приступ, а лестницы оказались короткими. "Но храбрые солдаты, презирая опасность, втыкали штыки в контрэскарп[755] и взбирались по ним на вал"[756].

Однако, ошеломленные вначале отвагой русских, турки вскоре опомнились: ободренный прибывшим из Рущука на 17 судах подкреплением, гарнизон Журжи удвоил усилия, чтобы сбросить взобравшихся на стены смельчаков, и открыл по ним орудийный огонь картечью. Несмотря на то, что штурмующие колонны уже успели взобраться на стены, они тем не менее терпели страшный урон…

Между тем в Журжу каждую минуту прибывали свежие толпы неприятеля. При таких обстоятельствах, невзирая на видимые успехи наших войск, генерал Милорадович не счел возможным продолжать приступ, который мог повлечь за собой только совершенно бесполезную потерю людей, и приказал отступить колоннам; но разъяренные солдаты просили вторично вести их на штурм. Только сильный пожар в предместье крепости побудил русских к отступлению, которое и совершилось с поразительным

порядком и спокойствием»[757].

«Хотя приступ к Журже не увенчался полным успехом, выведя из рядов до 700 человек убитыми и ранеными, тем не менее перевес результатов был, несомненно, на нашей стороне. Турки потеряли более 2000 человек, 32 знамени и 13 орудий, из которых 7, по невозможности их увезти, были испорчены»[758].

В неудавшемся штурме виноват, к сожалению, Милорадович — победа казалась столь очевидной, что он слишком в ней уверился.

«За два дня до штурма турецкий лазутчик, узнав о заготовлении штурмовых лестниц и фашин, успел, несмотря на принятые предосторожности, уведомить неприятеля о предстоящем штурме и объявить о тайных переговорах между Милорадовичем и начальником рущукских войск Ахметом-эфенди. Последний едва успел спастись… В Рущуке и Журже закипела усиленная деятельность.

Начальник войск, Хозрев Мегмет-паша, собрал для возвышения крепостного вала и углубления рва все население Журжи, и работа продолжалась днем и ночью до самого начала штурма. Вместо неожиданного нападения и легкого штурма пришлось встретить бдительный надзор и энергическое сопротивление. Всего же более повредило нам увеличение высоты вала и глубины рва, отчего лестницы оказались короткими»[759].

Увы, неприятель сумел переиграть Милорадовича в «тайной войне» — уверенные в победе, русские не заметили лихорадочных контрприготовлений!

«Баярд русской армии, незабвенный Михаил Андреевич Милорадович всю вину неудачного штурма принял на себя. В донесении главнокомандующему от 25 марта он писал: "Я знал, что успех покроет славой корпус, а неудача падет на меня. Будь я эгоист, то не решился бы на предприятие неверное; но на войне удаются иногда предприятия неверные: надобно на них отважиться".

Государь не только не прогневался на Милорадовича за отбитый штурм, но, напротив того, адъютанту его, привезшему донесение о сражении 24 марта, пожаловал бриллиантовый перстень, а генералу Милорадовичу повелел сообщить, что "неудача отнюдь не переменяет выгодных о нем мыслей Его Величества, об усердии его и знании военного искусства"»[760].

Кажется, «комплекс Аустерлица» прошел и в Санкт-Петербурге…

Признавая собственную вину, Милорадович подчеркивал, что его подчиненные воистину действовали безукоризненно. Позже он писал Аракчееву:

«Здесь слух, что офицеры, отличившиеся при взятии ретраншаментов под Журжей… не будут награждены. Я осмелюсь донести Вашему Сиятельству, что они совершенно заслуживают внимания и тем более надеялись награждения, что Его Сиятельство, господин генерал-фельдмаршал, рассматривая, исследуя наиподробнейше сие дело, отдал отменно-лестный для корпуса приказ и обещал исходатайствовать им оныя»[761]. Это и есть истинное благородство…

25 марта корпус генерала Милорадовича возвратился в Бухарест.

«В апреле 1809 года силы обеих воюющих армий были численно почти равны: около 80 тысяч человек с той и другой стороны. Но русские были закалены в боях, довольно хорошо снаряжены и состояли, при Главнокомандующем Прозоровском, под начальством таких вождей, как Кутузов, Милорадович, Марков[762], Воинов[763], Исаев, Платов, Засс[764] и французский эмигрант Ланжерон. Турецкая же армия, за исключением небольших регулярных частей, представляла собой какой-то сброд, а начальствовавший над нею великий визирь Юсуф[765], известный главным образом по тем поражениям, какие нанес ему Бонапарт во время Египетской кампании, был уже 80-летним стариком»[766].

Несмотря на это, «…не прошло и месяца после неудачи, как главные силы русской армии, под непосредственным начальством князя Прозоровского, 19 апреля штурмовали крепость Браилов, но штурм окончился полной неудачей, и войска наши понесли огромные потери. Новая неудача нашего оружия вызвала со стороны императора Александра I по поводу ведения войны в Турции вообще, и в частности относительно штурмов, ряд соображений… Государь советовал, миновав крепости, переправиться на правый берег Дуная, перенестись за Балканы и у ворот Константинополя предписывать условия мира. "С тех пор как переходят Альпы и Пиренеи, Балканские горы для русских войск не могут быть преградой!" — писал император Главнокомандующему»[767].

Совет государя — это приказ, требующий неукоснительного выполнения.

«Князь Прозоровский в половине июля приступил к необходимым приготовлениям для перехода через Дунай и составил новое расписание армии… Резервный корпус под начальством генерал-лейтенанта графа Ланжерона расположился в Валахии для охраны княжества от набегов со стороны турок в то время, когда главная армия будет оперировать за Дунаем. Корпус генерал-лейтенанта Милорадовича — в составе 12 батальонов, 2

полков кавалерии, роты конной и ½ роты батарейной артиллерии — сосредоточился у Обилешти с целью поддержки войск Ланжерона и стоявшего у Слободзеи отряда генерал-майора Жилинского[768], на случай вторжения турок в Валахию»[769].

Да, Прозоровский — не Михельсон: один корпус он оставлял для охраны княжества, другой — для поддержки охраняющих… Уж очень осторожен!

Из Петербурга казалось, что стоит лишь изменить тактику действий, — и окажешься у ворот Константинополя, а здесь, за Дунаем, в первую очередь приходилось решать иные проблемы. 18 июля Милорадович докладывал князю: «В лагерях, вообще в расположении моем умножаются болезни, большей частью лихорадки и горячки. Возможные предосторожности взяты и, сходно с повелением Вашего Сиятельства, поделаны выгодные шалаши и с нарами; пища прекрасная и квас в изобилии, равномерно учения нет, кроме неумеющих, и то слегка. Я сам лишь избавился от тяжкой болезни и чрезмерно ныне ослаб. Я приемлю смелость покорнейше просить Ваше Сиятельство повелеть купить у маркитантов водки для корпуса. Я бы сим не утруждал, но у меня ни собственной, ни экстраординарной суммы нет…»[770]

«Отправился я для осмотра конной артиллерии в Молдавской армии под начальством отличного долголетием фельдмаршала князя Прозоровского… Военные действия были прекращены на некоторое время. Я был свидетелем перехода войск в лагерь при Катени, знаменитый зарождением ужасных болезней в войсках и истреблением большого числа оных. Никакие убеждения не сильны были отклонить от занятия убийственного сего лагеря. Войска делали марши не более 15 верст и редко употребляли на то и менее десяти часов, ибо устроенные в большие каре и в середине оных имея тяжелые обозы, медленно двигались они, по большей части, без дорог. Фельдмаршал не переставал твердить, что он приучает войска к маневрам. Подверженные нестерпимому зною, войска очевидно изнурялись, и фельдмаршал, вскоре переселившийся в вечность, отправил вперед себя армию не менее той, каковую после себя оставил»[771].

«Приближаясь к могиле, почтенный военачальник приветствовал еще императора с завоеваниями; не слагал с себя лежащего на нем бремени; продолжал отдавать отчеты в своих военных распоряжениях и за несколько часов до кончины отправил курьера в Санкт-Петербург, но с трудом мог подписать имя, сказал посланному: "Когда ты будешь представлен военному министру, а может быть, и государю, объяви, что я умираю. Меня в то время не будет уже на свете. Рассказывай, что видел;

лишнего не прибавляй".

Князь Прозоровский скончался в лагере, за Дунаем, близ Мачина, сохранив память до последней минуты своей жизни: читал сам отходную»[772].

Ситуация совершенно уникальная: на театре военных действий умирает от старости второй главнокомандующий… Кажется, Александр Павлович уж слишком увлекался «бабушкиными» генералами — славными героями давно прошедшей эпохи. Хотя маститый старец не достиг за Дунаем никаких успехов, государь «…в знак признательности к полезной Отечеству службе князя Прозоровского повелел всей армии носить три дня военный траур»[773].

* * *

«В августе 1809 года умер Прозоровский, и на место его поступил князь Багратион, друг и приятель Безака[774], который при нем еще более усилился. Все части военного управления и гражданское ведомство княжества лежали на его ответе, и все шло как нельзя лучше. Князь Багратион занимался только исключительно ведением войны. У него было не более 19 тысяч войска, и он действовал очень успешно»[775].

Милорадович писал князю Багратиону 21 августа: «Я имел честь получить записку Вашу с восхищением… Почтенный князь! я принимаю с благодарностью начало дружеского поведения Вашего, чувствую, что Вы для меня даете случай валахам отличиться и так с пользою службы и прежним Вы благодеяния народу и одолжение (?), искренно Вас любящего. Таким способом лестно быть у Вас. Одна теперь моя забота, что я не успею и догнать Вас, так скоро ведет Вас слава и так известна Ваша к ней дорога! От души Вас поздравляю и имею честь быть с истинным почтением и непоколебимой преданностью…»[776]

Генералы обменялись посланиями, крайне лестными по отношению друг к другу, однако вскоре за тем последовавшие события заставляют сомневаться в декларированной дружбе.

Багратион поспешил начать активные действия.

«По приказанию нового Главнокомандующего… Милорадович для ускорения марша переправился 21 августа через Дунай у Мачина. С приходом корпуса Милорадовича на правом берегу Дуная сосредоточилась армия численностью в 25 тысяч человек, и князь Багратион решил предпринять решительные действия к Силистрии для овладения этой крепостью»[777].

«Овладев Кюстенджи, князь Багратион с корпусом Платова

пошел на Черноводы и, соединяясь с Милорадовичем, атаковал 4 сентября при Рассевате 15-тысячный турецкий корпус под начальством сераскира Хозрева-Махмута»[778].

«Учинил я распоряжение, дабы… 4-го числа авангард от корпуса генерал-лейтенанта Платова обошел Рассеват для пресечения неприятелю ретирады к Силистрии и отнятия у него способов к получению оттуда подкрепления; а генерал-лейтенант Милорадович двинулся бы вперед и таким образом, окружив место со всех сторон, атаковать в одно время неприятеля»[779].

«Передвижения корпусов производились с такой осторожностью, тишиною и порядком, что турки даже и не предполагали о близости русских»[780].

«Когда авангарды корпусов Милорадовича и Платова вступили в сферу неприятельского огня, турки открыли по ним сильный огонь из своих ретраншементов, а конница показывала вид готовности к нападению. В то же время, по береговой дороге в Черноводы, выслана была значительная часть турецкой конницы для угрозы правому флангу Милорадовича. Передовые войска обоих корпусов, остановившись на высотах, открыли перестрелку»[781].

«Милорадович, не прекращая движения, отделил для очищения своего правого фланга Сибирский гренадерский и Белорусский гусарский полки, которые и заставили турецкую конницу отступить берегом Дуная за окопы. В то же время остальные войска корпуса Милорадовича перестроились в четыре каре и стали на возвышенностях, саженях в 400 от неприятельских окопов, имея по флангам казаков… бывших в авангарде. Выставив на позицию все свои орудия, Милорадович открыл сильный артиллерийский огонь»[782].

Впечатляет. Однако есть версия, что все происходило несколько по-иному.

«"Егеря взяли 8 орудий, которых никто, — пишет Паскевич, — не защищал, ибо пехота при появлении казаков вместе с кавалерией, бросив ружья, разбежалась по островам, кустарникам и камышам Дуная. Весь день приводили пленных, и из всего корпуса едва 1000 человек успели спастись в Силистрию. У нас убыль не превышала убитыми и ранеными 60 человек".

Тем не менее дело под Россеватом было тогда, вероятно по политическим соображениям, названо "знаменитым сражением". Князь Багратион получил орден святого Андрея Первозванного и 50 тысяч рублей, а Платов и Милорадович были произведены в полные генералы»[783].

Возможно, именно так и произошло — Паскевича в зависти к Багратиону или Милорадовичу не упрекнешь. Да и желчным

характером он не отличался… Но, как бы то ни было, главнокомандующий писал тогда императору: «Все отличные подвиги генерал-лейтенанта Милорадовича, который не только в нынешнее знаменитое дело, но и во все продолжение настоящей кампании, особливо в охранении Валахии самым малым числом людей от неприятеля, тогда яростью преисполненного, и в оборонении области сей обнаружил не только редкое усердие к пользе и интересам вашего императорского величества, но и знания, искусство и опытность единственно отличному генералу свойственные, побуждают меня всеподданнейше просить о награждении его следующим чином»[784].

Несмотря на видимую приязнь, отношения между этими выдающимися военачальниками были слишком сложными, что проявилось в ближайшее время.

Из лагеря за Дунаем Милорадович писал бывшему измайловцу генерал-майору Сафонову, коменданту Петропавловской крепости:

«Во всех моих крайних нуждах прибегаю я к вашему превосходительству — вы бы меня чрезмерно одолжили бы, если бы взяли на себя следующую комиссию: 1) купить мне один кивер с орлом; 2) две форменных шляпы; 3) одну пару форменных эполетов генеральских; 4) форменный шарф…

Военный министр граф Аракчеев подарил мне две пушки, которые еще в арсенале находятся. Сделайте мне милость, возьмите их к себе для отправления в Чернигов, я все убытки вам возвращу с великой благодарностью, о чем и сестрице[785] сейчас же пишу»[786].

Интересное послание! Государь только что утвердил некоторые изменения в форме одежды — и Михаил Андреевич уже стремится быть обмундированным по-новому; министр дарит пушки командиру воюющего корпуса — и тому «самовывозом» приходится их доставлять.

Вскоре в судьбе Милорадовича началась чреда изменений.

«19 сентября генерал Милорадович из-за разногласий с князем Багратионом, постоянным своим соперником во всей войнах, уехал в Валахию, где и принял начальство над резервным корпусом, командир которого граф Ланжерон прибыл в Силистрию и заступил место Михаила Андреевича»[787].

«Известие о сем назначении восхитило его. В первом порыве радости он сказал своему адъютанту Бибикову[788]: "Всего более радует меня, что я, как Главнокомандующий, вправе выдавать подорожные, и не должен буду более посылать за ними к Багратиону"»[789].

Впрочем, из подчинения князю Милорадович тогда еще не

вышел, а их отношения все продолжали ухудшаться.

«Князь Багратион… предписанием от 24 декабря генералу от инфантерии Милорадовичу требовал приезда его в Гирсово, чтобы передать ему командование над корпусом, стоявшим в Болгарии и имевшим в данную минуту наибольшее во всей армии значение.

Милорадович, считая себя обиженным тем, что после смерти князя Прозоровского Главнокомандующим был назначен не он — "спаситель Бухареста", а князь Багратион, до сих пор не бывший на Дунае, отказался принять предлагаемое ему назначение, ссылаясь на свою болезнь…

Быть может, не одно боевое соперничество вызвало в Милорадовиче его враждебность к князю Багратиону. Последний, как Главнокомандующий, не мог не обратить внимания на то, что Валахия, находясь под непосредственным начальством Милорадовича, не выполняла ничего, что на нее падало по разным поставкам для войск. В Валахском диване всеми делами распоряжался известный интриган грек Филипеско»[790].

По этому поводу князь Багратион писал графу Аракчееву: «Общий наш приятель Михайло Андреевич крепко виноват против меня. Он кричал и писал — я дам пример всем служить и повиноваться и т. п., на поверку вышло, что не хочет расставаться с мамзель Филипеско, в которую по уши влюблен. Любовь его — Бог с ним, пусть бы веселился, но отец ее наш первый враг, и он играет первую роль во всей Валахии. Наш приятель за него уцепился крепко, и способу нет никакого отделить, ибо что бы я ни затеял, тотчас турки узнают от Филипеско. Наш приятель влюблен до сумасшествия, и способа нет с ним ладить… Наш Михайло благословенный сделался от любви как дитя блаженный. Будет придираться, беситься, а в резон ввести не могу никак, ибо влюбленный человек лишается почти рассудка. Я вам говорю сие для того, что вы его любите, и я очень люблю; он добрый, благородный, честный и все хорошее имел, но теперь узнать невозможно его. Из доброго человека сделался самым настоящим интриганом валахским. Его надо отсюда вывести; со временем любовь пройдет — он же нам спасибо скажет, а между тем избавится и от разорений. Он должен в Бухаресте около 35 тысяч рублей — шутка ли? Истинно любя, его надо уволить: он очень желает, говорят, в Киев военным губернатором»[791].

Это перспектива, а пока «…корпус генерала Милорадовича, перешедший по случаю его болезни в командование графа Каменского, оставлен в Гирсово»[792].

Видно, что герой наш сильно запутался: любовь, интриги, служебные трения и материальные проблемы… Многое, кстати,

можно понять из его приватного письма к графу Аракчееву: «Вы сами судить можете, сколь много требует обязанность моя объяснить все насчет Филипеско мне известное и оправдать его. Я препроводил к графу Румянцеву[793] прошения обоих греков, объяснил также некоторые обстоятельства, касающиеся бояр, кои необходимо нужно знать для открытия интриг, но умолчал о тех, где более наши замешаны, что я одному вам мог вверить. Одного назвал Безака, который так известен, что терять ему нечего. Мне бы приятно было, ежели бы назначено было следствие. Сей единый способ опровергнуть сильное действие денег и интриг с давнего времени, и столь тонко и осторожно производимых…»[794]

Не будем лезть в эти хитросплетения, в коих и современники разобраться не могли — даже полгода спустя Милорадович писал оправдательные письма Аракчееву и сменившему его на посту военного министра генералу Барклаю-де-Тол-ли — по крайней мере, поведение его нам достаточно понятно. Хотя выдержку из еще одного письма к Аракчееву привести необходимо: «Здесь подозревают, что князь Ипсиланти имеет тайным образом частое сношение с Валахией. Деньги — великие способы. В бытность мою в Бухаресте французский генерал Себастиани, проезжая через оный из Константинополя, сказал мне, что тотчас после Тильзитского мира князь Ипсиланти старался сыскать у Порты прощение и ее покровительство, но что Себастиани, узнав сие через своих доверенных, помешал ему в этом. Генерал Себастиани хотел о сем сказать покойному фельдмаршалу, к коему он из Бухареста отправился»[795].

Информация об Ипсиланти представляет определенный интерес и в случае достоверности реабилитирует Милорадовича. Но гораздо для нас важнее будет его знакомство с генералом Себастиани, героем Вены и Аустерлица…

Стоит отметить и то, что Милорадович пользовался расположением государя, который поручил ему формирование близ Могилева новой армии: «Назначив составить армию в числе 45 тысяч, начальство над оною, требующее непосредственных воинских достоинств, нахожу нужным поручить генералу опытному и искусному в делах военных. Измеряя важность сего поста известными Мне военными достоинствами вашими и многократными опытами отличных заслуг, вами ознаменованных, с удовольствием пользуюсь сим случаем доказать Мою к вам доверенность, препоручая командование оной вам»[796].

Но что-то не сложилось, и «…в апреле того же года, по высочайшему повелению была ему поручена должность киевского военного губернатора»[797]. Однако теперь недавно еще

вожделенная должность Михаила Андреевича не привлекала — тянулся за ним изрядный «шлейф», а потому, отправляясь из Могилева в Киев, он сообщал графу Аракчееву: «Нахожусь в таком положении, что обязан просить содействия в получении мне увольнения от службы, ибо время не позволяет подать формальную челобитную. Я утруждал о сем государя, но не удостоился ответом. Чувствуя, что и время покажет, что я более заслужил милости и одобрения, нежели гнев, просился я в Петербург и в том получил отказ… Надеясь получить просимое увольнение, сего же дня спешу в Киев. Неусыпно стараться буду исполнить долг, сколько человеку возможно, но между тем прошу всепокорнейше ваше сиятельство употребить милость и доверенность к вам всемилостивейшего нашего государя в благодетельствующий поступок, и испросите мне увольнение от службы. Сие вам легко, я же для службы более не гожусь, быв один раз напуган, всего боюсь и нет более во мне той решительности и твердости, которая одна нужна против сплетней, иначе настоящей службы быть не может»[798].

* * *

Прощаясь с Молдавской армией, заметим, что ее руководству трагически не везло. «В русском штабе, столь блестящем в начале кампании, начались раздоры. Прозоровский в свое время требовал отозвания Кутузова; Багратион добился отозвания Милорадовича. Сам Багратион был отозван на основании полученных в Петербурге донесений о беспорядке, царившем в его армии»[799].

Об отзыве Петра Ивановича существует несколько версий.

«Неудачная осада Силистрии и возвращение русской армии на левый берег Дуная вызвали неудовольствие императора Александра на князя Багратиона, который вследствие этого просил об увольнении его от звания Главнокомандующего; просьба Багратиона была принята»[800].

Когда «…к Силистрии подходила уже другая половина армии великого визиря, русские же войска ниоткуда не могли ожидать себе подкрепления. Завязывать новый бой при подобных условиях представлялось Багратиону безрассудным; он решил отступить за Дунай и приостановить военные действия, рассчитывая возобновить их весной, с новыми, более значительными средствами и по вновь составленному им плану. Об этом он донес в Петербург, но там его заподозрили в нерешительности и робости, и в марте 1810 года был назначен новый

Главнокомандующий»[801].

«Наступала осень. Надлежало перейти обратно на левый берег Дуная, но в Петербурге требовали, чтоб армия непременно зимовала на правом берегу. Багратион не мог этого исполнить и впал в немилость. К падению его споспешествовали Милорадович, Ланжерон и другие, с которыми он не ладил. Они не могли прямо осуждать Багратиона, известного и государю, и России, и сваливали всю вину на Безака, заставлявшего их, александровских кавалеров, стоять по часам в своей передней, между тем как он пировал и любезничал с молодыми вельможами — Воронцовым[802], Бенкендорфом[803] и другими»[804].

Версия представляется сомнительной: Воронцов и Бенкендорф были слишком придворными людьми, чтобы не понимать значение того же Михаила Андреевича и в угоду мелкому тщеславию проявлять к нему хоть какое-то неуважение. Слишком дорого это могло бы им статься!

«В течение 1809 года Россия еще вела войну на Балканах и не особенно удачно, благодаря старости и дряхлости Главнокомандующего, князя Прозоровского. Его сменили скоро, заменив князем Багратионом, имевшим частные успехи. Затем был назначен Главнокомандующим юный и талантливый Н.М. Каменский[805], который сразу поставил дело на твердую ногу, и можно было надеяться на скорое окончание войны с Турцией»[806].

И ведь опять не повезло!

«Граф Николай Михайлович… покушался взять приступом Рущук, но принужден был отступить с потерей убитыми и ранеными до 8000 человек»[807].

Вспомним, что «…после неудачного штурма Журжи генерал Милорадович, восхваляя войска за их доблесть и мужество, всю вину принял на себя.

Совершенно обратное сделал граф Каменский 2-й. Этот баловень слепого счастья… впервые потерпел крупную неудачу и свалил всю вину на солдат, обвинив их перед императором Александром I в трусости. Приказ, отданный Главнокомандующим, содержал в себе незаслуженные обвинения и упреки, которыми истинный виновник неудачного штурма осыпал храбрые русские войска, имея единственной целью выгородить себя»[808].

«Умер Главнокомандующий граф Каменский; пустые слухи приписывают смерть его разным неосновательным причинам, но вероятно, что неудачи в гордых его замыслах, как то: штурм рущукский и пр., потрясли дух и слабое его телосложение и ускорили смерть»[809].

Кто же должен был продолжить войну? «Вся наша армия дрожала от страха иметь начальником графа Каменского[810] или Милорадовича. Это был единственный страх, который ей доступен. Я не разделял их опасений, ибо только что приехал из Петербурга, где узнал наверное, что ни один из этих генералов не обречен заставлять нас краснеть за свои промахи»[811].

«Еще молодой герой боролся со смертью, как Михаил Илларионович прибыл, по высочайшему повелению, в армию и вступил в права Главнокомандующего»[812].

Предоставим Кутузову завершать кампанию, а сами вслед за Михаилом Андреевичем отправимся к новому месту службы. Хотя, сославшись на мнение историков, скажем, что «в течение Турецкой войны обрисовалась личность Милорадовича, как начальника, необыкновенно заботливо и неутомимо относившегося к всестороннему удовлетворению потребностей войск, и как благородного человека, который бесхитростно пресекал козни продажной администрации княжеств»[813].

* * *

«29 мая [1810]. Прибыл новый военный губернатор киевский, Михаил Андреевич Милорадович»[814], — записал в дневнике митрополит Серапион[815].

«Киев поставлен на горах; под ним течет быстрый Днепр и красит картину города… Вообще город велик и хорошо устроен; он имеет 15 верст длины и много домов со вкусом»[816].

По прибытии Милорадович писал генералу Сафонову: «Я теперь в Киеве могу по всем обстоятельствам на опыте доказать усердие и ревность. Дел много — стараться буду исполнять, но не могу забыть моей тоски, почему мне в столицу не позволяют приехать? Пришли, душа моя, мне четырехместную и двухместную карету лучшей моды. Прости. Люби верного друга Милорадовича.

P. S. Своих денег мало, суммы никакой нет, прощай экономия»[817].

Вряд ли Михаил Андреевич думал, что в благословенной Малороссии его ожидает спокойная жизнь. Вот как описывал царившую в Киеве в начале XIX столетия обстановку известный мемуарист Филипп Филиппович Вигель (1786—1856): «Всего охотнее собирались поляки не у соотечественника своего, а у англичанина, который тогда был военным или генерал-губернатором киевским… Поляки, чуя уже близкое могущество свое в Петербурге, с каждым днем становились более наглы и

надменны. Главный приют их был у Феньша[818]»[819]. «Настроение общества, господствовавшее при нем и несколько позже, значительно изменилось при Милорадовиче»[820].

Графу А.А. Аракчееву — 5 июля 1810 года:

«В городе Киеве общественная война: мещане против солдат, русские против бывших поляков. Ссоры в судах и в обществе, но сие последнее более происходит от личностей только некоторых особ.

Солдатами я чрезмерно доволен; они с отличным усердием и веселостью работают, с ощутительным успехом и поспешностью, и дисциплина старанием генерал-майора Ермолова[821] так наблюдается, что даже в буйственных поступках мещан против солдат сии последние отдаляются, а иногда и страдают. Я взял надлежащие меры, следуя однако ж в точности гражданскому обыкновению, но давая вид полезной строгости, и надеюсь, что поселю между мещанами и солдатами дружбу, столь для общества полезную»[822].

П.А. *Сафонову —17 июля 1810 года:*

«В Киеве нашел я ссоры, сплетни — и так моя судьба только разбирать неприятности; много сие стоит мне чувствительности. Прощай, пожелай другу твоему покоя и верь в вечной дружбе твоего Милорадовича»[823].

И еще одно очень интересное послание *Сафонову — от 7 августа:*

«Бесполезный мой адъютант Аракчеев давно мне известен по своему дурному поведению и сколько ни желал его не посылать в Санкт-Петербург, но наконец согласился, снисходя на слезные и убедительнейшие просьбы. Теперь получаю я два раза извещения от графа Аракчеева, который пишет ко мне, чтобы я его непременно взял из Санкт-Петербурга, потому что он шалит и мотает. По сему принужден я отправить нарочного, дабы он непременно Аракчеева привез, и все комиссии, которые я дал Аракчееву, взял бы от него.

…Пожалуй, купи брильянтовых маленьких серег»[824].

Вряд ли адъютант с такой фамилией был личностью случайной, а что Милорадович терпел его, хотя он был «бесполезным» и «известен по дурному поведению», лишний раз свидетельствует, что наш герой умел ладить с «сильными мира сего». Просьбу о серьгах оставим без комментариев.

Вообще, вокруг Милорадовича было тогда — впрочем, как и всегда, — много интересного народа.

«Прибыв в Киев, я представился тогдашнему генерал-губернатору графу Милорадовичу; осмотрел в весьма короткое

время город, но не был тогда ни в Печорском монастыре, ни в знаменитых пещерах, ни в киевских соборах… потому что эти предметы меня вовсе не интересовали…» — писал Александр Муравьев[825], с которым судьба сведет нашего героя в 1812 году[826].

Тогда при Милорадовиче состоял и «корнет Александров» — «кавалерист-девица» Надежда Дурова, оставившая о нем очень любопытные воспоминания:

«Станкович[827] получил повеление прислать одного офицера, унтер-офицера и рядового к Главнокомандующему резервной армией генералу Милорадовичу на ординарцы; эскадронному командиру моему пришла фантазия послать ординарцев самых молодых, и по этому распоряжению жребий пал на меня, как говорит Станкович, на юнейшего из всех офицеров. Хорошо, что я уже не так молода, как кажусь; мне пошел двадцать первый год [на самом деле — 26 лет. — *А. Б.],* а то я не знаю, что хорошего дождался бы Станкович, отправляя трех молокососов одних на собственное их распоряжение и на такой видный пост. Юнкеру Граве шестнадцать лет; гусару восемнадцать, а моя наружность не обещает и шестнадцати. Отличные ординарцы!

…Выбираются дни, что я с утра до вечера летаю на своем коне — Алмазе — или подле кареты Милорадовича, или с поручениями от него к разным лицам в Киеве. В последнем случае он посылает меня тогда только, когда тот, к кому надобно послать, проезжий или приезжий генерал; но когда он выезжает сам в карете или верхом, то всегда уже сопровождаю его я одна с моими гусарами, и никогда никакой другой ординарец не ездит за ним. Из этого я заключаю, что Милорадович любит блеск и пышность; самолюбию его очень приятно, что блистающий золотыми шнурами гусар на гордом коне рисуется близ окна его кареты и готов по мановению его лететь, как стрела, куда он прикажет.

…Сегодня было заложение инвалидного дома. По окончании всех обрядов все мы обедали в палатках; день был до нестерпимости жарок. Прежде еще присутствования при заложении дома Милорадович объехал в сопровождении всей свиты своих ординарцев все крепости, что составляло верст двадцать»[828].

По этим описаниям можно понять, что в Киеве Михаил Андреевич жил на широкую ногу и со всем возможным комфортом. А вот — описание генерал-губернаторского дворца: «Просторный деревянный дворец, построенный Елисаветой Петровной, во вкусе всех публичных зданий ее времени»[829]. «Дворец строение огромное — залы большие и прекрасный сад; в

нем живет военный губернатор и часто дает роскошные праздники. Музыка почти ежедневно забавляет публику его сада — и он всегда наполнен»[830].

«30 августа. По случаю царских именин, был у военного губернатора М.А. Милорадовича хороший фейерверк, продолжавшийся более ½ часа, с пушечной пальбою. И народу была тьма до полночи. И был у губернатора бал и угощение велие всем.

1 сентября. Было освящение на новой Оскольдовой могиле церкви, заложенной ровно за год перед сим. Освящение совершено митрополитом с двумя архимандритами, Никольским Киприаном и братским Иоакимом, и с четырьмя старцами, при собрании вельмож и всех первых чиновников. После обедни все приглашенные накануне отправились к настоятелю Никольского монастыря на обед, человек до 40; в том числе М.А. Милорадович и Д.П. Трощинский[831]»[832].

И опять — внимательный взгляд Надежды Дуровой:

«Вчера был концерт в пользу бедных; Милорадович подарил по два билета всем своим ординарцам, в том числе и мне. Концерт был составлен благородными дамами; главной в этом музыкальном обществе была княгиня Х***, молодая, прекрасная женщина и за которой наш Милорадович неусыпно ухаживает. Я не один раз имела случай заметить, что успех в любви делает генерала нашего очень обязательным в обращении; когда встречаюсь с ним в саду, то всегда угадаю, как обошлась с ним княгиня: если он в милости у нее, то разговаривает с нами, шутит; если ж напротив, то проходит пасмурно, холодно отвечает на отдаваемую нами честь и не досадует, если становимся ему во фронт, тогда как в веселом расположении духа он этого терпеть не может»[833].

Далее автор воспоминаний рассказывает, как Михаил Андреевич решил осчастливить доблестных апшеронцев и, объявив обществу, что это — юнкеры[834], завел толпу солдат в бальную залу. Ничего хорошего из того не вышло, и генерал-губернатор поспешил отправить однополчан на свежий воздух.

Казалось бы, все наладилось, но «…в скором времени в жизни Милорадовича произошло какое-то особенное обстоятельство, о котором умалчивает большая часть его биографов и о котором мы узнаем только из его формуляра: в сентябре 1810 года Милорадович, по прошению, был уволен от службы»[835].

«Милорадович как бы предвидел неприятности, испытанные им еще в Валахии, и в мае писал Барклаю-де-Толли:

"С новыми местами новые будут у меня неприятели; к несчастью везде встретиться могут люди, в коих алчность к

наживе истребляет все другие чувствования; сии люди будут конечно против меня. Но чем ускромить их дерзость — одна доверенность сие сделать может. Надеяться же мне оной иначе нельзя, как точнейшим исследованием всех моих поступков, открытием истины во всей ее чистоте, тогда покажется дерзость интригантов и неуместная моя деликатность, и я льстить могу себя удостоверением, что найдут меня таковым, каковым должен быть русский офицер, любящий честь, службу и Государя…"»[836]

«Милорадович пробыл в отставке всего только около двух месяцев: 20 ноября принят вновь на службу, вторично определен киевским губернатором и опять назначен шефом Апшеронского полка»[837].

…Кстати, следовало бы сделать небольшое отступление, чтобы сказать несколько слов о появившемся вдруг генерале от инфантерии Барклае-де-Толли.

Он и действительно, появился «вдруг», хотя, пройдя войны с турками, шведами и поляками, стал генерал-майором еще в 1799 году — почти 42-х лет. Отличился в несчастливую кампанию 1806—1807 годов, был замечен государем, произведен в генерал-лейтенанты, а после войны со шведами — 20 марта 1809 года — награжден чином генерала от инфантерии. 18 января 1810 года Михаил Богданович был назначен военным министром.

Понятно, что отношение Милорадовича к «выскочке», каковым считали Барклая-де-Толли многие, было достаточно сложным, хотя представить тому стопроцентные доказательства невозможно. «Из всех его писем нельзя не вывести самых приятных заключений о его отношениях к начальникам, сослуживцам и подчиненным»[838] — такую оценку дает эпистолярному наследию Милорадовича великий русский писатель Николай Семенович Лесков…

В общем, все вновь пошло по накатанной колее.

П.А. *Сафонову — 26 марта 1811 года:*

«По последней почте просил я тебя взять на себя труд принять деньги по аренде, о чем и писал я к министру финансов. Теперь же прошу тебя наиубедительнейшее, выкупя брильянты мои из ломбарда, паки оны в ломбард положить на шесть месяцев, а деньги употребить на заплату в казенной лавке всех вещей, мною там заказанных, и на доставку оных ко мне. Вещи заложи на шесть месяцев. Между тем я, имев много горелки в деревне, буду стараться, дабы оная была продана и тогда удовлетворю всех кредиторов, имея на душе и на сердце должные мною тебе деньги, коими ты меня дружески одолжал, сам нуждаясь. Таким образом, кажется мне, брильянты будут шесть месяцев в целости, лавка удовлетворена, и вещи ко мне будут

доставлены…»[839]

Денег нет, но это досадное обстоятельство не мешает жить на широкую ногу. Французский граф де Лагард оставил описание губернаторского бала: «Сады были иллюминованы до самого низу гор, и в чащах деревьев спрятаны были хоры музыки, которые сообщали этой прекрасной ночи какой-то волшебный колорит. За несколько дней перед тем разосланы были гонцы к дамам из общества, которые почти все теперь в деревнях. Генерал открыл бал с одной из прелестнейших особ, каких я видел в жизни, г-жой Давыдовой, рожденной Аглаей де Грамон. Ужин был великолепен. В два часа ночи был концерт, в котором соперничали между собой на виолончели и скрипке Ромберг и Лафон. Потом танцевали до света. В девять часов утра подан был в сад завтрак»[840].

Ну а «…генерал-майору Паскевичу, по высочайшему повелению, поручено формировать в Киеве Орловский пехотный полк, которого он наименован шефом»[841]. С этим полком нашему герою не раз придется встречаться на полях сражений Отечественной войны. Но это — впереди, а пока, как пишет историк, «…киевляне считали золотым веком время, когда Милорадович был военным губернатором.

"Всегда справедлив, всегда добр, всегда весел, он был страхом преступников, надеждой угнетенных, душою общества"»[842]. А между тем…

«Никто не помнит такого жаркого лета. Пожарам нет числа: каждую ночь с какой-нибудь стороны рдеет небо. В одном месте горят слободы; в другом пылают стога и скирды сена. Там, на краю горизонта, сгорают леса, и пламя льется рекою. Во многих местах горят поля, и земля на аршин глубиною выгорает. Случается, что огонь, растекаясь по степям, выходит к селениям и зажигает их. — Не один Киев; сгорает Бердичев и Житомир, горит Волынь и Малороссия. Здесь, в Киеве, загораются многие дома, еще не достроенные: горят те, в которых печей совсем не топят; и такие строения занимаются огнем, в которых вовсе нет печей.

Все это подает повод к разным догадкам и сомнениям. Полагают, что есть поджигатели; что они составляют особого рода секту или тайное общество; что выпущены из Польши, из герцогства Варшавского, где наперсник Н[аполео]на, злобный Д[а]ву[843], готовит во мраке молнии для поджигания священных городов России.

Но здешнее начальство смотрит неусыпными очами. Все меры приняты; все предосторожности взяты»[844].

«28 июля, в исходе 1 часа за полночь был пожар во дворце у военного губернатора, аки бы от зажогу, и сгорел правый со

въезду корпус»[845].

«Страшнее всех был известный пожар на Подоле. В тесных, изгибистых улицах всё горело. По обе стороны пылали здания; под ногами тлела из бревенчатого накатника мостовая; сверху сыпались горячая зола и огарки, высоко взвиваемые крутым, порывистым вихрем, может быть, возбужденным разрежением воздуха от сильного развития огня. И в этой буре свирепеющего пламени и дыма, на статном коне, с обожженным лицом, в мундире, покрытом звездами и орденскими знаками, в шляпе с высоким пером, которое не раз загоралось, отличался один человек: он всем распоряжался, его все слушались. Это был Милорадович!»[846]

«Генерал Милорадович, известный непоколебимым мужеством своим в сражениях, ободряя жителей и поощряя войско, являлся везде, где огонь и опасность усиливались. В одном тесном переулке пламя, обойдя его кругом, опалило ему щеку, волосы и мундир. Едва он мог ускакать по горящим развалинам»[847].

«На другой день большая часть дворца, служившего помещением для военного губернатора и его штата, уже вмещала в себе до пятидесяти беднейших семейств, лишившихся последнего приюта в пожаре. Их кормили и оделяли первыми потребностями»[848].

«Пожары угасают: раскаленное небо покрывается благотворными облаками и дарит землю спасительным дождем. — Как несчастны они! бедные жители сгоревшего города!.. Целые семейства гнездятся в развалинах, в погребах; шалаши почитаются выгоднейшим жилищем. Многие роются в пепле, ища сами не зная чего!..»[849]

«Следуя непринужденно развитию характера своего во всей его полноте, Михаил о Андреевич в то же время давал балы и веселил целый Киев. Занятия его были слишком разнообразны. Часто в один и тот же день он принимал просителей и местным, отчасти ему природным, наречием разговаривал с добродушными малороссиянами, приходившими из дальних сел просить у него расправы; потом охотно и, так сказать, с любовью, занимался разведением нового сада, ездил верхом, заходил в келью к схимнику Вассияну и, к вечеру, давал в полном смысле блестящий бал, где часто бывал сам первым в мазурке и всегда радушным угостителем всех и каждого»[850].

«Сентября 2-го. Вчера появилась здесь комета. Звезда сия необычайного вида. Думают, что она имеет собственный свет. Сия небесная странница усугубила страх в народе. Ее почитают предвестницей великих переворотов, кровопролитной войны.

Всего естественнее жителям земли желание читать в небесах судьбу свою»[851].

Это была «огромная яркая комета 1812 года» — предвестник грядущий войны. Но мирная жизнь еще шла своим чередом. 30 января в Киеве была торжественно открыта гимназия.

«По просьбе визитатора[852], тайного советника Чацского[853], митрополит совершал литургию в лавре. Императорский устав, данный гимназии, был внесен в великую лаврскую церковь с торжественной процессией… В 3-м часу дня последовало само открытие. Перед гимназией стояли цехи с знаменами и городская милиция на конях, и играли в литавры»[854].

Нашего внимания заслуживает речь, «говоренная господином тайным советником, Киевским губернским дворянским маршалом графом Адамом Ржевуским (1760—1825):

«Господин военный губернатор! Ты, исполняя звание героя, когда Тебя под сенью почтения и чести общественной славой оружия Твоего приобретенной, повелел Великий и Всемилостивейший наш Монарх в сем граде и в сей области исполнять долг хранителя мира, Ты сии минуты, похищенные у военной славы, умел соделать полезными для сограждан и любезными потомству. Прими пред лицом всех засвидетельствование моей благодарности и признательности. Ты благоволил подкрепить слабые мои намерения и желания исполнить долг мой, в качестве в оное время, губернского маршала, дабы Киев мог наконец узреть давно желанное в нем открытие гимназии. Без Тебя что могли бы произвесть мои желания, мои труды и та скудная часть принесенного мною на сей предмет иждивения? Знаменитые люди разными стезями стремятся ко славе. Одного звук военной трубы на поле брани провозглашает героем и великим вождем: иной спокойными тихими стопами, но не заграждаемыми никакой препоною, шествует к тому ж храму славы, а измеряя общественное уважение не почестью, но отзывом предубежденного и часто не умеющего судить воина, достоин тем большей чести, чем менее звучна его слава, чем более нужно ему в самом себе побуждений к добродетели: когда рог хвалы, благоприятствующий одним брановосцам, молчит о сих домашних трудах общественного чиновника, больших, может быть, но верно не столь приятных и тягостью превосходящих те, коими герой стяжал себе лавры бессмертныя…»[855]

«Потом военный губернатор взял устав, лежавший на бархатной подушке, и вручил директору. В 7-м часу, уже зажженным свечам, сели за стол богатый; и было обедающих более ста. Когда пили за здоровье государя, был 101 пушечный

выстрел»[856].

В мае в Россию приехала знаменитая мадам де Сталь[857] — личный враг Наполеона.

«В Киеве я познакомилась с русским гостеприимством. Губернатор генерал Милорадович окружил меня любезными заботами. Он был адъютантом Суворова и так же, как и тот, неустрашим. Он вселил в меня больше веры в военные успехи России. Такой веры у меня до той поры не было… В Милорадовиче я увидела настоящего русского человека, пылкого, храброго, доверчивого и не зараженного духом подражания, под которым иногда у его соотечественников скрывается их народный характер. Он рассказывал мне много о Суворове… По-моему, русские имеют гораздо больше общего с народами Юга или Востока, нежели Севера. По природе своей они жители Востока. Генерал Милорадович рассказывал мне про один полк калмыков, который стоял гарнизоном в Киеве. Начальник отряда этих калмыков пришел однажды к Милорадовичу и признался, что ему очень тяжело проводить зиму в городе, и он хотел бы получить разрешение перейти со своим отрядом в соседний лес. Ему не могли отказать в этом незатейливом удовольствии, и он двинулся со своим отрядом по снежным сугробам и расположился в повозках, служивших им одновременно и хижинами»[858].

Все казалось мило и патриархально. Вот только «…дружеское настроение, вывезенное императором Александром из Эрфурта, давно уже сменилось резким недовольством. Разлад между двумя империями, первой причиной которого было занятие герцогства Ольденбургского, с каждым днем принимал все более тревожный для спокойствия Европы характер; нужна была лишь искра, чтобы возгорелся общий пожар… Все предвещало неизбежную войну»[859].

Мирная жизнь завершилась 12 (24) июля.

ЧАСТЬ II.
СВЯЩЕННОЙ ПАМЯТИ ДВЕНАДЦАТЫЙ ГОД

Глава шестая. РЕТИРАДА

12 (24) июля 1812 года произошло то, чего все давно ожидали, к чему торопливо готовились и Франция, и Россия: Великая армия начала переправу через реку Неман. Война, которая будет наречена Отечественной, стала продолжением Наполеоновских войн, которые сотрясали континент с конца XVIII столетия. В основе всего лежало столкновение экономических интересов Великобритании и Франции, тщеславные устремления Наполеона и оскорбленное самолюбие Александра I, подогреваемое памятью о судьбе отца, дерзнувшего заключить антибританский союз с французами… Война была не нужна Франции, охранявшей европейские побережья от английского проникновения и воевавшей на Пиренеях; война была не нужна России, по политическим мотивам вынужденной сокращать свою европейскую торговлю и воевавшей с Персией и мятежными кавказскими племенами… Война была нужна только Англии, а потому она началась.

Как всегда, к долгожданной войне в России подготовиться не успели.

«В 1812 году проводилось три [рекрутских] набора. По чрезвычайному 82-му набору (2 рекрута с 500 душ) предполагалось собрать 70 тысяч человек. Вслед за ним начался 83-й набор (по 8 рекрутов с 500 душ)… В ноябре 1812 года был проведен 84-й набор из расчета 8 рекрутов с 500 душ… Таким образом, страна только за один год должна была поставить почти 420 тысяч рекрутов»[860].

«Проведенный в 1812 году 83-й рекрутский набор сопровождался резким снижением требований к поставляемым рекрутам: принимались люди ростом не ниже 2 аршин 2 вершков[861], возрастом от 18 до 40 лет. Военная коллегия разрешала "допустить к приему в рекруты людей, имеющих такого рода телесные пороки или недостатки, кои не могут служить препятствием маршировать, носить амуницию, владеть и действовать ружьем"»[862]. Далее следует столь жуткий список допускаемых недостатков, что и говорить не хочется. Недаром же «…в журнале [Государственного] совета, при рассуждении о рекрутских наборах между прочим сказано было: "Российское войско до сих пор было единое в Европе, храбростью своей и верностью к государю и отечеству отличающееся; но теперь едва ли с надлежащей основательностью может быть подтверждаема

сия доблесть оного. Прежде всякий полководец смело мог отважиться на великие и трудные подвиги; но теперь, зная бессилие и тщедушность вновь набираемых воинов, не в состоянии ничего особенно важного предпринять"»[863].

Численность армии достигала 622 тысяч человек, однако войска, с весны собранные у западных границ, составляли лишь ее треть —210—220 тысяч[864]. Они были разделены на 1-ю и 2-ю Западные армии, стоявшие в районах Вильно и Волковыска. Киевское направление прикрывала дислоцированная на Волыни 3-я Резервная Обсервационная армия. Молдавская армия, переименованная в Дунайскую, готовилась действовать в принадлежавших Франции Иллирийских провинциях[865]. Единого главнокомандующего не было — хотя Александр I ожегся при Аустерлице и не желал брать на себя командование, но и поставить кого-либо во главе всего войска не спешил. Главнокомандующему передавалась власть, равная почти что государевой, — присваивая офицерские чины, он тем самым даже возводил отличившихся в дворянское достоинство. Делиться властью императору не хотелось — слишком дорого она ему досталась и казалась не такой прочной… Поэтому каждая из армий имела своего главнокомандующего.

Во главе 1-й армии стоял военный министр генерал от инфантерии Барклай-де-Толли; во главе 2-й — генерал от инфантерии князь Багратион. Оба они, «…хотя в разных родах, обладали великими военными качествами, из которых последнее было — самая блистательная храбрость, ознаменовавшая многолетнее военное поприще того и другого. Оба наши полководца в неустрашимости и военной опытности не уступали ни одному из лучших маршалов Наполеона. Барклай-де-Толли при равных с князем Багратионом достоинствах имел более его познаний в военных науках, мог искуснее его соображать высшие стратегические движения и начертать план военных действий, но князь Багратион на поле сражения, которое мог обнять глазом, был неподражаем в своих мгновенных вдохновениях, угадывал верно намерения неприятеля и умел противодействовать успехам даже самого Наполеона». Стоит ли уточнять, что князь Петр Иванович ревновал к Барклаю, который «…был моложе, но, как военный министр, брал у него первенство. Император приказал князю Багратиону сообразовать все действия 2-й Западной армии с действиями 1-й и следовать всем распоряжениям ее Главнокомандующего. Это ставило Барклая-де-Толли с Багратионом в странное, неестественное соотношение, и ко вреду самых военных действий могло только раздражать и усиливать их взаимную неприязнь»[866].

Старшинство Багратиона составляло одиннадцать дней!

Великая армия переправилась через Неман. Пишут, что она форсировала реку, однако «форсировать» — переправляться под воздействием противника, а все шло беспрепятственно. Получив известие о начале вторжения, главнокомандующий 1-й Западной армией приказал отходить к Вильно. Если учесть, что в этом губернском городе, где находился штаб армии, пребывал и Александр I, то можно понять, что без его согласия ничего не происходило… Войска отступали, ограничиваясь арьергардными стычками.

По всей России принялись лихорадочно делать то, что следовало сделать гораздо раньше. 30 июня Милорадович писал черниговскому предводителю дворянства действительному статскому советнику Н.М. Стороженко[867]:

«Государю императору благоугодно из обывателей бывшей польской Украины, заключающейся ныне в двенадцати уездах Киевской губернии, да четырех — Каменец-Подольской, образовать Украинское казачье войско в четырех полках…

Приступив к образованию сего войска, я обращаюсь к вашему превосходительству со всепокорнейшей просьбой подкрепить и вашими приглашениями ко вступлению в формируемые казачьи полки из известных вам отставных и в милиции служивших офицеров, для скорейшего совершения сего полезного и Государю императору весьма угодного дела, приказав желающим вступить в оные явиться ко мне в Киев»[868].

Стремительно двигаясь вперед, Наполеон «вбил клин» между отходящими Западными армиями — но и только. Навязать сражение и разбить их поодиночке не удалось. Тем временем войска 3-й армии, подавшиеся назад в первые дни вторжения, перешли к наступательным действиям и 4 июля вошли на территорию Варшавского герцогства, изрядно перепугав поляков, свято веривших в непобедимость и счастливую звезду французского императора…

«11 июля военный губернатор Милорадович объяснил митрополиту, что государь назначил его, Милорадовича, Главнокомандующим над армией, изготовляемой между Калугою, Волоколамском и Москвою, и давал читать только что полученный им высочайший о сем рескрипт»[869].

Государь писал: «По нынешнему положению военных обстоятельств, признал Я нужным соединить все четвертые рекрутские батальоны и предназначил место средоточия их в Калуге; куда уже следуют 42 батальона из депо 1-й линии, которые формировались в Стародубе, Новгородсеверском, Конотопе, Ромне, Сумах, Змиеве и Изюме; также 18

кавалерийских эскадронов, из Новгородасеверска, Конотопа, Ромна и Сум; артиллерийских рот 9 пеших и 5 конных, из Глухова и Брянска. Да сверх оного находившиеся 9 батальонов и 8 эскадронов в Рославле и Дорогобуже; и 4 в Торопце — ныне получают равномерно повеление идти в Калугу, что и будет составлять всего 55 батальонов, 26 эскадронов и артиллерийских рот 9 пеших и 5 конных.

Поручая вам начальство над сими войсками, повелевая отправиться в Калугу, где и имеете вы заняться расположением оных между Калугою, Волоколамском и Москвою и заблаговременным учреждением там продовольствия их.

Что касается до составления из оных войск полков, бригад и потом дивизий, то препоручаю вам стараться приискать себе хороших помощников от отставных штаб-офицеров и генералов, о коих делайте мне немедленно ваши представления.

Сей предмет соделывается тем более важным в настоящем положении дел, что войска под начальством вашим должны будут служить основанием для образования общего большого воинского ополчения, которое признали Мы нужным произвесть ныне же в государстве нашем.

Давно Мне известная ревностная служба ваша подает повод надеяться, что вы исполните сие новое поручение с отличным усердием и потщитесь оправдать сей знак Моей к вам доверенности»[870].

По штатам от 12 октября 1810 года пехотные полки состояли из трех батальонов, батальон — из четырех рот. Первая рота именовалась гренадерской, три другие в гвардейских и гренадерских полках — фузилерными, в мушкетерских (с 1811 года — пехотных) — мушкетерскими, в егерских полках— егерскими. 1-й и 3-й батальоны считались действующими, 2-й — резервным, и при выступлении полка в поход, отрядив часть своих людей на доукомплектование других подразделений, оставались в местах дислокации. В поход уходили также гренадерские роты 2-х батальонов, сводившиеся в сводно-гренадерские бригады в корпусе, дивизии—в армии. В конце 1811 года к каждому пехотному и егерскому полку был приписан 4-й батальон, именуемый резервным или егерским, трехротного состава. Они находились в рекрутских депо, где новобранцы проходили подготовку перед отправкой в линейные части[871]. Весной 1812 года запасные и резервные батальоны начали объединять в пехотные дивизии, которые затем были распределены по трем армиям. Теперь эта работа приобретала особое значение.

Как мы уже знаем, Милорадовичу было приказано

сформировать 55 батальонов пехоты, 26 эскадронов кавалерии, 9 пеших и 5 конных артиллерийских рот. По штату военного времени батальон составлял порядка 700 штыков; «нормальное число сабель в эскадроне, — как писал Габаев, — было 150»; в артиллерийских ротах было по 12 орудий. Получалось 38 500 штыков, 3900 сабель, 168 орудий — целая армия!

«Военное министерство пыталось развернуть под Москвой второлинейную армию под командованием Милорадовича, численностью в 100—120 тысяч человек, которую называли "вторая стена"»[872]. Но можно ли за месяц сформировать и подготовить армию из рекрутов и запасных офицеров? Поэтому в документах скромно указывается, что генерал формировал «резервный корпус».

Михаил Андреевич поспешил к месту назначения. Правда, он успел еще заехать в Москву, хотя Калуга лежит аккурат на пути от Киева к оной, да и дорога от Калуги до древней столицы не так уж близка. Князь Вяземский[873], прекрасный поэт, почему-то вошедший в литературу только как друг Пушкина, писал:

«Милорадович был проездом в Москве и обедал у приятеля своего и моего свояка князя Четвертинского[874]. Я также был на этом обеде. Милорадович предложил мне принять меня к себе в должности адъютанта. Разумеется, с охотою и признательностью принял я это предложение. Он тогда должен еще был ехать в Калугу для устройства войск, но вскоре затем, приехав в действующую армию, вызвал меня из Москвы»[875].

«Я видел его в Москве почти за месяц до Бородинского дела. Он плакал, читая о смерти Кульнева[876], и называл смерть его смертью завидной»[877].

Шеф Гродненского гусарского полка погиб 20 июля в бою близ деревни Боярщина. Молва нарекла его первым павшим в Отечественную войну русским генералом, хотя еще 13 июля при Островной был убит командир пехотной бригады Окулов[878]. Но Кульнев был популярен, еще со шведской войны считался лучшим арьергардным командиром, так что печальную славу приписали ему.

Неудача под Боярщиной была единственной в чреде боев, которыми 1-й корпус генерал-лейтенанта Витгенштейна, действуя на правом фланге русских войск, закрыл французам дорогу на Петербург. Тем временем на левом фланге 3-я армия генерала от кавалерии Тормасова[879] нанесла поражение неприятелю под Брестом и Кобриным, а после сражения при Городечне остановилась на реке Стырь, и бои здесь фактически завершились. 1-я и 2-я Западные армии продолжали отступление, уходя из-под ударов французов, и готовясь к соединению друг с

другом… Они встретились у стен Смоленска, задержали противника двухдневным сражением 4—5 августа и стали отходить к Москве.

«Вскоре… прибыл в Калугу бывший Киевский военный губернатор, генерал от инфантерии Милорадович… Признательные калужане, — пишет Зельницкий[880], — по старинному русскому обычаю поднесли сему вожделенному гостю хлеб и соль; с сердечным надеянием на храбрость его изъясняли радость свою и надежду о защищении их города. Сей истинный последователь славы бессмертного Суворова, будучи в сильном чувствовании, произнес к гражданам: "Все сделаю для вас, что будет угодно Богу; не пожалею самой жизни"»[881].

Нельзя думать, что все делалось на голом месте: «Приготовления начались уже с 1810 года. В области военной два человека сделали очень многое. То были Барклай и Аракчеев. Они неустанно работали для приведения в порядок всех отраслей русской армии. Работа была не из легких. Многие открыто выражали недовольство, но железная воля Алексея Андреевича и методичный и спокойный Барклай сделали, что могли, не обращая внимания на критику и интриги»[882].

«17 июля последовало предписание калужского губернатора земскому суду о выделении 106 подвод для рекрутского депо; 21-го — об отводе пастбищ для 274 лошадей и об отводе квартир для корпуса войск, формируемого генералом Милорадовичем»[883]. Не оставались в стороне от происходящего и местные жители.

«Для корпуса Милорадовича дворянством дано по пуду муки и четверику овса с души…» — записал в дневнике генерал-лейтенант князь Волконский[884].[885]

К Калуге стекались резервные войска. Пришли, например, восемь эскадронов кавалерии и четыре артиллерийские роты из расформированного Смоленского резервного корпуса. Судя по тому, что пехота корпуса осталась сдерживать неприятеля, а кавалерия была отослана, качество ее было невысоко. Кто ж из военачальников станет отдавать хорошие войска?

Сформировать батальоны и эскадроны было даже не полуделом — их следовало подготовить к тому, чтобы сразу вести в бой, так что поспешать в ущерб качеству подготовки было нельзя. Михаил Андреевич сутками не слезал с коня, объезжая стоянки полков, проводил смотры прибывающих войск — работа напряженная, хлопотная, но рутинная. Повсюду наблюдалось одно и то же: не хватало оружия и боеприпасов, отсутствовали пушки, снаряды и транспорт. Учить рекрутов зачастую было некому, массы людей пребывали в бездействии.

«Ближайшие к нам войска в Калуге — малые числом, слабые

составом, и начальствовавший ими генерал от инфантерии Милорадович по единообразному одеянию называл их воинами»[886], — саркастически писал генерал Ермолов, начальствовавший штабом 1-й Западной армии.

Впрочем, в Петербурге рассуждали, что Михаил Андреевич как-нибудь да сумеет, он все выдержит. Однако — не выдержал…

«В августе 1812 года Милорадович заболел глазами, он не мог переносить света и двое суток сидел с завязанными глазами в темной комнате. На третий день ему докладывают о приезде курьера из армии. Не в состоянии будучи читать, он приказал адъютанту объяснить ему содержание привезенных бумаг.

Это были письма Барклая-де-Толли и Ермолова… Тот и другой, именем Отечества, просили Милорадовича спешить с резервами к Вязьме и соединиться с армией прежде решительного сражения, ожидаемого со дня на день. "Глазная боль моя вдруг исчезла, я сорвал повязку с глаз, велел отворить ставни у окон, начал диктовать распоряжения, посадил резервы на подводы и в 6 дней явился с ними в Гжатск!" — говорил Милорадович флигель-адъютанту Данилевскому[887]»[888].

Может, это тоже легенда, хотя глаза у него начали болеть еще среди сверкающих альпийских снегов. Сухим и жарким летом 1812 года над дорогами стояли облака пыли, и генералу ежедневно приходилось скакать через серые тучи. А сколько всякой заразы могло обнаружиться в большом скоплении людей, сдвинутых войной с насиженных мест, во что превращались реки и колодцы! В общем, то, о чем Михаил Андреевич рассказал, вполне могло быть.

Тем временем государь наконец-то решил назначить главнокомандующего.

«Русские очень уважали своего полководца Барклая-де-Толли, но после неудач в начале похода он должен был уступить начальство известному генералу князю Кутузову… Мне довелось видеть князя накануне его отъезда. Это был старец весьма любезный в обращении; в его лице было много жизни, хотя он лишился одного глаза и получил много ран в продолжение пятидесяти лет военной службы. Глядя на него, я боялась, что он не в силе будет бороться с людьми суровыми и молодыми, устремившимися на Россию со всех концов Европы. Но русские, изнеженные царедворцы в Петербурге, в войсках становятся татарами, и мы видели на Суворове, что ни возраст, ни почести не могут ослабить их телесную и нравственную энергию. Растроганная, покинула я знаменитого полководца»[889].

М-me де Сталь изложила официальную версию — с реальной подоплекой событий мы знакомимся постепенно.

«На первой станции, в Ижоре, князь Кутузов встретил курьера из армии. Имея разрешение распечатывать привозимые оттуда бумаги, он узнал здесь о падении Смоленска и сказал: "Ключ к Москве взят!"»[890]

Военный министр докладывал главнокомандующему: «Почтеннейше доношу, что, находя позицию у Вязьмы очень невыгодной, решился я взять сего дня позицию у Царево-Займище на открытом месте, в коем хотя фланги ничем не прикрыты, но могут быть обеспечены легкими нашими войсками. Получив известие, что генерал Милорадович с вверенными ему войсками приближается к Гжатску, вознамерился я здесь остановиться и принять сражение, которого я до сих пор избегал». Но несколькими строками ниже Барклай писал: «Войска, которые ведет генерал Милорадович, хотя и свежи, но состоят из одних рекрут, следственно, неопытны и малонадежны, почему полагаю лучшим их поместить в старые полки, а Милорадовичу дать в команду 2-й корпус 1-й Западной армии»[891].

Михаил Илларионович подписал предписание о передвижении «резервного корпуса» к Дорогобужу: «Нынешний предмет состоит в преграде пути неприятельскому в Москву, к чему, вероятно, и все меры командующими нашими армиями предприняты. Но, зная вас с войсками, вашему высокопревосходительству вверенными, в расположении от Москвы до Калуги, поставлено в виду войскам иметь вторичную стену против сил неприятельских на Москву по дороге от Драгобужа, в той надежде, что вы, расположив войска, вам вверенные, сообразно сему предмету, противопоставите силам неприятельским их мужество и вашу твердость с тем, что найдет враг наш другие преграды на дороге к Москве, когда бы, паче чаяния, силы 1-й и 2-й Западных армий недостаточны были ему противостоять»[892].

Михаил Андреевич действовал по-суворовски.

«От генерала от инфантерии Милорадовича получено известие, что с войсками, сформированными им в городе Калуге в числе 16 тысяч человек, большей частью пехоты, поспешает прибыть к армии. Сняв ранцы и с пособием подвод, пехота проходила не менее сорока верст в сутки», — писал начальник штаба 1-й Западной армии[893]. Где же недавняя язвительность Ермолова? Очевидно, совершенный марш отмел сомнения в качестве подготовленного пополнения. Однако 16 тысяч — это не ожидаемые сорок с лишним…

Хотя современники тогда называли и несколько иные цифры.

Московский главнокомандующий граф Ростопчин писал князю Багратиону: «Милорадович с 31 тысячей славного войска

стоит от Калуги к Можайску. У меня здесь до 10 тысяч из рекрут формируется…»[894]

«Под Бородином пришел к нам г[енерал] Милорадович с подкреплением, состоявшим из 8-ми или 10 тысяч пехоты», — вспоминал Муравьев-Карский[895].

Если уж наши генералы и квартирмейстеры точно не знали численности «резервного корпуса», то противник — тем более, хотя был извещен о его наличии.

«Император получил определенные и подробные сведения о русской армии. Кутузов прибыл к ней 29-го. На пути к армии и потом, при отступлении он проезжал через Гжатск. Милорадович, как говорили, присоединился к армии с 50 тысячами человек и большим количеством орудий. Император исчислял это подкрепление в 30 тысяч человек»[896], — вспоминал генерал де Коленкур[897].

18 августа к армии прибыл светлейший князь — этого титула он был удостоен за победу над турками — Голенищев-Кутузов. По прибытии он писал Ростопчину: «Не решен еще вопрос: потерять ли армию или потерять Москву? По моему мнению, с потерей Москвы соединена потеря России». И далее: «Теперь я обращаю все мое внимание на приращение армии, и первым усилением для оной будут прибывающие войска Милорадовича, около 15 тысяч составляющие»[898].

Вскоре полководец переменит свою точку зрения и скажет, что «потеря Москвы не есть потеря России».

Из «Журнала военных действий 1-й и 2-й Западных армий» за 19 августа: «Армия, пройдя город Гжатск, расположилась лагерем при деревне Ивашкове. При сем месте присоединился генерал Милорадович с новыми войсками, прибывшими из Калуги»[899].

Главнокомандующий доносил государю, обосновывая свое решение: «Я нашел, что многие полки от частых сражений весьма истощились… Я принял намерение недостающее число людей пополнить приведенными вчера генералом Милорадовичем, и впредь прибыть имеющими войсками, пехоты — 14 587, конницы — 1002 человека, так, чтобы они были распределены по полкам… Для удобнейшего укомплектования велел я из Гжатска отступить на один марш и, смотря по обстоятельствам, еще на другой, чтобы на вышеупомянутом основании присоединить к армии отправляемых из Москвы в довольном количестве ратников. К тому же местоположение при Гжатске я нашел невыгодным. Усилясь таким образом… в состоянии буду для спасения Москвы отдаться на произвол сражения…»[900]

Император Александр I отвечал: «Соображаясь с присланными от вас рапортами, нахожу: 1) Что наличное число

людей в армиях показывается кавалерии и пехоты 95 734 человека, поступают из корпуса Милорадовича 15 589, собранных из резервных мест 2000, что и составляет 113 323 человека; сверх того не включены в рапортах находящиеся в отдельных отрядах полки, с коими уповательно число армии составлять будет 120 тысяч человек. 2) Мнение ваше, полагающее донесение о состоянии неприятельских сил в 165 тысяч увеличенным, оставляет меня в приятной уверенности, что вышеозначенное число усердных русских воинов, под предводительством опытного и прозорливого полководца, поставит префаду дальнему вторжению наглого врага, и, увенчав вас бессмертной славой, передаст имя ваше потомству, как избавителя Москвы, а вверенное вам воинство украсится вечными лаврами»[901].

Хотя государь и пребывал «в приятной уверенности», однако реальная обстановка была гораздо сложнее, нежели ему представлялось издалека — достаточно сказать, что между армиями и Москвой регулярных войск не было.

Не стоит уточнять, как распределились прибывшие войска — ограничимся рапортом, представленным корпусному командиру генералом Неверовским[902], дивизия которого понесла ощутимые потери при обороне Смоленска: «Прибывшие на укомплектование вверенной мне 27-й пехотной дивизии корпуса господина генерала от инфантерии Милорадовича 5-го пехотного полка в команде штабс-капитана Денфера нижние чины хорошо выучены, и даны им все нужные первоначальные правила, равно и одеты исправно»[903].

Что ж, ясно, что Милорадович сумел выполнить невыполнимую задачу…

* * *

«Генералу Милорадовичу вверяется начальство над 2-м и 4-м корпусами (Багговута[904] и графа Остермана[905]). Таковы были первые распоряжения Кутузова по прибытии в Царе-во-Займище»[906]. Этот приказ под номером первым Михаил Илларионович подписал 18 августа.

Под номером вторым им был подписан приказ совсем иного содержания: «Сегодня пойманы в самое короткое время разбродившихся до 2000 нижних чинов. Таковое непомерное число отлучившихся от своих команд солдат доказывает необыкновенное ослабление надзора господ полковых начальников. Привычка к мародерству сею слабостию начальства, возымев действие свое на мораль солдата, обратилась ему почти

в обыкновение, которого искоренить предлежать должны самые строгие меры. Главное дежурство 1-й армии отошлет пойманных сего дня бродяг при списках в полки, которых на первой раз предписываю оным наказать строжайшим образом. Засим имею я надеяться, что господа полковые начальники для пользы службы и собственной чести возьмут меры и старания к прекращению сего вкравшегося уже в большой степени вреда. В будущее же время таковые пойманные по жеребью будут казнены смертью»[907].

Приказ свидетельствует: дисциплина в отступающем войске ослабла и подавленные ею инстинкты, присущие той далеко не лучшей части населения, которая попадала в солдаты, проявились во всей силе. Две тысячи нижних чинов — три батальона! Что ждало армию в случае продолжения отступления?..

Михаил Андреевич получил под свое начало 2-й и 4-й пехотные корпуса. В состав 2-го корпуса входили 4-я дивизия генерал-майора принца Евгения Виртембергского и 17-я — генерал-лейтенанта Олсуфьева[908]; в состав 4-го — две дивизии под командованием генерал-майоров Бахметевых: Николай Николаевич[909] командовал 11-й дивизией, Алексей Николаевич[910] — сослуживец Милорадовича по Измайловскому полку, соратник по Шведской и Турецкой войнам — 23-й. 4-я, 11-я и 17-я дивизии каждая состояла из двух пехотных, одной егерской — это двенадцать батальонов, и одной полевой артиллерийской бригады; 23-я дивизия — из трех пехотных и одного егерского полков — восемь батальонов. Во 2-й корпус входил также Елисаветградский гусарский полк, а в 4-й — Изюмский гусарский и сводно-грена-дерская бригада. Всего — более 20 тысяч человек.

До генерального сражения оставались считаные дни… Местом для оного было определено поле в районе небольшого — всего двадцать пять дворов — села Бородина, стоявшего на Новой Смоленской дороге.

Силы сторон оказались приблизительно равными, хотя долгое время в нашей историографии подчеркивалось наличие заметного численного превосходства противника. «Всего с ополчением было у нас налицо около 110 тысяч человек и 750 орудий; у французов же считалось 160 тысяч и до 1000 орудий, а затем еще разные части, шедшие к ним на подкрепление», — вспоминал Муравьев-Карский[911].

«В соединенных армиях насчитывалось около 115 тысяч регулярных войск, из них до 15 тысяч новобранцев-рекрутов, около 10 тысяч казаков и свыше 31 тысячи ополченцев» —

написано в предисловии к книге «Бородино. Документальная хроника». Но если «регулярных войск», то при чем здесь иррегулярные казаки, а тем более — ополченцы, менее половины из которых имели ружья?

Далее в тексте указано: «Артиллерия соединенных русских армий располагала 640 орудиями. Неприятельская армия достигала 130 тысяч… Превосходя русских числом регулярных войск, армия Наполеона уступала количеством орудий и имела всего 587 пушек»[912].

Однако в энциклопедии «Отечественная война 1812 года» в статье «Бородинское сражение» написано: «Российские войска насчитывали около 150 тысяч человек (113—114 тысяч регулярных войск, около 8 тысяч казаков и 28 тысяч ратников ополчения при 624 орудиях). В состав регулярных войск входили 14,6 тысячи новобранцев, приведенных генералом Милорадовичем. Великая армия имела в строю около 135 тысяч человек при 587 орудиях»[913].

В книге же «Правда о войне 1812 года» численность русских войск вообще поднимается до «160 тысяч (вместе с казаками и ополченцами)», количество орудий — «648 против 587». Но силы Наполеона определяются в те же 130 тысяч человек[914].

Хорошо еще, что само расположение места, где произошло генеральное сражение Отечественной войны, сегодня — в отличие от мест многих иных баталий — не вызывает сомнений.

«Позиция, в которой я остановился при деревне Бородине в 12 верстах вперед Можайска, одна из наилучших, которую только на плоских местах найти можно, — доложил Главнокомандующий. — Слабое место сей позиции, которое находится с левого фланга, постараюсь я исправить искусством. Желательно, чтобы неприятель атаковал нас в сей позиции, тогда я имею большую надежду к победе. Но ежели он, найдя мою позицию крепкой, маневрировать станет по другим дорогам, ведущим к Москве, тогда не ручаюся, что может быть должен идти и стать позади Можайска, где все сии дороги сходятся…»[915]

Было весьма сомнительно, что Наполеон не станет атаковать — император-полководец привык решать судьбу кампаний в генеральном сражении. К тому же обходя русскую позицию, он неминуемо подставил бы фланги. Так что сражение на избранной Михаилом Илларионовичем позиции неминуемо должно было состояться. Хотя она была далеко не столь блестящей и потому совсем не такой для нас выгодной, как он это утверждал, да и полностью оборудовать ее перед сражением, к сожалению, не удалось.

«На конце правого фланга в лесу, в засеках и укреплениях находились три егерских полка под командой полковника Потемкина[916], которые по обстоятельствам не были в деле и имели от канонады весьма малый урон. Далее, к центру, II корпус Багговута из 2-й и 4-й пехотных дивизий. С ним в линии IV корпус генерал-лейтенанта графа Остермана-Толстого, из 11-й и 23-й пехотных дивизий. Сими войсками начальствовал Милорадович. Центр составлял VI корпус из 7-й и 24-й пехотных дивизий под предводительством генерала Дохтурова; далее, к левому флангу расположен был VII корпус генерал-лейтенанта Раевского[917] из 12-й и 26-й пехотных дивизий. Конечность левого крыла состояла из 27-й пехотной дивизии Неверовского и сводной гренадерской дивизии генерал-майора Воронцова. В резерве находились: III корпус генерал-лейтенанта Тучкова[918] (из 1-й гренадерской и 3-й пехотных дивизий), V корпус, в котором состояла гвардия, коею командовал генерал-майор Лавров[919], 2-я гренадерская дивизия и вся почти вообще кавалерия, состоящая при армии, ибо весьма небольшое количество оной расположено было в линии и на флангах. Резервная артиллерия была весьма сильная. Войска донских казаков находились на правом крыле. Двадцать тысяч человек прибывшего за два дня Московского ополчения разделены были по корпусам, сохраняя состав свой, в котором они образованы были, и употреблялись для принятия раненых и присмотра за ними»[920].

Итак, Михаилу Андреевичу было поручено начальствовать над войсками, прикрывавшими Новую Смоленскую дорогу — основной путь к Москве; в центре позиции стоял 6-й корпус генерала Дохтурова; левым флангом начальствовал генерал-лейтенант князь Горчаков 2-й, племянник Суворова.

Уже на поле к Милорадовичу прибыл новый адъютант — князь Вяземский.

«Наконец нашел я Милорадовича и застал его на бивуаке, пред разведенным огнем. Принял он меня очень благосклонно и ласково: много расспрашивал о Москве, о нравственном и духовном расположении ее жителей и о графе Ростопчине, который, хотя и заочно, распоряжениями своими и воинственным пером, воюющим против Наполеона, так сказать, принадлежал действующей армии. Поздравив меня с приездом совершенно кстати, потому что битва на другой день была почти несомненна, он отпустил меня и предложил мне для отдыха переночевать в его избе, ему ненужной, потому что он всю ночь намеревался оставаться в своей палатке»[921].

* * *

«Настал наконец ужасный день! Скрывавшееся в тумане солнце продолжило до шести часов утра с обеих сторон обманчивое спокойствие»[922].

«В 5 часов утра солнце рассеивает туман… Бьет барабан, и каждый полковник громким голосом читает своему полку прокламацию императора.

Мы слушаем, тесно сомкнувшись ротами… Император возвещает нам, что столь желанный день битвы, наконец, наступил, что победа зависит от нас; победа необходима, чтобы доставить все нужное, получить хорошие зимние квартиры и ускорить возвращение на родину. "Сражайтесь так, — говорит он нам, — как вы сражались при Аустерлице, Фридланде, при Витебске, при Смоленске". Пусть самое отдаленное потомство ставит себе в образец наше поведение в этот день, пусть о каждом из нас будут говорить: "Он был в великой битве под Москвой!" Тысячекратные возгласы: "Да здравствует император!" были ответом на это лаконическое приглашение»[923].

«Застонала земля и пробудила спавших на ней воинов. Дрогнули поля, но сердца спокойны были. Туча ядер, с визгом пролетавших над нашим шалашом, пробудила меня и товарищей. Вскакиваем, смотрим — густой туман лежит между нами и ими. Заря только что начинала зажигаться…»[924]

«С рассветом дня маршал Даву, грянув из 120 орудий артиллерии залпом, повел пехотные колонны свои в штурмовую атаку нашей укрепленной позиции перед деревней Семеновской, а вице-король Итальянский сделал решительный удар корпусом своим на село Бородино, чтобы чрез его ворваться в центр соединения наших армий по почтовой дороге, отнявши мосты на реке Колоче, в самом селе Бородине находившиеся»[925].

«В шесть часов утра началась атака против правого нашего фланга на село Бородино. Менее нежели в четверть часа лейб-гвардии Егерский полк был опрокинут и в замешательстве прогнан за реку, так что не успел истребить моста, и вслед за ним неприятельские стрелки появились на правом берегу и понудили снять батарею, оборонявшую мост; 1-й егерский полк, подкрепив гвардейских егерей, прогнал неприятеля и в то же время занял Бородино, но, чтобы по удалении от прочих войск не подвергнуть их опасности, приказано было оставить селение, и егеря, отойдя за реку, сожгли за собою мост. Действие на сем пункте ограничилось одной перестрелкой»[926].

«Наскоро оделся я и пошел к Милорадовичу. Все были уже на конях. Но, на беду мою, верховая лошадь моя, которую отправил

я из Москвы, не дошла еще до меня. Все отправились к назначенным местам. Я остался один. Минута была ужасная… По счастью, незнакомый мне адъютант Милорадовича предложил мне свою запасную лошадь. Обрадовавшись и как будто спасенный от смерти, выехал я в поле и присоединился к свите… Вскоре потом ядро упало к ногам лошади Милорадовича. Он сказал: "Бог мой! видите, неприятель отдает нам честь". Но, для сохранения исторической истины, должен я признаться, что это было сказано на французском языке, на котором говорил он охотно, хотя часто весьма забавно неправильно», — писал Вяземский, замечая, что «…привычка говорить по-французски не мешала… генералам нашим драться совершенно по-русски. Не думаю, чтобы они были храбрее, более любили Россию, вернее и пламеннее ей служили, если б не причастны были этой маленькой слабости»[927].

Впоследствии князь Петр Андреевич изобразил произошедшее в стихах:

…Только подошли мы ближе
К средоточию огня,
Взвизгнуло ядро и пало
Перед ним, к ногам коня,
И, сердито землю роя
Адским огненным волчком,
Не затронуло героя,
Но осыпало песком.
«Бог мой! — он сказал с улыбкой,
Указав на вражью рать, —
Нас завидел неприятель
И спешит нам честь отдать»[928].

А Михаил Андреевич описал действия своего адъютанта в жанре сухой канцелярской прозы: «Находясь при мне весь день, был мною посылаем в самый жестокий огонь и отличился храбростью; при чем убита под ним лошадь, а другая ранена»[929]. Это строки из представления «Московского ополчения корнета князя Вяземского» к ордену Святого Владимира 4-й степени, который тот и получил…

«Перед каждым сражением Милорадович одевался, как на бал. В полном мундире, во всех орденах, в шляпе с высоким султаном, являлся он пред боевыми колоннами на статном коне и, разговаривая с солдатами, рисовался как будто на параде, когда ядра летели над головами и картечью осыпало ряды. Он ничего не ел перед сражением, продолжавшимся иногда по многу

часов, голод и жажду утолял трубкой. Кто-нибудь из ординарцев возил за ним кисет. "Набей мне трубку", — сказал он высокому красивому ординарцу и подал докуренную трубку. Трубка, набитая до половины, выпала из рук ординарца: ядро сорвало ему голову!! Другой ординарец проворно соскочил с лошади, снял кисет с руки убитого, набил трубку и подал генералу, который солдатским языком бодрил ряды и продолжал преспокойно курить, как у себя дома»[930].

Войска правого крыла, которым начальствовал Милорадович, продолжали оставаться в бездействии, хотя постоянно пребывали под огнем.

«В сражении под Бородином Милорадович разъезжал на поле смерти как в своем домашнем парке: заставлял лошадь делать лансады, спокойно набивал себе трубку, еще спокойнее раскуривал ее и дружески разговаривал с солдатами. "Стой, ребята, не шевелись! Держись, где стоишь!.. Я далеко уезжал назад: нет приюта, нет спасения! Везде долетают ядра, везде бьет! В этом сражении и трусу нет места!" Солдаты любовались такими выходками и добрым видом генерала, которого знали еще с итальянских походов… Пули сшибали султан с его шляпы, ранили и били под ним лошадей; он не смущался: переменял лошадей, закуривал трубку, поправлял свои кресты и обвивал около шеи амарантовую шаль, концы которой живописно развевались по воздуху»[931].

Имя Михаила Андреевича вообще было окружено легендами, но участие его в Бородинском сражении — одна сплошная сказка.

«Генералы наперерыв друг перед другом становились на местах, где преимущественно пировала смерть. Завидя Барклая-де-Толли там, где ложилось множество ядер, Милорадович сказал: "Барклай хочет меня удивить!" Поехал еще далее, под перекрестные выстрелы французских батарей и велел себе подать завтрак»[932].

Утверждение, что генералы рисковали жизнью по-пустому, следует отмести. Было, что бросился в атаку со знаменем в руках и исчез среди разрывов генерал-майор Тучков 4-й[933]; было, что увлек за собой батальон и погиб генерал-майор Кутайсов[934]; со шпагой пошел на французские штыки и был взят в плен израненный генерал-майор Лихачев[935], дивизия которого обороняла Центральный редут; в контратаке на Семеновских флешах был смертельно ранен князь Багратион — но это были оправданные поступки, продиктованные обстановкой. А чтобы просто так становиться на самых опасных местах… Не прапорщиками же, которым не терпится выказать свою храбрость, они, в конце концов, были!

Барклай, четко и безукоризненно выполнивший план Александра I по отступлению вглубь страны, принял на себя и всю ответственность. В войсках его нарекли предателем, а император публично выразил недоверие, поставив во главе объединенных армий генерала от инфантерии Кутузова.

И вот, облаченный в парадный мундир, при всех орденах, с черно-красной Владимирской лентой через плечо, Михаил Богданович появлялся на самых опасных участках сражения, подолгу оставался под огнем, наблюдая за действиями войск, сам водил полки в атаку. Свита его редела с каждым часом; погибли два адъютанта, под генералом были убиты четыре лошади, но он не получил ни единой царапины. Солдаты встречали Барклая-де-Толли громким «ура!». Мужественным своим поведением генерал отмел все обвинения в измене.

Некоторым казалось, что он искал смерти, но так это или нет, знал только сам Михаил Богданович. Скорее всего, он просто находился именно там, где ему следовало быть, — на ключевых пунктах сражения.

Еще ожидая подхода Милорадовича с резервами, Барклай предлагал для него должность корпусного командира — ту самую, на которую Михаил Андреевич был определен в 1806 году… Из этого можно предполагать, что министр был не самого высокого мнения о полководческих талантах Милорадовича. Возможно, это была объективная оценка: недаром впоследствии Михаил Андреевич отказался принять под свое командование армию, уступив ее Барклаю.

«Милорадович славился своей чрезмерной храбростью, его называли русским Мюратом, но он не был способен к командованию армией», — писал интереснейший мемуарист Александр Булгаков[936], с которым мы скоро встретимся[937].

Предположение «Барклай хочет меня удивить» едва ли можно допустить — ведь это Милорадович выходил на поле боя при полном параде, а Михаилу Богдановичу страсть к внешним эффектам свойственна не была. С чего ж она взялась? И под какие «выстрелы» мог поехать Михаил Андреевич, если неприятель сосредоточил свой огонь по стоящим каре? Да и до того ли было ему, чтобы где-то завтракать?

«Барклай-де-Толли и Милорадович в эти минуты были путеводными звездами в хаосе сражения: все ободрялось, устраивалось ими и вокруг них»[938], — записал поручик конной артиллерии Павел Граббе[939], адъютант Ермолова. Сказано красиво, но, думается, это куда более соответствует истине.

Есть такое утверждение: «В пылу сражения Милорадович давал червонцы тем из нижних чинов, которые не убивали

пленных, а приводили их живыми»[940].

Но мог ли он находиться в тылу, куда ведут пленных? До них ли ему было? И что, разве отправляясь на сражение, генерал набивал карманы червонцами?

«Весь Бородинский бой — это лобовая атака французскими массами русского центра — батареи Раевского и флешей Багратиона. Жесточайшее побоище длилось шесть часов без всякого намека на какой-либо маневр, кроме бешеного натиска с обеих сторон…»[941]

Около 6 утра французы взяли село Бородино, откуда вскоре были выбиты… Примерно в то же время противник атаковал Семеновские флеши — потом их назовут «Багратионовы», которые занимали 2-я сводно-гренадерская дивизия графа Воронцова и 27-я пехотная — Неверовского. Атака была отбита. Вторая атака на флеши последовала около 7 часов, третья — в 8 и продолжалась час. При ее отражении был ранен штыком Воронцов, сказавший: «Сопротивление моей дивизии не могло быть продолжительно: дивизия исчезла не с поля сражения, а на поле сражения»[942]. Сразу началась четвертая атака, вслед за ней, около 10 утра, пятая… Тогда же в центре позиции во второй раз была атакована Курганная высота — первая атака была в 9, и 30-й линейный пехотный полк, предводимый бригадным командиром генералом Боннами[943] ворвался в Большой редут. Русская позиция была рассечена, и многим показалось, что, как и обещал Наполеон, над Бородинским полем восходит солнце Аустерлица… Воодушевленный противник готовил уже шестую атаку на флеши, почти сглаженные артиллерийским огнем.

«Я, заметя, что неприятель с левого крыла переводит войска, дабы усилить центр и правое свое крыло, немедленно приказал двинуться всему нашему правому крылу, вследствие чего генерал от инфантерии Милорадович отрядил генерал-лейтенанта Багговута со 2-м корпусом к левому крылу, а сам с 4-м корпусом пошел на подкрепление центра», — докладывал князь Кутузов[944].

Шестая атака на флеши была отражена подоспевшим подкреплением… Тем временем генералы Ермолов и Кутайсов, остановив расстроенный батальон Уфимского пехотного полка, повели его в атаку на Курганную высоту. К ним присоединялись солдаты других полков, и дружным ударом русские ворвались на батарею. Все находившиеся здесь французы, за исключением Боннами, были переколоты штыками. Опасаясь, что сейчас его чин не произведет достаточного впечатления, израненный бригадный генерал назвался Неаполитанским королем.

«Во время сражения разнесся слух у нас, что взят был в плен

Мюрат; но после оказалось, что принят был за него генерал Бонами. Не помню, с кем ехал я рядом: мой спутник спросил ехавшего к нам навстречу офицера, знает ли он, что Мюрат взят в плен? "Знаю", — отвечал тот»[945].

Никто не видел, как погиб граф Кутайсов. Кутузов считал, что эта смерть помешала полной победе: 28-летний начальник артиллерии единственный знал весь ее боевой порядок, и немалая часть орудий осталась не задействована.

В 11 часов началась седьмая атака на флеши, которая была отбита через полчаса. Тем временем на левом фланге полякам удалось вытеснить с Утицкого кургана полки 3-го пехотного корпуса. «Когда корпус Багговута отправлен был с правого крыла армии на старую Смоленскую дорогу, где Тучков 1-й сражался с Понятовским[946], первый достиг к нему Олсуфьев. Решась сбить неприятеля, занявшего Утицкий курган, Тучков атаковал его с фронта, велев графу Строганову[947] ударить слева, и Олсуфьеву, с Вильманстрандским и Белозерским полками — с правой стороны. Неприятель был оттеснен, и, пока Строганов поражал его с высоты кургана из 6 орудий, Олсуфьев принял начальство вместо Тучкова, смертельно раненного. Вскоре прибыл Багговут, но между тем Олсуфьев отразил новое стремление неприятеля обойти курган влево и удержался на позициях»[948].

В половине двенадцатого противник, создав почти трехкратное превосходство, предпринял восьмую атаку флешей. Контратаку возглавил князь Багратион, но был смертельно ранен…

«Войска, несколько часов кряду с мужеством оные [укрепления] защищавшие, должны были, уступив многочисленности неприятеля, отойти к деревне Семеновской и занять высоты, при оной находящиеся»[949].

Тогда начальство над левым флангом принял генерал Дохтуров, его место в центре позиции заступил Милорадович.

«Корпус Остермана… в продолжение всего утра был бездействующим зрителем кипевшего боя, не принимая в нем участия, но после полудня был переведен к центру, на место почти уничтоженного 7-го корпуса Раевского. Тут он подвергся самому сокрушительному действию неприятельского огня — выстрелы с обеих сторон были так часты, что не оставалось промежутков между ударами»[950].

«Милорадович ввел в дело дивизию Алексея Николаевича Бахметева, находившуюся под его командой. Под Бахмете-вым была убита лошадь. Он сел на другую. Спустя несколько времени ядро раздробило ногу ему. Мы остановились. Ядро, упав на землю, зашипело, завертелось, взвилось и разорвало мою лошадь.

Я остался при Бахметеве. С трудом уложили мы его на мой плащ и с несколькими рядовыми понесли его подалее от огня…»[951]

В то время, когда русские сдерживали натиск на левом фланге и в центре, Кутузов предпринял наступательные действия на правой оконечности своих войск. Здесь в резерве стояли 1-й кавалерийский корпус генерал-лейтенанта Уварова[952] — 27 эскадронов, сотня и 12 конных орудий, и отдельный казачий корпус генерала от кавалерии Платова — 50 сотен и 12 конных орудий Донской артиллерии. Все это было направлено в обход правого фланга французов. Внешне атака представлялась блестящей — под командой Уварова состояла вся гвардейская кавалерия, за исключением кирасир. Хотя оттянуть часть французских войск от левого нашего фланга, как надеялся Кутузов, не удалось, все же Наполеон на два часа приостановил атаки в центре, а готовая идти в бой Старая гвардия осталась в резерве… Михаил Илларионович был недоволен результатами рейда, утверждая, что «…казаки, кои вместе с кавалерийским корпусом должны были действовать и без коих неможно ему было приступить к делу, в сей день, так сказать, не действовали…»[953] Исследователи обычно опускают окончание документа[954]: «…из-за дурных распоряжений и нетрезвого состояния»[955] атамана…»

Споры, насколько активны были действия кавалерии не совсем понятны, — чтобы уяснить суть, достаточно обратиться к спискам потерь. Так вот, при Бородине 1-й кавалерийский корпус потерял убитыми двух унтер-офицеров и 18 рядовых, ранено — 12 унтеров, 47 рядовых и двое нестроевых, а 20 рядовых пропало без вести. В состав корпуса входило шесть полков. Для сравнения: в одном только Мариупольском гусарском полку, входившем в состав 3-го кавалерийского корпуса, было убито 8 унтеров и 155 гусар, а ранено 9 и 26… Все же думается, что в оценке — или недооценке этой «диверсии» Кутузов оказался не совсем прав: новую атаку Курганной высоты Наполеон решился предпринять только в 14 часов.

«В 4-м часу французский кавалерийский корпус генерала Коленкура[956], имея приказание пробиться к главной, центральной нашей батарее, известной под именем батареи Раевского, смело приблизился к ней и понесся на войска графа Остермана. "Наша пехота, — приводим слова Барклая-де-Тол-ли, — встретила их с удивительной твердостью, подпустила на 60 шагов и открыла такой деятельный огонь, что неприятель был опрокинут и искал спасения в бегстве". Кавалерийские полки преследовали и гнали неприятельскую конницу до самых резервов…»[957]

«Центр и левый фланг нашей армии были опоясаны

непрерывной цепью неприятельских орудий, батальным огнем и перекрестно действовавшим. Это было приготовление к решительной атаке центра. Было около четырех часов, когда массы пехоты и конницы двинулись на нас. Тогда закипела сеча, общая, ожесточенная, беспорядочная, где все смешалось, пехота, конница и артиллерия. Бились, как будто каждый собою отстаивал победу. Последний конный резерв, кавалергарды и Конная гвардия атаковали в свою очередь и смешались с конницей неприятеля. То была решительная, грозная минута в судьбе России. Весы побоища склонялись видимо в пользу завоевателя. Центральная батарея и начальник ее, Лихачев, засыпав ров и поле телами нападающих, с тыла взятые, достались неприятелю…»[958]

Судьба генерал-майора Лихачева, героя Кавказской войны, схожа с судьбой генерала Боннами. Он также оказался в плену — однако вопреки своему желанию, ибо хотел погибнуть. В конце 1812 года Петр Гаврилович был освобожден нашими войсками, но вскоре умер… Атаковавший редут дивизионный генерал барон де Коленкур нашел здесь свою могилу: по приказу Наполеона, убитого картечью генерала захоронили на Курганной батарее[959] … В 1839 году здесь же был перезахоронен прах князя Багратиона — теперь, очевидно, генералы лежат почти рядом.

«Скоро разбитые остатки полков составили новую стену, готовую на новый бой. Благоприятствовавшее победе мгновение невозвратно минуло для императора… Он не решился ввести в убийственный пролом последнюю свою надежду, для довершения (по моему мнению) несомненной, ему только знакомой, но на этот раз не узнанной им, манившей его тогда, победы»[960].

«В это же время явился на сцену и генерал Милорадович. С необыкновенной быстротой, скача сам впереди, подвел он сильные батареи на картечный выстрел и начал осыпать завоеванный люнет целыми дождями картечи; уцелевшую ж линию оборотил на оси в косвенное положение и унес фланг ее от неприятеля. Наши выгоды в этом пункте восстановились»[961].

«Впоследствии французы, овладев батареей Раевского, пытались еще несколько раз сломить 4-й пехотный корпус, все еще представлявший грозный фронт, но все их атаки не имели успеха. Войска этого корпуса удержали свое место до конца битвы»[962].

Все же, «…пехота наша на левом фланге, предводимая Милорадовичем, Коновниицыным[963] и графом Остерманом — генералами испытанной неустрашимости, — при чрезвычайных усилиях должна была оставить в руках неприятеля потерянные укрепления, и большие встречая затруднения в действии,

невзирая на все то, успела твердостью своею оборону нашу сделать менее сомнительною», — рассуждал потом с определенной осторожностью Ермолов[964].

Проглядывая сквозь тучи дыма, над полем светило клонившееся к закату солнце. Это было Московское, а не Аустерлицкое солнце — французам не удалось не только прорвать оборону, но даже и существенно потеснить русские войска. Самый напряженный день 1812 года близился к вечеру, битва неизбежно подходила к своему завершению, а две весьма поредевшие, обескровленные армии оставались стоять друг против друга… Фортуна не отдала своего явного предпочтения ни одному из полководцев, и оба объявили Бородино победой.

«Около пяти часов пополудни атаки прекратились. Продолжались только канонада с обеих сторон и перестрелка между цепями застрельщиков. Ясно было, что армии расшиблись одна об другую, и ни та, ни другая не могут предпринять в остальные часы дня ничего важного.

Увидев остановившегося позади центра Кутузова со свитой, я подъехал туда и, подозванный Толем, был представлен ему. Он послал меня тогда поздравить начальников войск с отражением неприятеля и предварить о наступлении на него наутро… В центре Милорадович выслушал меня и приказал доложить, что он берется (если угодно будет Главнокомандующему) отнять без большого урона центральную батарею. Действительно, ничто столько не доказывало крайней степени изнеможения неприятеля, как бесполезное обладание этой важной точкой нашей позиции, куда не были даже подвинуты их батареи. Наконец сумерки и потом давно желанная ночь спустились и покрыли мраком навсегда увековеченные поля, человеческой жатвой покрытые», — вспоминал генерал Граббе, главнокомандующий войсками на Кавказской линии и в Черномории в 1837—1842 годах, то есть в то время, когда там служил поручик Лермонтов, автор стихотворения «Бородино»…[965]

* * *

Князь Кутузов представил Милорадовича к ордену Святого Георгия 2-й степени, однако государь начертал на рапорте: «Алмазные знаки Александра Невского»[966].

Хотя «алмазные знаки» — мелкие алмазы, украшавшие звезду и знак ордена, считались как бы высшей его степенью, ибо официально таковой у него не было, но как был Милорадович Александровским кавалером, так и остался — этим орденом его

наградили еще в 1799 году. Это было обидно. «Однажды, рассказывая с жаром о Бородинской битве, он говорил: "Как град сыпались на нас ядра, картечи, пули и бриллианты!"»[967] Милорадович говорил не только о себе: «алмазные знаки» вместо «святого Георгия» получил также Дохтуров, а Коновницыну вообще дали шпагу с алмазами… Все представления Кутузова к награждению генералов за сражение при Бородине «Георгием» или «Владимиром» выше 3-й степени Александр I заменил более низкими орденами, шпагами, очередным чином. Ермолов вместо ордена Святого Александра Невского, второго по значению, получил орден Святой Анны 1-й степени — самый младший из «первостепенных» орденов. Исключением оказался Барк-лай-де-Толли, в отношении которого Главнокомандующий просил государя определить награду по собственному своему усмотрению, — он единственный получил Святого Георгия 2-й степени… Это объясняется тем, что государь был очень недоволен сдачей Москвы. Самому князю Голенищеву-Кутузову, поспешившему доложить о победе при Бородине и 30 августа 1812 года получившему чин генерал-фельдмаршала, очень повезло.

Однако есть нечто гораздо более важное, чем официальные награды. Говоря о Бородинском сражении, М.В. Семевский утверждает: «С этого, кровавой памяти, славного для чести русского солдата дня начинается длинный ряд доблестных подвигов Милорадовича. Отныне он, вместе с другими сподвижниками Кутузова, в том числе и Ермоловым, становится кумиром солдат и вполне народным русским героем. Исчислять подвиги Милорадовича в эту эпоху значило бы повторять самые блистательные страницы истории Отечественной войны»[968].

* * *

Победу — ежели она была таковой — необходимо было закрепить, для чего следовало сбить французов с занятых позиций и обратить вспять. «Князь Кутузов действительно готовился к бою на следующий день и писал графу Ростопчину: "Сегодня весьма жаркое и кровопролитное сражение. С помощью Божией, русское войско не уступило в нем ни шагу… Завтра надеюсь я, возлагая мое упование на Бога и на Московскую Святыню, с новыми силами с ним сразиться". Барклаю-де-Толли велено было распорядиться приготовлениями на следующий день, а ординарец послан объехать все линии войск, поздравить их с отражением неприятеля и объявить, что "завтра

атакуем"»[969].

Вскоре боевой задор прошел, уступив место трезвому расчету, и Кутузову стало ясно, что атаковать поутру некем и нечем.

«В ночь на 27 августа с Бородинского поля тронулись к Можайску сначала артиллерия, затем пехота и конница. В 8 часов утра Наполеон обозрел поле битвы и, лично удостоверившись в отступлении русской армии, около полудня двинулся за ней, выслав по корпусу на Рузу и Борисов»[970].

«Когда мы пришли в Можайск, город казался уже опустевшим. Некоторые дома были разорены; выбиты и вынесены были окна и двери. Милорадович увидел солдата, выходящего из одного дома с разными пожитками. Он его остановил и дал приказание его расстрелять. Но, кажется, это было более для острастки, и казнь не была совершена. Мы расположились в каком-то доме, оказавшемся несколько более удобным. Генерал продиктовал мне приказы по отделению войск, находившихся под его начальством и остававшихся еще в Подольске. Тут же пригласил он меня с ним отобедать, извиняясь, что худо меня накормит… Милорадович был обыкновенно невзыскателен в своих житейских потребностях. Да к тому же, щедрый и расточительный на деньги, иногда оставался он без гроша в кармане. Рассказывали, что во время походов, бывало, воротится он в свою палатку после сражения и говорит своему слуге: "Дай-ка мне пообедать!" — "Да у нас ничего нет", — отвечает тот. "Ну, так дай чаю!" — "И чаю нет". — "Так трубку дай!" — "Табак весь вышел". — "Ну, так дай мне бурку!" — скажет он, завернется в нее и тут же заснет богатырским сном. Он был весьма приятного и пленительного обхождения, внимателен и приветлив к своим подчиненным… После этого минутного знакомства мы всегда с ним оставались в хороших отношениях»[971].

28 августа главнокомандующий отдал следующий приказ по армиям: «По случаю раны, полученной генералом от инфантерии князем Петром Ивановичем Багратионом, 2-я Западная армия впредь до Высочайшего повеления поступает в командование генерала от инфантерии Милорадовича, к коему и всем чинам, оную армию составляющим, с получения явиться»[972].

«Разбитая армия Багратиона поступила к Милорадовичу. Милорадович встретил штаб его длинной и несвязной речью, делал колкости памяти покойного Багратиона и настоятельно требовал указать ему того, к кому князь всего более имел любви и доверенности, дабы именно в лице сего последнего мог он доказать князю истинное свое великодушие и любовь к тому, кого любил и уважал — враг его»[973].

Звучит уж очень отрицательно… Но князь Багратион в то

время был жив; в войсках его уважали и любили, поэтому любое неосторожное слово в его адрес могло показаться «колкостью» — а неосторожных слов в то воистину жуткое время, думается, всеми говорилось более, чем достаточно…

Войска отходили под прикрытием арьергарда, порученного Платову. Это решение вызывает недоумение: хотя казаки несколько раз отличились при отступлении от границ, сам Матвей Иванович проявил себя не лучшим образом. После Смоленска он начальствовал арьергардом объединенной армии, но 14 августа Барклай его от командования отстранил[974]. Атаман убыл в Москву и возвратился уже в канун Бородинской битвы… Характеристика, данная Кутузовым Платову после сражения, нам известна, но все же ему был поручен арьергард.

Кроме казачьего корпуса, в отряд вошли 4-й, 30-й и 48-й егерские, Волынский и Тобольский пехотные и Изюмский гусарский полки, а также — конная рота Донской артиллерии. По перечисленным наименованиям отряд выглядел вполне внушительно, но уточним, что Тобольски полк только при Бородине потерял убитыми 248 человек, пропавшими без вести — 34 и ранеными 133, тогда как ранее, при Смоленске, — 84 нижних чина убитыми, 282 — ранеными и 55 пропавшими без вести; потери Волынского полка при Бородине оказались еще большими — 240 убитых, 109 раненых и 151 пропавший… Арьергард оставался на Бородинской позиции до 4 часов утра 27 августа, после чего двинулся вослед за армией к уездному городу Можайску — князь Кутузов приказал его удерживать.

«Большая потеря в армиях и необходимость сблизиться с подкреплениями, формировавшимися за Москвой, вызвали приказание Кутузова отступать за Можайск, тем более что, следуя за нами, Наполеон ослабевал в силах. Несмотря на чрезвычайное утомление, войска с грустью приняли весть об отступлении.

Но куда отступать — на Москву или Верею и Боровск? Вот вопрос, над которым приходилось задумываться.

"Надобно идти по Московской дороге, — сказал князь Кутузов. — Если неприятель и займет Москву, то он в ней расплывется, как губка в воде, а я буду свободен действовать, как захочу"», — вспоминал Михайловский-Данилевский[975].

Кажется, в этом свидетельстве впервые звучит мысль Кутузова о возможности сдачи Москвы. Пока она высказывается предположительно: «если и займет», даже как-то легкомысленно: «я буду свободен»… Однако Александру Ивановичу стоит верить: в то время он состоял адъютантом при светлейшем.

Кстати, ведь это сын того самого Ивана Лукьяновича Данилевского, который некогда возил юного Мишу в Гёттинген и

Кенигсберг, — мир тесен, и не случайно…

Вряд ли кто кроме Кутузова допускал в тот момент возможность сдачи древней столицы. Тем более — без боя.

«Я жизнью отвечаю, что злодей в Москве не будет», — без всякого сомнения заявлял Московский главнокомандующий в своих «афишках»[976].

Кутузов эту уверенность поддерживал. 30 августа он писал Ростопчину: «Войска мои, несмотря на кровопролитное бывшее 26 числа сражение, остались в таком почтенном числе, что не только в силах противиться неприятелю, но даже ожидать и поверхности над оным»[977].

На деле обстоятельства складывались далеко не лучшим образом. Хотя оборонявший Можайск арьергард был поддержан двумя кавалерийскими корпусами, но, будучи «жарко атакован» французским авангардом, удара не выдержал и город сдал, откатившись к селу Моденову, — в трех верстах от расположения главных сил. Противник фактически «сел на хвост» Кутузову.

Из «Журнала военных действий 1-й и 2-й Западных армий»:

«Главнокомандующий, поручив арьергард генералу от инфантерии Милорадовичу, приказал подкрепить оный полками егерскими 11-м и 36-м, пехотными: Бутырским, Томским, Софийским и Либавским и [23-й] батарейной ротой Гулеви-ча, так что сильно наступавший неприятель был повсюду опрокинут и должен был податься несколько верст назад»[978].

Вот что рассказывал о тех событиях сам Михаил Андреевич: «После сражения при Бородине поручили мне начальство над второй армией, которая так была расстроена, что почти не существовала, а арьергард по причине контузии Коновницына отдали Платову. Неприятель напирал очень сильно. Платов сопротивлялся плохо, и неприятели 27-го числа почти не вошли в наш лагерь, посему послали туда Раевского. 28-го вечером я лежал в избе, как пришел ко мне Барклай-де-Толли и просил именем отечества, чтобы я принял начальство над арьергардом. Я приехал в оный вечером, принял команду от Раевского, и так как армия была в близком расстоянии, то я решился на другой день дать сильный отпор неприятелю, чтобы между тем армия имела время и возможность, отступив более, исправиться в нуждах своих. Действительно, на другой день поутру, то есть 29 августа, я был сильно атакован, сражался весь день и к вечеру принудил неприятелей отступить с поля сражения. Пленные сказали мне, что генералы их заметили, что в наш арьергард прибыл другой начальник. 30-го и 31 августа я так мало отступил, что армия находилась за мною уже в 40 верстах, чему князь Кутузов насилу поверил, и, следовательно, могла без всякой опасности

предаваться покою. Мало-помалу приближались мы к Москве»[979].

«После Бородина большой арьергард армии вверен был Милорадовичу. Августа 28-го прислал он в главную квартиру просить квартирмейстерского офицера. Из состоящих при нем один был ранен, а подполковник Чуйкевич занемог. Карл Федорович[980] откомандировал меня в арьергард, где и находился безотлучно при Милорадовиче… Несколько раз в день должно было доносить Главнокомандующему о положении арьергарда. Рапорты Милорадовича писались мною под выстрелами, иногда по его диктовке», — вспоминал Александр Щербинин[981], бывший в 1812 году прапорщиком квартирмейстерской части[982].

«Через несколько дней после Бородинского боя Киселев[983] был откомандирован от полка в должность адъютанта к Милорадовичу… Нам неизвестно, каким путем состоялось назначение Павла Дмитриевича адъютантом к Милорадовичу, хотя из заметки Киселева, помещенной в его коротенькой автобиографии, видно, что он сам этого желал. Так, он говорил: "Я покинул их (товарищей в Кавалергардском полку) с сожалением, чтобы сделаться адъютантом одного генерала, пользовавшегося блестящей репутацией и при котором я намеревался изучать войну".

Но ожидания Киселева не сбылись, как видно из последующих слов той же заметки: "Эта цель не была достигнута, и так как мне следует говорить только о себе, то я умолчу о том, кто во многих отношениях сделал мне более зла, чем добра…" В чем состояли причины неудовольствия Киселева на Милорадовича, мы не знаем, а вдаваться в догадки не желаем»[984].

«В течение всей войны Киселев продолжал быть адъютантом Милорадовича, и эта-то служба была причиной его возвышения, дав ему возможность сделаться более известным императору Александру Павловичу: Милорадович тяготился не только письменной отчетностью, но и подробным словесным докладом; в его же штабе только Киселев оказался способным толково докладывать государю, — таким образом он получил возможность беседовать с Александром I, всегда остававшимся довольным его докладом»[985].

Впрочем, проблемы в арьергарде были не только с отчетностью.

«Его сердце равно было прочим благородным его качествам; но беспечность прикрывалась всегда любезностью его характера. До меня не было в авангарде ни устройства, ни продовольствия:

это не дело Милорадовича. С моим прибытием все получило новый вид. Генерал Корф, командовавший передовой цепью, обрадовавшись изобильному корму людей и лошадей, скачет к Милорадовичу с полной благодарностью. Но едва он высказывает содержание речи своей или ближе, излияние чувств его, как Милорадович, с обыкновенным и торжествующим своим тоном, сказал ему: "благодарите не меня, а Маевского: он кормит и вас, и меня". Одной этой черты достаточно уже для похвалы Милорадовича; он свое брал себе, а целое уступал подчиненному»[986].

«Генерал Милорадович, 29 августа, по просьбе князя Кутузова, стал во главе арьергарда нашей отступающей армии. "С его появлением, — пишет Паскевич, — в эту трудную минуту арьергардом неприятель был всегда удерживаем до самого конца кампании, там, где Главнокомандующий приказывал остановить неприятеля. Это доказывает тотчас. 29 августа Милорадович отступает. Ему сказано было, что армия отступит 25 верст; но она отступила всего 17. Вдруг видит Милорадович, что он подходит к нашей армии, а в это время Кутузов присылает сказать, чтобы, ради Бога, остановить неприятеля. Когда так, сказал Милорадович, то я хочу ночевать в деревне. Мы уже две версты отступили от этой деревни. Вперед! И точно: после кровавого боя мы заняли эту деревню, отбив ее у неприятеля. Тут полки бригады Потемкина, не принимавшие участия под Бородином, сие славно дело сделати"»[987].

«Арьергардные дела происходят ежедневно», — докладывал Кутузов[988].

«Храбрость войск арьергарда под искусным Вашего Высокопревосходительства командованием отдаляет от армии беспокойство. Теперь приближающимся нам к Москве, где должно быть сражение, решающее успехи кампании и участь государства, на некоторое время неприятеля удержать должно, сколько возможно», — от имени главнокомандующего писал Милорадовичу генерал Ермолов[989].

* * *

«Светлейший говорит, что Москву до последней капли крови защищать будет; и готов хоть на улицах драться», — уверял москвичей Ростопчин.

По диспозиции, предложенной генералом от кавалерии Беннигсеном, исполнявшим обязанности начальника главного штаба объединенных армий, войска заняли растянувшуюся на

четыре версты позицию между изгибом Москвы-реки и Воробьевыми горами. Она была не намного меньше, нежели при Бородине, но армия теперь была другая, обескровленная, а за спиной, вместо ровного поля, были овраги, большая река и огромный город, что исключало возможность маневра, перегруппировки сил. В сражении на такой позиции можно было либо победить, либо погибнуть. Последнее представлялось гораздо более вероятным.

«Милорадович, командуя передовыми войсками, принимает все удары на свой щит. Здесь составляется совещание об участи Москвы»[990].

Совещание состоялось ввечеру 1 сентября, войдя в историю как «Совет в Филях». В этой деревне, в избе крестьянина Фролова, князь Голенищев-Кутузов, произведенный государем в генерал-фельдмаршалы, но того еще не знавший, собрал высших чинов армии. Это были корпусные командиры — Остерман-Толстой, Дохтуров, Уваров, Раевский и исполнявший обязанности командира 3-го пехотного корпуса Коновницын, а также — главнокомандующий 1-й армией Барклай-де-Толли, начальники штабов Беннигсен и Ермолов, генерал-квартирмейстер Толь. Присутствие атамана Платова и дежурного генерала полковника Кайсарова[991] вызывает споры между историками, ибо протокола заседания не велось, а запись в «Журнале военных действий» столь скупа, что в ней не упомянуты даже несомненные участники совета Раевский и Уваров[992].

«В армии всем казалось весьма странным приглашение на совет Раевского, а не Милорадовича. Милорадович, командуя арьергардом, был начальником Раевского, был старше его чином и находился в числе тех немногих первенствующих генералов, мнением которых князь Кутузов особенно дорожил. В настоящее время слишком известно, что Кутузов собирал совет не для решения каких бы то ни было вопросов, а исключительно из политического приличия. В разговоре с принцем Виртембергским он высказал убеждение, что ему одному, без посторонней помощи, надлежит решить участь Москвы и дальнейшие действия русской армии. При таком убеждении, конечно, Милорадович был полезнее в арьергарде, чем в Филях, в военном совете»[993].

Мнения о том, следует или нет давать сражение на избранной позиции, разделились — но не потому, что собравшиеся военачальники думали розно. Всем было понятно, что ни позицию, ни Москву удержать не удастся, зато армия, потерявшая при Бородине до 50 тысяч человек, вообще будет разбита. Не знаем, например, насколько был искренен государев любимец Уваров, предлагавший идти навстречу французам,

атаковать и с честью погибнуть, — при Бородине у него была такая возможность, однако 1-й кавалерийский корпус потерял всего лишь 40 нижних чинов…

«Не решился я, как офицер, не довольно еще известный, страшась обвинения соотечественников, дать согласие на оставление Москвы и, не защищая мнения моего, вполне не основательного, предложил атаковать неприятеля… С неудовольствием князь Кутузов сказал мне, что такое мнение я даю потому, что не на мне лежит ответственность», — с подкупающей откровенностью писал впоследствии Ермолов[994].

На карту поставлены судьбы Москвы, армии и России, а генерал озабочен мнением соотечественников о своей персоне… Недаром Пушкин назвал его «великим шарлатаном»[995]! «Один умный человек сказал, что Ермолов, в понятиях русских, не человек, а популяризированная идея. Когда в верхних слоях давно уже наступило в отношении к нему полное разочарование, масса все еще продолжала видеть в нем великого человека и поклоняться под его именем какому-то воображаемому идеалу»[996].

По счастью, большинство генералов менее всего были озабочены своей ролью в истории, а потому «…положено было пройти чрез Москву, предоставив неприятелю занять ее без боя; нам же перейти к югу, чтоб удержать сообщения с плодородными южными областями нашими, из которых мы могли бы получить продовольствие и подкрепления… Кутузов… выслушав всех и не открыв свое мнение, решился пройти чрез Москву на Рязанскую дорогу и к исполнению сего немедля дал приказ, к чему тотчас же приступлено было»[997].

Итак, отступать без боя… Но как? Вероятность сражения у стен Москвы оставалась весьма велика — причем из всех возможных зол это представлялось наименьшим. Чтоб отступить, 70-тысячной армии следовало пройти через Москву.

«Еще издали завидите вы золоченые купола московских церквей. Москва стоит среди равнины; ведь и вся Россия не что иное, как огромная равнина, и потому, подъезжая к большому городу, вы даже можете не заметить его обширности. Кто-то справедливо заметил, что Москва скорее деревня, нежели город. Все смешалось там: лачужки, дома, дворцы, базары, подобные восточным, церкви, общественные учреждения, пруды, рощи и парки…» — с восторгом писала m-me де Сталь, увидевшая город за считаные недели до пожара[998].

Через город, где все смешалось, следовало провести пехоту, кавалерию, артиллерию и многочисленные обозы — в том числе с ранеными, что требовало немалого количества времени. К тому

же многие из московских жителей только теперь осознали опасность и спешно покидали Москву, так что улицы были забиты обывательскими обозами… Бой в городе привел бы не только к гибели тысяч мирных граждан и полному разрушению Москвы, но к катастрофе всей армии. На улицах каре против кавалерии не выстроишь, и батарею, чтобы сдержать пехоту картечным огнем, не установишь — каждому придется сражаться за себя, и превосходящий противник станет просто давить всей массой, вытесняя обороняющихся. Отступающая армия превратится в неорганизованные толпы, которые будут побиваемы на улицах, в домах и во дворах…

Французов следовало остановить у Московских застав и держать там до тех пор, пока русская армия не проберется через лабиринт московских улиц — но как?

Граф Ростопчин в Фили приглашен не был. Еще ничего не зная о решении Кутузова, «бешеный Федька», как нарекла его Екатерина II, взывал к москвичам: «Я вас призываю именем Божией Матери на защиту храмов Господних, Москвы, земли Русской. Вооружитесь, кто чем может, и конные и пешие; возьмите только на три дня хлеба, идите со Крестом. Возьмите хоругви из церквей и с сим знаменем собирайтесь тотчас на трех горах. Я буду с вами, и вместе истребим злодея»[999].

Долго ли могло это ополчение противостоять закаленным наполеоновским батальонам? По опыту предшествовавших войн французы знали, что взятие неприятельской столицы становится последним аккордом боевых действий… То, что Москва столицей Российской империи не являлась, мало кого смущало — все были настроены на скорый отдых и мгновенное обогащение.

Единственной реальной силой, находившейся между Москвой, армией и вражескими полчищами, был арьергард генерала Милорадовича, составлявший не более чем 20 тысяч человек.

«Первого сентября прислали ко мне приказ о сдаче Москвы, с тем чтобы я "почтил сражением древние стены столицы" и тем выиграл бы время к допущению обозов и тяжестей выехать из города», — об этом граф Милорадович рассказал флигель-адъютанту Михайловскому-Данилевскому в 1818 году[1000]. «Это выражение взорвало Милорадовича. Он признал его макиавеллистическим и отнес к изобретению собственно Ермолова»[1001]. «Прямодушный, откровенный герой, он без сомнения готов был пасть в упорном бою, защищая Москву; но вид сражения представлялся ему насмешкою над ним и не почтением, а скорей оскорблением древних стен столицы»[1002].

Письмо было доставлено в крестьянскую избу, где Михаил

Андреевич возлежал на большой куче соломы, наваленной на полу, с дорогим янтарным чубуком в руках, и беседовал с одним из своих адъютантов и квартирмейстером Щербининым, примостившимися по краям той же кучи. Милорадович возмущался:

— Прикажи мне князь Кутузов драться — и я бы дрался до последнего человека. Прикажи он отступать — я, скрепя сердце, отступил бы. Но здесь не сказано ровным счетом ничего, кроме того, что вся ответственность возлагается отныне на меня одного, а сдача Москвы черным пятном ложится на мое имя!

Решив ехать поутру к главнокомандующему отказаться от начальствования над арьергардом, Михаил Андреевич улегся спать… Утром ни о чем подобном не было и речи — отважный русский генерал был готов выполнять свой долг, прекрасно сознавая, что ему следует сделать невозможное или умереть.

Зато в тот самый час к его арьергарду направлялся генерал Ермолов.

«Князь Кутузов послал меня к генералу Милорадовичу, чтобы он сколько возможно удерживал неприятеля или бы условился с ним, дабы иметь время вывезти из города тяжести. У Дорогомиловского моста с частью войск арьергарда нашел я генерал-лейтенанта Раевского, которому сообщил я данное мне приказание для передачи его генералу Милорадовичу»[1003].

Хотя обвинять в трусости Ермолова нельзя, однако на глаза пылкому Милорадовичу он решил пока не попадаться… Но тому уже было не до него.

* * *

«Поутру я получил на французском языке письмо от князя Кутузова к маршалу Бертье для доставления оного на французские передовые посты, в котором по принятому на войне обычаю русские больные и раненые, находящиеся в столице, поручались в покровительство завоевателей. Это письмо еще рано отсылать, подумал я, и расположил арьергард свой в боевой порядок с тем, чтобы дать упорнейшее сражение. Скоро, однако же, многочисленные французские колонны показались отовсюду и начали меня обходить со всех сторон: одна из них была уже близ Воробьевых гор, в то время как я находился за шесть верст впереди Москвы. Дабы неприятели не так скоро завладели Воробьевыми горами, то я послал туда небольшой отряд с тем намерением, чтобы маскировать и ввести неприятеля в обман, будто там много войск», — рассказывал граф Милорадович[1004].

«Арьергард, сильно теснимый, приближался быстро к Москве. Полковники Сипягин[1005] и Потемкин, находившиеся при Милорадовиче, давали ему разные советы, каким образом дать отпор неприятелю. Милорадович ехал молча. Вдруг приказал он адъютанту поехать к лейб-гвардии гусарскому полку и потребовать офицера, который объяснялся бы хорошо на французском языке…»[1006]

«Чем опасность больше, тем я становлюсь пламеннее, — рассказывал граф Милорадович. — Презрев все даваемые мне советы, я обратился с гордым, торжествующим лицом к моим адъютантам и закричал: "Пришлите мне какого-нибудь гусарского офицера, который умеет ловко говорить по-французски". Когда приехал таковой офицер, то я сказал ему с тем же надменным видом: "Возьмите это письмо, поезжайте на неприятельские аванпосты, спросите командующего передовыми войсками короля Неаполитанского и скажите ему моим именем, что мы сдаем Москву и что я уговорил жителей не зажигать оной с тем условием, что французские войска не войдут в нее, доколе все обозы и тяжести из оной отправлены не будут и не пройдет через нее мой арьергард. Посему скажите, чтобы он, король Неаполитанский, сейчас приостановил следование колонн… Есть ли же король Неаполитанский не согласится на сие предложение, то объявите ему, — сказал я грозным голосом, — что я сам сожгу Москву, буду сражаться перед нею и в ее стенах до последнего человека и погребуся под ее развалинами". Слова сии изумили всех предстоящих, мой адъютант де Юнкер сказал мне: "Mon Général, on ne brave pas l'armée française". — "C'est à moi àla braves, — отвечал я, — et à vous de mourire"[1007]»[1008].

Удивительный рассказ! Генерал словно бы наблюдает себя со стороны, откровенно любуясь. Причем это повествование адресовано лишь одному слушателю — запись его увидела свет только в конце XIX столетия. Зато в боевых донесениях, которые принадлежали истории, Михаил Андреевич ограничивался двумя или тремя строками… Определенно, мнение потомков мало заботило графа, но перед теми, кто находился рядом, он желал предстать во всей красе.

Парламентером к начальнику французского Генерального штаба маршалу Бертье[1009] был отправлен гвардейский штабс-ротмистр Федор Акинфов[1010].

«Меня проводили к командовавшему аванпостами, генералу Себастиани, который спросил, чего я желаю. Услышав, что имею поручение к королю Неаполитанскому, отвечал, что все равно могу ему сообщить. На отзыв мой, что не имею приказания адресоваться к нему и не смею никому передавать моего

поручения, кроме короля Неаполитанского, к которому послан, генерал Себастиани приказал вести меня к Мюрату.

Проехав мимо пяти кавалерийских полков, стоявших развернутым фронтом "ан эшикьэ", перед пехотными колоннами увидел я Мюрата, блестяще одетого, с блестящей свитой. По приближении моем приподнял он свою шитую золотом с перьями шляпу, и, когда подъехал к нему я, был окружен его свитой. Тут он закричал, чтобы нас оставили, и, по удалении свиты, положа руку на шею моей лошади, сказал мне: "Господин капитан, что вы мне скажете?" — вероятно, в ожидании, что я имею гораздо важное поручение…»[1011]

В рассказах наличествует определенная путаница: Милорадович сказал, что письмо за подписью Кутузова было адресовано князю Невшательскому, по словам же Акинфова письмо, подписанное дежурным генералом Кайсаровым, предназначалось Мюрату. Удивляться не приходится — вокруг такое творилось! Да и общей картины эти разночтения не меняют: Милорадович во что бы то ни стало должен был остановить неприятеля, а князь Кутузов, лично или через кого-то, просил французское командование позаботиться об остающихся раненых…

Известно, что судьба тысяч наших раненых воинов, оставленных в Москве, — одна из самых черных страниц в истории 1812 года и биографии светлейшего князя Смоленского. Традиционно принято обвинять в их гибели французов, словно бы покинутая жителями древняя столица России не была сознательно обречена на уничтожение. Фельдмаршал хотел сделать Москву могилой Великой армии — коварный этот план был выполнен сполна, пожар оказался для армии врага гораздо губительнее всех ранее бывших сражений. Однако…

«По прежним распоряжениям, все больные и раненые препровождались мимо Москвы, и, когда ей не угрожала еще опасность, от нее отклоняли неприятное зрелище нескольких тысяч страждущих. В городе Гжатске Кутузов переменил мое распоряжение о больных и раненых и разосланным от себя офицерам приказал отовсюду свозить их в Москву: их было до 26 тысяч человек. В последнюю ночь я послал к коменданту, чтобы он объявил раненым, что мы оставляем Москву и чтобы те, кто был в силах, удалились. Не на чем было вывезти их; правительство, не предупрежденное, не имело уже к тому ни малейших средств, и следствием неблагоразумного приказания Кутузова было то, что не менее 10 тысяч человек осталось в Москве», — писал генерал Ермолов[1012].

«В госпиталях было до 25 тысяч больных и раненых, из коих

часть сгорела в общем пожаре города»[1013].

Маршал Мюрат сказал штабс-ротмистру Акинфову, что «… напрасно поручать больных и раненых великодушию французских войск; французы в пленных неприятелях не видят уже врагов»[1014]. Звучит страшным каламбуром — во время пожара французы не только не пытались выносить русских раненых из горящих домов, но даже расстреливали дома, в которых они находились, из орудий. В полном смысле, поручать раненых великодушию французов было напрасно…

В конце концов Неаполитанский король согласился на предложение и сказал, что «…пойдет так тихо, как нам угодно, с тем только, чтобы Москва занята была французами в тот же день… Он послал приказ всем передовым цепям остановиться и прекратить перестрелку; меня же спросил, знаю ли я Москву, и на ответ мой, что я уроженец московский, просил сказать жителям Москвы, чтобы они были покойны, что им не только никакого вреда не сделают, но никакой контрибуции не возьмется и всячески будут стараться о их безопасности»[1015].

Как видно, все французы — от солдата до маршала — были уверены, что с занятием ими Москвы война завершится. А русское командование думало только о спасении армии — Кутузова не заботила ни судьба Москвы, ни участь остающихся в ней раненых. Спасти же армию был должен генерал Милорадович.

«Выслушав ответ, привезенный Акинфовым, Милорадович сказал: "Видно, французы рады занять Москву; возвратитесь к Мюрату и в дополнение условия предложите перемирие до 7 часов следующего утра, чтобы обозы и отсталые успели выйти из Москвы, в противном случае остаюсь я при первом мнении, и буду драться в Москве"… Мюрат согласился беспрекословно»[1016].

«Через несколько минут возвратился мой посланный и привез радостную весть, что не только Неаполитанский король согласился на мое предложение и приказал остановить вход войск в Москву до тех пор, как обозы и тяжести из оной увезены будут и мой арьергард пройдет, но что они и Наполеон сам, находившийся близ короля, меня благодарят за мое предложение, что будто я уговорил жителей не жечь города. Я отправил Уварова и Васильчикова[1017] назад для устроения по возможности порядка на улицах Москвы, а сам, оставшись некоторое время на позиции, начал помалу с оной сходить и прошел город, способствуя жителям спасаться из оного»[1018].

«Прекрасная столица под лучами яркого солнца горела тысячами цветов — группы золоченых куполов, высокие колокольни, невиданные памятники. Обезумевшие от радости,

хлопая в ладоши, наши, задыхаясь, кричат: "Москва! Москва!" … Лица осветились радостью. Солдаты преобразились. Мы обнимаемся и подымаем с благодарностью руки к небу; многие плачут от радости, и отовсюду слышишь: "Наконец-то! Наконец-то Москва!"»[1019]

«Многие, виденные мною столицы, Париж, Берлин, Варшава, Вена и Мадрид, произвели на меня впечатление заурядное; здесь же другое дело: в этом зрелище для меня, как и для всех других, заключалось что-то магическое. В эту минуту было забыто все — опасности, труды, усталость, лишения, и думалось только об удовольствии вступить в Москву»[1020].

* * *

«В 3 часа пополуночи армия, имея только один Драгомиловский мост к отступлению, выступила одной колонной и в самом большом порядке и тишине проходила Москву. Глубокая печаль написана была на лицах воинов, и казалось, что каждый из них питал в сердце мщение за обиду, лично ему причиненную»[1021].

В «Диспозиции 1-й и 2-й Западным армиям на 2 сентября 1812 года», подписанной генерал-майором Ермоловым, было указано: «Подтверждается всем корпусным, дивизионным и прочим начальникам, чтобы во время прохода войск через Москву ни один человек или нижний чин не смел отлучаться из своих рядов, каковых, буде окажется, тотчас велеть заколоть, господа же начальники за всякие беспорядки при проходе через Москву ответствуют строжайшим взысканием»[1022].

Приказ беспрецедентный: убивать каждого, покинувшего место в строю. Но Кутузов понимал, что без принятия строжайших мер не французская, но русская армия «расплывется, как губка в воде»…

«Назначение Ингерманландского драгунского полка в военную полицию, исполнение обязанностей которой требовало крайне напряженной деятельности… дало возможность совершить подвиг, без преувеличения скажем, единственный в истории русской армии. Подвиг этот — "устройство прохода войск через город и Москву-реку", причем, благодаря "разумным распоряжениям" полковника Аргамакова, были переправлены не только войска, но и до 40 тысяч жителей. Конечно, подвиг этот не принадлежит к числу боевых, но тем не менее его следует отнести к числу выдающихся»[1023].

«Кутузов 2 сентября в девятом часу поутру стал выступать

через Москву за Москву. С возвышенного берега Москвы-реки у Драгомиловского моста мы смотрели на веяние отступавших наших знамен. Кутузов ехал верхом спокойно и величаво, а полки наши, объятые недоумением, тянулись в глубоком молчании, но не изъявляли ни отчаяния, ни негодования. Они еще думали, что сразятся в Москве за Москву. По удалении Кутузова я возвратился домой с братьями, с некоторыми знакомыми офицерами и с генералом Евгением Ивановичем Олениным[1024]. На вопрос наш: "Куда идет войско?" — был общий спартанский ответ: "В обход". Но в какой обход? То была тайна предводителя»[1025].

«Приехавши к Яузскому мосту, суматоха была здесь невероятная, мы застали тут графа Ростопчина, который в мундирном сюртуке, в эполетах, с нагайкой в руках прогонял всех и старался очистить мост… Свидание было сухое. Ростопчин начинал говорить, но Кутузов не отвечал, а приказывал скорее очищать мост для прохода войск. От Яузского моста до Коломенской заставы движение народа, смешанного с войском, произвело некоторые беспорядки: ломали кабаки и лавки… Но все было тут же приведено в порядок и город очищался понемногу», — вспоминал ординарец главнокомандующего князь Александр Голицын[1026].[1027] Сам граф Ростопчин писал о том же совершенно по-иному:

«Мой ординарец возвратился и сказал мне, что Милорадович с нашим арьергардом проехал по Арбату и что за ним должен следовать неприятельский авангард. Я сел на лошадь и поехал к Рязанской заставе… Приехав к заставе, я с трудом мог пробраться: столько столпилось карет и войск, спешивших выйти из города. В ту минуту, когда я выезжал за заставу, раздались три пушечных выстрела, разгонявшие толпу. Выстрелы эти были знаком, что неприятель занял столицу, и возвестили мне, что я уже больше не градоначальник»[1028].

«Проходя через город, мы на каждом шагу убеждались, что Москва была почти совсем пуста: в домах — никого и ничего: жители почти все выбрались, а запоздавшие уходили вместе с нами целыми семьями. Все казенное имущество было вывезено на подводах, а обыватели сами спасали все, что могли. Барки с хлебом и казенным имуществом на Москве-реке были сожжены и затоплены. Лавки представляли полный беспорядок. Купцы зазывали солдат и предлагали, просили брать все, что приглянется; "пусть наше добро достанется лучше вам, чем французам", — говорили они»[1029].

«Наш 1-й егерский полк, составляя задний отряд арьергарда Милорадовича, имея за собою несколько сотен казаков, отступал последним пред неприятельскими вольтижерами. Смятение

москвитян было трогательно даже твердым душам воинов, испытавших ужасное Бородинское побоище пред тем за шесть дней. Сердца наши замирали от горести при виде злополучия обитателей древней столицы Отечества нашего… Тут старцы, согбенные бременем лет и болезнь-ми, едва живые брели, спотыкаясь, упрекая смерть и проклиная жребий свой, доведший их последние дни жизни до позорного бедствия Отечества. Там родители, обремененные ношами своего порождения и самого нужного имущества, подавляемые изнурением и гонимые страхом, ускоряли уход от ужасных врагов своих, падая шаг за шагом. Я видел несчастных младенцев, в скоропостижной общей беде родителями утраченных, на пути раздавленных скакавшими на уход колесницами…»[1030]

«Между тем Милорадович, нимало не расположенный жертвовать без пользы любезным телом своим, спешил догнать пехоту. Он достиг головы колонны ее, когда она приближалась к Кремлю. В это время Нащокин[1031] возвратился с известием, что король Неаполитанский принимает предложение и остановил наступательное движение.

Милорадович опередил тогда пехоту и поехал со своей свитой к Драгомиловской заставе, от которой в 7 верстах назначил ночлег арьергарду. Проехав Кремль, мы увидели два батальона Московского гарнизона, оставлявшего Москву с музыкой. Милорадович обратился к командовавшему гарнизоном генерал-лейтенанту Брозину[1032] с следующими словами: "Какая каналья велела вам, чтобы играла музыка!" Брозин отозвался, что когда гарнизон оставляет крепость по капитуляции, то играет музыка, "так сказано в уставе Петра Великого".

— А где написано в уставе Петра Великого, — возразил Милорадович, — о сдаче Москвы?..»[1033]

Можно предполагать, что разговор этот был гораздо жестче. Бравурные звуки музыки, перекрывающие звуки рыданий, крики, стоны тысяч людей, — что можно придумать нелепее и кощунственнее?

«Самое тягостное зрелище представляло множество раненых, которые длинными рядами лежали вдоль домов и тщетно надеялись, что их увезут. Все эти несчастные были обречены на смерть»[1034].

«Надо было видеть, какое впечатление произвело сие на войско! На поле сражения солдат не раз видит остающихся товарищей и извиняет иногда недостаток средств к их спасению. В Москве же — все способы успокоить раненого воина, жизнью жертвующего для спасения отечества, и между тем в Москве, где в гордых, под облака возносящихся чертогах спит сладким сном

богач, в неге вкушая покой, воин, который твердой грудью своей защищал богача, кровью омывает последние ступени его чертогов или последние истощает силы на каменном помосте двора его!»[1035]

Граф Воронцов, раненный на Семеновских флешах, распорядился снять с телег огромного обоза свое подготовленное к вывозу из Москвы имущество и загружать их ранеными — но эти три с половиной сотни спасенных были каплей в море… Мы же знаем, что в России людей никогда не ценили.

«Итак, 2-го город без полиции, наполнен мародерами, кои все начали грабить, разбили все кабаки и лавки, перепились пьяные, народ в отчаянии защищает себя, и повсюду начались грабительства от своих… Выходящие из Москвы говорят, что повсюду пожары, грабят дома, ломают погреба, пьют, не щадят церквей и образов, словом, всевозможные делаются насилия с женщинами, забирают силой людей на службу и убивают. Горестнее всего слышать, что свои мародеры и казаки вокруг армии грабят и убивают людей… Армия крайне беспорядочна во всех частях, и не токмо ослаблено повиновение во всех, но даже и дух храбрости приметно ослаб с потерей Москвы…»[1036]

«Мы совсем вышли из опустевшей Москвы, где только в церквах толпился народ…»[1037]

Все пишут разное, но никому нельзя не верить: на улицах огромного города один видит одно, другой — другое; чей-то маршрут пролегал мимо церквей, кому-то пришлось ехать рядом с кабаками. Только совмещение всех фрагментов может дать реальную картину произошедшего…

«Наступил час вечерен. Колокола молчали. Узнав, что ночные удальцы московские, говоря просто, собирались ухнуть на добычу и на грабеж, расторопный граф Ростопчин приказал запереть колокольни и обрезать веревки. Вдруг, как будто бы из глубокого гробового безмолвия, выгрянул, раздался крик: "Французы! Французы!" К счастью, лошади наши были оседланы. Кипя досадою, я сам разбивал зеркала и рвал книги в щегольских переплетах… С конным нашим запасом, то есть с сеном и овсом, поскакали мы к Благовещению на Бережки. С высоты их увидели Наполеоновы полки, шедшие тремя колоннами. Первая перешла Москву-реку у Воробьевых гор, вторая, перейдя ту же реку на Филях, тянулась в Тверскую заставу, третья, или средняя, вступала в Москву через Драгомиловский мост… У Каменного моста, со ската кремлевского возвышения, опрометью бежали с оружием, захваченным в арсенале, и взрослые, и малолетние. Дух русский не думал, а действовал»[1038].

«При вступлении в Москву авангард Мюрата смешался с

казаками нашего арьергарда. Французы были поражены безлюдностью города и по пустым улицам приближались к Кремлю. Человек 500 простонародья захватили в арсенале оружие и заняли Никольские ворота, желая преградить путь неприятелю к соборам и царским чертогам; французы двинулись к арсеналу, откуда их встретили выстрелами, так что Мюрат велел выстрелами из орудия разогнать толпу. Один крестьянин кинулся на офицера, бывшего при орудии, прикладом раздробил ему череп и зубами начал рвать ему лицо; конечно, неизвестный герой пал тотчас, в свою очередь, мертвым»[1039].

«Молча, в порядке, проходим мы по длинным, пустынным улицам, глухим эхом отдается барабанный бой от стен пустых домов. Мы тщетно стараемся казаться спокойными, но на душе у нас неспокойно: нам кажется, что должно случиться что-то необыкновенное. Москва представляется нам огромным трупом; это царство молчания…»[1040]

«Французам потребовалось 12 недель для того, чтобы от Ковно дойти до Москвы; из выступивших из Ковно свыше 280 тысяч человек достигло Москвы не более 90 тысяч человек»[1041]. Можно сказать, что до Москвы Великая армия дошла на последнем издыхании… Хотя для русских это вряд ли было утешением.

* * *

«Милорадович выехал за город и вдруг увидел двух польских улан, а за ними конницу, двигавшуюся наперерез Рязанской дороги; он тотчас поскакал к польским уланам. Удивленные появлением русского генерала, они остановились и на вопрос: "Кто ими командует?" — почтительно отвечали, что начальник их генерал Себастиани, едущий вслед за ними. Милорадович понесся по направлению, где должен был встретить французов, и увидел Себастиани, который был с ним коротко знаком в Бухаресте и радостно вскричал: "Bonjour, cher Miloradovitz!"[1042] — "Ce ne sont plus les beaux jours de Bucarest[1043], — отвечал Милорадович. — Вы поступаете вопреки народному праву. Я условился с Неаполитанским королем о свободном выходе арьергарда из города, а ваши войска уже заслоняют дорогу". — "Я не получил от короля никакого уведомления, — отвечал Себастиани, — но, зная вас, верю вашему слову". Он приказал дивизии остановиться параллельно Рязанской дороге, по которой свободно прошли последние войска арьергарда и обозы»[1044].

Штабс-ротмистр Акинфов представляет все по-иному: «Узнав

от меня, что аванпостами командует Себастиани, которого Милорадович знал по случаю проезда его из Константинополя чрез Бухарест, он сам поехал к неприятельским аванпостам, спросил генерала Себастиани и, обрадовавшись друг другу, предложил ему не проливать крови в день их свидания и что он так отступит 4 версты. Не смею утверждать справедливости этого, быв тогда во фронте, а не при Милорадовиче, но знаю, что мы точно отступили с арьергардом 4 версты, продневали без сражения и даже целый день не садились на лошадей…»[1045]

«Милорадович, искусно и мужественно… отстояв Москву от ускоренных движений неприятеля, остановился в Панках, на Рязанской же дороге»[1046]. «Дорога и поля были загромождены экипажами. Тысячи карет, колясок, фур, телег теснили друг друга, спеша от неприятеля…»[1047]

Казалось, что все уже осталось позади…

«Часу в пятом я прошел через город и, расположившись в нескольких верстах от оного, от усталости вошел в избу и лег, — рассказывал Михаил Андреевич. — Но через несколько минут вбежал ко мне генерал Панчулидзев[1048], объявив, что два командуемых им полка драгун едва вышли из заставы, как их окружили неприятели, и что они находятся теперь позади неприятельской цепи. Я послал к генералу, командующему французским арьергардом, требовать их освобождения, но вдруг потом сел сам на лошадь и поскакал вперед. Я проехал неприятельскую цепь без одного адъютанта и без трубача к великому удивлению находившихся тут польских войск, которые смотрели на меня с изумлением…

Я громко требовал начальствовавшего тут генерала. Явился Себастиани, которого я знавал в Бухаресте, начал говорить, что Франция и Россия должны жить всегда согласно и в мире, но я ему отвечал, что нельзя думать о прекращении войны, видя Москву в руках французов: и едва окончил слова сии, как скомандовал нашим драгунским полкам "по три направо" и вывел их за нашу цепь, равно и множество тянувшихся тут частных обозов»[1049].

Есть несколько свидетельств как про первую, по выходе из Москвы, так и про эту встречу Милорадовича и Себастиани. Хотя возможно, что очевидцы, за давностью лет и множеством последующих событий, разделили одно свидание пополам… Ведь сам Михаил Андреевич о первом свидании Михайловскому-Данилевскому не рассказывал. Что ж, очередная легенда…

«Мы могли видеть, как через заставы, расположенные в стороне от нас, из пустеющей Москвы непрерывной вереницей тянулись небольшие русские телеги, причем в эти первые часы

французы их не тревожили… Далее, мы отсюда наблюдали, как в крайних предместьях Москвы уже в нескольких местах подымались столбы дыма, являвшиеся, по мнению автора, следствием господствовавшего там беспорядка…»[1050]

Войска только покидали Москву, а там, по свидетельству Карла Клаузевица, уже начинался пожар. Масштабов грядущей трагедии еще никто не мог предполагать — и французам, мнившим себя победителями, и отступающим русским войскам казалось, что наконец-то наступило долгожданное затишье…

«На другое утро в седьмом часу поскакал он [Милорадович] на аванпосты и там согласился с своим приятелем [Себастиани] приостановить действия до 7 часов вечера. Но как в это время было уже совершенно темно и луна не светила, то в существе армия выиграла еще целые сутки, а всего 36 часов, в продолжение которых совершено отступление со всеми огромными обозами и парками, прикрыв вместе и спасавшихся с достоянием своим московских жителей. И этим Россия обязана бессмертному подвигу Милорадовича. Фанфаронство, составлявшее черту в характере его, внушило ему мысль к спасению армии. Провидение употребляет иногда слабости и самые пороки людей для достижения великих целей своих…» — констатировал Щербинин[1051].

Да, характер графа Милорадовича был весьма сложен и противоречив — но армия-то была спасена!

«2 [сентября]. Наконец, оставив город, генерал Милорадович с арьергардом расположился в виду оного пред селением Карачаровым… Главная квартира была в селе Жилине. В ночь начался пожар в городе…»[1052] «Я проходил Москву в арьергарде Милорадовича и в ту же ночь видел ее в пламени»[1053]. «Мы увидели громадные столбы дыма, а вслед за этим целое море огня. Москва пылала, объятая пламенем со всех сторон»[1054].

«В Москве осталось много имущества артиллерийского депо, которого нельзя было поднять за отсутствием подвод. Также остались в Москве 608 старинных русских и 453 турецких и польских знамен и более 1000 старинных штандартов, значков, булав и других военных доспехов; почти все они сгорели»[1055].

Оставим историкам спорить, кто именно спалил Москву, но подтвердим, что Кутузовский план выполнялся неукоснительно.

А вот какую благостную картину воспроизвел князь Голицын: «Будучи отправлен к Милорадовичу, я догнал главную квартиру на привале, под вечер, уже в деревне Лом. Первый раз зарево Москвы было нам так видно; Кутузов сидел и пил чай, окруженный мужиками, с которыми говорил. Он давал им наставления, и когда с ужасом говорили они о пылающей Москве,

то, ударив себя по шапке, сказал: "Жалко, это правда, но подождите, я ему голову проломаю". Кутузов на другой день старался собрать усталых и, не дожидаясь более одних суток, перешел в Красную Пахру, на среднюю Калужскую дорогу… В Пахре главная квартира была несколько дней; тут расстался с армией Барклай-де-Толли, на место которого назначен был Тормасов»[1056].

Удивительна психология русского человека! Кутузов сдал Москву и тут же преспокойно «давал наставления» мужикам. Барклай спас армию, но «…во время проезда его через Калугу толпа выбила стекла в его карете и кричала: "Смотрите, вот едет изменник!"»[1057] Почему?!

Михаил Илларионович выполнял свой тайный план, Михаил Богданович, взяв по болезни отпуск, уехал в свое имение, а Михаил Андреевич продолжал руководить арьергардом, и легче ему ничуть не стало.

«Армия наша совершенно спокойно дошла до селения Красной Пахры, но, нашедши позицию неудобной, следовала далее на Вороново и далее до Тарутина. Арьергард расположился в селе Красной Пахре, наблюдаемый до того весьма слабым, ничего не предпринимавшим неприятелем, и потому довольно оплошно размещены были передовые наши посты. Не были высылаемы разъезды. Недалеко от лагеря, отделенного непроходимым оврагом, находился прекрасный господский дом с обширным садом…»[1058]

«Господский дом был впереди лагеря. Удобность жилья и отдаленность неприятеля побудили Милорадовича расположиться в доме. Два полка башкирские «les amours du Nord»[1059], как называли их французы, находились далеко впереди дома этого по направлению вправо, откуда должно было ожидать появления неприятеля. Милорадович считал себя обеспеченным. Однажды утром, когда он еще не был одет, он видит из окна французских уланов, разъезжающих позади низкой каменной ограды, окружавшей сад. Адъютант Юнкер бросился пеший с частью эскорта занять неприятеля, между тем как другие седлают лошадей. Французы в недоумении медлят атакой. Тем временем Милорадович со всем штабом и эскортом спасаются. Амуры неизвестно куда улетели, не дав даже выстрела.

Неприятель начал большими силами теснить арьергард, который отошел на один марш, между тем как отступила несколько еще и главная армия»[1060].

Все обошлось, хотя Милорадович проявил удивительное легкомыслие.

«Армия, отошед от города 15 верст, остановилась и пребыла в

сем положении трое суток. Между тем на аванпостах происходили малые сшибки, и обозы беспрестанно тянулись на Боровской перевоз. Посем отошли к селу Кулакову, переправясь через Москву-реку на Боровском перевозе»[1061].

«Тотчас после прохода через Москву генерал Милорадович покинул арьергард, командование которым перешло к генералу Раевскому; состав арьергарда тоже подвергся изменению, вследствие чего автор вернулся в распоряжение главной квартиры», — пишет Карл Клаузевиц[1062].

Покинул арьергард и прапорщик Щербинин. «На рассвете 4 сентября изготовил Милорадович рапорт князю Кутузову о положении дел в арьергарде. Я вызвался везти его. Мне становилась нестерпима временная командировка моя. Целую неделю я питался только чаем. У Милорадовича стола не было. Его наперерыв откармливали Сипягин и Потемкин…»[1063]

Как раз в эти дни произошел следующий романтический эпизод: «Во время опустошения неприятелем окрестностей Москвы генерал Милорадович узнал, что вблизи находится деревня графини Анны Алексеевны Орловой-Чесменской[1064]. Чувствуя уважение к славному герою века Екатерины II, Милорадович закрывал совершенно войсками своими деревни ее, спас от разорения мирных обывателей и не допустил врага попрать могилу знаменитого победителя. Признательная дочь принесла герою достойную благодарность, подарив драгоценную саблю, подаренную Великой Екатериной отцу ее, графу Алексею Григорьевичу, за истребление турецкого флота при Чесме»[1065].

Однако сабля была подарена позднее, и мы о том расскажем в свое время.

«Отдача Москвы французам поразила умы. Солдаты предались унынию. В самом деле, странно, каким образом, после столь постыдного, три месяца длившегося отступления, столицей Вашей овладел доведенный до крайности неприятель… Генералы в бешенстве, а офицеры громко говорят, что стыдно носить мундир. Солдаты уже не составляют армии. Это орда разбойников, и они грабят на глазах своего начальства… Расстреливать невозможно: нельзя же казнить смертью по несколько тысяч человек на день? Всюду каверзы. Беннигсен добивается главного начальства. Он только и делает, что отыскивает позиции в то время, когда армия в походе. Он хвастает тем, что один говорил против оставления Москвы, и хочет выпустить о том печатную реляцию… Князя Кутузова больше нет — никто его не видит; он все лежит и много спит. Солдат презирает его и ненавидит его…» — так описывал происходящее граф Ростопчин в своем письме императору[1066].

Глава седьмая. «DU SUBLIME AU RIDICULE…»

Император Наполеон в то время еще не уразумел, а потому и не сказал знаменитое свое «Du sublime au ridicule il n'y a qu'un pas»[1067], однако жизнь чередовала события именно таким образом. После трагической сдачи Москвы последовало одно из самых оригинальных приключений Милорадовича — оно не только стало известным России и Европе, но и вошло в историю 1812 года.

Ожидая начала переговоров, французы не оставляли русскую армию в покое, и она постоянно находилась в боевом соприкосновении с противником. Говоря, что Милорадович покинул арьергард, Клаузевиц не совсем точен: достаточно многочисленный замыкающий отряд был разделен пополам, и Михаил Андреевич оставался его главным командиром. Под его началом собралась когорта замечательных генералов.

«Пехотой арьергарда командовал принц Евгений Виртембергский, деливший с солдатами труды военные, и столь же уважаемый за свою блистательную храбрость, сколько любимый за кротость в обращении. Имея в предмете одну службу и исполнение обязанностей, он, казалось, вовсе не помнил о своем высоком роде»[1068].

«После Бородинского сражения Корф[1069] с предводимыми им войсками поступил в арьергард Милорадовича и командовал всею его конницей до прибытия Кутузова в Тарутино… Корф имел несколько блистательных дел с французами»[1070].

«Костенецкий[1071] был усердным помощником Милорадовича в арьергардных делах от Можайска до вступления русской армии в Тарутинский лагерь»[1072].

«Редкий день проходил в отряде Милорадовича без боя и самого деятельного участия Потемкина в огне. Самым усердным помощником Милорадовича являлся всюду Потемкин, и когда войска арьергарда по ночам покоились, он бодрствовал, занимаясь с Милорадовичем, не знавшим сна и покоя, распоряжениями к наступавшему дню… Везде войско видело Потемкина впереди, везде ревностным исполнителем повелений Милорадовича, бывшего повелителем храбрейших»[1073].

Так писал историк и участник событий. Но это — только первые лица, а ведь были еще и командиры дивизий, командиры бригад, шефы полков…

Приказание от 4 сентября 1812 года: «Имею честь донести,

что его светлость, определив завтра с армией следовать фланговым маршем, не может согласиться, чтобы весь арьергард перешел на сей берег реки, ибо неприятель без затруднения откроет движение наше и тем предприимчивее действовать будет, дабы, отвлекая в подкрепление арьергарда, умедлить скорость движения. Его светлость предлагает, буде необходимо не нужно будет оставаться всем войскам на той стороне, 8-й корпус переправить за реку, а войскам, собственно арьергарды составляющим, остаться на том берегу и сколько можно долее… Армия прежде 6 часов не сойдет с лагеря так, чтобы не приметно было ее движение, а потому и присутствие неприятеля должно быть елико возможно до некоторого времени удалено…

Начальник главного штаба генерал-майор Ермолов»[1074].

Согласно плану, разработанному еще до сдачи Москвы и хранившемуся в глубочайшей тайне, русская армия должна была оторваться от неприятеля, дезориентировав его относительно направления своего движения.

«После совета *[в Филях]* был призван военный полицмейстер армии Шульгин[1075] и дано ему повеление всех гнать на Рязань. Другое еще лицо было вытребовано: генерал-интендант Ланской[1076]. "Распорядись продовольствием" — были слова Кутузова. "Но куда мы пойдем? На Рязань трудно, ибо все запасы наши — по другому направлению, около Калуги, которая, по всему, есть центральный пункт". — "А разве тут на Рязань ничего нет?" — "Быть — будет, если прикажете, но жалко и опасно, как бы то не пропало и долго до нас не дойдет". — "Подумаю, ты приди ко мне завтра, когда мы придем на место". К этому краткому разговору и к мысли, изъявленной еще на Бородинской позиции, нужно отнести весь концепт флангового марша на Подольск и дальнейшие действия.

Это одно поставляет Кутузова на ряду первейших полководцев, ибо соображения и исполнение оных превосходны»[1077].

«Из Москвы мы пошли сначала на Рязань, но после двух переходов по этому пути свернули проселком на старую Калужскую дорогу. Теперь стало ясно, чего хочет наш светлейший, — загородить неприятелю путь в южные, богатые хлебом губернии»[1078].

Судьба армии вновь оказалась доверена Милорадовичу. Думается, что вряд ли кто из наших военачальников смог бы совершить то, что сумел сделать он, ибо кроме первостепенных командирских качеств и боевого опыта, тут нужен был еще и тот самый дерзкий, авантюрный характер, за который упрекали Михаила Андреевича иные современники. Надолго, очевидно,

засело в памяти у генерала дело при Мельке в 1805 году, когда излишней своей доверчивостью он не только провалил хитроумный кутузовский план, но и чуть было все не сгубил — теперь условия были примерно те же.

«3 сентября Милорадович стоял еще с арьергардом в Вязовке и имел разговор с Мюратом»[1079]. Вот что рассказывал он Михайловскому-Данилевскому: «Я устроил арьергард в боевой порядок и, объезжая передовую цепь, увидел впервые Неаполитанского короля: сближаясь понемногу, мы подъезжали друг к другу. "Уступите мне вашу позицию", — сказал он. "Ваше величество", — отвечал я. "Я здесь не король, — прервал он, — а просто генерал". — "Итак, г-н генерал, — продолжал я, — извольте ее взять, я вас встречу. Полагая, что вы меня атакуете, я приготовился к прекраснейшему кавалерийскому сражению: у вас конница отличнейшая, а сегодня решится, которая лучше, ваша или моя: местоположение для конного сражения выгодно, только советую вам с этой стороны не атаковать, потому что здесь болота". И после сего я повел его туда, что его крайне удивило»[1080].

Чтобы решиться на такой контакт, надо было пользоваться воистину бешеной популярностью у своих солдат. В те дни, когда в воздухе буквально витало слово «измена» — в предательстве подозревали не только Барклая, но и самого Кутузова, — военачальник, встречающийся с противником за передовой цепью, мог даже поплатиться жизнью. Понятно, что встреча происходила не на виду у всей армии, но ведь хоть кто-то да видел, и, значит, слух о ней должен был разлететься по всем полкам в считаные часы.

«На следующий день противники опять съехались в передовой цепи, и Мюрат предложил арьергарду отступить без боя; на это Милорадович ответил отказом и, в свою очередь, предложил Мюрату личным осмотром убедиться в причине такового…»[1081] — обрываем историка на полуслове, ибо дальше следует вообще фантастический эпизод, о котором лучше расскажет лично Милорадович: «…поехали мы через нашу цепь: король немного оробел и оглянулся на свиту свою, оставшуюся позади. "Не бойтесь ничего, — сказал я, — вы здесь безопасны"…

Я показал ему часть моей позиции, он просил меня уступить ему часть деревни, бывшей впереди оной, а потом всю деревню, на что я согласился»[1082].

«Милорадович уступил деревню, удерживать которую не представлялось необходимым…»[1083] Но когда маршал хотел проехать далее упомянутой деревни, Михаил Андреевич его удержал, «…указав ему на наших гренадер, сказал, что этим

храбрым солдатам неприятно будет, есть ли они увидят нас вместе»[1084].

Ну да, будто бы гренадеры не узнавали их издалека или с кем-то путали!

«Генерал Милорадович не один раз имел свидание с Мюратом, королем Неаполитанским. Из разговоров их легко было заметить, что в хвастовстве не всегда французам принадлежало первенство. Если бы можно было забыть о присутствии неприятеля, казалось бы свиданье их представлением на ярмарке или под качелями. Мюрат являлся то одетый по-гишпански, то в вымышленном преглупом наряде, с собольей шапкой, в глазетовых панталонах. Милорадович — на казачьей лошади, с плетью, с тремя шалями ярких цветов, не согласующихся между собою, которые, концами обернутые вокруг шеи, во всю длину развевались по воле ветра. Третьего подобного не было в армиях!»[1085]

Итогом этих встреч и переговоров было то, что начальник французского авангарда напрочь потерял бдительность, чем и воспользовался начальник русского арьергарда: отходящая армия оторвалась от противника и… исчезла! Неаполитанский король был одурачен, обведен вокруг пальца, выставлен на всеобщее посмешище! Вот уже действительно, «du sublime au ridicule…». Свершить подобное было под силу только Милорадовичу, к которому маршал Мюрат не мог не проникнуться доверием всей душой, ибо, как уже сказано, «третьего подобного не было»… При этом француз не мог не отдать должного воинскому искусству русского арьергардного начальника, и по этой причине их последующие отношения оставались столь же доверительны.

«7 *[сентября]*. Армия продолжала свое движение на старую Калужскую дорогу и заняла лагерь при деревне Красной Пахре на левом берегу реки Пахры. Генерал Милорадович, оставив полковника Ефремова с значащим отрядом кавалерии и частью пехоты на правом берегу реки Москвы при Боровском перевозе, дал ему повеление на случай приближения неприятеля отступать к Бронницам и тем заставить его думать, что главная наша армия отступила в сем же направлении. Сам же генерал Милорадович со вверенным ему арьергардом двинулся скрытно влево, распространяясь партиями своими по разным дорогам, ведущим к Москве, по которым никакого не открыл неприятеля»[1086].

Так начинался знаменитый Тарутинский маршманевр, в результате которого французы оказались фактически заперты в полусгоревшей, окруженной «летучими отрадами» Москве, а русская армия получила возможность отдохнуть, организоваться, пополнить свои ряды и подготовиться к переходу в наступление.

Противник никак не мог ожидать, что отступление наших войск будет осуществляться в западном направлении — навстречу его движению. Но при отсутствии сплошного фронта подобный маневр стал вполне возможным.

«Тем временем, когда вся армия наша пробиралась от Боровского моста к городку Подольску и Красной Пахре, на Рязанской дороге пред французским авангардом оставался один Донской полк, отступавший по Коломенскому тракту в таком порядке, как следовало прикрывать арьергард большой армии ретировавшейся. Король Неаполитанский Мюрат, туразя за этим казацким полком, оказал весь свой мишурный гений, подобный его театральному наряду. Наконец, 5 сентября и тех потерял из виду, ибо они рассеянно отлетели в сторону своей армии к Серпуховской и Калужской дорогам, оставив Рязанскую чистой; так что после такого достославного преследования армии русской, состоявшей из нескольких сотен казаков под предводительством войска Донского полковника Ефремова, он, Иоахим Мюрат, медлил полтора суток, не зная, куда девалась наша армия и что с ней…»[1087]

«До сих пор получаю я сведения об успехе моего фальшивого движения, ибо неприятель последовал частями за казаками, — доносил Кутузов Александру I. — Сие дает мне ту удобность, что завтра армия, сделав фланговый же марш 18 верст на Калужскую дорогу и послав сильные партии на Можайскую, весьма озаботить должна тыл неприятельский. Сим способом надеюсь я, что неприятель будет искать мне дать сражение, от которого на выгодном местоположении равных успехов, как при Бородине, я ожидаю»[1088].

«Неизвестность направления, избранного князем Кутузовым, озабочивала Наполеона, и он не трогал своей армии из окрестностей Москвы»[1089].

* * *

«Тут светлейший решился, сделав фланговый марш, закрыть Калужскую дорогу, по которой шли к нам транспорты с продовольствием. Переход сей, несмотря на близкое расстояние неприятеля, совершен был беспрепятственно, и армия, остановясь несколько времени в Подольске, достигла Красной Пахры, принадлежащей графу Салтыкову. Тут, выбрав позиции, укрепились, имея авангард свой, разделенный на две части, под командою однако же г-на Милорадовича; одна из оных заняла селение Мостовое на реке Десне, а другая — на Пахре, близ

деревни, принадлежащей г-ну Мамонову, на дороге от Подольска. Во все время отступлений передовые наши посты беспрестанно брали пленных без малейшей с нашей стороны потери. От Красной Пахры отступила армия к Воронову и потом к Тарутину за реку Нару, где по сие время обретается»[1090].

Противник потерял русские войска всерьез и надолго: 10 сентября Наполеон был вынужден направить на поиски исчезнувшего противника корпуса Понятовского и Бессьера[1091], подчинив их маршалу Мюрату… В конце концов французам удалось настичь отступающих — это были не основные силы, но арьергардные отряды генерала Милорадовича, имевшие целью связать неприятеля боем, дезориентировать и задержать его продвижение. 17 сентября арьергард дрался под Чириковым, 19-го и 20-го —близ Вороново, 21-го—у Винькова, 22 сентября — при Спас-Купле или Чернишне…

«В день моего приезда мы имели жаркое арьергардное дело с Мюратом, под Чириковым… В продолжение сражения Милорадович повернулся ко мне с намерением что-то приказать, как в то же мгновение пролетело мимо него ядро так, что если бы он остался в прежнем положении, то был бы непременно им поражен. "Je vois que Vous me portez bonheur"[1092], — было его первое ко мне слово. Приязнь и доверенность его с этой минуты меня не оставляли», — вспоминал вновь возвратившийся к арьергарду поручик Граббе[1093].

«Мы переходим к 18 сентября; ибо к этому только времени, после беспрерывных заблуждений, продолжавшихся слишком две недели по занятии Москвы, французы едва успели открыть прямой след нашей армии, или, лучше сказать, нашего арьергарда, все еще не постигая цели направления той и другого… Генералу Милорадовичу доложили о прибытии парламентера. Это был польский ротмистр; он привел походную повозку графа Альфреда Потоцкого, взятого накануне в плен. Между тем польские фуражиры старались вкрадываться в деревню, лежавшую вблизи передовых наших караулов, но никем не занятую. Заметив это, Милорадович сказал парламентеру: "Вчера поляки дрались очень хорошо! Храбрым людям надобно есть. Скажите вашим, что я позволяю им фуражироваться в этой деревне и не прикажу их трогать". Польский офицер был в восхищении. Но в самом деле дозволено только то, в чем почти нельзя было отказать, ибо арьергард наш, сражавшийся накануне до двух часов ночи, сам имел нужду в отдохновении, и не для чего было заводить драку за пустую деревню. Однако этот поступок сделал большое впечатление на поляков»[1094]. Милорадовича называли «Русским Баярдом», сравнивали с

Ричардом Львиное Сердце, о его благородстве ходили легенды… Сложно, однако, определить, сколько в его поведении было безотчетного порыва, искреннего чувства, и сколько — трезвого расчета, столь необходимого военачальнику. Боевую школу он проходил под знаменами Суворова и Кутузова, людей уникальных и весьма неоднозначных по личным своим качествам. Анализируя его поступки, вызывавшие восхищение и удивление даже у противника, видишь, что и в самых благородных порывах Михаил Андреевич не поступал вопреки интересам службы и Отечества. Хотя, быть может, это также определялось исключительно рыцарскими свойствами его натуры, а не каким-то тайным расчетом…

«Милорадович завязал жаркое дело с Мюратом, который несколько раз переменял пункт атаки, но не имел успеха и к вечеру отступил немного. На следующее утро Милорадович объезжал войска и, сжалясь над неприятельскими ранеными, лежащими на поле сражения, позади нашей передовой цепи, поскакал к французским пикетам и сказал им, что позволяет перевезти раненых и прислать подводы за ними. Мюрат пригласил Милорадовича на свидание, благодарил его за попечение о раненых и завел речь о прекращении войны; но едва намекнул он, что пора мириться, — получил от Милорадовича следующий ответ: "Если заключим теперь мир, я первый снимаю с себя мундир"»[1095].

Хотя, кто его знает, что было на самом деле, что — додумано, а что могло являться просто позой…

«Под Вороновым авангард наш стоял в боевой осторожности. Но к нам всякий день приводили пленных, которые шли к нам в сети, не ожидая встречи с нами на коммуникационной своей линии. Милорадович принимал их милостиво и щедро дарил на словах деньгами и всеми потребностями. В один день он приказал мне напоить и накормить приведенную партию пленных и дать им по червонцу на брата. Не зная еще манеры Милорадовича, я говорю его дворецкому: "отпустите им все назначенное". Но дворецкий, улыбаясь, сказал мне:

— Вы всякий день будете иметь подобные приключения, и если по неосторожности употребите свое, то в век не получите назад. Наш генерал не имеет сам ни гроша, и часто бывает, что он, после сильных трудов, спрашивает поесть. Но как чаще всего у нас нет ничего, то он ложится и засыпает голодный без упрека и без ропота»[1096].

«Генерал от инфантерии Милорадович, проникнув в замыслы неприятеля и имея в тылу своем трудную переправу, приказал всей пехоте отступить за село Вороново, а кавалерии стараться

удерживать стремление неприятеля, что генерал-адъютант барон Корф и исполнил с большим успехом, невзирая на сильные неприятельские батареи, и ввечеру только отступил к селению Воронову, близ которого устроив на выгодных местах свою артиллерию, воспретил неприятелю следовать далее»[1097].

«В этот день пуля сшибла эполет Милорадовичу. Он, не переменяя ни вида, ни тона, провозгласил только: "итак, наконец, первый раз в моей жизни, осмелилась пуля прикоснуться ко мне", указывая на свой эполет»[1098].

Но есть воспоминания и совсем иного толка: «Одна неприятельская батарея вредила нашей коннице. Милорадович хотел ознаменовать свое появление в дело овладением орудий. Каким-то глупым, гнусливым и осиплым голосом приказал он одному эскадрону Литовского уланского полка скакать через лес и взять неприятельскую батарею; но эскадрон этот состоял всего из 30 человек, чего Милорадович не предвидел, и потому, увидя горсть всадников, тронувшуюся в лес для овладения орудиями, он приказал всему полку атаковать. Полк пустился, но в нем было не более 200 человек. Тогда Милорадович приказал еще казачьему полку за ними следовать… Милорадович никак не предполагал, чтобы неприятель догадался занять лес стрелками для защиты своей артиллерии от внезапного нападения… Французы свезли свою батарею. Литовцы сами возвратились с уроном»[1099].

Можно понять, что Муравьев-Карский Милорадовича очень не любил, а почему — не знаем. Нас гораздо больше волнует вопрос, насколько он объективен.

«В "Записках Н.Н. Муравьева (Карского)", помещенных в "Русском архиве", много говорится о графе Михаиле Андреевиче Милорадовиче, и эти места "Записок" произвели на нас неприятное, удручающее, гадливое впечатление.

Автор "Записок", бросающий здесь комьями грязи в легендарного героя русского народа, — сам крупный, даже весьма крупный государственный деятель… И вдруг этот *суровый* воевода, в своих "Записках" топчет в грязь, унижает, как будто силится сорвать ореол славы с героя, которого почти сто лет чтило, — нет, этого мало — боготворило три поколения и боготворит большинство четвертого — который, воистину, богатырь народный»[1100].

…Есть, впрочем, свидетельство, что бой при Воронове Михаил Андреевич до конца не довел. «Храбрость считал он идеалом добродетели. Потому, не любя лично князя Багратиона, он уважал его и был глубоко поражен его смертью. Известие о кончине князя Багратиона получил Милорадович во время арьергардного дела близ села Воронова. Он прослезился и, чего

никогда с ним не случалось, уехал с поля сражения, не дождавшись окончания дела. Весь тот вечер он был мрачен, исчислял подвиги князя Багратиона и не переставал хвалить его, хотя издавна находился с ним во вражде»[1101].

Вопреки всей сложности их взаимоотношений, историческая память народа объединяла имена этих двух героев:

«Он *[Милорадович],* кажется, такого же благородного и неустрашимого свойства, как и достойный вечного сожаления друг его Багратион»[1102].

«Между тем уже отыскана и занята была знаменитая позиция у села Тарутина. Армия расположилась на оной, но искусство не успело еще сделать ее неприступною. Для сего нужно было время, а неприятель, получив новые подкрепления, напирал с сильным стремлением. Должно было положить предел его дерзости, и фельдмаршал поручил сие сделать генералу Милорадовичу»[1103].

«Милорадович при отступлении подвергся сильным нападениям Мюрата при Воронове и Спас-Купле, причем обе стороны приписывали успех в деле себе: Мюрат потому, что подался вперед, а Милорадович — что отступил в порядке.

22 сентября Мюрат в третий раз атаковал Милорадовича у Винькова, но также безуспешно и должен был даже отступить. Милорадович остался на позиции, прикрывая, таким образом, Тарутинский лагерь»[1104].

«22 сентября… показывается авангард французов в числе 30 тысяч пехоты и кавалерии к деревне Чернышне, впереди оной стоял также отряд русский в числе одного 4-го корпуса под командой Милорадовича; неприятель был встречен российской батареей; ни превосходство их сил, ни жестокий огонь их артиллерии и ни напор их егерей не могли сдвинуть с места русских! Егеря наши, сошедши к ним в кусты, брали их штаб- и обер-офицеров в плен, по большей части их ранивши штыками; так и до вечера удержали за собой место, и от оного уже неприятелю не удалось более следовать вперед, ибо сзади оного в пяти только верстах находилось и Тарутино, где вся армия стояла»[1105].

И опять — «du sublime au ridicule»: «Никто из генералов не дразнил так французов, как удалый авангардный начальник. Милорадовичу только там и весело, где свистят пули; его всякий раз встречали и провожали с пальбою, а он все-таки оставался целехонек. Ну правда, Милорадович говорил, что его и смерть боится. Мюрат был храбр, а все за Русским Баярдом не угоняется. Мюрату в каком-то деле вздумалось под выстрелами русских часовых кушать кофе. Милорадович выехал также за нашу цепь; на ту пору пули посыпались на него со всех сторон, но не

помешали ему заметить удальство Неаполитанского короля. "Бог мой! — вскричал он. — Что это? Уж не хочет ли Мюрат удивить русских?.. Стол!., и прибор!.. Я здесь обедаю"»[1106].

Давно ли рассказывали про обед под ядрами французских батарей на поле Бородина — в пику Барклаю? Есть ли хоть сколько-то правды в этих легендах? Но что стоит отметить — современники упорно связывают имена Милорадовича и Неаполитанского короля. Вот что писал тогда сэр Роберт Вильсон[1107], британский представитель при штабе князя Кутузова:

«Мюрат приезжал первоначально на форпосты для свидания с генералом Беннигсеном, который нескромным образом подал к тому повод. С тех пор виделся он случайно с генералом Милорадовичем, который командует нашим авангардом; он питомец Суворова и сотоварищ незабвенного Багратиона.

Мюрат говорил, сколько нужен мир, и что он лично желает оного как король, долженствующий управлять своим государством. Милорадович отвечал: "Сколько вы желаете мира, столько мы желаем продолжения войны; впрочем, если бы и император захотел, то русские не захотят, и правду сказать, я на их стороне". Мюрат заметил на то, что можно будет искоренить предрассудок народный. "О! нет, — отвечал Милорадович, — не в России, у нас народ страшен, он в ту же минуту убьет всякого, кто вздумает говорить о мирных предложениях"… Нет человека, способнее иметь переговоры с сими людьми, как Милорадович. Уловки его дают ему превосходство над Мюратом, а отличная его храбрость и неограниченная доверенность к нему войска заставляют самого неприятеля иметь к нему уважение»[1108].

Приятно читать такой отзыв — особенно после всех тех гадостей, что сэр Роберт писал про светлейшего князя Кутузова…

* * *

Марш-маневр завершился 21 сентября, когда под прикрытием арьергарда главные силы беспрепятственно достигли находившегося на берегу реки Нары села Тарутина, в 84 километрах от Москвы, где был создан укрепленный лагерь.

«Армия вступила на позиции при Тарутино, начали делать флеши, о чем генерал Беннигсен отдал приказ еще вчера вечером. После полудня была слышна сильная канонада в арьергарде, которым командовал генерал от инфантерии граф Милорадович. Мы потеряли мало людей и ни одного офицера. Она закончилась в нашу пользу. Было взято в плен четыре сотни французов. Огонь

прекратился лишь с окончанием дня. Ночь прошла совершенно спокойно, мы плотно поели», — записал в дневнике прапорщик Николай Дурново[1109]. Из последней фразы можно понять, что, как говорится, жизнь налаживалась…

«22-го числа в армии при селении Тарутино производились земляные работы для укрепления позиции. Неприятель с жестокостью возобновил атаки против нашего авангарда; генерал Милорадович отражал их мужественно. Невозможно было уступить одного шагу, ибо позади на большое пространство к стороне лагеря продолжающаяся покатость оканчивалась речкой, и неприятель, овладевши возвышениями, мог видеть всякое движение в нашем лагере, а по речке расположив передовые посты, препятствовать водопою. Во время сражения со стороны нашей сохранен был отличный порядок. Неприятель, переменяя направление атак своих, всегда был предупреждаем силами соразмерными, которые, соединясь с чрезвычайной быстротою, не допустили воспользоваться малейшей выгодой; резервы не вступали в дело. Генерал-майор Шевич[1110], с искусством распоряжаясь кавалерией на правом фланге, выиграл даже некоторое расстояние; французские кирасиры не могли сдержать стремительного нападения нескольких эскадронов гвардейских наших улан»[1111].

Так началось то знаменитое трехнедельное стояние в Тарутинском лагере, которое совершенно различным образом подействовало на две воюющие армии.

«Сентября 23-го главная квартира армии нашей стала в деревне Леташевке, а арьергард — пред левым берегом р. Нары, имея аванпосты у ручья Чернишны, за которым стоял авангард короля Неаполитанского Иоахима Мюрата»[1112].

«Мы стали на Калужском тракте близ деревни Тарутино. Насыпаны редуты и батареи. Войска заняли укрепленный лагерь, можно было наконец не спеша и передохнуть. В лагере открылся настоящий рынок; маркитанты навезли все необходимые для жизни припасы. Начальником арьергарда был генерал Милорадович»[1113].

«На месте, где было село Тарутино, и в окрестностях оного явился новый город, которого граждане — солдаты, а дома — шалаши и землянки. В этом городе есть улицы, площади и рынки. На сих последних изобилие русских краев выставляет все дары свои. Здесь, сверх необходимых жизненных припасов, можно покупать арбузы, виноград и даже ананасы!., тогда как французы едят одну пареную рожь и, как говорят, даже конское мясо! На площадях и рынках тарутинских солдаты продают отнятые у французов вещи: серебро, платье, часы, перстни и проч. Казаки

водят лошадей. Маркитанты торгуют винами, водкой… Отдых, некоторая свобода и небольшое довольство — вот все, что тешит и счастливит военных людей!»[1114]

Отдых — отдыхом, но про войну в этом лагере не забывали ни на минуту.

Из письма Роберта Вильсона лорду Каткарту[1115]. 27 сентября (9 октября):

«Неприятель, находясь прямо против нашей позиции, стоит смирно и подвергается ежедневному огорчению, видя, как казаки таскают фуражиров их — 43 кирасира и карабинера взяты в прошедшую ночь и 51 сегодня поутру.

Маршал Мюрат просил лично генерала Милорадовича, чтоб его кавалерии было позволено фуражировать по левую и по правую стороны французского лагеря, но Милорадович отвечал: "Как можно, чтобы вы лишили нас удовольствия брать, как кур, лучших кавалеристов французской армии?"»[1116]

«Между тем войска под командой генерала от инфантерии Милорадовича, стоявшие во все сие время впереди, всякий день отделяя свои партии, забирали по нескольку сот лучших неприятельских солдат, рассеявшихся по деревням для фуражирования. Квартира генерала сего всегда наполнена была множеством пленных, которых подробно допрашивая, отправляли в главное дежурство. Вот каким образом несметные ополчения Наполеона разрушились сами собою, как огромные глыбы весенних снегов»[1117].

«Здесь был перелом войны. Все успехи, следствие первоначального преимущества неприятеля над нами, были им приобретены, но с тем вместе и истощены. С нашей стороны все неизбежные жертвы были принесены: грозное и твердое отступление, бессмертными битвами ознаменованное, возвысило дух армии; новые подкрепления спешили к ней, отовсюду подвозы всякого рода водворяли и поддерживали изобилие, даже самую роскошь, в лагере, доставившем давно желанный и надежный отдых войскам. Тлевшая уже народная война вспыхнула и объяла истребительным своим малым огнем французскую армию. Партизаны начали свое дело. Каждый день стоит французам не менее трех сот человек при фуражировках… Цель перед Наполеоном убегала недостижимая. Мир — было слово для нас забытое и непроизносимое, непоколебима надежда на твердость Александра. Русский октябрь тешил и обманывал лучшими своими днями сынов Запада и Юга Европы, в сердце раздраженной и поднявшейся России проникших. Попытки вступить с Кутузовым в переговоры обращены в новую для врага сеть хитрым полководцем-дипломатом, которого, по слову

Суворова, и Рибас[1118] не обманет»[1119].

Для переговоров Наполеон избрал генерала Армана де Коленкура, бывшего посла в Петербурге, но герцог Виченцский, изначальный противник этого похода, не отказал себе в удовольствии передать императору слова Александра I, сказанные при прощальной аудиенции: война может быть закончена лишь тогда, когда пределы России покинет последний французский солдат. Переговоры, считал Коленкур, невозможны.

Наполеон желал мира — любой ценой, только бы честь была спасена, как сказал он генералу графу Лористону[1120], отправляя его в ставку русского фельдмаршала. Под «честью», очевидно, он прежде всего имел в виду свою стремительно разваливающуюся армию… В 1811 году Лористон и сменил герцога Виченцского на посту в Петербурге, но не был так близок к царю, как Коленкур, а потому надеялся на успех своего предприятия.

«Французы прислали генерала Лористона, чтобы просить свидания с Кутузовым. Последний поручил князю Волконскому заменить его в этой беседе»[1121].

«Князь Волконский и Лористон, окончив разговор и собираясь уже уезжать, поворачивали лошадей, вдруг встретили с французской цепи Мюрата, а с нашей — Беннигсена и Милорадовича. "Долго ли длиться войне?" — спросил Мюрат. — "Не мы начинали войну!" — отвечал Милорадович. "Как Неаполитанский король, — продолжал Мюрат, — я нахожу, что ваш климат суров!" — После короткого незначительного разговора генералы обоюдных войск возвратились в свои авангарды; на наших аванпостах ежедневно разъезжал Милорадович, рисуясь на стройном коне вдоль своей цепи; то же самое делал Мюрат»[1122].

«Костюм Мюрата был совершенно особенный. Он — в расшитых золотом зеленых панталонах и красных сапогах. Его мундир был также очень богатым. Огромный султан венчал его большую шляпу. Одним словом, он имел вид скорее шута, чем короля. Его свита была одета более благопристойно, но без всякой изысканности»[1123].

Вечером 23 сентября русский главнокомандующий все-таки принял французского посланника. К этой встрече в лагере подготовились основательно: батальоны были рассредоточены на большой площади, повсюду, даже там, где не было никаких войск, горели костры, на ужин солдатам выдали дополнительную винную порцию, было приказано «песни петь и веселиться»… Соответствующим образом подготовился к встрече и Кутузов.

«Мы в первый раз увидели Кутузова в мундире и в шляпе. Эполеты он попросил у Коновницына — его собственные ему

казались не довольно хороши. Но и Петр Петрович был не франт, лучше бы обратиться к Милорадовичу»[1124].

Не сказав посланнику Наполеона ни да, ни нет, Михаил Илларионович очень аккуратно намекнул, что, по его личному мнению, лучше бы «да», и обещал незамедлительно известить Александра I о предложениях французского императора. Французы стали ждать желаемого, тогда как русские нечувствительно поддерживали в них ложную уверенность.

«На другой день совершенное спокойствие в лагере неприятельском заставляло думать, что ожидается прибытие больших сил. Напротив, от сего дня, на некоторое время, без всякого условия, прервались действия, и не сделано ни одного выстрела. Господа генералы и офицеры съезжались на передовых постах с изъявлением вежливости, что многим было поводом к заключению, что существует перемирие»[1125].

«25 [сентября]. Армия остается на позиции при Тарутине. Хотя перемирие не было заключено, командующие авангардами условились между собой прервать военные действия на некоторое время. Неаполитанский король подъехал к нашим аванпостам, не подвергаясь ни малейшей опасности. Милорадович точно так же подъехал к французским»[1126].

Заметим, что русские военачальники бдительности не теряли. «Князь Кутузов не предполагал, что Наполеон атакует Тарутинский лагерь, но тем не менее принимал меры осторожности и по этому поводу писал Милорадовичу: "По случаю теперешнего бездействия можно заключить, что неприятель делает некоторые скрытные приготовления, а как позиция наша окружена большей частью обширнейшими лесами, то желаю, чтоб вы подтвердили казачьим полкам, содержащим передовую цепь и делающим разъезды вправо и влево, сколь можно делать оные далее, подслушивая ночью, не прорубается ли неприятель лесами, делая себе сквозь оные новые дороги"»[1127].

Но Михаил Андреевич и сам не успокаивался: «Генерал Милорадович доставил из авангарда 27-го и 28-го числа пленных 4 офицера и 346 рядовых»[1128].

…Между тем за многими событиями мы совсем потеряли из виду поручика Апшеронского полка Федора Глинку. Пора бы о нем вспомнить!

Выйдя в отставку осенью 1806 года, адъютант Милорадовича поселился в небольшом Смоленском имении Сутоки, привел в порядок свои военные дневники — и через два года они были изданы под названием «Письма русского офицера о Польше, австрийских владениях и Венгрии с подробным описанием похода россиян против французов в 1805 и 1806 гг.». Отставной поручик

начал писать стихи — их публиковал журнал «Русский вестник»; он стал писать статьи — тоже не без успеха… 1812 год перевернул эту творческую жизнь.

Раздался звук трубы военной,
Гремит сквозь бури бранный гром:
Народ, развратом воспоенный,
Грозит нам рабством и ярмом! —

заявил Федор Глинка в стихотворении «Военная песнь, написанная во время приближения неприятеля к Смоленской губернии» — ему определенно нравились длинные названия, сразу же излагавшие всю суть произведения, — и отправился к армии. Глинка писал, что произошло это сразу после того, как он получил послание от полкового шефа. Прочитав письмо на ступеньках своего дома, он, как был, вскочил на коня и, бросив усадьбу и все имущество, в том числе и находившиеся там свои бумаги, поспешил к армии. По дороге Федор наблюдал бой у стен Смоленска; обозревал поле сражения с колокольни церкви Рождества Пресвятой Богородицы в селе Бородине… Затем он сопровождал раненого брата и потому нашел Милорадовича только в Тарутинском лагере… Хотя другой вариант его же рассказа противоречит легенде о «личном вызове»:

«Я приехал сюда также с тем, чтоб непременно определиться в полк. Но мне надо было найти генерала, который, зная прежнюю мою службу, принял бы бедного поручика хотя тем же чином, несмотря на то что все свидетельства и все аттестаты его остались в руках неприятеля и что на нем ничего более не было, кроме синей куртки, сделанной из бывшего синего фрака, у которого от кочевой жизни при полевых огнях полы обгорели. Я пошел к генералу от инфантерии Милорадовичу, живущему в авангарде впереди Тарутинской позиции. Он узнал меня, пригласил в службу; и я уже в службе — тем же чином, каким служил перед отставкой и каким отставлен, то есть поручиком, имею честь находиться в авангарде, о котором теперь гремит слава по всей армии»[1129].

Как оно было на самом деле — не суть важно. Гораздо важнее, что отныне Глинке суждено было находиться при Милорадовиче до последнего его дня.

А в это время из далекого Стокгольма восторженная мадам де Сталь писала светлейшей княгине Екатерине Ильиничне Голенищевой-Кутузовой: «Будьте так добры сказать генералу Милорадовичу, что я готовлю ему лавровый венок, как достойному сподвижнику своего полководца»[1130].

Казалось бы, война замедлила свой ход и даже остановилась в ожидании высочайшего решения. Но это только казалось, потому как ни на день не прекращались боевые действия «малой», партизанской войны, и порой всего один шаг разделял не только великое и смешное, но также жизнь и смерть…

* * *

«Простояли мы около двух недель довольно покойно. Партизаны наши продолжали ловить неприятельских фуражиров, отбирать у них транспорты и уничтожать приходящие отряды на подкрепление. Все крестьяне в окрестностях Москвы были в полном восстании против французов, что ознаменовалось страшными с обеих сторон бесчеловечно-зверскими жестокостями, такими, каким многие, кроме свидетелей, не стали бы верить. Наконец, около конца сентября случилось в присутствии моем любопытное происшествие, имевшее последствия решительные…»[1131] — а далее Александр Муравьев, бывший в 1812 году квартирмейстерским подпоручиком, рассказывает, как однажды поутру он «случился на аванпостах» с казачьими штаб-офицерами — «пили чай»…

«Вдруг видим мы, что на возвышенность поднимается с неприятельской стороны огромная конная толпа, впереди которой находился *Murat,* король Неаполитанский, командующий всем неприятельским авангардом… *Murat,* один, отделясь от своей свиты, выезжает вперед на прекрасной белой лошади, разодетый, в парадном мундире с золотом и длинными белыми перьями на треугольной шляпе. Он въехал на возвышение и, взведя свою зрительную трубу, стал оттуда рассматривать расположение наших войск. Мы все трое с негодованием вскричали в один голос, что это неслыханная смелость и дерзость, и вдруг Сысоев[1132] закричал своему ординарцу: "Лошадь!" Сейчас подвели ему черкесскую его серую лошадь, и он, с одной нагайкой в руках, вскочил на нее и помчался к Мюрату, который сначала не заметил его, но в довольно уже близком расстоянии, услышав топот скачущей во всю прыть лошади, успел отворотить зрительную трубу и в то же самое мгновение, обратив лошадь, понесся во весь дух назад к своей свите, от которой он был расстоянием почти на версту, Сысоев на своем резвом горском коне догонял его, подняв вверх нагайку, которой намеревался ударить его.

В этом обоюдном скаковом движении находились они около пяти минут. Картина была восхитительная! Два отважных и

храбрых витязя, оба на прекрасных борзых конях совершенно различных пород, но оба чрезвычайно резвые: один витязь — король в великолепной одежде на богато убранном коне — во всю лошадиную мочь ускакивает, другой — в простой казачьей куртке — догоняет его, стоя на стременах и держа над его спиной нагайку, которой чуть было не нанес ему удара, но королевская свита, видя опасность своего повелителя, скоро поспешила подскакать к нему на помощь, и Сысоев один принужден был остановиться, и мало-помалу весьма тихо отступая, грозил королю нагайкой и ругал его, как умел казак по-французски…»[1133]

Самое удивительное было после — в качестве парламентера прибыл французский генерал, высказавший русскому командованию претензии…

«На другой день после сего чудесного события, в котором королевская гордость спасала свою спину от нагайского удара казака, Беннигсен, Милорадович, Ермолов и вся высшая знать с своими адъютантами и штабами выехали за несколько верст вперед к аванпостам и дали знать Мюрату, что поезд сей послан от фельдмаршала к нему с извинением за нечаянно постигшую его тревогу. Вследствие сего Неаполитанский король, окруженный своей разновидной и разноцветной свитой, выехал к нам навстречу. Съехавшись, разговоры продолжались около полутора часа; в них, по передаче Милорадовичем отзыва фельдмаршала, французская сторона объясняла свое неудовольствие за нарушение будто бы перемирия (которого, однако, не было), постоянное пленение их фуражиров, за действия наших партизан и проч. Наши ответы были уклончивы и насмешливы»[1134].

Кажется, чуть ли не все русские генералы играли с противником в игру, затеянную Милорадовичем. Французы очень хотели верить в возможность скорого заключения мира — и верили… Александр I, имевший в армии своих доверенных лиц, которые писали к нему напрямую, скоро узнал об участившихся случаях контактов военачальников, и это вызвало его возмущение — не исключено, что он подозревал возможность тайного сговора… Царь прислал Кутузову депешу с запрещением подобных встреч, в которой больше всех досталось генералу от кавалерии Беннигсену. Оно и понятно: барону, одному из главных действующих лиц цареубийства 11 марта, Александр I доверял менее всех прочих…

Между тем вся Россия — и даже Европа — восхищалась встречами Милорадовича с Мюратом. При этом реальные события не только обросли легендами, но даже и оказались ими

заменены…

* * *

Генерал-майор граф Воронцов, вывезя из Москвы порядка трехсот нижних чинов и пятидесяти офицеров и генералов, раненных при Бородине, разместил их всех в своем Владимирском имении, селе Андреевском, где был устроен прекрасный госпиталь. Но история эта не имеет отношения к нашему рассказу, потому ограничимся описанием всего одного эпизода, опубликованного в записках Московского почт-директора Булгакова, бывшего в 1812 году чиновником для особых поручений при Московском генерал-губернаторе:

«Мы сидели в тот день около камина, как вдруг вошел к нам граф Михаил Семенович и сказал: "Я получил сейчас известие из армии; кажется, скоро дойдет дело до драки; с обеих сторон делаются приготовления к тому. Мюрат и Милорадович встретились нечаянно, объезжая передовые свои посты. Узнавши друг друга, они перекланялись очень учтиво и обменялись несколькими фразами. Я воображаю, — прибавил граф смеючись, — как они пускали друг другу пыль в глаза. Мюрат успел на что-то пожаловаться, как пишут мне, а Милорадович отвечал ему: 'O, ma foi vous en ver-rez bien d'autres, sire!' (То ли вы еще увидите, государь!')".

Все общество начало смеяться, и у всякого явился анекдот о Милорадовиче. Тут, разумеется, не было забыто красноречие его на французском языке, на котором он очень любил изъясняться, и тогда питомец Суворова не говорил, а ораторствовал, потребляя пышные и отборные фразы»[1135].

К исходу дня Булгаков возвратился во Владимир, где под впечатлением услышанного изложил на бумаге свой вариант беседы… Поутру он представил этот текст графу Ростопчину, вместе с полученными из армии известиями.

«Я начал чтение… Граф слушал со вниманием, часто усмехался и прибавил: "Но полно, так ли было дело? Положим, что это мысли и рассуждения Милорадовича; но он, верно, иначе выделывал фразы свои, и сверх того, не при вас ли граф Барклай сказывал, что государю не угодно, чтобы наши генералы и офицеры имели малейшее сообщение с французами, а еще менее, чтобы вступали с ними в какие-либо переговоры?"

"Это так; но разве вы не знаете спасителя Бухареста? Ему все позволено, или, говоря правильнее, он сам все себе позволяет. Милорадович всем правилам исключение".

Граф слушал чтение разговора, как будто какого-нибудь официального документа, не оказывая ни малейшего сомнения; он делал, однако же, иной раз свои замечания, смеялся, подшучивал над Мюратом; но когда чтение кончилось, то он, потупив огромные свои глаза на меня и грозя мне полусерьезно и полу со смехом пальцем, сказал: "Покайтесь!" Одного этого слова было достаточно, и я, отвечая ему также одним словом, произнес откровенное: "Виноват!"»

Сам не чуждый литературного труда, граф Федор Васильевич по достоинству оценил выдумку и предложил Булгакову послать этот текст друзьям в Петербург — «яко новость, только что из армии полученную», что тот и исполнил.

«Не прошло двух недель, как разговор короля Мюрата с графом Милорадовичем был напечатан в "Сыне Отечества"». Лорд Каткарт, английский посол в Петербурге, переслал эту публикацию в Лондон… Впоследствии литературная мистификация нашла свое место и в сочинениях историков.

* * *

Безвременье не может быть бесконечным, а любое ожидание к чему-нибудь приводит. Если русская армия, буквально разваливавшаяся после отхода с Бородинского поля и сдачи Москвы, вновь организовалась, опять стала грозной боевой силой, то французская, недавно еще победным маршем входившая в древнюю столицу России, превращалась в неуправляемую толпу. Французские мирные предложения повисли в воздухе, ибо принимать их русский царь не спешил — точнее, не желал. Наступала пора действовать, кто-то должен был взять на себя инициативу, но это оказалось не так-то просто: войска свыклись со своей полумирной жизнью, и вновь идти умирать никому особо не хотелось…

«Между тем от казачьих разъездов получены были сведения, что французский авангард стоит оплошно, забыв обычные меры осторожности вблизи неприятеля. Рекогносцировки удостоверили в справедливости этих донесений. Беннигсен предложил сделать на неприятеля внезапное нападение. Кутузов, сперва колебавшись, наконец дал свое согласие, и приказания разосланы были войскам выступить с вечера 4-го для нападения на рассвете 5 октября. Беннигсену поручено было привести в исполнение атаку; армия не выступила, однако, в назначенное время, и Кутузов, приехав из Леташевки в лагерь к назначенному часу выступления, застал войска на месте, спокойно на биваках.

Приказания из главной квартиры не были еще получены. Нападение отложено до следующего дня. Странно это обстоятельство, но не одно оно указывало уже на присутствие новых страстей и побуждений, недостойных святости Отечественной войны»[1136].

«Главнокомандующий, находя, что уже настало время действовать, решился атаковать врасплох стоявший перед нами французский авангард под командой Неаполитанского короля. Предварительно посланы были офицеры квартирмейстерской части лесами и проселочными дорогами для обозрения местоположения в тылу неприятеля, что исполнили сам Толь с поручиком Трескиным и прапорщиком Глазовым. Обстоятельно ознакомившись с путями, они повели ночью две колонны, под командой Багговута и Беннигсена, лесами. Нападение сие хранилось в большой тайне… К рассвету колонны должны были стянуться у опушки леса, к которому примыкал неприятельский левый фланг. По оплошности французов, не занимавших опушки леса, наши войска остановились в близком от них расстоянии. Милорадовичу приказано было выстроить авангард впереди Тарутина, не атакуя неприятеля, а с тем единственно, чтобы отвлечь внимание его»[1137].

В приказе князя Кутузова от 4 октября роль генерала Милорадовича определяется несколько иначе — «…командует всеми резервами и имеет главное примечание на действие левого нашего фланга»[1138].

В сражении при Тарутине — оно же при Чернишне — был достигнут лишь частичный успех: полностью окружить и уничтожить неприятельский авангард, как это планировалось, не удалось. Причин тому много: в самом начале боя был убит ядром начальник 2-й колонны генерал Багговут; 3-я колонна заблудилась в ночном лесу; войска левого фланга, которым командовал Милорадович, выступили из лагеря только на рассвете, а затем, во время атаки, «Милорадович был отозван к Кутузову, и все остановлено было отсутствием начальника… »[1139]

Многие мемуаристы пишут про успешные действия казаков. «Мы увидели в тылу французов Орлова-Денисова, атакующего их казаками. Атака была блистательная: казаки опрокинули неприятельских кирасир и причинили значительный урон им. Французы стали отступать бегом; мы их сильно преследовали верст десять, и, наконец, они исчезли, потеряв большое число орудий и много людей убитыми»[1140].

Однако затем «станичники» застряли в неприятельском лагере… Тем временем противник сумел прийти в себя и

организоваться, тут подошел с подкреплением Мюрат — и получилось то, что получилось. Французы отошли организованно, главнокомандующий приказал прекратить преследование.

Кстати, что не очень известно, «…в сражении под Тарутиным Псковский драгунский полк, опрокинув французских латников, надел неприятельские кирасы, в коих и продолжал бой. В уважение подвигов Псковских драгун государь назвал их кирасирами, и они сохранили также во всю войну приобретенные ими французские желтые и белые латы»[1141].

Хотя итоги сражения были достаточно скромными — противник потерял до 2800 человек убитыми, в том числе двух генералов, порядка 1200 пленными, 38 артиллерийских орудий и один штандарт — но это была победа. Потери русских, убитыми и ранеными, не превышали полутора тысяч человек[1142].

«Под вечер 6 октября армия возвратилась в Тарутино. Милорадович расположился при Винькове на том месте, где был лагерь Мюрата, и, таким образом, в первый раз мы стали на отбитой у неприятеля земле. На другой день в лагере служили благодарственный молебен. Князь Кутузов слушал его в полковой церкви Гвардейского корпуса, куда принесен был образ Смоленской Божьей Матери. Отбитые у французов пушки привлекали массу любопытных. С тех пор, как начались наши войны с Наполеоном, с 1805 года, нигде не отбивалось у него такого большого количества орудий, как при Тарутине»[1143].

«Вчерашнее дело во всех отношениях удачно. Милорадович командовал частью пехоты, почти всей кавалерией и гвардией… Когда-нибудь при удобнейшем случае я сообщу тебе подробнейшее описание действий войск под начальством генерала Милорадовича. Не знаю, почему большая часть знаменитых подвигов этого генерала не означена в ведомостях; но он, как я заметил, нимало этим не огорчается. Это значит, что он не герой "Ведомостей", а герой Истории и потомства», — писал другу Федор Глинка[1144].

Действительно, Михаил Андреевич не утруждал себя подробным описанием собственных подвигов на бумаге.

Вот еще один момент, отмеченный все тем же внимательным Глинкой: «Вчера приехал к нам из Пажеского корпуса сын Г.П. М… ча[1145], о котором я тебе столько раз писал и которого благорасположение ко мне поставляю в великой цене. Сын его, племянник генерала нашего, — прекрасный, благовоспитанный молодой человек. Я душевно рад, что он остается у нас. Теперь он был вместе с нами и в первый раз отроду видел поле сражения, где хотя замолкли громы, но еще не обсохла кровь. Генерал приказывал ему смотреть на все внимательнее, чтобы привыкать к

ужасам войны. В самом деле, посинелые трупы, кровью и мозгом обрызганные тела, оторванные руки и ноги, в разных местах разметанные, должны возмущать мирные чувства кроткого юноши, пока не привыкнет он к таковым плачевным, но необходимым позорищам»[1146].

Предпринятая Михаилом Андреевичем система воспитания юного офицера заслуживает внимания…

«9 числа генерал Милорадович, объехав после сражения, велел собрать все тела наших солдат, отдав на сей случай приказ такого содержания:

"Тела храбрых победителей собрав, похоронить у ближайшей церкви, в одном месте с приличным по Христианству обряду, и, водрузив крест на общей могиле, отпеть над оной панихиду, при которой быть желающим из каждой роты по нескольку человек. У подножия креста выжечь следующие слова: 'Здесь погребены тела православных Российских воинов, с честью умерших победителями на поле сражения в Отечественную войну 6 октября 1812 года'— сей крест поручается сделать и поставить дежурному штаб-офицеру господину майору Павлову"»[1147].

…В тот самый день, когда дрались у Тарутина, случилось то, чего ждала вся Россия: «Система, принятая Его Величеством и князем Кутузовым, не отвечать более на предложения Наполеона и избегать излишних столкновений в поле, дала вскоре благие результаты. 6/18 октября началось отступление великой армии, и 9/21 уже все французы покинули Москву…»[1148]

«В день сражения [при Тарутине] неудача всеми обходными корпусами прибыть вовремя на те пункты, где предполагалось каждому, раздражила Кутузова до чрезвычайности. Началась атака, неприятель побежал… Вдруг приезжает урядник Жиров… он привез перехваченное предписание Бертье к г. д'Аржану[1149], чтобы немедля все тяжести шли к Можайску. Вот обстоятельство, которое укрепило Кутузова в истине, что Наполеон решительно ретироваться будет, но куда и в какое время, было ему еще неизвестно. Опасение, не обходит ли он нас по дороге к Калуге, — вот что занимало старика, и в этом тайном совещании собственно с собою (ибо ни одного лица из генералов его штаба не было тут) он решился не преследовать. Упорство его было непонятно, негодование всех чрезвычайно. Кутузов молчал. И здесь оправдалась его предусмотрительность. Вскоре потом Беннигсен, Милорадович, Толь, Коновницын, Ермолов — все явились с одной просьбой, чтобы дозволить преследовать. Вот его слова: "Коль скоро не умели мы его вчера живым схватить и сегодня прийти вовремя на те места, где было назначено, преследование сие пользы не принесет и потому не нужно, — это

нас отдалит от позиции и от операционной линии нашей". Тут же на месте сам приказал движение всем корпусом, а Дохтурову велел идти к Боровску, но не прежде, как сварившим кашу солдатам»[1150].

«Наши гвардейские офицеры пустили на счет Наполеона красное словцо, будто он, выступая из Москвы, сказал о Кутузове: "Ta routine m'a deroute"[1151]»[1152].

Глава восьмая. ПРЕСЛЕДОВАНИЕ

«Deroute» означает не только «беспорядочное бегство», но и «поражение», и «разгром» — если оценивать состояние французской армии, то подходит любое значение. «"С первых дней это отступление походило на бегство", — говорит один из самых добросовестных очевидцев-свидетелей герцог Фезанзак[1153]»[1154].

Первым, 10 октября, доподлинные сведения об оставлении неприятелем Москвы получил командир «летучего» отряда гвардии капитан Сеславин[1155], бывший адъютант Барклая. На следующий день это известие достигло Тарутина.

«Выслушав подробный доклад посланного, князь Кутузов со слезами на глазах воскликнул: "Боже, Создатель мой! наконец Ты внял молитве нашей, и с сей минуты Россия спасена". Тотчас Дохтурову было послано приказание спешить из Аристова к Малоярославцу и прикрыть Боровскую дорогу до прибытия туда главной армии. Намерение Наполеона обойти Тарутинский лагерь и достичь Калуги через Боровск и Малоярославец было очевидно. 11 октября наша армия тронулась из Тарутинского лагеря, который к вечеру опустел. Князь Кутузов разделил армию на две части, вверив их Тормасову и Милорадовичу»[1156].

Генерал от кавалерии Тормасов прибыл в Леташевку 8 октября — после того, как 3-я Резервная, Обсервационная армия была объединена с Дунайской под общим названием 3-й Западной, которую принял адмирал Чичагов[1157]. Тормасову была поручена 2-я армия, хотя после Бородина она утратила свое самостоятельное значение — равно как и 1-я, оставленная Барклаем-де-Толли.

«Кутузов радостно встретил Тормасова и поручил ему начальство над [всей] армией, кроме корпусов, составлявших авангард Милорадовича, предоставляя себе только верховное распоряжение действиями»[1158].

«В 10 часов утра прибыл в село Егорьевское генерал Милорадович с авангардом армии. Войска, составлявшие авангард, были: 2-й кавалерийский корпус под командой генерал-адъютанта Корфа, 4-й кавалерийский корпус под командой генерал-адъютанта Васильчикова, 2-й пехотный корпус под командой князя Долгорукова[1159], 4-й пехотный корпус под командой графа Остермана, артиллерия, принадлежащая к этим корпусам, и 5 казачьих полков под командованием генерал-

майора Карпова[1160]»[1161].

Отрываясь от неприятеля, русская армия отступала в западном направлении — теперь, наступая, она продолжала свой путь в ту же сторону…

* * *

Великая армия вышла из Москвы на юг, по Старой Калужской дороге, на Боровск и Калугу, чтобы затем, повернув на запад, дойти до границ по нетронутым войной губерниям. Наполеон надеялся, что сможет скрытно совершить маршманевр, подобный Тарутинскому, и также суметь оторваться от армии противника.

«11-го числа октября генерал от инфантерии Милорадович донес, что… замечено, что неприятельские посты, оставив Вороново, ретировались…

Неприятель, по-видимому, оставил совсем Москву, дабы отступить изобильнейшими нашими провинциями, потянулся с большими силами по Новой Калужской дороге к Боровску. Несмотря на все его тонкости, намерение его предупреждено…»[1162]

Когда выяснилось направление движения французов, Кутузов приказал Михаилу Андреевичу идти к Малоярославцу, куда уже двигалась вся армия.

«Сегодня в 4 часа утра все еще спали в лагере Дельзона[1163], как вдруг четыре отряда русских стрелков неожиданно выступили из лесов, покрывавших здешние возвышенности, заставили часовых спешно отойти к передовым постам, посты — к стоявшим впереди батальонам, а эти последние, пораженные неожиданным нападением, должны были после слабой обороны покинуть деревню, чтобы соединиться с остальной частью дивизии, находившейся на равнине… Сражение завязалось. Та и другая сторона бились с жаром, но невыгодное положение Дельзона было очевидно: он принимал на себя весь огонь русских, а сам отвечать на него не мог, так как неприятель был прикрыт скрывавшим его гребнем холма»[1164].

«Город четырнадцать раз переходил из наших рук в руки неприятеля. Потеря была с обеих сторон очень велика»[1165]. Генерал Дельзон возглавил штыковую атаку и был убит; с ним погиб и младший брат — его адъютант[1166].

«При выступлении армии к Малоярославцу по-прежнему Милорадович предводительствовал арьергардом и с суворовской быстротой поспел на поле битвы»[1167]. «Фельдмаршал Кутузов, удивленный быстротой Милорадовича, — который, прошедши в 6

часов 45 верст, как бы внезапно предстал на помощь, — обнял его, называя крылатым генералом»[1168].

За время боя, продолжавшегося около восемнадцати часов, до глубокой ночи, город восемь раз (а не четырнадцать!) переходил из рук в руки и в конце концов остался за французами. Но обладание горящими руинами вряд ли могло их утешить, потому как русские войска, охватив Малоярославец полукольцом, перекрывали путь к Калуге.

«Солдаты, между которыми было много рекрут, дрались дурно под Малоярославцем. Офицеры одни жертвовали собою»[1169].

«Генерал Милорадович оставлен был с войсками своими на том самом месте, где ночь прекратила сражение. Весь следующий день проведен в небольшой только пушечной и ружейной перестрелке. В сей день жизнь генерала была в явной опасности, и провидение явно оказало ему покровительство свое. Отличаясь от всех шляпой с длинным султаном и сопровождаемый своими офицерами, заехал он очень далеко вперед и тотчас обратил на себя внимание неприятеля. Множество стрелков, засев в кустах, начали метить в него. Едва успел выговорить адъютант его Паскевич: "В вас целят, ваше превосходительство!" — и пули засвистали у нас мимо ушей. Подивись, что ни одна никого не зацепила. Генерал, хладнокровно простояв там еще несколько времени, спокойно поворотил лошадь и тихо поехал к своим колоннам, сопровождаемый пулями. После этого генерал Ермолов, прославившийся и сам необычайной храбростью, очень справедливо сказал в письме Милорадовичу: "Надобно иметь запасную жизнь, чтоб быть везде с вашим высокопревосходительством! " »[1170]

«Малый Ярославец, занятый войсками генерала Милорадовича, представил глазам их позорище, еще ужаснейшее того, которое видимо было на биваках французских… Улицы, кровью политые, усеяны обезображенными трупами. Сотни французских раненых, умерших и умирающих, раздавлены и по членам раздроблены проездом собственных их пушек. Все церкви ограблены и поруганы. На одной из них читали надпись: "Конюшня генерала Гильемино[1171]"»[1172].

«Желая предупредить движение Наполеона… князь Кутузов в ночь на 14-е отошел к Детчину, оставив при Малоярославце Милорадовича… Цель движения князя Кутузова не была ясна Наполеону, и ему предстояло принять одно из двух решений: последовать за русской армией, оттеснить ее и обеспечить себе тем путь на Юхнов или без сражения отступить к Днепру. В первом случае Наполеону грозили последствия всех случайностей

битвы, а во втором — отступление по разоренному краю, при полном недостатке продовольствия»[1173].

В деревне Городне, на пути из Малоярославца в Боровск, Наполеон провел свой «совет в Филях», где было решено отступать через Можайск к Смоленску. Вот как объяснял это решение маркиз де Коленкур: «На этом своего рода военном совете лишь после долгих настояний и после того, как император рассудил, что Кутузов, не пожелавший ожидать его и сражаться с ним на такой прекрасной позиции, как Малоярославец, не примет сражения и в 20 лье[1174] дальше, удалось убедить императора следовать на Боровск, на пути к которому уже находилась часть войск, большая часть артиллерии и все обозы… Хотел ли император сделать вид, что он уступает только настояниям других, или он в самом деле думал, что ему удастся еще до перехода на зимние квартиры разрезать русскую армию и сделаться хозяином положения, предрешающего результаты кампании? Не знаю»[1175].

«Ночью уже возвратился я в главную квартиру, отогреваясь в своей избе, не имел нужды быть у фельдмаршала. Вдруг неожиданно требует он меня к себе. Первые слова его: "Милорадович доносит, что неприятелем оставлен Малоярославец и занят нашими войсками. Наполеон с армией в пяти верстах за городом… Милорадович приказал генерал-адъютанту барону Корфу с кавалерийским корпусом и донскими казаками генерала Карпова следовать за неприятелем по исправлении мостов через речку Лужу, в самом городе обоим пехотным корпусам не сделал назначения. Отправляйся теперь же к Милорадовичу, объяви на то мое повеление. Мне обо всем давай знать подробно. Впредь до особенного приказания оставайся у Милорадовича! Ты знаешь, голубчик, что в рапорте не все можно писать, и потому уведомляй меня просто записками! Движение армии я буду согласовывать со действиями авангарда"»[1176].

«Более всего терпели войска, действовавшие с Милорадовичем и Платовым, по выступлении из Тарутина, на столбовой дороге и вблизи от нее; у них мало привозилось с фуражировок, лошади насилу тащились, убыль в людях становилась велика; солдаты забивались спать вокруг лошадей и под лафеты, переносили все с необыкновенным духом и веселостью, тешась гибелью, постигшей врагов. В самые голодные дни Милорадович говаривал солдатам: "Чем меньше хлеба, тем больше славы!" Обычное: "Ура, рады стараться!" — бывало ответом любимому вождю»[1177].

* * *

Великая армия — не более чем 100 тысяч человек, была вынуждена воротиться на пройденный ею ранее путь… Русская армия заняла по отношению к коммуникационной линии французов фланговую позицию, отсекая их от южных губерний. Этот маневр получил наименование «параллельного преследования».

«Цель Кутузова состояла в том, чтобы заставить неприятеля отступить по большой Смоленской дороге, где все было выжжено, разорено и где не было никаких средств к продовольствию. Авангард под начальством Милорадовича должен был идти проселком, в значительном расстоянии от большой дороги, и, равняясь с неприятелями, не вступать в общее сражение, а стараться отрезывать неприятельские корпуса, замыкающие их шествие. Главная армия наша должна была идти также проселком в большом расстоянии от Смоленской дороги и в случае нужды поддерживать авангард. Вследствие таких распоряжений неприятель неминуемо должен был прийти в окончательное расстройство и бессилие от недостатка в продовольствии и в квартирах, тогда как наши войска, следуя стороною помимо большой дороги, не подвергались сим недостаткам. Для умножения бедствия французов Главнокомандующий приказал Платову следовать за ними со всеми казаками по большой дороге и не давать отдыха на ночлегах»[1178].

«Отряд генерала Милорадовича усилен так, что почти составляет половину армии, следует параллельно между мною и Можайской дорогой»[1179].

«Генерал Милорадович, разъезжая перед войсками, ободрял их примером и речами, напоминая всем и каждому прежние походы с Суворовым, трудные пути Альпийских гор, поощряя через то преодолевать всякое препятствие, забывать всякую нужду, помня только о единой славе и свободе Отечества. Такие увещания не были напрасны; солдаты с удовольствием внимали им — и темные осенние ночи, влажные студеные туманы, скользкие проселочные дороги, томительный голод и большие переходы не могли остановить рвение войск, кипевших желанием настичь бегущего врага. Солдаты наши дышали мщением; но мщение становится страстью благородной и похвальной, когда оно имеет целью обиды Отечества. Притом и сладкая надежда о скором возвращении прежней славы немало подкрепляла передовые войска среди неописанных трудов их»[1180].

«Три дня [14—16] октября ушло на то, чтобы перебраться с Калужской дороги на Московскую у Можайска. Пришлось идти через Бородинское поле, распространявшее зловоние и представлявшее страшное зрелище. Узнав, наконец, какой путь

избрали французы, Кутузов отправил казаков вдогонку за их арьергардом, а Милорадовичу поручил тревожить их левый фланг. Сам он выжидал, решив не давать серьезного сражения и сохранить свою армию»[1181].

«Взятый в плен раненным в Бородинской битве Елизаветградского [гусарского] полка рядовой Самусь явился к Милорадовичу, как начальник трехтысячного партизанского отряда, им самим собранного из крестьян окрестных деревень. Бежав из плена, Самусь предложил крестьянам составить отряд, нападать на проходящие неприятельские обозы и команды, вооружив себя неприятельским оружием и патронами, которые они должны отбить у неприятеля. Сначала нападал он на малые команды, и когда оружия и патронов было достаточно, и отряд его возрос до 3 тысяч ратников, то он нападал уже на значительные команды и один разбил наголову целый батальон… Милорадович произвел Самуся в унтер-офицеры, наградил знаком отличия Военного ордена…»[1182] Вскоре отважный гусар был произведен в офицеры.

Солдат для Михаила Андреевича никогда не был «серой скотиной». Между прочим, противников производства нижних чинов в офицеры было достаточно…

«Кутузов выступил из Гончарова 27-го и продвинулся на дорогу, ведущую из Медыни в Верею. По ней он спустился до Кременского и оттуда взял направление на Вязьму. Тем временем Милорадович с 25 тысячами человек двинулся на Гжатск, где он еще застал последние французские части, и пошел у них на фланге, между тем как Платов с отрядом конницы в 6—8 тысяч человек следовал за ними по дороге, а отдельные разъезды его рыскали на обоих флангах отступающих»[1183].

«Темные, дремучие ночи, скользкие проселочные дороги, бессонье, голод и труды — вот что преодолели мы во время искуснейшего флангового марша, предпринятого генералом Милорадовичем от Егорьевска прямо к Вязьме. Главное достоинство этого марша было то, что он совершенно утаен от неприятеля, который тогда только узнал, что сильное войско у него во фланге, когда мы вступили с ним в бой»[1184].

«Писал я фельдмаршалу, что армия может сократить путь на Вязьму, будучи совершенно закрытой авангардом… Евгений[1185], вице-король итальянский, видя всегда одних казаков, не подозревает, чтобы на левом фланге его могла быть пехота наша в значительных силах, скрытно наблюдавшая его в близком расстоянии от большой дороги. Недостаток кавалерии у французов лишил их возможности обозревать окрестности.

Основательно заключал генерал Милорадович, что, отрезав у

неприятеля единственную дорогу, стать одним авангардом против всей армии было небезопасно: он решился идти к селению Царево-Займище, где хорошо известное нам местоположение представляло нам большие выгоды. На последнем переходе к селению особенно подтверждено было начальникам идущих в голове войск, чтобы место ночлега их скрыто было непременно; воспрещены были огни на бивуаке. Никогда не было более необходимо присутствие при них самого Милорадовича, но вот что произошло…»—далее генерал Ермолов описывает обед, данный Милорадовичу полковником Потемкиным. Потом, не доехав еще до ночлега, «…услышали мы ружейные выстрелы. Поспешно прискакавши, мы нашли сильную уже перестрелку. Начальник 4-й дивизии принц Евгений Виртембергский вопреки распоряжению не только не старался скрыть пребывания своего, но так близко к дороге, по которой беспечно проходил неприятель, подвинул посты свои, что он должен был взять предосторожности, выслать стрелков и составленные с поспешностью массы в особенном устройстве. Безрассудное действие принца Евгения, любимого войсками, неустрашимого, но мало способного к соображениям, хотя несколько сложным, поставило в необходимость графа Остермана подкрепить его 4-м корпусом, и всем прочим войскам приказал быть в готовности. Неприятель, пользуясь темнотою ночи и не остановясь на ночлег, с поспешностью продолжал движение»[1186].

Интересное описание, хотя оценки у Алексея Петровича не всегда достоверны — Евгений Вюртембергский «…по мнению современников, был одним из лучших командиров пехотных соединений российской армии в 1814—1815 годах»[1187].

Кстати, Денис Давыдов излагает произошедшее по-иному: «Однажды главные силы французов оставались для ночлега близ корпуса принца Евгения Виртембергского, у самой дороги, по обеим сторонам которой тянулись насыпи. Эта узкая и длинная дорога, значительно испортившаяся вследствие продолжительных дождей, представляла как бы дефиле, чрез которое неприятелю и нам надлежало следовать. Войска бесстрашного принца Виртембергского, всегда находившегося при головных своих полках, открыли сильный огонь против неприятеля, который, снявшись с позиции, двинулся поспешно далее в ужаснейшем беспорядке; это лишало нас возможности, атаковав его на рассвете, отрезать какую-либо колонну. Французы, побросав на дороге много орудий, значительно задержали тем наши войска, которые были вынуждены заняться на другой день в продолжение нескольких часов расчищением пути, по коему им надлежало продолжать свое дальнейшее движение. Милорадович

ограничился лишь весьма легким замечанием принцу, но Ермолов объявил ему именем Кутузова весьма строгий выговор»[1188].

«Кутузов бросил вслед отступающей армии своих казаков и авангард силой в 25 тысяч человек под командой генерала Милорадовича, который настиг французский арьергард под Гжатском. Главные русские силы направились напрямки на Вязьму с очевидным намерением отрезать под этим городом путь отступления французской армии. Однако удалось предупредить русских в Вязьме. Император проследовал с гвардией через город…» — вспоминал бригадный генерал барон Антуан Анри Жомини[1189].[1190] Впрочем, он уже звался Генрихом Вениаминовичем и был генералом от инфантерии.

«19 октября Наполеон с гвардией прибыл в Вязьму. 21-го числа Наполеон продолжал путь, приказав Нею[1191] пропустить все корпуса и составить арьергард. В тот же день генерал-адъютанты Васильчиков и Корф с сельской колокольни ясно видели беспорядок, царивший в неприятельской армии, и набег генерал-майора Карпова, выхватившего часть обоза из самой середины французских колонн; это подало мысль атаковать неприятеля авангардом; Милорадович согласился, но вследствие наступившей темноты атака отложена до следующего дня»[1192].

«Корф знал местность, находясь перед войной со своей дивизией в Вязьме. Он вызвался подвесть войско скрытно от неприятеля к удобному для атаки месту. Всегда алкавший боя, Милорадович радостно согласился на предложение. День начинал склоняться к вечеру, и Милорадович приказал провести атаку следующим утром»[1193].

«Милорадович <…> донес о намерении своем фельдмаршалу, причем описал ему, в каком разброде идут неприятели, и, зная его осторожность, присовокупил к окончанию: "Уверяю вашу светлость, что вам не предстоит опасности". "Будь Суворов на месте Кутузова, — сказал Милорадович, — то, не прибавляя этих слов, написал бы просто: иду атаковать. Суворов отвечал бы мне: С Богом! Но с Кутузовым надобно поступать иначе"»[1194].

«Бой начался тем, что полковник Эммануэль[1195] с Ахтырским гусарским и Киевским драгунским полками выскочил на столбовую дорогу между войсками вице-короля и рассеял бригаду Нагеля, а полковник Юзефович[1196] с Харьковским драгунским полком перешел через дорогу, против которой Милорадович расположил остальные кавалерийские полки. В это время Платов вогнал неприятельский арьергард в Федоровское, и, таким образом, Даву был окружен; он выступил в 10 часов утра из

Федоровского с целью пробиться, а на выручку ему спешили от Вязьмы Понятовский и вице-король. Наша пехота торопливо приближалась к месту сражения, но тем не менее Даву, бросив обозы, успел стороной от большой дороги пробраться в тыл вице-короля. Отрезать неприятеля от Вязьмы не удалось, а потому Милорадович, соединившись с Платовым, начал энергично теснить его; подкрепление, высланное Неем, не принесло существенной пользы, и маршалы решили занять позицию перед Вязьмой, но, преследуемые Милорадовичем, отступили в город»[1197].

«Совершенно удивлены мы были, увидев, что по мере приближения нашего неприятель оставлял позицию. Быстро преследовали войска наши, умножая на каждом шагу замешательство в полках неприятельских, и, не останавливаясь на лежащей перед городом равнине, соединился весь авангард генерала Милорадовича. Сильно занята была опушка города, и некоторое время одна артиллерия была в действии»[1198].

Мы говорили, что самое худшее, ежели разногласия между союзниками касаются войск. Есть смысл сопоставить две приведенные цитаты:

«Мы храбро сопротивляемся, но корпус Даву, деморализованный усталостью и всякого рода лишениями, которые ему приходилось переносить со времени выхода из Малоярославца, уже не держит себя так блестяще, как за все время кампании. Неприятель это замечает, становится отважнее и усиливает артиллерийский огонь. С нашей стороны дурное состояние наших лошадей задерживает движение артиллерии. Убежденный в своем превосходстве, Милорадович делает еще одно сильное нападение, стараясь охватить оба наши крыла. Но итальянские стрелки, баварцы и польские уланы (хотя лошади под уланами и были очень плохи) решительно устремляются навстречу русским и обращают их в бегство.

Наконец, главным образом благодаря нашим кавалеристам, пехота достигает высот, защищающих Вязьму, и располагается на них…»[1199]

«Итальянцы известны у нас за отъявленных грабителей и воров; в походе они постоянно шли кучкой, впереди армии, боясь встретить неприятеля и сражаться, всегда поспевали первые в жилища, попадающиеся на дороге, и устраивались бивуаками отдельно от других. Когда армия, страшно утомленная, приходила на место стоянки, они выходили из своих укромных тайников, бродили вокруг бивуаков, забирали себе лошадей и чемоданы офицеров и выступали в путь спозаранку, за несколько часов до всей колонны…»[1200]

Кто же тут прав, где истинные герои? Впрочем, продолжим повествование:

«До нас доходили отдаленные пушечные выстрелы, из чего надобно было заключить, что Милорадович вступил уже в дело с неприятелем. Генерал Паскевич, увидев из сего необходимость атаковать как можно скорее неприятеля, дабы замедлить его отступление и воспрепятствовать ему употребить все свои силы против Милорадовича, приказал посадить 400 человек 5-го Егерского полка верхом сзади казаков, подвинуться им вперед на рысях и следовать за ними 6 орудиям легкой артиллерийской роты № 47»[1201].

«С обеих сторон началась жестокая, более часа продолжавшаяся канонада. Милорадович построил колонны к атаке и повел их вперед. Неприятель не выждал нападения и ушел в город, употребляя там последние усилия для обеспечения своего отступления. Арьергард его засел в домах и за заборами, но Милорадович, невзирая на сумрак и происшедший в городе пожар, велел дивизиям Чоглокова[1202] и Паскевича выбить неприятельский арьергард»[1203].

«С другой стороны генерал Милорадович сам с некоторыми генералами вводит все полки конницы в объятый пламенем город Вязьму. Неприятель стреляет еще из домов; разбросанные бомбы и гранаты с громом разряжаются в пожаре; горящие здания упадают, пылающие бревна с треском катятся по улицам; но ничто не сильно остановить ревности войск и мужества начальников»[1204].

«Перновский полк, ведомый в голове 11-й дивизии Чоглоковым, на штыках, с музыкой, барабанным боем и распущенными знаменами, вслед за неприятелем ворвался в Вязьму, объятую пламенем. Милорадович и Паскевич с другой стороны вводили войска в город. Тщетно неприятель хотел сопротивляться, стреляя из домов. Чтобы усилить пожар и суматоху, неприятель зажег несколько зарядных и патронных ящиков, стоявших на улицах. Чоглоков велел накрыть их намоченными в снегу шинелями и тем остановил действие пламени. Французы, давившие друг друга в отчаянной обороне, были наконец прогнаны, а защищавшиеся в домах истреблены или взяты в плен. Перновский полк, предводимый шефом своим, бился с неимоверным мужеством, штыками колол неприятелей и бил их ружейными прикладами»[1205].

Блистательная картина! И ведь не один генерал Чоглоков вел в тот день своих мушкетеров по улицам горящего города:

«Керн[1206] особенно отличился в сражении под Вязьмой. Идя во главе Белозерского полка, с музыкой, барабанным боем и

распущенными знаменами, ворвался он в объятую пламенем Вязьму, под убийственным огнем неприятеля. Генерал-майорский чин был за сие наградою Керна»[1207].

История прихотлива… Отважный Ермолай Федорович, командир 2-й бригады 17-й пехотной дивизии 2-го корпуса, известен не своими подвигами, но исключительно благодаря жене — Анне Петровне[1208], воспетой Пушкиным.

«Из домов, занятых неприятелем, открыли сильный ружейный огонь; но это не остановило генерала Паскевича. По улицам города неприятеля гнали штыками, засевших в домах истребили или взяли в плен. Город загорелся во многих местах. Было уже темно, когда мы дошли до моста чрез речку Вязьму»[1209].

Кавалерийские начальники в мужестве ничуть не уступали пехотным.

«Милорадович… приказал Поль[1210] атаковать одну французскую колонну. Пока вверенный ему Каргопольский полк, по чрезмерной усталости лошадей, медленно перебирался через рвы, Поль, далеко опередив его, должен был один выдержать огонь всей неприятельской колонны. Лошадь его, пораженная многими пулями, упала; фуражка и шинель были во многих местах прострелены, но сам он остался невредим и успел сесть на другую лошадь, подведенную ему верным его конюшим. Все сие совершилось в нескольких шагах от неприятеля. Между тем подоспели каргопольцы, и французы, не выждав атаки, сложили оружие»[1211].

«Рота конной артиллерии, идя впереди, очищала улицы выстрелами; кругом горели и с сильным треском распадались дома; бомбы и гранаты, до которых достигало пламя, с громом разряжались; неприятель стрелял из развалин и садов; пули свистели по улицам…»[1212]

«Сам атаман Платов с правой оконечности нашей вступил в город и, перейдя реку, занял большую часть оного. Войска наши, занимая город, частью сил расположились по наружности… В этот день взято нами в плен: один генерал, много офицеров и нижних чинов более двух тысяч, два знамени и несколько пушек»[1213].

«На дымящемся горизонте угасало солнце. Помедли оно еще час — и поражение было бы совершеннее; но мрачная осенняя ночь приняла бегущие толпы неприятеля под свой покров»[1214].

Авангард достиг блистательной победы — а где была Главная армия, почему не довершила разгром неприятеля? «Нам известно было, что фельдмаршал стоял с армией в близком расстоянии, но с места не двигался»[1215].

«Князь, рассчитывавший, что он может довершить гибель

французов, не подвергая поражению собственных войск, подвигался весьма медленно; хотя он 21-го находился близ Вязьмы, но, остановившись за восемь верст до города, он не решался приблизиться к нему. Желая, однако, убедить царя в том, что он лично находился во время битвы под Вязьмой, он выслал к городу гвардейскую кавалерию с генерал-адъютантом Уваровым», — уточняет Денис Давыдов[1216].

«Генерал-адъютант Уваров благоразумно избегал бесполезной потери в лучших полках армии Кавалергардском и Конной гвардии»[1217].

Есть и иная версия событий: «Армия князя Кутузова… не знала о намерении Милорадовича произвести атаку, что явилось следствием недоразумения. Милорадович 21-го числа составил донесение фельдмаршалу, конверт был послан в главную квартиру и при вскрытии найден пустым, так как донесение забыли вложить!»[1218]

О пустом конверте пишут и некоторые другие. Кстати, похожее произошло и несколько раньше, когда Паскевич «… получил неожиданно повеление от Кутузова соединиться опять с Главной армией. Эта бумага была получена уже за несколько дней в главной квартире Милорадовича, где забыли ее отправить к генералу Паскевичу»[1219].

Мемуары — литература пристрастная, не все в них истинно. Но после того, что мы узнали, можно ли не поверить Ермолову, писавшему, что подобных беспорядков «…не видывал я в жизни моей и с которыми Милорадович не мог разлучиться [ни] на одну минуту. В ежедневной дислокации войск авангарда назначалась его квартира, и ни одного раза он в ней не находился. Посылаемые за приказаниями офицеры, сталкиваясь по дорогам, его разыскивали»[1220]. Этому созвучно утверждение Давыдова: «Беспорядок в командуемых им войсках был всегда очень велик; он никогда не ночевал в заблаговременно назначаемых ночлегах, что вынуждало адъютантов подчиненных ему генералов, присылаемых за приказаниями, отыскивать его по целым ночам»[1221].

Но Милорадович побеждал и самых педантичных противников…

«Рукопашными ударами вытеснив французов из Вязьмы, отдыхали мы там от вечернего времени 22 октября до полудни другого дня и видели в первый раз позорище, содеянное врагами Отечества нашего и веры, героями новой философии: там, где с благоговением поклонялся народ Создателю и Искупителю своему в алтарях святыя Евхаристии, обращенных в конские стойлища, святоприемные, для напоминаний и восторжений

сердец сущие, иконы повержены были в срамные нечистоты, а стены исчерчены гнусными карикатурами Парижской школы — великого народа! Тут лежали падалища коней и трупы самих разрушителей всего божественного людям. И вот — о ужас! Лик Пресвятыя Девы, лишенный очей, и образ самого преблагословенного Спасителя мира изъязвлен опять поругательно оружием давно осатанелых героев якубинства»[1222].

В разоренной Вязьме русские войска получили короткий отдых.

«Генерал Вильсон, бывший личным свидетелем вчерашнего сражения, описывает это своим соотечественникам. Из Петербурга нарочный отправится с известием об этой победе в Лондон»[1223].

Скажем несколько слов об известном уже нам Вильсоне. Участник 1-й и 2-й антифранцузских коалиций и Египетской экспедиции британских войск, он с 1806 года выполнял дипломатические поручения в Петербурге, Константинополе и Бухаресте, а с августа 1812 года был назначен представителем при штабе Кутузова. Сэр Роберт имел переписку не только с послом генералом Каткартом, но и с Александром I. Если ему верить — другие о том почему-то не пишут, — Вильсон, «… получив в команду от Милорадовича 500 казаков, успел с ними ворваться в Вязьму и захватил там несколько пленных». Попутно генерал спас «…какое-то швейцарское семейство, состоявшее из матери и двух красавиц-дочерей, которых отправил в безопасное место»[1224].

«В Вязьме в последний раз мы видели неприятельские войска, победами своими вселявшие ужас повсюду и в самих нас уважение. Еще видели мы искусство их генералов, повиновение подчиненных и последние усилия их»[1225].

* * *

«Князь Кутузов отдал следующие распоряжения: 1) Милорадовичу следовать по пятам неприятеля и теснить его;

2) Платову, двигаясь с правой стороны, опережать одним переходом и нападать на головы французских колонн;

3) графу Орлову-Денисову[1226] предпринимать то же самое с левой стороны; сам Кутузов с главной армией намерен был направиться параллельно Милорадовичу и держаться с ним на одной высоте. Главной целью фельдмаршал поставил не допустить Наполеона влево, в край, богатый продовольствием, удержать на разоренной Смоленской дороге и выморить на ней

голодом»[1227].

«События, сопровождавшие отступление французов от Вязьмы до Смоленска, заключались в следующем: несколько арьергардных стычек между Неем и Милорадовичем под Семелевым и Дорогобужем; марш корпуса Евгения Богарне через Духовщину, где он надеялся найти в большем изобилии продовольствие; на переправе 11 ноября через реку Вопь он был вынужден бросить свои 60 орудий, так как их не удалось втащить на крутой берег реки; в Смоленск он прибыл лишь 13-го после неимоверных усилий; потеря целой бригады пехоты в 2 тысячи человек из дивизии Бараге д'Илье[1228] под командой генерала Ожеро[1229] (она заняла Ляхово по дороге в Ельню и 9 ноября была окружена и взята в плен Орловым-Денисовым и тремя другими начальниками партизанских отрядов); потеря 1500 быков, согнанных к Смоленску для продовольствия армии и попавших в руки казаков, и, наконец, первый сильный мороз, возвестивший о приближении зимы»[1230].

«С 23 октября погода резко изменилась к худшему: начались метели и мороз дошел до 10 градусов. Если голод с трудом могли переносить войска Наполеона, то борьба со стужей и вьюгами была совершенно не под силу уроженцам теплых стран. На дороге от Вязьмы до Смоленска, где два месяца тому назад шли гордые победители, теперь они же лежали мертвые или ползали безумные и, потеряв способность речи, молча глодали лошадиные кости. Только в гвардии, шедшей с Наполеоном, сохранялся какой-нибудь порядок и было продовольствие, а остальная армия превратилась в нестройную толпу; люди с жадностью набрасывались на палых лошадей и, чтобы согреться, обирали и оставляли голыми ослабевших товарищей; по выступлении с биваков вокруг костров оставались замерзшие. Наполеон расстреливал отстававших пленных, чтобы они не могли рассказать о расстройстве армии»[1231].

«Кто не видел французов в одних фраках, с руками в карманах, весело пляшущих на морозе, когда термометр показывал десять или двенадцать градусов? Цыгане, не погибая, в кибитках своих всю зиму кочуют у нас на Севере. Отчего же русские, преследуя французов, подобно им, не падали, как мухи? Оттого, что они были в шапках, в шубах, даже в лаптях и не с пустыми желудками; оттого, что воины непобедимой армии шли наги, босы и голодны. В таком состоянии должны бы они были гибнуть и среди лета»[1232].

«26 октября передовые войска Милорадовича имели удачное дело с Неем в восьми верстах от Дорогобужа, на реке Осьме; французы побросали орудия в воду и отошли в город, где Ней

упорно удерживался, давая возможность отойти армии и обозам к Соловьевой переправе, а вице-королю к Улховой слободе; но авангард Милорадовича пошел на штурм, французы отступили и, уходя, зажгли Дорогобуж; к счастью, густой снег помог солдатам потушить пожар. Едва смолкли последние выстрелы, как из лесов стали показываться жители, не веря еще радости видеть соотечественников, а не французов; потребовалось долго уверять их, что неприятель изгнан навсегда, после чего потянулись со всех сторон к городу укрывавшиеся жители; восторг был так велик, что престарелый священник со слезами на глазах бросился к ногам Милорадовича, призывая Господа во спасение воинов»[1233].

«Вильсон… вместе с Милорадовичем вступил в Дорогобуж 26 октября. Если верить ему [замечает публикатор «Записок» Юрий Васильевич Толстой, товарищ обер-прокурора Святейшего синода], то Милорадович только по его убеждению выслал несколько егерей, которые обнаружили, что город не очищен неприятелем, как полагали, но в нем еще были оставлены две дивизии. "Совет был полезен: при всем том Милорадович задаром потерял 100 человек; нас самих едва не убили…"» — последние слова принадлежат самому Вильсону[1234].

Что ж, кто складывал легенды про Милорадовича, а кто — про себя, любимого… Кстати, сам Михаил Андреевич был гораздо более сдержан.

«Генерал Милорадович рапортом своим от 26 октября доносит, что он, преследуя неприятеля, ретировавшегося к Дорогобужу, не позволил ему построить другого моста при переправе чрез реку Осьму, отчего неприятель много потопил людей, бросил в воду орудия и оставил множество обозов. Настигнув же неприятеля у города, генерал Милорадович имел сражение, которое продолжалось два часа, и, наконец, несмотря на выгоднейшее положение со стороны неприятеля, войска наши принудили его оставить город; причем отбиты 4 пушки, в плен взяты один офицер и до 600 нижних чинов»[1235].

Одержав очередную победу, русские войска продолжали преследование.

«Двигаться дальше невозможно — так трудна дорога. В два дня мы потеряли 1200 лошадей, на которых держались все наши надежды. Казаки идут то впереди нас, то за нами следуют, и мы больше не можем посылать ни отрядов, ни фуражировщиков, так как у нас осталось лишь небольшое количество всадников. Пушки перекликаются на ходу, и в этом плачевном обмене выстрелами мы теряем значительно больше, так как неприятельская артиллерия на легких санках и двигается свободно, запряженная

хорошими лошадьми, кованными железом»[1236].

Французская армия откровенно деградировала.

«У генерала Ж… не оставалось больше никого в бригаде; он потерял также своих лошадей, изо всего его багажа у него осталась только большая кастрюля, которая сослужила ему такую службу, какую не могло бы выполнить все золото в мире. Он бережно охранял ее и носил постоянно с собой. Обладавшего этой скромной, но драгоценной утварью приглашали наперерыв те, у кого не в чем было сварить себе пищу; хозяина такого сокровища сажали на лучшее место, у огня, давали ему добрую часть содержимого в кастрюле, а на следующее утро возвращали ему ее, хорошо вычищенной; бравый генерал вскидывал ее себе на плечо и продолжал свой путь без заботы об ужине и ночлеге»[1237].

Можно ли представить кого-то из наших бригадных командиров — например Тучкова 4-го — с кастрюлей, поверх генеральского эполета?

Покидая Москву, Наполеон не собирался уходить из России — вновь, как и по дороге на восток, он рассчитывал остановиться в Смоленске.

«Мы только и поддерживались надеждой найти в Смоленске, по прибытии туда, жизненные припасы и несколько часов отдыха. Офицеры и солдаты радовались каждому шагу, приближавшему их к нему…»[1238] «Мы стремились к Смоленску, где надеялись найти множество запасов. Каково же было наше разочарование, когда мы, придя в этот злополучный город, увидели, что он почти разрушен, покинут жителями, переполнен толпами голодных солдат, продовольственные магазины пусты»[1239].

«Был дан приказ о выступлении. Около четырех часов пополудни мы покинули Смоленск, после того как по приказу свыше подожгли дома, которые были заняты нами, дабы закончить разрушение города. Час спустя послышался ужасный взрыв: крепость взлетела на воздух»[1240].

Через полтора года русская армия — сотни тысяч недавних крепостных мужиков, казаков, «инородцев» — придет на землю Франции и покажет, как должна вести себя на завоеванной территории цивилизованная нация…

«Французская армия в Смоленске растаяла до 45 тысяч человек»[1241].

Фельдмаршал Кутузов не стал приближаться к Смоленску и, следуя все тем же курсом «параллельного преследования», обошел его с юга.

«Его светлость, не имея другого известия о вверенном вам авангарде, как от 27 октября, где упоминается, что ваше высокопревосходительство прибудете 29-го в Ляхово, вследствие

чего и была послана диспозиция к вашему высокопревосходительству, но возвратившийся офицер донес, что не нашел вверенного вам авангарда в Ляхове. Сие немало беспокоит его светлость, почему и приказал вам доложить, чтобы ваше высокопревосходительство остановились и известили бы его о расположении 4-го и 2-го корпусов и 2-го и 4-го кавалерийских корпусов. Впрочем, из прилагаемого при сем плана дислокации на сей день армии ваше высокопревосходительство усмотреть можете, что 8-й корпус на Ельнинской, 7-й на Рославльской, первый кавалерийский на обеих сих дорогах. Сей авангард, состоящий из 7-го и 8-го корпусов и 1-го кавалерийского при 2-х казачьих полках, по повелению его светлости поручается вам в команду. Корпуса же 2-й, 4-й пехотные и 2-й и 4-й кавалерийские на время поступают к армии»[1242].

Приказ звучит удивительно, однако вполне созвучен утверждениям, что посыльным приходилось отыскивать Милорадовича «по целым ночам».

* * *

Русская армия двигалась в сторону уездного города Красного, расположенного по дороге на Оршу, между двумя притоками Днепра, речками Свиная и Лосминка. В начале августа противники уже дрались здесь — отчаянно и с большими потерями. Сейчас через Красный тянулось великое множество неприятельских обозов, сюда приближались 5-й Польский корпус и гвардия.

2 ноября Милорадович сообщал дежурному генералу Коновницыну: «Подойдя к Волкову, верстах в трех открыт неприятель. Я послал узнать, в какой он может быть силе. Между тем узнал я от генерал-майора Иванова[1243], что взятые в плен с обозом офицеры сего утра говорили, что неприятельские отделения будут следовать из Смоленска на Волков в Красное… Посему я останавливаюсь около деревни Сенники, дабы закрыть армию со стороны Смоленска»[1244].

Главнокомандующий приказал авангарду перерезать дорогу в районе деревни Ржавки, чтобы отсечь от главных сил противника его арьергард… Далее произошло то, что почему-то нередко называют «трехдневным сражением под Красным», хотя бои продолжались здесь с 3 (15) по 6 (18) ноября[1245]. Клаузевиц вообще относит начало боя к 2 (14) ноября — когда французская «…гвардия первой столкнулась у Корытни с отрядом Остермана-Толстого… и подверглась с его стороны сильному

артиллерийскому обстрелу»[1246]. На другой день, писал Клаузевиц, определяя это как «второй бой под Красным», «… гвардия встретила Милорадовича, построившегося ближе к Красному у Мерлина, и, прежде чем ей удалось дойти до Красного, она должна была выдержать серьезный бой»[1247].

О том, что происходило дальше, сведения также самые противоречивые — каждый старался преувеличивать собственные успехи и преуменьшать неудачи… Вот, например, как описали бой 3 ноября французский и русский его участники — маркиз де Коленкур и генерал Михайловский-Данилевский:

«Оказалось, что корпус Милорадовича… находился на позиции возле деревни Мерлино, слева от дороги. Против него были двинуты молодая гвардия и голландцы из старой гвардии. Эти войска не только сдержали русских, но и оттеснили их так, что наше продвижение не было прервано. Император отправился на место боя и находился там все время, пока бой оставался серьезным. В первый момент императору показалось, что эта атака представляет собой наступательный момент всей неприятельской армии; но неуверенность Милорадовича и его отступление после первых же наших демонстраций привели императора к выводу, что это лишь операции обособленного корпуса, цель которых — тревожить и задерживать нас»[1248].

«Милорадович, подойдя 3 ноября к большой дороге, увидел тянувшиеся неприятельские колонны; он тотчас открыл огонь, а вслед затем и произвел атаку кавалерией, которая отрезала задние колонны; голова же, как оказалось впоследствии, гвардия, ведомая лично Наполеоном, успела проследовать в Красный. Ермолов доносил: "Вообще сопротивление было самое слабое: все бежит в ужасе и страхе. Одна колонна, атакованная генерал-адъютантом Меллером-Закомельским[1249], сдалась". По окончании дела Милорадович отвел войска на ночлег в Угрюмово, оставив у дороги наблюдательный отряд»[1250].

Создается впечатление, что авторы описали совершенно разные баталии…

В тот же день «Наполеон приказал атаковать ночью генерала Ожаровского[1251], составлявшего авангард Кутузова на расстоянии 1 мили к югу от Красного, в Кутькове. Ожаровский был отброшен со значительными потерями»[1252]. Клаузевиц назвал это «третьим боем под Красным».

Однако из «Записок» Ермолова можно понять, что успех противника был совсем не так велик: «Составлен новый отряд из 19-го егерского полка, шести орудий артиллерии и достаточного количества казаков под начальством генерал-адъютанта графа Ожаровского. Приблизившись к Красному, не соблюл он должной

осторожности, полагая, что отступающий неприятель ничего не предпримет. Ночью граф Ожаровский атакован стремительно гвардией Наполеона в больших силах. Велика была потеря в храбром егерском полку; особенным счастьем уцелела артиллерия, и при общем замешательстве темнота была спасительным покровом»[1253].

На следующий день произошел четвертый бой.

«Казаки донесли Милорадовичу, что колонна вице-короля выступила из Смоленска. Милорадович тотчас стал поперек дороги. Вице-король атаковал нашу позицию, но был отбит; Милорадович послал тогда требовать сдачи, но, не получая долго ответа, двинулся в атаку; неприятель был рассеян и потерял 1500 пленных и последние 17 орудий; часть все-таки успела спастись благодаря наступившей темноте и проселками добралась до Красного»[1254].

И опять — иной вариант развития событий:

«Русский офицер, князь Кудашев[1255], полковник и адъютант генерала Милорадовича, предшествуемый трубачом, возвещавшим о парламентере, приблизился к группе вице-короля. Он объявил, что император и его гвардия вчера были разбиты. "Двадцать тысяч русских, за которыми идет вся армия Кутузова, окружают вас, — сказал он, — и вам ничего не остается лучшего, как сдаться на почетных условиях, которые предлагает вам Милорадович".

Уже несколько офицеров, желая скрыть вице-короля, чтоб он не был узнан, двинулись вперед, как он отстранил их: "Вернитесь, откуда пришли, — сказал он парламентеру, — и скажите тому, кто вас послал, что если у него 20 тысяч человек, то у нас 80 тысяч!" И русский, который собственными глазами мог видеть всю слабость этой горсти непреклонных людей, удалился изумленный таким ответом.

Затем вице-король галопом догнал свой отряд, остановил его, обратился к нему с речью, в которой обрисовал опасность положения. И солдаты, которые за минуту до того чувствовали себя изнуренными и подавленными, нашли в себе остатки прежней энергии: их лица озарились тем же светом, который в былые времена предвещал победу»[1256].

Блистательно! Хотя в «Журнале военных действий» записано нечто иное: «Полковник князь Кудашев послан был к неприятелю с предложением сдаться, но, видя медленность ответа, атака вновь началась»[1257].

Ладно, даже если все было так, как описал граф Ложье[1258], победы у французов все равно не было. Пораженные, по словам мемуариста, геройством почти безоружного противника, русские

расстреляли его из многочисленных орудий… Не будем осуждать наших соотечественников, ибо недаром сказано — хотя и несколько позже, — что, «если враг не сдается, его уничтожают».

«Лишь только половина первого корпуса прошла мимо неприятеля, как он открыл по нас сильный картечный огонь из 50 пушек, который был тем убийственнее, что неприятельские орудия находились от нас не далее, как на половину пушечного выстрела. Все вокруг нас пало. Затем, в самое короткое время, неприятель поставил несколько орудий на большой дороге впереди и позади той густой колонны, в которой находились и мы, и открыл по нас сильный картечный огонь. Мы были с трех сторон окружены пушками; картечь сыпалась на нас градом, нам оставалось одно средство, искать спасения в ближайшем лесу. Не успели мы добраться до леса, как вдруг наскакали на нас казаки и изрубили всех, которые остались на дороге»[1259].

По планам сторон 5 (17) ноября — не то третий, не то четвертый день боев, даже не совсем понятно, как считать, — должен был стать решающим.

«Наполеон, видя, что маршалы его не могут присоединиться, не понеся больших потерь, пока Милорадович стоит у дороги, решил 5 ноября атаковать нашу главную армию, надеясь, что князь Кутузов притянет к себе Милорадовича. Фельдмаршал решил тоже атаковать неприятеля 5-го числа; обозрев позицию Наполеона между Красным и Уваровой, князь Кутузов разделил армию на две части: большую вверил Тормасову и направил к Доброму, в тыл Наполеона, а меньшую — князя Голицына — на деревню Уварову»[1260].

«На рассвете авангард, возвратясь к большой дороге, стал параллельно ей, но к Красному ближе прежнего. Войска наши в этот день были очень умножены… Усмотренный вдали неприятель в продолжение большей части дня проходил отдельными толпами, из которых редкие были свыше двух тысяч человек, в совершенном расстройстве. Под огнем батарей наших оставляли они орудия, бросали обозы и рассеянные, с огромной потерей, спасались в леса. Некоторые отважно прошли далее, но пали под штыками дивизии гренадерской графа Строганова и 3-й пехотной. Одну из колонн атаковали полки лейб-гвардии драгунский, гусарский и уланский, и хотя нанесли ей чувствительный урон, но глубокий снег во рвах по бокам дороги не допустил истребить ее, и, прикрываясь ружейным огнем, не отклоняясь даже с дороги, она прошла в Красный»[1261].

«Князь Голицын выслал подкрепление и поставил орудия на берегу Лосминского оврага, но силы его были сравнительно слабы, и он не мог продолжать наступления, а потому

приостановил движение, выжидая прибытия Милорадовича. Милорадович в это время поражал Даву; часть его колонн бросилась с дороги в лес, которым пробиралась к Красному, а другую, поравнявшуюся с деревней Еськовою, Милорадович начал теснить с тыла; при его приближении князь Голицын начал переводить войска за Лосминский овраг. Наполеон выслал против наступивших гвардейский вольтижерный полк; вольтижеры в каре отбили сначала атаку двух наших кирасирских полков, но затем картечь, штыки двух полков и повторная атака кирасир истребили совершенно каре; высланное подкрепление, увидев судьбу вольтижеров, обратилось вспять. Наполеон приказал отступать, удовольствовавшись присоединением жалких остатков Даву; поручив ему распоряжаться у Красного, великий полководец ускакал через Доброе к Лядам… Число захваченных Милорадовичем и князем Голицыным пленных простиралось до 7 тысяч человек; взято 28 орудий с боя и брошенных французами…»[1262]

Особо следует отметить беспримерный подвиг артиллеристов полковника Никитина[1263] — недаром же командир конной 7-й роты был произведен в генерал-майоры. В конной артиллерии орудийная прислуга была посажена на коней, что значительно повышало маневренность и скорость их передвижения. Однако это не значило, что они могли атаковать в конном строю. Никитин атаковал ротой артиллеристов противника и взял орудия — «небываемое бывает»![1264]

В один из дней произошел и такой случай: «Неприятели уважали храбрость Милорадовича. При Красном сказали они через парламентера своего, что они никому не сдадутся, кроме генерала Милорадовича; в противном случае будут защищаться до последнего человека»[1265]. Звучит красиво и свидетельствует не только в пользу благородного русского генерала, но и отважных французов…

Однако «трехдневное сражение» все еще не завершилось, ибо на подходе был 3-й корпус грозного и бесстрашного маршала Нея.

«В полночь Ней тронулся из Смоленска, предварительно предав огню казенное имущество, которого не мог увезти с собой; вслед за выступлением войска загорелся город, подожженный неприятелем. Во втором часу ночи начались взрывы мин, подведенных французами под башни и стены…»[1266]Но смоляне достойно проводили завоевателей: «На пожарище явились мародеры, нарочно не последовавшие за Неем, но грабить было нечего в опустошенном городе; с рассветом стали показываться жители, прятавшиеся до тех пор в ямах и подвалах; они накинулись на мародеров и бросали их в огонь горевших зданий

или в прорубь»[1267].

«Известясь, что маршал Ней… следует по дороге от Смоленска к Красному, взял я позицию на высотах перед городом. Неприятель, приближаясь к оной четырьмя колоннами, под прикрытием своих батарей, с отчаянной решительностью атаковал мой правый фланг, с тем, чтобы, прорвавшись сквозь наши войска, открыть себе свободный путь к соединению с своей армией»[1268].

«В то самое время, когда французы наступали, сохраняя глубокое молчание, и почти касались руками наших орудий, Милорадович приказал отвести артиллерию назад, а сам поскакал к Павловским гренадерам и, указав на проходивший через Лосмину в колонне Иллирийский полк, обратился к ним со словами: "Дарю вам, ребята, эту колонну"… Тут, как и при Бородине, Павловские штыки не могли найти себе преграды. Офицеры давали солдатам пример и рубили неприятеля саблями… Вслед за истребленным полком являлись новые колонны, но о них можно выразиться словами историка: "французы лезли умирать на те же места, на которых за час перед тем были поражаемы"»[1269].

«У Нея не было тогда… и 5 тысяч под ружьем, тем не менее, отведя расстроенную дивизию Рикара[1270], он двинулся двумя колоннами на нашу боевую линию. Пользуясь туманом, колонна без выстрела дошла до наших орудий. Генерал Паскевич с Орловским и 5-м Егерским полками бросился на левую колонну Нея, бывшую под начальством генерала Разу[1271], и рассеял ее, захватив в плен бригадного генерала Ледрю[1272]. Ней с несколькими кучками вооруженных французов скрылся в тумане, причем наша кавалерия, в полном убеждении, что уже все войска его рассеялись, потеряла их из виду»[1273].

Вскоре станет широко известен памфлет, написанный флигель-адъютантом Орловым[1274], — «Размышления русского военного о 29-м "Бюллетене"»[1275]:

«Герцог Эльхингенский со своим корпусом и с остатками первого корпуса, разбитого у Малоярославца и Вязьмы, прибыл на следующий день после сражения под Красным прямо из Смоленска, где забавлялся тем, что взрывал древние стены и жег дома. Он не поверил своим глазам. Перед ним была русская армия, построенная в боевом порядке и готовая ко встрече с ним! Какой сюрприз приберег для него Наполеон! Однако решено наступать! Несколько колонн бросаются в атаку, и все гибнут. Маршал, не растерявшись, тотчас принимает решение. Он бросает свой корпус, как Наполеон бросил армию, — каков хозяин, таков и слуга. Бежавший с поля Ней был с распростертыми объятиями

принят императором…»[1276]

А вот — еще одна легенда, явно недостоверная: «Маршал Ней, расположив свои войска, послал к генералу Милорадовичу парламентера, предлагая ему сдаться, но русский военачальник отвечал: "Я проложу себе дорогу!"»[1277] Все было наоборот, и на предложение о сдаче в плен Ней отвечал: «Маршал Франции не сдается!»[1278] Но, может, и этого не было — все обошлось без красивых фраз. Хотя рапорт генерала Милорадовича об этом бое звучит весьма красиво: «Сие дело решило, что русская пехота первая в свете. Наступающие неприятельские колонны, под сильным картечным и ружейным огнем, в отчаянном положении решившиеся умереть или открыть себе путь, опрокинуты штыками храбрых русских, которые, ожидая их с хладнокровной твердостью, бросились на них с уверенностью в победе. Урон неприятельский чрезвычайно велик: все 4 командующие генерала, по словам пленных, убиты; всё место сражения покрыто грудами неприятельских трупов. С нашей же стороны во все сии дни убитыми и ранеными не более 500 человек»[1279].

Неизвестно когда — может быть, именно в этих боях — случилось и такое: «В одном из сражений русский авангард несколько раз нападал на батарею, и всякий раз был опрокинут. Милорадович, чтобы воодушевить солдат, бросил кучу Георгиевских крестов на батарею и закричал: "Собирайте!" Солдаты устремились с криком "ура!" на батарею, взяли ее, а кто жив остался — взял себе измятый в огне Георгиевский крест»[1280].

«Генерал Милорадович, покрывший уже себя блистательнейшей славой в течение трех предшествовавших дней, в самое это время среди смерти и ужасов сражения спокойно занимался обозрением мест и, проезжая мимо полков, по обыкновению своему, ласково с солдатами разговаривал. Войска кричали ему "ура!"»[1281].

В принципе, ничего нового к портрету героя. Хотя в каждом сражении были и какие-то особенные моменты.

«Милорадович во время сражения близ Красного увидел, что двое маленьких детей, брат и сестра, взявшись за руки, бежали среди мертвых тел. Он тотчас приказал взять их и отнесть в свою квартиру. С того времени Пьер, которому было 7 лет, и Лизетта, коей было 5 лет, не выходили из коляски. 6-го, после совершенного поражения Нея, между пленными, положившими оружие, малютки сии бросились к одному из них и вдруг в один голос закричали: "Батюшка! Батюшка!" В самом деле, это был отец их. Воин бросился к ногам спасителя, слезы радости полились из глаз его, показывая ясно, что чувствовало сердце отца в сию

минуту. Милорадович, тронутый сею сценою, велел ему с детьми остаться при себе. Редкий пример сострадания к врагам своим»[1282].

Кстати, современники вспоминают и другой аналогичный случай: «В одном из сражений Милорадович спас маленькую сиротку француженку, не знавшую даже имени своих родителей, и отправил ее к своей сестре, у которой она получила отличное воспитание, приняла православие и вышла замуж…»[1283]

Известно, что с отступавшей Великой армией детей было немало: «Особенно поражали меня толпы невоенных людей с женами и детьми, тащившихся по глубокому снегу. Кто были эти люди? Вероятно, французы, жившие постоянно в Москве, но бежавшие поневоле, от страха быть убитыми… Вот трое детей: старшему лет пятнадцать, он несет на руках трехлетнюю сестру, мальчик лет восьми идет за ним. При них ни родителей, никого. Никто не позаботится помочь детям; да и имел ли кто на это возможность!»[1284]

Возможно, к реальным происшествиям кое-что добавила досужая молва — и все-таки… А вот иной пример благородства: «Между сими злополучными жертвами честолюбия случился один заслуженный французский капитан, кавалер Почетного легиона. Он лежал без ноги под лавкой. Невозможно описать, как благодарил он за то, что ему перевязали рану и дали несколько ложек супу. Генерал Милорадович, не могший равнодушно видеть сих беспримерных страдальцев, велел все, что можно было, сделать в их пользу. В Красном оправили дом для лазарета; все полковые лекари явились их перевязывать; больных оделили последними сухарями и водкой»[1285].

И опять-таки — удивительный характер Милорадовича. Только закончилось многодневное сражение, он «…решил отпраздновать свои именины. Нельзя было удачнее выбрать момент для общей радости. Милорадович пригласил к своему столу пленных офицеров. Особенность их положения ничем не была подчеркнута, и, если была заметна, то разве лишь по усиленному вниманию, которое было им оказано…

Из деревни, где Милорадович устроил свою главную квартиру, мы вернулись в Красный. Дома здесь были переполнены ранеными и пленными; вокруг бивуачных костров томились безоружные неприятельские солдаты вперемежку с русскими… Генерал Кретов[1286] на другой день очень живо и забавно рассказывал нам обо всем, что было ночью. Уснуть было невозможно: то и дело солдаты из корпуса Нея стучались в окна и спрашивали:

— Здесь, что ли, сдаются?

Получив утвердительный ответ, они собирались вокруг костров, и с этого момента не было более ни друзей, ни врагов»[1287].

«В ноябрьских боях под Красным неприятель потерял до 10 тысяч человек убитыми, от 19 до 30 тысяч пленными, 209 (по другим данным 266) орудий и 6 полковых знамен. Русские потери составили 2 тысячи убитыми и ранеными. Главные силы российской армии под командованием Кутузова в боевых действиях не участвовали…»[1288]

Неучастие это случайным назвать нельзя.

«Коновницын под Красным тщетно убеждал великого полководца перехватить отступление Наполеону. На одно из таких представлений Кутузов сказал Коновницыну: "Ты видал, когда осенью вставляют зимние оконные рамы? Обыкновенно между рамами попадаются мухи. Пожужжав и по-вертясь немного, они околевают. То же будет и с французами: все они скоро издохнут!" После сего ответа Коновницын выпросился у Кутузова в сражение…»[1289]

Однако именно за Красный светлейший князь Голенищев-Кутузов был наречен «Смоленским» и награжден орденом Святого Георгия 1-й степени.

И последнее: «Генерал Милорадович к одержанию победы в сих знаменитых сражениях употреблял от французов же заимствованный способ, которым однако ж дотоле никто у нас не пользовался. Способ сей состоял в сосредоточивании в большом числе артиллерии. Генерал Милорадович приказывал командовавшему всей артиллерией авангарда полковнику Мерлину[1290] ставить по 40 и более орудий вместе. Такие батареи наносили смерть целым неприятельским колоннам и понуждали их к скорой сдаче»[1291].

Но, опять-таки, бытовали и иные точки зрения. Денис Давыдов писал: «Сражение под Красным… может быть по всей справедливости названо лишь трехдневным поиском на голодных, полунагих французов. Целые толпы французов, при одном появлении небольших наших отрядов на большой дороге, поспешно бросали оружие. В самом Красном имел пребывание Милорадович. Толпа голодных французов, в числе почти тысячи человек, подступила к квартире Милорадовича. Появление этой толпы, умолявшей лишь о хлебе и одежде, немало всех сначала встревожило. Храбрый командир Московского драгунского полка полковник Николай Федорович Давыдов [1773 — после 1816], называемый *torse* [кривой] по причине большого количества полученных им ран, ворвался в средину французского батальона, которому приказал положить оружие. Утомленная лошадь его

упала от истощения среди батальона, который тотчас исполнил его требование»[1292].

* * *

«Вчера перенесли мы знамена свои за древние рубежи нашего Отечества. Перейдя речку Мерейку, мы вступили уже в Могилевскую губернию. И так ныне уже ясно и никакому сомнению не подвержено, что одно постоянное продолжение сей войны увенчивает ее столь блистательными успехами»[1293].

Французы «…продолжали бежать из всей мочи. Вьюги застилали след их; только взрывы зарядных ящиков и фургонов, груды мертвых тел и издохшие лошади указывали авангарду путь за неприятелями. Пушки, обозы стояли брошенные на дорогах и местами заграждали проход войск. Все селения были превращены в кучи пепла; толпы отсталых валялись вокруг огней. Донцы кое-как умели находить себе продовольствие, но шедшая позади их пехота Ермолова терпела крайний недостаток. Солдаты и генералы все одинаково нуждались. Не было ни сухарей, ни вина. Вьюки отстали на переправах, где обыкновенно отгоняли их, очищая дорогу артиллерии. Если на привалах случалось кому-нибудь отыскать несколько картофелин, все бросались к тому месту, где он был найден, разрывали землю и часто, не имея терпения варить или печь, ели его сырой. Скоро перестали находить и картофель. Тогда несколько горстей ржи или овса, паренных в снежной воде, служили пищею»[1294].

17 (29) ноября последние части французов переправились за Березину. Русские войска не смогли помешать этой переправе.

«Намерение Главнокомандующего было припереть неприятеля к реке Березине до ее замерзания. Чичагов, выступивший из Молдавии… подвинулся форсированными маршами к Березине и занял Борисов, дабы преградить французам переправу; но авангард его, переправившийся через Березину, был внезапно атакован бегущим неприятелем и принужден обратно перейти за реку. Пока отряд французский отвлекал Чичагова, вся неприятельская армия, построив мост в другом месте, переправилась, встретив сопротивление только от небольшой части наших войск, которую Чичагов не успел подкрепить»[1295].

Причин неуспеха называют много, но главная из них состоит в том, что гениальный Наполеон сумел переиграть противника.

«Армии князя Кутузова не было надобности находиться при Березине — направленных туда сил было совершенно достаточно,

и скопление массы войск не принесло бы пользы; кроме того, армия, выдержавшая генеральные сражения под Малоярославцем, Вязьмой и Красным, нуждалась в некотором покое, вот почему князь Кутузов и отрядил лишь Милорадовича, и если он, "крылатый", не поспел со всем отрядом к Стаховскому сражению, то когда бы подошла армия, двигавшаяся в бури и метели по проселочным дорогам?»[1296]

«Белоруссия представляла также мрачную картину разорения. Те же пожары, те же грабежи и вопль жителей, как и везде, означали следы бегущих врагов порядка и человечества.

Одни евреи принимали нас здесь с непритворной радостью. За верное узнали, что они, во время нашествия неприятеля, налагали на себя посты и молили Бога о ниспослании победы русским. На сих днях один еврей, будучи употребляем генералом Милорадовичем для важнейших поручений, исполняя в точности оные, отказался принять знатную сумму денег, предложенную ему в награду сим генералом, говоря, что он готов жертвовать даже самой жизнью для пользы государя нашего, не для корысти, но из единого к нему усердия»[1297].

«Милорадович… дошел до Борисова только 29 ноября, а затем проследовал проселками на Молодечно, где, выйдя на большой тракт, двинулся за Чичаговым и достиг Вильно 13 декабря. Главная армия Кутузова двинулась на Минск, а оттуда на Вильно, где 12 декабря она расположилась по квартирам»[1298].

«Перед въездом в Вильну Милорадович называл себя капитаном и ухаживал за польками. Каково же было их удивление, когда они через несколько дней увидели Милорадовича верхом перед войсками, вступавшими в Вильну, — в генеральском мундире с несколькими звездами и многими орденами»[1299].

11 декабря в Вильно прибыл Александр I. Армия наступала, неприятель был изгнан из пределов Отечества — и государь наградил героев по-царски.

«Все тщеславятся торжеством над неприятелем и не могут никак по сие время разрешить загадку сего чудного переворота. Впрочем, одна только бодрость, победы и национальный дух оживляют физиономии спавших с лица и весьма похудевших офицеров и солдат. Светлейший превыше всех превозносим ими. За ним Милорадович… Милорадович общую имеет к себе привязанность. Ему, сверх 2-го Георгия, дан 1-й Владимира. Генералы, коих засим хвалят, суть: Раевский, Коновницын, граф Орлов-Денисов, Саблуков[1300], Потемкин и еще несколько. Сказать должно однако ж, что интриг пропасть, иному переложили награды, а другому не домерили», — писал генерал

от инфантерии Римский-Корсаков, ставший губернатором Литвы[1301].

Подтверждением его слов — письмо генерала Раевского, написанное в те самые дни: «Кутузов, князь Смоленский, грубо солгал о наших последних делах. Он приписал их себе и получил Георгиевскую ленту, Тормасов — св. Андрея, Милорадович — св. Георгия 2-й степени и высшую степень Владимира, а я, который больше всех, чтобы не сказать один, трудился, должен дожидаться хоть какой-нибудь награды!»[1302]

Николай Николаевич не совсем точен: «Список господам генералам, в сражениях против неприятеля 22 и 26 октября, 3, 4, 5 и 6 ноября минувшего года отличившимся» Кутузов представил государю только в марте 1813 года. Генерал-лейтенант Раевский, командир 7-го пехотного корпуса, открывал этот список: «При нападениях неприятельских 3, 4 и 5 чисел с корпусом своим действовал со свойственным ему благоразумием и мужеством, особенно 4-го, будучи обойден неприятелем на правом своем фланге, решительной атакой на штыки отнял у неприятеля все одержанные им выгоды и истребил холодным ружьем шедшие на него колонны. 6-го числа при поражении маршала Нея составлял с корпусом своим правый фланг и мужественным нападением на штыки уничтожил колонны, стремившиеся пробиться; два знамени, 28 орудий, 2 генерала, большое число штаб- и обер-офицеров и тысяча рядовых — суть трофеи его в сих делах»[1303].

Светлейший князь Смоленский представил его к награждению алмазными знаками ордена Святого Александра Невского. Как понимаем, не густо… Святого Георгия 2-й степени Раевский получит за победы на территории Франции, Святого Владимира 1-й степени — за Кульм, чин генерала от кавалерии — 8 октября 1813 года. Андреевским кавалером этот блистательный, популярнейший в России военачальник так и не стал, между тем как в 1813 году орденом Святого Андрея Первозванного были награждены корпусные командиры граф Ланжерон, князь Остен-Сакен…

В эти же дни Милорадович получил и две весьма необычные награды.

«Из всех генералов одному Милорадовичу император Александр позволил носить на войне знак Военного ордена, Георгиевский крест, учрежденный для солдат. "Носи солдатский крест, — сказал ему Александр. — Ты друг солдат!"»[1304].

Ответ на вопрос, каким образом он удостоился столь лестного звания, в свое время дал сам Михаил Андреевич: «Спросили однажды Милорадовича, как приобрел он такую неограниченную любовь офицеров и солдат. "Искусство не

трудное, — отвечал он. — Никогда не заставлял я войско ждать меня ни в походе, ни на учебном месте; ездил не за колоннами, не в экипаже, но всё верхом на лошади, всегда в виду солдат; не изнурял их на войне пустыми тревогами; являлся первый в огонь; при несчастных случаях был веселее обыкновенного"»[1305].

И вторая награда: «Узнали мы, что графиня Орлова-Чесменская прислала Милорадовичу саблю покойного отца ее, жалованную ему»[1306].

Напомним: «В то время когда неприятель опустошал окрестности Москвы, генерал Милорадович, узнав, что вблизи находится имение графини Орловой, заслонил его своими войсками и, отразив врага, не допустил расхитить сел ее и попрать гроб знаменитого Орлова. Он сделал это, следуя первому порыву чувства уважения к заслугам Чесменского, убежден будучи, что могила храброго отечеству священна! Но дочь, благоговеющая к праху родителя, приняла в полной цене этот подвиг и при лестном письме прислала драгоценный меч герою»[1307].

Но вот иное описание связанных с этим событий: «Письмо графини Орловой было доставлено Милорадовичу чрез адъютанта его Окулова; Милорадович в присутствии своего штаба несколько раз спрашивал у Окулова: "Что говорила графиня, передавая тебе письмо?" — и, к крайнему прискорбию своему, получал несколько раз в ответ: "Ничего". Милорадович возненавидел его и стал его преследовать. Окулов погиб скоро в аванпостной сшибке»[1308]. Звучит так, словно это Михаил Андреевич виноват в гибели адъютанта, — но разве он сам в боях не участвовал? Увы, в рассказе поэта-партизана явно сквозит уязвленное самолюбие: «Все поляки от меня отхлынули и пали к стопам его; но ему было ни до владычества своего, ни до подлости других: он в то время получил письмо с драгоценной саблей от графини Орловой-Чесменской. Письмо это заключало в себе выражения, дававшие ему надежду на руку сей первой богачки государства. Милорадович запылал восторгом необоримой страсти! Он не находил слов к изъяснению благодарности своей и целые дни писал ей ответы, и целые стопы покрыл своими иероглифами; и каждое письмо, вчерне им написанное, было смешнее и смешнее, глупее и глупее! Никому не позволено было входить в кабинет его, кроме Киселева, его адъютанта, меня и взятого в плен доктора Бартелеми. Мы одни были его советниками: Киселев — как умный человек большого света, я — как литератор, Бартелеми — как француз, ибо письмо сочиняемо было на французском языке»[1309].

Ладно, разговор о графине еще впереди…

«Но среди сих блестящих торжеств и в самом шуме забав генерал Милорадович не забывал о тех, которые в повседневных боях, пренебрегая раны и смерть, трудились с ним вместе для свободы и славы Отечества. Ничто так не полезно на военном поприще, как награждение заслуг. Честь составляет главнейшую пружину в монархическом правлении, а посему и знаки ее должны быть непременною наградой достоинства… Генерал Милорадович, желая исходатайствовать справедливые подчиненным награды, представил его светлости именные списки отличившихся»[1310].

И опять — противоположная оценка: «Главный за ним порок был тот, что он, в минуту дела, восторжен бывал услугой сотоварищей; но прошло дело — прошла и мысль о нем! Однако по чувству души и цены подчиненного, он, при всякой встрече, спрашивал каждого, служившего с ним: "все ли вы получили по моим представлениям?" Ответ, натурально, никогда не был отрицательным, хотя никто ничего не получал. Это просто размен вежливостей. Но Милорадовичу и в голову не приходило вспоминать, кого и как он представлял»[1311].

Может быть, и так… Но вспомним известного нам кавалергарда Киселева: «За весь указанный боевой период, начиная со дня назначения адъютантом к Милорадовичу по день взятия Парижа, то есть в течение года и трех месяцев, Киселев получил: святого Владимира 4-й степени с бантом, святой Анны 2-й степени, святой Анны 2-й степени с алмазами и золотую шпагу с надписью "за храбрость" и был произведен из поручиков в штабс-ротмистры и затем в ротмистры; кроме того, награжден королем Прусским орденом за заслуги и королем Баварским — орденом Максимилиана 3-й степени»[1312].

Много это или нет — судить не нам, а потому возвратимся в 1813 год.

«По прибытии к полку нашему в Гродно… полковой наш командир Карпенков[1313], получивший чин генерал-майора за военное отличие, при Бородине оказанное, сделал с позволения корпусного командира полный вооруженный полковой парад к могиле бывшего шефа нашего полка полковника Давыдовского, умершего 31 декабря на 49-м году в Гродне от ран, добавленных ему в войне с французами 1806 года декабря 11-го… Принеся священную признательность праху предшественника своего в начальстве полком и геройстве пред ним, генерал-майор Карпенков возвратился с парадом в город и, распустив полк по квартирам, явился к генералу Милорадовичу, который, приняв рапорт о исполнении тризны, не преминул восхвалить выразительно почесть, оказанную праху падшего со славою в бою

известного ему героя, сопроводив похвалу свою следующими словами, самородками души и сердца его: "Бог мой! Никто не может достойнее меня оценить эту почесть, принесенную праху известного и мне героя от виденных мною во всех боях храбрыми — неустрашимыми"»[1314].

* * *

«При выступлении за границу генерал Милорадович отдал приказ, чтобы во всех полках служили молебны в возблагодарение Богу, управляющему судьбой браней за счастливое окончание Отечественной войны, моля: да осенит и прославит он и впредь оружие российское, подъемлемое на освобождение царств и народов!»[1315]

«Милорадович двинулся по тракту к Белостоку, а когда он стал на уровень с нами, то оба отряда, каждый по своему назначению, двинулись вперед: Милорадович — на Пул-туск и Варшаву, а наш отряд на Плоцк. Против Милорадовича и нас были австрийцы; стычек не было, но каждый день уславливались, что они отступят до такой-то местности, а мы подадимся вперед до той-то местности, и поэтому хоть неявно, но уже некоторым образом скрытно они переставали быть союзниками Франции»[1316].

«Цель движения Главной армии из Мереча на Плоцк состояла в угрожении левому крылу князя Шварценберга[1317] и Ренье[1318], расположенных у Модлина, Сироцка и Варшавы, побуждении их перейти за Вислу и отступить к Кракову и Сандомиру. Непосредственные действия против них с фронта возложены были на Милорадовича, составлявшего левое крыло армии»[1319].

15 января. «Сегодня генерал Милорадович осматривал проходившие войска 4-го и 7-го корпусов. Веселый вид солдат, их бодрость и свежесть лиц не показывали, чтоб они перенесли столь много неслыханных трудов, пройдя великое, необъятное пространство от Оки до Вислы в беспрерывных сражениях и победах, среди лютейшей зимы. Седьмой корпус обратил на себя особое внимание. Генерал Паскевич, при громком барабанном бое и веющих знаменах, провел его быстрым и смелым шагом. В остатке этого корпуса виден был тот же жар и дух, с каким истреблял он колонны Нея под Красным»[1320].

«Милорадовичу велено было при сближении с австрийцами побуждать их к отступлению без боя. Для того он должен был соблюдать с ними самые дружественные сношения и при встрече убеждать их, что места, где они находились, назначены для

занятия нашими войсками»[1321].

«Генерал Милорадович посылал также к ним с особыми тайными поручениями начальника авангардного штаба полковника Сипягина. Вследствие сих переговоров австрийцы уступили нам всю дорогу до самого местечка Прасниц; и даже большой магазин в сем местечке, сдав оный во всей целости»[1322].

«18 января Милорадович заключил перемирие с князем Шварценбергом, которое обеспечивало австрийцам свободное отступление в Галицию»[1323].

«Милорадович соблюдал права человечества и в то самое время, когда бы нарушение оных было простительно. По пересечении дорог, идущих из Варшавы и Модлина, беспрестанно приносили из передовых постов в квартиру Милорадовича чемоданы с письмами, отправленными по почте. Воинская осторожность требует, чтобы письма все были читаны. Генерал приказал отобрать все письма от дочерей к отцам, от матерей к сыновьям, от жен к мужьям — и по возможности стараться пересылать их. Надобно было иметь сердце Милорадовича, чтобы даже и к неприятелям быть столько снисходительным»[1324].

Душевный порыв вызывает восхищение! Но знать бы, насколько выполнялись подобные приказы ближайшим окружением генерала — письмо Федора Глинки заставляет сомневаться в добросовестности адъютантов: «Много есть писем из разных мест Франции, Италии и Германии… Много в них есть смешного, жалкого. Вообще странно в окрестностях Варшавы узнавать все сокровеннейшие тайны семейств, живущих в Париже, Вене или Касселе. Есть много прекрасных писем. Когда-нибудь я тебе пришлю их кучу»[1325].

«По получаемым известиям, жители Варшавы весьма желают прибытия российских войск. С некоторого времени освобождены будучи от безрассудных мечтаний, они начинают принимать с признательностью кроткое и великодушное с ними обращение наших войск»[1326].

«Милорадович был уже в виду Варшавы. Князь Шварценберг просил его подойти еще ближе, дабы иметь благовидный предлог очистить город. Когда желание было исполнено, он прислал сказать, что сдает Варшаву, но для чести войск своих и избежания всякого нарекания от своих союзников просит не признавать пленными находящихся в Варшаве больных воинских чинов, принадлежавших к разным державам, обращаться с ними человеколюбиво и не наказывать жителей, обнаруживших поступками и речами неприязненное расположение к России. Милорадович отвечал: "Я испрошу у князя Кутузова разрешения

на первую статью; что касается до последних двух, то по ним не нужно заключать условий, ибо всему свету известно милосердие императора, всегда служившее основанием поведения русских войск"»[1327].

«Понятовский вздумал прислать к нам адъютанта, будто для пересылки писем к пленным, а в самом деле для узна-ния силы нашего авангарда. Австрийцы намекнули нам о сем из-под руки. Генерал Милорадович приказал тотчас горсть пехоты своей рассыпать по всем деревням, вдоль по дороге лежащим, коннице велено переезжать с места на место, появляться с разных сторон и тем число свое увеличивать. А пушек у нас так много, что их и девать негде было. К счастью, в сей день, как нарочно, заехал к нам генерал Дохтуров, которого корпус неподалеку проходил. Накануне прибыли генерал-лейтенант Марков[1328] и князь Горчаков; последний привел с собою не более 400 человек. Тут же находился и генерал Уваров, командовавший кавалерией авангарда. Адъютант Понятовского, белокурый, высокий, бледный, тонкий молодой человек, в предлинных ботфортах и в прекоротком мундире, прибыл к обеду. За столом сидело до десяти генералов. К крайнему удивлению, видя между ними четырех, которые, имея по три звезды на груди, всегда командовали тремя большими корпусами и сделали имена свои известными, адъютант Понятовского мог думать, что их войска тут же вместе с ними. Войска авангарда, искусно по дороге расставленные, и великое множество пушек утвердило его в этом мнении. И таким-то образом этот тайный посланник Варшавы возвратился с известием, что Милорадович может устремить против нее по крайней мере 30 тысяч штыков: а русские штыки памятны Варшаве!»[1329]

«25 января генерал Милорадович, дабы побудить неприятеля оставить Варшаву, сблизил свои войска к городу, рассылая и обнимая большое пространство кавалерийскими партиями… Искусными маневрами войск он занял город Варшаву 27 числа января, не сделав ни одного выстрела»[1330].

«Все мы в парадных мундирах собрались в небольшом садовом домике, где остановился генерал Милорадович. Тут было человек 12 генералов. Пред крыльцом стоял в строю прекраснейший эскадрон Ахтырского полка: зрители пленялись его картинным видом. Ровно в два часа передовой посланный возвестил скорое прибытие депутатов. Любопытство подвинуло всех к окнам. Сперва показались вершники из Польской народной гвардии, и вдруг богатая карета, восемью английскими лошадьми запряженная, сопровождаемая отрядом сей же гвардии, загремела и остановилась у крыльца. Эскадрон отдал честь. Вслед за первою

подъехала такая же другая. Эскадрон повторил приветствие. Префект Варшавы, мэр, подпрефект, два члена духовенства, бургомистр и еще пять или шесть человек в нарядных шитых мундирах, с разноцветными перевязями через плечо, собрались на крыльце. Двери настежь! — И гости вступили в комнату. Между ними находился тот самый старик, который вручал ключи Суворову. Толпа отшатнулась — генерал Милорадович выступил вперед.

"Столица герцогства Варшавского, в знак миролюбивого приветствия победоносному русскому воинству, посылает сие", — сказал префект, поднося хлеб и соль. "Вот и залог ее покорности знаменитому оружию всеавгустейшего императора Александра Первого", — прибавил мэр, подал знак — и старец вручил генералу золотые ключи. Все поклонились очень низко. У некоторых блеснули слезы на глазах»[1331].

«Воспитанник Суворова получил ключи города из рук того самого чиновника, который за девятнадцать лет перед тем поднес их Рымникскому. Следуя наставлению фельдмаршала, Милорадович объявил жителям: "что церкви и законы их останутся неприкосновенными, что государь, из особенного покровительства к Варшаве, освобождает ее от постоя; не желает проливать кровь за кровь и платить разрушением за разрушение; даже для самых виновных отложил суд свой, карая их одною милостью"»[1332].

«Получив ключи Варшавы, государь пожаловал Милорадовичу вензелевое изображение имени своего, для ношения на эполетах, а князь Кутузов писал ему: "Великие заслуги ваши столь много сблизили вас с всеавгустейшим императором нашим, что сие даруемое им вам преимущество находиться при особе его императорского величества сделалось необходимым для вас и для него".

Через несколько дней Милорадович имел торжественный вход в Варшаву. Пройдя по улицам, войска вышли из города и расположились в окрестных деревнях, потому что государь не велел ставить их постоем в Варшаву, где назначена была только главная квартира Милорадовича, с приличным караулом. Офицерам и солдатам позволили ходить в город не иначе, как с билетами, но запретили ночевать в нем»[1333].

«Сей способ предохраняет нас от заразительных болезней, свирепствующих в Варшаве, по причине французских госпиталей, где находящиеся до 6 тысяч человек объявлены военнопленными»[1334].

«Освобождение Варшавы от постоя, денежной дани и вообще великодушное с нею обращение победителей не подвигло,

однако, жителей к благодарности. Вместе с находившимися в городе пленными французами начали они замышлять против нас козни, после чего ввели русские войска в Варшаву»[1335].

«Напрасно ожидали мы отдыха в Варшаве: войскам велено выступить в поход; через три дня поспешим за ними. Расстаться с Варшавою, не насладясь ее удовольствиями, это все равно что в жаркий день только прикушать воды из студеного колодца и, не утолив палящей жажды, идти далее в знойный путь.

Вчера генерал Милорадович с великолепным конвоем проезжал Варшаву. Народ теснился в улицах и кричал ему: "Виват!" Приятно было видеть, что в домах, на улицах и рынках все было покойно; никакие занятия, работы и упражнения не прерывались. Сами жители сознаются, что при французах, приятелях их, не так было… Понимаю, для чего не оставляют войск в Варшаве. Прекрасные трактиры, театр, лазенки и всякого рода удовольствия могли бы очаровать, разнежить закаленных в боях и заставить их забыть, что война не окончилась; ибо Европа еще не спасена!»[1336]

«Милорадович должен был, оставя часть войск в Варшаве, с другою составлять авангард ее [левой Главной армии]. Милорадович сдал начальство в Варшаве графу Палену и, отправляясь к авангарду Главной армии, писал Варшавскому городовому правлению: "Преемник мой и я руководствуемся одинаковыми правилами. Мы оба, как и вся армия, имеем в предмете одну цель: удостоиться благоволения Государя Императора, и надеемся соделаться достоянными Его внимания, сохраняя в войсках строгую подчиненность и порядок"»[1337].

«30-го поздно пришла пехота в город Блони, от Варшавы 4 мили… Везде снег уже растаял и совсем весенняя погода. Люди шли часто по колено в воде»[1338].

«В русских войсках, в исходе января 1813 года, находившихся за границею состояло 138 318 человек. У Милорадовича — 12 456»[1339].

«Каких союзников имела Россия в начале войны 1812 года, кроме Бога, беспредельной веры в Его могущество и мужества, ей внушенного? Она одна встретила напор двадцати языков, или, вернее сказать, по крайней мере десяти народов, изнемогала под ударами их, но не пала; и их же, дружелюбно взяв за руку, повела на предводительствовавшего ими. Шести месяцев было ей достаточно, чтобы произвести совершенный перелом в судьбах целого мира»[1340].

Русская армия вышла в Европу — началась освободительная кампания 1813—1814 годов.

Глава девятая.
«ВАМ НЕ ВИДАТЬ ТАКИХ СРАЖЕНИЙ!»

«В истории кампании 1813—1814 годов Милорадович играет едва ли еще не более видную роль, нежели в войну Отечественную. Это был вполне достойный, блестящий представитель нашей армии в пределах иноземных государств»[1341].

Наполеон терял своих союзников, переходивших под руку Александра I весьма осторожно, порой даже втайне, чтобы не вызвать гнева недавнего своего сюзерена, хотя и пошатнувшегося, но могущественного. В этих условиях русским военачальникам нередко приходилось становиться дипломатами. В начале февраля Милорадович сообщал начальнику Главного штаба князю Волконскому: «Прусской службы полковник принц Бирон Курляндский[1342] объявил мне, что он прислан от его величества короля прусского, дабы сделать представление относительно нейтралитета одной части Шлезии и объяснить побуждающие к тому причины… Причины же, по которым король желал бы, чтоб в ту часть Шлезии не входило российское войско, суть те, что в оной расположены разных полков их депо, в кои ожидают ремонта лошадей и проч. Французы пропустили уже 6 тысяч ремонтных] лошадей, туда следующих, но могли бы захватить подобные ремонты, узнав, что российское войско заняло те места… Я тем охотнее согласился на предложение, мне сделанное, что оное нимало не мешает движениям нашим»[1343].

«16 февраля, после долгого колебания, Прусский король подписал союзный договор, по которому обязывался выставить 80-тысячную армию. Австрия хотя и медлила последовать примеру Прусского короля, но относилась к союзникам доброжелательно. Такой важный политический успех давал полную возможность решительно вести дальнейшие военные действия»[1344].

«По заключении союзного договора в Калише, король Прусский прислал к Государю генерала Шарнгорста[1345] условиться о военных действиях, основанием коих приняли следующее: …Милорадовичу, составлявшему авангард, двинуться вперед, обложить Глогау, и по прибытии на его смену пруссаков, сдав им блокаду, идти до Сагана и там остановиться»[1346].

Стоит ли уточнять, что наша армия, с боями дошедшая от Тарутина до Прусских земель, теперь существенно усилилась союзниками…

«13 [февраля]. Генерал-от-инфантерии Милорадович прибыл с авангардом в местечко Ярошево», — записано в «Журнале военных действий»[1347].

«В местечке Ярошеве, по случаю дурных дорог, войска расположились на кантонир-квартирах[1348], и Милорадович прожил в сем местечке десять дней»[1349].

«Сам генерал Милорадович большую часть времени проводит в чтении. Во все это время перечитывал он Плутарха. Он встречается с великими людьми его, как с давними знакомцами, и много занимается их делами и участью. "Найди мне, — сказал он однажды, — хотя несколько великих полководцев, которым бы отдали полную справедливость прежде смерти и которые умерли бы без огорчений, довольны жизнью и судьбою своей!" Правду сказать, что с таким условием трудно найти и одного. Неблагодарность народов, несправедливость государей, зависть, клевета и происки сопровождают великих от колыбели до гроба. Жизнь их есть беспрестанное борение. Где ж награда? — В потомстве, в истории!..»[1350]

«Необразованный», «малосведущий» — каких только характеристик нашего героя мы не встречали. Но Плутарха-то он перечитывает!

«После десятидневного заключения мы переменили квартиры, и все дежурство наше переехало в Ждуни. Это очень маленький, но очень красивый и чистый городок на самой границе Силезии. Завтра генерал едет в Калиш благодарить государя за пожалованные ему вензеля на эполеты»[1351].

Императорские «вензеля на эполеты» — отличие редкое, Михаил Андреевич получил его первым. «В царствование Александра I появилось еще одно почетное свитское звание — генерал, состоящий при особе Его Императорского Величества. Обычно оно давалось полным генералам и адмиралам»[1352]. «Граф Милорадович сказал мне, что одна из самых лестных наград, полученных им в его жизни, состояла из вензелей государевых… и письмо, по сему поводу писанное к нему Кутузовым»[1353].

«Генерал Милорадович прибыл 2-го числа в местечко Фрауштадт» — это рядом с крепостью Глогау[1354]. «Генерал Милорадович тотчас открыл осаду Глогау, с первого по десятое марта неприятель ежедневно делал вылазки из крепости, но каждый раз был прогоняем нашими казаками и стрелками. 14 числа неприятель сделал сильную вылазку тремя колоннами, из коих первая, имевшая намерение ворваться в Раушвиц, удержана была цепью стрелков Вятского пехотного полка, под командой капитана Зеленецкого, а другие две, с тремя батарейными

орудиями, заняв высоты между Раушвицем, действовали по стрелкам нашим в селении Раушвиц и Эцкаю гранатами и ядрами, намереваясь овладеть первым из сих селений; но действием нашего конного орудия, поставленного по приказанию генерала Милорадовича на выгодном месте, батарея их была сбита и стрелки прогнаны, которые, хотя вторично устроив колонны и усиливались произвести намерение свое в действо, но русскими стрелками и артиллерией были совершенно опрокинуты и ретировались, быв преследуемы картечными выстрелами. В сем деле неприятель имел значительный урон. Того ж числа ночью, по приказанию генерала Милорадовича, подвезены были новые орудия к крепости, и сделано несколько выстрелов гранатами, отчего в крепости произошел пожар, и гарнизон всю ночь стоял в ружье. 19 числа генерал Милорадович открыл по крепости сильную канонаду из двух батарей… Действие оных было столь удачно, что подбито несколько орудий»[1355].

Война — войною, но кто поверит, что Милорадович жил только боевыми действиями? Так, 12 марта во Фрауштадте отпраздновали день восшествия на престол императора Александра I.

«Войска и жители без всякого предварительного условия приготовились к общему празднеству. С восходом прекрасного весеннего солнца движение и деятельность зашумели в городе… После развода все пошли в особый дом, где генерал Милорадович приказал приготовить великолепный обеденный стол на 200 особ. Русский полковой священник служил молебен. Кроме военных чиновников и почетнейшие из граждан присутствовали при оном. Я не могу описать восторга, который овладел сердцами, когда священник произнес молитву, чтобы Господь положил всех врагов под стопы государя нашего… При пении многие лета государю рота полковника Мерлина палила из всех своих пушек. Глогавцы также сегодня стреляли. Гром их пушек сливался с шумом нашего торжества. Эти осажденные, равно как и модлинцы, не щадят зарядов. Вскоре по отпетии молебна подпрефект, бургомистр и прочие чиновники города, с немалым числом окрестных дворян, вместе с военными сели за стол. Офицеры угощали их. Около двадцати генералов, украшенных блистательнейшими знаками отличия, возвышали присутствием своим сие торжество. Изобилие щедрой рукою потчевало гостей. В продолжение обеда окна в доме были отворены и музыка гремела. Народ большими толпами собрался на улице. Офицеры вздумали повеселить его: наменяли мелких полусеребряных денег и начали бросать, говоря: "Молитесь за здоровье Александра Первого! Ура!" —

Громкие восклицания раздались по всем улицам; деньги беспрестанно сыпались, и народ неумолчно кричал: "Ура!" Тут же представили подписку для подцержания здешнего театра. В несколько минут авангардная щедрость ссыпала такую сумму, которая удивила и осчастливила бедных актеров… С наступлением ночи весь город запылал разноцветными огнями. Множество плошек украшало дома и улицы. По всем площадям и улицам играла музыка…»[1356]

«Император Александр выступил с Главной армией из Калиша в Дрезден… Милорадович сдал пруссакам обложение крепости Глогау»[1357].

22 марта. «Мы получили повеление идти в Бунцлау, за Одер, к Саксонии… Сегодня были в последний раз в театре. По окончании оперы "Сельский праздник" вдруг появились два гения, держащие щит, в котором вкруг вензеля генерала Милорадовича изображены были победы его в Отечественной войне и нарисован меч "за спасение Бухареста". Внизу пылали слова: "Честь и слава победоносному российскому авангарду и знаменитому вождю Милорадовичу!" Вслед засим появилась молодая актриса, прочла стихи и бросила генералу вязанку цветов с сими словами: "Незабвенному Милорадовичу!" Завеса поспешно опустилась, но громкие рукоплескания долго продолжались»[1358].

«В 8 верстах от города Бунцлау сделался пожар в 12 часов ночи. Милорадович захотел там быть, приказал седлать лошадей и поскакал со своим адъютантом. Сгорел дом крестьянина Вильгельма Сакса. Милорадович приказал казакам, с ним приехавшим, помогать жителям тушить пожар, говорил много с пострадавшим Саксом, дал ему горсть червонцев — и уехал»[1359].

«Авангарду Главной армии под командованием генерала Милорадовича отдан приказ выступить из района Бунцлау, где он стоял, с указанием двигаться через Дрезден в направлении Фрейберга. Три дня назад Главная армия также покинула свои квартиры, расположилась на следующий день в Силезии в районе Милича и 12/24 апреля прибудет в Дрезден»[1360].

Войска маневрировали, штабы изобретали новые планы. Планы составляли немцы, а потому они становились все более обширны и… удивительны. Вот, например, образец творчества генерала Шарнгорста — самые выдающиеся места отмечены особо:

«Мы становимся на позициях в окрестностях Альтенбурга или где-нибудь в другом месте (!), а граф Витгенштейн делает обходное движение влево для соединения с нами. Мы постараемся все сделать так, чтобы заставить неприятеля поверить (!), что мы хотим дать ему решающее сражение здесь на

оборонительных позициях. Император, наверное (!), направит свои главные силы против этого пункта. Как только неприятель начнет свое продвижение от Эрфурта в направлении к главным силам, что, по нашим соображениям, может произойти около 22-го сего месяца, мы выставим против него цепь кавалерийских постов и, внезапно отойдя направо, соединимся с графом Витгенштейном. Затем, пройдя через Галле, двинемся против вице-короля и атакуем его в любом месте (!). Исход сражения не может подлежать сомнению (!)»[1361].

Удивительно: спланировано весьма приблизительно, однако неприятель должен всему поверить, а потому исход сомнению не подлежит!

* * *

«Союзной российско-прусской армии пехота корпуса Милорадовича только 8 апреля поутру в первый раз соединилась в общую колонну пред Дрезденом в парадном устройстве. Милорадович выехал пред нее с многочисленной свитой своей и другими персонами, прибывшими из императорской квартиры. Он был в полном духе восторжения своего и во всех орденах, густо покрывавших геройскую грудь его. Колонна стояла пред Нейштадтом, предместьем Дрездена правой стороны Эльбы. Наш 1-й егерский полк был в голове ее. Подъехав к полку нашему, он поздоровался с солдатами и сказал всем сопровождавшим его: "Не нужно мне сказывать вам, господа сослуживцы мои, что это и по отличиям военным первый полк армии нашей". Объехав все бригады свои, приветствуя обязательно полки, он возвратился пред голову колонны и повел нас чрез Нейштадтскую крепость и знаменитый в Германии всей мост каменный в самый Дрезден… Солдаты наши, идя по городу, великолепно устроенному и наполненному нарядным и от самой природы саксонским из всех красивейшим народом, стекавшимся отовсюду, чтобы поглядеть северных богатырей, одолевших "непобедимых", гордо смотрели на восторженные лица их»[1362].

«Генерал Милорадович устроил так, что авангард наш в течение трех дней разными отрядами проходил через Дрезден, дабы тем увеличить число войск в глазах жителей. Отряд графа Сент-Приеста[1363], кавалерия и пехота, в три разные дня имели три торжественных входа в город. Сам генерал Милорадович каждый раз выезжал навстречу войскам, сопровождаемый блестящим и многочисленным конвоем. Жители бегали толпами и кричали: "Ура!" Сие троекратное прохождение войск показало

авангард наш весьма многочисленным»[1364].

Из «Журнала военных действий»:

«Апреля 13. Генерал от инфантерии Милорадович доносит, что авангард, ему вверенный, прибыл вчерашнего числа в Хемниц…

Апреля 17. Генерал от инфантерии Милорадович доносит, что он 17-го числа выступил по данному ему повелению в Пениг, партии его находятся около Лобенштейна, Зальфельда и Цвиккау под начальством генерал-майора Эммануэля… Генерал от инфантерии Милорадович прибыл вчерашнего числа с вверенным ему авангардом в Пениг, а передовой отряд его расположился около Гесинга.

Сего числа получено к неописанному прискорбию государя императора и всего войска известие о последовавшей апреля в 16-й день в городе Бунцлау кончине генерал-фельдмаршала Главнокомандующего всеми российскими и союзных держав армиями, бессмертного князя Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова-Смоленского, коего тело по высочайшему повелению отправлено в Санкт-Петербург, дабы быть погребено со всеми высокому званию его и навеки незабвенным Отечеству оказанным услугам подобающими почестями»[1365].

«Наконец сбылись мрачные предчувствия, оправдались печальные догадки: неумолимой судьбе или непостижимому провидению угодно было лишить нас великого человека!.. Его уже нет!.. В Бунцлау прекратилась жизнь мужа знаменитого. Давно ли, вызванный из глубокого уединения общим голосом народа, восстал он от бездействия и ополчился великим умом своим на защиту отечества? Давно ли грады и области называли его спасителем? Матери несли младенцев, и внуки вели дедов своих, чтобы удостоиться его лицезрения? Давно ли сам государь назвал его Светлейшим и фельдмаршалом? Еще не обсохла кровь врагов, пролитая им на полях Бородинских; еще не истлели трупы, которыми устлал он великое пространство от Оки до Немана; еще блестят трофеи, им собранные, зеленеют лавры, им пожатые; еще не успела обтечь круг земной слава, гремящая о нем… А его уже нет!»[1366]

Личность фельдмаршала светлейшего князя Голенищева-Кутузова-Смоленского вызывает немало споров и разноречивых оценок. Иные историки напрочь отрицают его заслуги, говоря, что изгнание Наполеона из России осуществлялось неправильно. Может, оно и так — но кто выполнил бы эту задачу лучше? Кто заменил бы Кутузова?.. Теперь же этот вопрос следовало решить.

«Надлежало назначить ему преемника; четыре генерала, по старшинству своему, могли надеяться получить главное

начальство над войсками: граф Тормасов, Милорадович, Блюхер[1367] и граф Витгенштейн. Выбор пал на младшего из них, гремевшего тогда непрерывным рядом побед от Клястиц до Эльбы»[1368].

Мы уже не раз говорили о том, как много значило в русской армии понятие «старшинства». Назначение «младшего» через голову «старших» вряд ли могло привести к чему-то хорошему.

«Апреля 19. Генерал-от-кавалерии граф Витгенштейн доносит, что неприятель большими силами наступал на Лютцен, занял оный и, перейдя Флоссграбен, остановился»[1369].

«Весь корпус Милорадовича сосредотачивается в Альтенбурге. Позиция между городом и рекой ужасна; наконец, решают расположиться на правом берегу Плейсе. Слышится канонада: это Винцингероде[1370] сражается в Лютцене с авангардом неприятеля»[1371].

Русская армия готовилась к первому сражению на землях Европы — первому без Михаила Илларионовича Кутузова.

«Диспозиция заключалась в следующем: "…Милорадовичу идти из Альтенбурга к Цейцу. Если неприятель предпримет нападение из Вейсенфельда на выдавшееся левое крыло наше, то Милорадовичу двинуться ему навстречу, в обход правого крыла его…" Корпус Милорадовича составлял 11500»[1372].

«Апреля 20. Войска под командой генерала от инфантерии Милорадовича прибыли в Цейц, а Главная армия под командой генерала от кавалерии Тормасова к окрестностям Пегау»[1373].

«С первым лучом зари выступили мы из Альтенбурга в Цейц. Едва прошли милю, как услышали пушечные выстрелы. Чем далее подавались вперед, тем слышнее становились они; наконец облака дыма на краю горизонта, блеск обширного зарева и все признаки великого сражения представились глазам нашим… Авангард наш, с поспешностью достигнув Цейца, стал в боевом порядке на выгодных высотах вокруг оного. Жители из города и окрестных деревень идут толпами к нам в лагерь, неся добровольно вареное кушанье и вина. Солдаты наши готовы сражаться за счастье таких добрых людей и за прекрасную землю их»[1374].

«Часу в 12-м император Александр и Прусский король прибыли на Лютценские равнины. Ровно в полдень Блюхер, убеленный сединами, но бодрый, как юноша, подъехал к графу Витгенштейну, преклонил саблю и просил позволения начать действие. "С Божией помощью!" — отвечал граф по-немецки»[1375].

«Неприятель был сильнее вдвое и имел в Наполеоне великого и искусного полководца, он по дыму и выстрелам видел бессилие и малочисленность противной стороны, но тщательно скрывал

уже свой выигрыш и перевес сражения, все находился в оборонительном положении»[1376].

«Помню, когда в день Лютценского сражения, в тот момент, когда оно клонилось в нашу пользу, государь подъехал веселый к нашему полку с графом Витгенштейном… и изволил произнести: "Ребята, графу Витгенштейну — ура!", что немедленно было подхвачено всем полком»[1377].

Бой шел, но авангард Милорадовича в нем не участвовал, оставаясь в Цейце, на левом фланге позиции, в нескольких верстах от поля сражения. «Жители так мало ожидали тут сражения, что перед нашими линиями паслись стада, которые разогнали пушечными выстрелами с обеих сторон»[1378]. «Милорадович наблюдал все движение в зрительную трубку и беспрестанно взглядывал на карту; несколько раз объезжал полки свои, спрашивая солдат: "Хотят ли они сражаться?" — и всеобщий голос был: "Ура! Готовы вперед!"»[1379].

«С высоты древнего и величественного замка в Цейце смотрели мы на сражение, кипевшее за две отсюда мили. Долго гром рокотал на одном месте. Наконец дым и выстрелы начали отдаляться — и все сердца наполнились приятнейшим предчувствием, что неприятель отступает»[1380].

«Но с половины дня, вывевши из-за пригорков значительно сильные массы войск, [Наполеон] ударил быстро на правый фланг и, разгромивши оный, в короткое время начал его преследовать…»[1381]

«Я не знаю, для чего мы остаемся праздными свидетелями общего сегодняшнего дела: 15 тысяч лучших солдат, восемьдесят пушек и генерал Милорадович смогли бы сделать немалый перевес. Но говорят, что неприятель отрядил сильную колонну на ту дорогу, которую мы заслонили. Последствие все объяснит. Гром пушек опять усиливается, небо дымится!»[1382]

«Граф Витгенштейн не подвинул Милорадовича из Цейца и держал его там в резерве, намереваясь в сражении, долженствовавшем произойти на другой день, поставить его в первую линию. Милорадович, со своей стороны, полагал, наверное, что за ним скоро пришлют, и был в полной готовности идти в дело. Для поспешного следования хотел он везти часть войск на подводах, которые собрал, сколько мог, в ближайших селениях, и сам находился в ежеминутном ожидании желанного повеления двинуться вперед»[1383].

Но вот иное объяснение происшедшего: «Милорадович, стоявший с 12-тысячным корпусом в нескольких верстах от сего фланга, должен бы атаковать неприятеля, но не сделал сего, как слышно было, будто по личным неудовольствиям своим на

Витгенштейна. Может быть, Милорадович и не догадался; но он был извинителен тем, что не обладал достаточными для того способностями ума, а виноваты, конечно, те, которые доверили ему начальство. Я немедленно поскакал к Дибичу[1384], чтобы донести ему о том, что видел, но Дибича не нашел и потому донес о том князю Волконскому, который, кивнув головой, сказал "хорошо" и более ничего»[1385].

В роли строгого судьи генерала Милорадовича и «тех, которые доверили ему начальство» — фельдмаршала Кутузова и государя Александра Павловича — выступает Муравьев-Карский. «Необходимо еще заметить, что когда эти места "Записок" были писаны, Н.Н. Муравьев был только прапорщиком, юношей, едва сошедшим со школьной скамьи»[1386]. Ну, тут уже прибавить нечего…

«Желая на другой день возобновить сражение, Главнокомандующий не употребил в дело корпуса Милорадовича, который простоял 20-го числа в Цейце. Храбрый ученик Суворова плакал, как ребенок, слыша в первый раз в жизни пушечные выстрелы и не участвуя в битве. Советовали графу Витгенштейну послать за его корпусом, но он не согласился, произнеся: "Сражаясь с Наполеоном, должно иметь за собой сильный резерв"»[1387].

А вот что свидетельствовал Михайловский-Данилевский: «Я застал его в совершенном расстройстве. Когда мы остались наедине, он сказал мне: "Я вчера плакал, как ребенок, в первый раз в жизни слышал я пушечные выстрелы и не участвовал в деле! Доложите государю, — продолжал он, — что я буду служить под чьей командой он прикажет, ежели не вверяют мне армии, пусть мне дадут батальон или роту; мне все равно"»[1388].

Новый главнокомандующий «…намеревался 21-го числа поставить Милорадовича в первую линию и, оставшись по окончании битвы на поле для распоряжений, приказал из парков Главной армии, только что в этот день поступившей под его предводительство, снабдить снарядами орудия. На это повеление генерал, в ведении которого парки находились, донес, что они далеко отстали и зарядов не имеется. Граф принужден был отменить свое намерение»[1389].

«На рассвете меня разбудили и послали к графу Витгенштейну узнать от него распоряжения его на наступавший день. Долго я ездил по полям: никто не знал, где Главнокомандующий, наконец, я нашел его на поле, сидевшего с большим хладнокровием. Узнав, зачем я был к нему прислан, он мне отвечал: "В армии находится император, и я ожидаю повелений его величества". Таким образом никто не давал

приказаний, государь надеялся на Главнокомандующего, а тот на государя. После сего меня отправили к Милорадовичу с повелением ему государя принять начальство над арьергардом и прикрывать отступление»[1390].

«Войска готовятся к походу. Конница гремит по мостовым, проходя через город. Пехота еще в лагере. С наступлением ночи генерал Милорадович приказал развести большие огни, дабы внушить неприятелю некоторое опасение видеть на крыле своем новое войско. С нашей стороны огни в лагере, с противной — пылающие окрестности Лютцена все небо обагрили заревом. Лошади наши оседланы, мы готовы…»[1391]

«Милорадович должен был прикрывать обе колонны и, удерживая неприятеля, дать время армии совершить беспрепятственное движение к Эльбе. На подкрепление ему назначили принца Евгения Виртембергского, со всей пехотой, бывшей в сводном корпусе Винцингероде, от чего Милорадович усилился шестью тысячами и корпус его простирался до 18 тысяч человек»[1392].

«21 апреля союзники отступили, и Наполеон не замедлил приписать себе в этом нерешительном и случайном для него сражении победу, которая стоила французской армии 15 тысяч человек и 5-ти орудий»[1393].

«Победа была спорная и отнюдь не решающая. Из строя выбыло 30 тысяч человек, в том числе 12 тысяч французов. "Как! — с горестью воскликнул Наполеон, — такая бойня и никаких результатов! Ни одного пленного! Эти люди совсем ничего мне не оставят!"»[1394]

«Надо отдать честь Милорадовичу, что хотя и предшествующие его отступлению войска, шедшие почти ордой, и затрудняли его отступление, но он вел арьергард в отличном порядке и нес на плечах наступление французов и тем много способствовал общему отступлению к Эльбе»[1395].

«Авангард становится опять арьергардом, ибо армии отступают. Генерал-адъютант князь Волконский известил генерала Милорадовича, что государь поручает ему учредить вновь партизанскую войну для действий на сообщения неприятеля в гористом пространстве от Йены до Лейпцига. С этого времени не ожидай подробных описаний, мы в арьергарде; следственно, в беспрерывных трудах и опасностях. Не сходить по целым суткам с лошадей, валяться на сырой земле, не иметь сна и хлеба — вот что нас ожидает и что нам уже не ново»[1396].

* * *

«Французский авангард… 23 апреля настиг Милорадовича на берегах Мульды и с тех пор постоянно каждый день нападал на него. При Вальдгейме, Эндорфе, Носсене и Вильсдруфе происходили упорные дела, продолжавшиеся иногда часов по десяти. Нигде не могли французы одержать поверхность и произвести в отступавших войсках замешательства»[1397].

«24-го. На следующий день отступаем за Этцдорф, так как неприятель сосредоточил большие силы у Дёбельна, где должны были находиться пруссаки. Милорадович и Витгенштейн останавливаются в Носсене, и первый отдает приказ вновь идти к Вальдгейму. Корф пытается доказать невозможность этого и в конце концов сказывается больным; командование принимает принц Виртембергский»[1398].

Похоже, неожиданное поражение, связанное с еще более неожиданным назначением главнокомандующего, внесло нервозность в ряды русских войск — точнее, командного их состава. Впрочем, наш герой остается верен себе. Вот что вспоминал «принц Евгений Виртембергский, начальник пехоты арьергарда: "Под Носсеном я был исполнен удивлением к Милорадовичу. Он соединяет в себе столько свойств героя, что на поле сражения нельзя довольно ему надивиться. Его личная храбрость и присутствие духа превосходят всякое вероятие"»[1399].

Характеристика, созвучная прежним: «Генерал Милорадович был и отличался во всех сражениях того знаменитого времени. Являться первым в бою, водить бригаду свою в штыки; сражаться перед глазами всего войска с мужеством и преследовать неприятеля всегда с успехом, было обыкновенным делом его»[1400].

И вот еще одна характерная подробность того же времени — дневниковая запись датирована 24 апреля: «Неприятель остановился отсюда верст за пять. Генерал Милорадович, генерал Уваров, командующий кавалерией, английский генерал Вильсон, который ездит прогуливаться в сражения и не пропускает ни одного почти авангардного дела, все вместе заняли пространный, прекрасно убранный дом. Адъютанты всех генералов были тут же. Будучи послан далеко с приказаниями, я приехал несколько позже других. Все наши радовались светлой и покойной квартире. Одни играли на фортепианах, другие смотрели библиотеку…»[1401] В комфорте Михаил Андреевич отказать себе не мог — конечно, если была для того возможность.

«В одном прусском городе, на отведенной квартире, Милорадович спрашивает у хозяина, "кто он?" и на ответ "купец" прибавляет, без торговли, и тот говорит "и без денег". Милорадович в восторге, бросаясь к нему на шею, восклицает:

"Как я рад! это нас сближает — вот и я ничего не имею; все промотано"»[1402].

«26-го. Ранним утром направляемся к Дрездену, где переходим Эльбу в полдень, не будучи преследуемы врагом. Мост взорвали слишком рано: арьергарды Милорадовича и Ланского переходят Эльбу по мостам выше и ниже по течению»[1403].

Общая неразбериха в войсках усиливалась, напряжение возрастало — и это, в конце концов, коснулось Михаила Андреевича. «Генерал Милорадович, после некоторых мне неизвестных личных сношений с графом Витгенштейном, низложил команду арьергарда в то критическое мгновение, когда неприятельская армия готовилась переправиться через Эльбу…»[1404]

Разумеется, в войсках говорилось, что он просто-напросто заболел. «Бессонница и заботы подействовали на его здоровье. Он заболел, известил о сем Главнокомандующего графа Витгенштейна, созвал всех генералов и сдал начальство над арьергардом старшему по себе князю Горчакову. Итак, мы на несколько дней будем покойны. Ночь и безмолвие уже повсеместны, свеча догорает, полно писать, задремлем, пока еще возможно!..»[1405]

Федор Глинка оказался излишне оптимистичным. Как вспоминали современники, «…на следующий день Милорадович, как только услышал пальбу, забыл болезнь свою, велел подать лошадь и поскакал в огонь»[1406].

Генерал Щербинин более откровенен: «Но, видя, сколь худые последствия сие произвело, видя беспорядок в войсках наших, уступивших неприятелю почти без защищения переправу, принял опять командование, прогнал неприятеля и снова вошел в Нейштадт, который уже был занят неприятелем… На другой день неприятель начал переправляться в больших силах и Милорадович отступил к Вейсенгиршу»[1407].

«Милорадович… заставлял французов дорого платить за каждый шаг. Наполеон столь негодовал на своих генералов, командовавших против Милорадовича, что несколько дней лично управлял движениями своего авангарда, но и его распоряжения не были успешны. Наш полководец действовал по своему произволу и как будто независимо от Главнокомандующего, ибо граф Витгенштейн, будучи моложе его в чине, из уважения посылал к нему приказания сколько можно реже. Мне случилось находиться при нем в одном арьергардном деле, когда адъютант графа Витгенштейна привез ему приказ, противоположный тому, который дан был прежде. "Объявите графу, — сказал Милорадович адъютанту, — что, когда он бывал под моим

начальством, я не посылал ему противоречащих повелений", — и потом, оборотясь ко мне, сказал вполголоса: — "Вот все мое мщение!" Подчинив себя младшему генералу, он оказал редкий пример благородства, ибо кто не служил в армии, тот не может постигнуть, сколь прискорбно находиться в команде младшего, редкие могут на сие согласиться. Например, Тормасов уехал тогда в Петербург, не желая состоять в повелениях графа Витгенштейна»[1408].

Если обратиться к «Журналу военных действий», то можно выстроить длиннейший перечень арьергардных боев, ожесточенных и вполне успешных. Но мы ограничимся иной записью, которая пока что значит совсем немного:

«Мая 1-го. Генерал Барклай-де-Толли прибыл вчерашнего числа с 3-й Западной армией в Губен» — и добавим для большего удовлетворения: «Генерал Милорадович доносит, что вчерашнего числа артиллерия под предводительством генерал-майора Никитина действовала с блистательным успехом, а кавалерия истребила каре и взяла много пленных, в числе коих 2 офицеров…»[1409]

Итак, к действующей армии возвратился Барклай-де-Толли, который тоже официально оправился от болезни… Честь дороже самолюбия!

«Союзники отступили в расходящихся направлениях — русские войска были направлены в Дрезден. Наполеон лично с 90 тысячами вел преследование наших войск, но арьергард Милорадовича в течение 6 дней удерживал натиск целой армии. 30 апреля союзные армии соединились на укрепленной позиции под Бауценом и готовились снова вступить в бой»[1410].

Дневниковая запись Федора Глинки, датированная 2 мая: «Сейчас привезли генералу Милорадовичу высочайший рескрипт, в котором Его Императорское Величество за важные услуги Отечеству всемилостивейше жалует его и с будущим потомством графом Российской империи. Рескрипт наполнен лестнейшими выражениями, какими только может великодушнейший из монархов осчастливить вернейшего из подданных. Один Суворов получал такие рескрипты от Великой Екатерины, в блистательный век ее»[1411].

«Господину генералу от инфантерии Милорадовичу. Важные заслуги, оказанные вами России на полях чести, давно уже признаны благодарным отечеством, а знаменитое участие, которое вы брали во всех походах, царствование наше ознаменовавших, обращали на вас во всякое время особенную признательность нашу. Победа была неразлучна с вами в недрах отечества и в отдаленнейших странах от него. Настоящая война

увенчала подвиги ваши новой славой, стя-жанной вами наипаче предводительством арьергарда армии, где каждый шаг земли заставляли вы неприятеля искупать кровью многих тысяч. В воздаяние всех таковых подвигов ваших возводим мы вас с будущим потомством вашим на степень графского Российской империи достоинства. Да узрит в сем отечество новое доказательство признательности нашей и новый залог, налагаемый на вас к вящей славе России. В прочем пребываем вам благосклонны

Александр»[1412].

«Весь арьергард обрадован был сим монаршим благоволением к начальнику его. Солдаты окружили Милорадовича и кричали ему ура!»[1413]

«Девизом к старинному гербу своему он взял "Ma droiture me soutient" — "Прямота меня поддерживает", и при возведении в графское достоинство не захотел переменить герба, а только заменил дворянскую корону, поместив графскую»[1414].

* * *

«Неприятель отбросил Милорадовича до Бауцена; наша кавалерия провела две хорошие атаки на неприятельскую пехоту. Эммануэль, находившийся в Нейкирхене, взял 500 пленных…»[1415]

«3 мая французы заняли высоту впереди Бауцена, оставленные арьергардом Милорадовича, и развили многочисленные свои колонны»[1416].

Вот удивительный, опять-таки, образец прусской штабной мысли: «Естьли неприятель в превосходных силах выше или ниже города Бауцена переправится чрез реку Спрее, то генерал граф Милорадович, удерживая его, отступает на высоту, между деревнями Ауритцен и Клейн-Иенкович лежащую. На оной держаться по возможности. Но буде неприятель форсирует его при деревне Ауритцен, то… Естьли неприятель переправится чрез реку Спрее и атакует правый фланг… Естьли бы неприятель всеми силами стал действовать в центр… Естьли, наконец, неприятель атакует оба наши фланга…»[1417]

Вариантов «естьли», как писано по старинной орфографии, предостаточно, все они передают инициативу противнику, уверенности нет ни в чем. Но тут французы проявили инициативу в совершенно неожиданном направлении.

«Коленкур отправился к авангарду, откуда в тот же день Макдональд[1418] прислал графу Милорадовичу следующее

письмо: "Обер-шталмейстер герцог Виченцкий спрашивает: угодно ли его величеству императору Александру принять его, и в таком случае: где, когда и в котором часу? Прошу вас уведомить меня: могу ли надеяться на получение ответа в 24 часа?" Граф Милорадович представил государю отношение Макдональда и получил повеление отвечать ему письмом, которое примечательно особенно потому, что черновое писано было собственноручно государем. Графу Милорадовичу только оставалось переписать и подписать его. Письмо было следующего содержания: "Для совершенного удовлетворения вашего желания, должен я известить вас, что немедленно препроводил к его императорскому величеству ваше отношение, но, как император часто находится в разъездах по разным корпусам, то легко может статься, что донесение мое не дойдет сегодня до его величества. Следственно, можно предполагать, что не прежде, как завтра вечером или послезавтра поутру буду я в состоянии сообщить вам повеления, которые мне пришлют".

Так отринуто было императором желание Наполеона войти с его величеством в отдельные переговоры»[1419].

Раз предложение было отринуто, то боевые действия продолжались…

«8 мая в десять часов утра Наполеон двинул свою армию вперед. Она простиралась до 140 тысяч человек, но имела только 8 тысяч конницы и 400 орудий. Корпус Удино[1420] был направлен к Синквицу и Добршау, против левого фланга графа Милорадовича»[1421].

«Союзные войска были расположены на Бауценской позиции двумя линиями; в первой, или авангардной, стояли на левом крыле под начальством графа Милорадовича, корпуса принца Евгения Виртембергского и графа Сен-При, по обеим сторонам Бауцена, имея отряд в Бауцене…»[1422]

«В начале дела граф Милорадович, объезжая полки, говорил солдатам, чтобы они помнили, что сражаются в день святого Николая, что сей угодник Божий всегда испрашивал у Всевышнего русским победы и теперь взирает на них с небес; увещания сии не были тщетны: левый фланг, которым командовал граф Милорадович, сражался с отличной твердостью и мужеством»[1423].

«8-го числа неприятель атаковал в 9 часов утра аванпосты наши. Умножая силы свои, принудил он арьергард к отступлению. Генерал Клейст[1424], находившийся по правую сторону города Бауцена, первый оставил место. Корпус генерала Милорадовича, опиравший правый фланг свой к городу, будучи таким образом обойден неприятелем, ретировался к

позиции»[1425].

«В 4-х корпусах Удино, Макдональда, Мармона и Бертрана[1426] было более 70 тысяч человек. Графу Милорадовичу, имевшему вместе с Клейстом 20 тысяч, нельзя было долго удержать неприятеля. Предшествуемые батареями французы стройно подходили к назначенному для каждого корпуса месту переправы»[1427].

«Из многих виденных мною сражений ни одно не можно более сравнить с маневром, произведенным на учебном месте, как это арьергардное дело. Все движения наши исполняемы были так точно и особенно так спокойно, что трудно было принять бой за настоящее сражение. К тому же местоположение, пересекаемое долинами, пригорками, деревнями, оврагами, кустарником, позволяло действовать войскам и развернутым фрунтом и колоннами и рассыпным строем. Сам Наполеон был при авангарде своем, а у нас Милорадович маневрировал с особенным искусством. Так как ему назначено было отступать медленно, то едва в каком-нибудь месте он замечал, что неприятели сильно напирали, как мгновенно их опрокидывал. Под вечер французы влезли на горы, к коим примыкало левое наше крыло, их согнали, и бегство их с крутых возвышений прекратило сражение. Часов в десять вечера император возвратился в Вуршен, где большая часть ночи прошла в догадках и заключениях о предстоящем дне»[1428].

«Огонь наших стрелков и пушечная пальба не остановили неприятеля, и Милорадович увидел себя в необходимости, оставив Бауцен, отойти к левому флангу главной позиции… Тогда, из опасения, чтобы Наполеон не отрезал союзных армий от Богемии, князю Горчакову велели по-

королем к Наполеону для переговоров. С 1809 года — комендант Берлина. После начала похода в Россию (1812) назначен командиром пехоты прусского вспомогательного корпуса в Курляндии. Во время сражения при Бауцене во главе слабого отряда (2 пехотных полка) успешно защищал от корпуса маршала Мармона переправу через р. Шпрее. Назначен командиром 2-го армейского корпуса, направленного в Силезию и Богемию к главной армии Шварценберга. Действия К. сыграли одну из решающих ролей в разгроме французов при Кульме (1813). Участвовал в сражениях при Вахау, Шампобере, Эно. Прославился своими действиями в сражении при Лаоне (1814). После заключения мира сопровождал короля в Англию, а затем принял командование над 3-м и с 1815 года над 4-м германским корпусом. В 1822 году — государственный советник. слать на помощь Милорадовичу войска Берга… Ночью Милорадович

принял начальство над всем левым флангом, в состав которого поступили бывшие у князя Горчакова корпуса Берга и Маркова и 1-я гренадерская дивизия»[1429].

«Мая 9-го, в 6-м часу утра, Наполеон, готовя главное нападение на правое крыло союзников, где стоял Барклай-де-Толли, но желая скрыть прямую свою цель, возобновил битву атакой левого их крыла… Все другие приняли его атаку за истинную, и потому Милорадович получил еще новые подкрепления… Но, несмотря на то, что атака на Милорадовича была ложная, она была ведена весьма сильно, и нашим войскам стоило больших трудов отражать ее»[1430].

«При Бауцене, когда император находился на холме, граф Милорадович, видя, что ядра долетали до государя, спросил: "Уехал ли государь?" — "Нет! — отвечали ему, — он стоит под ядрами!" — "Вперед!" — закричал граф Милорадович, и колонны полетели вслед за ним. Никакая сила не в состоянии была остановить в сию минуту русских воинов, предводимых Милорадовичем, присутствие коего придавало им новые силы; раненые, увидя графа, возвращались назад и становились в ряды. Артиллеристы, у которых пыль и порох запеклись на лице, едва стоявшие на ногах, как бы ожи-вотворяясь новыми силами, быстро двигали пушки вперед. Офицеры кричали: "Вперед! Граф сам здесь!" — "Его ли здесь место?" — говорили другие, и цепи стрелков, перегоняя одни других, кричали: "Ура!" — и бежали вперед. Граф приказал остановиться. Окруженный конвоем, он долго разговаривал под страшным дождем пуль и картечи. "Стойте крепко! — кричал солдатам граф. — Государь на вас смотрит!" Они стояли, как каменная стена. Неприятель не мог выиграть ни аршина земли»[1431].

«Государь не съезжал с кургана до отступления армий, и перед глазами его была гора, на которой стоял Наполеон, не трогаясь с нее весь день. Вообще я не видал сражения, в котором бы войска обеих противных сторон менее маневрировали и где Главнокомандующие были бы менее деятельны, как в Бауценском. Оба императора, как я выше заметил, не сходили с курганов. Граф Витгенштейн не оставлял ни на минуту государя и не подъезжал ни разу к войскам, а начальник штаба его, а следственно, всех российских армий Доврай[1432] несколько часов на том же самом кургане спал. Все утро до десяти часов французы атаковали наше левое крыло, стоявшее на горах, и были всегда отражаемы. Граф Витгенштейн весьма справедливо сказал государю при сем случае: "Ручаюсь головой, что это ложная атака, намерение неприятеля состоит в том, чтобы обойти нас справа и припереть к Богемским горам". Он отгадал намерение Наполеона,

но не сделал ни малейшего распоряжения, чтобы предупредить опасность. Ежели он был уверен в своем мнении, то почему он не согласился на неоднократные предложения Милорадовича, который, присылая ему сказать, что он опрокинул неприятельское правое крыло, требовал разрешения продолжать наступление. Всякий раз ему отвечали, чтобы он довольствовался только отбитием атаки неприятеля, а сам не действовал наступательно… Часу в одиннадцатом обнаружилось настоящее намерение неприятеля, он начал обходить правое крыло наше под командой Барклая… Барклай сражался мужественно и делал самые благоразумные распоряжения, превосходство сил неприятельских ни на одну минуту не поколебало его… Когда неприятели повели против него грозные силы, нам нечем уже было его подкрепить, слишком бы далеко было вести к нему войска от Милорадовича, а из центра нельзя было тронуть ни одного батальона, потому что стоявшая против средины нашей боевой линии во множестве французская конница, кажется, того только ожидала, чтобы напасть на наш центр, ежели бы мы хотя какой-либо частью войск оный ослабили. Сии причины побудили думать об отступлении»[1433].

«Сражение продолжалось упорно целый день с переменными успехами, наконец, к вечеру армия наша отступила (следовательно, проиграла дело)»[1434].

Наполеон «…в негодовании на генералов, не умевших приобрести значительной над нами выгоды, принял он лично команду авангарда и 10-го числа атаковал арьергард генерала Милорадовича. Сие послужило к вящей славе сего воспитанника Суворова. Державшись в продолжении 6 часов против всех сил неприятельских, он отступил в порядке на весьма малое пространство»[1435].

«Союзники отступили в полном порядке, не оставив французам, потерявшим под Бауценом около 18 тысяч убитыми и ранеными, ни одного трофея… Проливной дождь и сильная буря благоприятствовали отступлению. К 16 мая союзники, отступив по двум направлениям, стали собираться на позиции у Швейдница»[1436].

«Наполеон слабо преследовал правую и среднюю колонны; намеревался отрезать левую, предводимую Милорадовичем. Она должна была проходить у Кубшица открытую равнину, в виду неприятельской кавалерии, но вовремя подкрепленная несколькими батальонами 2-го корпуса, конной артиллерией храброго генерала Никитина и двумя гусарскими полками, приведенными туда самим графом Витгенштейном, остановила стремление Латур-Мобура[1437].

Таким образом кончено Бауценское сражение, данное с намерением выиграть время для переговоров с Австрией, уже склонявшейся на нашу сторону. Трофеев не было отбито ни одной из воевавших армий… Наполеон отправился к своему авангарду и повел его против союзников. Под Рейхенбахом произошло жаркое дело, но Милорадович, мужественно отразив яростные атаки французов, взял в плен одного ротмистра и более двухсот рядовых; потом тихо и в порядке отступил по направлению к Швейдницу. В этом деле пал любимец Наполеона Дюрок[1438], убитый ядром»[1439].

А вот как описывает дело под Герлицем — мы знаем, что нередко даже небольшие бои имели по несколько географических названий. — Федор Глинка: «В пылу самого жаркого боя Наполеон, раздраженный неуступчивостью наших войск, спросил с сердцем у своих: "Кто командует русским арьергардом?" — "Генерал граф Милорадович!" — отвечали ему. Он нахмурился и начал доказывать маршалам, что нас можно было отрезать. Но в сие самое время ядро, пущенное с батареи нашей, коснулось маршала Мармонта, вырвало живот герцогу Фриульскому и зашибло до смерти одного дивизионного генерала. Так рассказывали пленные, и то самое подтвердил после французский бюллетень. С нашей стороны ранен храбрый генерал князь Сибирский. В сей достопамятный день конница наша покрылась ранами и славой. Многие отличнейшие офицеры, в виду всех, водили отряды свои в атаку. Ротмистр Орлов[1440], с эскадронами разных полков, несколько раз делал смелые нападения, рубился с французскими офицерами и получил тяжелые раны. Другой брат[1441] его лишился ноги в битве Бородинской. Третий брат[1442] их — известный партизан; а четвертый[1443], адъютант его императорского высочества Константина Павловича, находился с нами при графе во всех арьергардных делах. Все эти Орловы, с прекрасным воспитанием и дарованиями, поддерживают славу имени своего»[1444].

Обратим внимание на последнего — по перечислению — из братьев и запомним его…

«Большое число лошадей досталось победителям, пространное поле сражения покрыто трупами и два эскадрона лучших гвардейских гусар, в богатых красных мундирах, взяты в плен. Сегодняшнее сражение, начавшееся в 6 часов утра, продолжалось почти беспрерывно до 10 вечера, следственно, 16 часов! Все мы третьего дня, вчера и сегодня были в огне, не сходя с лошадей, всякий день с лишком по 12 часов!»[1445]

«После боя у Бауцена, во время которого гренадерский корпус, снова бывший в резерве, спас от поражения войска

Милорадовича, было заключено перемирие до 29 мая»[1446].

* * *

Граф Витгенштейн с ролью главнокомандующего не справился — это был не его уровень, чего не понял Александр I. Зато в историю Петр Христианович вошел как «Спаситель Петербурга», блистательный командир 1-го отдельного корпуса — и тем он был известен всей России. Однако государь не спешил признать и исправить свою ошибку, и тогда граф Милорадович вновь стал спасать армию.

«Граф Милорадович, у которого глаза совсем опухли от трудов и бессонницы, поехал в Главную квартиру, где государь император весьма милостиво приглашал его провести несколько дней в покое»[1447].

«Я поехал поутру к графу Витгенштейну и сказал ему: зная благородный образ ваших мыслей, я намерен с вами объясниться откровенно. Беспорядки в армии умножаются ежедневно, все на вас ропщут, благо отечества требует, чтобы назначили на место ваше другого Главнокомандующего. "Вы старее меня, — отвечал граф Витгенштейн, — и я охотно буду служить под начальством вашим или другого, кого император на место мое определит"»[1448].

«После этого объяснения Милорадович поехал к государю, изобразил ему настоящее положение дел и просил его принять лично начальство над армией, на что Александр ответил: "Я взял на себя управление политическими делами; что же касается до военных, то я не беру их на себя". — "В таком случае поручите армию Барклаю, он старее всех", — сказал Милорадович. "Он не захочет командовать", — возразил государь. — "Прикажите ему, Ваше Величество; тот изменник, кто в теперешних обстоятельствах осмелится воспротивиться вашей воле"»[1449].

Насколько известно, Александр I спросил графа, не возглавит ли он армию, но Михаил Андреевич, трезво оценивая свои силы, от этой чести отказался.

«"Но ты, во всяком случае, в армии останешься?" — спросил меня император. — "Государь, — отвечал я, — дайте мне батальон или роту, я и тогда за счастье поставлю доказать вам, что я достоин быть вашим подданным"»[1450].

«Барклай был назначен Главнокомандующим и немедленно занялся устройством армии. Трудно поверить, что несколько дней он не мог узнать истинного счета оной, сначала полагали ее слишком во сто тысяч, потом в семьдесят, а на поверку вышло,

что она состояла из девяноста тысяч. Сие происходило оттого, что полки так были перемешаны, что некоторые дивизии и бригады имели полки, вовсе к ним не принадлежавшие, другие же полки примыкали к чужим дивизиям, не зная, где отыскать настоящих своих начальников»[1451].

* * *

Плесвицкое перемирие, продолжавшееся два месяца, закончилось 1 августа. Отдохнув и собравшись с силами, противники встретились 14 (26) августа на реке Кацбах и при Дрездене. Отметим, что начальствование над союзной армией было поручено австрийскому фельдмаршалу князю Шварценбергу, в свое время битому и французами, и русскими… Из-за несогласованных действий союзников взять укрепленный город с ходу не удалось, а потом туда подошел Наполеон — со всей своей гвардией.

«Не было уже ни нужды, ни тем менее пользы усиливаться на покорение Дрездена, ибо никакие от того выгоды не могли бы вознаградить тех пожертвований, кои должны были принести для сражения с неприятелем в обширнейших его укреплениях. Нам полезнее оставалось ожидать сражения вне города, и на сей конец оставив атаку, заняли мы высоты перед оным…»[1452]

Сражение продолжилось на следующий день.

«Часу в десятом отправил меня с донесением к государю, которого я застал у разложенного огня. Все были вымочены и дрожали, укутавшись в плащи, только Милорадович стоял в одном мундире, одетый щеголем, как будто готовясь ехать на бал. Между тем дела наши ежеминутно становились хуже, левое крыло наше было совсем опрокинуто, и на лицах австрийцев, которые не более как за десять дней вступили в поход, уже навертывалась безнадежность.

Меня еще раза два посылали с различными приказаниями… Возвратившись в часу в третьем к государю, я застал все в величайшем смятении, ибо за несколько минут перед тем ядро оторвало обе ноги у генерала Моро[1453], стоявшего возле государя»[1454].

«Неприятель, выступив большими колоннами из Дрездена, сделал покушение на все пункты»[1455].

«Чтобы приостановить их, государь велел русским резервам, стоявшим в совершенном бездействии и только напрасно терявшим людей от французских батарей, спуститься с гор и атаковать неприятеля. Милорадович начал уже гренадерам

переменять фронт правым флангом назад, как явился Шварценберг с велеречивым возражением об опасности сего движения и приехал Барклай-де-Толли. Он начал доказывать, что в случае, ежели оно будет безуспешно, мы лишимся всей артиллерии, которую по причине грязи нельзя будет опять взвести на горы, забывая, что то орудие, которое сделало по неприятелю несколько удачных выстрелов, уже тем самым достаточно окупилось, хотя бы оно после того и было потеряно. Убеждения их подействовали. В то же время получили донесение о появлении неприятельского корпуса на нашем правом фланге, чем Наполеон угрожал отрезать нас от Богемии. На австрийцев нашел панический страх, они всё считали погибшим…»[1456]

«С наступлением ночи получено от генерал-фельдмаршала князя Шварценберга приказание всем союзным армиям двинуться к Теплицу…»[1457]

«Союзные войска начали отступать в четырех колоннах к Дипольдисвальде… Барклай-де-Толли должен был идти на Теплиц, но, опасаясь стать между двух огней неприятельских, сам собою, вопреки диспозиции, пошел на Максен. Граф Остерман-Толстой получил от него приказание следовать туда же и, чувствуя, сколь необходимо было предупредить неприятеля в Теплице, решился идти на Петерсвальде и открыть себе путь силой. С ним находились корпус принца Евгения Виртембергского и 1-я гвардейская дивизия Ермолова»[1458].

«Рано утром 17-го мы подошли к местности, где произошло славное Кульмское сражение, которое дало военным действиям новый поворот, счастливый для нашего оружия. С начала Кульмского дела графу Остерману оторвало ядром кисть правой руки. Его заменил Алексей Петрович Ермолов. Мысль дать Кульмское сражение принадлежит графу Остерману. Алексею Петровичу Ермолову принадлежит слава Кульмского дела»[1459].

«Проложив дорогу штыками через Петерсвальде, граф Остерман-Толстой отступил на высоты, лежащие за Кульмом и Пристеном. Здесь битва продолжалась с большим ожесточением; Остерман лишился левой руки, оторванной ядром, и сдал команду генералу Ермолову. Под предводительством знаменитых полководцев русские совершили чудеса храбрости, несмотря на превосходное число неприятелей, на страшный огонь восьмидесяти их орудий. Гвардейские полки—по словам императора Александра — грудью остановили врага, нанесли ему страшный удар и тем открыли путь к последовавшей на другой день совершенной победе. Вечером прибыли на поле сражения Барклай-де-Толли и граф Милорадович: свежие полки гренадерского корпуса, под начальством Раевского, восстановив

некоторое равновесие в числе, уничтожили дальнейшие покушения неприятеля пробиться по Теплицкой дороге в Богемию.

18-го числа сражение возобновилось…»[1460]

«В 8-м часу граф Милорадович привел 1-ю гренадерскую дивизию и принял начальство над всеми войсками. Гренадеры стали в первую линию; гвардию отвели во вторую. Затем пришли 2-я гвардейская и 2-я кирасирская дивизии и Прусская гвардейская бригада; приехали князь Шварценберг и Барклай-де-Толли. Пальба из орудий умолкла; только стрелки перестреливались до темноты»[1461].

«Гренадерская дивизия… сменила гвардию, когда бой уже угасал. Ночью с 17-го на 18-е число, когда приготовлялись атаковать Вандама[1462], ее поставили на левом крыле нашем, и днем, когда бой уже был в самом разгаре, она пошла в обход правого крыла французов. Наши гренадеры опрокинули неприятелей, гнали их, отнимали у них одно возвышение за другим…»[1463]

«Пехота, оставляя победителям всю свою артиллерию, не могла обрести себе спасения и в самом бегстве: на открытых местах наша и союзная кавалерия брала ее в плен целыми колоннами, а в лесах истребляли или рассыпали ее штыки пехоты нашей. Одна часть неприятельской кавалерии, которая с отчаянием бросилась на прусский ландвер, прикрывавший дорогу к Ноллендорфу, успела было прорваться, но и она тотчас же преследуема была кавалерией генерала графа Милорадовича и генерал-лейтенанта князя Голицына[1464] 5-го до самого Петерсвальда, где оставленная для прикрытия же дороги бригада прусского генерал-майора Цитена[1465] ее встретила и обще с кавалерией нашей уничтожила»[1466].

Попытка французов задержать отходящую русскую армию обернулась для них сокрушительным разгромом.

«Король Прусский, личный великодушный свидетель сражения 17 августа, наградил орденом Железного Креста генералов, офицеров и нижние чины гвардии, бывшие в строю. При раздаче крестов граф Милорадович отдал приказ, в котором между прочим было сказано: "Да умножат сии новые знаки отличия на груди вашей число тех, которые трудами и кровью приобрели вы в битвах за спасение Отечества, во славу имени Русского и свободу Европы"»[1467].

Только что Фридрих Вильгельм III учредил высшую воинскую награду — Железный крест, и то, что этим редким еще орденом были награждены все русские участники Кульмского боя, вызвало большое неудовольствие пруссаков. Король принял соломоново

решение: крест был назван «Кульмским», он отличался от Железного отсутствием короны, вензеля и даты его учреждения.

Русский царь также не поскупился на награды.

«22-го. Барклай получил орден святого Георгия 1-й степени, Шварценберг и Блюхер — святого Андрея Первозванного, Остерман (который потерял руку) — святого Георгия 2-й степени, Милорадович — шпагу с бриллиантами и 50 тысяч рублей, Ланжерон — вензель и 30 тысяч. Сакен[1468] произведен в генералы от инфантерии»[1469].

«За Кульмское сражение император Александр пожаловал Милорадовичу 50 тысяч рублей. Через неделю все деньги были издержаны на пиры и покупку разных предметов, назначенных графом Милорадовичем для украшения его имения села Вороньков в Полтавской губернии»[1470].

Село Вороньки — то самое, которое получил Андрей Степанович за подвиги в Турецкой войне… Всю жизнь Михаил Андреевич мечтал туда уехать, все время занимался обустройством и украшением имения. Однако деньги, ему достававшиеся, он спускал не только на собственные прихоти.

«Баярд наш граф М.А. Милорадович закупал целые рынки фруктов, винограду и пр. и обыкновенно угощал ими проходившее войско. Такая щедрость радовала русского солдата и удивляла немцев»[1471].

«Кульмское сражение решительно положило предел успехам Наполеона. С того времени почти все военные предприятия его были неудачны»[1472].

* * *

Чем выше поднимается военачальник, тем сложнее о нем рассказывать, ибо активное действие заменяет оперативная мысль, а сам он все дальше находится от переднего края и сражающихся войск. Приходится просто описывать ход сражения — о полководце-то чего тут скажешь?

К окончанию войны генерал от инфантерии граф Милорадович командовал российско-прусскими войсками, состоявшими из 44 батальонов, 101 эскадрона и 10 казачьих полков. Это были 5-й гвардейский корпус генерал-лейтенанта Ермолова, Прусско-Баденская гвардейская бригада, 3-й гренадерский корпус генерала от кавалерии Раевского, 3 кирасирских и легкая гвардейская кавалерийская дивизии, Прусская гвардейская кавалерийская бригада, 4 русские и 2 прусские конные артиллерийские роты, 5 пеших артиллерийских

рот и казачий корпус генерала от кавалерии графа Платова — 10 казачьих полков и 1 конная рота Донской артиллерии[1473].

Хотя бои продолжались непрерывной чередой, мы, чтобы не писать подробную историю заграничных походов, ограничимся несколькими штрихами.

4—7 (16—19) октября произошла Битва народов под Лейпцигом.

«Государь рано поутру приехал на поле, когда еще повсюду царствовала глубокая тишина, вдруг раздался первый сигнальный выстрел из тяжелого неприятельского орудия, как вестник предстоящего грома. Многочисленная свита монархов замолчала; Милорадович, обращаясь к императору, сказал: "Неприятель приветствует приезд вашего величества", — и шутка сия, произнесенная кстати, заставила всех улыбнуться»[1474].

Шутка не нова — но кто ее знал? Вяземский, вскоре после Бородина заболевший, пребывал в Москве.

«Сто двенадцать запасных орудий уже были выстроены генералом Сухозанетом[1475]: на расстоянии 350 саженей возгорелась та ужасная пальба, о которой Милорадович сказал: эта канонада громче Бородинской. Она продолжалась 1,5 часа с равным ожесточением с обеих сторон. Русская артиллерия взяла перевес: французские батареи начали отступать на дальний пушечный выстрел. Во время этого блестящего артиллерийского дела гвардия наша принудила французскую пехоту оставить Госсу. Александр вырвал победу из рук Наполеона»[1476].

«По приказанию Главнокомандующего с королевской прусской гвардией и 2-й дивизией пошел я в подкрепление войск генерала графа Витгенштейна, и внимание мое отвлечено было от деревни Госса, но вскоре по его же приказанию возвратил дивизию в соединение с первой. Неприятель между тем оттеснил войска на конечности правого крыла и в больших силах атаковал деревню. За ними приближались многие другие войска. Огонь начался жесточайший. Лейб-гвардии Егерский и Финляндский полки, с неимоверной храбростью сражающиеся, уступали уже превосходному неприятелю. Стрелки уже угрожали артиллерии нашей. Сильный с батарей огонь загорелся с обеих сторон. Сквозь град ядер проводил я лейб-гвардии Гренадерский полк к деревне Госса и с удивлением видал равнодушие к опасностям молодых людей, большей частью полк сей составляющих. Генерал-майор Желтухин[1477], впереди полка мужеством своим и хладнокровием ободряя, ударил в штыки. Лейб-гвардии Егерский и Финляндский полки стремительно ворвались в средину неприятеля. Санкт-Петербургский и Таврический гренадерские полки, с отличным мужеством им содействовавшие, много способствовали, и в

мгновение деревня была во власти нашей. Ничто не остановило храбрые полки наши. По телам неприятеля дошли они до его линий. Уже свезены были его батареи. На полверсты вперед подались цепи стрелков наших. Приближающаяся ночь заставила меня отозвать стрелков ближе к деревне; расстроившиеся полки велел я собрать в резервы. Лейб-гвардии Гренадерский и Павловский полки расположить в деревне, и сражение кончилось», — докладывал графу Милорадовичу генерал-лейтенант Ермолов[1478].

«На одном из переходов… австрийский император прислал к государю несколько орденов для генералов и офицеров, находившихся при его величестве в Лейпцигском сражении. Мне пожалован был крест Леопольда 3-й степени. Граф Милорадович, узнав о сем, снял с себя знак сего ордена, который он давно уже имел, и просил меня принять оный от него на память», — вспоминал Михайловский-Данилевский[1479].

* * *

«Зимнее солнце 1814 года озарило последние подвиги французского оружия, подвиги последней горсти храбрецов Великой армии и необученной молодежи. Канонада Шампобера и Монмираля была последним отголоском громовых раскатов Риволи и Маренго, Аустерлица и Ваграма. Это — отчаянная борьба, отчаянный вызов Наполеона своей судьбе»[1480].

17 (29) января произошло Бриеннское сражение; 20-го — при Ла-Ротьере.

«Неприятель расположен был параллельно против нас на небольшом возвышении, правый фланг его занимал деревню Ла-Ротьер, многочисленная артиллерия прикрывала весь его фронт… Топкие поля от времени года затрудняли движение артиллерии, и потому часть орудий оставлена была на позиции, а лошади их припряжены были к остальным, с которыми начальник артиллерии генерал-майор Никитин быстро двинулся на неприятельские батареи, поражая их беспрерывным огнем. Вслед за ним вся пехота наша, подкрепленная конницей, скорыми шагами пошла в атаку; перед началом дела я созвал всю линию стрелков моих, чтоб не замедлить движения напрасной перестрелкой. Колонна моя, приблизясь к неприятелю, пошла на штыки, невзирая на осыпающие ее картечи… Французы не устояли, центр их был сбит и преследуем штыками 6-го корпуса, и взято им с боя 30 орудий; между тем неприятель упорно держался в деревне Ла-Ротьер. Я отделил часть 18-й дивизии туда

на подкрепление графа Ливена[1481], и наконец, при наступлении уже ночи, деревня была очищена. И так французы под личным предводительством Наполеона были совершенно разбиты. Взято до 80 пушек и более 5 тысяч пленных»[1482].

Говоря о дальнейших событиях, можно перечислить все знаменитые сражения на французской земле и, назвав имя графа Милорадовича, добавить лишь слово, как на старинной медали, — «Был».

В середине марта — или, по европейскому календарю, к его исходу — русская армия и ее союзники оказались у стен Парижа.

«Между 5-м и 6-м часом утра раздалась пушечная пальба, и сражение загорелось. На твердые позиции: Бельвиль, Роменвиль и Бютшомон напали прежде всего. Генерал Раевский выбил из Пантеня неприятелей штыками. Другие высоты старались обходить. Множество стрелков распущено было по садам и перелескам. Ружейная пальба гремела беспрерывно. Но Блюхер и принц Виртембергский не могли так скоро, по назначению своему, справа и слева, прийти. Одним же войскам Раевского, начавшим сражение, поддерживать его было тяжело. Наполеон мог поспешно возвратиться и внезапно загреметь в тылу. Париж, услышав гром его, стал бы защищаться до последней возможности, и тогда союзники, на краю желаний своих, увидели бы себя в положении крайне невыгодном. Одна минута могла дать крутой оборот делам; но генерал граф Барклай-де-Толли сделал решительное соображение, пустил лучшие резервные войска в дело — и дело взяло счастливый ход. Граф Милорадович ввел все гвардии в огонь и управлял движениями оных»[1483].

«Наконец приехал сам фельдмаршал Барклай-де-Толли и приказал мне идти в атаку. Мы двинулись и встречали на каждом шагу сильное сопротивление; но когда мой Малороссийский [гренадерский] полк бросился на батарею и захватил ее сразу, то французы бежали. Мы за ними вошли в предместье. Вдруг приезжает граф Милорадович и едет со мною впереди. Не проехали мы и десяти шагов, как прискакивает адъютант с известием, что сдается французская колонна. Милорадович понесся вперед; я за ним. Мы въехали прямо в эту колонну втроем: Милорадович, я и адъютант. Милорадович кричит: "Rendez-vous!"[1484] Какой-то французский майор отвечает: "Nous ne nous renderons pas. On nous a dit, que la France est forte"[1485]. Милорадович видит вдали несколько малых кучек наших стрелков и кричит им, чтобы они стреляли… Я его за фалды. По счастью нашему, французы так оторопели, что отошли, а мы вернулись назад… — вспоминал Паскевич. — Гренадерская 2-я дивизия атаковала деревни Бельвиль и Мениль-Монтань и под

начальством графа Милорадовича дошла до заставы Парижской, причем овладела семью орудиями и множеством пленных»[1486].

«Вскоре граф Барклай-де-Толли, при содействии графа Милорадовича и Раевского, овладел Бельвилем, последней с восточной стороны обороной Парижа. Мармон, желая избавить защищаемый им город от последствий, сопровождающих приступ, принужден был просить пощады, прибегнул к переговорам»[1487].

«Подъезжая к заставе, я посылаю парламентеров, чтобы они заставу сдали. Ко мне выскочил французский подполковник с криком: "Retierez-vous! L'armistice est signe"[1488]. Я отвечаю, что беру сейчас заставу силой, ибо о перемирии я ничего не слыхал. С двумя батальонами Малороссийского полка я, прогнав французских стрелков штыками, вхожу в заставу. В это время слышу сзади меня уже русский крик: "Перемирие подписано! Повелено остановиться!"»[1489]

«Гордый Париж, со всеми своими замками, храмами, дворцами, палатами и садами, на необозримом пространстве лежащий, представился глазам удивленных победителей. Гром битвы и общее "ура!" всех соединенных войск наполнили окрестности бранной грозой и шумом, которого они с самых давних времен не слыхали. Множество пушек взлетело на холмы и направилось прямо на столицу. Огненная буря готова была понестись на разрушение сомнением и ужасом волнуемого града. Ударил последний час, и острый меч вознесся над главой его… Но при грозном течении гремящих строев, в дыму и в пламени жестокого боя, когда ничего не слышно было, кроме громких восклицаний победителей и глухого стона побежденных, вдруг настала торжественная минута глубокой тишины: страждущее человечество возвысило голос свой. Сей голос достиг до сердца управлявшего судьбой браней государя и подвигнул его к милосердию. Александр I изрек великое слово благости — помилование! И тысячи храбрых опустили оружие — и Париж спасен!!!»[1490]

«Не меч, но мир» принесли в столицу Франции русские воины, полтора года тому назад видевшие пожар Москвы, разорение многих российских городов.

«Наконец император Александр сел на лошадь, сопровождаемый многочисленной свитой русских и союзных генералов, в недальнем расстоянии на пути присоединился к нему король Прусский, и оба Государя въехали в Париж. Улицы наполнены были народом, который заглушал всё своими радостными восклицаниями… Мы вошли в ворота и, пройдя все бульвары, Государи остановились в *Champs-Elysees,* где пропустили церемониальным маршем все войско; шествие сие

было самое великолепное и торжественное, оно продолжалось до вечера, даже деревья в аллее были унизаны любопытным народом»[1491].

Париж принадлежал союзникам; и венценосные главы вступили в него, окруженные своими войсками, в следующем порядке: прусская гвардейская кавалерия, легкая гвардейская кавалерийская дивизия, австрийские гренадеры, гренадерский корпус, 2-я гвардейская пехотная дивизия, прусская и баденская гвардия, 1-я гвардейская пехотная дивизия, 3-я и 2-я кирасирские дивизии и, наконец, 1-я гвардейская кирасирская дивизия с артиллерией. В таком порядке взошли войска наши в Париж через Монмартрское предместье и в Елисейских Полях прошли церемониально перед монархами.

В этом построении — весь Александр! Почему пруссаки шли перед нашими лейб-гусарами и гвардейскими уланами? Почему преображенцы и семеновцы следовали за баденскими гвардейцами? Построение явно не по заслугам — так что, уничижение паче гордости? Царь старательно подчеркивал, что выполнял исключительно союзнический долг и обязательства перед народом Франции.

«Это было дней через пять или шесть после нашего вступления в Париж. Я смотрел на него из окна "Hotel Mirabeau". Д'Артуа[1492] ехал верхом, в мундире национальной гвардии. Свита его была весьма немногочисленная; из русских генералов заметил при нем только одного Милорадовича. Никакого на улицах не стояло войска и не провожало его, только толпа мальчишек бежала за его свитой…» — записал гвардии штабс-капитан Жиркевич, впервые встреченный нами выпускным кадетом в 1805 году[1493].

«Кто бывал в Париже, тот знает, что там почти птичьего молока можно достать, только были бы деньги, а деньги были розданы по повелению императора Александра Павловича чуть ли не накануне в размере двойного и тройного жалованья за все три кампании — 1812, 1813 и 1814 годов. Можно себе представить, каков поднялся кутеж в занятой нами неприятельской столице. Все разбрелись, не приходили в казармы и на квартиры по несколько дней сряду. Оставались при должности только несчастные дежурные офицеры»[1494].

«В 1814 году в Париже, нуждаясь в деньгах, граф Милорадович просил императора Александра о выдаче ему жалованья и столовых денег его за три года вперед. Просьба его была удовлетворена, и до выезда графа Милорадовича из Парижа деньги были израсходованы»[1495].

Служба в Париже была та же, что и в Петербурге: разводы с

караулами, учения и смотры. Свободное время проходило среди удовольствий и развлечений.

31 марта (12 апреля) «Российская армия, разделенная на 5 корпусов, оставила свои бивуаки под Парижем и перешла на временные квартиры»[1496].

«Через пять дней город избавлен был по силе капитуляции от всех издержек касательно содержания войск, отчего бедные полки, стоявшие на бивуаках перед городом, предметом стольких трудов и усилий, в виду величайшего изобилия терпели нужду, ибо жители продавали им самые нужнейшие жизненные потребности за неумеренную цену»[1497].

Читаешь все это, и «пепел Москвы стучит в мое сердце»! Однако не могли же русские уподобляться французским варварам или своим союзникам, спешащим отомстить за недавнее национальное унижение…

Только беззаветная преданность своему государю могла удержать войска от мщения. Несмотря на двухлетний поход, сопряженный с неимоверными трудностями и лишениями, вид гвардии был блистательный. Лорд Лондондерри[1498] заявлял: «Все, что можно сказать о русской гвардии, было бы ниже истины; их вид и вооружение удивительны. Когда подумаешь, что они претерпели, что часть людей прибыла с границ Китая и в короткое время прошла пространство от Москвы до Франции, то исполняешься каким-то ужасом к исполинской Российской империи».

Другой, более лестный для военных, отзыв дал авторитет в военном деле Веллингтон[1499]; когда его спросили, что ему больше нравится в Париже, он ответил: «Гренадеры русской гвардии».

«На похвалы Веллингтона устройству русских войск император Александр во всеуслышание отвечал, что в этом случае он обязан иностранцам, которые у него служат»[1500]. Оставим без комментариев!

А вот картинка «военных нравов», касающаяся любимого Михаилом Андреевичем Павловского гренадерского полка, теперь причисленного к гвардии.

«Гренадерские шапки Павловского полка нередко обращали на себя внимание многих из лиц союзных войск своей особенной формой, и некоторые из них сомневались в удобстве их для боев и походной жизни. Такие заявления, вероятно, дошли до императора, который предложил было заменить их киверами.

Раз, когда лейб-гвардии Павловский полк занимал караул в Елисейском дворце, где жил тогда император Александр I, он, вместе с королем прусским отправляясь в театр и проходя мимо

часового Лаврентия Тропинина, который в виде образца был уже в кивере, обратился к нему с вопросом: "Покойнее ли кивера шапок?" — "Точно так, Ваше Величество, покойнее, — отвечал Тропинин, — но в тех шапках неприятель нас знал и боялся, а к новой форме еще придется приучать его". Такой искренний ответ чрезвычайно понравился императору, который приказал оставить полку гренадерские шапки, произвел этого рядового в унтер-офицеры, пожаловал ему сто рублей и предоставил ему право первому приветствовать государя императора, когда он удостоится находиться в присутствии Его Величества»[1501].

Невиданный для русских государей демократизм! Тогда вообще казалось, что жизнь российская переменилась коренным образом.

«Нападение Наполеона на Россию в 1812 году возбудило в русских любовь к Отечеству в самой высокой степени; счастливое окончание сей войны, беспримерная слава, приобретенная блаженной памяти покойным государем императором Александром Павловичем, блеск, коим покрылось оружие российское, заставило всех русских гордиться своим именем, а во всех имевших счастье участвовать в военных подвигах поселило удостоверение, что и каждый из них был полезен своему Отечеству»[1502].

ЧАСТЬ III.
«ШЕСТЬДЕСЯТ ТЫСЯЧ ШТЫКОВ В КАРМАНЕ»

Глава десятая. КОМАНДИР ГВАРДЕЙСКОГО КОРПУСА

Отечество ждало возвращения своих героев — время собираться в обратный путь.

«16 мая 1814 года граф Милорадович назначен командующим пешим резервом действующей армии.

Сопутствуемый славою, граф Михаил Андреевич выступил из Франции»[1503].

«Июля 20-го гренадерско-егерский арьергард наш из Потсдама прибыл, идя ночью, поутру пред Берлин, в который и введен нарядной формой парада Милорадовичем мимо дворца, стоящего при внутреннем конце тротуара Липовой аллеи, на балконе которого находилась королевская фамилия, прибывшая вечером под тот день из Потсдама»[1504].

«В Кенигсберге генералам позволено было ходить в штатском платье… Одетый в штатское платье граф Милорадович пошел в магазины покупать себе разные ненужные вещи. В это время в магазин входит Преображенский солдат и торгует платок для своей жены. Граф Милорадович выбирает лучший и дарит его солдату, который, узнав любимого своего начальника, тронут добротой своего генерала, благодарит щедрого командира Гвардейского корпуса»[1505].

«В Тильзите все полки гренадерского нашего корпуса стояли бивуаками три дня по обоим берегам Немана. Тут граф Милорадович сделал сперва молебствие с пушечной, ружейной стрельбою и восклицаниями войска своего при батальонном огне: "Ура! Ура! Ура!" стократно, а потом дал обед и вечером был на царский счет — всем генералам, штаб- и обер-офицерам и всему городовому знатному обществу обоего пола с иллюминацией обоих берегов и моста реки Немана. Нижним чинам всех полков отпущено было изобильное продовольствие, даже множество бочек рейнского вина и портеру. Всё это было там, где за 7 лет до того Наполеон исторг у государя нашего принужденный мир…»[1506]

«Полки наши возвращались из-за границы»— 1-я гвардейская дивизия, доставленная морем, торжественно вступила в столицу 31 июля.

«Наконец показался император, предводительствующий гвардейской дивизией, на славном рыжем коне, с обнаженной шпагой, которую уже он готов был опустить перед императрицей. Мы им любовались, но в самую эту минуту почти перед его

лошадью перебежал через улицу мужик. Император дал шпоры своей лошади и бросился на бегущего с обнаженной шпагой. Полиция приняла мужика в палки. Мы не верили собственным глазам и отвернулись, стыдясь за любимого нами царя. Это было во мне первое разочарование на его счет…» — вспоминал тогдашний прапорщик лейб-гвардии Семеновского полка Иван Якушкин[1507].[1508] Очевидно, в этот день он сделал первый шаг к Сенатской площади.

Полки направлялись к местам прежней своей дислокации — также и граф Милорадович, прежде чем попасть в Петербург, побывал в Киеве, откуда в 1812 году уезжал к действующей армии: «1 октября прибыл в Киев граф М.А. Милорадович, герой, орденами обвешанный, и, будучи 4 октября у митрополита на обеде, казал златую шпагу, бриллиантами украшенную и лаврами обвитую, за храбрость ему пожалованную Государем Императором»[1509].

В Киеве не задерживаясь, генерал ненадолго заехал в возрождавшуюся после пожара древнюю столицу: «Граф Михаил Андреевич не замедлил обрадовать Москву прибытием своим. Нельзя изобразить восторга жителей, известившихся о его приезде. Многие с хлебом и солью спешили отдать свое высокопочитание и поздравить его с возвращением. Толпы теснились перед окнами графа, чтобы взглянуть на славного соотечественника своего. Многие одолженные им хотели изъявить ему благодарность свою и слезы умиления были красноречивейшим их приветствием. Снисходительный граф, тронутый сими знаками почтения и преданности, принимал всех с особенной ласковостью, простотой и любезностью»[1510].

«В проезд свой в Петербург граф Милорадович завернул ко мне, — вспоминал Сергей Николаевич Глинка[1511]. — Приятель мой, Данила Никитич Кашкин[1512], проиграл и пропел в честь графа авангардную песню из "Писем русского офицера". Граф был весьма доволен. Он слыл тогда в кругу военном русским рыцарем, Баярдом. В приветливом разговоре повторил он то же, о чем писал ко мне из Берлина. Вот его слова: "Нежное внимание женщин одушевляло русских воинов в войну отечественную и заграничную. Мысль, что россиянки переносятся к ним думой, эта восхитительная мысль подкрепляла нас и в дальних походах, и в грозных сражениях. Наши раненые, получая из отечества перевязки от прекрасного пола, забывали труды и раны. Не дивлюсь древним галлам, которые приписывали женщинам нечто божественное. Взоры женщин упоительнее вина. Это нектар Олимпийский".

В тот же вечер граф Михаил Андреевич сказал мне, что он

едет к графу Растопчину для уроков, как жить в Петербурге. Но граф Растопчин… от передряг московских уехал в Париж»[1513].

Уже к ноябрю Милорадович был в Санкт-Петербурге.

«В столицу здешнюю прибыл граф Михаил Андреевич Милорадович. Не буду я вам говорить о восторге всех здешних жителей при появлении Героя. Я был свидетелем, как с хлебом и солью и со слезами умиления приходили многие взглянуть на Предводителя войск, с Италийской войны до днесь Отечеству со славою служащего. Я видел, как сии русские готовились и хотели ему выразить свою благодарность… Граф принимает всех с чувствительностью, с откровенным сердцем и с свойственной ему любезностью. Войска восхищаются, что опять под начальством того, который вел их всегда к победам. Я слышал, что они называли его красою гвардии; а солдатское слово есть отголосок сердечный и залог любви и славы. Ее императорское величество[1514] и их императорские высочества изволили его принять с отличным благоволением. 1 ноября, в воскресенье, был граф в соборе Казанской Божией Матери, где гробница Смоленского. У оной и под трофеями, из коих многие доставлены им с полей славы, велел он петь панихиду. Многочисленное стечение народа толпилось смотреть, как русский военачальник во храме Божием приносит дань жертвы Творцу, всех благ подателю. Мысль, что он здесь теперь цел и невредим у гроба того, с которым разделял лавры, который, сняв с себя ленту Святого Владимира, украсил оной грудь своего достойного сподвижника Милорадовича, — сия мысль преисполнила его благоговением к судьбам неисповедимого Божества»[1515].

На следующий день граф отправился в Александро-Невскую лавру, где была отслужена панихида по князю Италийскому.

«Портреты Суворова находились в каждой комнате. Суворов был его кумир, но Кутузова он не любил, хотя чтил память его, и при каждом случае бывал особенно им ласкаем. Кутузов не называл его иначе, как "mon cher enfant, mon enfant bien-aime"[1516]. На другой день по возвращении Милорадовича из Парижа в Петербург, он поехал в Невский монастырь и в Казанский собор и просил духовенство отслужить панихиду по Суворову и Кутузову»[1517].

Не всё в отношениях Кутузова и Милорадовича было столь гладко, как казалось, — людьми они во всех отношениях были весьма разными. Однако благодарная память об усопшем полководце, немало сделавшем как для России, так и лично для него, сохранилась у Михаила Андреевича навсегда. Благодарная память — признак истинного благородства!

Гавриил Романович Державин, прославленный поэт

минувшего века, написал тогда стихи «К портрету графа Михаила Андреевича Милорадовича»:

> Обзором, быстротой и натиском разитель,
> Всех Милорадович врагов; он россов честь,
> Суворов ученик, Кутузов исполнитель:
> Приятно отблеск в нем здесь их сиянья зреть[1518].

Не станем утверждать, что написано очень изящно, зато — от души.

* * *

«По возвращении из походов Милорадович вскоре был назначен командиром Гвардейского корпуса, который при нем находился на должной высоте…»[1519] Это назначение граф получил 14 ноября 1814 года.

«Если граф Милорадович был достойным начальником тогдашней русской гвардии, то и гвардия того времени была более нежели достойна иметь своим представителем такого боевого и благородного генерала. Известно, что русская гвардия никогда не имела в своих рядах столь просвещенных, гуманных и замечательных, во всех отношениях, офицеров, как в упоминаемую эпоху. Цвет русского дворянства стоял в рядах этого отборнейшего войска. Почти все тогдашние гвардейские офицеры в трудовых походах своих многое видели, многому научились и многому продолжали учиться. С другой стороны, солдаты, гордые своими победами, были ведены так, что вполне сохранили тот боевой дух, ту смелую предприимчивость и ту сметку, которые должны быть присущи каждому солдату»[1520].

Когда сам Михаил Андреевич начинал службу в гвардии, она состояла всего из четырех полков: трех пеших и конного. При Павле I к ним прибавились еще три конных полка — Кавалергардский, лейб-гвардии Гусарский и лейб-гвардии Казачий, а также — гвардейские Егерский и Артиллерийский батальоны. Зато при Александре I, в особенности — после Отечественной войны и заграничных походов, гвардия сразу увеличилась в несколько раз. В это царствование были образованы лейб-гвардии Драгунский, Уланский, Кирасирский его величества, Конно-Егерский и Гродненский гусарский (но это уже в 1824 году) полки, а также — гвардейский жандармский полуэскадрон. И это только в кавалерии! В пехоте же сформировали полки лейб-гвардии Литовский, в 1817 году

ставший Московским, и лейб-гвардии Финляндский, причислили к гвардии лейб-гренадеров и Павловцев; появились лейб-гвардии Саперный батальон, Гвардейский экипаж, лейб-гвардии Артиллерийская бригада, гвардейская Конная артиллерия и даже гвардейская инвалидная бригада. Но ведь и это еще не всё, потому как в 1817 году в Варшаве, где в качестве главнокомандующего Польской армией воцарился цесаревич Константин, были сформированы лейб-гвардии Литовский и Волынский полки, лейб-гвардии Подольский кирасирский и лейб-гвардии Уланский наследника цесаревича, да еще и гвардейская батарейная рота. Кажется, это все!

Понятно, что количество неизбежно сказывалось на качестве. Всего два примера, и оба относятся к гвардейской артиллерии.

Начнем с того, что там произошла дуэль — а это государем было строжайше запрещено — по вопросам чести. Все обошлось без крови, однако нашлись «ябедники», о том сообщившие. В результате «Козен[1521] донес о сем Милорадовичу, тот немедленно приказал арестовать [полковников] Базилевича, Столыпина и [капитана] Ярошевицкого, посадить их на гауптвахты порознь… и назначил особую комиссию из полковников от каждого гвардейского полка по одному, под председательством начальника 1-й гвардейской пехотной дивизии барона Розена, коей поручил произвести строжайшее следствие… Дня за три до приезда государя Базилевич и Столыпин были освобождены из-под ареста, и каждый из них получил открытое свидетельство от графа Милорадовича, что донос Ярошевицкого на них совершенно неоснователен»[1522].

Государь тогда вновь ездил в Европу и только еще возвращался в Петербург. «Наконец появился флаг на Зимнем дворце, и в тот же день велено всем гвардейским офицерам быть на выходе. Всех удивило, что при этом не было артиллерийских офицеров; они приезжали, но их не пустили во дворец. Полковник Таубе[1523] донес государю, что офицеры его бригады в сношении с ним позволили себе дерзость. Таубе был ненавидим и офицерами, и солдатами; но вследствие его доноса два князя Горчаковых[1524]… и еще пять отличных офицеров были высланы в армию»[1525].

Мерзко. А ведь только что окончились Отечественная война и заграничные походы — «Время незабвенное! Время славы и восторга!». Казалось бы… Но не станем рассуждать о несовершенстве человеческой природы — тот или иной камень можно бросить в любого, и наш герой, к сожалению, не исключение. Вот что весной 1815 года писал князь П.А. Вяземский А.И. Тургеневу[1526]: «Я в Петербурге имею несколько

добрых людей, которые помогут мне, и людей с голосом и весом. На иных из них могу рассчитывать, как на каменную стену, по дружбе их ко мне; на других — и так, и сяк, смотря по погоде. В числе последних занимает первое место Милорадович. Он меня любит, готов сделать мне одолжение и вызвался сам на то, но он — ветер, и к тому же сомневаюсь, чтобы дул ему всегда попутный ветер»[1527].

Самые блистательные личные качества в характере нашего героя сочетались с удивительным легкомыслием, проявлявшимся, что мы не можем не признать, не только в отношении к людям, его окружающим, но, порой, и к делу…

Между тем вновь внезапно забурлила замиренная и, казалось бы, надолго успокоившаяся Европа, уставшая от войн. Генерал-лейтенант Чернышев[1528] 23 февраля (9 марта) писал из Вены графу Аракчееву: «Наполеон, которого стерегли одни англичане и о котором говорили как о мертвеце, в ночь с 26-го и на 27-е число нового стиля прошедшего месяца сел на суда со своей гвардией, силой до 1200 человек, имея провианта на шесть дней и шесть легких орудий. Генералы Бертран и Друо[1529] сопровождали его, и ему удалось благополучно отплыть с острова Эльбы, имея свое направление к северу от оного. По донесениям австрийцев и англичан, за ним пустились в погоню, но, кажется, его не настигнут… Ежели ему удастся соединить корпус из нескольких тысяч французских войск, то, конечно, большая часть военнослужащих передадутся на его сторону, и бедствия Европы снова возобновятся. Здесь все немцы весьма испуганы, и все взоры опять обращаются на государя»[1530].

Александр I не заставил Европу пребывать в долгом ожидании.

Гвардейский корпус через три недели был уже готов к выступлению в продолжительный поход. Указ о походе гвардии был подписан государем 27 апреля 1815 года в Вене, а 19 мая было уже послано донесение о полной готовности полков Гвардейского корпуса к выступлению.

В тот же самый день граф Милорадович подписал следующий приказ:

«Его императорское величество соизволяет призвать все полки гвардии и гренадерские дивизии к соучастию в великом подвиге ополчения Европы.

Всем известно, сколь громкой славой покрыли себя отличные войска гвардии и гренадеры в последних походах против французов. — Войска сии, привыкшие к трудам и страшные неприятелю, умели заслужить повсюду доверенность, благодарность и приязнь мирных жителей. И теперь народы

чуждые встретят защитников своих с радостью, ибо военная слава и мирные добродетели русских еще в свежей у них памяти. Истинная храбрость неразлучна с добрым поведением. — Знамена русские всегда служили подпорой слабым и защитой невинно утесненным. Частное спокойствие каждого народа и общее святое дело всей Европы суть предметом справедливой нынешней войны.

Сия-то война положит конец браням и водворит незыблемое спокойствие в народах на многие годы. Мы имеем счастье быть исполнителями великих намерений государя нашего. Храбрые солдаты гвардейские и гренадеры, блюстители чести и славы имени русского! Отечество с полной надеждой вверяет вам защиту спокойствия, прав и выгод своих! государь призывает вас. Поспешим узреть обожаемого монарха и оправдаем надежды Отечества.

Пред выступлением из столицы во всех полках быть молебствию.

Храбрые солдаты! Всевышний услышит молитвы сердец ваших, и знамена ваши осенятся свыше благословением его. Всещедрая десница Всемогущего ниспосылала вам доныне победы в боях, честь и славу»[1531].

Не знаем, кто составлял этот текст, однако он произвел впечатление не только на тех, кто отправлялся в поход: «Вчера государыня изволила читать приказ, отданный графом Милорадовичем. Для бывших тут иностранцев начали переводить его на французский язык и не могли найти слова, приличного к выражению: блюститель; ибо французское *gardien* не имеет ни той важности, ни того благородства, которое заключает в себе русское слово блюститель. "Видите ли, — сказала государыня, — что превозносимый всеми французский язык не может сравняться в богатстве, силе и красоте с русским?" Порадуйтесь, усердные любители отечественного слова!»[1533]

Отметим патриотизм вдовствующей императрицы и ее приязненное отношение к графу Милорадовичу — последнее, думается, было обусловлено не только личными качествами Михаила Андреевича, но и тем, что он никоим образом не был причастен к смерти императора Павла.

«Графу Милорадовичу приказано с корпусами: Гвардейским, 1-м кавалерийским резервным и с 1-й гренадерской дивизией выступить из Санкт-Петербурга и следовать в Ковно»[1534].

«Вчера граф Милорадович получил от почтенного генерала Василия Александровича Пашкова[1535] письмо, в котором он выражает, "что ее императорское величество, по священному коренному обычаю предков наших, желает отпустить добрых солдат русских в дальний и славный путь их, под благословением

Божиим, с хлебом и солью; а потому для 30 тысяч гвардейских войск, долженствующих проходить Гатчину и село Красное, определяет она на каждого человека по 3 фунта говядины и по 3 порции водки. Господа же генералы, штаб- и обер-офицеры приглашены к нарочно приготовленным для них обеденным столам". Все сие государыня изволит делать на счет собственных своих доходов; а доходы ее не беспредельны, но беспредельно милосердие ее!»[1536]

Полки начали движение из Петербурга двумя колоннами. Кавалергарды шли в первой колонне и выступили 29 мая в 8 часов утра, по отслужении на Семеновском плацу молебна. 31 мая полк имел дневку в Гатчине, причем офицеры были приглашены вдовствующей императрицей на завтрак (в 11 часов) и обед (в 3 часа).

«Войска выступали из столицы. Каждый полк выходил после другого через день — и с каждым днем город становился все более пуст и уныл»[1537].

Вослед уходящей гвардии вдовствующая императрица отправила письмо:

«Граф Михаил Андреевич!

Я с умилением читала в письме вашем изъявление чувствований, коими исполнен вверенный вам Гвардейский корпус, за оказанное Мною сему храброму воинству и достойному их начальнику уважение и благорасположение, заслуженные незабвенными подвигами. С удовольствием следовала я в том внушениям сердца, ценящего достоинства, и теплые моления мои теперь им сопутствуют, да ниспошлет Всевышний на них и вас Свое благословение и покровительство и обрадует нас всех скорым и благополучным возвращением Императора, любезнейшего Моего сына, с утвердившими спокойствие мира воинами. Сколь приятно Мне тогда будет лично возобновить вам изъявление искреннего уважения и доброжелательства, с каковыми я пребываю вам благосклонною Мария»[1538].

«Наши войска прибудут на Рейн не прежде как 17 (29) июня, и, думаю, союзники наши без них не решатся начинать», — писал графу Аракчееву князь Петр Михайлович Волконский[1539]. Но он ошибся, поход оказался недолгим. На подступах к городу Вильно было получено известие о битве при Ватерлоо.

«Граф Михаила Андреевич!

Спокойствие Европы, нарушенное побегом Наполеона Бонапарте, благодарение Всевышнему, паки водворилось…

Вследствие сего, повелеваю вам: во-первых, принести во всех полках благодарственное моление Превечному, толико милосердно и праведно покровительствующему правое дело и

наказующему беззаконие; а после учредить обратное следование войск, вам вверенных, на квартиры…

Вам предоставляю я в особенности озаботиться исправным продовольствием войск и сбережением людей отличного корпуса сего; почему и марши надлежит расположить умеренные и с соблюдением всех возможных выгод для войска; не выступать же прежде в поход, пока не удостоверитесь, что по трактам, назначенным вами, приготовлено уже продовольствие.

В свое время, я ожидаю от вас маршрутов и строевого рапорта, надеясь, впрочем, что от известного попечения вашего о солдатах, не только сохранены они будут на походе, но и те, кои останутся в гошпиталях, будут призрены наилучшим образом на месте, отправлены будут в последствии к полкам своим в полном порядке.

Пребываю вам благосклонный:

Александр. Париж. Июля 16-го дня 1815 года»[1540].

«Судьба похода нашего решена. Сейчас получен высочайший о сем рескрипт на имя графа Милорадовича. По причине счастливейшего оборота в общем ходе дел Европы дальнейший поход гвардии отменен. Войска, под начальством графа, немедленно возвратятся в столицу. Всего примечательнее в высочайшем рескрипте новое и весьма лестное выражение Государя: "Любезная моя гвардия!"

Все войска сделали направо кругом и, хотя не вовсе с веселым духом, готовятся в обратный путь. Когда наладишь струны на военный строй, не вдруг заиграешь на них мирную песню. Умы и сердца расположились к войне и славе; стремление к подвигам сделалось общим…»[1541]

Однако перед тем как уйти, Михаил Андреевич поступил в свойственной ему манере — «Вильна удивлена великолепным праздником, который граф Милорадович дал в день тезоименитства ее императорского величества государыни Марии Федоровны. Ничего не было пощажено для соделания празднества сего приятным и блистательным»[1542].

Нет сомнения, что Мария Федоровна оценила этот широкий жест.

Граф отправился в Петербург не прямой дорогой, но через Варшаву, чтобы засвидетельствовать свое уважение великому князю Константину. Оттуда он направился в Москву…

Так закончился для Михаила Андреевича его последний боевой поход. Не будем отрицать, что военачальник постепенно превращался в придворного.

* * *

Теперь пришла пора вспомнить графиню Орлову-Чесменскую, имя которой многие — тот же Муравьев-Карский — тогда связывали с нашим героем.

«Во время Отечественной войны графиня Орлова-Чесменская вышила хоругвь и отправила ее в подарок к Милорадовичу. Он, как известно, был рыцарь и сердечкин. Когда в 1815 году приехал он в Москву, NN шутя сказал ему: "Конец дело венчает; вы геройски дрались, теперь воспользуйтесь миром и предложите сердце и руку графине Орловой, которая помнила вас, когда вы были на полях сражения". — "Никогда, — отвечал он с некоторой досадой, — я не Багратион"»[1543].

Насчет хоругви, в отличие сабли Чесменского героя, мы ничего не слыхали.

Анна Алексеевна «…родилась в блеске и богатстве, начавши жизнь в неге и роскоши, она легко отказалась от светских благ, от мирских наслаждений, и посвятила себя жизни уединенной, близкой к отшельничеству»[1544].

Объяснений тому имеется несколько.

Николай Васильевич Елагин (1817—1891), известный духовный писатель и цензор, который «…даже в то крайне неблагоприятное для литературы время выдвинулся своей мелочной придирчивостью»[1545], писал, что когда 24 декабря 1808 года умер граф Орлов-Чесменский, то его дочь, «…пав на колени, рыдая, произнесла: "Господи! Ты взял мою мать, которую я не знала, теперь Тебе угодно взять моего отца, будь мне вместо матери и отца и руководствуй всеми поступками моей жизни!" Молитва, вознесенная из глубины чистого сердца, с полной верой и надеждой на Бога, восприяла благословение Божие на всю последующую жизнь графини»[1546].

Подобная версия заслуживает уважения, если не принимать во внимание, что Анне было уже 23 года, для девушки по тем временам — возраст более чем зрелый. Поэтому вероятнее следующее: «Мысль о браке не была ей чужда. Среди многих вздыхателей она остановилась на одном избраннике, на молодом воине, многообещавшем сыне графа Михаила Федотовича Каменского[1547], кратковременного и неудачного соперника Наполеону. Сын его, доблестный граф Николай Михайлович Каменский, погиб в Турецкую войну и мечты ее рухнули»[1548].

Судьба графа Каменского 2-го нам известна, равно как и его вздорный нрав. Так что наиболее предпочтительным представляется вариант, предложенный «Русским биографическим словарем», где говорится, что, когда Анна вступила в свет 16 лет от роду, «…толпа титулованных блестящих женихов стала искать ее руки и ухаживать за ней. В их числе

были между прочим князь Куракин, известный богач и вельможа, и князь Платон Зубов; но графиня Орлова отклонила их искания… Впрочем, один из искателей ее руки — граф Н.М. Каменский обратил на себя внимание графини, и она полюбила его, думая, что он отвечает ей тем же, но вскоре разочаровалась в нем и стала искать утешения в религии»[1549]. Кстати, во фрейлины императрицы Екатерины II графиня Чесменская была пожалована 7 лет от роду. Поэтому, «…предаваясь трудам благочестия, благотворения, поста и молитвы, графиня Анна Алексеевна исполняла вместе с тем обязанности, возложенные на нее высоким ее званием при Высочайшем Дворе»[1550].

На том и закроем тему. Хотел ли граф жениться на Орловой-Чесменской, графиня ли была увлечена Милорадовичем, или досужая молва просто-напросто связала их имена — всё это те личные дела, которые нас совершенно не касаются.

Ну а при чем здесь князь Багратион? Увы, ему, как и многим иным полководцам того времени — тому же генералиссимусу Суворову! — не повезло в семейной жизни. «Сватом» — причем исключительно по собственной своей воле — выступил Павел I. «Графиня Скавронская[1551] была невеста знатного происхождения и очень богатой. Багратион женился на ней. Брак этот не был счастлив»[1552].

В подробности скандальных историй входить не будем. Нам достаточно понять, что князь, даже покойный, крепко сидел у Милорадовича в печенках…

* * *

«1812, 1813 и 1814 годы нас познакомили и сблизили с нашими солдатами. Все мы были проникнуты долгом службы. Добропорядочность солдат зависела от порядочности поведения офицеров и соответствовала им. Каждый из нас чувствовал свое собственное достоинство, поэтому умел уважать его в других. Служба отнюдь не страдала от добрых отношений, установившихся между солдатами и офицерами»[1553].

«В обществе офицеров Семеновского полка обнаружилась поразительная перемена; место прежних кутежей и карт заняли серьезные разговоры, чтение книг и газет; офицеры постоянно собирались или в библиотеке, или в устроенной при полку офицерской артели. Отношение офицеров к солдатам совершенно переменилось. Они старались сблизиться с вверенными им солдатами, войти в их нужды, своим влиянием, а не строгостью, поддерживать дисциплину. Успех был полный и несомненный.

Хотя и не только битье солдат, но и всякие телесные наказания были совершенно не в употреблении, Семеновский полк, по отношению к дисциплине и фронтовой службе, не оставлял ничего желать и получал на смотрах высочайшие благодарности», — записал по рассказам сослуживцев своего деда Вячеслав Евгеньевич Якушкин[1554], внук декабриста[1555].

«Отношение к нижним чинам было патриархально-снисходительное и строгость наказаний весьма умеренная»[1556].

«Я был свидетелем обеда, данного гвардейским фельдфебелям и унтер-офицерам одним обществом (масонской ложей). Люди эти вели себя честно, благородно, с чувством своего достоинства; у многих были часы и серебряные табакерки. Некоторые — вклеивали в свою речь французские фразы. Одни из посторонних зрителей обеда восхищались этой переменой, другие пожимали плечами. Офицеры делились на две неравные половины. Первые, либералы, состояли из образованных аристократов, это было меньшинство; последние, большинство, были служаки, люди простые и прямые, исполнявшие свою обязанность без всяких требований. Аристократо-либеральные занимались тогдашними делами и кознями Европы, особенно политическими, читали новые книги, толковали о конституциях, мечтали о благе народа и в то же время смотрели с гордостью и презрением на плебейских своих товарищей; в числе последних было немало Репетиловых, фанфаронов, которые, не имея ни твердого ума, ни основательного образования, повторяли фразы людей с высшими взглядами…»[1557]

«Конечно, не Милорадович, еще в суворовских походах научившийся как надо обращаться с солдатами и в чем состоит действительная сила войска, не он, разумеется, стал изменять господствовавшее в первые годы после Отечественной войны направление во внутренней жизни гвардейских полков. Отсюда то уважение и тот почет, которые оказывало современное общество гвардии.

"Государю приятно видеть, — писал в то время Милорадовичу начальник штаба князь П.М. Волконский, — и дружелюбное обращение обывателей с войсками, и уважение, гвардии оказываемое, которое заслуживает она поведением своим и заведенным порядком, быв в том и в другом случае руководствуема таким начальником, какого имеет в лице Вашем"»[1558].

Между тем обстановка в армии — да и во всей России — постепенно менялась. Нечувствительно уходило то лучшее, что было принесено из походов… Впрочем, некоторые ощущали все происходящее достаточно остро.

«В 1816 году несколько молодых людей, возвратившихся из-за границы после кампаний 1813, 1814 и 1815 годов и знав о бывших тогда в Германии тайных обществах с политической целью, вздумали завести в России нечто подобное… Побуждением их… была ложно понимаемая любовь к Отечеству, служившая для них самих покровом беспокойного честолюбия…»[1559]

«Тайное общество получило начало в 1816 году. Первым, кто обрек себя в жертву для блага отечества, были: полковники — Муравьев (Александр Николаевич), Пестель (Павел Иванович) [1560], капитаны — князь Сергей Трубецкой[1561], Никита Муравьев[1562], два брата Сергей и Матвей Муравьевы-Апостолы[1563]. К ним присоединились вскоре: подполковник Михаил Лунин[1564], капитан Якушкин, генерал Михаил Орлов…»[1565] В списке далее значились давно уже нам знакомые полковники Федор Глинка и Павел Граббе. Но и с Александром Муравьевым и Михаилом Орловым, получившим генеральский чин за подписание капитуляции Парижа, мы также встречались. Заметим, что люди весьма достойные, хотя это сегодня и отрицают.

Возникшее в то время тайное общество было названо «Союзом спасения» — обществом истинных и верных сынов Отечества.

«Я вернулся на родину в конце 1816 года. Толчок, данный умам только что происшедшими событиями, или скорее возбуждение, ими произведенное, были очевидны. Именно с момента возвращения русских армий в свою страну либеральные идеи, как говорили тогда, начали распространяться в России. Кроме регулярных войск, большие массы народного ополчения также видели заграничные страны: эти ополченцы всех рангов, переходя границу, возвращались к своим очагам и рассказывали о том, что они видели в Европе. Сами события говорили громче, чем любой человеческий голос. Это была настоящая пропаганда.

Это новое настроение умов сказывалось преимущественно в тех местах, где были сосредоточены войска, особенно же в Санкт-Петербурге, деловом центре, включавшем многочисленные гарнизоны из отборных войск… Я слышал, как люди, возвращавшиеся в Санкт-Петербург после нескольких лет отсутствия, выражали свое изумление при виде перемены, происшедшей во всем укладе жизни, в речах и даже поступках молодежи этой столицы: она как будто пробудилась к новой жизни, вдохновляясь всем, что было самого благородного и чистого в нравственной и политической атмосфере. Особенно гвардейские офицеры обращали на себя внимание свободой своих

суждений и смелостью, с которой они высказывали их, весьма мало заботясь о том, говорили ли они в публичном месте или в частной гостиной, слушали ли их сторонники или противники их воззрений. Никто не думал о шпионах, которые в ту эпоху были почти неизвестны»[1566].

«Наше общественное движение 1820-х годов нельзя объяснить одним европейским влиянием, напротив того, оно может быть ясно понято лишь в связи со всеми условиями русской жизни того времени.

Во-первых, иностранные заимствования в программах тайных обществ и пр. были незначительны и несущественны, а во-вторых, и это главное, как исходная точка этого движения, так, наконец, и подробности в его развитии — все это было прямо русским, своим, а не заимствованным.

Насколько бы сильным мы ни признавали европейское влияние в этом вопросе, нельзя не видеть, что указанное общественное движение исходило из данных русской жизни, основываясь на тех русских условиях, которые вызывали против себя естественный протест, имело целью изменить и уничтожить эти условия»[1567].

«Вступив в "Союз благоденствия", я не нашел там никакой организации… Члены Союза, близко знакомые между собой частным образом, вполне естественно искали общества друг друга; таким образом я виделся иногда с теми, с кем я раньше имел сношения. Вожаки или те, кого считали за таковых, были старыми членами общества. Секретарь служил посредником между ними и другими участниками. Последние состояли почти исключительно из гвардейских офицеров и литераторов. В большинстве юноши, горевшие нетерпением, они не переставали требовать через секретаря указаний относительно того, что им делать, жалуясь на бездействие, в котором их оставляли, и упрекая вождей за недостаток рвения… Что касается членов общества, то его никогда нельзя было точно определить. Многие из принятых в него вскоре выбывали»[1568].

Так начиналось то общественное движение, которое лишь при самом окончании своей деятельности получит наименование «декабристского» и с ним войдет в историю. В судьбе графа Милорадовича оно сыграет роковую роль — но пока, того не зная, он ревностно занимался своими служебными делами.

Цесаревич Константин Павлович — генерал-адъютанту Сипягину.

27 февраля 1816 года, Варшава.

«Получив извещение ваше, что государь император приказать соизволил прислать сюда трех подпрапорщиков лейб-гвардии

Литовского полка для узнания порядка военной службы, я с трепетом их ожидаю, и выведу весь Варшавский гарнизон, чтоб пал ниц лицом перед ними, ибо и не смею и помыслить того, чтобы их здесь выучить, а разве у них будем учиться, так как они были под мудрым начальством и обучены у совершенных знатоков, его сиятельства графа Милорадовича и его превосходительства генерала Потемкина»[1569].

Цесаревич Константин Павлович — генерал-адъютанту Сипягину.

26 марта 1816 года, Варшава.

«Получив эстафету из Санкт-Петербурга и распечатывая между прочими бумагами пакеты от графа Михаила Андреевича, посмотревши на его печать, я не мог, чтобы не заключить, что его сиятельство видно ныне очень занимается фронтовой службой, ибо даже свои декорации выстроил он в три шеренги и не забыл в запас поставить четырех унтер-офицеров в замке — дело видно не на шутку, как его сиятельство принялся за фронт»[1570].

Генерал-адъютант Сипягин — цесаревичу Константину Павловичу.

12 апреля 1816 года, Санкт-Петербург.

«Ваше императорское высочество, заключая по печати графа Михаила Андреевича, что он стал только заниматься фронтовой службой, нисколько не ошиблись…»[1571]

Уж если Константин Павлович иронизирует над проявившейся вдруг страстью Милорадовича к «фрунту» — то это действительно серьезно… Из писем можно понять, что на печати графа изображены гвардейские унтера — тоже показатель. Но все ж нельзя считать, что «Друг солдат» превратился в бездушного «экзерцирмейстера», не видящего ничего, кроме вытянутых носков и равнения в шеренгах.

Приводим здесь вопросы, предложенные командовавшим корпусом генералом от инфантерии графом Милорадовичем 22 декабря 1815 года полковым командирам, и ответы на сих последних, которые показывают состояние солдата в это время и способ его содержания.

Что именно солдаты в полках едят каждый день? — Довольствуются сполна положенным провиантом и на вычитаемые из их жалованья всякую треть по три рубля ежедневно варят щи, в пост — со снетками и маслом, а в мясоед — с салом.

Сколько раз в неделю едят мясо и рыбу? — В неделю один раз в пост — рыбу, а в мясоед — говядину.

Разная зелень, как то: капуста, бураки, репа и прочее, заготовляется в припасах или ежедневно покупается? — Не

заготовляется, а ежедневно покупается по неимению удобных мест для сохранения оных.

Что именно издерживается деньгами на продовольствие солдата и из какой суммы? — Издерживаются для каждого солдата положенные им в треть по 3 рубля из вычитаемого у них жалованья, к коим добавляется на говядину и рыбу из заграничной артели.

Сколько именно артельных денег в каждом полку, как они собираются, на что употребляются? — В полку солдатских артельных денег 45 457 рублей 54 копейки, оные собираются при раздаче жалованья по третям; во время же прошедшей трехлетней кампании нижние чины довольствовались мясной и винной порциями, и, по их согласию, означенные артельные деньги собраны для прибавки к нынешнему продовольствию, на которую сумму иногда покупается говядина, а в пост рыба».

Это — данные по лейб-гвардии Конному полку[1572].

Вообще, в исторической памяти сохранилось мнение о графе Милорадовиче как об убежденном противнике «фрунта» и даже «вольнодумце».

«Когда Н.М. Сипягин был начальником штаба, то он сам, и граф М.А. Милорадович, и Я.А. Потемкин, и вообще генералы-щеголи или франты, а за ними и офицеры носили зеленые перчатки и шляпу с поля»[1573].

Следует пояснить, что было два способа носить форменную шляпу: либо так, как положено, углами в стороны, либо — «углом», когда правый угол шляпы маячит перед носом… Так носили флигель-адъютанты, адъютанты и модники.

«Военная служба во время мира ему не нравилась, и он, бывши командующим Гвардейским корпусом, терпеть не мог заниматься утонченностями фронтовой службы или ефрейторством. Раз, делая полковое учение лейб-гвардии Павловского полка, он заставил его пройти мимо себя церемониальным маршем, имея ружья на руку.

— Так лучше, — сказал он, обращаясь к окружавшим его, — я привык видеть павловцев, идущих в штыки на неприятеля.

Офицеры и солдаты очень любили Милорадовича, как начальника отличного, доброго, готового разделить с подчиненными своими последнюю копейку»[1574].

Это не просто красивые слова — и насчет последней копейки, и относительно желания разделить то, что имел, с подчиненными…

«Родовое же имущество его было, сравнительно с расходами, какие он постоянно делал, довольно ничтожно: оно состояло из имения в Полтавской губернии, в котором было до полуторы

тысяч душ крестьян. Часть этого имения, около четырехсот душ, Милорадович для уплаты своих долгов продал, около 1815 года, в удельное ведомство за 88 500 рублей; но, будучи до крайности плохим хозяином и обкрадываемый своими приказчиками, не без удивления узнал, что удельное ведомство, принимая купленное имение, не нашло в нем значившихся по описи 79 лошадей, 140 штук рогатого скота, 940 штук мелкого скота и разных вещей на винокуренном заводе. Император Александр Павлович особым указом на имя министра уделов, данным 14 мая 1816 года, повелел все эти предметы от Милорадовича не требовать. Остальное имение, Вороньки, было неоднократно закладываемо в банк, и Милорадович зачастую просил и получал довольно многолетние отсрочки в уплате процентов»[1575].

«Два артельщика одного гвардейского полка были посланы разменять довольно значительную сумму ассигнациями на мелочь, нужную для раздачи солдатам жалованья. Артельщики имели несчастье обронить вверенную им сумму; они были в отчаянии, зная ответственность, ожидающую их за эту потерю. Наконец, одному из них пришла в голову мысль — идти к графу Милорадовичу, как их корпусному командиру, рассказать ему свою беду и просить о пособии. Вздумано и сделано. Граф принял их очень милостиво и, выслушав просьбу и потрепав одного из них по плечу, сказал:

— Спасибо, братцы, за доверенность, вот вам деньги — ступайте с Богом.

— Еще одна просьба, ваше сиятельство!

— Какая?

— Не погубите нас, не рассказывайте об этом никому.

— Хорошо, хорошо, — сказал, засмеявшись, граф, — даю честное слово, что не выдам вас.

Впоследствии, уже спустя несколько лет, артельщики рассказали это происшествие»[1576].

Если этот случай не вызывает сомнений, то следующий исторический анекдот — однозначная выдумка.

«В 1816 году государь Александр Павлович пожаловал графу Милорадовичу 300 тысяч на уплату его долгов, о чем высочайшее повеление министру финансов должен был объявить граф Аракчеев. Но он, не любя делать добро, медлил исполнением. Милорадович лично приехал к нему просить об ускорении этого дела. Аракчеев, выслушав просьбу, сказал ему:

— Вот то-то, граф, государь наш добр и слишком помногу раздает денег.

Милорадович выслушал и отвечал временщику:

— Это вы оттого так рассуждаете, что, сидя дома, только

льете пули, а ваше сиятельство заговорили бы иначе, если бы, по-нашему, встречали их в поле»[1577].

Не мог так ответить Михаил Андреевич могущественному временщику! С графом Аракчеевым он дружил изначально, да и вообще не задирал «сильных мира сего»…

Впрочем, нам излишняя «демонизация» «Аркащея» не нужна — граф очень старательно выполнял поручения императора, и кое-кому было выгодно «переписывать» на него грехи «Благословенного». Вот яркое тому подтверждение:

«Учреждение военных поселений, на которые издержаны были многие миллионы без всякой пользы, было предметом всеобщего неодобрения. Даже лица, на которых Александр возложил приведение в исполнение этой меры, при всяком случае уверяли, что они действуют против собственного убеждения и только в угодность государю. Главный начальник поселений генерал граф Аракчеев… говаривал, что военные поселения выдуманы не им, что он, сам не одобряя этой меры, приводит ее в исполнение, как священную волю государя и благодетеля своего…»[1578]

В истории, однако, военные поселения остались как «аракчеевские».

* * *

Роль и значение гвардии в судьбах Российской империи известна. Потому и командир Гвардейского корпуса в мирное время был не столько военачальником, сколько лицом политическим, государственным. А так как гвардия — охрана государя, то Михаилу Андреевичу нередко приходилось сопровождать Александра I в его поездках.

В 1816 году император побывал в Киеве.

«10 сентября. Воскресенье. Прибытие Государя в лавру последовало в исходе 11-го часа… В тот же день митрополит был на обеде у Государя. За стол сели в три часа. По правую руку Его Величества сидели митрополит, граф Сакен и граф Ржевусский, а по левую граф Милорадович, Раевский и Капцевич[1579]; всех было за столом более 30 человек, и все почти генералы»[1580].

Заметим, что Михаил Андреевич сидел рядом с государем. Это, однако, совсем не значит, что Александр I не мог поставить Милорадовича — равно как и любого другого — в неудобное положение, так сказать, прикрыться им.

В Киев ехали через Москву. «Графиня Орлова дала бал. Она была убеждена, что государь будет у нее ужинать, и уже объявила

о том за тайну. Великолепно накрытый стол под померанцевыми деревьями свидетельствовал, что она верила этому особенному своему счастью, потому что государь никогда нигде не ужинал. И в этот раз он не намерен был остаться; поэтому предварил Тормасова, чтобы во время мазурки экипаж его был у подъезда. Тормасов сообщил тайну одному мне и велел внимательно следить за движениями его величества. Государь настоятельно убедил Милорадовича протанцевать мазурку vis-a-vis с великим князем Николаем Павловичем. Круг составился в шесть пар. Великий князь начинал и как кончил очень скромно свой тур, Милорадович выступил со всеми ухватками молодого поляка. Круг зрителей стеснился, особенно дамы и девицы тянулись на цыпочках видеть па, выделываемые графом Милорадовичем. В это время государь обвел взором своим весь круг и, заметя, что на него никто не смотрит, сделал шаг назад, быстро свел двух флигель-адъютантов, стоявших за ним, вперед себя и, повернувшись, большими скорыми шагами незаметно вышел из зала. Я тотчас тронул Тормасова, который тоже глядел на предмет всеобщего внимания, и мы вдвоем едва успели, следя за государем, проводить его к коляске. Милорадович отплясал, и тогда только заметили, что государя уже нет. Удивление и шепот были общие. Хозяйка и Милорадович заметно были сконфужены. Уезжая домой, Тормасов сказал мне: "Порядочным же шутом выставился Милорадович".

— Что же ему прикажете делать, — заметил я, — после столь сильного убеждения государя!

— Лета давали ему возможность отклонить убеждение, — сказал Тормасов.

Москва об этом поговорила, и тем все кончилось»[1581].

Александр I знал, чем привлечь внимание общества. «Лучшими мазуристами того времени считались сам Государь Император Александр Павлович, граф Милорадович, граф Соллогуб и актер Сосницкий, — пишет автор этого текста, артист, и объясняет: — Мазурку надо танцевать хорошо или совсем не танцевать; к сожалению, у нас танцуют ее все, и весьма немногие порядочно; хорошо же танцующие кавалеры — на редкость. Конечно, в мазурке всегда военные выигрывают перед статскими: первых много красит мундир, шпоры, которыми они иногда чересчур позвякивают»[1582].

Не только в странствиях с государем, но и в Петербурге Михаил Андреевич вел теперь светски-парадную жизнь.

«В 1817 году, когда после выпуска мы, шестеро, назначенные в гвардию, были в лицейских мундирах на параде Гвардейского корпуса, подъезжает к нам граф Милорадович, тогдашний

корпусной командир, с вопросом: что мы за люди и какой это мундир? Услышав наш ответ, он несколько задумался и потом очень важно сказал окружавшим его: "Да, это не то, что университет, не то, что кадетский корпус, не гимназия, не семинария — это… Лицей!" Поклонился, повернул лошадь и ускакал. Надобно сознаться, что определение очень забавно, хотя далеко не точно»[1583].

Парад 20 июня 1817 года по случаю прибытия их королевских высочеств принцессы Шарлотты[1584], нареченной невесты его императорского высочества великого князя Николая Павловича, и принца Вильгельма Прусского, сопровождаемых государем и императрицей. Войска под командой генерала от инфантерии графа Милорадовича расставлены были по улицам, назначенным для шествия их королевских высочеств.

Мелкие, случайные на первый взгляд эпизоды… Но в жизни все взаимосвязано, все имеет свое продолжение. Через три года граф Милорадович сыграет решающую роль в судьбе лицеиста Пушкина, а через восемь — встретится с лицеистом Пущиным. Произойдет это на Сенатской площади, куда направит его Николай Павлович, ставший государем именно потому, что принцесса Шарлотта, названная в России Александрой Федоровной, подарит ему сына Александра…

Впрочем, как это часто бывает, граф Милорадович в Гвардейском корпусе являл собой лишь некую красивую и весьма привлекательную для всех вывеску.

Начальником штаба Гвардейского корпуса был генерал Сипягин. «Не могу не сказать здесь несколько слов об этом добром, любезном, умном человеке в частной жизни, храбром на войне, прилежном и деловом в службе, но при том крайне честолюбивом и — придворном, то есть жертвовавшем всем удовлетворению своего тщеславия. Он служил в походах 1812—1815 годов при графе Милорадовиче, был везде правой его рукой, в звании начальника штаба его отряда. По назначению Милорадовича командиром Гвардейского корпуса, Сипягин, сделавшись и здесь начальником штаба, умел оттеснить его и забрать в свои руки всю власть… Начальник штаба был на деле корпусным командиром: делал что хотел, переводил офицеров в гвардию по своему усмотрению, раздавал батальоны, полки и проч., но никому не делал зла; напротив, делал добра сколько мог»[1585].

При известном легкомыслии Михаила Андреевича это вполне возможно.

«Чтобы утешить Москву, разоренную неприятелем, император Александр Павлович в 1817 году переехал в Москву со всем своим

двором, министрами, гвардией, Государственным советом и прожил в ней почти год. К Ивану Алексеевичу[1586] и сенатору[1587] каждый день ездили генералы, участвовавшие в войне 1812 года, их бывшие товарищи и сослуживцы, и нередко у них по несколько человек обедало. Из числа частых посетителей я видела у них двух братьев Бахметьевых, один был без ноги, ее оторвало ему при Бородине, князя Петра Михайловича Волконского, графа Милорадовича, графа Комаровского, Волховского и графа Орлова.

Милорадович очень любил Александра. Часто вечерами, держа его на коленях, с жаром что-нибудь рассказывал и не замечал, как Александр, играя на его груди орденами и перебирая их, иногда отрывал некоторые и ронял на пол. Милорадович, не замечая этого, уезжал. На другой день орден или два находили на полу и ему отсылали»[1588].

Яковлев некогда служил в Измайловском полку. Оставшийся в 1812 году в Москве, он был послан Наполеоном к Александру I, за что и пострадал, обвиненный государем во всех смертных грехах, но вскоре был прощен. Его пятилетний сын Александр, очень любимый Милорадовичем, — Александр Иванович Герцен[1589]. Оставим это имя без комментариев, потому как дальнейший рассказ о человеке, против своей воли превращенном в николаевской России в «пламенного революционера», к нашему повествованию не имеет никакого отношения. И хотя «разбуженный декабристами» Искандер поместил на обложке альманаха «Полярная звезда» изображение пяти казненных, в памяти его сохранился и образ графа Милорадовича, убитого одним из тех пяти…

«Рассказы о пожаре Москвы, о Бородинском сражении, о Березине, о взятии Парижа были моею колыбельной песнью, детскими сказками, моей Илиадой и Одиссеей. Моя мать и наша прислуга, мой отец и Вера Артамоновна беспрестанно возвращались к грозному времени, поразившему их так недавно, так близко и так круто. Потом возвратившиеся генералы и офицеры стали наезжать в Москву. Старые сослуживцы моего отца по Измайловскому полку, теперь участники, покрытые славой едва кончившейся кровавой борьбы, часто бывали у нас. Они отдыхали от своих трудов и дел, рассказывая их… Я очень любил рассказы графа Милорадовича; он говорил с чрезвычайной живостью, с резкой мимикой, с громким смехом, и я не раз засыпал под них на диване за его спиной»[1590].

Москва, наверное, более даже, чем вся остальная Россия, жила тогда памятью об Отечественной войне. Недаром именно здесь, на Воробьевых горах, было решено воздвигнуть

грандиозный храм-памятник избавлению России от нашествия. Академик Витберг[1591], неудавшийся строитель храма, вспоминал:

«Нельзя умолчать о мнении знаменитого генерала нашего Милорадовича, который спросил меня: "из чего будут колонны?"

"По недостатку хорошего камня, оне будут из того дикого камня, который можно найти в Московской губернии или даже из кирпича".

"Почему же не из финляндского гранита?"

"Это чрезмерно будет дорого, — возразил я, — по огромности колонн и по дороговизне самой доставки".

"По-моему, тем-то и лучше, чем дороже; чем труднее, тем более славы для памятника России; дешевое, легкое — всякий может сделать".

Такие люди, отличные в каком бы отношении ни были, — сочувствуют великому»[1592].

* * *

Императору Александру I на месте не сиделось — недаром Пушкин назвал его «кочующим деспотом». Европу он любил более России, а потому вскорости отправился в Варшаву.

«Приезд государя в Варшаву еще более оживил ее. Поляки впечатлительны. На них сильно и горячо отражаются и радость и горе; свита императора была многолюдна и блистательна: князь Волконский, граф Уваров, Милорадович, Остерман, князь Меншиков, генерал Потемкин, любимец Семеновского полка и гвардии, граф Чернышев и многие другие более или менее известные военные лица… Все съехались более или менее доброжелательными и вежливыми гостями; даже и не совершенно сочувствующие возрождению Польши увлекались новостью и блестящей обстановкой зрелища. Пред нами, как и предо всеми, ставилась и разыгрывалась новая драма. На военных же особенно отсвечивались славные дни недавних побед и вступление в Париж Победителя»[1593].

«Поляки возмечтали о себе более, чем благоразумие сего дозволяло, и высокомерие свое постоянно выбалтывали, а русские молчаливо, но глубоко затаили оскорбление национальному своему чувству.

"На одном из смотров, — продолжает свой рассказ И.Ф. Паскевич, — подхожу я к графу Милорадовичу и графу Остерману (они тут же были, даже их держали в Варшаве, как и нас, в черном теле, вероятно, также, чтобы привлечь любовь

польских генералов армии Наполеона) и спрашиваю у них:

— Что из этого будет? Граф Остерман отвечал:

— А вот что будет: что ты через 10 лет со своей дивизией будешь их штурмом брать.

Он ошибся на три года, — замечает при этом в своих записках князь Варшавский, — ибо я брал у них Варшаву, как Главнокомандующий " »[1594].

Очаровав, как он считал, поляков, царь отправился в южном направлении.

«В дальнейшем пути император предполагал посетить Бессарабию, Одессу, Вознесенск (где устраивались южные военные поселения), Николаев, Херсон, Крым, Таганрог и Землю донских казаков и вместе с тем осмотреть по дороге различные части 2-й армии, находившейся под начальством графа Беннигсена. Государя сопровождали генерал-адъютанты князь Волконский, граф Уваров и князь Меншиков[1595], граф Милорадович, флигель-адъютант Михайловский-Данилевский, граф Каподистрия[1596], статссекретарь Марченко и лейб-медик Виллие[1597]. Кроме того, император Александр пригласил еще в это путешествие австрийского генерала принца Гессен-Гомбургского[1598] и графа Кламма, прибывших в Варшаву для приветствия государя от имени императора Франца. В Кишинёве к путешественникам присоединился граф Аракчеев; обрадовавшись свиданию с другом после продолжительной разлуки, Александр ехал с графом целый день в одной коляске до Тирасполя»[1599].

Как видим, компания была достаточно тесная, все на виду, все друг с другом общались. Конечно, все вращалось вокруг Александра I.

«Повторение одного и того же предмета равномерно весьма естественно, потому что император, находясь с посторонними людьми, не мог наложить на себя печати молчания; взор и внимание всех, на него устремленные, поставляли его в необходимость говорить, что, конечно, бывало иногда для него, как и для всякого другого на его месте, утомительно. Однажды он жаловался на сие графу Милорадовичу, который отвечал ему с обыкновенным своим чистосердечием:

— Я с вашим величеством не согласен и нахожу, что очень легко говорить пустяки; я более ничего, кроме вздора, не говорю»[1600].

Впрочем, не он один в этой компании был такой…

«Хотя формулярный список Федора Петровича [Уварова] и говорит, что он "по-российски, по-французски и по-немецки читать и писать, и историю, географию, математику знает", но

современники утверждают, что образованием он не отличался. По поводу его исторических познаний Михайловский-Данилевский рассказывает следующий случай. Во время поездки в Крым в мае 1818 года Александр Павлович был в Керчи на Митридатовой горе; Уваров вздумал говорить с принцем Гессен-Гомбургским о древностях и сказал: "Взгляните на эту гору, построения на ней столь древни, что даже живущий в Крыму очень старый грек Павзаний не запомнит, кем они сооружены". Государь изменился в лице и заметил своему неудачно похвастаившемуся познаниями генерал-адъютанту: "Федор Петрович, оставим древности, это не наше дело"»[1601].

«В особенности прославился Уваров своим французским языком. "Уваров, — говорит князь Вяземский, — иногда удачно поражал французов на поле сражения, но еще удачнее и убийственнее поражал французский язык в разговоре. Охота была смертная, а участь горькая…" …Однажды Уваров и Милорадович, тоже известный плохим знанием французского языка, горячо разговаривали о чем-то. Александр Павлович обратился к графу Ланжерону с вопросом, о чем они беседуют. "Извините, государь, — ответил Ланжерон, — я их не понимаю, они говорят по-французски"»[1602].

«Не доезжая Алупки, государь посетил сад графа Милорадовича, лежащий на самом берегу моря. Одно из любимых мечтаний сего необыкновенного человека состояло в том, чтобы предполагать, как он в самом уединенном краю света проведет остаток жизни своей, посвященной славе, любви и затеям…

Местоположение сей дачи прекрасное; в ней находится множество плодовых деревьев, несколько водопадов и террас, устроенных природой, позади сада идет дорога, а за ней возвышается цепь серых скал, которые едва не касаются неба. Граф Милорадович, встречая государя, сказал, указывая на лавровые деревья: "По крайней мере, для вашего величества здесь есть воспоминания". Государь при сем прекрасном приветствии немного смешался и отвечал графу, что лавры принадлежат ему; потом кушал чай у него и сам по просьбе хозяина выбрал место для будущего дома»[1603].

Хотя вскоре с этим домом возникли некоторые проблемы — но граф и здесь с честью вышел из создавшейся ситуации.

«В Крыму, когда граф Милорадович купил себе имение, сосед его татарин завел с ним тяжбу. Граф очень занимался тяжбой и когда выиграл ее, то подарил ему клочок земли и сказал: "Это посредством благодеяний я хотел водвориться в Крыму"»[1604].

«Во время путешествия императора Александра по южному берегу Крыма в 1818 году остановились все перед скалой

огромной величины, въезд на которую казался невозможным. Пока проводники подтягивали подпруги лошадей, Милорадович стрелою вознесся на утесы. Глядя на него, государь император сказал: "Михайло Андреевич хочет во всем быть первым!"»[1605]

Казалось бы, все хорошо и прекрасно, и все участники путешествия в равной степени им наслаждаются. Однако…

«Мастерские рассказы и веселый нрав графа Милорадовича, бывшего душой путешествия в Крыму, заставляли государя и всех нас хохотать. Взирая на его любезность, нельзя было воображать, что он почитал себя в то время жестоко обиженным назначением графа Витгенштейна, младшего его в чине, Главнокомандующим 2-й армией, вместо Беннигсена. Он мне в тот же вечер в Феодосии открыл свое сердце и сказал, что он намерен был выйти из службы»[1606].

Когда в 1813 году граф Витгенштейн принял Главную армию в обход Михаила Андреевича, он к этому отнесся спокойно. Теперь же было обидно — должность главнокомандующего в мирное время представлялась, в общем-то, синекурой… Но — не судьба. Графу готовилось новое, совсем иное назначение.

«Милорадович сопровождал императора Александра I в путешествии его по Крыму, и в этой поездке, благодаря своему веселому нраву и неистощимым рассказам, окончательно приобрел дружеское расположение государя»[1607].

* * *

Что можно еще вспомнить о том времени, когда граф командовал Гвардейским корпусом? Например, такое:

«Высоко ценя награды за военные подвиги, Милорадович думал иначе о своих заслугах в мирное время. "Убедительно прошу ваше величество, — сказал он однажды императору Александру, — не награждать меня. Ваше милостивое обращение со мной составляет мое счастье. Вы не отказываете мне ни в чем, утверждаете все мои представления — и мне приятнее выпрашивать у вас ленты другим, нежели получать их самому, сидя у камина"»[1608].

Кстати, граф Аракчеев, которого любят упрекать во всех смертных грехах, также отказывался от многих наград — в том числе и от чина фельдмаршала.

Известно, что «…в 1818 году было решено сократить срок службы на 3 года, но и то только для гвардии. Армейские же солдаты должны были служить по-прежнему 25 лет»[1609]. Понятно, что идея сократить срок службы для гвардейцев

принадлежала не военному министру и, разумеется, не государю. Кому ж тогда, если не командиру Гвардейского корпуса — «Другу солдат»?

А между тем именно в ту пору у Михаила Андреевича выискался серьезный и влиятельный антагонист. «Приказом от 27 июля 1818 года он [Николай Павлович] был назначен командиром 2-й бригады 1-й гвардейской пехотной дивизии (полки лейб-гвардии Измайловский и Егерский). Эту скромную должность великий князь Николай Павлович занимал до 1825 года»[1610].

Впоследствии Николай записал: «Порядок службы распущенный, испорченный до невероятности с самого 1814 года, когда, по возвращении из Франции, гвардия осталась в продолжительное отсутствие государя под начальством графа Милорадовича. В сие-то время и без того уже расстроенный трехгодичным походом порядок совершенно разрушился; и к довершению всего дозволена была офицерам носка фраков. — Было время (поверит ли кто сему), что офицеры езжали на ученье во фраках, накинув шинель и надев форменную шляпу. Подчиненность исчезла и сохранилась только во фронте; уважение к начальникам исчезло совершенно, и служба была одно слово, ибо не было ни правил, ни порядка, а все делалось совершенно произвольно и как бы поневоле, дабы только жить со дня на день»[1611].

Через семь лет он станет императором всероссийским и тогда, очевидно, все и вспомнится, и выплеснется наружу. Но пока еще был 1818 год.

«В начале августа этого же года Милорадович был назначен петербургским военным генерал-губернатором, с представлением ему управления и гражданской частью, а 19-го числа того же месяца ему повелено присутствовать в Комитете министров, также в Государственном совете по департаменту военных дел. Последние назначения, возводя Милорадовича на высшие ступени служебного поприща, разлучали его с столь любезной ему гвардией… И эта разлука тяжело отозвалась на внутренней жизни гвардейских полков»[1612].

Михаил Андреевич поднимался на олимп государственной власти…

Глава одиннадцатая. ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОР СТОЛИЦЫ

«Власть генерал-губернатора, с одной стороны, является надзирающей, с другой — политической. Как власть надзирающая, генерал-губернаторы не имеют строго определенной компетенции…»[1613]

«Санкт-Петербург… расположен по обоим берегам Невы, на десяти островах, образуемых одиннадцатью протоками сей величественной реки. В окружности имеет 33 с половиной, а в поперечнике 9 верст; вся же площадь, им занимаемая, составляет 6510 *5/12* десятин. Он разделяется на 12 больших частей, из коих каждая имеет своим начальником частного пристава, и на 54 квартала, состоящие под смотрением стольких же полицейских чиновников, именуемых надзирателями. В 2600 каменных и 5000 деревянных домах обитает 386 285 человек, между коими 100 тысяч женского пола, так что вообще на каждый дом приходится по 46 душ. 483 улицы пересекают сию огромную массу домов, и 167 мостов облегчают сообщение беспрестанно волнующегося по улицам множества занятых делами людей»[1614].

«Никто, конечно, не занимал столько публику, как граф Милорадович. Быв столько же известен со стороны прямодушия и искренности, сколько со стороны хвастовства и расточительности, определение его к настоящему месту служило поводом к многоразличным разговорам. Не сомневаясь нимало в его ревности и любви к справедливости, опасались, однако же, его опрометчивости. Публике казалось часто, что граф ронял свое достоинство, занимаясь сам собою более, нежели своим званием. Но мало-помалу тяжелая скучность канцелярского производства охлаждала пылкость военного жара. Желательно только, чтобы люди, коих советам он покоряется, были люди благонамеренные», — указывалось в одном из «Донесений высшей полиции» 1818 года[1615]. Как видно, даже генерал-губернатор Петербурга состоял под «нечувствительным» наблюдением — Александр I контролировал и ближайших своих сподвижников.

Можно ли считать его назначение удачным выбором государя? Опыт административной работы граф Милорадович уже имел; его заслуги, авторитет, популярность в войсках и в народе были чрезвычайно велики. Однако целый ряд личных качеств Михаила Андреевича не способствовал интересам дела.

«Память у него была обширная, вкус изящный, ум проницательный. Понятие быстрое, но в мыслях и в поступках его

являлись крайности. На поле сражения одним взглядом обнимал он ход битвы и распоряжался мгновенно, но в мирное время сущие безделицы смешивали и затрудняли его. Нечувствительный к голоду, холоду и зною, он бывал неутомим на войне; среди опасностей и лишений становился веселее обыкновенного; в проливные дожди являлся в одном мундире. Но в мирное время совершенная противоположность: на роскошных диванах, в зеркальных комнатах, среди благоуханий, изящных картин и превосходных статуй он скучал, грустил, задумывался. Пламенно любил он славу и хотел во всем быть самобытным»[1616].

Так что, опять-таки, Михаил Андреевич оказался прекрасной «вывеской».

«Но как Милорадович в делах ничего не смыслил, то повелительный тон принял новый правитель канцелярии его, Николай Иванович Хмельницкий[1617]… Оба правителя канцелярии, Адамович и Перевощиков, при назначении нового военного губернатора были удалены от должности яко бездельники. Определенный на их место Хмельницкий выбран был на славу, взят из Иностранной коллегии, был богат, литератор, автор нескольких комедий и должен был очистить, облагородить звание начальника канцелярии. А он вышел величайший грабитель, дерзкий, надменный, так что и честному бы человеку было не под стать. Через несколько времени сам государь приказал Милорадовичу его прогнать и отставить от службы с тем, чтобы никуда не определять…»[1618]

«Милорадович по глупости и необразованности своей легко привязывался к пресмыкающейся перед ним личности», — считал Муравьев-Карский[1619]. Думается, если смягчить категоричность, то в немалой степени дело обстояло именно так.

Мы знаем: «свита играет короля». «При генерал-губернаторе особых учреждений, кроме канцелярии, не имеется, и распоряжения их приводятся в исполнение надлежащими органами губернского управления»[1620]. Что за люди составляли ближайшее окружение генерал-губернатора, его канцелярию?

«Общее мнение благоприятствовало сначала, как правителю его канцелярии Геттуну, так и полковнику Глинке…»[1621]

Оборвав цитату, расскажем о переменах в жизни Федора Николаевича.

«По возвращении в Петербург пожалован штабс-капитаном — 15 августа 1815 года, тем же чином переведен в лейб-гвардии Измайловский полк — 1 февраля 1816 года, с назначением состоять при Гвардейском Генеральном штабе, капитан —30 июля 1816 года, полковник —26 января 1818 года, назначен

"находиться по особым поручениям" при петербургском военном генерал-губернаторе графе М.А. Милорадовиче — 11 марта 1819 года»[1622].

«Я часто видался с поэтом Федором Глинкой, которому граф Милорадович поручил в Петербурге смотрение за тюрьмами и богоугодными заведениями. Глинка есть истинный друг человечества, я не встречал подобного энтузиазма ко всему доброму. Расскажите при нем о каком-нибудь благородном поступке, тотчас цвет лица его переменится и вид, обыкновенно мрачный, сделается веселым»[1623].

«Противное совершенно внимание обращали на себя Фукс, Фогель, Наумов, Крыжев и прочие подобного покроя люди, кои явно и скрытно употребляются. Секретная полиция столицы большей частью поручена была Фогелю, который расстроил до основания сие учреждение. Известность Фогеля, его развратность превращают сию полицию в коварное ябедничество, в притязательное отягощение публики, особенно иностранцев, и наносят вред полицейским распоряжениям всего правительства, кои, при настоящем времени, лишь облагородствованием своим могут приносить существенную пользу. Подобного же рода полиция помрачает славу начальствующего — тем более, ежели презрительные ее орудия ограждаются личной его защитой»[1624].

Понятно, в доносах одной полиции на другую положительных оценок не жди. Про Фогеля ведь сохранились и совершенно иные отзывы:

«Фогель был одним из знаменитейших современных ему агентов тайной полиции. В чине надворного советника он числился (для вида) по полиции; но действовал отдельно и самостоятельно. Он хорошо говорил по-французски, знал немецкий язык, как немец, говорил и писал по-русски, как русский… Служил он прежде у Вязмитинова, потом у Балашева»[1625].

«Впоследствии времени публика начала роптать на действия Геттуна и всей канцелярии. Военный генерал-губернатор, до коего сии слухи доходили, производил некоторые по сему предмету исследования: способы убедиться в основательности или несправедливости их находятся в его руках»[1626].

«Помещик Федор Ширков, убийца девицы Алтуховой, при помощи денег и подкупа был оправдан во всех инстанциях суда, начиная с низшего и кончая Государственным советом. Неоднократные просьбы матери Алтуховой обратили на себя внимание императора Александра I, и он поручил графу Милорадовичу исследовать дело негласно и на месте происшествия… Произведя следствие, Геттун узнал истину, но,

приобретя от Ширкова 100 душ крестьян под видом покупки, хотя и не оправдал преступника, но и не обвинил его, а оставил только в подозрении. Мало того, спустя некоторое время Геттун предоставил Ширкову место в Петербурге следственного пристава… Ширков, прослужив несколько лет в этой должности, поправил свои дела и выкупил из залога в опекунском совете имение в 200 тысяч рублей»[1627]. При этом чтении возникает мысль, что Россия и правосудие это как «гений и злодейство — две вещи несовместные»[1628].

А вот — буквально эпитафия тогдашнему тайному сыску: «Все дела по секретной части производились у Аракчеева и у военного генерал-губернатора графа Милорадовича. Эта секретная часть занималась пустяками и ничтожными доносами, не понимала ни духа, ни желания публики, и дала совершиться пагубному взрыву 14 декабря 1825 года»[1629].

Когда «все дела» имеют нескольких начальников — а здесь их двое — успеха не жди. К «секретной части» мы не единожды вернемся, но это лишь одна, хотя и очень важная, составляющая генерал-губернаторской деятельности. Давать подробный отчет о том, как граф управлял столицей, мы не станем, однако попытаемся создать общую картину его многотрудной и разноплановой работы.

* * *

«Большая тишина эту зиму царствовала в Петербурге, только не в высшем кругу. Государь и обе императрицы находились в отсутствии за границей. Без них молодая чета, Николай Павлович с супругой, на свободе, на просторе, предавались забавам, особенно же молоденькая великая княгиня, которая, по тогдашним летам своим и по примеру матери, покойной королевы Прусской, без памяти любила танцы. Посещение бала государем или кем-либо из членов его фамилии почиталось редким, важным происшествием. Тут знатные и богатые обрадовались случаю, взапуски стали давать праздники и счастливыми себя почитали, что могут на них угощать у себя почти еще новобрачных. Оно недолго продолжалось. К 1 января 1819 года возвратился государь…»[1630]

Михаил Андреевич с первых шагов окунулся в дела благотворительности, что, кстати, всегда его привлекало. Например, он активно включился в борьбу за освобождение из крепостной неволи поэта Ивана Сибирякова.

«Во время проезда через Рязань Александра I (в 1817 году)

Сибиряков вознамерился подать ему стихотворение, написанное им в честь императора; но сделать этого ему не удалось, и стихи попали в руки флигель-адъютанта Александра I — А.И. Михайловского-Данилевского, который обещал Сибирякову хлопотать за него. Мало-помалу в обществе и даже в печати стали говорить о тяжелой судьбе крепостного поэта, и у него появились защитники и ходатаи»[1631]. А.И. Тургенев — князю П.А. Вяземскому: «Брат посылает тебе переписку о Сибирякове, которой автор — здешний Глинка, с редким усердием к добру и деятельный сподвижник Милорадовича в либеральных его похождениях»[1632].

Сам граф обратился с письмом к рязанскому губернскому предводителю дворянства Дмитрию Николаевичу Маслову: «Принадлежащий вам крепостной человек Иван Сибиряков прислал на имя Государя Императора в честь Его Величества стихи своего сочинения. Стихотворение сие показывает, что сочинитель имеет дарования и способности, достойные одобрения. Многие почтенные любители отечественной словесности приемлют живейшее участие в положении Сибирякова, и я со своей стороны почел приятной обязанностью узнать мнение ваше насчет судьбы сего человека: не расположены ли вы продать его и за какую именно цену? В таком случае он куплен будет для того только, чтобы получить в то же самое время свободу, которой он столько достоин…»[1633]

Рязанский предводитель отвечал: «Он, с немалыми издержками будучи воспитан в московских училищах, приспособлен мною к письмоводству и теперь прекрасным отправлением оного и честным поведением заслуживает совершенно мое доверие, почему бы я не решился ни за какую цену его продать опять в крепостное право. Но, почитая священной обязанностью способствовать счастью человека, своими достоинствами умевшего в почтенных любителях отечественной словесности снискать участие к его освобождению, я поставляю приятным долгом содействовать к общему их удовлетворению; в особенности лестно для меня исполнить угодное вашему сиятельству. Но как Сибиряков обучен еще кондитерству… то по всей справедливости считаю непревосходною цену получить за него 10 тысяч рублей»[1634].

Громадная сумма! Г-н Маслов уразумел, как можно поживиться. Деньги собрали сообща, «путем доброхотных пожертвований».

«Сибирякову все деньги собраны, и все тем же добрым Глинкой, который вместо чаю начал по утрам пить воду для того, что на чай нет денег…»[1635]

Освобожденный Сибиряков служил в театре, ничем особо себя не проявил, а слабость к крепким напиткам ускорила его кончину. Печальная история!

От освобождения талантливого крепостного — к отмене крепостного права.

«Назначенный статссекретарем при Государственном совете, Николай Иванович [Тургенев][1636] в 1819 году представил императору Александру, через графа Милорадовича, записку, озаглавленную: "Нечто о крепостном состоянии в России". Мысль, проведенная им в этой записке, состояла в том, что конец рабству может положить одно самодержавие, что оно одно может избавить Россию от подобного позора»[1637].

Вот что «хромой Тургенев» — так назвал его Пушкин в «Онегине» — писал: «Дабы по совести разрешить вопрос сей, надобно вспомнить, что Россия с горестью взирает на несколько миллионов сынов своих, которые не имеют даже и прав человеческих. Всякое распространение политических прав дворянства было бы неминуемо сопряжено с пагубою для крестьян, в крепостном состоянии находящихся. В сем-то смысле власть самодержавная есть якорь спасения для Отечества нашего. От нее, от нее одной, мы можем надеяться освобождения наших братии от рабства, столь же несправедливого, как и бесполезного. Грешно помышлять о политической свободе там, где миллионы не знают даже и свободы естественной… Итак, согласимся в том, что одно только правительство может приступить к улучшению жребия крестьян»[1638].

«Мысль эта поразила императора, и он сказал графу, что возьмет лучшее из этой записки, благородная откровенность которой не прибегала ни к каким уловкам и оттенкам, и "непременно сделает что-нибудь для крестьян"»[1639].

Но, как всегда в России, все ограничилось благими намерениями властей.

«13 февраля [1820 года]. Мое нечто понравилось Милорадовичу, и он отдал его далее. Там и село. И там, как говорят, не умерла еще идея освобождения. Но я начинаю верить одним только делам. А дела нет, даже и в надежде»[1640].

Гораздо успешнее были филантропические предприятия, осуществляемые графом по долгу службы.

«[Квакеры][1641] Греллэ и Ален прибыли в ноябре 1818 года»[1642].

«Граф Милорадович, с которым мы часто видались, сопровождал нас при посещении некоторых тюремных заведений; он выразил готовность произвести улучшения, какие, по нашему мнению, окажутся нужными и возможными. Мы обратили его

внимание на страшную неопрятность, на насекомых, на неудобство помещения мужчин и женщин в одном доме… мы говорили ему также о необходимости разделить заключенных по категориям, дабы тяжкие преступники не смешивались с теми, которые подвергнуты тюремному заключению из-за мелких проступков. На это губернатор ответил нам: "все это может быть исполнено"; и несколько дней спустя он сказал нам: "все, о чем вы говорили мне, уже сделано". Заключенных снабдили метлами, щетками и мылом, чтобы они могли держать в чистоте и порядке свои помещения»[1643].

«Греллэ: [Александр I] просил нас откровенно рассказать ему обо всем, что замечено нами в тюрьмах во время нашего пребывания в России. Генерал-губернатор доложил ему обо всех изменениях и улучшениях, которые мы считали полезным ввести в темницах, и государь вполне одобрил уже произведенные там перемены»[1644].

Есть и такое свидетельство:

«Первое внимание на тюрьмы в столице обратил Санкт-Петербургский военный генерал-губернатор граф М.А. Милорадович, пылкий, сердобольный, готовый на всякое добро, он принялся за это дело с тем же жаром, с той же твердой волей, которые обнаруживал, уничтожая препятствия на пути к победе и славе. Оттого, в самое короткое время, грязные убежища превратились в опрятные комнаты; полы и возрасты разделены, и размещение произведено по роду преступлений. Он посещал темницы, как заботливый хозяин, как человек, преисполненный любовью к несчастным… Однажды (это было в день Благовещения) он сказал мне: "Сегодня по давнему обычаю в России выпускают птиц на волю. Пойдем — выпустим на волю словесных птиц!" И мы пошли в главную Санкт-Петербургскую тюрьму. Граф послал за прокурором, пересмотрел записки о содержании дел заключенных и выпустил (взяв на себя доложить государю) более двенадцати человек…»[1645]

Вот так… Авангардный герой занят вопросами содержания заключенных. Но чем только Михаилу Андреевичу не приходилось тогда заниматься!

«Генерал-губернатор доносил, что "рядовой лейб-гвардии Измайловского полка Кузьмин, находясь в карауле на Сенной площади, когда шел на двор, поскользнулся, упал, ушиб себе голову, который для пользования отправлен в гофшпиталь". Высочайше повелено заметить коменданту, что видно лестницы в караульных домах худо чистятся, лед не скалывается и песком не посыпается»[1646].

Еще есть рапорт Милорадовича о поднятии утопленника и

виза государя, что для этих целей нужно иметь специальные приспособления…

«Некто ярославский крестьянин Синицын сделался особенно известным лицом в зале просителей, потому что с невероятным терпением в течение нескольких месяцев по несколько часов в день простаивал безмолвно у стены, ожидая графа и повторяя ему всегда одну и ту же просьбу. Просьба же его состояла в том, чтобы бывшие откупщики Перетц и Мещерский удовлетворили его 1500 рублей. Вот, однажды граф Милорадович на общей аудиенции сказал мне: "Надобно удовлетворить этого старика! Ты знаком с Перетцем?" — Я отвечал: "Нет!" — "Ну, так все равно: сын его служит в моей канцелярии, сделай добро старику, уладь это дело". Получив сие приказание, я спросил в канцелярии Перетца[1647] и сообщил ему желание графа. Он обещал постараться у отца…»[1648]

«Самоучка-инженер мещанин Торгованов подал графу Милорадовичу проект устройства туннеля под Невой со стороны Адмиралтейской площади на Васильевский остров. Прочитав поданный проект, граф сказал Торгованову, что он пустяки затевает. Торгованов отвечал, что это может быть славным делом, достойным России, и что он за него отвечает своей головой. Изобретатель просил на коленях у графа, чтобы он, хотя ради курьеза, доложил государю о его проекте. Граф доложил и вынес следующую резолюцию: "Выдать Торгованову из кабинета 200 рублей и обязать его подпиской, чтобы он впредь прожектами не занимался, а упражнялся в промыслах, состоянию его свойственных"»[1649].

«Граф Милорадович доносил, что в лагерь лейб-гвардии гарнизонного полка вбежала неизвестно кому принадлежавшая собака, которая "укусила бывшему в палатке 1-й роты Демьяну Телегину большой палец на левой руке"», затем она «"стала рвать солдатские вещи, потом скрылась"; несчастный Телегин был отправлен в госпиталь, "где по свидетельству дежурного штаб-лекаря найден укушенным бешеной собакой, коему во избежание могущих случиться худых последствий тот палец отнял и оказался к излечению надежен". Император Александр распорядился, чтобы полиция обращала "более внимания на дворовых собак, кои бегают по улицам и без ошейников"»[1650].

Давно ли Михаил Андреевич писал в рапортах о сотнях убитых — теперь он ограничивался одним покусанным. Но вот бумаги гораздо более интересные:

«Губернатор Милорадович недавно уменьшил число мест, где производится продажа крепких напитков, оставив лишь те, в которых нет для покупателей отдельных помещений и седалищ;

он запретил притом в кабаках всякие игры и вообще всё, что могло бы побудить несчастных посетителей этих мест оставаться там дольше, чем сколько нужно им, дабы проглотить свои разгорячающие напитки. Но во время отсутствия императора министр финансов дозволил продажу водки в кофейнях и в других подобных заведениях, чтобы таким образом увеличить доходы казны от питейных сборов. Тогда губернатор, немедленно по возвращении государя, сказал ему:

Накануне восстания просил действительного тайного советника Гурьева предупредить графа М.А. Милорадовича о возможности возмущения в день присяги Николаю I. Арестован и сослан на жительство в Пермь, переведен в Усть-Сысольск, в Вологду. Чиновник особых поручений при вологодском губернаторе (1843), советник вологодского губернского правления (1844), уволен от службы (1845), жил в Одессе (1850).

— Что предпочитаете, ваше величество? Увеличение ли государственных доходов в ущерб народной нравственности, или благоденствие народа, основанное на улучшении нравственных начал?

Государь выразил ему в ответ, что нравственное преуспеяние народа гораздо важнее и дороже для него, чем всякие государственные доходы.

Тогда Милорадович сообщил ему о случившемся во время его отсутствия и попросил позволения закрыть все эти вновь открытые места водочной продажи.

— Пусть будет так, — сказал государь.

И в тот же вечер Милорадович исполнил свое желание»[1651].

«Забота о возможном понижении продажных цен на предметы первой необходимости сыздавна составляла одну из задач правительства… Граф Милорадович, в сознании своего долга, проявил свою заботливость в этом отношении, прилагал к удешевлению цен значительное усердие. В записке от 25 августа 1822 года, представленной начальнику Главного штаба, Милорадович кратко и скромно писал: "1821 года состояла цена на говядину с 14 августа и 6 сентября: 1-го сорта фунт — 16 ¾ копейки, 2-го сорта фунт — 14 ¾ копейки, 3-го сорта фунт— 12 ¾ копейки; 1822 года августа 25 стоит 1-го сорта фунт— 12 ¼ копейки, 2-го сорта фунт — 10 ¼ копейки, 3-го сорта фунт — 8 ¼ копейки".

В резолюции на записке читаем: "Высочайше повелено писать отсюда [Александр I находился в Вене] к графу Милорадовичу, что Его Величество с большим удовольствием усмотреть изволил понижение цен на мясо, приписывая сие его распоряжениям, изъявляет ему свое Высочайшее благоволение"»[1652].

Пример для нынешних губернаторов! А вот и «национальный вопрос»:

«Граф Милорадович был очень милостив к евреям. Он всегда подписывал им разрешение жить в Петербурге. Когда чиновники говорили ему о незаконности этого, он отвечал: эти люди суть самые преданные слуги Государя, без них мы не победили бы Наполеона, и я не был бы украшен этими орденами за войну 1812 года. И он был прав. Наполеон знал преданность евреев правительству; когда он бежал из России и прибыл в одно еврейское местечко, то, созвав всех евреев в синагогу, заставил их присягнуть, что не выдадут его преследовавшим русским войскам. Они присягнули, но Наполеон тем не менее избрал путь не тот, который он указал евреям, а евреи действительно передали казакам, что Наполеон направился туда, то Александр и Милорадович умели ценить эту верность.

Когда начальники петербургской полиции жаловались Милорадовичу на устройство евреями кущей в столице, последний сделал распоряжение о сносе кущей в течение 8 дней»[1653].

«В счастливые дни пребывания евреев на Сенной [площади] на них приходили смотреть столичные жители во время их праздников кущей. В эти дни сенновские евреи имели обыкновение строить внутри двора временные деревянные шалаши при домах, в которых жили. Снаружи шалаш сходствовал с четырехсторонними башнями и примыкал к дому с нижнего яруса до крыши; одна сторона шалаша сообщалась с внутренними покоями, а три, составленные из стеклянных рам, выходили на двор; шалаш разделялся на столько отделений, сколько дом заключал в себе ярусов, и каждое отделение состояло из одного покоя. Вечером шалаши освещались множеством свечек, евреи, с величайшим волнением, шумно располагались на лавках лицом к той стороне стены, которая присоединялась к дому; еврейки обносили мужей разными яствами и вином; евреи, предаваясь торжеству, кричали оглушительно, и под конец веселье переходило в шумную оргию. Тысячи зрителей толпились по дворам, любуясь странными празднествами евреев…»[1654]

Михаил Андреевич считался на своем посту далеко не из лучших.

«Граф Милорадович, как известно, был плохой генерал-губернатор. Беззаботность его, невнимание и легкомыслие при решении массы дел и прошений, к нему поступающих, были хорошо известны современному ему обществу, и вот однажды выискался затейник, который сыграл над генерал-губернатором следующую шутку. Направлена и подана была Милорадовичу

особого рода челобитная, причем расчет шутника-просителя состоял именно в том, что Милорадович подмахнет резолюцию, по обыкновению не прочитав путем бумаги. Ожидания вполне оправдались. Вот эта челобитная мнимого ямщика:

"Его сиятельству, господину санкт-петербургскому военному генерал-губернатору, генералу от инфантерии графу Михаилу Андреевичу Милорадовичу, ямщика Ершова покорнейшее прошение.

Бесчеловечные благодеяния вашего сиятельства, пролитые на всех, аки река Нева протекли от Востока до Запада. Сим тронутый до глубины души моей, воздвигнул я в трубе своей жертвенник, пред коим, стоя на коленях, сожигаю фимиам и вопию: 'ты еси, Михаил, спаси меня с присносущными'. Ямщик Ершов".

Собственноручная резолюция графа Милорадовича: "Исполнить немедленно"»[1655].

Нередко генерал-губернатор сам лез в дела совершенно нелепого свойства. Александр Тургенев писал: «Ввечеру видел превращенного наизнанку "Вертера" и смеялся как бы во время оно… За первое представление, ознаменованное гласным шиканьем, многим запретил либеральный Милорадович ходить во французский театр; и я сегодня не мог доказать ему, что он на это не имел никакого права, ибо ограничивать свободу действия навсегда превышает власть полиции»[1656].

А тут еще и вдовствующая императрица обращалась к графу: «Следуя с удовольствием внушению Моего к вам уважения и уверения о рвении вашем ко всякому благому и полезному делу, Я испросила согласие Императора, Любезнейшего Моего Сына, на определение Вас в члены советов, учрежденных при Обществе благородных девиц и Училище ордена святой Екатерины, по воспоследовании которого Я дала повеление сим советам о пречислении Вас к оным…»

Почетно. Хотя какая от того польза и для графа, и для девиц? Но «…в это время граф Михаил Андреевич стоял на такой высоте, что санкт-петербургские общества: филармоническое, фармацевтическое, вольное общество любителей словесности, наук и художеств и другие избрали его своим почетным членом»[1657].

«Мне удалось быть в публичном собрании Российской Академии. Съехались все члены Академии и некоторые важнейшие посетители первые заняли свои места за большим круглым столом: посреди — президент Академии, Шишков, по правую его руку — Карамзин, затем — митрополит Сестренцевич и так далее; а по левую — секретарь Академии, Соколов, далее — Гнедич, Крылов, Жуковский и прочие. Против них, с другой

стороны стола, сидели почетные члены: Кочубей, Аракчеев, Мордвинов, Голицын, Лобанов-Ростовский, Милорадович, Сперанский, Оленин и др.»[1658]. И в Академии, в числе самых первых лиц, — тоже он.

* * *

Летом 1819 года незаметно произошло событие, определившее судьбу не только всей империи, но и лично графа Милорадовича. Обедая у великого князя Николая в лагере под Красным Селом, «Государь начал говорить, что он с радостью видит наше семейное блаженство (тогда был у нас один старший сын Александр, и жена моя была беременна старшей дочерью Марией); что он счастья сего никогда не знал, виня себя в связи, которую имел в молодости; что ни он, ни брат Константин Павлович не были воспитаны так, чтобы уметь ценить с молодости сие счастье; что последствия для обоих были, что ни один, ни другой не имели детей, которых бы признать могли, и что сие чувство самое для него тяжелое. Что он чувствует, что силы его ослабевают; что в нашем веке государям, кроме других качеств, нужна физическая сила и здоровье для перенесения больших и постоянных трудов; что скоро он лишится потребных сил, чтоб по совести исполнять свой долг, как он его разумеет; и что потому он решился, ибо сие считает долгом, отречься от правления с той минуты, когда почувствует сему время…»[1659]

«Известно, что первые разговоры между государем и Николаем Павловичем произошли еще в 1819 году, и что принц Вильгельм Прусский был посвящен во все подробности переговоров как тогда, так и в позднейшее время. Следовательно, вопрос назревал постепенно, а после брака цесаревича с полькой стал на очереди и подвергся всестороннему семейному обсуждению, хотя и тайному»[1660].

«С тех пор часто государь в разговорах намекал нам про сей предмет, но не распространялся более об оном; а мы всячески старались избегать оного. Матушка с 1822 года начала нам про то же говорить, упоминая о каком-то акте, который будто бы братом Константином Павловичем был учинен для отречения в нашу пользу, и спрашивала, не показывал ли нам оный государь»[1661].

«Великий князь Николай Павлович никогда не знал положительно ни об отречении Константина Павловича от своих прав на наследование престола, ни о том, что преемником Александра будет он, Николай Павлович. При сохранении в глубокой тайне тех актов, которыми приготовлена была эта

перемена в порядке наследия русского престола, великого князя хотя и мог наводить иногда на мысль о том разговор с ним императора Александра I в 1819 году в Красносельском лагере, но ничто во внешнем образе действий императора не обнаруживало намерения привести в исполнение выраженную тогда мысль»[1662].

Очень возможно, что недоверчивый Александр I боялся объявить своего преемника раньше времени — вдруг тот поспешит занять завещанный трон. Официально же считается, что государь не желал волновать народ объявлением подобных решений. Что ж, вполне традиционно для России.

Именно это «утаенное завещание» привело к событиям 1825 года.

…В 1819 году в Санкт-Петербурге, по проекту знаменитого зодчего Карла Ивановича Росси[1663], начались работы по перепланировке Дворцовой площади. 8 июля был торжественно заложен новый Исаакиевский собор, который строил Огюст Монферран[1664], — эта стройка почти на четыре десятилетия разделит Исаакиевскую и Петровскую, она же Сенатская, площади.

* * *

«В начале 1820 года происходило в Петербурге собрание думы "Союза Благоденствия", где шли рассуждения о правлении монархическом и республиканском. Пестель вычислял выгоды того и другого, и все члены (кроме Ф.Н. Глинки) высказались по поводу "республиканского" правления; но… члены Общества и теперь все-таки говорили, что "если император Александр сам дарует России хорошие законы, то они будут его верными приверженниками и сберегателями"»[1665].

Вскоре случилась, так сказать, «Пушкинская история».

Судьба просто не могла не свести этих двух замечательных людей своего времени. После окончания Лицея Пушкин жил в 4-й Адмиралтейской части, на набережной Фонтанки, в доме адмирала Клокачева, в районе Коломна, числясь в Иностранной коллегии. Милорадович вызывал у него романтическое любопытство:

«Его тетрадь наполнена эскизами женских головок, начертанных весьма бойким карандашом, и мужских портретов, иногда в целый рост, как, например, тогдашнего петербургского генерал-губернатора графа Милорадовича, который в то же время был и героем театральных, закулисных романов»[1666].

У Михаила Андреевича к Александру Сергеевичу был служебный интерес.

«Заметя в государе наклонность карать то, что он недавно поощрял, граф Милорадович, русский Баярд, чтобы более приобрести его доверенность, сам собою и из самого себя сочинил нечто в виде министра тайной полиции… Кто-то из употребляемых Милорадовичем, чтобы подслужиться ему, донес, что есть в рукописи ужасное якобинское сочинение под названием "Свобода"[1667] недавно прославившегося поэта Пушкина… Милорадович поспешил доложить о том государю, который приказал ему, призвав виновного, допросить его. Пушкин рассказал ему все дело с величайшим чистосердечием; не знаю, как представил он его императору, только Пушкина велено… сослать в Сибирь»[1668].

Думается, что версия Вигеля недостоверна и Милорадович сыграл в судьбе Пушкина положительную роль, к чему склонялись большинство современников…

«Раз утром выхожу я из своей квартиры (на Театральной площади) и вижу Пушкина, идущего мне навстречу. Он был, как и всегда, бодр и свеж; но обычная (по крайней мере, при встречах со мною) улыбка не играла на его лице, и легкий оттенок бледности замечался на щеках… Пушкин заговорил первый:

— Я шел к вам посоветоваться. Вот видите: слух о моих и не моих (под моим именем) пиесах, разбежавшихся по рукам, дошел до правительства. Вчера, когда я возвратился поздно домой, мой старый дядька объявил, что приходил в квартиру какой-то неизвестный человек и давал ему пятьдесят рублей, прося дать ему почитать моих сочинений и уверяя, что скоро принесет их назад. Но мой верный старик не согласился, а я взял да и сжег все мои бумаги.

При этом рассказе я тотчас узнал Фогеля с его проделками.

— Теперь, — продолжал Пушкин, немного озабоченный, — меня требуют к Милорадовичу! Я знаю его по публике, но не знаю, как и что будет и с чего с ним взяться… Вот я и шел посоветоваться с вами…

Мы остановились и обсуждали дело со всех сторон. В заключение я сказал:

— Идите прямо к Мидорадовичу, не смущаясь и без всякого опасения. Он не поэт; но в душе и рыцарских выходках — у него много романтизма и поэзии: его не понимают! Идите и положитесь безусловно на благородство его души: он не употребит во зло вашей доверенности»[1669].

«В одно прекрасное утро пригласил его полицмейстер к графу Милорадовичу. Когда привезли Пушкина, Милорадович

приказывает полицмейстеру ехать в его квартиру и опечатать все бумаги. Пушкин, слыша это приказание, говорит ему: "Граф, вы напрасно это делаете. Там не найдете того, что ищите. Лучше велите дать мне перо и бумаги — я здесь же все вам напишу". Милорадович, тронутый этой свободной откровенностью, торжественно воскликнул: "Ah! c'est chevaleresque!"[1670] — и пожал ему руку.

Пушкин сел, написал все контрабандные свои стихи и попросил адъютанта отнести их к графу в кабинет. После этого подвига Пушкина отпустили домой и велели ждать дальнейшего приказания»[1671].

«Лишь только ступил я на порог кабинета, Милорадович, лежавший на своем зеленом диване, окутанный дорогими шалями, закричал мне навстречу:

— Знаешь, душа моя! (это его поговорка) у меня сейчас был Пушкин! Мне велено взять его и забрать все его бумаги; но я счел более деликатным (это тоже его любимое выражение) пригласить его к себе и уж от него самого вытребовать бумаги. Вот он и явился, очень спокоен, с светлым лицом, и, когда я спросил о бумагах, тот отвечал: "Граф! все мои стихи сожжены! — у меня ничего не найдется на квартире; но если вам угодно, все найдется здесь (указал пальцем на свой лоб). Прикажите подать бумаги, я напишу все, что когда-либо написано мною (разумеется, кроме печатного) с отметкою, что мое и что разошлось под моим именем". Подали бумаги. Пушкин сел и писал, писал… и написал целую тетрадь… Вот она (указывая на стол у окна), полюбуйся!.. Завтра я отвезу ее государю. А знаешь ли — Пушкин пленил меня своим благородным тоном и манерой (это то же его словцо) обхождения»[1672].

«Пушкина надобно сослать в Сибирь: он наводнил Россию возмутительными стихами; вся молодежь наизусть их читает. Мне нравится откровенный его поступок с Милорадовичем, но это не исправляет дела», — сказал государь Энгельгардту[1673].[1674]

У поэта нашлось немало заступников, и наказание оказалось гораздо мягче.

«Я вошел к государю со своим сокровищем, подал ему тетрадь и сказал: "Здесь все, что разбрелось в публике, но вам, государь, лучше этого не читать!" Государь улыбнулся на мою заботливость. Потом я рассказал подробно, как у нас дело было. Государь слушал внимательно и наконец спросил: "А что ж ты сделал с автором?" — "Я? — сказал Милорадович, — я объявил ему от имени вашего величества прощение!.." Тут мне показалось, — продолжал Милорадович, — что государь слегка нахмурился. Помолчав немного, государь с живостью сказал: "Не рано ли?!"

Потом, еще подумав, прибавил: "Ну коли уж так, то мы распорядимся иначе: снарядить Пушкина в дорогу, выдать ему прогоны и, с соответствующим чином и с соблюдением возможной благовидности, отправить на службу на юг"»[1675].

6 мая Пушкин покинул Петербург, а 12-го «…был большой пожар в Царском Селе, во время которого сгорела дворцовая церковь и часть дворца. Очень опасались за покои императрицы Екатерины и в особенности за Янтарную комнату; но господь помиловал, и хотя убытку было более чем на два миллиона, к году все привели в прежний вид. Генерал-губернатор граф Милорадович, узнав, что горит Царскосельский дворец, живо скомандовал, прискакал, не теряя времени»[1676].

«Быстрота неимоверная: пожарная команда проскакала в три четверти часа пространство в 22 версты от Московской заставы Петербурга до дворца Царского Села! Усердие и искусство пожарной команды наконец восторжествовали над огненной стихией и половина дворца уцелела от разрушительного ее действия.

Милорадович остался ночевать в Царском Селе. На другой день он должен был идти к государю с утренним рапортом. Взамен сапог, изорванных на пожаре, Милорадович надел сапоги Штесселя, полкового командира императора Австрийского полка, известного профессора ружистики и шагистики.

Войдя в комнаты государя, граф спросил камердинера:

— Что государь?

— Очень огорчен, — отвечал тот.

Милорадович велел о себе доложить, и был принят. Только что он вошел в комнату, где сидел, задумавшись, государь, как вдруг, будто бы увлеченный какой-то посторонней силой, стал вытягивать ногу учебным шагом.

— Что это значит? — спросил с удивлением государь.

— Виноват, ваше величество, — отвечал пресерьезно граф. — Надел сапоги полковника Штесселя, — а они так и тянут ноги учебным шагом!

Государь засмеялся — и, став повеселее, занялся с графом обыкновенным порядком…»[1677]

* * *

Осенью 1820 года у графа Милорадовича случилась какая-то размолвка с Федором Глинкой — на поверхность вышли лишь бытовые проблемы и мелочные обиды. Приведем два фрагмента тогдашней обширной их переписки:

«Сиятельнейший граф, милостивый государь! Я получил письмо, из которого вижу, что Вы поставляете в вину собственно мне ослабление гайки на колесе у дрожек, находившихся у меня по приказанию Вашему, и что будто единственно от того дрожки сломались, когда на них ехал барон Фредерике[1678]. В то же время объявлено мне через квартального офицера от имени Вашего приказание доставить навсегда дрожки сии в квартиру Вашего сиятельства. Исполнив тотчас приказание, я долгом считаю представить здесь на благоуважение Ваше, сиятельнейший граф, все причины, по которым ясно изволите увидеть, что я нисколько и ни мало не виноват в том… Я всепокорно прошу милостивого содействия Вашего сиятельства к перемене службы и судьбы моей; убедительно прошу Вас, сиятельнейший граф, примите на себя небольшой для Вас труд испросить мне у Государя Императора переименование меня по армии с сохранением получаемого жалованья…

Сирота с давних лет и бедный от рождения, я не имею ни блистательных связей, ни могущественных покровителей; тех и других надобно, говорят, достигать побочными дорогами, а я шел всегда прямой. В течение целых 18 лет, при беспрерывных почти сношениях моих с особой Вашего сиятельства, я был все тот же; более нежели кому предан был Вам, но более всего предан истине, и в последний раз, когда Вам угодно было милостиво пригласить меня вступить под лестное начальство Ваше, я не считал необходимым запасаться ни рекомендациями, ни связями, и взял с собою свои небольшие способности, свое большое усердие, какую Бог дал мне честность и мое великое терпение. Но я вижу и чувствую, что способности мои — недостаточны, усердие — незаметно, честность — не у места, а терпение уже все истощилось…"»[1679]

«В ответ на это письмо граф Милорадович объяснил, что все дело о дрожках совершенные пустяки, что в порче их он никого не винит, кроме случая, а если дрожки отобраны, то только потому, что экипаж этот принадлежит придворной конюшне, и шталмейстер вошел с представлением о том, чтобы его не давали никому из посторонних лиц, кроме генерал-губернатора…

"Относительно же выражений Ваших на мой счет и упреков Ваших, то я представляю судить другим и полагаю приличным молчать, и сие снисхождение мое, как начальника и друга, доказывает Вам, что я и ныне уважаю прежние сношения мои с Вами и прежнюю службу Вашу…"»[1680]

В результате Глинка получил отпуск на 28 дней. А.И. *Тургенев — князю П.А. Вяземскому. 6 октября 1820 года:* «Он (Глинка) опять при графе Милорадовиче, который ласками, извинениями,

но более всего пользой службы убедил его остаться при нем»[1681].

* * *

1820 год завершился «Семеновской историей».

«Оба великие князя, Николай и Михаил, получили бригады и тут же стали прилагать к делу вошедший в моду педантизм. В городе они ловили офицеров; за малейшее отступление от формы одежды, за надетую не по форме шляпу сажали на гауптвахты; по ночам посещали караульни и если находили офицеров спящими, строго с них взыскивали… По целым дням по всему Петербургу шагали полки то на ученье, то с ученья, барабанный бой раздавался с раннего утра до поздней ночи. Манежи были переполнены»[1682].

«Надо было того времени быть свидетелем, очевидцем всего того, что творили с солдатами и офицерами, чтобы поверить в возможность тех неистовых проявлений, коими ознаменована эта эпоха, справедливо названная *фронтоманией*. Высшее варварство в истязании человека, в способе его обучения, в непрестанном его движении, передвижении, в отказе ему застаиваться, задумываться, недодача ему и сукна, и холста, и обуви, и самого содержания — все эти причины, взятые вместе, и довели Константина Павловича до следующего мудрого изречения: "Дурной тот солдат, который доживает срок свой двадцатипятилетний до отставки"… "Убей двух, поставь одного!" — говорил он; а другие повторяли и доказывали усвоение этого правила на деле»[1683].

Однако в лейб-гвардии Семеновском полку нравы были совершенно иные.

«Семеновский полк был любимым полком государя, он постоянно носил мундир полка, знал большую часть солдат по имени и вообще баловал полк»[1684].

«С назначением генерал-майора Якова Алексеевича Потемкина нашим полковым начальником, доблестно служившего прошедшую войну, любимого солдатами и уважаемого офицерами, человека доброй души и хорошего общества, наш полк еще более возвысился в нравственном отношении. Поэтому естественно, что телесные наказания (под которыми наши солдаты умирали в армии, как и в гвардии) после трехлетних заграничных походов были не только неизвестны, но и немыслимы в Семеновском полку, где они были отменены по согласию всех ротных начальников и с разрешения Потемкина.

Мыслимо ли было бить героев, отважно и единодушно защищавших свое отечество… прославившихся заграницей непоколебимой храбростью и великодушием»[1685].

«Полковой командир Я.А. Потемкин отличался от всех прочих бескорыстием, справедливостью и вежливостью в обхождении с офицерами и с солдатами; стан его был примечательный, одевался он, как кокетка. Общество офицеров было самое образованное и строго держалось правил чести и нравственности. Солдаты семеновские отличались не одной наружностью, не только образцовой выправкой и ружейными приемами: но они жили гораздо лучше солдат других полков, потому что большая часть из них были отличные башмачники, султанщики и обогащали свою артельную казну»[1686].

В новых условиях командиром в Семеновский полк определили «армейского служаку, строгого исполнителя своих обязанностей, Федора Ефимовича Шварца[1687]. Этот несчастный выбор был причиной всей беды»[1688].

«Полковник Шварц — суровый, жесткий человек, которого Потемкин не любил до того, что при сдаче полка старался не обращаться к нему, а прощаясь с офицерами полка, не обратил внимания на Шварца, стоявшего в стороне»[1689].

«Офицеры говорили между собой, но так, чтобы некоторые нижние чины могли слышать: "Шварц может командовать скотами, а не людьми". К тому же, как Шварц хотел, чтобы к приезду государя представить полк во всей исправности, то и стал беспрестанно учить без отдыха»[1690].

«По званию моему директора полковых училищ, я познакомился со Шварцем и нашел в нем доброго, простого православного человека, в котором не было и тени немца. Он видел свое ложное положение, горевал о нем, предчувствовал беду и говорил о том, не зная, как вывернуться. Презрение к нему офицеров, неуважение и дерзость солдат доходили до высшей степени»[1691].

«Молодые полковые командиры, действуя в духе великих князей, лезли из кожи, чтобы им угодить, и, таким образом, мало-помалу довели до того, что большое число офицеров стало переходить в армию»[1692].

В России почти все идет «с головы»: государь требует, царедворцы разбиваются в лепешку, чтобы выполнить, но чем дальше от престола, тем меньше служебного рвения, и все постепенно сходит «на нет»…

«Шварц принялся за наш полк по своему соображению. Узнав, что в нем уничтожены телесные наказания, сначала он к ним не прибегал, как было впоследствии; но, недовольный учением,

обращал одну шеренгу лицом к другой и заставлял солдат плевать в лицо друг другу; утроил учение; сверх того, из всех 12 рот поочередно ежедневно требовал к себе по 10 человек и учил их для своего развлечения у себя в зале, разнообразя истязания: их заставляли неподвижно стоять по целым часам, ноги связывали в лубки, кололи вилками и пр. Кроме физических страданий и изнурения он разорял их, не отпуская на работы. Между тем беспрестанная чистка стоила солдату денег, это отзывалось на их пище, и все в совокупности породило болезни и смертность»[1693].

«В прежнее время генерал-адъютанта Потемкина были заведены кровати у нижних чинов; почти каждый из них имел по самовару — признак довольства у солдатика; всё это очень не нравилось новому полковому командиру. Нары снова были введены в полку; обращение сделалось невыносимо»[1694].

«Между офицерами обнаружилось неудовольствие; чем строже учил полковой командир, тем снисходительнее и вежливее учили ротные командиры; неудовольствие офицеров перешло к солдатам. Ротой его величества командовал капитан Кошкарев, ожидавший со всяким днем производства в полковники, и оттого не вникал с должным вниманием в свою обязанность и тем увеличил неудовольствие солдат»[1695].

«Наша 1-я гренадерская рота, во всех отношениях образцовая, считалась главой полка. Она состояла из отборнейших старых, заслуженных солдат, покрытых боевыми ранами, пользовавшихся привилегиями и лично известных Александру. Эти почтенные ветераны после вечерней переклички [16 октября] через своего ротного фельдфебеля просили своего ротного начальника капитана Николая Ивановича Кошкарева пожаловать в роту. Они объявили ему, что у них нет более ни сил, ни средств служить под начальством Шварца, поэтому они просят принять их жалобу…»[1696]

Капитан Кошкарев из роты отправился прямо к батальонному, а потом к полковому командиру. Не застав дома полковника Вадковского, Кошкарев оставил у него краткую записку о случившемся. Полковник же Шварц, выслушав словесное донесение, ограничился формальной фразой: «Наблюдать за порядком и ожидать утром дальнейших приказаний»… На следующий день, в 7 часов утра, Вадковский прибыл в роту его величества, приказал людям собраться, но вместо строгого разбора дела стал доказывать им важность вины их.

После 11 часов в полк прибыли бригадный командир великий князь Михаил Павлович и начальник штаба Гвардейского корпуса

генерал Бенкендорф. Вместо того чтобы как-то понять происходящее, они традиционно стали требовать «выдать зачинщиков». Не выдали, а потому под предлогом встречи с корпусным командиром «государеву роту» завели в полковой манеж, арестовали, окружив павловцами, и вечером отконвоировали в Петропавловскую крепость. Тогда полк, взбудораженный известием «Государева рота погибает!» самочинно вышел на плац.

«Первый приехавший, Закревский[1697], сказал им, "что ему стыдно смотреть на них!".

— А нам, — отвечал вперед выступивший старый гренадер, на котором было пятнадцать ран, — ни на кого смотреть не стыдно!»[1698]

«Мы не бунтовщики, мы умрем за государя и за офицеров, но не хотим Шварца, ибо он — мучитель и действует вопреки повелениям государя»[1699].

В 4 часа утра генерал Васильчиков сам поехал к генерал-губернатору… и просил вступиться в это дело и поговорить с солдатами, сказав: «Солдаты вас любят, и, кроме вас, некому нам помочь». Граф тотчас поехал в полк и, войдя на площадь, обратился к солдатам: «Что это, братцы, так ли я вас привык видеть — в толпе и непослушании?» Нет сомнения, что если бы можно было заранее предвидеть приезд графа, то старший из присутствовавших на площади офицеров, произнеся магическое слово «смирно!», унял бы говор, тем более что люди сами желали слышать слова его и восстановили бы тишину. Но граф подъезжал к отдельным кучкам в темноте. Когда он говорил на одном месте площади, на другом, где не знали о его приезде, за общим говором нельзя было слышать слов его. На увещевания графа солдаты, снимая фуражки, отвечали, что они готовы перенести всякие наказания, какие угодно будет начальству на них наложить, но терпеть притеснений полковника Шварца не в состоянии, равно не могут построиться, потому что за нахождением роты его величества под арестом не к кому пристроиться.

Так сказано в полковой истории, но вот что сам Михаил Андреевич писал графу Аракчееву: «Вся площадь наполнена была солдатами. Люди все вообще были в шинелях и фуражках и без ружей. Многие тотчас меня окружили, но без шуму и с должным почтением, и на вопрос, почему они решились выйти из правил службы, отвечали пространным объяснением о жестоких обидах и притеснениях со стороны полковника Шварца. Выслушав некоторых, я советовал им быть спокойными и с полной доверенностью положиться на попечительность и справедливость

начальства. На сие многие объявили, что они разойдутся, и я уехал»[1700].

Так ли поступал генерал в лучшие свои годы, когда, рискуя жизнью, увлекал за собой солдат в бою? А тут — ему «объявили», он поверил, успокоился, уехал…

«Все потеряли голову, особенно ввиду отсутствия государя, и если внимательно прочесть письма И.В. Васильчикова и графа Милорадовича, их донесения официальные, а также и частные письма, то легко убедиться, что начальство было не на высоте своего призвания»[1701].

В казармы никто не вернулся — полк принял решение идти вслед за государевой ротой в крепость. Поручик лейб-гвардии Финляндского полка Розен[1702] писал: «Вбежал ко мне посыльный из казарм: "Ваше благородие! Извольте спешить, полк собирается на набережной". Прибегаю к сборному месту — солдатам раздавали боевые патроны… Мы двинулись по команде, солдаты перекрестились, пошли по Гороховой улице, повернули в Малую Морскую и увидели, что Конногвардейский полк под начальством красавца А.Ф. Орлова с обнаженными палашами конвоирует семеновцев по Невскому проспекту. Наше назначение было также провожать Семеновский полк до Петропавловской крепости, но как полк шел не сопротивляясь и без оружия, то принятая предосторожность оказалась лишней и мы воротились в казармы наши. С этого дня боевые патроны не оставались на руках каптенармусов или в ротном цейхгаузе; за исключением пяти патронов из шестидесяти на каждого солдата все остальное сохранялось уже в полковом цейхгаузе»[1703].

Утром 19 октября в крепость прибыл граф Милорадович с командующим корпусом, пригласив также идти с собой дежурного генерала Закревского, в котором «накануне с удовольствием заметил особливое умение обходиться с солдатами.

«Граф Милорадович, увидя лейб-гренадеров у крепости, отослал их назад. В крепости с Закревским вместе пошел по казематам, куда солдаты размещены были, и зачали им говорить об их ошибке, но не так, как с бунтовщиками; уговаривали их к повиновению, и граф обещал им ходатайствовать за них у государя, снял от них часовых и поручил им самим смотреть за собой, объявив токмо, что они арестанты. — "Слушаем, ваше сиятельство, будем смотреть сами за собой, и ослушников не будет". — И в самом деле, никто за дверь не выглянул»[1704].

Вскоре уже Милорадович докладывал графу Аракчееву:

«Генералом Васильчиковым решено теперь отправить весь Семеновский полк по разным соседственным крепостям без

ружей, но в виде команд с офицерами, которые, как оказалось, все нисколько не участвовали в предприятии солдат. Я со своей стороны нашел меру сию по обстоятельствам приличной, ибо оная сохраняет честь полка»[1705].

«Приняв сии меры, Васильчиков успокоил жителей, но сам покоен не был. Он чувствовал себя виновным, по крайней мере в неблагоразумии, и знал, что Милорадович не преминет довести до сведения императора все происшествие в истинном его виде. Первое потому, что граф, всегдашний защитник невинных, особенно воинов, свидетелей и сподвижников его славы, и потому еще, что Милорадович личный соперник Васильчикову, который своими происками успел заступить его место в начальстве гвардии.

Васильчиков знал, что граф писал уже к императору, и решился попробовать пожертвовать всеми, чтоб оправдать только себя»[1706].

Интересная подробность насчет начальствования в гвардии…

Окончательно решить судьбу своего любимого полка мог только Александр I, находившийся в то время на конгрессе в Троппау. Курьером к нему был направлен ротмистр лейб-гвардии Гусарского полка Чаадаев[1707], адъютант Васильчикова.

«Чаадаев, отправляясь в Троппау, получил инструкции, разумеется, от Васильчикова и, сверх того, еще от графа Милорадовича…

Не могу не удержаться, чтобы не привести здесь забавной подробности из разговора Чаадаева с графом Милорадовичем, содержания которого я, впрочем, не знаю, точно так же, как и содержания всех других официальных разговоров по этому бедственному делу. Их пересказывать Чаадаев всегда избегал очень заботливо и очень искусно. Прославленный герой Отечественной войны, за которым поныне сохранилось несколько напыщенное название "рыцаря без страха и упрека", имел слабость, вовсе того не умея, поминутно говорить по-французски. Свои инструкции Чаадаеву он давал на этом языке и выводил его во все время разговора из терпения самыми скучными ошибками и даже непонятливостью речи»[1708].

«Многие из современников этого события, тогдашние гвардейские офицеры… положительно заверяли меня, что будь в те годы Милорадович начальником Гвардейского корпуса, ничего подобного не случилось бы»[1709].

«Милорадович везде говорил, что в ногах у государя будет просить его выслушать, доказывал всем известную невинность семеновцев и поджигал общее справедливое негодование на корпусного командира.

Все общество разделилось. Большая часть поддерживала Милорадовича; меньшая — защищала Васильчикова; некоторые заступались даже за Шварца»[1710].

Конечно, «действующие лица» этой истории не пребывали в пассивном ожидании государева решения. Проводился розыск, искали не только зачинщиков среди солдат — это удалось сделать очень нескоро, но и какие-то посторонние силы, возможно, стоявшие за Семеновским возмущением. И тут вновь проявились некоторые отрицательные качества Михаила Андреевича.

«Я не могу и не должен скрывать от вас, что граф Милорадович, человек вполне преданный добру, но его нескромность пагубна; все меры, которые полиция предпринимает, известны всему городу и об этом говорят на улицах, а это верное средство предостеречь злоумышленников и ничего не открыть; я ему несколько раз говорил об этом, и надо надеяться, что он будет осторожнее»[1711].

Все закончилось совсем не так, как надеялся граф Милорадович. В письме, ему адресованном, государь писал: «Вы легко можете судить, с каким прискорбием принял я известие о неслыханном никогда в российской армии происшествии, случившемся в лейб-гвардии Семеновском полку. Из прилагаемого при сем в копии отданного мной по армии приказа и повеления командующему Гвардейским корпусом усмотрите вы, какие меры по сему взяты мной. Препровождаю сие для сведения вашего и соображения в нужных случаях ваших по оному отзывов»[1712].

Семеновский полк был раскассирован, многие понесли суровое наказание. Из рот армейских гренадерских полков был сформирован полк под тем же наименованием, долго еще называвшийся в обществе «новым Семеновским».

«Не мудрствуя лукаво, постараемся объяснить это явление возможно проще, на основании характера императора Александра. Он был шефом семеновцев, еще будучи наследником, он помнил роль полка при восшествии на престол в 1801 году, он гордился боевыми подвигами возлюбленного полка на полях брани, и вдруг именно в Семеновском полку случилось такого рода происшествие, где уважение к шефу, к начальству было забыто, а дисциплина нахально нарушена. Чувство обиды и горечь разочарования привели не только к строгости, но и к жесткости!»[1713]

«Раскассирована старого Семеновского полка, наиболее им любимого, первое потрясло его веру в преданность к его особе тех полков гвардии, в любви которых он был наиболее уверен. Нельзя

сомневаться в том, что он был убежден, что причина явного неповиновения полка не заключалась единственно в мелких притеснениях полковника Шварца, в его неумении обращаться с солдатами, в его желании унизить дух солдат и офицеров, но в действии тайного общества, коего членами он полагал многих офицеров старого Семеновского полка»[1714].

Все высшие чины Гвардейского корпуса остались на своих местах. Шварца приговорили к смерти, но помиловали. Ротмистр Чаадаев, привезший полку приговор, вышел в отставку, не ожидая флигель-адъютантских аксельбантов. Историки находят тому самые различные объяснения, а все предельно просто: в Отечественную войну он сражался в рядах Семеновского полка и поступил как человек чести, не желая строить карьеру на несчастии товарищей.

«Во многих полках гвардии обнаружились признаки негодования вследствие несчастной участи, постигшей семеновцев, и это настроение умов предвещало пагубные последствия, не будь графа Милорадовича, который, пользуясь доверием к нему гвардии, не употребил бы все свое влияние на успокоение ее»[1715].

Тут как раз, 20 ноября 1820 года, исполнилось пятнадцать лет сражению при Аустерлице. Широко известен диалог между Александром I и Милорадовичем, но это, разумеется, легенда — не в той обстановке было вспоминать про подвиги гвардии, да и государь тогда странствовал по Европе…

* * *

«Семеновская история» заставила принять беспрецедентные меры. Командир Гвардейского корпуса писал начальнику Главного штаба: «Посылаю вам, мой дорогой друг, проект учреждения военной полиции; вы найдете сумму немного великой, но вы очень хорошо знаете, чтобы заставить хорошо служить этих мерзавцев, необходимо им хорошо платить… Главное условие, которое от меня требует человек, который берется вести эту часть, — есть непроницаемая тайна; он согласился только для меня взяться за это; эту личность я знаю уже пять лет: его честность испытана, он образован, умен, скромен, предан государю и не принадлежит ни к какому обществу; одним словом, это Грибовский[1716], библиотекарь гвардейского Генерального штаба и правитель канцелярии комитета раненых…»[1717]

В армии шпионство и доносы на товарищей в те времена

считались делом противоестественным — отсюда и рассуждения о «мерзавцах». Правда, о главном из них, опытном провокаторе, который даже являлся членом коренной управы «Союза благоденствия», говорится в превосходной степени. Но, несмотря на всю опытность Грибовского, не привыкшие к тайным делам генералы «сели в лужу».

«В конце ноября 1820 года власти получают первый донос на тайное общество от корнета лейб-гвардии Уланского полка А.Н. Ронова[1718]. Ронов был завербован в качестве тайного агента военной полиции командиром Гвардейского корпуса И.В. Васильчиковым, вероятно, в конце октября или начале ноября 1820 года. Как видно из донесения Васильчикова Александру I от 26 ноября 1820 года, он по договоренности с петербургским военным генерал-губернатором М.А. Милорадовичем "дал позволение корнету лейб-гвардии Уланского полка Ронову пробыть в Санкт-Петербурге 15 дней под предлогом болезни… для доставления сведений по части полиции".

Ронов, используя семейное знакомство с адмиралом Д.Н. Сенявиным[1719], быстро сошелся с его сыном — поручиком лейб-гвардии Финляндского полка Н.Д. Сенявиным[1720]. Тот, недавно принятый в "Союз благоденствия" Г.А. Перетцем, неосторожно поведал Ронову о существовании тайного общества, "конституцией занимающегося", и даже предложил Ронову вступить в это общество»[1721].

И вновь — Григорий Абрамович Перетц, служивший у генерал-губернатора.

«Перетц утверждает, что вскоре почувствовал гибельные последствия, которые от их замыслов долженствовали произойти или для общества, или для самого государства, и возымел намерение открыть всё правительству, но, опасаясь ответственности, яко ложный доноситель, по трудности или невозможности представить в подобных случаях ясные и явные доказательства, как законы повелевают…» — обрываем витиеватую канцелярскую фразу примерно на половине[1722]. Поясним: хотел донести, но духу не хватило; ждал возможности аж до начала декабря 1825 года — таки дождался!

«Донос, направленный Милорадовичу, попал в руки его адъютанта Ф.Н. Глинки, ведавшего секретной канцелярией Милорадовича. Глинка принял меры, чтобы не дать доносу хода»[1723].

«Ронов потребован был к графу Милорадовичу, где он был спрошен словесно… Граф Милорадович сказал, что Ронов сделал долг верного офицера, отпустил его, через пять дней потребовал снова его и сказал, что Ронов налгал; общества такого нет, но,

тогда же возложа на Ронова, дабы открыл то общество или что узнает, относился бы к бывшему при нем адъютантом господину полковнику Глинке, на что Ронов отвечал, [что] не знает, где находится такое общество, но что господин Сенявин говорил о приглашении их Пе-ретцом в оное общество и что если правительство при всех возможных средствах не знает и не может отыскать такого общества, то Ронов уже отыскать не может. После сего был отпущен Ронов, чрез три дня был потребован к графу Милорадовичу, где находился и господин Сенявин.

Здесь господин Сенявин отрекся от того, что объявлял Ронову… Переменяя мысль свою, сказал, что он звал Ронова некогда в масоны. Сколь же Ронову известно, Перетц при сем допрашиваем не был. В подтверждение учиненного по приказанию графа Милорадовича полковник Глинка отобрал от Ронова письменное показание»[1724]. Кончилось тем, что неудачливый доносчик был арестован и отставлен от службы.

Все же «…в полиции и шпионах не было недостатка. Современник пишет: "В это время была в Петербурге тройная полиция, а именно генерал-губернатора (графа Милорадовича), министра внутренних дел и графа Аракчеева, но что она не принесла пользы, это, к несчастью, доказал 1825 год". Из разговоров в обществе изгнаны были все политические предметы. "Правительство было подозрительно, и в редком обществе не было шпионов, из коих, однако же, большая часть были известны. Иные принадлежали к старинным дворянским фамилиям, были украшены орденами и носили камергерские мундиры"»[1725]. Нравы общества менялись, что особенно ярко проявится в следующее царствование.

Но, конечно, «дыма без огня» не бывает, и тайное общество существовало.

«После истории Семеновского полка правительство усилило надзор тайной полиции, и это сделалось известно "Союзу благоденствия" от одного из своих членов, который служил при петербургском военном генерал-губернаторе, узнавал все распоряжения, относящиеся до тайной полиции, и читал даже донесение ее агентов. Это обстоятельство заставило Союз принять благоразумные предосторожности для своей безопасности и с этой целью назначить в Москве чрезвычайное собрание депутатов от разных управ для принятия мер против подозрительности правительства»[1726].

«В 1820 году в Москве [январь 1821 года] был собран под председательством Н. Тургенева съезд… Тайное общество было объявлено распущенным; но это было сделано для того, чтобы преобразовать его более действительным образом — и в

особенности — на деле же оно продолжалось. Тайное общество было реорганизовано и, чтобы захватить больше мест для своей деятельности, было разделено на Северное и Южное»[1727].

Произошедшее не осталось тайной: «Грибовский… представил императору Александру I, через И.В. Васильчикова, записку о тайном обществе и съезде, бывшем в Москве»[1728].

Свою записку на ту же тему представил Александру I и Бенкендорф:

«Кажется, что наиболее должно быть обращено внимание на следующих людей: …Федора Глинку. Слабый человек сей, которому некоторые успехи в словесности и еще более лесть совершенно вскружили голову, который помешался на том, чтоб быть членом всех видимых и невидимых обществ, втирается во все знатные дома, рыскает по всем видным людям, заводит связи, где только можно; для придания себе важности рассказывает каждому за тайну, что узнал по должности или по слабости начальника; посещает все открываемые курсы, посылает во все журналы статьи, из коих многие не весьма внимательно рассмотрены цензурой, и как в разговорах, так и на письме, кстати и некстати, прилепляет политику, которой вовсе не постигает, но блеском выражений и заимствованными мыслями слепит неопытных»[1729].

Сложно понять, в кого именно метил будущий шеф жандармов — в адъютанта или в самого генерал-губернатора, бывшего для него надежной защитой. Ведь даже «После смерти графа Федор Глинка, позванный к допросу, все свалил на покойника, говоря, что он приказал ему сойтись с революционерами, следить за их действиями и передавать всё, что заметит»[1730].

Александр I «24 мая прибыл в Царское Село. Здесь, тотчас же после возвращения, он узнал о доносе, полученном в его отсутствие, о политическом заговоре, с приложением списка всех лиц, замешанных в нем»[1731].

Кажется, тут бы следовало сразу пресечь заговор, однако…

«На этом факте приходится остановиться, но объяснить его логично мы затрудняемся… Если сопоставить строгости по приговору Семеновского полка и всю переписку по этому делу, где государь упорно искал причин политических, не обнаруженных ни следствием, ни судом, то как допустить полнейшую индифферентность к записке Бенкендорфа и к сообщенному на словах Васильчиковым?! Как разгадать, отчего государь чуть было не вмешался активно в итальянские дела, чтобы бороться с карбонарством, а у себя дома, на Руси, ничего не предпринимал, чтобы пресечь надвигавшуюся беду»[1732].

Насчет надвигавшейся беды — не просто красивая фраза.

«Конечно, до 1812 года дворянство было недовольно Александром и роптало на него; но войско всегда равно оставалось ему преданным; после же взятия Парижа никто без восторга не произносил его имени. Но то, чего не могли военные поселения и Аракчеев, удалось Михаилу Павловичу со Шварцем, и то в одном Петербурге и только между военными. Явной хулы никто еще не позволял себе, но при его имени все хранили угрюмое молчание…»[1733]

Вспоминает Измайловский офицер: «Стало заметно, что полк далеко не спокоен: солдаты хотя и исполняли требования дисциплины, но покорялись ей с нескрываемым пренебрежением и на офицеров смотрели свысока, насмешливо. Случались такие выходки со стороны подчиненных, которые ясно указывали на сознание этими последними своей силы. Для примера расскажу один такой случай… Однажды наш батальон, долженствовавший в тот день занять караулы, был выстроен вдоль бокового фасада Гарновского дома и стоял вольно в ожидании своего полковника; а мы, офицеры, сойдясь шагах в двадцати перед фрунтом, весело разговаривали. Показался со стороны казарм высокого роста старый гренадер первого батальона, в шинели и фуражке. Вместо того чтобы обойти стороною, он направился на интервал между нами и фрунтом батальона, и когда с нами поравнялся, то обратился к батальону и громко скомандовал: Смирно! Батальон смолк и стал "смирно", как бы по команде своего полковника. "Здорово, ребята!" — крикнул гренадер. "Здравия желаем!" — грянул батальон, и вслед затем по всему строю раздался хохот. Гренадер повернулся и пошел своей дорогой, как ни в чем не бывало, — и никто из офицеров, даром что все они были поражены такой дерзостью, никто из них не тронулся с места, чтобы остановить наглеца. Видно, начальство потеряло под собой почву»[1734].

«Необходимо было уничтожить вовсе повод к жалобам и натянуть ослабевшие струны военной дисциплины. Беспокойства в Пьемонте, вообще в Италии, служили предлогом к походу. Священный союз вмешивался во все внутренние дела чужих государств, и наш Гвардейский корпус в апреле 1821 года получил приказание выступить в поход»[1735].

* * *

Гвардия ушла, а мы обратимся к теме «граф Милорадович и театр». Уточним сразу, что «интимную» сторону этого вопроса трогать не будем, так как она нам не ведома — о том говорили очень много, но все по-разному.

«Милорадовичу был поручен главный надзор над петербургскими театрами… и он принялся с необыкновенным рвением за исполнение его вообще и за образование молоденьких и хорошеньких актрис в особенности. Любимицами его были Л. Дюрова[1736] и К. Телешова[1737]. Он ничего не щадил для их костюмов и очень часто лично возил в магазины заказывать модные уборы. Но… *honni soit qui mal y pense.* В то время храбрый ветеран был, как говорится: *moralement tres physique, mais physiquement tres moral,* и все ограничивалось одним платонизмом»[1740].

«Для поправления финансового состояния театра управление его… поручено графу Милорадовичу, у которого, кроме неоплатных долгов, ничего уже не было. Он давно добивался этого места и получил его как одну из наград за его великие подвиги. Карикатурный Баярд в одном только был схож с подлинником, которого передразнивал: он был столько же храбр, как и тот. Не в целомудрии подражал он этому рыцарю, когда Театральную школу превратил в свой гарем»[1741].

Пойми тут, где правда! Так что обратимся к ходу событий.

«Милорадович очень любил театральный круг, и Хмельницкий ввел в него своего начальника. Сначала он стеснял немного гостей, но вскоре все привыкли к нему, потому что он был самый любезный и разговорчивый собеседник, охотно смотревший и на репетиции пьес. Телешова больше всех нравилась ему; но дальше обыкновенных фраз роман их не пошел»[1742].

«Граф любил театр и посещал его постоянно, в особенности балеты. Бывая часто у князя Шаховского, он ознакомился и с внутренним хозяйством Петербургского театра, которое было тогда, по справедливости сказать, не в удовлетворительном состоянии и в особенности Театральная школа; в ней были большие недостатки и запущения… Граф Милорадович, как ревнитель строгой справедливости, вскипел негодованием, когда до него дошла горькая истина о худом содержании школы, что подтвердили ему самые воспитанницы, которых он видал у князя Шаховского. "Бог мой! — говорил граф, — это ни на что не

похоже, надобно этому положить конец!" — и он доложил обо всем государю, вследствие чего высочайше возложено было на него, графа Милорадовича, и на князя Петра Михайловича Волконского привести в известность все беспорядки и запущения по Театральной школе»[1743].

«Оба они прибыли на другое утро, в 8 часов, в Театральную школу. Дети только что встали: в дортуарах царствовал величайший беспорядок; простыни, одеяла были грязные, старые, в заплатах; белье на детях тоже; комнаты не чищены, не метены; везде пыль, грязь и духота. Завтрак детей был самый бедный. Отправились на кухню, где готовили обед для школы. Там тоже все было грязно, а запасов чрезвычайно недостаточно для продовольствия ста человек; одним словом, все было найдено в самом дурном виде, и оба ревизовавшие лица сделали об этом самое верное представление государю»[1744].

В результате произошла смена директора императорских театров. «После князя Тюфякина[1745] назначен был директором Аполлон Александрович Майков[1746]». Однако, с сожалением, следует уточнить, что «под управлением Майкова положение артиста было крайне незавидное. Произвол царил над его личностью безгранично»[1747]. Как говорится, «из огня да в полымя…».

«В это же время Милорадович был назначен президентом Театрального комитета… Этому комитету поручено было преобразовать театральную дирекцию, и участь моя зависела уже от Милорадовича.

Он позвал меня и спросил, почему я хочу оставить службу при театре.

Я откровенно сознался, что, бывши секретарем князя Тюфякина, я, конечно, встречу везде неблаговоление.

— Напрасно вы это думаете, — сказал граф (он со всеми говорил вы). — Вы очень нужны и полезны для театра. Вы уже много и написали для него. Я бы очень желал, чтоб вы остались у меня. Предлагаю вам прибавку по 600 рублей.

…Я поклонился и хотел уйти, но граф еще удержал меня, взяв за медаль 1812 года.

— Я читал ваш формуляр. Знаю, что вы получили 10 ран, так мне бы очень было приятно сохранить при себе такого ветерана», — вспоминал Рафаил Зотов[1748], ополченский офицер 1812 года и автор мемуаров на эту тему[1749].

«Разумеется, с самых первых дней существования комитета оказалось, что он весь сосредоточен в лице графа Милорадовича и что директор театра вполне в его распоряжении. Все действия по управлению представлялись комитету, но решал их один граф

и в случае каких-либо возражений или замечаний прочих членов объявлял высочайшую волю как генерал-губернатор, облеченный доверенностью монарха. Впрочем, подобные возражения редко и случались…

Я, как солдат 1812—1814 годов, невольно привлечен был к графу Милорадовичу военной его славой. Теперь же, увидев из ежедневных опытов всё благородное прямодушие этого рыцаря без страха и упрека, вполне покорился этому влиянию»[1750].

Но разве и тут можно обойтись без противоположного мнения?

«Милорадович, который столько тешился всем театральным и так презирал его, с правителя канцелярии своей Хмельницкого взял клятвенное обещание не писать более комедий; лучше запретил бы он ему воровать. Когда уличенный в лихоимстве Хмельницкий был с бесчестием отставлен, то нарушил клятву и снова принялся авторствовать»[1751].

Уточним, что «в лихоимстве» Хмельницкий был обвинен уже после смерти графа, однако полностью оправдан и награжден орденом Святого Владимира 2-й степени. Хотя было бы наивно считать, что в театральной жизни тогда всё было прекрасно.

«Однажды был спектакль в Театральной школе, и Каратыгин[1752] во время антракта сидел в другой зале на лавке, разговаривая и болтая ногами. В эту минуту пришел директор Майков, все встали, один Каратыгин остался в прежнем положении. Майков оскорбился этим неуважением, подошел к нему и спросил: почему он не встал по примеру других? "Потому что я здесь не по службе и не на службе, — отвечал Каратыгин, — я приглашенный гость". Майков рассказал это графу Милорадовичу, и тот отправил Каратыгина под арест»[1753].

«Все начали советоваться, как поступить в таком случае, и решили, чтобы матушка наша лично просила графа Милорадовича о помиловании. Катенин[1754] тут же написал прекрасную просьбу, и матушка вместе с Колосовой[1755] поехали к Милорадовичу.

Этот храбрый генерал, герой 1812 года, русский Баярд, как его называли, имел репутацию доброго человека. Хорошенькие девушки и миловидные женщины пользовались постоянно его благосклонностью, перед ними русский Баярд готов был преклонить колено с рыцарской любезностью…

Матушка наша, поддерживаемая Колосовой, едва могла войти в приемную графа. Он вышел; мать бросилась к его ногам и, рыдая, подала ему просьбу. Русский Баярд грозно закричал ей:

— Меня слезы не трогают, я видел кровь!

Эта неуместная фраза была сказана со строгим выражением

лица и с полным убеждением, что он сказал очень умно. Что он видел кровь, в этом, конечно, никто не сомневался, но какое же это имело отношение к слезам отчаянной матери, пришедшей умолять о пощаде своего сына? Такую фразу приличнее было бы слышать от глупого цирюльника, чем от генерал-губернатора.

Он начал читать просьбу и еще более обнаружил негодования, ударил рукой по бумаге и сказал:

— Вот за это одно слово его надо отдать в солдаты!..

Русский Баярд на этот раз сказал решительную нелепость. Мать подает просьбу о помиловании сына. Что бы ни было написано в этой просьбе, ее сын ни в каком случае не может быть тут ответчиком, но и французские рыцари были люди безграмотные, мудрено ли, что и наш русский Баярд не сумел понять смысла поданной ему просьбы.

Мать наша от слез и душевного страдания ничего не могла говорить; Колосова упрашивала Милорадовича, и наконец Баярд умилостивился, начал успокаивать матушку и, посадив ее, тут же прибавил, что этот урок был нужен молодому либералу, который набрался вольного духу от своего учителя Катенина, и что нынешний же день он велит его освободить. Матушка воротилась несколько успокоенная обещанием графа.

К вечеру другого дня брат воротился из крепости»[1756].

Наверное, именно так и было. А может, не так, ибо всё это обе актрисы рассказали Петру Андреевичу Каратыгину[1757], который и описал произошедшее. Актеры — люди впечатлительные. Мало ли, кто что забыл, кто чего добавил или нафантазировал…

Но вот еще один конфликт, теперь уже с самой Колосовой, первой актрисой русской труппы. В 1824 году она задержалась на гастролях в Москве, за что получила строжайший выговор от директора императорских театров. Тогда она потребовала достойную ее роль и отказалась участвовать в назначенном ей спектакле…

«На другой день полицмейстер Чихачев приехал ко мне на квартиру и, застав дома одну матушку, объявил ей, что граф Милорадович приказал ему взять меня под арест. Испуганная матушка сказала ему, что она сама съездит за мной и через час привезет меня домой. Вместо того, не теряя времени, наняла экипаж и отправила меня в Царское Село с наскоро написанной просьбой на собственное его императорского величества имя». Однако и заступничество Александра I не помогло — если действительно таковое было, ибо государь мог просто пообещать… «3 января (1825 года) прислана мне была бумага об отставке меня от театра за неуместную жалобу государю

императору с приказанием явиться в театральную контору под арест на одни сутки»[1758].

Господа, всё ж актриса — не прапорщик, чтоб ее на гауптвахту!

«Молодая Колосова принята паки на сцену: помирилась с Милорадовичем, попросив прощение. Так, по крайней мере, говорят театральные»[1759].

Оригинально управлял театрами наш граф Михаил Андреевич.

* * *

В круг обязанностей генерал-губернатора входило и наблюдение за разного рода сектами. Задача сложнейшая: во-первых, граф в этом ничего не смыслил — впрочем, как и во многих иных доверенных ему делах, во-вторых, многие из сект пользовались тогда высочайшим покровительством.

«Источником мистицизма сделалась сама верховная власть, и он усиливался разлиться по всему лицу земли русской»[1760].

Еще «…в 1817 году в Михайловском замке был открыт тайной полицией в квартире жены полковника Татаринова[1761], урожденной Буксгевден, "хлыстовский корабль". К этому хлыстовскому обществу принадлежали князь А.Н. Голицын[1762], В.М. Попов, Лабзин, богатый помещик Дубовицкий, князь Энгалычев и др. Здесь утром, по воскресеньям, к Татариновой собиралось до 40 человек, и при этом совершались хлыстовские сборища»[1763].

Насчет «хлыстовского корабля» утверждение не совсем точное.

«Оставленная мужем и потрясенная смертью горячо любимого сына, Татаринова стала искать утешения в благотворительности, помогая бедным деньгами, советами и ходатайством, и в религии… Ни хлысты, ни скопцы своим учением Татаринову не удовлетворили; и у тех, и у других она нашла мало привлекательного, скопчество казалось ей даже мерзким. Единственное, к чему она питала некоторую склонность, это были радения, которые она потом перенесла и в свой "духовный союз". В 1817 году Татаринова решилась перейти из лютеранства в православие. Она уверяла, что в минуту присоединения к православию почувствовала в себе дар пророчества. G этого момента начинается ее сектантская деятельность… Составилось общество, известное в начале 1817 года под именем "братства во Христе", а позже под различными

названиями: "союз братства", "союз братьев и сестер", "духовный союз". Назвать это общество сектой в строгом смысле этого слова нельзя, так как оно не имело никакой организации, вступающим в него не предъявлялось никаких условий и требований, не налагалось на них никаких обязанностей. Большинство участников были просто хорошо знакомые между собой люди, связанные единством религиозных исканий и тяготением к центру кружка, личности Татариновой. Обаяние этой личности, судя по отзывам и даже по поступкам ее последователей, было действительно необыкновенным»[1764].

Разумеется, «радения» не имели ничего общего с истинным православием.

«Один очевидец, допущенный зрителем к их проказливым таинствам, рассказывал мне после следующее. Верховная жрица, некая госпожа Татаринова, посреди залы садилась в кресла; мужчины садились вдоль по стене, женщины становились перед нею, ожидая от нее знака. Когда она подавала его, женщины начинали вертеться, а мужчины петь, под такт ударяя себя в колена, сперва тихо и плавно, а потом все громче и быстрее; по мере того и вращающиеся превращались в юлы. В изнеможении, в исступлении тем и другим начинало что-то чудиться. Тогда из среды их выступали вдохновенные, иногда мужик, иногда простая девка, и начинали импровизировать нечто ни на что не похожее. Наконец, едва передвигая ноги, все спешили к трапезе, от которой нередко вкушал сам министр духовных дел, умевший подчинить себе Святейший Синод»[1765].

Когда полиция произвела дознание по поводу этих сборищ и представила результаты его князю Голицыну, тот ответил, что государь приказал «…оставить оные без внимания, как не заключающие в себе важности».

Министр же выхлопотал Татариновой ежегодную пенсию, где-то от 6 до 10 тысяч рублей — уточним, что только в 1839 году (!) генерал-майор стал получать в год 3 тысячи. «Государь дал Татариновой аудиенцию, принял ее благосклонно, долго с ней беседовал, сообщив ей "самые сердечные свои чувствования и многое, ей только одной известное, и так удостоверился он в ее правоверии, в непорочности пути ее и в подлинности ее пророческого слова, что возлюбил ее в Боге"»[1766]. Кстати, Александр Павлович побывал на сектантском сборище и остался доволен.

Ай да царь, ай да царь,
Православный государь![1767]

Сектантская зараза задела и графа Милорадовича.

«Молодой Милорадович[1768], желая посвятить себя служению Богу, не считал возможным оставаться в военной службе и вышел в отставку. Он поступил потом чиновником особых поручений к своему дяде, санкт-петербургскому генерал-губернатору, и почти поселился у Татариновой. Граф Милорадович выговаривал племяннику, что, вне служебных обязанностей, он редко бывает у него.

— Как же мне бывать у вас, дядюшка, — отвечал он, — когда вы принимаете самые нелепые доносы на меня.

— Я им не верю, — отвечал граф. — Тебя люблю, Татаринову уважаю, бывай у меня чаще.

Граф Кочубей, графиня Безбородко и другие родственники принимали молодого Милорадовича с нежностью и любовью, видя в нем кротость и смирение. Но скоро стали замечать, в особенности граф Милорадович, что Алексей Григорьевич Милорадович и брат его полковник Дмитрий Григорьевич, завлеченные придворным лакеем Кобелевым, стали часто посещать сборище Кондратия Селиванова и что Алексей соглашался даже на оскопление»[1769].

«Завлеченные придворным лакеем» — звучит более чем удивительно! Вспомним бестужевскую эпиграмму на поэта Жуковского:

> Пред знатными сгибая шею,
> Он руку жмет камер-лакею.
> Бедный певец![1770]

А тут вообще лакей завлекает в секту гвардейских офицеров!

Имя Кондратия Селиванова[1771] возникло у нас как-то случайно, хотя человек это был известнейший.

«Александр посетил "искупителя" перед Аустерлицем. По преданиям, разговор зашел: начинать ли войну или нет? И будто бы Селиванов не советовал начинать войны "с проклятым французом": "Не пришла еще пора твоя, побьет тебя и твое войско, придется бежать, куда ни попало". Во всяком случае, в Петербурге интерес к предсказателю от этого лишь усилился»[1772].

Да, очень неладно было в Российской империи в последние годы жизни Александра Благословенного…

Однако Михаилу Андреевичу пришлось вникать в сектантские дела.

«Открылось, что Селиванов, заботясь о распространении своей секты, успел оскопить многих нижних чинов гвардейских полков и матросов. Граф написал о том князю А.Н. Голицыну,

прибавляя, что у известного старика бывают в последнее время многочисленные собрания, на которые сходятся люди всякого звания, в том числе и нижние воинские чины, привлекаются даже молодые люди из высшего общества. Но так как в дом, где живет он, вход полиции был воспрещен по высочайшему повелению, то граф Милорадович просил князя Голицына довести до сведения императора, что скопчество растет с каждым днем и вред, наносимый обществу, долее терпим быть не может. Следствие показало, что в Петербурге многие дома наполнены скопцами, что секта эта быстро распространяется и что появилась "девица редкой красоты", называвшая себя то Богородицей, то разведенной женой цесаревича Константина Павловича, великой княгиней Анной Федоровной, а иногда царевной Еленой Павловной, — смущавшая своей красотой девственников и завлекавшая их в секту.

Все это заставило правительство выслать Селиванова из Петербурга, и летом 1820 года последовало высочайшее повеление об отправлении его в Суздальский монастырь с полным удобством, в коляске, которая стоила казне 1700 рублей ассигнациями»[1773]. Уточним, что это равнялось годовому жалованью гвардейского полковника.

Селиванов отбыл восвояси, но его последователи продолжали свое дело, и генерал-губернатор все же решил их навестить. Князь Голицын отправил с ним действительного статского советника Василия Михайловича Попова[1774]. Это был «директор департамента народного просвещения и секретарь Библейского общества», приходивший на сборища Татариновой «с дочерьми Верой, Любовью и Софьей, из которых последнюю он чуть не уморил побоями и домашним заключением за ее отвращение от сектантских обрядов»[1775].

«Граф Милорадович не скрыл от В.М. Попова своего незнания, что скопцы так стараются о распространении своей секты и что основываются на столь ужасном учении. Вообще видно было, что он имел мало понятия о сей секте и расположен был кем-нибудь в пользу ее более, нежели в предосуждение»[1776].

В дом Солодовникова, у которого теперь собирались скопцы, Михаил Андреевич отправился также в сопровождении обер-полицмейстера Горголи и своего племянника Алексея. Генерал-губернатора встретили со всем почтением, уверениями в законопослушности и полным набором сектантской демагогии.

«Им было сказано, чтобы под страхом наказания никого из посторонних не соблазняли своим учением, а сами могут жить спокойно. Опять последовали земные поклоны и просьбы о покровительстве и защите. Добрый и увлекающийся граф

Милорадович обещал и то, и другое, чем значительно ободрил сектантов и дал им смелость… Граф Милорадович уехал из дома Солодовникова с убеждением в необходимости разослать по монастырям главнейших говорунов…

Единственная польза от объявления комиссии была та, что она остановила многих готовых вступить в скопчество, и в том числе братьев Милорадовичей. Покинув эту мысль, младший Милорадович, Алексей, еще ближе сошелся с кружком Татариновой и проводил в ее обществе большую часть дня»[1777].

Когда в 1822 году в Михайловском замке было размещено инженерное училище, Татаринова переехала в 1-ю роту Измайловского полка. В 1824 году на нее ополчились всесильный граф Аракчеев и адмирал Шишков[1778], но учиненное ими следствие ничего не дало, сектанты были оставлены в покое. В год смерти Александра I «Татаринова с ближайшими своими последователями… выселилась за город, недалеко от Московской заставы, где приобрела обширную усадьбу с просторным домом и там основала нечто вроде сектантской колонии. Здесь радения кружка Татариновой продолжались еще 12 лет…»[1779]

Уместно вспомнить и о весьма активном тогда масонском движении.

«Чиноначальники масонских лож в 1810 году были вызваны генералом Балашовым, министром полиции, получили от него особое руководство и были обязаны ежемесячно доставлять в министерство отчеты о собраниях, которые иногда посещал и сам Балашов. Эта практика продолжалась и при Вязьмитинове — преемнике Балашова и вплоть до закрытия масонских лож… Естественно, что это полуофициальное разрешение придавало ложам несколько иной характер, чем тот, который отличали тайные масонские ложи на Западе и чем были они в России при своем возникновении»[1780].

«В ложах собирались люди самого различного свойства: и деятели библейского мистицизма, мрачные обскуранты из старых масонов и их учеников, и безобидные филантропы, и представители либерализма, и люди весьма сомнительных профессий, тогдашние или будущие доносчики и шпионы. В чем состояла эта масонская деятельность, какой был ее смысл, и был ли вообще в ней какой-нибудь смысл? На нынешний взгляд масонство вообще представляется каким-то странным маскарадом, ни к чему не нужным ребячеством… Масонская декорация и тогда уже переставала обманывать; одни, изведавши масонские таинства, наскучились ими; другие видели в них только случай развлечься и, не ломая головы над нравственными проповедями, предпочитали всему "столовые ложи". И в то время

люди, слишком серьезно принимавшие масонскую мудрость, подавали повод к остроумию. Тем не менее масонское движение имело свой исторический смысл и, вредное или безразличное одними своими сторонами, другими приносила даже некоторую пользу. Для многих, действительно, ложа не имела другого смысла, кроме того, что в ней можно было попить, поесть и поболтать… Но многие, вероятно, серьезно верили масонской легенде, хотя мало применяли ее на деле»[1781].

«В России масонские ложи сперва не допускались; однако впоследствии, по постоянному духу подражания и чтобы не слыть варварами в глазах Европы, было, кажется, разрешено Александром Павловичем учреждение масонской ложи в Петербурге. Ложа эта называлась "Соединенных друзей"…

В масонском уставе было, между прочим, одним из главных правил ревностно во всех случаях помогать один другому, без различия народности и вероисповедания, так как все масоны считались между собой братьями. Это послужило поводом во время революционных войн к введению во Франции во всех войсках масонских лож для взаимной помощи. Ежели кто-либо был ранен или попал в плен или был ограблен, то стоило ему только посредством условных знаков встретить брата масона между врагами, тот должен был оказывать ему непременную помощь и пособие. Император Александр негласным образом разрешал и даже поощрял учреждение масонских лож в гвардейских полках»[1782].

Как видно, тогда масонство совсем не было столь всемогущим и вездесущим, сколь это представляется сегодня. И никто еще не знал, что в этом патриархальном виде оно вообще доживает свои последние дни.

«В 1822 году последовало внезапное запрещение масонских лож. Повод к запрещению еще не совсем выяснен… Как бы то ни было, 1 августа 1822 года последовал рескрипт императора к министру внутренних дел Кочубею[1783], окончательно запрещавший масонские ложи и всякие тайные общества. Через некоторое время произошло закрытие лож»[1784].

«Масонский орден оказался слабым для противодействия правительственным репрессиям. После манифеста 1 августа 1822 года со стороны масонов не последовало никакого активного противодействия, и, по словам петербургского военного генерал-губернатора графа Милорадовича, масоны встретили весть о запрещении масонства "равнодушно"»[1785].

Тут, кстати, произошел следующий эпизод, о котором президент Академии художеств Оленин[1786] рассказал графу Милорадовичу, а тот доложил государю.

«Когда во исполнение высочайшей воли об уничтожении масонских лож, он, как президент Академии, собрал всех членов для дачи известных подписок, то вице-президент Лабзин[1787] приехал в собрание при окончании уже чтения высочайшего указа. Президент хотел повторить сие чтение, но Лабзин отозвался: "Сей указ мне уже известен и вот моя подписка". Потом сказал: "Что тут хорошего? Сегодня запретили ложи, а завтра принудят в оные ходить. Ложи вреда не делали, а тайные общества и без лож есть. Вот у Ко-шелева[1788] тайные съезды, и князь Голицын туда ездит. Черт их знает, что они там делают"»[1789].

Вице-президент Академии художеств Лабзин был человеком известным.

«Вошел в моду Лабзин»[1790]. «Как бы мне еще не забыть "Сионский Вестник"… Издателем его был Александр Федорович Лабзин, конференцсекретарь Академии художеств. Сказывали, что он был человек строгой нравственности, живого и пылкого характера и что чистосердечие его часто обращалось в грубость…»[1791]

Очередное заседание совета Академии проходило 13 сентября 1822 года.

«Заседание началось пересмотром списка почетных любителей, и оказалось только три вакансии. Кандидатов было человек до десяти… Тогда предложили: графа Аракчеева, Гурьева[1792] и Кочубея.

— Вам, господа, — прибавил А.Н. Оленин, — вольно назначать кого хотите, а я сей свободы не имею, ибо меня может, например, князь П.В. Лопухин[1793] или граф М.А. Милорадович спросить, почему они обойдены?»[1794]

Однако были и иные мнения. В частности, Лабзин предлагал Татищева[1795], «который подарил академии оригинальную картину испанской школы», Нарышкина[1796], «любовь которого к художествам свидетельствовалась заведением у себя картинной галереи», и графа Аракчеева, «оказавшего любовь к художествам сооружением в своем грузинском имении памятника Павлу I и изваянием для тамошнего собора статуи апостола Андрея Первозванного».

«Лабзин воспротивился… особенно избранию Кочубея, и на возражение Оленина, что Кочубей — лицо близкое к государю, заявил, что если достаточным поводом для избрания в почетные любители может быть признана близость к особе государя, то он, в свою очередь, может предложить не менее близкое лицо — именно лейб-кучера Илью Байкова»[1797].

«— А разве он вам знаком? — спросил шуткой Оленин.

— Хотя и незнаком, — отвечал Лабзин, — но в моем понятии всякий честный человек, верно служащий своему государю и хорошо исполняющий свою должность, во всяком сословии достоин уважения; а как кучер есть тот человек, у которого часто бывает в руках не только здоровье, но и жизнь наша, то для того, кому здоровье государя дорого, и кучер Илья человек почтенный. К тому же по табели о рангах императорский лейб-кучер положен в чине полковника.

— Но он мужик, — заметил Мартос[1798].

— Кулибин[1799] был мужик, — отвечал Лабзин, — однако же член Академии наук; Власов[1800] также из крестьян был чле ном медико-хирургической академии.

…Так происходило дело, по словам Лабзина, но не так рассказывали по городу. Говорили, что когда предложили выбрать в почетные любители графа Аракчеева и графа Гурьева, то Лабзин отозвался, что этих людей он не знает, а когда назвали графа Кочубея, то он выразился еще более резко.

— Кочубей и двух копеек не стоит, — сказал будто бы Лабзин. — Сей человек надутый и ничего не значащий»[1801].

Власть имущих — особенно министра внутренних дел — затрагивать не рекомендуется. Не прошло и недели, как граф Милорадович собственноручным письмом просил Оленина уведомить о том, что происходило в Академии.

«Дошли до меня слухи о неприличном поведении г-на Лабзина в собрании, бывшем в Академии художеств. Я считаю обязанностью своей просить уведомить меня, что подало повод к таковым слухам и что произошло со стороны г-на Лабзина? Вам самим известно, сколько благопристойность необходима везде и что правительство не может не обратить внимания на подобные действия…»[1802]

Известного масона Лабзина генерал-губернатор представил государю, как человека весьма опасного… Вскоре граф Кочубей доложил Александру I:

«Граф Милорадович передал мне повеление В.И. В., чтобы какой-либо уездный город одной из отдаленных губерний был бы назначен для постоянного жительства, под присмотром, действительного статского советника Лабзина. Во исполнение ваших намерений, Государь, я избрал город Сенгилей, Симбирской губернии, преимущественно окруженный татарским населением и коего полицмейстер пользуется репутацией очень строгого человека…

Высылка этого человека составляет теперь предмет всех разговоров, и можно сказать, что никто этим не удивлен»[1803].

«В половине мая 1823 года Лабзину, по ходатайству князя

Голицына, разрешено было переселиться в Симбирск, при чем ему пожалована была пенсия в две тысячи рублей в год»[1804].

Впрочем, долго пользоваться монаршей щедростью Александру Федоровичу не пришлось: в январе 1825 года он умер.

В то же время из Петербурга был выслан и Павел Александрович Катенин, известный писатель и театрал.

«Как в целом ряде других случаев, так и в его внезапном изгнании нужно видеть результат сложной интриги, восходящей к Милорадовичу и Шаховскому[1805]. Эпизод послужил материалом для целого "Дела о неприличном поведении в театре отставного полковника Катенина и о высылке его из Санкт-Петербурга, с воспрещением въезда в обе столицы".

Для этого достаточно было пылкому зрителю во время бенефисного представления трагедии Озерова "Поликсена" (18 сентября 1822 года) запротестовать против неправильного выхода артистов на вызовы публики»[1806].

«В этой трагедии роль Поликсены играла молодая воспитанница Театрального училища Азаревичева. Эта шестнадцатилетняя девушка не имела никаких средств ни внешних, ни внутренних для трагических ролей и, разумеется, была очень слаба. Семенова[1807] по окончании трагедии, при вызове ее, вывела вместе с собой и свою протеже. Такое закулисное протежирование показалось многим неуместным, потому что этой воспитанницы никто не думал вызывать. Надо заметить, что вызовы тогда имели важное значение и считались большой наградой артистам. Раздалось шиканье. Катенин сидел в первом ряду кресел и, так как он имел в то время значительный авторитет в кругу истых театралов, конечно, был главным зачинщиком — он закричал:

— Семенову одну!

Гордая Семенова, не привыкшая к таким протестам, возмутилась этой демонстрацией и на другой день жаловалась на него графу Милорадовичу»[1808].

«Граф Милорадович, предубежденный еще до этого случая не в пользу Катенина, чему были причиной многие самонадеянные и неприличные выходки последнего, пригласил его к себе и, заметив ему неблаговидное его возражение против Семеновой публично, подавшее повод к шуму в театре, сказал ему: "Первая наша актриса Семенова, чувствуя себя вами обиженной, не желает более являться на сцену, если вы, господин Катенин, останетесь судьей ее представлений, а это было бы большое лишение для публики, и потому я вас прошу не ездить в театр, когда г-жа Семенова будет играть". В этом была взята с Катенина подписка,

и о происшедшем граф Милорадович донес государю, находившемуся тогда за границей»[1809].

По решению Александра I строптивый театрал отправился в свое имение в Костромской губернии.

«Впоследствии я слышал от Бахтина[1810], что настоящая причина высылки Катенина была совсем другая. Несколько лет тому назад Катенин был членом тайного общества, которое хотя и рушилось, но члены его были все внесены в книгу правительством, и император Александр, не желая наказывать явно опасных либералов, дал секретное предписание генерал-губернаторам обеих столиц следить за ними и при случае дозволял им, придравшись к этим господам, высылать их из столицы. Так было и с Катениным»[1811].

Вполне возможно, добавим мы, что так же было и с Лабзиным.

Летом того же 1822 года вышел в отставку — был «назначен состоять по армии» — полковник Федор Глинка.

* * *

Жизнь генерал-губернатора была весьма насыщенной, а в мыслях его, кажется, все чаще и чаще возникало желание покоя.

«Родовое имущество его было сравнительно с его расходами довольно ничтожно: оно состояло из имения в Полтавской губернии, в котором было до полуторы тысячи душ крестьян. Часть этого имения он продал в удельное ведомство для уплаты долгов и стал подумывать об устройстве остальной части, рассчитывая под старость удалиться в деревню на покой»[1812].

«За обедом у императора Александра зашла речь о том, какие каждый имеет виды и желания в будущем. "Знаете ли, ваше величество, — сказал Милорадович, — чем я ограничиваю теперь все мои желания? Хочу одного: дышать чистым воздухом в Вороньках!"»[1813]

«С 1823 года граф Михаил Андреевич стал подумывать о лучшем устройстве своего имения, в тех видах, чтобы провести старость в родимых Вороньках. Александру Степановичу Милорадовичу, местному помещику и, кажется, двоюродному брату графа, поручено было озаботиться переделкой дома, конюшен, устройством оранжерей, хозяйственных ферм и т. п.»[1814].

«Несколько раз уверял он меня, что почести тяготят его, что душа вызывает его в уединение, в деревню. Несколько раз заставал я у него архитектора с кучей проектов и планов, и с

которым он горячо спорил то о перестройке, то о постройке нового сельского дома. Слушая графа, казалось, что он хочет воскресить какое-то дивное зодчество из волшебных сказок. Но я не верил словам Милорадовича: он не родился ни Цинциннатом, ни Вилларом, который показался выходцем с того света, когда вызвали его из сельского уединения ко двору Людовика XV. Граф Милорадович родился жить светом и на виду света»[1815].

«Мы перешли к очередным делам, а там занялись разговорами о делах графа, о Вороньках (имение в Полтавской губернии), где он выстроил великолепный дом, развел чудесный сад (он очень любил садоводство) и всем этим хотел пожертвовать в пользу института для бедных девиц Полтавской губернии»[1816].

Очередная версия? Но ведь она исходит от одного из ближайших Михаилу Андреевичу людей — потому стоит прислушаться. Тем более часто его поведение походило на позу, а желание отдохнуть было созвучно с идеями государя.

«Указывая однажды на вазу из черного мрамора и увядший подле нее кипарис, Милорадович воскликнул: "Вот памятник моего потерянного счастья!" Тут же лежали синий сюртук и круглая шляпа. "Они напоминают мне время, когда буду в отставке!" — сказал Милорадович»[1817] …

Разумеется, что в Петербурге генерал-губернатор жил весьма комфортно.

«Убравши занимаемый им в Петербурге дом, Милорадович показывал мне свои комнаты. Подле картин Тициана, Гвидо-Рени, Доминикино лежали книги, планы, стояли статуи, клетки с птицами, янтарные чубуки, трубки, шахматные доски, несколько фортепиан. Каждая комната имела особенное освещение. Одна была вся зеркальная; даже потолок состоял из зеркал. "Где ваша спальня?" — спросил я. "У меня нет спальни, — отвечал он. — Я провожу ночь, где мне вздумается"»[1818].

Можно добавить, что «…портреты Суворова находились в каждой комнате Милорадовича. Суворов был его кумир»[1819].

Известны следующие адреса проживания графа: «1818— 1824 — 1-я Адмиралтейская часть, 1-й квартал, 63, Невский проспект, 13, дом Коллержи (Невский пр., 12) — не сохранился; 1824—1825 — 1-я Адмиралтейская часть, 2-й квартал, Б. Морская ул., 39, генерал-губернаторский дом (Б. Морская ул., 38, наб. Мойки, 85) — сохранился в перестроенном виде»[1820].

Еще один адрес известен повсеместно, правда, с Милорадовичем его мало кто связывает: «Летний дворец [в Летнем саду] в царствование императора Александра I служил многим нашим сановникам в летнее время жилищем: в нем жили

военный министр князь Горчаков в 1815 году, в следующем году — бывший министр юстиции князь Лобанов-Ростовский, в 1822 году — военный генерал-губернатор граф Милорадович и после него министр финансов граф Канкрин»[1821].

Самым любимым местом генерал-губернатора был Екатерингоф.

«Екатерингофский дворец заложен Петром весной 1711 года, в память первой победы, одержанной им ввиду того места 6 мая 1703 года; здесь Петр в звании капитана бомбардирской роты взял два шведских судна… В 1823 году граф М.А. Милорадович обратил особенное свое внимание на это место и представил на высочайшее утверждение план нового устройства Екатерингофа и немедленно приступил к работам»[1822].

«В это самое время граф предпринял пересоздать Екатерингоф. До тех пор состоял он из грязно-песчаного соснового и елового леса, в котором уединенно стоял старинный дворец Петра I и в котором только 1 мая и в Троицын день было гулянье, а в прочие праздники изредка заглядывали коломенские жители или купеческие сынки отправлялись в трактир под елками. Граф Милорадович вздумал сделать из Екатерингофа английский парк с прудами, цветниками, детскими играми, каруселью и вокзалом. Это была благодетельная мысль для всего коломенского населения, и, конечно, все гуляющие радовались ее осуществлению»[1823].

«По распоряжению генерал-губернатора парк украсили беседками, башнями, мостиками. Заведен был ресторан, стали устраивать гуляния с музыкой, иллюминациями, разными забавами для развлечения публики»[1824].

«При нем даже завелся ресторан с музыкой, иллюминациями, спуском аэростатов и прочими забавами для увеселения публики»[1825].

«Граф Милорадович старался как можно более соединить в Екатерингофском дворце воспоминаний, относящихся ко времени Петра Великого; приказал поставить в одной из комнат гравированный портрет первого русского солдата Сергея Леонтьевича Бухвостова, который вступил в службу в 1683 году ноября 30, во время набора в потешную компанию»[1826].

«На правой руке от трехаркового моста, на выдавшейся песчаной косе, омываемой Невой, было выведено большое готическое деревянное здание на каменном фундаменте с решетчатыми фигурными окнами, галереями и высоким бельведером. Здание это носило имя "Фермы", здесь жил летом граф Милорадович… Наше тогдашнее театральное начальство, в лице известного драматурга князя Шаховского, перевозило сюда

взрослых талантливых воспитанниц Театральной школы. На этой даче граф Милорадович проводил свои вечера, любуясь развивающимися дарованиями»[1827].

«Бедный Шаховской, по настоянию Ежовой[1828], согласился быть его Кизляр-агой. Сего ему было мало; он захотел иметь свой Парк-осер [«Олений парк» в Версале, где французские короли устраивали свои гаремы] и давно брошенный Екатерингофский лесок избрал местом своих увеселительных занятий. На украшение его вытребовал он у города более миллиона рублей, для молодых актрис и воспитанниц кругом велел нанять дачки, и в выстроенном зале, под именем воксала, начал давать балы, на которых плясали перед ним одалиски, баядерки и алме, и он по прихоти бросал им свой платок»[1829].

«У князя жили тогда на даче самые талантливые воспитанницы Театральной школы, готовившиеся к выпуску, и он обучал их драматическому искусству… Здесь-то граф оставался обедать и проводил свои вечера, присутствуя при уроках воспитанниц и любуясь развивающимися их дарованиями. Известно, что никто из высоких лиц не может в жизни сделать шагу, чтобы толпа не перетолковала его. И тут много было толков об этой даче Шаховского; можем уверить, что все эти толки и слухи были пустой клеветой. Во время пребывания там графа не только не было ничего предосудительного, но даже не было сказано ни одного слова неприличного. Граф был любезен, мил, шутил со всеми, изобретал для девиц костюмы, туалеты, прически, но тем все и кончалось… Чаще всего занимался граф разговорами с немногими гостями, собиравшимися у князя, о литературе, о театре, а иногда (гости всегда просили князя обратить разговор на этот предмет) рассказывал граф разные эпизоды своей военной жизни. Это было истинное наслаждение для слушателей. Нельзя вообразить себе ничего любопытнее и приятнее этих разговоров. Граф умел придавать им чрезвычайную оригинальность и занимательность, и хотя везде видно было, что он играет главное лицо в событиях, но скромность и простота, свойственные истинному герою, совершенно устраняли всякую мысль о хвастовстве или преувеличении. Бывши свидетелем этих рассказов, я много почерпнул из них анекдотов, помещенных потом в моих романах. Из рассказов его видно было, какой доверенностью граф пользовался и какое сильное влияние имел тогда при дворе. Действия его всегда были скоры и решительны»[1830].

Кто как, а мы более верим боевому офицеру Зотову…

«Граф Милорадович способствовал в 1823 году выпуску прекрасного рассадника любимых им артисток из Театральной

школы; число их было довольно велико; публика могла засвидетельствовать их таланты, ибо они созрели у нее на глазах. Всем им, равно как и воспитанникам, было назначено приличное содержание, и даже для поощрения были даны полубенефисы»[1831].

«Перерождение Екатерингофа в 1823 году внушило графу Д.И. Хвостову написать на этот случай торжественную оду. Благодарный граф Милорадович приказал на вечные времена повесить портрет поэта в зале вокзала, и долгое время посетители Екатерингофской ротонды любовались чертами певца Кубры с оригинальной подписью "Э Катрингофа Бард"»[1832].

Для полноты картины добавим сюда пушкинскую эпиграмму:

«Кстати, вот надпись к воротам Екатерингофа:

> "Хвостовым некогда воспетая дыра!
> Провозглашаешь ты природы русской скупость!
> Самодержавие Петра
> И Милорадовича глупость"»[1833].

Будем считать, что Пушкину виднее, хотя положительных отзывов гораздо больше… Не лишним будет сказать и о таком увлечении нашего героя:

«Граф Михаил Андреевич Милорадович был страстный охотник до шахматной игры. В 1820 году был я представлен ему князем Василием Прокофьевичем Мещерским как непобедимый игрок. С того времени я бывал у него часто, и граф любил преимущественно играть со мною. Сначала он играл на ровную, но, видя, что нет возможности держаться, брат ладью вперед, и тогда победа склонялась на его сторону. Он был в восторге, когда выигрывал, проигрыши же свои относил к скорой и рассеянной игре. И действительно, если бы более обращал внимания и размышлял над каждым ходом, то у него трудно было бы выиграть. Иногда он делал самые неожиданные и блистательные нападения, но, играя, скоро делал промахи и попадался часто в ловушки; защищался же до последней крайности, как Карл при Бендерах.

Однажды я показал ему шахматную задачу мою: "Бегство Наполеона из Москвы в Париж" — как Наполеон перешел через Березину и как ему можно было дать шах и мат. Задача эта чрезвычайно понравилась графу. На другой же день он поехал в Павловск, показал ее государыне императрице Марии Федоровне»[1834].

* * *

Даже вчитываясь в короткие описания, видишь, что финансовый вопрос для Михаила Андреевича всегда оставался если не больным, то нерешенным.

«Однажды граф Остерман-Толстой повел графа Милорадовича в верхний этаж своего дома, чтобы показать ему делаемые там великолепные перемены. "Бог мой, как это хорошо!" — сказал граф Милорадович, осматривая вновь отделанные комнаты. "А знаете ли, — прибавил он смеясь, — я отделываю тоже и убираю как можно лучше комнаты в доме, только в казенном, где содержатся за долги; тут много эгоизма с моей стороны: неравно придется мне самому сидеть в этом доме!" Действительно, этот рыцарь без страха и упрека, отличавшийся подобно многим генералам того времени своей оригинальностью, щедро даривший своим солдатам колонны неприятельские и так же щедро рассыпавший деньги, — прибавить надобно — много на добро, — всегда был в неоплатных долгах»[1835].

Очень точная формулировка — «неоплатные долги»! Применительно к Михаилу Андреевичу она звучит плохим каламбуром.

«При всей бескорыстности своей, Милорадович был ужасный губитель денег: расточительность и щедрость его доходили до крайности; от того и был он всегда в долгах. Во время генерал-губернаторства его в Петербурге, в один из приемных дней, подходит к нему, между прочими, француженка.

— *Monsieur le comte,* — говорит она, —*je mens vous supplier.* — *Madame,* — перебивает он ее, — *c 'est a vous dbrdonner et a moi d'obeir* (я пришла к вашему сиятельству, умоляя вас… Вам, милостивая государыня, повелевать, а мне повиноваться). Дело так объяснилось, что эта барыня приходила к Милорадовичу с просьбой заплатить давно взятые у нее деньги взаймы. Оборачиваясь тогда к адъютанту своему, говорит он при просительнице: *Arranges moi, je vous prie, cette affaire* (Устройте мне, прошу вас, это дело) — и вежливо откланивается даме»[1836].

«Граф Милорадович рассказывал, что он во всю свою жизнь не выходил из долгов, приводил некоторые забавные анекдоты о выгоде иметь долги и заметил, что не понимает, каким образом можно жить без них. "Это лучшая сатира на наши кредитные законы, — думал я, — что первые государственные люди перед кабинетом монарха забавляются насчет своих заимодавцев"», — пишет Данилевский, вспоминая сцену, произошедшую однажды в приемной Александра I.[1837]

«Милорадович был расточителен, особенно же в тех случаях,

когда, по его мнению, требовала того честь имени русского. В Италии, Германии, Франции и Валахии осыпал он наградами художников, являвшихся к нему со своими произведениями, и особенно, когда они изображали какой-нибудь подвиг русского оружия… Один незначащий стихотворец подносит графу Милорадовичу дурные стихи, в коих уподобляет его архангелу Михаилу. "Прекрасно! Превосходно; всего величественнее архангел Михаил. Чем награжу г-на сочинителя? Подайте мою соболью шубу!"… Однажды привезла ему не слишком значительная актриса билет в ложу, в свой бенефис. Адъютант, доложив графу, спрашивает, прикажет ли принять? "Непременно, — отвечает граф, — если я не приму эту недостаточную барыню, так кто ее примет, да и мне совестно будет сидеть в театре у нее в долгу, — и, раскрыв свой портфель, продолжал: — Хорошо, что она приехала вовремя, — последние мои 200 рублей пойдут в ее кассу"»[1838].

При этом он действительно отдавал — на благотворительность или на свои прихоти — последнее:

«"Что за роскошь!" — сказал Милорадовичу Михайловский-Данилевский, увидя его больного, курящего табак из трубки, осыпанной алмазами, в то время, когда у него не было денег. "Это последняя мода в Цареграде!" — отвечал он»[1839].

Кстати, стоит обратить внимание: «незначащий стихотворец», «не слишком значительная актриса»… Расточительность Милорадовича представляется здесь скрытой благотворительностью, христианским стремлением отдать нуждающемуся последнее. Причем, отметим, людям искусства.

«Граф Милорадович… готов был всегда оказывать пособие бедным; нуждающиеся никогда не уходили из его дома без должного удовлетворения»[1840].

«Более всего любил он помогать увечным воинам и служащим солдатам за строгое исполнение долга. Помню однажды, что он из кресел пошел в антракте на сцену, и я шел за ним. Вдруг часовой, стоявший у дверей, отдав ему честь, преградил ему путь и не пустил.

— Да знаешь ли ты меня? — спросил граф.

— Как не знать графа Милорадовича.

— Ну, так я имею право идти на сцену, я там начальник.

— Не могу знать, а никакого военного не велено пропускать. (Граф же и отдал это приказание.)

Спросив солдата о роте его и имени, обратился он ко мне и велел дать ему 10 рублей, а сам пошел с театрального подъезда. Но на другой же день сообщено коменданту, чтоб генерал-губернатора пускать на сцену»[1841].

Но вот очередное обвинение: «Он без счету бросал некогда собственные деньги; когда их не стало, принялся за чужие и, зная, что ему нечем будет заплатить, где только можно, особенно у подчиненных, везде занимал. Спрашивается, можно ли назвать это кражей?»[1842] Утешимся тем, что вопрос риторический, и оставим его без внимания. Хотя нигде нет упоминания о том, чтобы граф брал или вымогал взятки! Никто из современников не упрекал Милорадовича и в пристрастии к азартным играм — одному из наиболее распространенных и, скажем так, весьма затратных пороков того времени. В отличие от многих вельмож он не проигрывал многие тысячи, но проматывал их, буквально пропуская деньги сквозь пальцы…

Между тем роль Михаила Андреевича в иерархии империи переоценить сложно. Это можно понять даже по записи из камер-фурьерского журнала:

«В 5 часов государь возвратился в свой кабинет и принимал следующих лиц: графа Аракчеева, пробывшего в кабинете 20 минут, а после него петербургского генерал-губернатора графа Милорадовича, остававшегося у императора 35 минут, затем были позваны главнокомандующий 1-й армией граф Сакен на четверть часа, петербургский комендант Башуцкий[1843] на две минуты и в заключение граф Нессельроде[1844], с бумагами, пробывший в кабинете полчаса»[1845].

По очереди он после Аракчеева, однако самая большая аудиенция — у него.

Вообще, взаимоотношения Милорадовича с графом Алексеем Андреевичем — вопрос особенный и не простой.

Старый знакомец Михаила Андреевича Сергей Глинка утверждал, что он «…раболепствовал перед Аракчеевым, толкаясь иногда по получасу в его приемной. А когда графу Аракчееву докладывали о Милорадовиче, он говорил:

— Пусть подождет, он пришел выманивать денег.

И при появлении сильного графа Аракчеева граф Милорадович изгибался в три погибели.

Далеко, далеко был он от того Милорадовича, который в Итальянскую войну, видя, что рады наших войск отступают от напора неприятеля, схватил знамя и воскликнул:

— Солдаты! Посмотрите, как умрет ваш генерал!»[1846]. Есть и еще подобные свидетельства.

«Так, например, кто бы подумал — грустно сказать — даже рыцарь благородства, прямодушный, независимый, бесстрашный граф М.А. Милорадович ухаживал за любимцем Александра I, как за дамой! Я сам видел, как в храмовый праздник Преображенского полка он расчищал ему дорогу от его дома на

Литейной до церкви Спаса Преображения!»[1847]

Что тут сказать? Принимаем к сведению…

* * *

«Начало 1824 года ознаменовалось для России событием, глубоко взволновавшим население Петербурга. После крещенского парада император Александр опасно занемог горячкой и рожистым воспалением на ноге, ушибленной на брест-литовских маневрах. Неожиданно для всех наступили вдруг дни, когда приходилось опасаться, не приближается ли пора нового царствования. Если бы тогда действительно последовала печальная развязка, то, без всякого сомнения, воцарение нового государя совершилось бы мирно, тихо, не смущая умов и не возбуждая в них колебаний и недоумений. Цесаревич Константин Павлович, узнав о болезни государя, поспешил прибыть в Петербург, присутствие же в столице законного наследника престола воспрепятствовало бы, в случае несчастия, всякому необдуманному шагу, подобному присяге, случившейся в следующем 1825 году»[1848].

Мрачно начавшись, год вообще закончился для петербуржцев самым страшным образом: произошло катастрофическое наводнение, описанное Пушкиным в «Медном всаднике».

«День, предшествовавший наводнению, был самый неприятный: с самого утра шел дождь и дул холодный ветер. Барометр упал вдруг на один дюйм»[1849].

«Кто сам не был свидетелем этого наводнения в 1824 году, тот едва ли может себе представить весь ужас и особенность такого зрелища. На Невском проспекте богатый жилец проснулся поздно, подошел к окну и с трепетом позвал слугу: "Что ты видишь там на улице?" — "Графа М.А. Милорадовича, разъезжающего на лодке". — "Ну, слава Богу! — сказал хозяин, перекрестившись. — Я думал, что я с ума сошел". Бревна, доски, поленья плыли по всем улицам. По Неве плыли дома против течения из Галерной гавани; на крышах этих домов окоченевшими руками держались люди всех возрастов, император стоял на балконе против Адмиралтейства и слышал, как несчастные умоляли его: "Если царь небесный нас покинул, то ты, царь земной, спаси нас!" Александр в слезах вымолвил: "Дорого бы я дал, если бы мог спасти сих несчастных!"»[1850]

«На четвертой версте, по Петергофской дороге, находился казенный литейный чугунный завод; оный стоял на самом взморье; деревянные казармы были построены для жительства

рабочих людей, принадлежащих заводу. В 9 часов утра 7 ноября ветер стал подниматься, вода прибывать, ударили в колокол, чтобы распустить с работы людей: все бросились к своим жилищам, но уже было поздно, вода с такой скоростью прибыла, что сим несчастным невозможно уже было достигнуть казарм, где находились их жены и дети; и вдруг большую часть сих жилищ понесло в море. Каково же было положение сих бедных людей, видящих погибающими их семейства и не имеющих способа подать им ни малейшей помощи!»[1851]

Всех ближе к взбунтовавшейся Неве квартировал лейб-гвардии Конный полк.

«Казармы и конюшни Конной гвардии помещались в низменной местности, недалеко от Невы, и потому подверглись громадной опасности. Не ожидая, что нас может затопить, мы, конечно, к этому не приготовились. Вода с такой стремительностью начала заливать конюшни, что, напрягая все силы, мы только с большим трудом могли вывести часть лошадей 1-го и 2-го эскадронов из конюшен большой казармы и направить их в полковой манеж»[1852].

«Утром между 8 и 9 часами мне доложили, что вода показалась на дворе казармы около караульного помещения. Я тотчас туда пошел и приказал перенести полковой ящик на одну из галерей казарм и снял все посты — из коих двое около цейхгауза уже стояли в воде выше щиколотки»[1853].

«Генерал Бенкендорф сам перешел через набережную, где вода доходила ему до плеч, сел не без труда в катер, которым командовал мичман Гвардейского экипажа Беляев, и при опаснейшем плавании, продолжавшемся до трех часов ночи, успел спасти множество людей… Часовой лейб-гвардии Преображенского полка Михаил Петров не оставлял во время наводнения своего поста у Летнего сада, пока не приказал ему того ефрейтор Фома Малышев, подвергавшийся сам опасности для спасения его, потому что должен был брести к нему по пояс в воде и бороться с яростью валов, покрывавших тогда набережную.

Другой гвардейский солдат, посланный с заставы с донесением, проходя Сенную, слышит плач ребенка, плавающего на столе в нижнем этаже. Служитель останавливается, борется несколько времени с обязанностью службы и с состраданием, но последнее чувство берет верх, он, перекрестясь, кидается в воду и спасает ребенка. Меж тем вода прибывает; он, не колеблясь, кидает свой кивер, сажает ребенка на голову и таким образом выносит его из опасности»[1854].

«Мы разъезжали по улицам, и каждый раз, что в лодке набиралось достаточно людей, принятых из вторых этажей,

снятых с крыш или заборов и пр., их отвозили в приемные палаты, куда многие из богатых людей, в том числе особенно жена адмирала Головнина, поспешили прислать и провизию, и разную одежду. Всех набралось к ночи около 700 человек, особенно много детей, не знавших даже, что сделалось к ночи с родителями»[1855].

«Было уже около двенадцати, а люди еще не обедали — мы догадались снять доски с двух столов, связать их в виде плота и спустить этот плот из окошка, а на нем поместили щи, кашу, хлеб и переправили этот плавучий стол в манеж, где измокшие и прозябшие люди были ему очень рады. Но вскоре от массы лошадей в манеже накопился такой пар, что пришлось разбить окна, и после холодной ванны солдаты приняли паровую ванну. Может быть, это было причиной, что больных у нас не было после всего этого. Около трех часов вода стала убывать — мы в этом убедились из наших окон, видя, что фонарные столбы на бульваре показали свои верхушки»[1856].

«Только в 7 часов, когда вода сбыла и нельзя было уже ездить на лодках… Если езда в лодках была опасна, потому что тогда буря была так жестока, что срывала фонари и, отдирая железные листы, которые свертывала в трубки, как лист бумаги, носила по всем направлениям, переранив множество людей, то ходьба ночью была несравненно труднее, так как все улицы и набережные были загромождены бревнами и досками с разрушенных строений и заборов, а на Английской набережной против дома морского министра осели на суше целые барки с бочками вина. В то же время вода, забравшись во время прилива в подвальные этажи, при отливе вытекала еще на улицу, вынося разные вещи… Не только проезд был невозможен, но и ходить было трудно. К довершению беспорядка, народ и солдаты бросились сверлить бочки с вином и пить, а когда поставили караул из первых попавшихся под руку людей, то те, зная, что нельзя будет доискаться, кто стоял в карауле, начали торговать вином вместо охранения его и продавали по гривеннику ведро»[1857].

«На следующий день я был назначен с командой в тридцать человек для охраны Английской набережной и водворения на ней порядка. Оказалось, что в числе других судов разбились и две барки, нагруженные бочками с казенной водкой. Для любителей выпить это, конечно, не прошло незамеченным, и масса их бросилась разбивать бочки, уносить водку или же выпивать ее тут же на месте. С громадным трудом перелезал я со своими кирасирами через горы обломков, досок и дров, нагроможденных местами выше вторых этажей домов, и ловил грабителей,

прятавшихся под ними или в воротах домов. Пойманных передавали в руки полиции. Среди них было много старых баб, ловко шмыгавших через препятствия и старавшихся унести награбленную водку на Исаакиевскую площадь. Не имея возможности передать их всех в руки полиции, я распорядился по-своему. Пойманным с полными ведрами водки я приказывал вылить последнюю на головы, наказывая их таким образом за грабеж.

Целый день и всю ночь охранял я набережную, и только утром сменил меня батальон Преображенского полка»[1858].

«Тысячи семейств, пострадавших от наводнения, тотчас же получили помощь; дом военного губернатора был немедленно открыт и обращен в приют несчастным, лишившимся крова; одного хлеба в первый же день было роздано на 3500 рублей. Каждый день сюда приходило до 500 человек, и жило более 250 человек. Разоренным наводнением также щедро выдавались денежные пособия…

По поводу выдачи денег рассказывают следующий забавный случай. Одна дама является к графу Милорадовичу вся в слезах. "Верно вы не получили вспоможения?" — спрашивает ее военный губернатор. "Нет, на нас Бог прогневался! — отвечает рыдающая дама. — У всех вода была, а у нас ее не было; все получили вознаграждение, а мы не имели этого счастья!"»[1859]

«На другой день наводнения я получаю записку от генерал-адъютанта Дибича, чтобы я в третьем часу после обеда явился в комнаты государя. После меня скоро приехали генерал-адъютанты: Депрерадович[1860] и Бенкендорф. Нас позвали немедленно в кабинет императора. Государь нам сказал:

— Я призвал вас, господа, чтобы вы подали самую деятельную и скорую помощь несчастным, пострадавшим от ужасного вчерашнего происшествия, — и у него приметны были слезы на глазах. — Я уверен, что вы разделяете мои чувства сострадания, — и продолжал говорить с таким чувствительным красноречием, что мы сами были чрезмерно тронуты. — Я назначаю вас, — присовокупил император, — временными военными губернаторами заречных частей города, что вы увидите из сегодняшнего приказа. Вот вам инструкция, наскоро составленная; сердца ваши ее дополнят. Поезжайте отсюда к министру финансов, который имеет повеление выдать каждому из вас по 100 тысяч рублей на первый случай <…>.

Генерал-адъютант Депрерадович назначен был военным губернатором в Выборгскую часть, я — на Петербургскую сторону, а Бенкендорф — на Васильевский остров. Мы подчинены были военному генерал-губернатору, графу Милорадовичу,

которому и должны были делать наши донесения, но находящаяся местная полиция и квартирующие в той части города войска состояли под нашим непосредственным начальством»[1861].

Кстати, в эти тревожные дни, в ноябре 1824 года, к Михаилу Андреевичу обратилась графиня Орлова-Чесменская: «Брат мой двоюродный, Алексей Федорович Орлов сообщил мне весьма для меня приятное распоряжение вашего сиятельства на счет пожертвованных мною ста тысяч рублей в распоряжение Комитета о пострадавших в несчастном наводнении 7-го числа сего месяца…»[1862] — подробности об использовании этих средств не суть важны.

Работа по ликвидации последствий наводнения продолжалась еще долго.

«Когда реки покрылись льдом, для освобождения улиц от барок, галиотов, бревен и разного хламу ко мне присылаемы были, сверх находящихся в распоряжении моем войск, рабочие команды гвардейских полков с Адмиралтейской стороны. Всякий вечер я посылал записку о моих действиях графу Милорадовичу. Для государя составляема была общая ведомость в канцелярии военного генерал-губернатора, и его величество на другой день видел, что накануне по всем комитетам было сделано»[1863].

«После наводнения 1824 года покойный государь приказал по Петергофской дороге при постройке там возвысить две пострадавшие деревни, чтобы впредь вода не причиняла им никакого разорения.

Спешу туда в коляске графа. Спрашиваю кучера:

— Давно ли был тут граф Милорадович?

— Никогда.

Это поразило меня, и я, отпустив коляску графа, не поехал к нему. Я понял, для чего граф играл со мной комедию. 1825 года о графе Милорадовиче можно сказать Корнелиевым выражением: "В Риме не было уже Рима"»[1864].

…Комета, появившаяся в небе, явилась предвестницей войны 1812 года. Теперь дурное предзнаменование видели в самом наводнении.

«Не знаю отчего, но тогда же сие событие показалось мне предвестником других еще несчастнейших»[1865].

«Государь… был в самом тревожном расположении духа. Он ломал себе руки, видя свое бессилие и под впечатлением мрачной приметы или воображаемого предзнаменования. Предшествовавшее большое же наводнение было в год его рождения, и говорили, что такое нам будет в год его смерти»[1866].

* * *

«Наступил бедственный 1825 год. Милорадович полновластно управлял театрами, исходатайствовал им прибавку в 300 тысяч рублей ассигнациями к содержанию (100 тысяч из городской думы, а 100 тысяч из государственного казначейства, всего же с прежними составилось до 600 тысяч рублей)…»[1867]

«Граф Милорадович, находя недостаточным иметь только два театра для нескольких трупп в Петербурге, испросил в 1824 году соизволения государя на постройку еще театра у Чернышева моста; старый деревянный театр перевезен был из Ораниенбаума и построен на означенном месте в самое короткое время; этот театр был очень хорош в акустическом отношении и освещался газом»[1868].

Идея была прекрасна, однако…

«2 мая 1825 года сгорел очень красивый театр у Чернышева моста, фасадом на Фонтанку… на масленице был открыт театр, а на первой неделе Великого поста он сгорел в три часа; театр этот освещался газом, и по этому случаю все подозрение в несчастье пало на газ, но оказалось, что пожар произошел от треснувшей печки. После этого пожара появилось четверостишие на тогдашнего военного губернатора графа Милорадовича:

> Строителя забав не любят, видно, музы;
> Его несчастливы с Харитами союзы:
> Что он ни затевал,
> То все вода снесла или огонь пожрал[1869].

После того прошло три месяца —«8 августа 1825 года сгорел собор всей гвардии, во имя Преображения Господня; пожар начался в первом часу и прекращен в 8 часов вечера. Огонь сперва показался в главном куполе около креста и затем обнял все здание; причиной пожара, как оказалось, была неосторожность рабочих, которые производили пайку железных листов вверху главного купола и, идя обедать, оставили на месте своей работы жаровню с горячими углями. От собора остались одни стены»[1870].

Церковные пожары порождают самые кошмарные предположения…

Между тем именно в этот год в Петербурге появились два человека, которым было суждено сыграть роковую роль в судьбе нашего героя.

«В числе вседневных, незначащих событий помню я в 1825

году свадьбу русского актера Воротникова. Граф Милорадович был, разумеется, на этой свадьбе и даже посаженым отцом. В числе гостей был офицер, приехавший с Кавказа, Якубович[1871], о храбрости которого много тогда говорили. Зная его по литературным трудам, я впервые увидел его на этом празднике и, познакомясь тут, хотел расспросить его об этнологии и жизни Кавказа. К сожалению моему, Милорадович подозвал его к себе и почти весь вечер проговорил с ним: до того рассказы Якубовича были занимательны и красноречивы. Меня посадили играть в карты, и я уже больше не видал Якубовича»[1872].

«В начале 1825 года с нашим театральным кружком сблизился капитан Нижегородского драгунского полка Александр Иванович Якубович… Очень часто я встречал его в доме князя Шаховского. Это был настоящий тип военного человека: он был высокого роста, смуглое его лицо имело какое-то свирепое выражение; большие, черные, навыкате глаза, всегда словно налитые кровью, сросшиеся густые брови, огромные усы, коротко остриженные волосы и черная повязка на лбу, которую он постоянно носил в это время, придавали его физиономии какое-то мрачное и вместе с тем поэтическое значение»[1873].

Якубовича в столице знали весьма хорошо. В 1817 году он, корнет лейб-гвардии Уланского полка, участвовал в знаменитой «четверной дуэли», на которой погиб кавалергард Шереметев[1874], после чего Якубович был отправлен на Кавказ драгунским прапорщиком. Отличившись недюжинной храбростью, он заслужил капитанские эполеты и, мечтая возвратиться в гвардию, приехал в Петербург «романтическим героем». В моде тогда были революционеры…

«В течение 1825 года члены Северного общества познакомились с приехавшим из Грузии капитаном Якубовичем. Александр Бестужев[1875] открыл ему о существовании тайного общества и предложил вступить в оное, на что он не совсем согласился, говоря: "Не хочу принадлежать ни к какому обществу, чтобы не плясать по чужой дудке: сделаю свое; вы пользуйтесь этим, как хотите; я же или постараюсь увлечь за собой войска, или при неудаче застрелюсь: мне жизнь наскучила»[1876].

«Отличная репутация его в Кавказском корпусе, где он, невзирая на то, что был только в чине капитана, имел значительную команду на линии, не привлекла на него внимание государя. Якубович, если не в сердце, то на словах, питал к нему сильную ненависть и часто, в сообществе с военными, говорил о непременном своем намерении отомстить за претерпленные оскорбления… Увидев Якубовича, убедился со слов его, что выражение его ненависти преувеличено и что он не способен ни

на какое злодеяние»[1877].

«Изверг во всем смысле слова, Якубовский[1878] умел хитростью своей и некоторой наружностью смельчака втереться в дом графа Милорадовича и, уловив доброе сердце графа, снискать даже некоторую его к себе доверенность. Чего Оболенский[1879] не успевал узнать во дворце, то Якубовский изведывал от графа, у которого, как говорится, часто сердце было на языке»[1880].

Другим романтическим героем, но не столь блистательным, был отставной поручик Петр Григорьевич Каховский (1799—1826) — подобный тип вскоре назовут «лишним человеком».

«24 апреля 1821 года Каховский по болезни получил отставку. Из показания его перед генералом Левашовым[1881] мы знаем, что он действительно был болен и ездил лечиться на Кавказ… по возвращении жил некоторое время в Смоленской губернии, в своем имении. В 1823—1824 годах Каховский путешествовал за границей, и в 1825 году он появился в Петербурге. В это время он собирался ехать в Грецию и принять участие в борьбе за освобождение греков»[1882].

«Помню… появление Каховского, бывшего офицера лейб-гренадерского[1883] полка, вышедшего в отставку по неудовольствию командира полка и приехавшего в Петербург по каким-то семейным делам. Кондратий Федорович [Рылеев][1884] был с ним знаком, узнал его короче и, находя в нем душу пылкую, принял его в члены общества»[1885].

«До нас дошел один любопытный документ, рисующий положение Каховского в начале ноября 1825 года, — его письмо Рылееву от 6 ноября.

"Сделай милость, Кондратий Федорович, спаси меня! Я не имею сил более терпеть всех неприятностей, которые ежедневно мне встречаются. Оставя скуку и неудовольствия, я не имею даже, чем утолить голод: вот со вторника я до сих пор ничего не ел. Мне мучительно говорить с тобой об этом, и тем более, что с тех пор я очень вижу твою сухость; одна только ужасная крайность вынуждает меня. Даю тебе честное слово, что по приезде моем в Смоленск употреблю все силы, как можно скорее выслать тебе деньги, и надеюсь, что, конечно, через три месяца заплачу тебе»[1886].

Однако у Рылеева были на Каховского свои виды.

* * *

«Наконец настала осень 1825 года, с ней — и отъезд государя

в Таганрог. 30 августа я был столь счастлив, что государь взял меня с собой в коляску, ехав и возвращаясь из Невского монастыря. Государь был пасмурен, но снисходителен до крайности…»[1887]

«Перед отъездом он посетил Невский монастырь, где долго беседовал с митрополитом и прислал в тот же день в монастырь такое количество воску, что митрополит удивился и сказал:

— Это как будто на похороны государь прислал.

Уезжая из Петербурга в Царское Село, отъехав несколько верст, государь приказал остановиться, встал в коляске и долго смотрел на Петербург, затем сел и поехал. Кучер его Илья сказал мне потом:

— Он как будто прощался с городом и крестился»[1888]. «Много слухов было тогда о причинах его путешествия.

Между прочим говорили, что он готовил себе место успокоения от царственных трудов в Таганроге, где ему приготовляли дворец и где он думал с добродетельной супругой Елизаветой Алексеевной после отречения от престола поселиться в глубоком уединении и посвятить остаток дней покою и тишине»[1889].

Вскоре после отъезда императора, 10 сентября, — пять лет спустя после «Семеновской истории» — столица вдруг была потрясена ее эхом.

Петербургское общество относилось к офицерам нового Семеновского полка презрительно, как привыкло относиться тогда вообще к «армейцам», и даже враждебно, так как они заняли места людей, близких с этим обществом по родственным и другим связям… Подобное отношение общества к новому полку дало повод в самом начале к весьма прискорбному столкновению.

«Богато одаренный от природы, красавец, умный и воспитанный, к тому же наследник громадного состояния графов Орловых, Новосильцев[1890] уже в юности подавал блестящие надежды, и все предвещало ему блестящее будущее»[1891].

«Чернов[1892]… принадлежал к разряду тех офицеров, которые, получив образование в кадетском корпусе, выходят в армию. Переводом своим в гвардию он был обязан новому составу лейб-гвардии Семеновского полка»[1893].

«Штабс-капитан квартирмейстерской части Галямин, производивший съемку окрестностей села Рождествена, по окончании ее много рассказывал о дивной красоте дочери генерал-майора Чернова[1894], Екатерины Пахомовны, жившей с матерью в своем поместье. Воспламененный рассказами Галямина, поручик Владимир Новосильцев отправился в имение Черновых и там познакомился в их семействе. Девица Чернова

действительно была красоты необыкновенной. Через несколько недель знакомства Новосильцев сделал ей предложение и, получив согласие родителей ее на брак, уговорил мать переехать в Петербург, где, поселившись в одном доме с ними, бывал у них ежедневно и, как жених, даже выезжал в своем экипаже вдвоем с невестой»[1895].

«Скоро, однако ж, он опомнился, написал к матери и, как можно было ожидать, получил решительный отказ и строгое приказание немедленно прекратить всякие сношения с невестой и семейством. Разочарование ли в любви, или боязнь гнева матери, или другая скрытая причина, но только Новосильцев по получении письма простился с невестой, с обещанием возвратиться скоро, и с того времени прекратил с нею все сношения»[1896].

Нашлись люди, которые предостерегали Новосильцева относительно последствий его сватовства и потом отказа от невесты и с самого начала уже видели возможность дуэли с братом невесты, однако приятели Новосильцева смеялись над предостережением и говорили: «Ну, где этой армейщине выходить на дуэль! У них это не водится, да они и понятия о дуэли не имеют!»

Перипетии этого дела пересказывать долго. Новосильцев вроде бы хотел нарушить волю матери, вновь повторил свое предложение — и уехал в Москву.

«Ни отец, ни братья невесты не желали уже и сами этого как бы вынужденного брака и требовали от Новосильцева только того, чтобы он явился как бы для свадьбы в Могилев, где жило семейство Черновых, и там получил отказ. Так и было условлено для ограждения репутации девицы»[1897].

Но в итоге, как и предполагали некоторые, все завершилось поединком.

«В определенный час противники съехались за заставой, по Муринской дороге, в парке Лесного института. Секунданты развели их по местам и подали пистолеты. По команде Рылеева они выстрелили друг в друга и оба пали, смертельно раненные. Новосильцев был ранен в живот, перенесен был в ближайший трактир, где и умер через сутки на бильярде. Впоследствии неутешная мать построила на этом месте церковь»[1898].

«Перенесенный в ближайшую гостиницу, Новосильцев, несмотря на усилия врачей, скончался через четверо суток на руках приехавшей из Москвы матери. Почти в тот же час скончался и Чернов»[1899].

«Многие и многие собрались утром назначенного для похорон дня ко гробу безмолвного уже Чернова. Товарищи

вынесли его и понесли в церковь. Длинной вереницей тянулись и знакомые и незнакомые, пришедшие воздать последний долг умершему юноше. Трудно сказать, какое множество провожало фоб до Смоленского кладбища. Все, что мыслило, чувствовало, соединилось тут в безмолвной процессии и безмолвно выразило сочувствие к тому, кто собою выразил идею общую, каждым сознаваемую и сознательно и бессознательно, идею о защите слабого против сильного, скромного против гордого»[1900].

«За гробом Чернова первыми шли секунданты Новосильцева, что особенно усиливало протест против его поведения, особенно когда известно стало, что они и ему самому сказали, что, не имея права, как товарищи его, отказаться от секундантства, они, однако же, прямо объявляют ему, что желание их и одобрение на противной стороне»[1901].

«За гробом этой жертвы несчастной дуэли длинной вереницей следовали будущие декабристы, собравшиеся в полном составе, чтобы отдать последний долг сотоварищу, члену общества "Союза Благоденствия"»[1902].

Барон Штейнгель[1903] писал известному литератору Загоскину[1904]: «Ты, я думаю, слышал уже о великолепных похоронах Чернова. Они были в каком-то новом, доселе небывалом духе общественности. Более 200 карет провожало: по этому суди о числе провожавших пешком…»[1905]

Понятно, что таковое происшествие не прошло мимо генерал-губернатора. Но мог ли кто тогда предполагать, что эти похороны фактически станут прологом к Сенатской площади…

…В то же самое время личную драму пережил граф Аракчеев — в сентябре в селе Грузине его крепостными была убита его любовница Настасья Минкина. С этого времени «…он жил в деревне и сбросил с себя служебные обязанности, занимался истреблением дворни и личным влиянием на уголовный суд и новгородского гражданского губернатора Жеребцова, изгнанного после, за лишнюю ему угодливость, из службы. Но предчувствие ли, тайные ли известия, при уверенности, сколько он ненавидим в военном поселении, заставили его переехать в Петербург и запереться так, что не пускал даже к себе военного генерал-губернатора графа Милорадовича…»[1906].

А ведь тем временем обстановка в стране накалялась, о чем власти получали известия беспрерывно.

«Иностранные писатели утверждают, будто бы полиция благовременно доносила Милорадовичу о подозрительных сборищах молодых людей; но он, смеясь над ее опасениями, отвечал: "все вздор; оставьте этих мальчишек в покое читать друг другу свои дрянные стишонки"»[1907].

«Есть свидетельство, что граф Михаил Андреевич, по своей обязанности, доставлял императору Александру получаемые им сведения; но Благословенному не угодно было давать им надлежащий вес. Если это так, то многое его оправдывает»[1908].

Самые верные сведения о готовящемся возмущении были собраны на юге генерал-лейтенантом графом Виттом[1909] и отправлены императору. Тогда же послал свое сообщение государю капитан Вятского пехотного полка Майборода[1910], по самочинному желанию вошедший в доверие к своему полковому командиру[1911] и узнавший все секреты Южного общества.

«Донос Майбороды и письмо Витта получены были государем в одно время. Он никому их не сообщил, но послал Аракчееву, оставшемуся в Петербурге, приказание прибыть в Таганрог, куда велено было явиться и Витту. Ни тот, ни другой не успели исполнить этого повеления. Аракчеев бесновался после убиения его дворовыми людьми жестокой с ними любовницы его Анастасии (известной по всей России под именем Наськи); Витт занемог горячкой и в течение нескольких дней находился при смерти, а вскоре скончался и государь после самой кратковременной болезни»[1912].

«Забыв совсем свой долг перед Россией, Александр в конце своего царствования предоставил все отрасли управления страной известному Аракчееву… Бессилие законов, которые не были собраны и которых никто не мог знать, лихоимство, продажность чиновников — вот печальное зрелище, представляемое Россией»[1913].

«Солдаты роптали на истому ученьями, чисткой, караулами; офицеры — на скудость жалованья и непомерную строгость. Матросы — на черную работу, удвоенную по злоупотреблению, морские офицеры — на бездействие. Люди с дарованиями жаловались, что им заграждают дорогу по службе, требуя лишь безмолвной покорности; ученые — на то, что им не дают учить, молодежь — на препятствия в учении. Словом, во всех углах виделись недовольные лица, на улицах пожимали плечами, везде шептались — все говорили: к чему это приведет? Все элементы были в брожении. Одно лишь правительство беззаботно дремало над вулканом; одни судебные места блаженствовали, ибо только для них Россия была обетованной землей. Лихоимство их взошло до неслыханной степени бесстыдства… В казне, в судах, в комиссариатах, у генерал-губернаторов, везде, где замешался интерес, кто мог, тот грабил, кто не смел, тот крал. Везде честные люди страдали, а ябедники и плуты радовались»[1914].

Кто может утверждать, что всего этого не было? Тогда стоит ли удивляться последующим событиям?

…По мнению современника, подписанный и утаенный Александром I манифест о престолонаследии стал некоей отправной точкой. «С этого события начались разные происшествия, которые причиняли особенную ажитацию в умах. Ссылка Лабзина, победа Фотия[1915] над Библейским обществом, дуэль Чернова с Новосильцевым и в особенном великолепные похороны первого — ответ оскорбленного плебеизма; затем ужасное наводнение, которое напоминало бывшее в год рождения императора… наконец, смерть дочери Марии Антоновны[1916], сборы императора в Крым с больной императрицей; самый отъезд, сопровождаемый разными предзнаменованиями, убийство Настасьи в Грузине, поразившее первого государственного человека, оставленного почти правителем государства, так что он бросил все и уехал из столицы, исполненный мести. Все это было чем-то необыкновенным, зловещим! Можно себе представить, в каком напряжении были умы, когда разнеслось: "Государь болен!"»[1917].

Глава двенадцатая.
УБИТ НА СЕНАТСКОЙ ПЛОЩАДИ

Государь был болен, но он пребывал в Таганроге, так что в Петербурге мало кто об этом знал, и все жили более-менее спокойной жизнью.

«Недели за две до 14 декабря у князя Шаховского были в гостях граф М.А. Милорадович и А.И. Якубович. В то же время к князю пришла старушка немка Кирхгоф, мастерица гадать в карты. Сидя с девицами у чайного стола, она по их просьбе гадала… Говор девиц привлек в столовую графа Милорадовича. Он, шутя, припугнул ворожею, сказав, что вышлет ее с жандармами из столицы; потом попросил разложить ему карты, бросив ей на стол 25 рублей ассигнацией. Гадальщица повиновалась и затем объявила, что не смеет сказать графу его будущего из боязни его испугать. Это рассмешило его, и он настойчиво требовал ответа. Тогда ворожея попросила его выйти в другую комнату. Граф исполнил ее желание, она что-то долго говорила ему и возвратилась к нам взволнованная. Немного погодя, когда в столовую вошел граф, мы все приступили к нему, прося, чтобы он нам объявил, что сказала ему ворожея. Он, смеясь, сказал: "Вообразите, *mesdames,* колдунья сказала мне, что через две недели я буду убит"»[1918].

Знак судьбы или очередная легенда? Даже неизвестно, кто рассказал.

Но вот записи, авторство которых сомнения не вызывает:

«22 (4 декабря). Воскресенье.

…*беспокойство за Ангела* — он болен… Рюль[1919], матушка очень обеспокоена латинским бюллетенем Виллие[1920], *у Ангела желчная желудочная лихорадка;* Рюль уходит; говорили; курьер в Таганрог, уходит; говорили… Рюль с переводом бюллетеня, читали, плохих признаков нет, но болезнь тяжела; да *сохранит Бог нашего Ангела!* Уехал обратно; у детей, *Julie* ночует у Марии[1922]; у жены, говорили, у себя с нею; уходит, переоделся, ужинали, лег спать»[1923].

Стоит обратить внимание на мелочную подробность всех этих записей: «переоделся, лег спать». Но, может, будущий Николай I уже понимал, что каждая минута этого времени и каждый его шаг принадлежат Истории? Заметим и то, что муштровка войск проводилась ежедневно и неукоснительно…

«23 (5 декабря). Понедельник.

Встал в 9… смотр 2-го батальона Семеновского полка, —

великолепно; постоянно беспокойство за Ангела; поехал снова с Деллинсгаузеном[1924] в Инженерный замок, сделал обход… Потапов[1925], новости об Ангеле от Дибича от 12-го — то же… у себя, читал, разделся, лег спать.

25 (7 декабря). Среда.

Встал в 9… смотр 2-го батальона Павловского [полка], — посредственно; провел учения конных пионеров, два эскадрона; недурно…»[1926]

«25 ноября, вечером, часов в 6, я играл с детьми, у которых были гости. Как вдруг пришли мне сказать, что военный генерал-губернатор граф Милорадович ко мне приехал. Я сейчас пошел к нему и застал его в приемной комнате, живо ходящим по комнате, с платком в руке и в слезах; взглянув на него, я ужаснулся и спросил:

— Что это, Михаил Андреевич, что случилось? Он мне отвечал:

— *Il y a une horrible nouvelle.*

Я ввел его в кабинет, и тут он, зарыдав, отдал мне письмо от князя Волконского и Дибича, говоря:

— *L'empreur se meurt; il n'y a plus qu'un faible espoir.*

У меня ноги подкосились; я сел и прочел письмо, где говорилось, что хотя не потеряна всякая надежда, но что государь очень плох»[1929].

«Я был коротко знаком с действительным статским советником Федором Петровичем Опочининым[1930]… Он мне сказал, что, получив известие, привезенное фельдъегерем, великий князь Николай пригласил к себе председателя Государственного совета князя Петра Васильевича Лопухина, князя Алексея Борисовича Куракина[1931] и графа Михаила Андреевича Милорадовича, бывшего, как известно, тогда военным генерал-губернатором Санкт-Петербурга и, по случаю удаления императора от столицы, облеченного особой властью.

Великий князь объявил им свои права на престолонаследие, известные им по желанию Александра, чтоб он вступил после него на престол, и по отречению Константина Павловича по случаю бракосочетания его с польской девицей Грудзинской, потом княгиней Ловичевой.

Граф Милорадович ответил наотрез, что великий князь Николай не может и не должен никак надеяться наследовать брату своему Александру в случае его смерти; что законы империи не дозволяют государю располагать престолом по завещанию; что притом завещание Александра известно только некоторым лицам и не известно в народе; что отречение Константина также не явное и осталось необнародованным; что

Александр, если хотел, чтоб Николай наследовал после него престол, должен был обнародовать при жизни своей волю свою и согласие на нее Константина; что ни народ, ни войско не поймет отречения и припишет все измене, тем более что ни государя самого, ни наследника по первородству нет в столице, но оба были в отсутствии; что, наконец, гвардия решительно откажется принести Николаю присягу в таких обстоятельствах, и неминуемое за тем последствие будет возмущение. Совещание продолжалось до двух часов ночи. Великий князь доказывал свои права, но граф Милорадович их признать не хотел и отказал в своем содействии. На том и разошлись»[1932].

Вот оно, «утаенное завещание»! Александра I в народе любили, списывая его грехи на Аракчеева и прочих, а потому вывод был бы один: «извели», благо примеров тому в минувшем веке было более чем достаточно. Кстати, очень видно, что Николай Павлович желал царствовать!

А в тот же самый день, 25 ноября, в Варшаве, где пребывал великий князь Константин Павлович, было получено известие о кончине государя.

Официальная версия развития событий: «Излив в объятиях любимого брата первые терзания жестокой печали и не дав даже себе времени объявить горестную весть своей супруге, цесаревич послал за Новосильцевым[1933], за дежурным генералом Кривцовым, за начальником своей канцелярии Гинцом и за состоявшим при нем князем А.Ф. Голицыным[1934].

— Теперь, — сказал он Михаилу Павловичу, — настала торжественная минута доказать, что весь мой прежний образ действия был не какой-нибудь личиной, и продолжать его с той же твердостью, с которой я начал. В намерениях моих, в моей решимости ничего не переменилось, и воля моя — отречься от престола — более чем когда-либо непреложна…»[1935]

Неофициальная версия: «Константин не приводил никого к присяге и в тот день, когда получил известие о смерти императора, заперся и видеть никого не хотел… Необъявление известия о смерти государя, полученного Константином прямо из Таганрога, доказывало, что он или ожидает дальнейших известий из Петербурга, или не желает наследия. Но после принесения ему присяги он только один имел власть разрешить от нее своих подданных»[1936].

На следующий день цесаревич отписал своей матушке: «По собственному моему побуждению, просил я блаженной памяти государя императора Александра Павловича об устранении меня от прав наследия императорского престола, на что и удостоился получить от 2 февраля 1822 года собственноручный высочайший

рескрипт, у сего в засвидетельствованной копии прилагаемый, в коем его императорское величество изъявил на то высочайшее свое соизволение, объявив, что и ваше императорское величество на то согласны, что самое и лично изволили мне подтвердить. Притом воля покойного государя императора была, дабы помянутый высочайший рескрипт хранился у меня в тайне до кончины его величества»[1937].

«Одними письмами семейными не мог быть изменен основной закон империи. Чтобы облечь содержание их в полную и обязательную силу такого же закона, необходим был еще акт государственный…»[1938]

Утаенные бумаги вызывают сомнение, но «…опочивший император не открыл своего царственного завета и на смертном одре»[1939]. Почему?! Нет ответа…

Впрочем, загадочная смерть Александра I — не тема нашего повествования.

* * *

«27 (9 декабря). Пятница. *Ужасный день.* Встал в 8… Бенкендорф, с ним на смотру 1-го батальона Семеновского [полка]; поднялся к матушке; жена; на лестнице догоняет Милорадович, все в порядке; у матушки, она спокойнее, уходил и возвращался несколько раз… идем к обедне; служба, как вчера; во время молебна Гримм[1940] стучится в дверь, выхожу тотчас; в библиотеке батюшки; по фигуре Милорадовича вижу, что все потеряно, что все кончено, что нашего Ангела нет больше на этом свете! Конец моему счастливому существованию, которое он создал для меня! Служить ему, его памяти, его воле, вот чему посвящаю я остаток моих дней — все мое существование! Да поможет мне Бог и да пошлет мне его в ангелы-хранители!

Шульгин[1941] поддерживает меня, я теряю чувства…»[1942]

«Молебен кончался, когда я увидел в коридоре военного губернатора графа Милорадовича, бледного и смущенного. Он кивал мне головой. Я тотчас вынул носовой платок из кармана, сделал вид, будто у меня потекла кровь из носу, и, направляясь к выходу, тихонько тронул великого князя. Он быстро повернулся, заметил графа Милорадовича, опрометью выбежал из церкви и быстро вместе с ним исчез»[1943].

Описаний много, но вот, пожалуй, самый существенный момент. «Поручив матушку попечениям жены, с графом Милорадовичем я пошел ко внутреннему гренадерскому караулу, в тот день от роты его величества Преображенского полка», —

вспоминал потом Николай I.[1944]

Это подтверждает и педантичная запись его дневника: «… принес присягу на верность моему законному императору Константину; все делают то же; я подписываюсь и иду вызвать караул, чтобы и он сделал то же; начинаю с караула гренадеров, с Преображенской роты Ангела[1945]; рыдания и повиновенье; то же у кавалергардов…»[1946]

«В комнате, где стоял обыкновенно внутренний караул, бывший в тот день от 1-го взвода роты его величества лейб-гвардии Преображенского полка, стоял аналой с крестом и Евангелием. Солдаты спросили: — Что это значит?

— Присяга, — отвечали им.

Они все в один голос: — Какая присяга?

— Новому государю.

— У нас есть государь.

— Скончался.

— Мы не слыхали, чтоб он и болен был…»[1947]

Это описание на удивление напоминает рассказ о событиях почти четвертьвековой давности — присяге Александру I.

«На правом фланге стоял рядовой Григорий Иванов, примерный солдат, статный и высокого роста. Я сказал ему:

— Ты слышал, что случилось?

— Точно так.

— Присягнете вы теперь Александру?

— Ваше высокоблагородие, — ответил он, — видели ли вы императора Павла действительно мертвым?

— Нет, — ответил я.

— Не чудно ли было бы, — сказал Григорий Иванов, — если бы мы присягнули Александру, пока Павел еще жив?»[1948]

Все же и в том, и в другом случае, после некоторых уговоров и убеждений, — присягнули. Можно поверить, что действительно все было так просто. Однако недаром говорится, что «история принадлежит победителям» — события прошлого известны нам в том варианте, какой выгоден власть имущим. Но в данном случае историю — как предшествующую 14 декабря, так и самого этого дня, — зафиксировали и проигравшие, чьи записи, основанные на личных впечатлениях и рассказах очевидцев из «лагеря победителей», стали известны гораздо позже. Вот, например, что писал Штейнгель: «Великий князь тотчас предложил присягнуть цесаревичу. Но князь Лопухин доложил его высочеству, что надобно прежде исполнить свой долг — выполнить волю покойного государя и распечатать хранящийся в Совете пакет. Великий князь согласился, и все члены Совета с ним отправились в присутствие. Пакет был распечатан, манифест с приложениями

прочтены, и все обратились к великому князю с изъявлением готовности признать его своим государем и принесть ему присягу. "Нет, нет, — отвечал великий князь, — я не готов, я не могу, я не хочу взять на совесть свою — лишить старшего брата его права. Я уступаю ему и первый присягну". Князь Лопухин хотел еще убеждать, но адмирал Мордвинов[1949] сказал: "Мы исполнили свою обязанность, признали его высочество своим государем; но его высочество повелевает присягать цесаревичу, мы должны повиноваться". Все согласились. Великий князь взял за плечо военного министра и со словами: пойдем, пойдем! повел его в церковь. Все присягнули императору Константину.

От Сената был издан тотчас указ, повелевающий на основании постановления об императорской фамилии присягнуть старшему брату покойного императора, и гвардия в тот же день присягнула очень охотно»[1950].

У Якушкина версия иная, никакого похода в Сенат не было:

«По окончании панихиды великий князь Николай Павлович, взявши в сторону Милорадовича, бывшего тогда военным губернатором и по праву своего звания, в отсутствие императора, главноначальствующего над всеми войсками, расположенными в Санкт-Петербурге и окрестностях столицы, сказал ему: "Граф Михаил Андреевич, вам известно, что государь цесаревич, при вступлении в брак с княгиней Ловичевой, отказался от права на престол; вам известно также, что покойный император в духовном своем завещании назначил меня своим наследником".

Милорадович отвечал: "Ваше высочество, я знаю только, что в России существует коренной закон о престолонаследии, в силу которого цесаревич должен вступить на престол, и я послал уже приказание войскам присягать императору Константину Павловичу". Таким решительным ответом Милорадович поставил великого князя Николая Павловича в необходимость присягнуть своему старшему брату»[1951].

Впрочем, даже и официальные версии не совсем точны и понятны:

«Члены Государственного совета собрались в чрезвычайное собрание и первым долгом почли исполнить волю покойного государя.

Согласно тому, председатель (князь П.В. Лопухин) поручил правившему должность государственного секретаря (А.Н. Оленину) принести в собрание хранившийся в архиве, за замком и за печатью председателя, пакет, присланный от покойного государя 16 августа 1823 года, собственноручно им написанный на имя Оленина. В этом пакете был другой, на имя князя Лопухина, а в том последнем — запечатанный пакет с

собственноручной надписью государя. "Хранить в Государственном совете до востребования моего, а в случае моей кончины, прежде всякого другого действия, раскрыть в чрезвычайном собрании Совета". Во исполнение этой высочайшей воли пакет, по прочтении надписи и по освидетельствовании целости печати, был тут же вскрыт Олениным, и в нем оказались известные, после того напечатанные, акты о наследии престола и об отречении великого князя Константина Павловича.

По выслушании членами, — как сказано в журнале, — "с надлежащим благоговением, с горестными и умиленными сердцами, последней воли" императора Александра, член Совета граф Милорадович объявил собранию, что великий князь Николай Павлович торжественно отрекся от права, предоставленного ему манифестом, и первый уже "присягнул на подданство его величеству государю императору Константину Павловичу".

Когда члены Совета, вследствие этого, обратились к графу Милорадовичу с просьбой исходатайствовать у великого князя дозволение Совету явиться пред лицо его высочества, дабы "удостоиться слышать из собственных его уст непреложную его по этому предмету волю", то они приглашены были великим князем в бывшие комнаты великого князя Михаила Павловича, и тут он всему Совету изустно подтвердил, что "ни о каком другом предложении слышать не хочет, как о том только, чтобы учинить верноподданническую присягу государю императору Константину Павловичу, как то он сам уже учинял; что бумаги, ныне читанные в Совете, ему давно известны и не колебали его решимости, а потому, кто истинный сын отечества, тот немедленно последует его примеру"…

"Государыня императрица, — продолжает далее журнал, — несмотря на жестокую свою печаль, почла нужным объявить членам Совета, что бумаги, ныне в собрании оного читанные, ее величеству известны; что все это было учинено по добровольному желанию самого цесаревича; но что она должна по всей справедливости согласиться на подвиг великого князя Николая Павловича"»[1952].

Так пишет официальный верноподданный историк, но государь, комментируя его труд, возражает:

«Не знаю, с чего граф Милорадович мог сие объявить, ибо мне содержание манифеста было вовсе неизвестно, и я первый раз видел и читал его, когда Совет принес его ко мне. Ежели б я манифест и знал, я бы и тогда сделал бы то же самое, ибо манифест не был опубликован при жизни государя, а Константин Павлович был в отсутствии, потому во всяком случае долг мой и

всей России был присягнуть законному государю»[1953].

В общем, из всего ранее сказанного ясно только, «что судьбами Отечества располагал один граф Милорадович»[1954]. Лучше всех это понимал Николай Павлович — и он этого Милорадовичу не мог простить никогда…

Как бы там ни было, но и дворцовый караул, и Сенат, а вслед за тем — вся Россия принесли клятву на верность новому государю императору Константину I.

Законность присяги сомнений не вызывала — Константин не только был вторым сыном императора Павла, но еще и имел титул цесаревича. В народе он был гораздо более известен и популярен, нежели Николай.

«Когда в городе носились уже слухи о тяжкой болезни императора Александра I и начались толки, кто примет корону — Константин или Николай, кто-то спросил у Якубовича:

— Которого бы из двоих ты желал лучше видеть царем?

— Если уж нельзя ни того, ни другого, так уж, конечно, лучше давайте Константина; этот хоть, по крайней мере, старый кот, попадешься к нему в когти, так разом задушит, а не станет, как котенок, играть с мышкой»[1955].

В те дни Пушкин, сменивший южные края на псковское село Михаил овское, писал вернувшемуся уже в Петербург полковнику Катенину:

«…Как поэт, радуюсь восшествию на престол Константина I. В нем очень много романтизма; бурная его молодость, походы с Суворовым, вражда с немцем Барклаем напоминают Генриха V. — К тому ж он умен, а с умными людьми все как-то лучше; словом, я надеюсь от него много хорошего»[1956].

К Николаю Павловичу отношение было противоположное.

«Граф Милорадович имел роковую неосторожность сказать великому князю, что он не ручается за спокойствие столицы, если будет объявлена присяга его высочеству, примолвя: "Вы сами изволите знать, как Вас не любят"»[1957].

Впрочем, не все было столь однозначно, как сейчас может казаться.

«Константин в течение последних лет пребывал в Варшаве, сделался почти чужим для русских и потому не имел в Петербурге приверженцев. Воспоминания, которые оставались о нем, не привлекали к нему публики, хотя многие, особенно придворные, вооружались против него. Гордость дам оскорблялась мыслью, что полька, и притом не знатного рода, может быть императрицей.

Молодые великие князья также не имели дара поселить к себе любовь, их особенно не любили военные. Однако же большая

часть высшего круга желали иметь императором Николая. Надеялись, что при нем двор возвысится, что придворная служба получит опять прежний почет и выйдет из того ничтожества, в котором была при покойном государе и в которое еще бы более погрузилась при Константине»[1958].

Одна из причин нелюбви к Николаю и Михаилу Павловичам — их педантичное, механистическое отношение к военной службе, унаследованное ими от покойного папеньки, государя Павла Петровича.

«Осенью 1818 года государю угодно было сделать мне милость, назначив командиром 2-й бригады 1-й гвардейской дивизии, то есть Измайловским и Егерским полками… Я начал знакомиться с своей командой и не замедлил убедиться, что служба шла везде совершенно иначе, чем слышал волю моего государя, чем сам полагал, разумел ее, ибо правила оной были в нас твердо влиты. Я начал взыскивать, но взыскивал один, ибо что я по долгу совести порочил, дозволялось везде даже моими начальниками. Положение было самое трудное; действовать иначе было противно моей совести и долгу; но сим я явно ставил и начальников и подчиненных против себя, тем более что меня не знали, и многие или не понимали, или не хотели понимать»[1959].

«Оба великие князя друг перед другом соперничали в ученье и мученье солдат. Великий князь Николай даже по вечерам требовал к себе во дворец команды человек по 40 старых ефрейторов; там зажигались свечи, люстры, лампы, и его высочество изволил заниматься ружейными приемами и маршировкой по гладко натертому паркету. Не раз случалось, что великая княгиня Александра Федоровна, тогда еще в цвете лет, в угоду своему супругу, становилась на правый фланг с боку какого-нибудь 13-вершкового[1960] усача-гренадера и маршировала, вытягивая носки»[1961].

Оригинальные супружеские утехи! Но ведь мы уже знаем, что Николай очень хотел царствовать, а значит, он должен был угождать своему венценосному старшему брату, прошедшему и возлюбившему «гатчинскую школу». Пусть даже всем другим такое его поведение приходилось не по вкусу…

«Вообще в это время великий князь не имел приверженцев. Строгая справедливость, которую ставим себе в закон, сколько она доступна человеку, велит сказать, что нельзя ни укорять, ни винить в этом великого князя. Покойный государь Александр был подозрителен, имея тоже к тому сильный повод. Приобресть любовь, особливо войск, было бы со стороны великого князя более, нежели политической ошибкой»[1962].

Кстати, впоследствии император Николай Павлович был

очень популярен и даже искренне любим в войсках. Вот впечатления кадета о встрече с государем:

«Государь, выйдя из дворца на крыльцо, крикнул своим молодецким голосом: "Кадеты, ко мне". Услышав голос нашего дорогого обожаемого царя, все кадеты бросились к монарху и обступили крыльцо. На государе был надет любимый его сюртук лейб-гвардии Семеновского полка, сюртук был старый, даже в некоторых местах были заплатки. Государь был без фуражки и без галстука, сюртук был расстегнут. Когда мы обступили царя, то увидали на крыльце стол, на котором стояло несколько корзин со спелыми вишнями. Государь улыбался и приказал подходить к себе по одному, и каждому кадету давал в рот из собственных рук вишню. Мы все целовали его дорогую ручку. Слезы блестели у нас на глазах: так мы все были счастливы и тронуты такой милостью и лаской царя. Видя такую отеческую ласку нашего дорогого отца-государя, у всякого из нас в сердце что-то дрогнуло, явилась какая-то неизмеримая любовь и преданность, готовность посвятить всю свою жизнь ему, нашему благодетелю»[1963].

Но это будет потом, а в тот ноябрьский день 1825 года «… исполнив присягу, я пошел к матушке, которую нашел уже в своих покоях, убитой горем, но в христианской покорности воле Божией. Я ей сказал, что исполнил священный долг своему государю, и что все караулы, равно и бывший во дворце граф Милорадович, генерал-адъютант князь Трубецкой[1964], генералы Кутузов[1965], Потапов и многие другие вместе со мной присягнули. Матушка с испугом мне отвечала:

— Nicolas, qu'avez, vous fait? Ne savez vous pas qu'il y a un acte qui vous nomme heritier presomptif?[1966]

Я отвечал ей:

— S'il y en a un, il ne m'est connu, personne ne le connait, mais nous savons tous, qe notre maitre, notre souverain legitime est mon frere Constantin, et nous avons rempli notre devoir — arrive ce qui pourra[1967].

Князь Голицын[1968] был в Невском [монастыре] и, прискакав оттуда, потребовал меня; в исступлении, вне себя от горя, но и от вести во дворце, что все присягнули Константину Павловичу; он начал мне выговаривать, зачем я брату присягнул и других сим завлек, и повторил мне, что слышал от матушки, и требовал, чтобы я повиновался мне не известной воле покойного государя. Я отверг сие неуместное требование положительно, и мы расстались с князем, я — очень недовольный его вмешательством, он — столько же моей неуступчивостью»[1969].

Между тем «…в тот самый день, когда была принесена присяга… великий князь Николай послал просить к себе

действительного статского советника Федора Петровича Опочинина. Этот человек был некогда адъютантом Константина Павловича… Не было в Петербурге человека, который был бы ближе его к Константину Павловичу. Его и избрал великий князь Николай посредником между собой и братом и ему поручил ходатайство об уступке ему престола, напомнив его высочеству, что он сам добровольно, без всякого принуждения отрекся от наследства»[1970].

Кому и чему тут верить?

«Жители столицы узнали также 27 ноября о кончине императора; их оповестили об этом повесткой за подписью санкт-петербургского обер-полицмейстера Шульгина 1-го, напечатанной на четвертушке серой бумаги, следующего содержания:

"Всевышнему Господу Богу угодно было отозвать к себе обожаемого нашего монарха! Его Императорскому Величеству государю императору Константину Павловичу учинена присяга Его Высочеством великим князем Николаем Павловичем, Государственным советом, Святейшим синодом и войском.

По приказанию его сиятельства господина санкт-петербургского военного генерал-губернатора, я извещаю о сем всех жителей столицы, дабы они, последуя долгу своему, обратились во храмы Божий и там, перед престолом Всевышнего, учинили такую же присягу на верность подданства государю императору Константину Павловичу установленным порядком.

Ноября 27-го дня, 1825 года"»[1971].

«Я никогда не забуду той минуты, когда 27 ноября, вышед с квартиры часу в 12-м утра, на повороте с Большой Морской на Невский проспект встречаю графа Александра Ивановича Апраксина со слезами на глазах.

— Что с вами, граф? — спросил я с удивлением.

— Как, разве вы не знаете?

— Что такое?

— Наш незабвенный государь скончался.

— Не может быть! — вскрикнул я в первом изумлении, и действительно, мне это показалось невероятным, неестественным»[1972].

«В Петербурге все сословия и возрасты были поражены непритворной печалью; нигде не встретил я веселого лица. К вечеру вывели наш полк на улицу против госпиталя; К.И. Бистром объявил о кончине императора, поздравил с новым императором Константином, поднял шляпу, воскликнул: "Ура!" — и слезы покатились из глаз его и многих воинов, бывших в походах с Александром, который называл их "любезными товарищами". По команде раздалось "ура!". Офицеры подписали присяжный лист в

госпитальной комнате и с полком разошлись по казармам и по квартирам. С таким же настроением духа присягнули другие полки; чувство скорби взяло верх над всеми другими чувствами — и начальники, и войска так же грустно и спокойно присягнули бы Николаю, если бы воля Александра I была им сообщена законным порядком»[1973].

«Константин много раз говорил, что царствовать не хочет, и прибавлял: "Меня задушат, как задушили отца"»[1974].

«Когда же время приспело, Константин, как малый честный и себе на уме, и скажи: "Нет! не заманите — не хочу!" — "Нет, брудер, твой черед — иди!" — пишет ему откуда ни возьмись на царство Николай! "Не пойду! сами кашу заварили, сами и расхлебывайте!" (действительный отзыв). — "Ей, брат! быть беде: не поверят!"»[1975]

Впрочем, «Константин, конечно, изъявил прежде, что он отказывается от наследства, и теперь, что он не хочет власти, но все это было, когда власть не была в его руках, а теперь, когда вся обширная империя присягнула ему в верности, можно ли было ручаться, что он останется столько же равнодушен к власти? Он имел бы достаточно извинений для принятия престола, на который был возведен без предварительного своего согласия и в исполнение государственных законов о производстве»[1976].

«Будь они все частные лица, то могли быть оправданы различными побуждениями; но, как сановники, люди государственные, как правители, они все виновны: им следовало действовать по закону, а не предаваться увлечениям любви родственной или преданности безусловной подчиненности. Могу сказать утвердительно, что с обнародованием завещания 27 ноября все присягнули бы беспрекословно Николаю Павловичу. По крайней мере, восстание не имело бы предлогом вторичную присягу, при коей одна клятва нарушала другую клятву и обнаружила незаконность первой»[1977].

Может быть, так, а может, и совсем наоборот:

«Один граф Милорадович смел бестрепетно высказывать свои убеждения и противиться всякому незаконному поползновению. Он держал в своих руках судьбу России и спас столицу от общего и всенародного возмущения, которое непременно бы вспыхнуло, если б тотчас после кончины Александра потребована была присяга Николаю»[1978].

Так Россия вступила в смутную полосу междуцарствия.

* * *

«Наступили 17 дней тайных обоюдных маневров. С одной стороны, под наружностью скорого ожидания прибытия нового императора распоряжения под рукой о готовности переменить присягу; с другой — все, что принадлежало к тайному обществу и дремало в совершенной апатии, вдруг встрепенулось и приняло за *motto* — "теперь или никогда".

Любопытство всех и каждого было напряжено в высшей степени»[1980].

«Накануне присяги все наличные члены общества собрались у Кондратия Федоровича. Все единогласно решили, что ни противиться восшествию на престол, ни предпринять что-либо решительное в столь короткое время было невозможно. Сверх того, положено было вместе с появлением нового императора действия общества на время прекратить. Грустно мы разошлись по своим домам, чувствуя, что надолго, а может быть, и навсегда, отдалилось осуществление лучшей мечты нашей жизни! На другой же день весть пришла о возможном отречении от престола нового императора. Тогда же сделалось известным и завещание покойного, и вероятное вступление на престол великого князя Николая Павловича… Тут все пришло в движение, и вновь надежда на успех блеснула во всех сердцах»[1981].

«Никакой другой случай не мог быть благоприятнее для приведения в исполнение намерения тайного общества, если б оно было довольно сильно для приведения в действие своих предположений. Но члены его были рассеяны по большому пространству обширной Российской империи, другие были за границей. Столица, где должно было происходить главное действие, заключала небольшое число членов. Несмотря на то, бывшие в ней члены положили воспользоваться предстоящим случаем»[1982].

Но даже в это время в рядах тайного общества происходили свои трения.

«Я спрашивал самого себя — имеем ли мы право как частные люди, составляющие едва заметную единицу в огромном большинстве населения нашего отечества, предпринимать государственный переворот и свой образ воззрения на государственное устройство налагать почти насильно на тех, которые, может быть, довольствуясь настоящим, не ищут лучшего; если же ищут и стремятся к лучшему, то ищут и стремятся к нему путем исторического развития?»[1983]

Были сомнения — стоит или не стоит чего-либо предпринимать; были споры — кому отдать власть. На эту тему написаны многие книги, а потому ограничимся точкой зрения барона Штейнгеля, который, как, кстати, и Федор Глинка,

предлагал возвести на престол супругу, точнее уже вдову, Александра I:

«Рылеев был еще нездоров, я прошел к нему поутру и, начав говорить о сем, между прочим сказал: "Если подлинно цесаревич отрекается и если вы действительно уверены, что гвардия не любит великого князя и не присягнет ему, то что может быть благоприятнее случая сего для возведения на престол Елисаветы". Тут вынул я на небольшой бумажке написанный мною приказ к войскам и прочитал. Я его помню. Вот его содержание: "Храбрые воины! Император Александр I скончался, оставя Россию в бедственном положении. В завещании своем наследие престола он предоставил великому князю Николаю Павловичу; но великий князь отказался, объявив себя к тому не готовым, и первый присягнул императору Константину I. Ныне же получено известие, что и цесаревич решительно отказывается. Итак, они не хотят. Они не умеют быть отцами народа; но мы не совсем осиротели: нам осталась мать в Елисавете. Виват! Елисавета Вторая и отечество!" Рылеев в три разные приема прочитал этот приказ, чтобы вытвердить наизусть, и также обещал говорить с другими»[1984].

Постепенно рождался план действий.

«Я полагал, что если полки откажутся от присяги, то собрать их в каком-нибудь одном месте и ожидать, какие меры будут приняты от правительства; я надеялся, что если их будет достаточное число, то силой не вздумают их принуждать к повиновению, и для того, чтобы убедиться в собственной силе, должно было тот полк, в котором откажутся люди от присяги, стараться вывести к другому, ближнему полку, что побудит и тот полк выйти, если он также отказывался дать присягу, или отказаться от оной… Думал, что если в первый день не вступят с ними в переговоры, то, увидев, что они не расходятся и переночевали первую ночь на биваках, непременно на другой день вступят с ними в переговоры или объявят, что послали в Варшаву к государю цесаревичу. Между тем нельзя будет сим полкам отказать в продовольствии… Для полков же вытребовать удобное для стоянки место для окончания всего»[1985].

Рациональное зерно есть — именно так, от полка к полку двигалась в 1762 году Екатерина. Но какое прекраснодушие: «… нельзя будет сим полкам отказать в продовольствии…» — и так далее.

«Между тем на совещаниях тайного общества, из которых одно было у князя Оболенского, составлен был план инсуррекции[1986]. Войска, готовые восстать, должны были идти к Сенату. Полагали, что он будет в собрании и, окруженный

штыками, согласится провозгласить временное правительство…

Нельзя было не понять важности и благоприятства настоящего момента. Некоторые молодые люди, а их была большая часть, с энтузиазмом были готовы на все. Не то встретил Рылеев от тех, которые были постарее и починовнее: они увлеклись приманкой и расчетами. Несмотря на это, надеялись через ротных командиров и офицеров иметь на своей стороне значительную часть гвардейских полков и даже артиллерию»[1987].

* * *

«Фельдъегерь, доставивший весть о кончине Александра I, привез вместе и доносы Майбороды и именные списки членов тайного общества. Копия с этих списков была отправлена в Варшаву к новому императору. [Николай] знал о существовании тайного общества, о цели его: он имел именной список большей части членов общества. О том знали и граф Милорадович и много приближенных к великому князю Николаю, которому адресованы были важнейшие бумаги в Петербург, откуда сообщаемы были в Варшаву. Какие же меры были приняты к уничтожению предстоявших опасностей заговора или грозившего восстания?! Решительно никакие. Во всем выказывалось колебание, недоумение, все предоставлено было случаю: между тем как, по верным данным, следовало только арестовать Рылеева, Бестужевых, Оболенского и еще двух или трех декабристов, — и не было бы 14 декабря»[1988].

Мемуарист был не совсем прав, обвиняя власть в бездействии.

«По смерти государя бумаги, лежавшие на его столе и получаемые на его имя, были рассмотрены начальником Главного штаба бароном Дибичем, который пригласил содействовать ему в этом разборе князя Петра Михайловича Волконского… Дибич и Волконский нашли и письмо Витта и донос Майбороды и немедленно сообщили о них: в Варшаву, великому князю Константину Павловичу, и в Петербург, великому князю Николаю Павловичу. Они послали из Таганрога в Тульчин, Главную квартиру 2-й армии, товарища начальника Главного штаба генерал-адъютанта Чернышева… для арестования Пестеля и майора Вятского полка Лорера[1989]»[1990].

И в то же время — «Граф Милорадович должен был верить столь ясным уликам в существовании заговора и в вероятном участии других лиц, хотя об них не упоминалось; он обещал

обратить все внимание полиции, но все осталось тщетным и в прежней беспечности», — утверждает Николай Павлович[1991].

Мы знаем, что Михаил Андреевич был прекрасным исполнителем — деятельным, инициативным, отважным.

«Военная жизнь графа Милорадовича не представляет случаев, где были бы обнаружены им широкий стратегический кругозор или глубина соображений, но он был витязь "без страха", кумир солдат и в полном смысле слова боевой генерал, незаменимый исполнитель самых опасных и ответственных боевых назначений»[1992].

Но теперь он поступал и действовал — или бездействовал — исключительно в соответствии со своим разумением, он самостоятельно вышел на авансцену. Причины этого малопонятны как современникам, так и историкам, почему трактуются и описываются совершенно по-разному. К тому же в этих описаниях сказывались и конъюнктура, изменившееся отношение к покойному графу.

«Солдаты, ничего не зная о происходившем, не ожидали никакой новой перемены и уверены были, что государь скоро к ним прибудет.

Можно утвердительно сказать, что эта уверенность солдат была причиной спокойствия столицы в эти дни и этим обязаны бывшему военным генерал-губернатором графу Милорадовичу. Его деятельному попечению обязаны, что до слуха солдат и народа не доходило и о том, что готовится какое-либо необыкновенное событие. Он смело принял на себя всю власть, которая заключалась в высших государственных местах, и полную ответственность за спокойствие не только одной столицы, но всего государства. Он был тогда единственным действующим лицом и распорядителем всего с самого начала и до конца, сохранив присутствие духа, хладнокровную и твердую деятельность»[1993].

«Доказательства в действительном существовании тайного сообщества поколебали даже спокойную самоуверенность графа Милорадовича и возбудили, вместе, всю вероятность, что есть в Петербурге еще и другие участники, в донесении не названные»[1994].

Вот так! Не то — «единственное действующее лицо», не то — воплощение «спокойной самоуверенности». Но что можно точно сказать, так это, что граф Милорадович был той личностью, с которой нельзя было не считаться.

Рафаил Зотов записал его беседу с князем Шаховским.

«— Мог ли же я допустить, чтобы произнесена была какая-нибудь присяга, кроме той, которая следовала? Мой первый долг

был требовать этого, и я почитаю себя счастливым, что великий князь тотчас же согласился на это.

— Признаюсь, граф, — возразил князь Шаховской, — я бы на вашем месте прочел сперва волю покойного императора.

— Извините, — ответил ему граф Милорадович, — корона для нас священная, и мы прежде всего должны исполнить свой долг. Прочесть бумаги всегда успеем, а присяга в верности нужнее прежде всего. Так решил и великий князь. *У кого 60 тысяч штыков в кармане, тот может смело говорить,* — заключил Милорадович, ударив себя по карману. — Разные члены совета пробовали говорить мне и то, и другое; но сам великий князь согласился на мое предложение, и присяга была произнесена…»[1995]

Население Петербурга не превышало тогда 400 тысяч человек.

«В войсках ожидали сопротивления, и мнение об этом Милорадовича было основано на сведениях о настроениях солдат и офицеров, какие он собирал во время междуцарствия. Есть указания на то, что были сделаны попытки подготовить солдат к мысли о возможности отречения Константина и неизбежности новой присяги, но что посланные с такими речами люди были встречены крайне враждебно»[1996].

О возможном отречении знали пока очень немногие.

«На другой же день после присяги во многих магазинах на Невском проспекте допущена была выставка на продажу литографированных портретов "Константина I императора и самодержца Всероссийского". Перед ними толпились прохожие, обращая более внимания на физиономию, напоминающую Павла I. Между искренними не было недостатка в сарказмах. Для успокоения столицы дня через четыре выдали афишу, что государыня императрица получила письмо от государя императора, в котором его величество обещает вскоре прибыть в столицу»[1997].

Любят у нас успокаивать народ ложью, не думая о последствиях. Все прекрасно и замечательно — при всех режимах! Так и народ-то наш, хотя и видит, что его нагло обманывают, но «обманываться рад», верит всему с удовольствием.

Но, вопреки обещанию, в столицу прибыл не долгожданный император, а его младший брат, которого в гвардии уважительно именовали «рыжим Мишкой».

«Несмотря на дурное по времени года положение дорог, великий князь примчался в Петербург с изумительной быстротой. Выехав из Варшавы… 26 ноября вечером, он 1 декабря, рано поутру, был уже в петербургском своем дворце. Сюда тотчас

приехал к нему брат его с санкт-петербургским военным генерал-губернатором Милорадовичем, который в те дни везде и почти неотлучно находился при великом князе Николае Павловиче»[1998].

Автор записи ошибся: Михаил Павлович приехал 3 декабря.

«3 (15). Четверг.

Встал в 5 ¾ , меня разбудили сообщением, что Михаил будет здесь не более как через час; Перовский[1999], уходит; Дивов[2000] докладывает мне, что Михаил уже приехал; поднялся наверх и поехал с Милорадовичем в дорожной коляске к Михаилу; говорил с ним сначала один, потом Милорадович, Константин чувствует себя хорошо, вот все, что мог он сказать»[2001].

«Он написал Николаю очень дружелюбное письмо как брат; в письме этом, после выражения своей неизъяснимой печали, он сообщает Николаю, что его желанием всегда было и остается до сих пор отречься от короны и что он останется навсегда его покорным братом и подданным; здесь же было и особое письмо, адресованное уже на имя императора Николая, в котором он торжественно излагал то же самое. Он написал также и императрице-матери и просил ее, и уполномочивал свою мать все это довести до сведения Совета и Сената и все разъяснить. Николай был тронут до слез. Все это, однако, нисколько не меняет положения вещей, поскольку еще не имеется ответа, после того как Константин был здесь действительно признан императором»[2002].

«Граф, узнав из писем Константина к Николаю, которые были так писаны, что их нельзя было напечатать… что Константин не принял присяги, все еще сдерживал нетерпеливых и домогался правильного отречения от Константина»[2003].

«В Петербурге покамест все оставалось по-прежнему, ибо привезенные Михаилом Павловичем письма не признавались достаточным основанием к перемене принятой системы действия. И императрица-матерь и великий князь Николай Павлович считали необходимым дождаться сперва отзыва цесаревича на известие о принесенной ему присяге и сверх того, по получении упомянутых писем, написали ему вновь, прося, если воля его об отречении неизменна, огласить оную для предупреждения всяких беспокойств актом более торжественным, чем-нибудь вроде манифеста»[2004].

«Опочинин был снова отправлен с прибавлением просьбы, чтобы Константин прислал формальное и торжественное отречение, по которому Николай мог бы беспрепятственно вступить на престол. Граф Милорадович постоянно настаивал на том, чтоб это было исполнено, если б не захотел Константин сам

приехать в Петербург и лично передать престол брату.

Опочинин поехал с намерением употребить все средства, чтоб уговорить Константина приехать в столицу империи, и даже имел надежду, что слова его подействуют достаточно, чтоб заставить Константина принять царство. Он вспомнил, что когда Константин писал к Александру… в 1822 году, то он сказал, что имеет полную уверенность, что не переживет своего брата…»[2005]

«Суббота, 5 декабря.

В течение нескольких часов споры и горячие обсуждения у матушки с обоими великими князьями и Милорадовичем. Последний передал все ходящие по городу толки и разговоры солдат»[2006].

Думается, своим сообщением генерал-губернатор царскую фамилию не порадовал, потому как в тот же день, на ночь глядя, в Варшаву вновь отправили младшего из великих князей. Но ему ехать явно не хотелось…

«Михаил Павлович выехал 5-го числа после обеда по тому же Рижскому тракту; но в Тееве встретил адъютанта Николая Павловича Лазарева[2007], который, быв послан в Варшаву с донесением о принесенной присяге, возвращался назад с отказом цесаревича от не принадлежащего ему императорского титула и от принесенной ему присяги. Засим, проехав еще до станции Ненналя, в 300 верстах от Петербурга, великий князь решился, как дальнейшая поездка теряла уже всякую цель, ожидать тут того ответа, которому надлежало быть на последние письма, отправленные из Петербурга по его приезде»[2008].

«По неотложной просьбе матушки я переехал с женой в Зимний дворец, в комнаты брата Михаила Павловича», — скромно отметил Николай Павлович[2009].

* * *

А теперь обратимся непосредственно к нашему герою, затеявшему всю эту кутерьму. О том, что это был ближайший человек к кандидату на престол, можно видеть из дневника Николая:

«9 (21). Среда.

Встал в 8¼; Ивелич[2010], Кавелин[2011], Перовский, Деллинсгаузен, уходят; Башуцкий, говорили, все в порядке, уходит; Милорадович, разные слухи, первые подозрения в публике, что Константин не согласится, уходит; у жены… Милорадович, говорили, уходит… жена, говорили, Милорадович, жена уходит, говорили, слухи все более распространяются и

становятся беспокойнее…»[2012]

Однако сердцем Михаил Андреевич был на другой стороне. На какой?

«Через несколько дней после того, когда стало известно, что Константин не принимает данной ему присяги и между тем отказывается и ехать сам в Петербург и издать от себя манифест о своем отречении, граф, проходя в своих комнатах, остановился пред портретом Константина и, обратившись к сопровождавшему его полковнику Федору Николаевичу Глинке, сказал с горечью: "Я надеялся на него, а он губит Россию"»[2013].

«Милорадовичу доносила полиция, что в доме американской компании, где жил Рылеев, ежедневно собирались разные лица; Милорадович, зная, что Рылеев и Бестужев — издатели "Полярной Звезды", полагал, что у Рылеева собираются литераторы, и потому не обратил никакого внимания на донесение полиции»[2014].

За кого же он был? За Константина — или вообще за мятежников?

«В примечании о побуждениях графа Милорадовича, заставлявших его желать, чтоб царствовал Константин, взнесено на графа незаслуженное им подозрение корыстолюбивых надежд. Это непростительно в отношении человека, действовавшего в это критическое время прямо и благородно. Конечно, граф мог ожидать, что если дело, как слишком видимо было, должно кончиться воцарением Николая, то этот не простит ему оказанной оппозиции. Мнение же высказанное, будто бы известная щедрость Константина могла быть побуждением графа Милорадовича стоять за Константина в надежде зажить еще расточительнее, вовсе не заслуживает никакого уважения, тем более что никогда Константин не считался таким щедролюбивым»[2015].

Добавим, что и граф, при удивительной своей расточительности, совершенно не был корыстолюбив — ему, думается, было без разницы, на сколько больше тысяч проматывать. Так как семьи и потомства он, подобно многим современным ему военачальникам, не имел, то думать об обеспечении наследников ему не приходилось, средств на обустройство любезных его сердцу Вороньков вполне доставало, а, сделав там все и сразу, можно было тут же потерять интерес — село это представлялось ему той землей обетованной, к которой стремишься всю жизнь, но вряд ли когда доедешь…

Вряд ли хотел он стать «Аракчеевым» при императоре Константине I. Граф Алексей Андреевич был вечным тружеником, а эта ипостась, как известно, графа Михаила Андреевича нимало не привлекала… Да и всероссийские масштабы для него были

явно велики — вспомним, как в 1813 году он отказался от роли главнокомандующего. А все же, что ему было нужно?

Современный нам автор предлагает следующую версию: «По-видимому, Милорадович был масоном, хотя его имя ни разу не упоминается в списках членов российских масонских лож, исчисляемых в первую четверть XIX века чуть ли не пятью тысячами человек. Мы подозреваем, что пресловутые масонские списки самими же масонами и составлялись — чтобы ни в чем уже невозможно было разобраться!..»[2016]

Это даже не смешно. О том, что представляло собой в то время российское масонство, мы уже говорили — недаром практически все деятели 14 декабря, ранее состоявшие в ложах, давно и благополучно с ними расстались. «Царственный мистик» государь Александр Павлович был гораздо ближе ко всем этим оккультным течениям, нежели гвардейские офицеры, уставшие от традиционного русского бардака, царившего вокруг трона…

«Однажды утром встретил в приемной у императрицы графа Милорадовича. Он шепнул мне таинственно:

— Боюсь за успех дела: гвардия очень привержена к Константину.

— О каком успехе говорите вы? — возразил я удивленно. — Я ожидаю естественного перехода престолонаследия к великому князю Николаю, коль скоро Константин будет настаивать на своем отречении. Гвардия тут ни при чем.

— Совершенно верно, — отвечал граф, — ей бы не следовало тут вмешиваться, но она испокон веку привыкла к тому и сроднилась с такими понятиями»[2017].

«Гвардия к тому привыкла», — сказал граф своему боевому товарищу герцогу Вюртембергскому, и это ключ к пониманию его поведения в те дни.

Недавний XVIII век — «эпоха дворцовых переворотов», осуществлявшихся гвардией. Не станем проводить экскурсы в историю, но к подобному порядку вещей приучили гвардейцев сами государи, возносимые на трон на их штыках. Понятия о «божьих помазанниках» и святости монаршей власти давно уже принадлежали истории. Так сказать, «привычка свыше нам дана» — эдакий каламбур получился! Вот и сейчас гвардейские офицеры хотели «избрать» того государя, который более всего их устраивал.

Граф Милорадович был коренным измайловцем, а потому, в общем-то, мыслил так же. И мог ли он не доверять своим молодым товарищам, коими почитали друг друга все гвардейские офицеры? К тому же в их рядах было немало боевых офицеров — в том числе и тех, с кем сводили его дороги Отечественной

войны… Потому и на престол они предлагали цесаревича Константина, переходившего с Суворовым Альпы, глотнувшего горечь Аустерлица, заслужившего в 1813 году орден Святого Георгия 2-й степени.

29-летний Николай Павлович, пороху не нюхавший, был для боевых офицеров чужак, человек иного поколения. Кондратий Рылеев, Никита Муравьев, Сергей Муравьев-Апостол были лишь на год старше нового императора, но они воевали, а потому представляли жизнь совершенно по-иному.

Думается, гвардеец Милорадович почитал бесчестным помешать их благим устремлениям… К сожалению, обращаясь к событиям двухсотлетней давности, историки забывают, что понятие чести было одним из определяющих в обществе. Все ныне сведено к словам «честь имею», которые обычно говорили офицеры. Но кто бы сейчас знал, что это лишь обрывок фразы: «честь имею откланяться!» Мол, «общение с вами, милостивый государь, было для меня почетно» — и не более того! Офицер же не девица перед венцом, чтобы гордиться, что сумел свою честь сохранить, и всем о том докладывать, кинув пальцы к козырьку…

Итак, «гвардия сроднилась с такими понятиями», и генерал-губернатор решил не мешать заговорщикам, действовавшим, по его мнению, совершенно правильно. Тем более что сам он принес присягу императору Константину и не делал ничего, что противоречило бы интересам законного государя. Так что священное понятие чести никоим образом затронуто не было.

«Милорадовичу… доносят все толки, которые слышны в городе…»[2018]

«Город уже несколько дней был полон смутных и передававшихся на ухо слухов, военный генерал-губернатор беспрерывно получал записки, донесения, известия, по управлению секретной части была заметна особая хлопотливость, все люди Фогеля были на ногах, карманная записная книжечка графа была исписана собственными именами. В книжечке этой, найденной по смерти графа на столе, были выписаны его рукой почти все имена находившихся здесь заговорщиков, но он не говорил ничего, не действовал; все ограничивалось секретными разведками и сообщениями, выжидательностью»[2019].

А кто не выжидал? Кто тогда предпринимал решительные действия? Даже великий князь, точно так же обладавший всей информацией, не повелел арестовать никого из заговорщиков в Петербурге. Судя по его дневниковым записям, Николай Павлович пребывал в удивительном спокойствии:

«10 (22). Четверг.

Встал в 8¼; Деллинсгаузен, Ивелич, Перовский, уходят;

Башуцкий, говорили, все в порядке, уходит; читал; Милорадович, говорили, все в порядке, слухи об отречении усиливаются, уходит… иду к жене с нею к матушке; Милорадович, матушке лучше, говорили, Елена[2020]; отправился один к себе… поехал с Перовским в коляске в школу подпрапорщиков, осматривал… ужинали, говорили, жена уходит; писал Михаилу, работал, читал письма батюшки к матушке[2021]; разделся, лег спать; видел днем Sophie Бобринскую[2022]»[2023].

Впрочем, есть и такая версия: «До Милорадовича не доходило ничего, о чем шпионы доносили тайной полиции; напротив, Рылеев был во всем предупреждаем»[2024]. Но в первое утверждение мы не поверим.

«12 или 13 декабря 1825 года была предпринята попытка донести на тайное общество со стороны бывшего члена "Союза благоденствия" Г.А. Перетца»[2025].

«За несколько дней до 14 декабря 1825 года заходил я к Глинке, но не застал его; на другой день нашел я его дома… Перед самым уходом моим он сказал, как бы гадательно: "Что-нибудь да будет, посмотрим".

При сем посещении Глинки цель моя была узнать: не предпринимают ли чего-либо. Ибо, помня о существовании общества, опасался я, чтоб не вздумали воспользоваться тогдашним случаем; последние слова его и собственные опасения побудили меня ехать от него к господину действительному статскому советнику Василию Петровичу Гурьеву, к которому я знал, что покойный граф Михаила Андреевич Милорадович весьма был расположен; а как по характеру покойника я полагал, что для обращения внимания надлежало адресоваться через человека, им любимого, то просил я господина Гурьева доложить ему от моего имени, что на случай восшествия Николая Павловича должно опасаться возмущения. Господин Гурьев сказал мне на то: "Тебя посадят в крепость", на что я отвечал: "С тем и говорю, что готов идти в крепость" и излил перед ним одушевлявшие меня чувства любви к общему благу… Вечером он [Гурьев] точно был у меня, но привез ответ, о котором я имел честь доложить господину члену Комитета, которого повторить здесь благопристойность не позволяет»[2026].

Григорий Абрамович думал, что дождался своего «звездного часа» — а его послали… Мало того, в конце будущего февраля его на полгода засадят в крепость, а затем сошлют в Пермь и далее — в Усть-Сысольск, аж на двенадцать лет. Жизненный путь свой он завершит в Одессе, в скромном чине коллежского асессора[2027].

Другой поступивший донос до сих пор вызывает большие споры.

«Государь рассказал, что… 12 декабря он получил письмо от одного офицера стрелкового Гренадерского полка, который был у меня камер-пажем, некоего Ростовцева[2028], который сообщил ему, что что-то затевается, что он это предполагает на основании толков среди офицеров и умоляет государя распорядиться арестовать его, чтобы защитить его от подозрений его товарищей в намерении раскрыть их планы. Государь показал это письмо Милорадовичу и князю Голицыну; они полагали, что письмо это написано сгоряча и что оно не заслуживает внимания», — записала Мария Федоровна[2029].

Подпоручик Ростовцев служил в гвардейских егерях, никакого «стрелкового Гренадерского полка» в армии не было. В общем, «не мастерица я полки-то различать…». Для русской императрицы — стыдно. В письме говорилось, что зреет заговор, но отнюдь не в столице. «Ростовцев никого, однако же, не указал, не назвал по имени»[2030]. Возможно, он был послан Рылеевым, дабы ускорить события, заставить действовать противоположную сторону и тем подтолкнуть к действиям колеблющихся мятежников.

«По окончании обедни подошел ко мне Оболенский и сказал: "Надо же положить конец этому невыносимому междуцарствию"», — вспоминал Розен, стоявший в один из этих дней во внутреннем карауле в Зимнем дворце[2031].

«Надо было решиться — или оставаться мне в совершенном бездействии, отстраняясь от всякого участия в делах, до коих, в строгом смысле службы, как говорится, мне дела не было, или участвовать в них и почти направлять тех людей, в руках коих, по званию их, власть находилась. В первом случае, соблюдая форму, по совести я бы грешил, попуская делам искажаться, может быть, безвозвратно, и тогда бы я заслужил в полной мере названия эгоиста. Во втором случае — я жертвовал собой с убеждением быть полезным отечеству и тому, которому я присягнул»[2032].

«Решительный курьер воротился; послезавтра поутру я или государь, или без дыхания», — писал Николай Павлович барону Дибичу в 9 вечера 12 декабря[2033].

* * *

«12 декабря вечером был я приглашен на совещание к Рылееву и князю Оболенскому… Постановлено было в день, назначенный для новой присяги, собраться на Сенатской площади, вести туда сколько возможно будет войска под предлогом поддержания прав Константина, вверить начальство

над войском князю Трубецкому, если к тому времени не прибудет из Москвы М.Ф. Орлов. Если главная сила будет на нашей стороне, то объявить престол упраздненным и ввести немедленно временное правление из пяти человек, по выбору Государственного совета и Сената»[2034].

Михаил Орлов, не раз встреченный нами в минувшую войну, в 1823 году был отстранен от дивизии в связи с делом майора Раевского[2035], коего назовут «первым декабристом». Брат его, генерал-адъютант Алексей Орлов, командовал лейб-гвардии Конным полком.

«Город казался тих; так, по крайней мере, уверял граф Милорадович, уверяли и те немногие, которые ко мне хаживали, ибо я не считал приличным показываться и почти не выходил из комнат. Но в то же время бунтовщики были уже в сильном движении, и непонятно, что никто сего не видел»[2036].

«13 декабря казалось, что все было приготовлено тайным обществом к решительному действию: оно считало на гвардейские полки, в которых было много членов, ручавшихся за успех…»[2037]

«Беспрестанно приходили из полков с известиями и уверениями о готовности восстать за свободу; но тут же узнали, что на Финляндский полк и артиллерию надежда сомнительна»[2038].

«Мной выражено было сомнение, что нельзя полагаться на прапорщиков, чтобы они, помимо своих начальников, повели полки; что это несбыточно; если старшие офицеры исполнят свою обязанность, то я посмотрел бы, как младший меня офицер, состоящий под моим начальством, сделал бы это, разве только проведя эскадрон через мой труп; что, после всего слышанного мной здесь, весьма сомневаюсь в успехе предприятия; другое дело, если бы мне здесь сказали, что Милорадович и другое известное войску лицо стоит во главе движения: тогда, может быть, и я бы к нему примкнул. Я советовал им не надеяться на обещания молодых офицеров…»[2039]

«Шумно и бурливо было совещание накануне 14-го в квартире Рылеева. Многочисленное собрание было в каком-то лихорадочно-высоконастроенном состоянии. Тут слышались отчаянные фразы, неудобоисполнимые предложения и распоряжения, слова без дел, за которые многие дорого поплатились, не будучи виноваты ни в чем ни перед кем. Чаще других слышались хвастливые возгласы Якубовича и Щепина-Ростовского[2040]. Первый был храбрый офицер, но хвастун, и сам трубил о своих подвигах на Кавказе»[2041].

«13 декабря члены Совета собрались в секретное заседание,

по особым повесткам, в 8 часов вечера и были приглашены князем Лопухиным к ожиданию в это заседание личного присутствия великих князей — Николая Павловича вместе с Михаилом Павловичем, которого возвращения в столицу ожидали…

В 12-м часу ночи первый приказал объявить Совету, что, как Михаил Павлович еще нескоро, может быть, приедет, а дело, которое его высочество имеет объявить, не терпит отлагательства, то он решился прибыть немедленно в собрание Совета, что и было вслед за тем исполнено.

Отсюда я начну уже говорить подлинными словами журнала…

"Его высочество, по прибытии в Совет, заняв место председателя и призвав благословение Божие, начал сам читать манифест о принятии им императорского сана, вследствие настоятельных отречений от сего высокого титула великого князя Константина Павловича. Совет, по выслушании этого манифеста в глубоком благоговении и по изъявлении в молчании нелицемерной верноподданнической преданности новому своему государю императору, обратил опять свое внимание на чтение его величеством всех подлинных приложений"»[2042].

Всё! «Его высочество» превратилось в «Его величество».

«Воля Божия и приговор братний надо мной свершаются. 14-го числа я буду Государь — или мертв!» — писал Николай Павлович князю Волконскому[2043].

«В столице носилось какое-то мрачное предчувствие. Самая таинственность явной хлопотливости с обеих сторон пугала всех и каждого. Встречающиеся на тротуарах и бульварах вместо приветствия говорили: "ну, что будет завтра?"»[2044].

«Когда я явился к Милорадовичу, он объявил мне, что "знает все на свете" и что в свое время мне будут даны приказания, отпустил меня домой, сказав, однако, чтоб завтра я явился ранее (мы всегда являлись к нему в 9 часов), чтоб распорядиться об увеличении числа его разъездных (полицейских, жандармов), чтоб ординарцы, дежурный офицер, фельдъегерь и усиленное дежурство по канцелярии были во всю ночь налицо и в порядке»[2045].

* * *

«Наконец наступило 14 декабря, роковой день! Я встал рано и, одевшись, принял генерала Воинова; потом вышел в залу… где собраны были все генералы и полковые командиры гвардии. Объяснив им словесно, каким образом, по непременной воле Константина Павловича, которому незадолго вместе с ними я присягал, нахожусь ныне вынужденным покориться его воле и принять престол, к которому, за его отречением, нахожусь ближайшим в роде; засим прочитал им духовную покойного императора Александра и акт отречения Константина Павловича. Засим, получив от каждого уверение в преданности и готовности жертвовать собой, приказал ехать по своим командам и привесть к присяге»[2046].

«Великий князь в ту же ночь сзывает во дворец начальников гвардейских полков… и льстивыми убеждениями, обещаниями наград и т. п. преклоняет их на свою сторону: гвардейские генералы спешат в свои полки и еще до рассвета успевают привести их к присяге императору Николаю I, зная, что этим они свяжут совесть своих солдат. Этой счастливой проделкой Николай Павлович удачно избегает опасности, ему угрожавшей»[2047].

14 декабря к 4 утра Конная гвардия была выстроена в манеже. Генерал Орлов «…приказал священнику читать манифест о восшествии на престол государя императора Николая Павловича и об отречении от престола великого князя Константина Павловича. Священник был так взволнован, что не мог читать громко. Тогда граф сам взял манифест и прочел нам его своим громким голосом. Старшие офицеры держали одной рукой штандарты, а другая была поднята для присяги; весь полк повторял слово в слово слова присяги… Этот полк, шефом которого считался великий князь Константин Павлович, показал пример дисциплины и послушания, благодаря прекрасному духу полка и тому, что эскадронные командиры были все старые офицеры. Мы потом узнали, что нас так рано привели к присяге, чтобы мы послужили примером, так как полк великого князя Константина Павловича беспрекословно подчинился присяге»[2048].

«Утром 14-го, когда все полки выведены были для прочтения нового манифеста и принесения новой присяги, солдаты почти всех полков изъявили недоверчивость»[2049].

«Настал день 14 декабря. Рано утром я был у Кондратия

Федоровича; он давно уже бодрствовал. Условившись о действиях дальнейших, я отправился к себе домой по обязанностям службы»[2050].

«14 декабря я был у графа прежде половины девятого. Нередко случалось, что я будил его и заставлял подниматься с истинно солдатской постели, но на этот раз он был совершенно одет, как всегда, ловко, чисто, молодцом. Я застал его довольно веселым, в полной парадной форме, как мы все, и в Андреевской ленте. Высокая грудь его была буквально покрыта двумя дюжинами всех наших и главнейших европейских звезд и крестов, взятых этой смелой и после 55 битв девственной от ран грудью от боя. Спешно окончив некоторые текущие дела, граф положил в карман мундира бумажник, в котором на этот раз было не более 400 рублей ассигнациями. Присяга была назначена на 11 часов, времени оставалось еще много, но граф потребовал карету.

— Мы свидимся во дворце, — сказал он мне, — распорядитесь, чтобы в одно мгновение мне было дано знать обо всем, что бы ни случилось. Я сейчас отправлюсь к Катеньке Телешовой, я дал слово, вы знаете, нужно всегда держать слово! Ее праздник, она просила на кулебяку»[2051].

«В день происшествия был я в 9 часов у графа Милорадовича, от коего услышал, что вся гвардия присягнула и все спокойно»[2052].

«Вскоре засим прибыл ко мне граф Милорадович с новыми уверениями совершенного спокойствия. Засим был я у матушки, где его снова видел, и воротился к себе», — вспоминал новый император[2053].

«Мы пробыли у матушки некоторое время. Она была растрогана и с волнением ожидала известия о том, как прошла у солдат присяга; тут пришел Милорадович и радостно сообщил, что Орлов только что принес ему весть о том, как он сам читал и разъяснял манифест, причем кирасиры ответили ему: *Обыи молодцыи!* и громко кричали "ура!". Это очень порадовало императрицу»[2055].

«Едва открыл дверь, навстречу мне граф Милорадович, щегольски одетый и всегда веселый: "Я сейчас был с рапортом у нового императора о благополучном состоянии столицы; все места присягнули уже, да и весь город, можно сказать, потому что с утра пробиться нельзя в церквах". На вопрос же мой о войске отвечал, что и оно присягнуло, только в конной артиллерии под Смольным что-то случилось, но это вздор, и там теперь великий князь Михаил Павлович. Вместе с тем предлагал ехать в Театральную школу на пирог к директору театров господину Майкову, который в тот день был именинник; но я, бывши в

мундире, не принял его приглашения, сколько он ни настаивал», — писал Василий Романович Марченко[2056].[2057]

«Наступило утро рокового дня; казалось, что все шло своей обычной чередой; на улицах ничего особенного не было заметно. В этот день был именинник наш директор Аполлон Александрович Майков, который хотел справлять свои именины у дочерей своих Азаревичевых, живших с матерью в казенной квартире в доме Голлидея на втором этаже. Над ними была квартира Катерины Телешовой, с которой граф Милорадович был в коротких отношениях. Часов в десять с половиной графская карета с четверкой подъехала к крыльцу со двора, и Милорадович в полной парадной форме, в голубой ленте вышел из нее и пошел, по обыкновению, прежде наверх к Телешовой, потом обещал зайти на пирог к Майкову. Видя генерал-губернатора в этот день спокойным, мы тоже начинали успокаиваться и были почти что уверены, что нелепые вчерашние слухи не имели никакого основания, иначе как бы мог в такой важный день и час генерал-губернатор столицы быть в гостях у частного лица?»[2058] Многие склонны объяснять поведение графа Милорадовича его исключительным легкомыслием. Думается, что это не так — просто он ушел со сцены, предоставив полную свободу действия гвардейским заговорщикам.

* * *

«Часов в десять на Гороховом проспекте вдруг раздался барабанный бой и часто повторяемое "ура!". Колонна Московского полка, со знаменем, предводимая штабс-капитаном князем Щепиным-Ростовским и двумя Бестужевыми, вышла на Адмиралтейскую площадь и повернула к Сенату, где выстроилась в каре»[2059].

«Прибыв на площадь вместе с приходом Московского полка, я нашел Кондратия Федоровича там. Он надел солдатскую суму и перевязь и готовился стать в ряды солдатские. Но вскоре нужно было ему отправиться в Лейб-гренадерский полк для ускорения его прихода. Он отправился по назначению, исполнил поручение, но с тех пор я уже его не видал»[2060].

«Несколько часов спустя, когда я собирался одеваться в полную форму, чтобы идти на молебен во дворец и быть на выходе, к нам в казармы прибежал казначей Цинский, передавая приказание седлать весь полк и выступать, так как Московский полк возмутился и находится на Адмиралтейской площади в полном брожении», — записал полковник Конной гвардии барон

Велио[2061].

«Не прошло и четверти часа по приезде графа, как во двор наш прискакал жандарм, соскочил с лошади и побежал наверх в квартиру Телешовой. Через несколько минут карета графа подъехала к крыльцу, и он, быстро сбежав с лестницы, торопливо сел в карету, дверцы которой едва успел захлопнуть его лакей и которая тотчас же помчалась за ворота. Мы побежали смотреть в окна, выходившие на Офицерскую улицу, и тут увидели батальон Гвардейского экипажа, который шел в беспорядке, скорым шагом, с барабанным боем и распущенным знаменем»[2062].

«Проезжая по Большой Морской, я увидел отряд войск со знаменем, выходивший с Гороховой улицы на Морскую и направлявшийся к Исаакиевской площади. Впереди шел офицер в адъютантском мундире, держа в правой руке саблю, а левой махая над головой какой-то бумагой. Весь отряд был окружен густой толпой народа. Мне и в голову не приходило, что бы это мог быть бунт»[2063].

«Вскоре к нему [каре] быстро примкнул Гвардейский экипаж, увлеченный Арбузовым[2064], и потом батальон лейб-гренадеров, приведенный адъютантом Пановым[2065] и поручиком Сутгофом[2066]. Сбежалось много простого народа, и тотчас разобрали поленницу дров, которая стояла у заплота, окружающего постройки Исаакиевского собора. Адмиралтейский бульвар наполнился зрителями»[2067].

С момента отъезда графа известия о нем становятся отрывочны и противоречивы. Не удивительно — такой день невозможно четко разложить по полочкам человеческой памяти, к реальным событиям неизбежно примешиваются догадки, предположения и фантазии. К тому же на площади и вокруг оной в немалом количестве сталкивались и пересекались самые разные интересы, а потому многие вспоминали потом только то, что им было выгодно, и рассказывали так, как было им нужно. Посему, если дальнейшее повествование представится достаточно сумбурным — в том вина отнюдь не наша.

«Он скачет на Сенатскую площадь и начинает увещевать бунтовщиков, но сии его отталкивают, и даже один взял его за воротник. После сего граф спешит к императору…»[2068]

Солдат ухватил за воротник самого Милорадовича — и граф это допустил, и вокруг никого, кто бы удержал негодяя?! Быть не может! Хотя Михайловский-Данилевский написал это со слов измайловца Александра Башуцкого[2069], адъютанта Милорадовича, но сам поручик этого не видел, о чем можно понять из его рассказа, приведенного чуть позже. Генерал же в 1825 году командовал пехотной бригадой в Полтавской

губернии…

«Съезд ко дворцу уже начинался, и вся площадь усеяна была народом и перекрещивавшимися экипажами. Многие из любопытства заглядывали на двор и, увидя меня, кланялись мне в ноги. Поставив караул поперек ворот, обратился я к народу, который, меня увидев, начал сбегаться ко мне и кричать ура. Махнув рукой, я просил, чтобы мне дали говорить. В то же время пришел ко мне граф Милорадович и, сказав:

— *Cela va mal; ils marchent au Sénat, maisje vais leur parler,* — ушел, и я более его не видал, как отдавая ему последний долг»[2071].

А вот рассказ непосредственно поручика Башуцкого: «Граф Милорадович пришел через площадь от бульвара, следовательно, он подходил к Государю сзади в то время, когда Его Величество шел вдоль фронта батальона. Мы шли в некотором расстоянии за Государем, а потому я тотчас увидел графа. Все в его появлении было необычайно, все было диаметрально противно его привычкам и понятиям, он шел почти бегом, далеко отлетала его шпага, ударяясь о его левую ногу, мундир его был расстегнут и частью вытащен из-под шарфа, воротник был несколько оторван, лента измята, галстук скомкан и с висящим на груди концом — это не могло не удивить нас. Но каковым же было наше изумление, когда с лихорадочным движением, с волнением до того сильным, что оно нарушало в нем всякое понятие о возможном и приличном, граф, подойдя к Государю сзади, вдруг резко взял его за локоть и почти оборотил его к себе лицом. Взглянув быстро на это непонятное явление, Государь с выражением удивления, но спокойно и тихо отступил назад. В ту же минуту Милорадович горячо и с выражением глубокой грусти произнес, указывая на себя:

— Государь, если они привели меня в такое состояние, ничего не остается, как только применить силу!

Не спрашивая ни о чем, Государь на эту выходку ответил сперва строгим замечанием: "Не забудьте, граф, что вы ответствуете за спокойствие столицы", — и тотчас же приказанием:

— Возьмите Конную гвардию и с нею ожидайте на Исаакиевской площади около манежа моих повелений, я буду на этой стороне с преображенцами близ угла бульвара.

При первом слове Государя Милорадович вдруг, так сказать, очнулся, пришел в себя; взглянув быстро на беспорядок в своей одежде, он вытянулся, как солдат, приложил руку к шляпе, потом, выслушав повеление, молча повернулся и торопливо пошел назад по той же дороге»[2072].

Адъютанту возражает император: «У господина Башуцкого, кажется, очень живое воображение. Это все — совершенная выдумка. Я уже сказал, что Милорадович ко мне пришел, еще покуда я стоял у ворот, и сказал мне: "Sire, cela va mal, mais je m'en vais leur parler"[2073] — и исчез; я более его не видал»[2074].

Что именно — выдумки? Растерзанный вид генерала или вольное его обращение к новому императору? Или и то и другое? А может, только то, что даже в почтительном описании Михайловского-Данилевского Николай Павлович выглядит побледневшим? Куда как лучше изобразил царя Модинька[2075] Корф: «У Государя не вырвалось ни одного слова в укор ему за все предшедшие уверения в мнимом спокойствии столицы. "Вы, граф, долго командовали гвардией, — отвечал он, — солдаты вас знают, любят и уважают: уговорите же их, вразумите, что их нарочно вводят в обман; вам они скорее поверят, чем другим". Милорадович пошел. Провидение уже решило его судьбу, и новому императору предопределено было снова увидеть его только при отдании ему последнего долга»[2076].

Но и этим Николай I остался недоволен, начертав: «Все выдумки»[2077].

В общем, ясно одно, что Михаил Андреевич отправился на Сенатскую площадь. Очевидно, он уже понял, что «гвардейский бунт» не задался, решительных действий не последовало, и время, которое он предоставил мятежникам, удалившись со сцены, исчерпано… Значит, военному генерал-губернатору столицы нужно появиться вновь, прекратить неудавшийся переворот и возвратить в казармы возмутившиеся полки. Теперь Милорадович, «друг солдат», думал о нижних чинах, к бунту реально не причастных.

«Мы почти бежали сквозь довольно редкие толпы народа. Несколько далее центра мы наткнулись на парные сани, в которые человек в военной шляпе и в медвежьей шубе заносил ногу, чтобы садиться. Граф схватил его рукой и, отстраняя, сказал: "Позвольте, мне ваши сани нужны". Человек этот взглянул на нас, то был обер-полицмейстер Шульгин. Граф вскочил в сани, я на запятки, и мы помчались к Исаакиевской площади. Но на углу бульвара у Исаакиевской площади должно было остановиться. Быстрая рекогносцировка доказала нам, что не было никакой возможности ни пройти, ни проехать здесь на площадь эту… Вся она была сплошная масса народа, обращенного лицом к монументу. Только там оставалось несколько свободного пространства вокруг шайки бунтующих солдат… Вся эта масса орала, ревела, смутно, по временам мы слышали имя Константина, сопровождаемое громкими "ура". Мы

опять кинулись в сани и объездом по Вознесенской, по Мойке, через Поцелуев мост прибыли в Конногвардейскую улицу»[2078].

Напомним, что в 1812 году Шульгин был военным полицмейстером. Вообще, вокруг Михаила Андреевича были люди, столь хорошо ему знакомые…

«Милорадович объехал кругом, через Синий мост, по Мойке, на Поцелуев мост, и оттуда в Конную гвардию, где встретился с генерал-адъютантом Орловым.

"Пойдемте вместе убеждать мятежников", — сказал он последнему. "Я только что оттуда, — отвечал Орлов, — и советую вам, граф, туда не ходить. Этим людям необходимо совершить преступление, не доставляйте им к тому случая. Что же касается меня, то я не могу и не должен за вами следовать: мое место при полку, которым командую, и который я должен привести по приказанию к императору".

"Что это за генерал-губернатор, который не сумеет пролить свою кровь, когда кровь должна быть пролита!" — вскричал Милорадович, сел на лошадь, взятую им у адъютанта Орлова, и поехал на площадь»[2079].

Все это весьма недостоверно, а лейб-гвардии Конный полк в день 14 декабря — вообще тема особая и весьма спорная.

Башуцкий вспоминал: «Граф приказал мне немедленно торопиться, чтобы седлали и выводили полк, а сам, сложив на груди руки, пошел вдоль по улице.

Когда я вышел на улицу, граф все ходил так же быстро, по временам он нетерпеливо поглядывал на свои часы. Подняв голову, он спросил:

— Что же полк?

— Тотчас, — отвечал я.

Он продолжал опять несколько минут свою судорожную и задумчивую ходьбу. Между тем не было выведено ни одной лошади. Вскоре заслышался топот по звонкой ледяной коре улицы, и со стороны Сарептского переулка на больших рысях явился эскадрон или взвод, не знаю, того же полка, стоявший где-то в других казармах, чуть не в Семеновских, он занял место на левом фланге. В то же время выехали А.Ф. Орлов, его адъютант Бахметев и несколько офицеров. Там-сям усатый кирасир, выведя свою лошадь, ставил ее в принадлежащий ряд и, застегнув за луку трензель, уходил.

"Куда ты?" — "Забыл рукавицы, ваше благородие", — отвечал он или что-нибудь подобное. Время бежало. Не было и 30—40 лошадей, выведенных теперь таким образом. Взглянув на свои часы, на линию, где должно было быть полку, и на А.Ф. Орлова, граф горячо сказал ему:

— Что ж ваш полк? Я ждал 23 минуты и не жду более! Дайте мне лошадь!

Подъехав к графу, Бахметев предложил ему свою. Граф тотчас сел на нее.

— Вы не имеете лошади? — спросил он меня. — Все равно, идите пешком возле.

С этими словами мы направились к площади. У выезда из Конногвардейской улицы, близ манежа, А.Ф. Орлов, нагнав графа, просил его обождать одну минуту, уверяя, что полк тотчас готов, и напоминая, что ему предоставлена была честь сопровождать графа.

— Нет, нет, — отвечал он ему запальчиво, — нет, *je ne veux pas de voire … /… regiment.* (Не хочу вашего г… полка!) Да я и не хочу, чтоб этот день был запятнан кровью… *le finirais seul cette affaire. C'est vrai!* (Я один покончу с этим делом! Это так!)»[2080].

Описание это вызвало гневную отповедь светлейшего князя Италийского, графа Александра Аркадьевича Суворова-Рымникского: «Ни полк, ни командир полка, ни офицеры ни в чем не виноваты, нигде не опоздали!.. Едва ли прошло более пяти минут после вызова, как лошади были оседланы, хотя офицеры и находились во дворце!.. В словах Башуцкого заключается злая клевета! Кавалергардский полк прискакал, да, очень быстро, но не мог явиться вместе с нами — да с нами и не был. Что кавалергарды, свято исполняя долг свой, торопились на призыв царя — это видно, ибо они прискакали без кирас; мы же были, как следует кирасирам, в кирасах»[2081].

Заметим, что при Аустерлице оба эти полка дрались без кирас, в ту пору отмененных. Конечно, внук полководца про то знал, но он, причастный к делам Северного общества, оправдывался всю жизнь. Ведь тогда, увидев арестованного Суворова, Николай I воскликнул: «Не верю! Уйди прочь!» — и эстандарт-юнкер был освобожден и отправлен на Кавказ. Не в ссылку, но в командировку, с производством в офицеры, ибо иначе в народе бы заговорили: «И Суворов против царя!» Через два года гвардии поручик был флигель-адъютантом и владимирским кавалером, до конца своих дней он служил верно и преданно, хотя и не всегда толково. Князь оказался последним военным генерал-губернатором Петербурга, сам «посодействовав» тому, что должность была упразднена. Впрочем, это уже во всех смыслах совершенно другая история… А на Сенатской площади оборвалась «цепочка» Суворовы — Милорадовичи, тянувшаяся с 1762 года.

«Посмотрев в окно на улицу (Почтамтскую), вижу скачущего, по направлению к Исаакиевской площади, верхом на коне графа

Милорадовича, в полном блестящем параде, обвешанного всеми его бесчисленными орденами; и могло ли тут прийти в голову, что вижу его в последний раз?»[2082]

«Мы двинулись вперед и тотчас врезались в толпу, которую видели уже с противоположной стороны площади. Раздвигая людей лошадью и криком, чтоб посторонились, граф медленно подвигался по тесной, с трудом очищавшейся дорожке. Так добрались мы до толпы бунтовщиков, перед которой в 10—12 шагах граф остановился. Я стал с правой стороны его лошади, народ отшатывался, отступая за его лошадь, и, столпясь тесно кругом, оставил место спереди свободным»[2083].

«Около половины 2-го пополудни выехал из-за Конногвардейского манежа на Сенатскую площадь верхом на гнедой лошади граф Михаил Андреевич Милорадович… один, в мундире, при шарфе, в белых панталонах, в ботфортах, с андреевской через плечо лентой… Солдаты, оглашая до того воздух бессмысленными криками, издали завидев Милорадовича, умолкли; мало того, держа ружья у ноги, они без всякой команды, по одному уважению к заслуженному воину, сделали на караул! Тишина между ними воцарилась, как бы на смотру; нижние чины, глядя в глаза Милорадовичу, ожидали его слова с полной, по-видимому, к нему доверенностью. Короче, если бы в это время кто-то из посторонних, не зная ничего о предыдущем, нечаянно явился на площади, то никак не поверил бы, что все эти люди восстали против правительства. Граф, воспользовавшись таким нравственным над ними влиянием, помолчал с минуту, потом, положив правую руку на эфес своей шпаги, тоном военачальника, голосом твердым, с некоторой расстановкой громко произнес к солдатам: "Ручаюсь этой шпагой, которую получил за спасение Бухареста, цесаревич жив, здоров — он в Варшаве — я сам получил от него письмо. Он добровольно отрекся от престола". Солдаты, ни малейшим знаком не возражая Милорадовичу, сохраняя прежнюю тишину и очевидно оробев, начали озираться вовнутрь каре, как бы ожидая от своих руководителей подтверждения сказанных к ним слов»[2084].

«С общего совета Оболенский со стрелками выступил вперед на небольшое расстояние от колонны Московского полка; в это время он увидел Милорадовича, верхом подъезжавшего с другой стороны к колонне. Оболенский тотчас стянул своих стрелков, схватил солдатское ружье и кричал Милорадовичу, умоляя его не подъезжать к солдатам, но Милорадович был в нескольких шагах от них и начал уже приготовленную на всякий случай речь!»[2085]

«Граф, как известно, говорил с солдатами превосходно. Я не могу передать ни интонации и выразительности его голоса, ни

оживления глаз, ни движений духа, ни жеста и повременных остановок, а в этом именно главная сила и деятельность. Но вот его слова:

"Солдаты! Солдаты!.. Кто из вас был со мной под Кульмом, Лютценом, Бауценом, Фер-Шампенуазом, Бриеном (было насчитано 40—50 имен)?.. Кто из вас был со мной, говорите?!.. Кто из вас хоть слышал об этих сражениях и обо мне? Говорите, скажите! Никто? Никто не был, никто не слышал?!"

Он торжественно снял шляпу, медленно осенил себя крестным знамением, приподнялся гордо на стременах и, озирая толпу на все стороны, с прекрасным движением руки вверх произнес величественно и громогласно:

— Слава Богу! Здесь нет ни одного русского солдата! Долгое молчание»[2086].

«Он подскакал к группе бунтовщиков, стоявших у Сената. Он стал убеждать солдат возвратиться к долгу и чести, и те, привыкнув к нему издавна, повиновались команде: "Налево кругом! Марш во дворец! С повинной!"»[2087]

«Один из членов тайного общества, князь Оболенский, видя, что такая речь может подействовать, выйдя из каре, убеждал графа отъехать прочь, иначе угрожал опасностью»[2088].

«— Офицеры! из вас уже, верно, был кто-нибудь со мной! Офицеры! Вы все это знаете?.. Никто?

Он повторил то же, еще торжественнее:

— Бог мой! Благодарю тебя!.. Здесь нет ни одного русского офицера!.. Если б тут был хоть один офицер, хоть один солдат, то вы знали бы, кто Милорадович!

Он вынул шпагу и, держа ее за конец клинка эфесом к шайке, продолжал с возрастающим одушевлением:

— Вы знали бы все, что эту шпагу подарил мне цесаревич великий князь Константин Павлович, вы знали бы все, что на этой шпаге написано!.. Читайте за мной (он будто указывал буквы глазами и медленно громко произносил): "Дру-гу мо-е-му Мило-ра-до-ви-чу"… Другу! А?., слышите ли? другу!.. Вы знали бы все, что Милорадович не может быть изменником своему другу и брату своего царя! Не может! Вы знали бы это, как знает о том весь свет!

Молчание святое, мертвое. Он медленно вложил в ножны шпагу.

— Да! Знает весь свет, но вы о том не знаете… Почему?.. Потому что нет тут ни одного офицера, ни одного солдата! Нет, тут мальчишки, буяны, разбойники, мерзавцы, осрамившие русский мундир, военную честь, название солдата!.. Вы — пятно России! вы — преступники перед царем, перед отечеством, перед

светом, перед Богом! Что вы затеяли? Что вы сделали?

Возраставшего оживления его слов, возвышения его голоса, огня движений, жестов передать невозможно. Они лились, как электрический ток. Подняв высоко руки, он уже не говорил, а гремел, владычествовал, повелевал толпой. Люди стояли вытянувшись, держа ружья под приклад, глядя ему робко в глаза. Он продолжал, усиливая свое на них действие:

— О жизни и говорить нечего, но там… там, слышите ли? у Бога!.. Чтоб найти после смерти помилование, вы должны сейчас идти, бежать к царю, упасть к его ногам!! Слышите ли? Все за мною!., за мной!

Он взмахнул руками.

Это движение было невыразимо, бесподобно! Толпа солдат шатнулась, она непременно побежала бы за ним, можно было поклясться в том. Звонкий, одновременный темп отданной ему воинской почести и громовое: "Ура, Милорадович!" — огласило воздух»[2089].

Нет сомнения, граф Милорадович прекрасно понимал, что он смертельно рискует, — он либо уведет солдат с площади, либо умрет, что гораздо вернее. Восстание проиграно, это ясно, но сознают ли это офицеры, возмутившие полки? Они ведь понимают, что Николай Павлович никого не помилует, а потому будут стоять до конца. Генерал-губернатор, поначалу позволивший вывести на площадь войска, теперь лишал их последней надежды на успех…

Самоотверженно пытаясь расстроить мятежные каре, Михаил Андреевич поступал так, как следовало человеку чести, русскому генералу. За это одно ему можно простить страсть к мотовству, позабытые долги, пресловутое фанфаронство… Он спасал солдат, прекрасно понимая, что платой за это может стать его жизнь. И конечно же в тот момент он не думал, что безвозвратно закатилась его звезда, что места при новом дворе ему однозначно не будет, и, в лучшем случае, опальную старость он завершит в заветных Вороньках.

Нет сомнения, что и Николай I прекрасно понимал, какая участь уготована строптивому генерал-губернатору…

«Солдаты колеблются, но некто из каре закричал: "что это вздор, что не надобно верить ему!" и в это мгновение раздался пистолетный выстрел. Граф, пронзенный пулей, падает с лошади на руки Башуцкому, и в произошедшую оттого суматоху Милорадовичу нанесли удар штыком»[2090].

«Оболенский настаивал, чтобы он ехал прочь и оставил в покое солдат, которые "делают свою обязанность", потом взял у одного из рядовых ружье, чтобы штыком заставить лошадь

генерала повернуть прочь. Милорадович пришпорил и повернул лошадь; удар штыка пришелся по седлу и ранил Милорадовича в ногу. И в то же время раздался пистолетный выстрел Каховского, поразивший Милорадовича смертельной раной»[2091].

«Граф М.А. Милорадович, любимый вождь всех воинов, спокойно въехал в каре и старался уговорить солдат; ручался им честью, что государь простит им ослушание, если они тотчас вернутся в свои казармы. Все просили графа скорее удалиться; князь Е.П. Оболенский взял под узду его коня, чтобы увести и спасти всадника, который противился; наконец, Оболенский штыком солдатского ружья колол коня его в бок, чтобы вывести героя из каре. В эту минуту пули Каховского и еще двух солдат смертельно ранили смелого воина, который в бесчисленных сражениях и стычках участвовал со славой и оставался невредимым; ему суждено было пасть от русской пули»[2092].

Барон Розен лукавит… Не говоря про штыковую рану, нанесенную князем Оболенским, он рассказывает про пули каких-то двух солдат.

«Вдруг руки его упали, будто свинцовые, туловище перегнулось, шляпа свалилась с головы, а испуганная лошадь вырвалась из-под ног, которые тяжело брякнули о землю. Я едва успел только подставить грудь и на нее, укрепясь ногами, сколько имел сил, принял его плечи и голову, которые раздробились бы неминуемо в этом падении. Толпа отхлынула волною. Я остался с ним один… Легонькое облачко сизого дыма волновалось, расходясь в воздухе на том самом месте, где он стоял на лошади. Выстрела не было слышно за оживлением ли его речей и всей этой драмы, в которой душа не могла не быть неизъятно привязана, за криком ли последнего, решившего дела "ура" — не знаю.

Крепко охватив раненого, прислонив его к склоненному колену, я глядел ему в лицо, повторяя: "Граф, граф!" Черты его выражали страшное страдание. Он открыл глаза, пристально всмотрелся в меня и, схватив сильно за руку, сказал прерывисто и глухо: *"Je meurs! C'est fini… mais… c'est bien… j'ai fait mon devoid* ("Я умираю!., это конец… но… это хорошо… я исполнил мой долг".) Таковы были его первые слова и чувства…»[2093]

«Тут Каховский выстрелил в него из пистолета, пуля попала ему в живот. Он захватил рану рукой, причем лошадь его быстро повернулась и бросилась на Оболенского. Оболенский ткнул Милорадовича штыком, лошадь и раненый на ней всадник исчезли в толпе»[2094].

«Каховский… как будто поставил своим долгом устранять всякие препятствия, какие только могли помешать успеху дела.

Когда он увидел, что убеждения графа Милорадовича могли поколебать твердое настроение солдат, он пустил в него пулю…»[2095]

«Допрашивали… штабс-капитана Александра Бестужева: не видал сам, но слышал от других, что Каховский убил графа Милорадовича, и даже слышал голос, сказавший: "Ах, как славно я попал!" Утвердительно же сказать не может, кто сии слова произнес, хотя ему кажется, что это был Каховский»[2096].

«Видел, как смертельно раненный Милорадович, шатаясь в седле, поскакал прочь от непокорных солдат…»[2097]

«Стоявший не возле него (как где-то вскоре было пропечатано), а внутри каре, шага на три от задней шеренги, одетый в партикулярный сюртук, в фуражке, отставной поручик Петр Каховский, имея левую руку в кармане сюртука, правой выстрелил из пистолета, попал пулей графу Милорадовичу в левый бок и, сим еще не ограничившись, бросил вслед за выстрелом в него же и самый пистолет, который сшиб с затылка головы шляпу его.

Истинно горестно было видеть, как вдвойне пораженный, без шляпы, с развевающимися от ветра волосами герой, честь наших армий, граф Милорадович, отскакав в галоп несколько шагов от каре, отвалившись назад, выпустив поводья и шатаясь в седле, склонился на правую сторону… Солдаты, заметив, как снимали с лошади раненого Милорадовича, потерялись, в рядах их исчезла дисциплина; несчастные, ошеломев от этой невыкупимой беды, спустив ружья, перебегали из фаса в фас, ища укрыться»[2098].

«Я не знал, что делать, звал, манил рукой людей из толпы, требовал… Ни один человек не подходил… С силой отчаяния я схватил тогда графа под плечи и, пятясь, повлек его буквально ногами по земле к стороне манежа, где место было свободнее. Тут, наткнувшись на группу людей, я положил его на минуту прямо на снег и, воспламененный, уже остервенелый, криком, ругательством, кулаками, пинками, побоями принудил четырех человек помочь мне поднять его»[2099].

Да, есть такая русская пословица: «мертвый медведь в лесу не хозяин»…

«Я довершу описанием подлостей современников наших, сказавши, что когда по принесении его в казармы начали его раздевать, то у него украли часы и кольцо, подаренное ему за несколько дней вдовствующей императрицей»[2100].

«Двадцать или двадцать пять минут спустя полк уже выстраивался против казарм. Пока мы выравнивались, мимо нас на санках провезли тяжело раненного генерал-губернатора графа Милорадовича, которого один из бунтовщиков, Каховский, ранил

выстрелом из пистолета. Голубая лента графа была вся в крови. Его внесли в наши казармы»[2101].

«В момент нашего выступления из казарм мы увидали графа Милорадовича в полной форме и всего в крови! Его вели двое каких-то людей и отвели в наши казармы, в квартиру Игнатьева… Я обратил внимание моих солдат на этого несчастного графа Милорадовича и сказал им:

— Вот что значит, когда солдат не доверяет своему начальнику, а вы, ребята, мне верите и пойдете за мной?

— Куда угодно ведите, мы вас не оставим, — ответили они мне единогласно»[2102].

Кстати, в подтверждение ранее сказанного: люди, непосредственно все видевшие, пишут и про двух, и про четырех человек, несших раненого графа, и даже про сани… Как узнать, что было на самом деле?

«Все это произошло так быстро, что Орлов только еще выстраивал там выезжавших людей. "Напрасно не послушался тебя", прошептал Милорадович, когда его несли мимо.

Полк тронулся к месту назначения»[2103].

«Зарядив ружья, пошли мы [1-й батальон лейб-гвардии Преображенского полка] вперед. Тогда со мной были генерал-адъютанты Кутузов, Стрекалов[2104], флигель-адъютанты Дурново[2105] и адъютанты мои — Перовский и Адлерберг[2106]. — Адъютанта моего Кавелина послал я к себе в Аничкин дом, перевести детей в Зимний дворец. Перовского послал я в конную гвардию с приказанием выезжать ко мне на площадь. В сие самое время услышали мы выстрелы, и вслед засим прибежал ко мне флигель-адъютант князь Голицын[2107] Генерального штаба с известием, что граф Милорадович смертельно ранен»[2108].

«Храбрый и достойнейший генерал Милорадович был убит мятежниками как раз в тот момент, когда обратился к ним с отеческой речью»[2109].

Происходящее на Сенатской площади нас более не касается…

* * *

Однако мы не можем не привести и совершенно иной взгляд на действия и личность графа Милорадовича: «Известно, что в смерти Милорадовича обвинили Каховского, и рассказывали, что выстрел был направлен именно против него потому, что боялись его влияния на солдат. Но, во-первых, Милорадович, действительно когда-то любимый теми солдатами, с которыми был в походах, нисколько не был известен гвардии с выгодной

стороны, особенно после Семеновской истории. Необдуманные действия его в этом случае, имевшие следствием потерю самого любимого и уважаемого полка в гвардии и дурной оборот в мыслях государя по внешней политике, произвели самое прискорбное впечатление и оставили явное нерасположение к Милорадовичу в гвардии.

С другой стороны, действия его, как Главнокомандующего в Петербурге, были не такого рода, чтобы заслужить ему уважение. Известность его состояла в том, что он был человек до крайности расточительный на пустяки, так что казна должна была непрестанно платить за него долги; распутный, дамский угодник, выдававший дамам курьерские подорожные, небрежный в делах, занимавшийся более удовольствиями. По всему этому он не пользовался никаким уважением в гвардии и не имел особенного влияния на солдат, а потому и не могло существовать никакой необходимости в его смерти, чтобы не допустить ему поколебать солдат.

Тем из своих товарищей, с которыми Каховский мог иметь сношение, находясь уже в крепости, он постоянно рассказывал о выстрелах в Милорадовича так: когда Милорадович, которого все считали за пустого фанфарона, оттого ли, чтоб загладить свою вину, что ему, Главнокомандующему, не было, однако, известно все, что происходило у него под носом, и, даже несмотря на доносы, которые потом найдены были нераспечатанными у него в столе, или просто по фанфаронству горячился и декларировал перед солдатами, не столько, может быть, в надежде произвести на них влияние, чего он никак не мог ожидать, сколько чтоб дать заметить свое действие государю, то солдаты смеялись и сказали начальникам: "Позвольте нам ссадить его", а народ, браня его позорными именами, намекающими на известные его действия, хотел сделать и с ним то же, что сделал с Бибиковым[2110], которого офицеры со стороны восстания едва могли вырвать из его рук. Не желая ни допустить солдат к самовольной расправе и бесполезной только растрате зарядов, ни, так сказать, разлакомить народ, который, если дать ему расходиться, то, уничтожив одну жертву, может потребовать и других, Каховский и другие, стоявшие тут с ним, кричали Милорадовичу, чтоб он ехал прочь; но так как он не слушался, а солдаты начали выказывать нетерпение, а народ начал надвигаться на него, то Каховский с другими товарищами своими решились взять дело на себя, лишь бы не допустить солдатам стрелять самовольно, а народу самоуправствовать», — писал лейтенант Завалишин[2111]. [2112]

Что тут скажешь? Разве что напомним, что в гвардии солдаты

служили по 18 лет, так что ветеранов Отечественной войны и Заграничных походов в мятежных полках было предостаточно; зато сам Завалишин никогда в гвардии не служил, да и в Петербурге провел совсем немного времени. Ему ли знать?

* * *

«Я с первой минуты принял намерение отнесть его на квартиру А.Ф. Орлова, более удобного ближайшего помещения найти было, конечно, невозможно… Граф слабо дернул меня за аксельбант рукой, перевесившейся через мое плечо. Я приклонился к нему. Я думал, что это судорога предсмертного страдания.

— Куда? — спросил он меня довольно живо.

— На квартиру А.Ф. Орлова, — отвечал я, — до вашего дома нет никакой возможности дойти.

— Не хочу, — возразил он еще живее…

Едва миновали мы ворота, он снова и очень уже сильно дернул меня за аксельбант, сказал с запальчивостью:

— Я еще жив, сударь… исполняйте мое приказание!

— Что прикажете, граф?

— Воротитесь… сюда… на солдатскую койку»[2113].

«Когда несли графа Милорадовича с Исаакиевской площади раненого, он спросил, куда его несут; ему отвечали, на квартиру Орлова; он закричал: "Нет-нет! Несите меня в казармы!" Должно быть, он очень не любил Орлова»[2114].

«На крыше Сената примостилась толпа народа, открыто симпатизировавшая бунтовщикам. Притащив наверх поленья березовых дров, эти люди бросали их с крыши в наших людей и лошадей… Один из офицеров лейб-эскадрона, Игнатьев, получил настолько сильный удар поленом в живот, что в обморок упал с лошади и был унесен в свою квартиру. Потом рассказывали, что когда он очнулся от обморока в своей квартире, то увидел на своей кровати умирающего генерала графа Милорадовича, которого случайно внесли именно в эту квартиру и который вечером тут и скончался»[2115].

Обстоятельства смерти Михаила Андреевича представляются весьма туманно, сложно даже понять, где именно он скончался. Адъютант Башуцкий так описывает это помещение:

«Оно состояло из небольшой комнаты с перегородкой и другой, несколько пообширнее, в два окна. Ничто не означало, чтоб здесь постоянно жили. Диван, покосившийся, без боковых подушек, жесткий и изорванный, пять-шесть стульев, довольно

простой стол и зеркальце на стене — более ничего, ни малейшего признака хозяйства, ни тени необходимейших принадлежностей домашнего обзаведения. В этих голых стенах, на этой истинно солдатской койке суждено было умереть графу Милорадовичу!..»[2116]

Как-то созвучно это со смертью титана XVIII века — светлейшего князя Потемкина-Таврического, умершего в чистом поле… Недаром же по душе своей граф Милорадович принадлежал именно к «осьмнадцатому столетию».

Но вот есть еще и такой сомнительный вариант: «Для перевязки Милорадовича отнесли в дом Лобанова, как ближайший от места кровавого происшествия.

Первый вопрос графа, когда он пришел в чувство, был, не знают ли, кто выстрелил в него? Ему отвечали, кто какой-то неизвестный бунтовщик Фовраль (впоследствии оказалось, что убийца был Каховский).

"Слава Богу, — сказал граф, — теперь я умру покойно, зная, что убит не рукой русского солдата".

Через несколько времени он обратился к кому-то из знакомых, улыбнулся и сказал: "Ну, кажется, теперь я расквитаюсь со всеми моими долгами"»[2117].

Зато рассказ о том, что умирающего обокрали, подтвержден неоднократно.

«В углу на полу лежала куча платья — мундир, сапоги, жилет. Я стал пересматривать все и, к изумлению, увидел, что почти все звезды и кресты исчезли, из кармана была вынута записная книжка, часов же не было и следа»[2118].

«Когда надо было вынимать пулю графу Милорадовичу, он потребовал, чтобы операция была сделана его старым доктором, не желая перед смертью его обидеть, давши сделать операцию кому-нибудь другому»[2119].

«Инструменты были немедленно приготовлены, несколько отодвинут диван, чтоб можно обходить со всех сторон. По новом осмотре груди, после краткого латинского разговора между операторами, они просили графа позволить накрыть ему глаза и подержать голову. С улыбкой, покачав головою, он отвечал:

— Не нужно.

Тогда, в то время как двое держали свечи, Арендт[2120], засучив рукава, с инструментом в руке приклонился к груди. Сильно схватив его за руку, граф вдруг остановил удивленного оператора и, поведя кругом глазами, медленно спросил:

— Петрушевский[2121]?

— Здесь, — отвечал старый его товарищ доктор.

— Подойди!

Петрушевский, обожавший графа, расстроенный до невозможности, обливался слезами.

— Ты плачешь? — сказал граф, взглянув в его лицо. — Стыдно! А я сейчас придумал сделать тебе подарок. В пятидесяти сражениях не удалось тебе видеть на мне раны; судьба справедлива ко всем… вот и рана… дарю тебе эту пулю, возьми ее сам… это твое дело, вырежь!

Петрушевский отирал глаза, руки его тряслись, он долго не мог оправиться. Наконец он взял инструмент. С чрезвычайной внимательностью, с заботливостью, в которой проявлялось необыкновенное любопытство, совершенно прижав подбородок к груди, граф следил за руками оператора, и, когда тот, окончив вырезы, извлек щипцами пулю, раненый обеими руками схватил, сжал эти дымящиеся его кровью щипцы с стиснутой в них пулей и громко потребовал:

— Огня, огня!..

Поднесли, сколь можно ближе, свечи. Бережно взял граф пальцами левой руки окровавленную пулю… внимательно поворачивая во все стороны между свечой и глазом. Лицо его прояснилось благородной улыбкой и вдруг, медленно осеня себя крестом, гордо посматривая на всех, он звонко, радостно, победно произнес в безмолвной, как могила, комнате:

— О, слава Богу! Эта пуля не солдатская. Теперь я совершенно счастлив»[2122].

«Тут же был и известный врач Арендт, который уже успел осмотреть рану.

— Что, Николай Федорович, — спросил Милорадович, — как вы думаете? Есть надежда?

— На свете нет безнадежных ран, — отвечал Арендт.

— Но мне вы должны сказать правду. Уж, конечно, я не боюсь смерти.

— Врач может и ошибиться! — возразил доктор.

— Вы меня и прежде лечили и не скрывали от меня правду. Скажите и теперь.

— Жизнь ваша в руках Божьих, а не моих.

— Понимаю вас и благодарю! Я бы только не желал долго страдать…

В это время приехал от государя какой-то генерал и сказал, что он послан узнать о здоровье графа и о положении раны.

— Доложите его величеству, — отвечал граф, — что я очень рад, принеся ему и отечеству на жертву свою жизнь. Это всегда была цель моя»[2123].

Посетителей у бывшего — эту должность уже исправлял генерал-лейтенант Голенищев-Кутузов, который в Турецкую

войну был шефом белорусских гусар в корпусе Милорадовича, — оказалось не слишком много. В основном самые близкие — неотлучно находились при нем Федор Глинка, Рафаил Зотов…

«Я вышел, чтобы ехать во дворец. Сходя по лестнице, я сверху услышал стук сабли, колотившейся о ее ступени, и сказал человеку, который шел наверх, чтоб он подобрал ее. В ту же минуту этот стук смолк. На первом завороте мы встретились. То был Якубович. Мы были известны друг другу, как говорится, по шапочному знакомству, ни у графа и нигде я не встречал его, но сиживал часто около него в театре, по которому его знал и граф, — Якубович имел там абонированные кресла в первом ряду, недалеко от кресел военного генерал-губернатора. Быстро спрашивал меня Якубович, справедливо ли, что граф безнадежен, умолял, как о милости, взглянуть на него, проклинал убийц, обнаруживал все признаки глубокого отчаяния. Склоненный его просьбами, я возвратился и, введя его в прихожую… раскрыл немного дверь. Якубович, просунув туда голову и, поглядев таким образом на графа несколько минут, весь красный и заплаканный, вполголоса начал проклинать "разбойников, совершивших это неслыханное злодеяние, и судьбу, допускающую такому человеку умереть таким образом"»[2124].

«В это время ехал к графу, лежавшему в конногвардейских казармах, адъютант его, Александр Павлович Башуцкий. Якубович предложил свезти его в своей карете четверкой. Башуцкий согласился и, войдя в карету, почувствовал, что сел на пистолеты.

— Это что?

— Они заряжены, — сказал Якубович. — Бунтовщики хотели меня убить за то, что я не соглашался войти в заговор с ними.

Якубович является самым гнусным лицом в этом деле. Другие разбойники и убийцы — Каховский, Щепин и т. п. действовали бесчестно, зверски, но с каким-то убеждением, а он играл и словом и делом…»[2125]

Герцог Вюртембергский привез письмо от императора. Он вспоминал: «Образ этого человека в его предсмертные минуты всегда будет внушать мне грустные воспоминания. Он оказался столь же достойным удивления на своем смертном одре, как и на полях битв. Теперь Милорадович уже никому не мог показаться фанфароном, каким его иногда считали: это был герой в полном смысле слова и, конечно, всегда был таковым, ибо иначе не мог бы так умирать. Когда я передал ему, со слезами на глазах, письмо государя, он сказал:

— Мне особенно чувствительно получить это письмо из ваших рук; мы с вами действовали вместе и в дни великие и

славные.

Я изъявил мое сердечное сожаление о положении, в котором его нахожу, и выразил надежду на его выздоровление.

— Нечего обольщаться, — отвечал он. — У меня воспаление кишок. Смерть — неприятная необходимость; но знаете ли что — я умру, как жил, и прежде всего с чистой совестью.

По прочтении письма он сказал:

— Я с удовольствием пожертвовал собою за императора Николая. Меня утешает то, что в меня выстрелил не старый солдат, — тут он прервал разговор. — Прощайте, ваша светлость. На мне лежат еще важные обязанности. До свидания в лучшем мире.

То были его последние слова. Когда я уходил, его меркнувшие глаза бросили на меня еще последний дружеский взгляд.

Врачи отказались от него. Он умер спустя несколько минут, но успел распорядиться сравнительно небольшим своим состоянием преимущественно в пользу своих вольноотпущенных крестьян»[2126]. Вот так… Проблему крепостного права он все-таки сумел решить — хотя бы для своих хлебопашцев.

«Милорадович не долго жил после полученной раны. Николай Павлович навестил его перед самой его кончиной и, выходя от него, сказал своим приближенным: "Он сам во всем виноват!"»[2127]

Что император не навещал умирающего генерал-губернатора — известно, а в письмах своих, принадлежащих Истории, Николай I выражал искреннюю скорбь. Но что говорил он в кругу приближенных, остается лишь предполагать…

«Часов в 9 он исповедался и приобщился Святых Тайн, а в полночь начался бред, предвестник кончины; борение со смертью продолжалось часов до 3-х, и он умер в беспамятстве, говоря по своему обыкновению то по-русски, то по-французски»[2128].

«В 3 часа Милорадович скончался»[2129].

Через час Николай I писал Константину: «Бедный Милорадович скончался! Его последними словами были распоряжения об отсылке мне шпаги, которую он получил от вас, и об отпуске на волю его крестьян! Я буду оплакивать его во всю свою жизнь; у меня находится пуля; выстрел был сделан почти в упор статским, сзади, и пуля прошла до другой стороны.

Все спокойно, а аресты продолжаются своим порядком…»[2130]

«Он умер в нынешнюю ночь» — известил официальный «Русский инвалид»[2131].

«Таков был конец героя стольких битв, в которых он, подобно

Мюрату, никогда не был ранен»[2132]. Опять, уже в последний раз, сравнение с наполеоновским маршалом, которого десять лет как не было на свете: Мюрат был расстрелян после неудавшегося мятежа…

* * *

«Едва вернувшись во дворец, я должен был отнести приказ военному министру и пойти поклониться праху графа Милорадовича, который только что скончался от раны, полученной им в начале вчерашнего дня, когда он убеждал бунтовщиков. Этот человек, которого вражеская пуля щадила столько раз, погиб жертвой своего усердия. Я приказал отнести его останки из казарм Конной гвардии, где он испустил последний вздох, на квартиру на Мойке, где он жил»[2133].

«Я уже часу в 6-м пошел в казармы конногвардейцев. Всходя на лестницу, изумился (туда ли я иду?), что не слышно шуму… Все глухо… Постучал и спросил: "Здесь Милорадович?" На спрос голос ответил: "Милорадович приказал уже долго жить!" Это было не неожиданно, но я очень тронулся. "Где он?" — "Перенесли в его дом". Я и побежал… Засим вошел в траурную комнату. Покойный уже лежал на столе, как живой. Я подошел, поклонился, поцеловал руку и зарыдал… Мне вспомянулись те счастливейшие минуты его цветущей жизни и моего детства, когда я, придя к нему еще мальчиком (из корпусу по 14-му году), возрастал при нем постепенно, как и его слава… Когда я видел сего героя, сего верного слугу, который служил и прямил государю, блестящим в лучших обществах Польши, бесстрашным на войне, с умом, который не всегда показывал, но которому иногда очень удивлялись, с детским сердцем, веселым на волшебных празднествах, которые давал среди оружия и в поле, и с той безоблачной душою, каковой уже не видала в нем столица сия…»[2134]

«Жители Петербурга стекались поклониться бренным останкам защитника Престола и Отечества, в ту самую залу, которая была обита трауром по указанию самого графа Михаила Андреевича, в память покойного императора. Вокруг гроба блистали на подушках пять первостепенных российских орденов, девять первостепенных орденов иностранных держав, две шпаги: спасителя Бухареста и победителя при Кульме; там же видна была голубая лента ордена святого Андрея Первозванного, пробитая гибельной пулей.

21 декабря, в понедельник, предано земле в Александро-

Невской лавре тело Милорадовича, возле могилы Суворова. Государь император почтил присутствием своим отпевание в Казанском соборе верного сына Церкви и Отечества и сопровождал печальное шествие.

Заключаю чертами, в коих сам монарх представил современникам и потомству изображение графа Милорадовича: Храбрый воин, прозорливый полководец, любимый начальник, страшный в войне, кроткий в мире, градоправитель правдивый, ревностный исполнитель царской воли, верный сын Церкви и Отечества, он пал от руки недостойной не на поле брани, но пал жертвой того же пламенного усердия, коим всегда горел, исполняя свой долг, и память его в летописях Отечества пребудет всегда незабвенна»[2135].

* * *

Почти очевидные обстоятельства убийства графа Милорадовича сразу же обросли легендами…

«Когда ввечеру 14-го числа я сошел к Рылееву, то застал Каховского, что он, сидя у круглого столика, рассказывает Рылееву и кому-то против него сидящему о случившемся в колонне… Затем, обращаясь ко мне, он сказал: "Графа Милорадовича я убил, я дал ему раз, вот и кровь", — тут вынул он вполовину кинжал, железом оправленный, который держал в руках. Рассказ этот потряс весь мой состав, особливо то наружное равнодушие, с каким он рассказывал. Итак, была ли кровь действительно, я не видал. О том, что он ранил офицера, я не помню, но то сохранилось твердо в моей памяти, что он мне сказал, наконец: "Полковник, — так он меня назвал, — вы спасетесь, а мы погибнем, возьмите на память обо мне этот кинжал и сохраните его". Когда я его взял, взошел Пущин и начал свой рассказ. Все обратили на него внимание, в это время я положил кинжал на стол. Каховский, заметив это, сказал мне значительным тоном: "Так вы не хотите взять мой кинжал?" Сказав: "Нет, возьму", — я взял и, пожав ему руку, поцеловал в щеку. Оставаясь после того в чрезмерном волнении духа и в крайнем беспокойстве, я воспользовался минутой появления Батенкова[2136] и ускользнул в коридор… Взбежав по лестнице, я тотчас удалился в ретираду и бросил этот ужасный кинжал»[2137].

Рассказ весьма странен — что за кинжал? — однако занесен в протокол.

«Ответ отставного поручика Каховского, что он выстрелил в графа Милорадовича из пистолета, когда граф уже повернул

лошадь, чтобы отъехать, и в одно время с солдатами и прочими лицами, бывшими в том фасе каре, и потому не может взять на себя убийство, на которое покушался не один. Положили: взять в соображение»[2138].

Следствие поставило себе целью официально узнать, кто именно убил графа, но сделать это оказалось не очень легко. Декабристы, пребывавшие на площади в рядах как мятежных, так и правительственных войск, говорили разное.

Мичман Петр Бестужев[2139]: «Когда и кем сделан выстрел в графа Милорадовича, не знаю. На месте происшествия ни от кого об сем не слыхал»[2140].

Корнет Александр Муравьев[2141]: «Кто нанес смертельные раны графу Милорадовичу не видал, а слыхал, что это был кто-то во фраке»[2142].

Поручик Гангеблов[2143]: «О смерти графа Милорадовича мне известно было тоже по слухам, что выстрелил в него Грабе-Горский[2144]»[2145].

Корнет Ринкевич[2146]: «…я слышал только, что называли многих, но утвердительно никого, потому и я никого назвать не могу»[2147].

Штыковая рана, полученная графом, также интересовала следователей.

«Для уличения Оболенского в убийстве графа Милорадовича введен был солдат Московского полка Сычев, и по долгом увещании Оболенский признался, что он не помнит, каким образом, желая ли ударить штыком лошадь, или невольным движением ударил слегка штыком по седлу и, вероятно, попал также в графа»[2148].

«Меня посадили в номер окошком на ров Кронверкской куртины, в одном каземате с Пестелем и Каховским… Разгорячившись и расшумевшись на пристрастный Верховный уголовный суд за объявленную мне сентенцию, я был тотчас спрошен Каховским, кто я такой? — И потом ответом было, что он осужден на смерть, с тем равнодушием, которое тотчас же поселило во мне к нему глубокое уважение — равнодушие к смерти, не покидавшее его во все время! Каховский прибавил с большим чувством сожаления, что он имел несчастье убить Милорадовича»[2149].

«Лопухин принес лист осужденных на смерть, их было 20. Государь сказал: "Князь, это странно начать царство со смертной казни 20-ти молодых людей. Что говорит брат Михаил?" — "Ваше величество, великий князь и граф Бенкендорф были совсем против смертной казни". — "Я этому рад". — "Но генерал Левашов более всех настаивал на смертной казни Каховского, потому что

думал — он убил графа Милорадовича"»[2150].

Князь Оболенский, потомок легендарного Рюрика, в убийстве обвинен не был. Можно заметить: среди пятерых казненных не было ни одного князя или графа и ни одного — на тот момент — гвардейца, хотя ранее двое из них были в гвардии офицерами, двое — юнкерами…

«Когда он [Пестель], Апостол-Муравьев, Бестужев и Рылеев были выведены на казнь, уже не в мундирных сюртуках, а в рубашках, они расцеловались друг с другом как братья; но когда последним вышел Каховский, ему никто не протянул руки. По уверению Беркопфа[2151], причиной этого было убийство графа Милорадовича, учиненное Каховским, чего никто из преступников не мог простить ему и перед смертью»[2152].

* * *

«Кабинет Папа — светлое, приветливое помещение с четырьмя окнами, два с видом на площадь, два — во двор. В нем стояли три стола, один — для работы с министрами, другой — для собственных работ и третий, который был покрыт планами и моделями, служил для военных целей. Низкие шкафы стояли вдоль стен, в них хранились документы семейного архива, мемуары, секретные бумаги. Под стеклянным колпаком лежали каска и шпага генерала Милорадовича, убитого во время бунта декабристов 14 декабря»[2153].

Сложно понять, насколько искренен был здесь государь Николай Павлович.

…Легенда гласит, что после смерти графа в его сундуках было найдено множество любовных записок и… один серебряный гривенник.

Что еще можно добавить к рассказу о судьбе и личности графа Михаила Андреевича Милорадовича?

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГЕНЕРАЛА ОТ ИНФАНТЕРИИ ГРАФА МИХАИЛА АНДРЕЕВИЧА МИЛОРАДОВИЧА

1777, *7 октября — в* семье бригадного командира генерал-майора А.С. Милорадовича родился сын Михаил.

1780, 16 ноября — записан подпрапорщиком в лейб-гвардии Измайловский полк.

1783, 4 августа — произведен в сержанты.

сентябрь — поступление в Гёттингенский университет.

1783—1786— учеба в Гёттингенском и Кёнигсбергском университетах.

1786—1787— обучался военным наукам в Страсбурге и Меце.

1787— по окончании курса ездил в Париж, был представлен Людовику XVI и королеве Марии-Антуанетте. Возвращение в Россию. *4 апреля* — произведен в прапорщики лейб-гвардии Измайловского полка.

1788, 1 января — произведен в подпоручики.

Июль—сентябрь — участие в походе в Финляндию во время Русско-шведской войны 1788—1790 годов.

1790, 1 января — произведен в поручики.

Март—август — участие в боевых действиях Русско-шведской войны 1788—1790 годов.

7792, *7 января* — произведен в капитан-поручики.

1796, 1 января — произведен в капитаны.

6 ноября — восшествие на престол императора Павла I.

1797, 16 сентября — произведен в полковники лейб-гвардии Измайловского полка.

1798, 27 июля — произведен в генерал-майоры с назначением шефом Апшеронского мушкетерского полка.

17 октября — выступление 1-й колонны корпуса Розенберга из Брест-Литовска в Австрию.

31 октября — Апшеронскому полку поведено именоваться «мушкетерским генерал-майора Милорадовича полком».

1799, 3 апреля — встреча М.А. Милорадовича с А.В. Суворовым в Ве роне.

15—17 (26—28) апреля — сражение при Лекко (р. Адда). Награжден орденом Святой Анны 1-й степени.

30 апреля (*77 мая)* — неудачное сражение при Бассиньяно. Награжден орденом Святого Иоанна Иерусалимского.

6—8 (17—18) июня — сражение при реках Тидоне и Треббии. Награжден алмазными знаками ордена Святой Анны.

4 (15) августа — сражение при Нови. Награжден орденом Святого Иоанна Иерусалимского с бриллиантами.

13 (24) сентября — штурм перевала Сен-Готард.

14 сентября — бой на Чертовом мосту.

1800, март — Апшеронский полк возвратился в Ровно.

1801, 12 марта — вступление на престол Александра I.

1805, июль — начало Австрийского похода.

24 октября (5 ноября) — сражение при Амштеттене.

30 октября (11 ноября) — сражение при Кремсе (Штейне).

8 ноября — награжден орденом Святого Георгия 3-й степени и чином генерал-лейтенанта.

20 ноября (2 декабря) — сражение при Аустерлице.

1806— назначен командиром 10-й дивизии в составе Дунайской армии.

13 декабря — сражение при Бухаресте.

1807, 5—6 марта — бои при Турбате и у Журжи.

2 июня — в сражении при Обилешти отряд Милорадовича разгромил турецкий корпус под командованием визиря.

1809 — поручено командование войсками в обеих Валахиях.

24 марта — неудачный штурм Журжи.

4 сентября — сражение при Рассевате.

19 сентября — уезжает в Валахию командовать Резервным корпусом.

29 сентября — произведен в чин генерала от инфантерии.

1810, 30 апреля — назначен киевским военным губернатором.

14 сентября — по прошению уволен от службы с мундиром.

20 ноября — вновь принят на службу с назначением шефом Апшеронского мушкетерского полка.

12 декабря — назначен киевским военным генерал-губернатором.

1812, 10 июля — поручено формирование резервных войск.

19 августа — войска Милорадовича вошли в состав действующей армии.

26 августа — Бородинское сражение.

28 августа — назначен начальником арьергарда.

2 сентября — оставление Москвы. Милорадович заключил с Мюратом перемирие на сутки для свободного выхода обозов из Москвы.

6 октября — Тарутинское сражение.

11—12 октября — сражение при Малоярославце.

22 октября — взятие Вязьмы.

26 октября — взятие Дорогобужа.

3—5 ноября — сражение под Красным.

10 декабря — получил из рук государя ордена Святого Владимира 1-й степени и Святого Георгия 2-й степени.

1813, 27 января — войска Милорадовича заняли Варшаву. Пожаловано «вензелевое изображение имени» императора для ношения на эполетах.

16 апреля — кончина светлейшего князя М.И. Голенищева-Кутузова.

20 апреля — находясь в Цейсе, Милорадович пассивно наблюдал сражение под Лютценом.

21 апреля — назначен начальником арьергарда.

1 мая — возведен в графское достоинство.

8—9 мая — командовал левым крылом армии в сражении при Бауцене.

3 июня — 1 августа — Плесвицкое перемирие.

17—18 августа — сражение под Кульмом. Награжден золотой шпагой с лаврами и надписью «За храбрость».

6 октября — в сражении при Лейпциге командовал пехотным резервом — гвардией и гренадерами. Награжден орденом Святого Андрея Первозванного.

1814, 17—18 марта — командовал пехотным резервом при взятии Парижа.

14 ноября — назначен командующим Гвардейским корпусом.

1815, май — выступление полков Гвардейского корпуса в поход во Францию.

1816, 9 февраля — учреждение «Союза спасения».

1818— основан «Союз благоденствия».

Март—апрель — поездка с Александром I в Польшу.

Май — поездка с Александром I по югу России, посещение Бессарабии, Малороссии, Крыма.

19 августа — назначен военным генерал-губернатором Санкт-Петербурга.

1819, 11 марта — назначение Ф.Н. Глинки «находиться по особым поручениям» при генерал-губернаторе.

Лето — на маневрах в Красном Селе Александр I сказал Николаю Павловичу о возможной передаче ему престола.

1820, 15 апреля — разговор с А.С. Пушкиным.

16—18 октября — возмущение в лейб-гвардии Семеновском полку.

1821, январь — на Московском съезде объявлено о роспуске «Союза благоденствия».

Апрель — выступление гвардии в поход в Западные губернии. Граф Милорадович назначен президентом Театрального комитета.

1822, 13 августа — указом Александра I в России запрещены масонские ложи и тайные общества.

1823, 16 августа — Александр I подписал манифест об отречении от престола цесаревича Константина и назначении престолонаследником Николая Павловича.

1824, 7 ноября — катастрофическое наводнение в Санкт-Петербурге.

1825, 13 сентября — Александр I навсегда покинул Петербург. *22 сентября* — дуэль Чернова и Новосильцева.

19 ноября — смерть императора Александра I в Таганроге. *27 ноября* — в Петербурге получено известие о кончине императора.

14 декабря — восстание на Сенатской площади. Пытаясь заставить солдат уйти с площади, граф Милорадович был смертельно ранен.

15 декабря — около трех часов пополуночи граф Милорадович скончался.

21 декабря — погребен в Александро-Невской лавре.

НАГРАДЫ

Отечественные

Орден Святого Андрея Первозванного;
орден Святого Александра Невского с алмазными украшениями;
орден Святого Владимира 1-й степени;
орден Святого Георгия 2-й степени;
орден Святого Иоанна Иерусалимского: командорский крест с бриллиантами;
орден Святой Анны 1-й степени с алмазами;
знак отличия Военного ордена;
золотая шпага, украшенная алмазами, с надписью «За спасение Бухареста»;
золотая шпага с лаврами и надписью «За храбрость»;
вензелевый знак императора Александра I;
графский титул.

Иностранные

Сардинские — орден Маврикия и Лазаря;
Австрийские — орден Марии-Терезии 2-й степени,
орден Святого Леопольда 1-й степени;
Прусские — орден Красного Орла,
орден Черного Орла,
Кульмский крест;
Баварские — военный орден Максимилиана 1-й степени;
Баденские — орден Верности, большого креста 1-й степени.

БИБЛИОГРАФИЯ

О графе М.А. Милорадовиче и роде Милорадовичей

Андрей Степанович Милорадович, покоритель Мачина в 1771 году. Биографический очерк. СПб., 1877.

Алекдоты графа Михаила Андреевича Милорадовича. М., 1895.

Анекдоты и черты из жизни графа Милорадовича / Собраны графом М-чем. СПб., 1886. Б.Ф. Доблести графа Милорадовича // Отечественные записки. 1826. Ч. 25.

[Глинка Ф. К.] Деяния графа Михаила Андреевича Милорадовича в Италии, Швейцарии, Турции, Германии, в достопамятную Отечественную войну в России 1812 года, в Германии и Франции 1813, 1814 и 1815 годов. СПб., 1816.

Глинка Ф.Н. Иванчук // Москвитянин. 1844. № 1.

Глинка Ф.Н. Краткое обозрение военной жизни и подвигов графа Милорадовича. СПб., 1818.

Глинка Ф.Н. Обед у Милорадовича // Московский городской листок. 1847. 11 января.

Е. Ф. О приезде графа Михаила Андреевича в Петербург // Русский вестник. 1815. Кн. 3.

Лесков Н.С. Популярные русские люди. Граф Михаил Андреевич Милорадович // Собр. соч. М., 1958. Т. 10.

Мамышев В.Н. Генерал от инфантерии граф Михаил Андреевич Милорадович. СПб., 1904.

Михайловский-Данилевский А.И. Воспоминания о графе М.А. Милорадовиче // Сто русских литераторов. СПб., 1844. Т. 3.

Несколько слов о роде дворян Милорадовичей. Чернигов, 1857.

Рапорт М.А. Милорадовича // Из боевого прошлого русской армии. М., 1944.

Семевский М.В. Граф Михаил Андреевич Милорадович. 1770 — 1825 гг. (Материалы для его биографии) // Военный сборник. 1869. № 10.

Соколовский М. Из донесений военного губернатора графа Михаила Андреевича Милорадовича (Черты для биографии графа М.А. Милорадовича). СПб., 1904.

Документы

1799 г. Журнал военных действий отряда князя П.И. Багратиона. СПб., 1903.

1812—1814. Реляции. Письма. Дневники. Из собрания ГИМ. М., 1992. А.В. Суворов. Документы. М., 1953. Т. 4.

Архив светлейшего князя Петра Михайловича Волконского.

Письма генерал-адъютанта (впоследствии князя) И.В. Васильчикова к князю Волконскому // Русская старина. 1871. Т. 4. № 12.

Великий князь Константин Павлович в сомнениях и отрицаниях современных ему порядков (Из переписки его с Н.М. Сипягиным) // Русская старина. 1900. № 4.

Вести из России в Англию в царствование императора Павла Петровича. Письма графа Ф.В. Ростопчина к графу С.Р. Воронцову // Русский архив. 1876. № 10.

Восстание декабристов. Документы и материалы. М.; Л. — М, 1925— 2001. Т. 1-20.

Габаев Г. Роспись русским полкам 1812 года. Киев, 1912.

Генерал Багратион. Сборник документов и материалов. М., 1945.

Декабристы. Сборник отрывков из источников. М.; Л., 1926.

Дубровин Н.Ф. Письма главнейших деятелей в царствование императора Александра I (1807—1829). М., 2006.

Записка графа С.Р. Воронцова о русском войске. 1802 г. // Русский архив. 1876. № 10.

Из бумаг Н.И. Бахтина // Русская старина. 1870. Т. 2.

Из писем и показаний декабристов. Критика современного состояния России и планы будущего устройства. СПб., 1906.

Комаровский Е. Ф. Журнал военных действий российско-австрийских войск в Италии // Военный журнал. 1810. Кн. 3. М.И. Кутузов. Сборник документов. М., 1951. Т. 2. П.А. Румянцев. Документы. М., 1953. Т. 2.

Поход русской армии против Наполеона в 1813 г. и освобождение Германии. Сборник документов. М., 1964.

Ростопчинские афиши. СПб., 1904.

Суворов А.В. Письма. М, 1986.

Частное письмо из Петербурга в Тульчин о Семеновском возмущении 1820 года // Русский архив. 1868.

Истории полков русской армии

Бондаренко А.Ю. Измаил овцы. М., 2008.

Бондаренко А.Ю. Конногвардейцы. М., 2006.

Бондаренко А.Ю. Лейб-гусары. М., 2003.

Бондаренко А.Ю. Преображенцы. М., 2000.

Бондаренко А.Ю. Семеновцы. М., 2004.

Воронов П., Бутовский В. История лейб-гвардии Павловского полка. 1790-1890. СПб., 1890. Ч. 1.

Геништа В.И., Борисевич А.Т. История 30-го драгунского Ингерманландского полка. СПб., 1904. Ч. 1.

Екатеринославские лейб-гренадеры. 1642—1912 гг. М., 1912.

Зноско-Боровский Н. История лейб-гвардии Измайловского

полка. СПб., 1882.

История Апшеронского полка. СПб., 1892. Т. 1.

Очерк истории 3-го пехотного Нарвского генерал-фельдмаршала князя Михаила Голицына полка. М., 1904.

Панчулидзев С.А. История кавалергардов. СПб., 1903. Т. 3.

Сборник биографий кавалергардов. 1801—1826. СПб., 1906.

Чичерин А. История лейб-гвардии Преображенского полка. 1683— 1883 гг. СПб., 1883.

Мемуары, дневники, записки

[Старков Я. М.] Рассказы старого воина о Суворове. М., 1847. Кн. 2.

1812 год в воспоминаниях современников. М., 1995.

1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников //

Материалы Военно-ученого архива Главного штаба. Вильна, 1900. Вып. 1.

1812 год. Воспоминания воинов русской армии // Из собрания отдела письменных источников Государственного исторического музея. М., 1991.

1812—1814. Реляции. Письма. Дневники // Из собрания Государственного исторического музея. М., 1992.

Аракчеев: свидетельства современников. М, 2000.

Афанасьев А.Н. Возмущение старого лейб-гвардии Семеновского полка. 1820 // Русская старина. 1871. Т. 4. N° 9.

Булгарин Ф.В. Воспоминания. М., 2001.

Велио И.И. Записки барона Велио // Русская старина. 1913. № 11 и 12.

Волконский Д.М. Дневник 1812—1814 гг. // 1812 год. Военные дневники. М, 1990.

Волконский С.Г. Записки. Иркутск, 1991.

Воспоминания К.С. Сербиновича. Николай Михайлович Карамзин // Русская старина. 1874. Т. 11.

Воспоминания моей жизни. Записки почетного лейб-хирурга Д.К. Тарасова // Русская старина. 1872. Т. 6.

Воспоминания сержанта Бургоня. М., 2005.

Воспоминания Т.П. Пасек. Из ранних лет, из жизни дальней // Русская старина. 1872. Т. 6.

Выдержки из старой записной книжки, начатой в 1813 году // Русский архив. 1883. № 9.

Вяземский П.А. Воспоминания о 1812 годе // Поли. собр. соч. СПб., 1882. Т. 7.

Вяземский П.А. Записные книжки. М., 1992.

Гангеблов А.С. Воспоминания декабриста Александра Семеновича Гангеблова. М., 1886.

Герцен А.И. Былое и думы. Л., 1946.

Глинка С.Н. Записки. М., 2004.

Глинка Ф.Н. Письма русского офицера о Польше, Австрийских владениях, Пруссии и Франции; с подробным описанием похода россиян против французов в 1805 и 1806, а также Отечественной и Заграничной войны с 1812 по 1815 год. М., 1815.

Глинка Ф.Н. Письма русского офицера. М., 1990.

Грабе Я. Х. // Русский архив. 1873. № 5.

Греллэ-де-Мобилье С. Записки квакера о пребывании в России // Русская старина. 1874. Т. 9. № 1.

Греч Н.И. Записки о моей жизни. М., 2002.

Давыдов Д.В. Военные записки. М., 1982.

Давыдов Д В. Дневник партизанских действий 1812 г. Л., 1985.

Декабристы в воспоминаниях современников. М., 1988.

Декабристы рассказывают… М., 1975.

Дубровин Н.Ф. Отечественная война в письмах современников. 1812-1815 гг. М., 2006.

Дурова Н.А. Избранные сочинения кавалерист-девицы Н.А. Дуровой. М., 1988.

Ермолов А.П. Записки А.П. Ермолова. 1708—1826. М., 1991.

Завалишин Д.И. Воспоминания. М., 2003.

Записки академика Витберга // Русская старина. 1872. Т. 5.

Записки Ивана Степановича Жиркевича // Русская старина. 1872. Т. 9. №2.

Записки Михаила Гарновского // Русская старина. 1876. Т. 16.

Записки Н.Н. Муравьева // Русский архив. 1885. Кн. 3. № 11.

Записки Рафаила Михайловича Зотова // Исторический вестник. 1896. Т. 65. № 7.

Записки сэра Роберта Вильсона о нашествии Наполеона на Россию и об отступлении его армии // Русский вестник. 1862. Т. 37. Кн. 1.

И славили Отчизну меч и слово. 1812 год глазами очевидцев. М., 1987.

Из воспоминаний А.И. Михайловского-Данилевского // Русская старина. 1899. Т. 100. № 12.

Из воспоминаний Михайловского-Данилевского. 1817 год // Русская старина. 1897. № 7.

Из Записок А.Д. Петрова // Всемирная иллюстрация. 1873. 17 марта. № 220.

Изгнание Наполеона из Москвы. М., 1938.

Их вечен с вольностью союз. М., 1983.

Каратыгин П.А. Записки. Л., 1970.

Каульбарс В. Р., фон. Мемуары отставного генерал-лейтенанта барона Василия Романовича фон Каульбарса, начатые в ноябре 1860 года // Журнал Императорского русского военно-исторического общества. СПб., 1911. №1, 3,6 и 7.

Коленкур А., де. Мемуары. Поход Наполеона в Россию. М., 1943.

Комаровский Е. Ф. Записки графа Комаровского. М., 1990.

Корф М.А. Восшествие на престол императора Николая I. СПб., 1857. 4-е изд.

Корф М.А. Записки. М., 2003.

Ланжерон А.Ф. Записки графа Ланжерона // Военный сборник. СПб., 1900. Т. 256. №11.

Ланжерон А.Ф. Записки графа Ланжерона. Война с Турцией 1806— 1812 гг. // Русская старина. 1907. Т. 130. № 9.

Ложье Ц. Дневник офицера Великой армии в 1812 г. М., 2005.

Лорер Н.И. Записки декабриста. Иркутск, 1984.

Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи / Подг. к печати Б.Е. Сыроечковский. М.; Л., 1926.

Мемуары декабристов. Северное общество. М., 1981.

Мемуары декабристов. Южное общество. М., 1982.

Миркович Ф.Я. Его жизнеописание, составленное по собственным его запискам, воспоминаниям близких людей и подлинным документам. СПб., 1889.

Михайловский-Данилевский А.И. Мемуары. 1814—1815. СПб., 2001.

Михайловский-Данилевский А.И. Отечественная война 1812 года: Воспоминания. М., 2004.

Мой век или история генерала Маевского // Русская старина. 1873. Т. 8. № 7.

Муравьев А.Н. Сочинения и письма. Иркутск, 1986.

Н. И.Н. Воспоминания Суворовского солдата [С.О. Попадичев]. СПб., 1899.

Н. И.Н. Воспоминания Суворовского солдата. Аустерлиц [С.О. Попадичев]. СПб., 1903.

Отрывки из записок Л.Н. Энгельгардта // Исторический сборник вольной русской типографии в Лондоне. М., 1971. Кн. 2.

Писатели-декабристы в воспоминаниях современников. М., 1980.

Поджио А.В. Записки, письма. Иркутск, 1989.

Попов А.Н. Французы в Москве в 1812 году // Русский архив. 1876. №2.

Поход в Италию в 1799 году. Рассказ старика суворовского ратника // Москвитянин. 1844. № 1.

Путешествие в Киев. Неизданное сочинение кн. И.М. Долгорукова // ГПИБ. Хмыровская коллекция. Киевская губерния. Тетр. 1.

Пущин И.И. Записки о Пушкине. Письма. М., 1988.

Раевский В.Ф. Материалы о жизни и революционной деятельности. Иркутск, 1983. Т. 2.

Рассказ В.И. Беркопфа // Русский архив. 1881. № 2.

Рассказы князя П.М. Волконского // Русская старина. 1876. № 5.

Розен А.Е. Записки декабриста. Иркутск, 1984.

России двинулись сыны. Из записок об Отечественной войне 1812 года ее участников и очевидцев. М., 1988.

Россия первой половины XIX века глазами иностранцев. Л., 1991.

Русские мемуары. Избранные страницы. 1800—1825 гг. М., 1989.

Русские мемуары. Избранные страницы. 1826—1856 гг. М., 1990.

Смирнова-Россет А.О. Дневник. Воспоминания. М., 1989.

Сушков Н.В. Из записок о времени императора Александра I // Вестник Европы. 1867. № 6.

Трубецкой С. И Материалы о жизни и революционной деятельности. Иркутск, 1983.

Фелькнер В.И. 14 декабря 1825 года. Из записок генерал-лейтенанта В.И. Фелькнера // Русская старина. 1870. Т. 3. № 8.

Фонвизин М.А. Сочинения и письма. Иркутск, 1982. Т. 2.

Француз-путешественник на Украине // Киевская старина. 1885. Т. 13. № 12.

Французы в России // 1812 год по воспоминаниям современников-иностранцев. Ч. 3 (Отступление). М., 1912.

Хроника киевской общественной жизни по дневнику митрополита Серапиона // Киевская старина. 1884. Т. 9.

Чарторижский А. Мемуары. М., 1998.

Швейцарский поход Суворова в 1799 г. По запискам Грязева // Русский вестник. 1894. Сентябрь.

Штейнгель В.И. Сочинения и письма. Иркутск, 1985.

Щербатов А.Г. Мои воспоминания. СПб., 2006.

Энгельгардт Л.Н. Записки Льва Николаевича Энгельгардта. 1766— 1836. М., 1867.

Якушкин И.Д. Мемуары, статьи, документы. Иркутск, 1993.

Янькова Е.П. Рассказы бабушки. Из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово. Л., 1989.

Справочники

Бантыш-Каменский Д.Н. Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. СПб., 1840. Ч. 2.

Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XIX веке. М., 1973.

Бородино. Документальная хроника / Сост. А.М. Валькович и А.П. Капитонов. М., 2004.

Бородино. Путеводитель по местам боев Бородинского сражения 1812 г. М., 1938.

В тылу армии. Калужская губерния в 1812 году. Обзор события и сборник документов / Сост. В.И. Ассонов. Калуга, 1912.

Великий князь Николай Михайлович // Военная галерея 1812 года. СПб., 1912.

Военная энциклопедия. СПб., 1911.

Декабристы. Биографический справочник. М., 1988.

Керсновский А.А. История русской армии. М., 1992. Т. 1.

Ключевский В.О. Русская история. М., 1993.

Лависс Э., Рамбо А. История XIX века. М., 1938. Т. 2.

Леонов О., Ульянов И. Регулярная пехота. 1698—1801. М., 1995.

Михайловский-Данилевский А.И. Император Александр I и его сподвижники в 1812, 1813, 1814, 1815 годах // Военная галерея Зимнего дворца. СПб., 1845-1849. Т. 1-6.

Михайловский-Данилевский А.И. Описание войны 1813 года. СПб., 1840. Ч. 1.

Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899.

Отечественная война 1812 года. М., 2004.

Петров П.Н. История родов русского дворянства. СПб., 1886.

Подмазо А.А. Большая Европейская война 1812—1815 годов: Хроника событий. М., 2003.

Русский биографический словарь. СПб., 1896—1914.

Столетие Военного министерства. СПб., 1902. Т. 4. Ч. 1. Кн. 1. Отд. 2.

Ульянов И.Э. Регулярная пехота. 1801—1855. М., 1997.

Федорченко В.И. Свита российских императоров. М., 2005.

Шиканов В.Н. Генералы Наполеона (биографический словарь). М., 2004.

Шредер Ф. Новейший путеводитель по Санкт-Петербургу с историческими указаниями. СПб., 1820.

Литература

Анненков П. Александр Сергеевич Пушкин в Александровскую эпоху. 1799-1826 гг. СПб., 1874.

Арапов П. Летопись русского театра. СПб., 1861.

Барон Федор Клементьевич Гейсмар // Русская старина. 1881. Т 32. №12.

Богданович М. Переход Суворова через Сен-Готард и Чертов

Мост // Отечественные записки. 1843. Т. 27.

Божерянинов И.Н. Екатерингоф // Русская старина. 1884. № 3.

Бородкин М. Военно-исторические заметки. Русская армия при Екатерине II // Военный сборник. 1909. № 8.

Бутовский И. Фельдмаршал князь М.И. Кутузов в конце и начале своего боевого поприща. СПб., 1858.

Василич Г. Восшествие на престол императора Николая I. М., […].

Гордин Я.А. Меж рабством и свободой. СПб., 1994.

Гордины А.М. и М.А. Пушкинский век. СПб., 1995.

Греч И.И. Фаддей Венедиктович Булгарин // Русская старина. 1871. Т. 4. № 9.

Гроссман Л.П. Пушкин в театральных креслах // Картины русской сцены 1817-1820 годов. СПб., 2005.

Дворцовые перевороты в России. 1725—1825. Ростов-на-Дону, 1998.

Декабристы и Сибирь. Иркутск, 1985. Вып. 4.

Дубровин И.Ф. Наши мистики-сектанты // Русская старина. 1895. №11.

Дубровин Н.Ф. Русская жизнь в начале XIX века // Русская старина. 1899. Т. 98. № 4.

Елагин И.В. Жизнь графини Анны Алексеевны Орловой-Чесменской. СПб., 1853.

Жизнь и подвиги князя Милоша Обреновича, верховного вождя и предводителя народа сербского. СПб., 1825.

Заблоцкий-Десятовский А.П. Граф П.Д. Киселев и его время. СПб., 1882.

Зельницкий Г. Описание событий 1812 года, случившихся в пределах Калужской губернии. М., 1815.

Золотарев В.А. Генералиссимус А.В. Суворов: вершины славы. М., 1999.

Зуев Д.Д. Суворов в 1799 году (По австрийским официальным источникам). СПб., 1900.

Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. М., 1951. Т. 1.

Иконников В.С. Киев в 1654—1855 годах. Киев, 1904.

Император Александр Павлович и его время // Русская старина.

1881. Т 32. № 12.

История Русской Армии и Флота. М., 1911. *Клаузевиц К.* 1799 год. М., 1938.

Корф М.А. Восшествие на престол императора Николая I. СПб., 1858. 3-е изд.

Лазаревский Ал. Люди старой Малороссии // Киевская старина. 1882. Т. I.

Лонжерон А.Ф. Русская армия в год смерти Екатерины II // Русский архив. 1895. № 4.

Лебедев И.С. Преобразователи русской армии в царствование императора Павла Петровича // Русская старина. 1877. Т. 18.

Милютин Д.А. История войны 1799 года между Россией и Францией в царствование императора Павла I. 1-е изд. Т. 2. СПб., 1852; СПб., 1857. 2-е изд. Т. 1.

Николай Михайлович, вел. кн. Император Александр I. Опыт исторического исследования. Пг., 1914. 2-е изд.

Отечественная война и русское общество. М., 1911—1912.

Переворот 1762 года. М., 1997.

Петров А.Н. Война России с Турцией. 1806—1812 гг. СПб., 1885. Т. 1.

Петрушевский А. Генералиссимус князь Суворов. СПб., 1884. Т. 3.

Понасенков Е. Н. Правда о войне 1812 года. М., 2004.

Попов А.А. Отечественная война 1812 года. Историческое исследование. М., 1905. Т. 1.

Попов А.Н. От Малоярославца до Березины // Русская старина. 1877. Т. 18.

Пресняков А.Е. 14 декабря 1825 года. М.; Л., 1926.

Пыляев М.И. Старый Петербург. СПб., 1889.

Пыпин А.Н. Общественное движение в России при Александре I. Пг., 1918.

Рудаков В.Е. Генералиссимус князь А.В. Суворов в анекдотах и рассказах современников. СПб., 1900.

Симанский П.Н. Перед войной 1812 года (Характеристики французских и русских генералов) // Военный сборник. 1906. № 1.

Соколовская Т. Русское масонство и его значение в истории общественного движения (XVIII и первая четверть XIX столетия). СПб., 1907.

Стуколкин Л.П. Преподаватель и распорядитель бальных танцев. СПб., 1890.

Съезд членов Союза благоденствия в Москве. 1821 г. // Русская старина. 1872. Т. 6. С. 601.

Тимирязев В.А. Иностранцы о России // Исторический вестник. 1904. Т. 97. № 7.

Тургенев А.И. Политическая проза. М., 1989.

Фукс Е.Б. История генералиссимуса, князя Италийского, графа Суворова-Рымникского. М., 1811.

Фукс Е.Б. История Российско-Австрийской кампании 1799 г.

под предводительством генералиссимуса, князя Италийского, графа Александра Васильевича Суворова-Рымникского. СПб., 1825. Ч. 1.

*[Шереметев Т.*С.] Старая Москва. Екатерина Васильевна Шереметева. М., 1915.

Шильдер Н.К. Император Александр I. Его жизнь и царствование. СПб., 1897. Т. 1.

Шильдер Н.К. Император Николай I. Его жизнь и царствование. СПб., 1903.

Шильдер Н.К. Император Павел I. М., 1997.

Шишов А.И. Неизвестный Кутузов. Новое прочтение биографии. М., 2001.

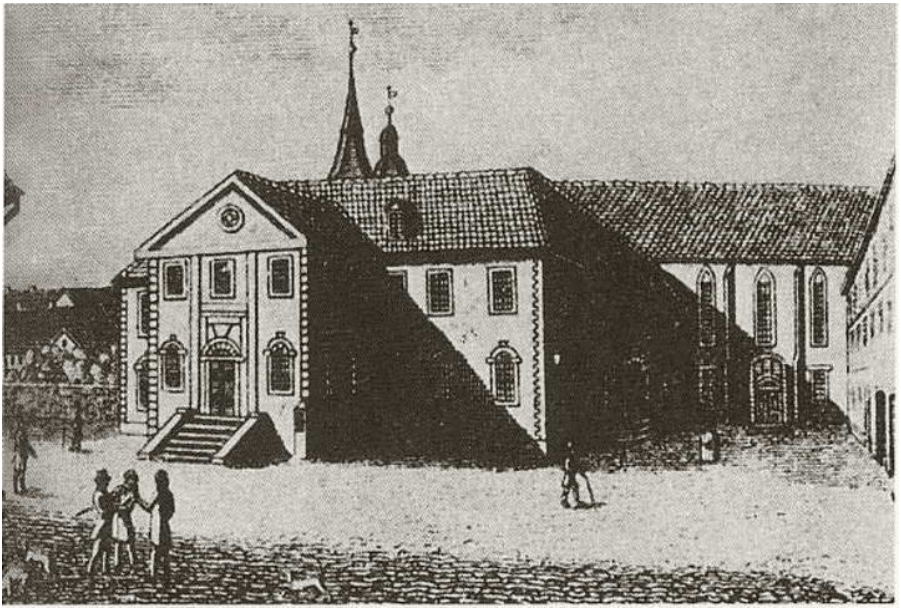
Щеголев П.Е. Каховский. М., 1919.

Щербатов А.П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич, его жизнь и деятельность. СПб., 1888. Т. 1.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

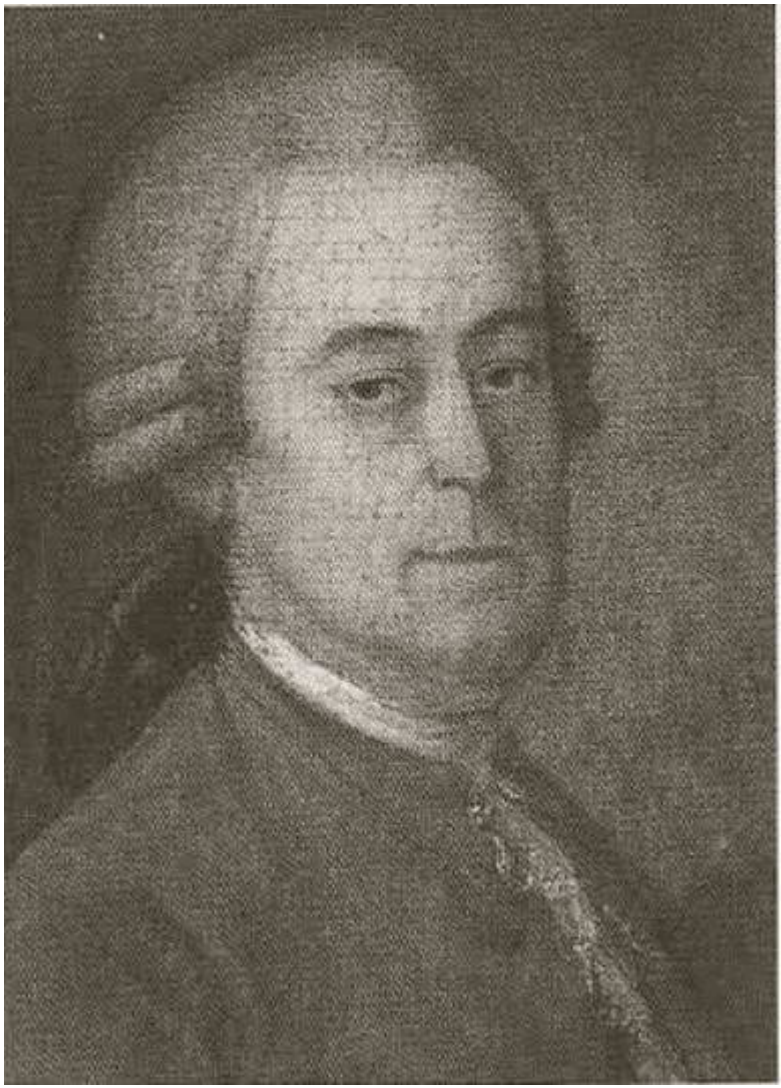
Михаил Андреевич Милорадович. Д. Доу. 1820-е гг.

Геттингенский университет и библиотека. Гравюра Х. Грейпа. 1815 г.

Герб графа Милорадовича

Василий Иванович Суворов, отец полководца. Неизвестный художник XVIII в.

Александр Васильевич Суворов. Неизвестный художник. 1780 г,

Людовик XVI. Ж.С. Дюплесси. Конец XVIII в.

Обер-офицер и рядовые полков лейб-гвардии Семеновского, Измайловского и Преображенского с 1786 по 1796 год. Середина XIX в.

Вид на Измайловский мост через Фонтанку и на казармы. Гравюра по рисунку М.Ф. Дамам-Демартре. 1810-е гг.

Император Павел I

Граф Алексей Андреевич Аракчеев

Вручение новых знамен лейб-гвардии Преображенскому полку 2 января 1798 года. М.М. Иванов. Конец КУШ в.

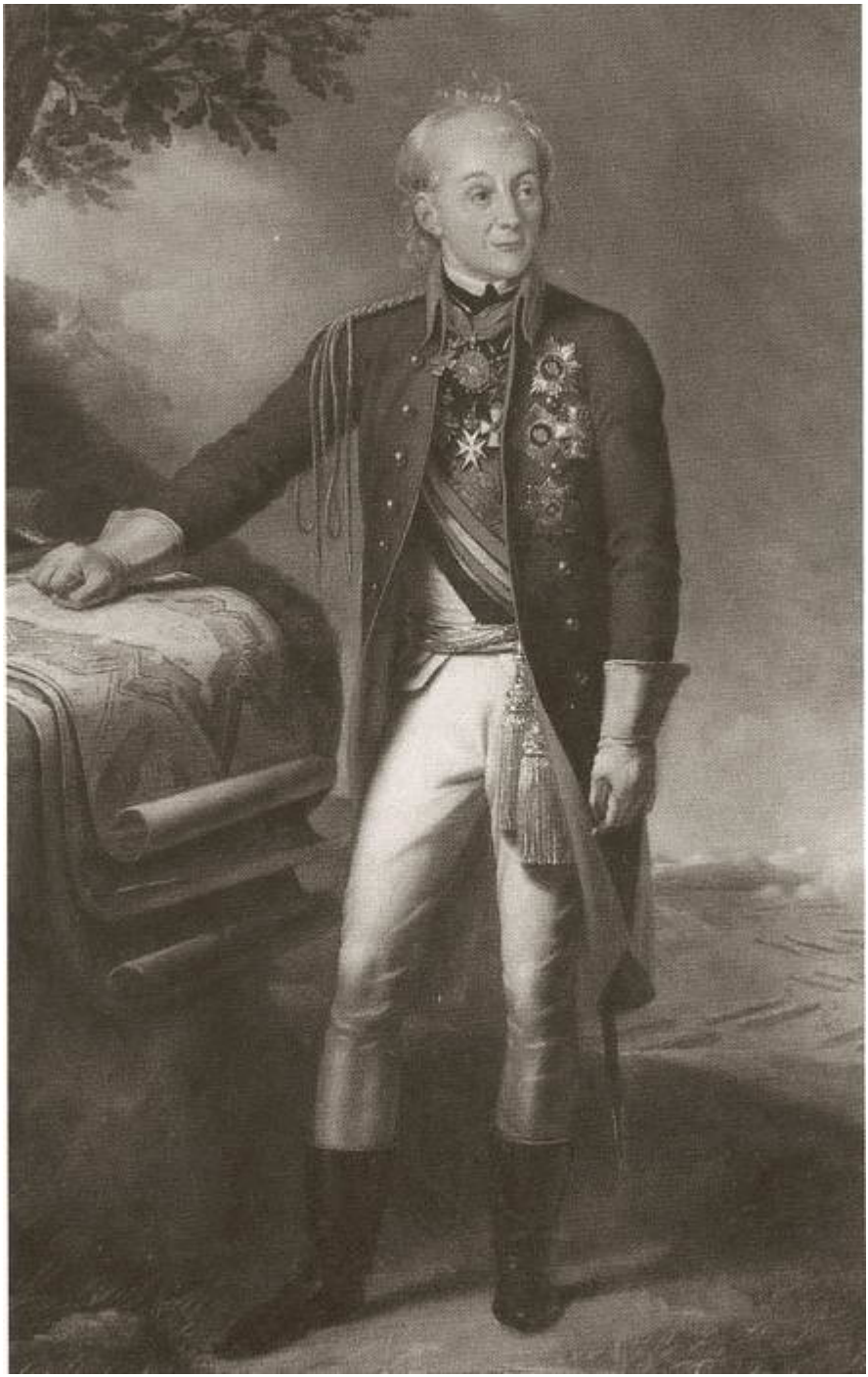
Великий князь Константин Павлович

Великий князь Александр Павлович

Суворов представляет австрийскому императору Францу II русские войска под Веной. И. Сауидерс, Конец XVIII — начало XIX вв.

А.В. Суворов, К. Штейбен. 1815 г.

Петр Иванович Багратион. Неизвестный художник. Конец XVIII — начало XIX в.

Михаил Андреевич Милорадович. Раскрашенная гравюра С. Шифляра. 1810-е гг.

Сражение при Треббии 6—8 июня 1799 года. Неизвестный художник. 1799 г.

Андре Массена. Г. Физишгер. XIX в.

Бартелеми Катрин Жубер. Ж. Ш. Леваше. Конец XVIII — начало XIX в.

Бой за Чертов мост 14 сентября 1799 года. Гравюра Ф. Вендрамини по рисунку Р. Портера. 1805 г.

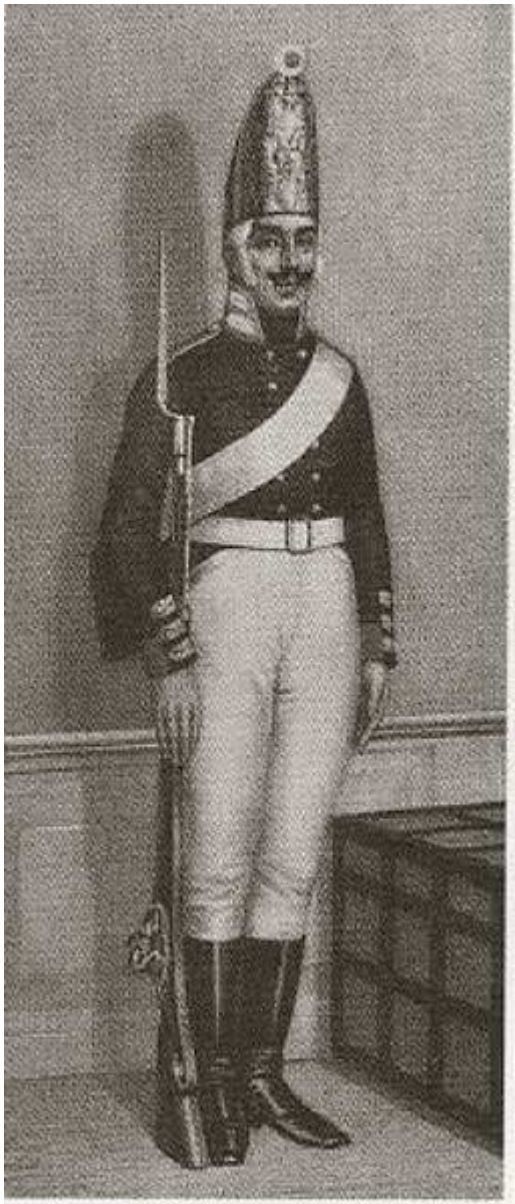
Переход русских войск через хребет Паникс в 1799 году. А.Е. Коцебу. 1860 г.

Орден Святого Иоанна Иерусалимского (Мальтийский крест). Рукопись книги А.В. Суворова « Наука побеждать». Конец XVIII в.

Александр Васильевич Суворов. Гравюра А. Осипова с миниатюры К. де Местра 1799 г., посвященная С Глинкой «Последователю славы Суворова графу Михаилу Андреевичу Милорадовичу». 1814 г.

Гренадер Лейб-гренадерского полка в 1802-1805 годах. Середина XIX в.

Мушкетерский унтер-офицер в 1803-1805 годах. Середина XIX в,

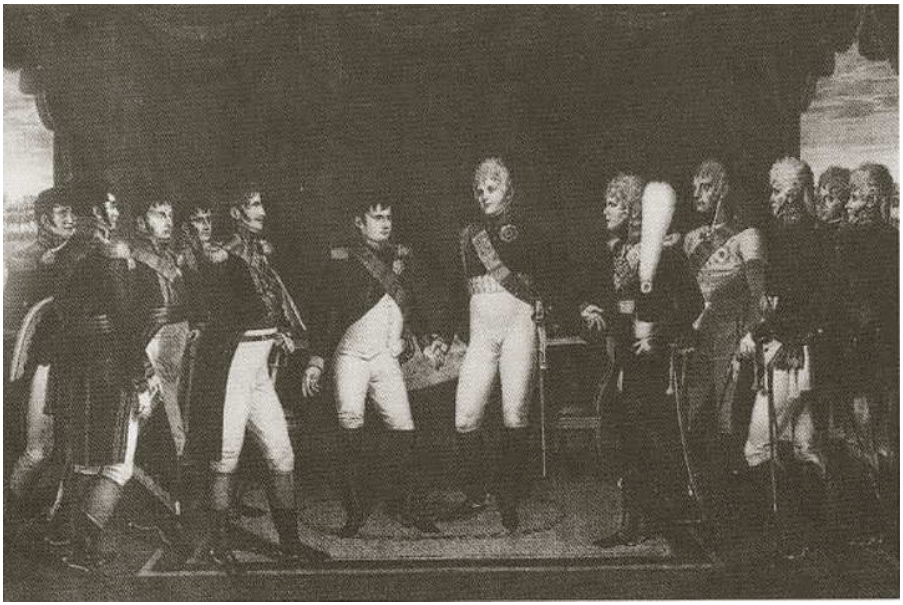
Генерал лейб-гвардии Измайловскою полка в 1802—1807 годах. Середина XIX в.

Битва при Аустерлице 2 декабря 1805 года. Офорт Бланшара по живописному оригиналу Б. Жерера. Первая половина XIX в.

Михаил Илларионович Кутузов. Гравюра Д. Годби по оригиналу Я. Волкова, 1814 г.

Встреча императоров Александра I и Наполеона в павильоне на плоту на Немане в полдень 25 июня 1807 гола. Акватинта Ю. Фрейндхофа по живописному оригиналу Х. Делинга. 1898 г.

Али-паша

Турецкие ятаганы. Вторая половина XVIII в.

Мост в Бухаресте. Д.О. Раффе, 1837 г.

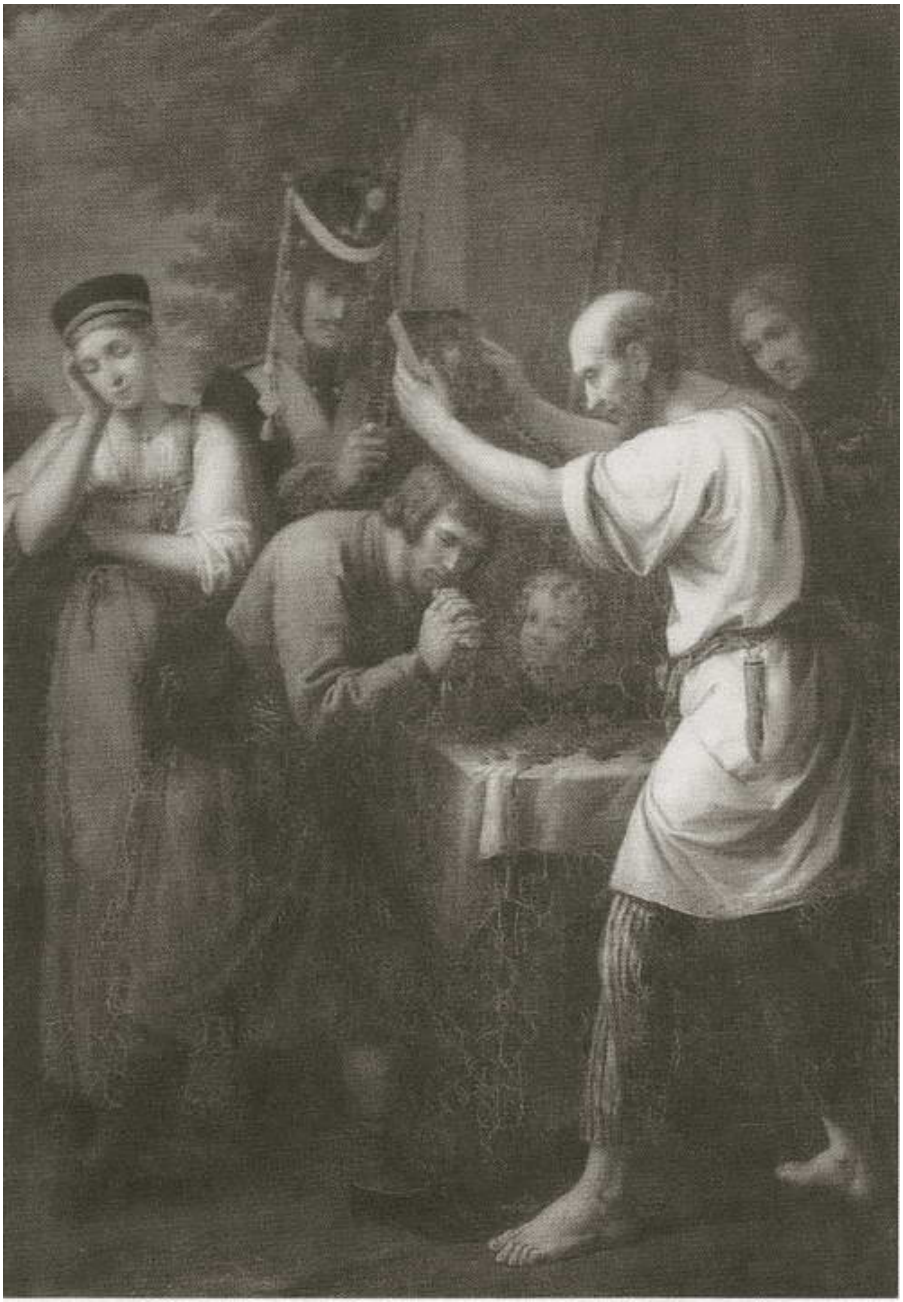
Александр Федорович Ланжерон

Иван Иванович Михельсон

Вид города Киева. Литография по оригиналу В. Христофорова. Середина XIX в.

Благословение ополчения 1812 года (Рекрут, прощающийся со своим семейством). И.В. Лучанинов. 1812г.

Михаил Андреевич Милорадович. Начало XIX в.

Император Александр Павлович. Акварель Э. фон Гау. Первая четверть XIX в.

Наполеон I. П. Деларош. 1840 г.

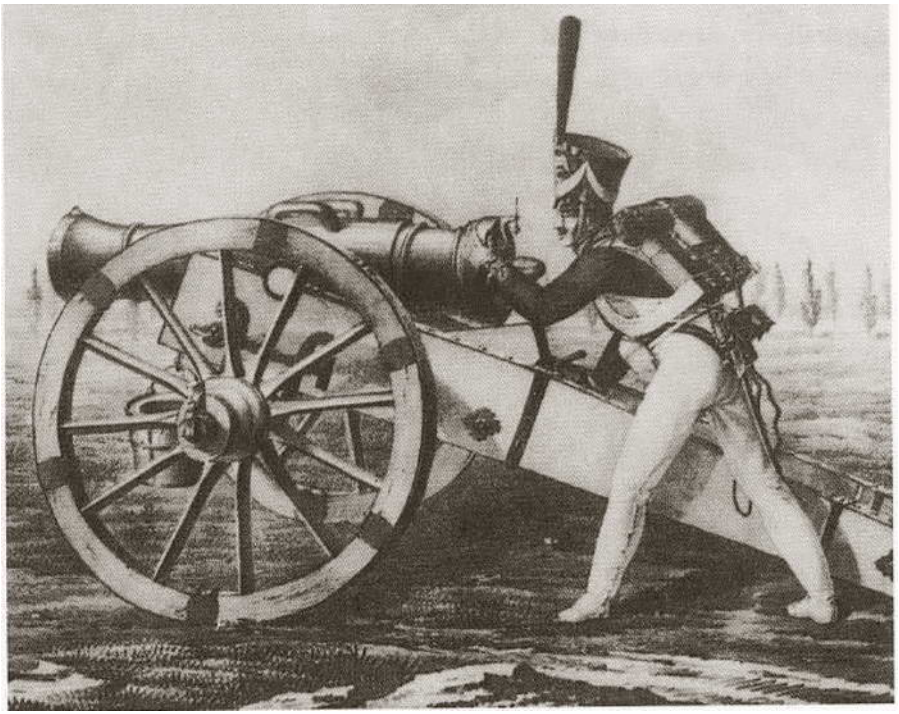
Смоленск на правом берегу Днепра 19 августа 1812 года (Убитый егерь). Х. В. Фабер дю Фор, 1830-е гг.

Русские гренадеры. Л.И. Киль, 1813 г.

Русские егеря. Л.И. Киль, 1816 г.

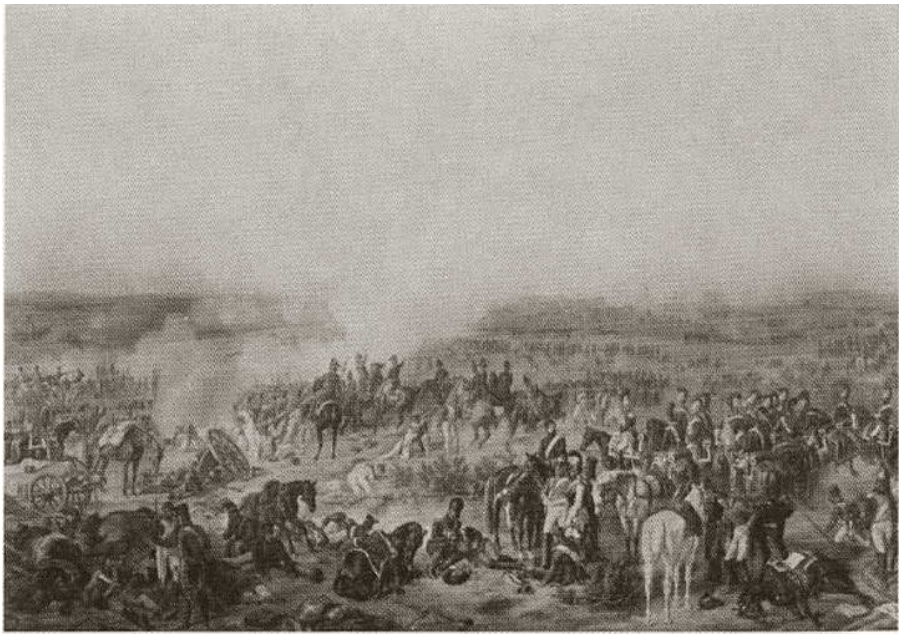
Русский артиллерист-наводчик. Литография. Первая четверть XIX в.

Петр Иванович Багратион. Д. Доу. 1820-е гг.

Михаил Богданович Барклай-де-Толли. Гравюра К. Зенфа. 1816 г.

Атака центральной батареи. А. Адам. 1830-е гг.

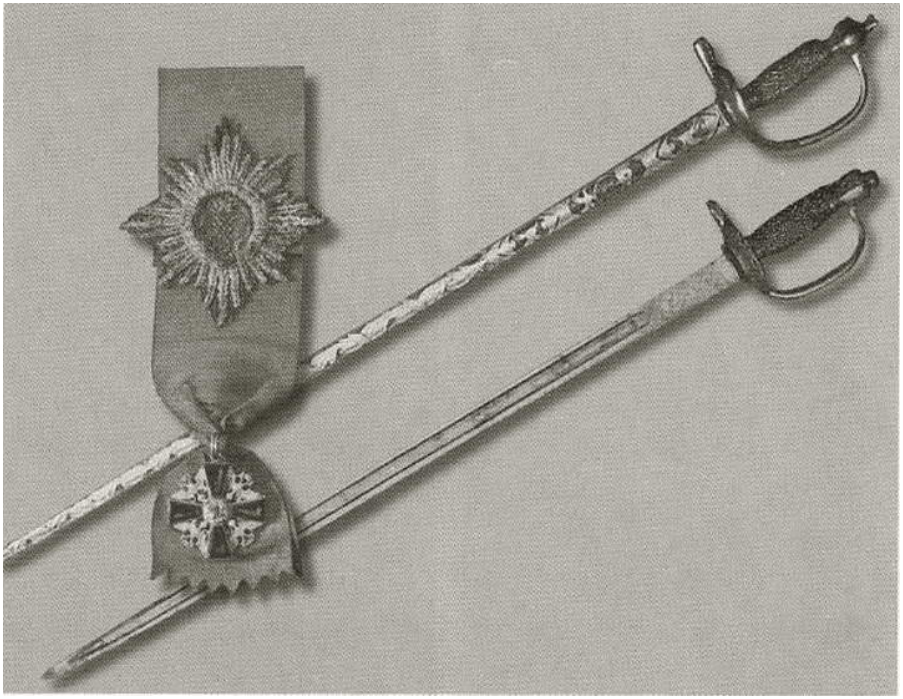
Иоахим Мюрат. А. Адам. 1830-е гг.

Михаил Андреевич Милорадович. Гравюра Ф. Боллингера с оригинала Гейзингера. Начало XIX в.

Французы в Москве. Неизвестный художник. 1844 г.

Орден Снятого Александра Невского. Начало XIX в. Офицерские шпаги участников Отечественной войны 1812 года. Первая четверть XIX в.

Сражение под Малоярославцем. П. Хесс. Фрагмент. 1840-е гг.

Яков Алексеевич Потемкин. Д. Доу. 1820-е гг.

Василий Григорьевич Костеленский. Д. Доу 1820-е гг.

Алексей Григорьевич Щербатов. Неизвестный художник. 1840 г.

Алексей Петрович Ермолов. Д. Доу. 1820-е гг.

Освобождение Вязьмы. Неизвестный художник. 1820-е гг.

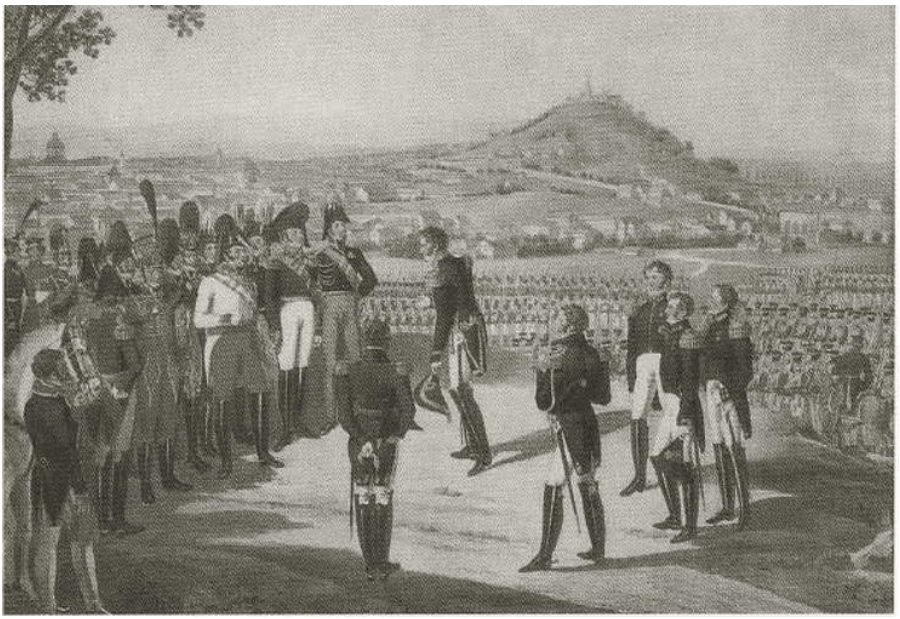
Петр Христианович Витгенштейн. Д. Доу. 1820-е гг.

Александр Иванович Остерман-Толстой. Д. Доу. 1820-е гг.

Королевский замок в Варшаве. С гравюры начала XIX в.

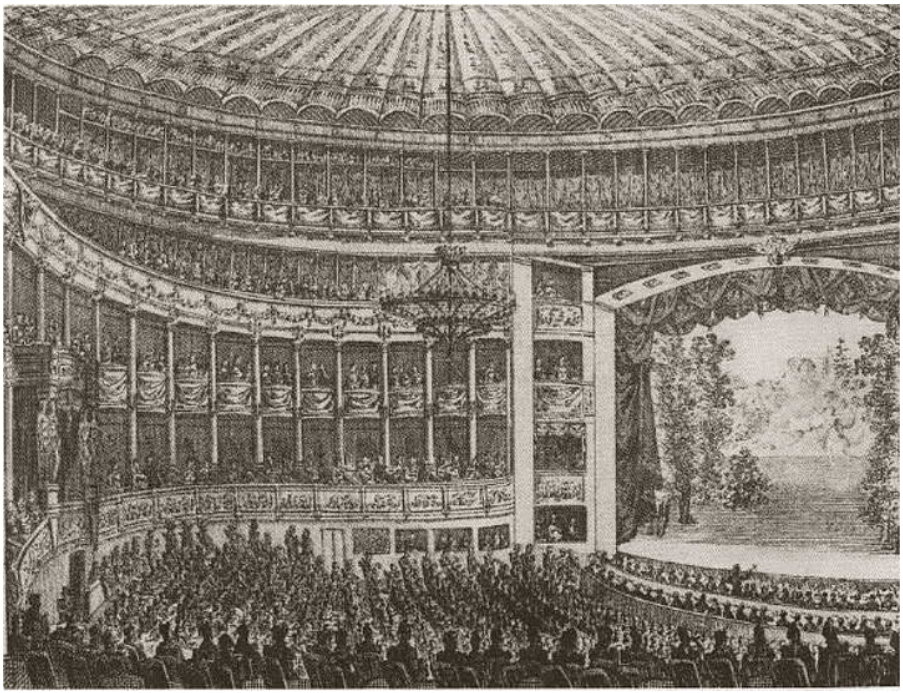
Капитуляция Парижа 19 (31) марта 1814 года. Раскрашенная гравюра. Австрия. Первая четверть XIX в.

Въезд императора Александра I в Париж. Гравюра неизвестного художника. Первая четверть XIX в.

Невский проспект, 12. Дом, в котором проживал М.А. Милорадович в 1818—1824 годах. Литография из альбома «Панорама Невского проспекта». 1830-е гг.

Зрительный зал петербургского Большого театра. Гравюра С.Ф. Галактионова по рисунку П.П. Свиньина. 1820-е гг,

Император Николай I. П. Ж. Поль-Пети. Вторая четверть XIX в.

Цесаревич Константин Павлович. Гравюра с портрета О. Киселева (?). 1820-е гг.

7 ноября 1824 года на площади у Большого театра. Ф.Я. Алексеев (?). 1824 г,

Петр Григорьевич Каховский

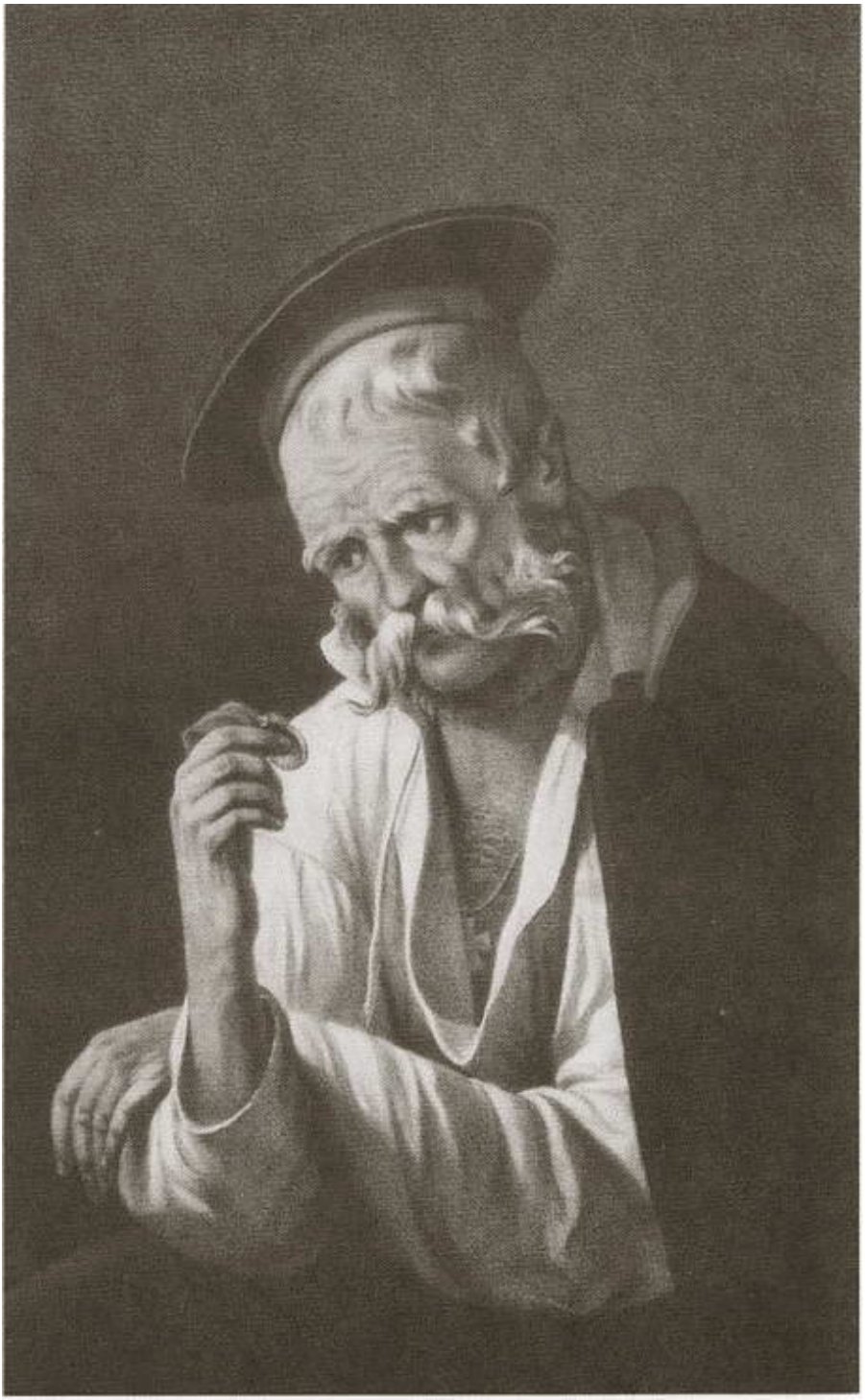
Александр Иванович Якубович

Восстание 14 декабря 1825 года. В. Тимм. 1853г.

Нанесение смертельной рапы Милорадовичу 14 декабря 1825 года. С рисунка А.И. Шарлеманя, принадлежащего Г. Милорадовичу. XIX в.

Солдат-ветеран Отечественной войны 1812 года. Раскрашенная литография П. Ж. Поль-Пети с картины Р. Жуковского, 1844 г.

notes

1

Дело Ф.Н. Глинки // Восстание декабристов. Документы. Дела Уголовного суда и Следственной комиссии. М., 2001. Т. 20. С. 128.

2

Фелькнер В.И. 14 декабря 1825 года. Из записок генерал-лейтенанта В.И. Фелькнера // Русская старина. 1870. Т. 3. № 8. С. 158.

3

Мемуары отставного генерал-лейтенанта барона Василия Романовича фон Каульбарса, начатые в ноябре 1860 года // *Бондаренко А.Ю.* Конногвардейцы. М., 2006. С. 281.

4

Записки Николая I // Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. М.; Л., 1926. С. 28.

5

Попов М.М. II Декабристы в воспоминаниях современников. М., 1988. С. 259-260.

6

Из переписки Николая I и Константина Павловича // Междуцарствие 1825 года… С. 175.

7

Василий Г. Восшествие на престол императора Николая I. М. […]. С. 101.

Там же. С. 84.

Корф М.А. Восшествие на престол императора Николая I. СПб., 1858.

10

Вюртембергский (Виртембергский) Евгений Фридрих Карл Павел Людвиг (1788—1857), герцог (до 1822 года — принц) — племянник супруги императора Павла I императрицы Марии Федоровны.

11

Из воспоминаний принца Евгения Виртембергского // Между царствие 1825 года… С. 119.

12

Заметки Николая I на полях рукописи М.А. Корфа // Междуцарствие 1825 года… С. 45.

13

Михайловский-Данилевский А.И. Воспоминания о графе М.А. Милорадовиче // Сто русских литераторов. СПб., 1844. Т. 3. С. 4.

14

Записки Н.Н. Муравьева // Русский архив. 1885. Кн. 3. № 11. С. 356.

15

Симанский П.Н. Перед войной 1812 года (Характеристики французских и русских генералов) // Военный сборник. 1906. № 1. С. 14.

Б.Ф. Доблести графа Милорадовича // Отечественные записки. 1826. Ч. 25. С. 127.

17

Семевский М.В. Граф Михаил Андреевич Милорадович. 1770 — 1825 гг. (Материалы для его биографии) // Военный сборник. 1869. № 10. С. 190.

18

Деяния графа Михаила Андреевича Милорадовича в Италии, Швейцарии, Турции, Германии, в достопамятную Отечественную вой ну в России 1812 года, в Германии и Франции 1813, 1814 и 1815 годов. СПб., 1816. Ч. 1. С. 3.

19

Анекдоты и черты из жизни графа Милорадовича / Собраны графом М-чем. СПб., 1886. С. 57.

20

Первая колонна марширует… вторая колонна марширует… *(нем.)*.

21

Там же. С. 59.

22

Граф Михаил Андреевич Милорадович (Биографические сведения). Полтава, 1887. С. 5.

23

От Рождества Христова.

24

Жизнь и подвиги князя Милоша Обреновича, верховного вождя и предводителя народа сербского. СПб., 1825. С. I.

25

Лесков Н. С Популярные русские люди. Граф Михаил Андреевич Милорадович// Собр. соч. М., 1958. Т. 10. С. 151.

26

Несколько слов о роде дворян Милорадовичей. Чернигов, 1857. С. 4.

Там же. С. 3.

28

Глинка Ф.Н. Краткое обозрение военной жизни и подвигов графа Милорадовича. СПб., 1818. С. 3.

Лазаревский Ал. Люди старой Малороссии // Киевская старина. 1882. Т. 1. С. 479.

Военная энциклопедия. СПб., 1914. Т. 15. С. 291.

Лазаревский Ал. Указ. соч. С. 484.

32

Там же. С. 494.

33

Бунчужные — войсковые чины в казацком войске XVI—XVII веков. Над ними стоял генеральный бунчужный, помощники которого — бунчуковые товарищи — состояли при гетмане адъютантами.

Петров П.Н. История родов русского дворянства. СПб., 1886. С. 125.

35

Андрей Степанович Милорадович, покоритель Мачина в 1771 году. Биографический очерк. СПб., 1877. С. 330.

36

Лейб-компания (Лейб-кампания) — привилегированное подразделение, созданное на основе 1-й гренадерской роты лейб-гвардии Преображенского полка, возведшей на престол императрицу Елизавету Петровну. Зачисление в Лейб-кампанию считалось почетной наградой.

Поливанов М. Милорадович // Русский биографический словарь. М., 1999. Дополнит, т. С. 172.

Военная энциклопедия. С. 291.

39

Записка Я. Штелина о последних днях царствования Петра III // Дворцовые перевороты в России. 1725—1825. Ростов-на-Дону, 1998. С. 344-345.

Переворот 1762 года. М., 1997. С. 217-218.

41

Андрей Степанович Милорадович, покоритель Мачина… С. 336.

Анекдоты и черты из жизни графа Милорадовича… С. 22.

Давыдов Д.В. Военные записки. М., 1982. С. 11.

Давыдов Д.В. Дневник партизанских действий 1812 г. Л., 1985. С. 191.

Б.Ф. Доблести графа Милорадовича… С. 128.

Мамышев В.Н. Генерал от инфантерии граф Михаил Андреевич Милорадович. СПб., 1904. С. 6.

Масловский С. Суворов // Русский биографический словарь. СПб., 1912. С. 17.

Лесков Н.С. Указ. соч. С. 151.

Великий князь Николай Михайлович // Военная галерея 1812 го да. СПб., 1912. С. 153.

П.А. Румянцев. Документы. М., 1953. Т. 2. С. 487.

Поливанов М. Указ. соч. С. 172.

П.А. Румянцев. Документы. С. 495.

Суворов А.В. Письма. М., 1986. С. 33.

54

Сражение у этого болгарского села произошло 9 (20) июня 1774 года.

55

Озеров Семен Петрович (1725 —после 1805) — генерал-поручик, вскоре после упомянутых событий вышел в отставку по состоянию здоровья.

56

Андрей Степанович Милорадович, покоритель Мачина… С. 335.

Поливанов М. Указ. соч. С. 172.

Там же. С. 172.

59

Андрей Степанович Милорадович, покоритель Мачина… С. 337.

Семевский М.В. Указ. соч. С. 143.

61

Там же.

62

Все офицеры роты — кроме командира.

63

Нижний чин, поставленный с особым знаком для указания линии построения войска (совр. — линейный).

Чичерин А. История лейб-гвардии Преображенского полка. 1683— 1883 гг. СПб., 1883. Т. 2. С. 349-352.

Щербатов А.Г. Мои воспоминания. СПб., 2006. С. 33.

Анекдоты и черты из жизни графа Милорадовича… С. 10.

Военная энциклопедия. С. 291.

Семевский М.В. Указ. соч. С. 143.

69

Данилевский И.Л. (? —1807) — впоследствии Михайловский-Данилевский, действительный статский советник, отец генерал-лейтенанта А.И. Михайловского-Данилевского.

Мамышев В.П. Указ. соч. С. 7.

71

Там же.

Там же. С. 8.

73

Мой век или история генерала Маевского // Русская старина. 1873. Т. 8. № 7. С. 148.

Анекдоты и черты из жизни графа Милорадовича… С. 10.

Отечественная война и русское общество. М., 1911. Т. 1. С. 50.

Анекдоты графа Михаила Андреевича Милорадовича. М., 1895. С. 10.

Левенвольде Карл Густав, граф (16? —1735) — генерал-поручик, первый командир Измайловского полка.

78

Бирон Эрнст Иоганн, граф (1690—1772) — фаворит Анны Иоанновны, герцог Курляндский.

Военная энциклопедия. с. 202.

Гордин Я.А. Меж рабством и свободой. СПб., 1994. с. 299.

81

Зноско-Боровский Н. История лейб-гвардии Измайловского полка. СПб., 1882. с. 267-270.

Булгарин Ф.В. Воспоминания. М., 2001. с. 175.

83

Федор Яковлевич Миркович: 1789—1866. Его жизнеописание по собственным его запискам, воспоминаниям близких людей и подлинным документам // *Бондаренко А.Ю.* Конногвардейцы. М., 2006. с. 256.

84

Несколько искаженная цитата из «Евгения Онегина».

Лесков Н. С Указ. соч. с. 152.

Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. с. 5.

Стуколкин Л, П. Преподаватель и распорядитель бальных танцев. СПб., 1890. с. 5-6.

Глинка С.Н. Записки. М., 2004. с. 361.

89

Комаровский Евграф Федотович, граф (1769—1843) — генерал-адъютант, генерал от инфантерии. Был адъютантом великого князя Константина Павловича и сопровождал его в Итальянском походе Суворова. Командир корпуса внутренней стражи, сенатор. Состоял временным военным губернатором двух частей Петербурга после наводнения 7 ноября 1824 года. Мемуарист.

Комаровский Е. Ф. Записки графа Комаровского. М., 1990. с. 29.

91

Бахметев Алексей Николаевич (1774—1841) — генерал от инфантерии, генерал-губернатор Нижегородский, Казанский, Симбирский и Пензенский, член Государственного совета.

92

Бибиков Александр Александрович (1765—1822) — генерал-лейтенант, тайный советник, сенатор, начальник Санкт-Петербургского и Новгородского ополчения в 1812—1813 годах.

93

Балашов Александр Дмитриевич (1770—1837) — генерал от инфантерии, министр полиции.

Ханыков Василий Васильевич (1759— 1829) — действительный тайный советник, дипломат.

Зноско-Боровский Н. Указ. соч. с. 25.

Там же. с. 27.

Чичерин А. Указ. соч. с. 497.

Леонов О., *Ульянов И.* Регулярная пехота. 1698-1801. М., 1995. с. 158.

Зноско-Боровский Н. Указ. соч. с. 26—27.

Леонов О.у Ульянов И. Указ. соч. с. 257.

Чичерин А. Указ. соч. с. 622—623.

102

Ланжерон Александр Федорович, граф (1763—1831) — французский полковник, тем же чином перешедший на русскую службу в 1790 году; генерал от инфантерии.

103

Лонжерон А.Ф. Русская армия в год смерти Екатерины II // Русский архив. 1895. № 4. с. 172.

Комаровский Е. Ф. Записки графа Комаровского. М., 1990. с. 30.

105

Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций. М., 1993. Кн. 3. с. 238.

Керсновский А.А. История Русской армии. М., 1992. т. 1. с. 158.

Чичерин А. Указ. соч. с. 224.

Керсновский А.А. Указ. соч. с. 157.

109

Мусин-Пушкин Валентин Платонович, граф (1735—1804) — генерал-фельдмаршал. В 1762 году участвовал в перевороте, приведшем к власти Екатерину II. С началом Русско-турецкой войны (1768—1774) состоял при 2-й армии под начальством своего тестя князя В.М. Долгорукова и участвовал в завоевании Крымского ханства. 28 июня 1782 года, по случаю двадцатилетия восшествия на престол Екатерины II, он стал генерал-аншефом, а в следующем году — генерал-адъютантом и был назначен состоять при великом князе Павле Петровиче. В 1786 году получил орден Святого Андрея Первозванного и должность вице-президента Военной коллегии. В 1788 году назначен главнокомандующим в войне со Швецией, в которой русская армия завоевала значительную часть Финляндии с Сант-Михелем и Фридрихсгамом. Занявший императорский престол Павел I назначил графа шефом кавалергардов, а 5 апреля 1797 года произвел его в генерал-фельдмаршалы в связи с коронацией и пожаловал 4 тысячи душ крестьян.

Бородкин М. Военно-исторические заметки. Русская армия при Екатерине II // Военный сборник. 1909. № 8. с. 10.

Чичерин А. Указ. соч. с. 227.

Зноско-Боровский Н. Указ. соч. с. 30.

Мамышев В.Н. Указ. соч. с. 12.

114

Завадовский Петр Васильевич, граф (1783—1812) — действительный тайный советник, сенатор, первый министр народного просвещения.

115

Анекдоты и черты из жизни графа Милорадовича… с. 68.

Мамышев В.Н. Указ. соч. с. 12.

117

Гарновский (Горновский) Михаил Антонович (1764—1810 или 1817) — полковник.

118

Записки Михаила Гарновского // Русская старина. 1876. т. 16. с. 27.

119

Татищев Николай Алексеевич, граф (1739—1823) — генерал от инфантерии. В составе Нижегородского карабинерного полка участвовал в 1768 году в походе против польских конфедератов, был при штурме Варшавы. Во время Русско-турецкой войны (1768—1774) отличился в сражении при Кагуле. Отличился также в сражениях под Турно и Черноводами (1773), под Рущуком и Туртукаем (1740). В 1777 году назначен командиром Новотроицкого кирасирского князя Потемкина полка. В июле 1788 года во главе отряда из трех батальонов (по одному от Преображенского, Семеновского и Измайловского полков) и трех эскадронов Конной гвардии выступил в поход в Финляндию против шведов. С воцарением Павла I уволен от службы с чином генерал-лейтенанта. При Александре I вновь принят на службу, произведен в генералы от инфантерии, назначен командиром Преображенского полка и начальником по инфантерии петербургской инспекции. Екатерина II была крестной матерью его дочери Екатерины.

120

Младшие члены церковного причта (псаломщик, дьячок).

Чичерин А. Указ. соч. с. 228.

Записки Михаила Гарновского… с. 207.

Чичерин А. Указ. соч. с. 229—230.

Штейнвер, барон — командир Гатчинского батальона.

Шильдер Н. К Император Павел I. М., 1997. с. 186.

Там же. с. 187-188.

Чичерин А. Указ. соч. с. 231.

Бородкин М. Указ. соч. с. 20.

129

Бантыш-Каменский Д.Н. Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. СПб., 1840. Ч. 2. с. 253.

Зноско-Боровский Я. Указ. соч. с. 30.

Мамышев В.Н. Указ. соч. с. 13.

Чичерин А. Указ. соч. с. 310.

Мамышев В.Н. Указ. соч. с. 13—14.

Зноско-Боровский Я. Указ. соч. с. 34.

135

Игельстром Иосиф Андреевич, граф (1737—1817) — генерал от инфантерии. Был наместником симбирским, уфимским, псковским, киевским и черниговским, а отсюда переведен в Варшаву. После Польского восстания 1794 года вышел в отставку. Павел I снова принял его на службу и назначил оренбургским генерал-губернатором.

136

Салтыков Иван Петрович, граф (1730—1805) — генерал-фельдмаршал. В 1796 году — киевский военный губернатор и инспектор кавалерии. С 1797 года — московский первый военный губернатор, президент Департамента Комиссии о снабжении столичного города Москвы припасами, начальствовавший в Москве и по гражданской части.

Шильдер Н. К. Указ. соч. с. 190.

Чичерин А. Указ. соч. с. 231—253.

Семевский М.В. Указ. соч. с. 143.

Бородкин М. Указ. соч. с. 13.

Чичерин А. Указ. соч. с. 622—623.

142

Репнин Николай Васильевич, князь (1734—1801) — генерал-фельдмаршал (1796) и дипломат; числился подполковником Измайловского полка с 25 марта 1775-го по 15 ноября 1796 года. В 1763—1769 годах — посол в Польше, заключил Варшавский договор 1768 года. Участник Русско-турецких войн (1768—1774 и 1787—1791), фактический главнокомандующий армией (1791); одержал победу в Мачинском сражении, сыграл важную роль при заключении мирных договоров 1774 и 1791 годов.

Комаровский Е. Ф. Указ. соч. с. 30.

Бантыш-Каменский Д.Н. Указ. соч. с. 228.

Чичерин А. Указ. соч. с. 631.

Шильдер Я К Указ. соч. с. 441.

147

Рудаков В.Е. Генералиссимус князь А.В. Суворов в анекдотах и рассказах современников. СПб., 1900. с. 47.

Комаровский Е. Ф. Указ. соч. с. 33.

Шильдер Н. К Указ. соч. с. 226.

История Русской Армии и Флота. М., 1911. с. 3.

151

Аракчеев Алексей Андреевич, граф (1769—1834) — генерал от артиллерии (1807), государственный и военный деятель. Фаворит императора Павла I, с 1796 года — комендант Санкт-Петербурга, в 1797—1799 годах—генерал-квартирмейстер всей армии, в 1799 году и с 1803 года — инспектор артиллерии, провел ее реорганизацию. В 1808—1810 годах — военный министр, с 1810 года — председатель Департамента военных дел Государственного совета. В 1815—1825 годах — доверенное лицо императора Александра I, единственный докладчик по большинству ведомств. С 1819 года — главный начальник над военными поселениями (в 1821—1826 годах — главный начальник Отдельного корпуса военных поселений). По повелению Александра I разработал проект освобождения крестьян (1818, не осуществлен). С 1826 года жил главным образом в своем имении.

152

Вознесенский проспект; ныне эта часть его называется Измайловским проспектом.

Комаровский Е. Ф. Указ. соч. с. 35.

154

Милютин Д.А. История войны 1799 года между Россией и Францией в царствование императора Павла 1.2-е изд. СПб., 1857. т. 1. Ч. 1. с. 13.

Чичерин А. Указ. соч. с. 627.

Шильдер Н. К Указ. соч. с. 233.

Комаровский Е. Ф. Указ. соч. с. 36—37.

158

Там же. с. 36.

159

Рассказы князя П.М. Волконского // Русская старина. 1876. № 5. с. 179-180.

Щербатов А.Г. Указ. соч. с. 35—36.

161

Штиблеты — накладные голенища с боковыми застежками, сделанные из полотна, кожи, сукна.

Комаровский Е. Ф. Указ. соч. с. 37—38.

Шильдер Н. К Указ. соч. с. 193.

Керсновский А.А. Указ. соч. с. 181.

165

Там же. с. 178.

Отечественная война и русское общество. с. 134.

Чичерин А. Указ. соч. с. 631.

Комаровский Е. Ф. Указ. соч. с. 38.

Чичерин А. Указ. соч. с. 630.

170

Энгельгардт Л.Н. Записки Льва Николаевича Энгельгардта (1766-1836). М., 1867. с. 197.

171

Щербатов Алексей Григорьевич, князь (1776—1848) — генерал от инфантерии, генерал-адъютант, член Государственного совета. Службу начал в 1796 году и, понравившись Павлу I, сделал быструю карьеру: в 1801 году — генерал-майор с назначением командиром пехотного полка. В кампанию 1806—1807 годов отличился при Голымине, Пултуске, Прейсиш-Эйлау. Участвовал в обороне Данцига. Был взят в плен. После Тильзитского мира вернулся в Россию. В 1809—1810 годах — в составе Дунайской армии. Тяжело ранен при осаде Шумлы. С 1809 года командовал 18-й пехотной дивизией, которая в 1812 году вошла в состав 3-й Западной армии. Участвовал в сражениях при Брест-Литовске, Кобрине, Городечне, Борисове, Студенке. После сражения при Городечне — командир корпуса 3-й Западной армии. Отличился в бою при селе Поддубье. 16 ноября 1812 года произведен в генерал-лейтенанты и получил в командование 6-й пехотный корпус. В 1813 году участвовал в осаде Торна. При Кенигсварте разгромил итальянский корпус. Отличился в сражении при Кацбахе и Лейпциге, под Левенбергом и при Бриене. Участвовал в осаде Суассона и взятии Парижа. С 1826 года — командир 2-го пехотного корпуса. Участник подавления Польского восстания в 1831 году. С мая 1832 года — председатель Генерал-аудиториата. В 1839 году назначен членом Государственного совета, а в 1840 году возглавил Комитет о раненых. С 1844 года — московский генерал-губернатор.

Щербатов А.Г. Указ. соч. с. 36.

173

Волконский Петр Михайлович, светлейший князь (1776—1852) — военный и государственный деятель, генерал-фельдмаршал (1850), почетный член Петербургской Академии наук (1813). В Отечественную войну 1812 года — начальник штаба действующей армии (с декабря). В 1815—1823 годах — начальник Главного штаба. Министр императорского двора и уделов (с 1826) и канцлер российских орденов (с 1842).

Рассказы князя П.М. Волконского… с. 183.

Комаровский Е. Ф. Указ. соч. с. 37.

Чичерин А. Указ. соч. с. 631—632.

Шильдер Н. К Указ. соч. с. 237.

Керсновский А.А. Указ. соч. с. 179.

Щербатов А.Г. Указ. соч. с. 35.

180

История Русской Армии и Флота. с. 18.

181

Там же. с. 19.

Греч Н. К. Записки о моей жизни. М., 2002. с. 99.

183

Рассказы князя П.М. Волконского… с. 181.

184

Там же. с. 183.

185

Орлов-Чесменский Алексей Григорьевич, граф (1737—1808) — генерал-аншеф (1769), один из главных участников дворцового переворота 1762 года. Имел большое влияние при дворе, хотя практически не вмешивался в государственные дела. В 1765 году послан в южные губернии для предотвращения волнений казаков и набегов крымских татар. В начале Русско-турецкой войны (1768—1774), находясь на лечении в Италии, предложил правительству план военно-морских операций в Средиземном море и был назначен командующим средиземноморской эскадрой. В 1770 году взял крепость Наварин, сделав ее временной базой российского флота. Полностью уничтожил турецкий флот в Чесменской бухте. Затем овладел многими островами Греческого архипелага (Тенедосом, Лемносом, Лесбосом, Паросом и др.). По заключении Кючук-Кайнарджийского мира (1774) удостоен титула Чесменского; в Царском Селе был воздвигнут памятник в его честь. В 1775 году выполнил тайное поручение Екатерины II по аресту и доставке в Россию из Италии Елизаветы Таракановой, выдававшей себя за дочь императрицы Елизаветы от морганатического брака с А.Г. Разумовским. В связи с опалой брата Григория ушел в декабре того же года в отставку и поселился в своих подмосковных поместьях. Увлекся скачками и коневодством; в его конюшнях вывели знаменитую породу орловских рысаков. Во время Русско-французской войны (1806—1807) командовал отрядом земской милиции, сформированным исключительно на его средства.

Шильдер Н. К. Указ. соч. с. 251.

Щербатов А.Г. Указ. соч. с. 36.

Шильдер Н.К. Указ. соч. с. 458.

Греч Н. К. Указ. соч. с. 211.

Щербатов А. Г. Указ. соч. с. 36.

191

Из воспоминаний А.И. Михайловского-Данилевского // Русская старина. 1899. т. 100. № 12. с. 562.

Лесков Н.С. Указ. соч. с. 152.

Российский архив. М., 1996. № 7. с. 291-637.

194

Из воспоминаний А.И. Михайловского-Данилевского… с. 562.

Шильдер Н.К. Указ. соч. с. 266.

Масловский С. Указ. соч. с. 57—58.

Шильдер Н.К. Указ. соч. с. 313.

Лебедев П.С. Преобразователи Русской армии в царствование императора Павла Петровича // Русская старина. 1877. т. 18. с. 577.

Зноско-Боровский Н. Указ. соч. с. 37.

200

Записка графа С.Р. Воронцова о Русском войске. 1802 г. // Русский архив. 1876. № 10. с. 347.

201

Военная энциклопедия. с. 617.

202

Дендрыгин (Дендригин) Спиридон Дмитриевич (1754—?) — полковник с 28 июня 1799 года, дослужился до генерал-майора. С 13 февраля 1801 года действительный статский советник, назначен инспектором Кизлярского карантина.

203

История Апшеронского полка. СПб., 1892. т. 1. с. 227.

204

Анекдоты и черты из жизни графа Милорадовича… с. 100, 104.

Ланжерон А.Ф. Указ. соч. с. 172.

История Апшеронского полка. с. 228.

Ланжерон А.Ф. Указ. соч. с. 173.

208

Письмо А.И. Якубовича к императору Николаю Павловичу // Из писем и показаний декабристов. Критика современного состояния России и планы будущего устройства. СПб., 1906. с. 78—79.

209

Михайловский-Данилевский А.И. Император Александр I и его сподвижники в 1812, 1813, 1814, 1815 годах // Военная галерея Зимнего дворца. СПб., 1845. т. 2. (В данном издании очерк о каждом из генералов имеет отдельную нумерацию страниц, а потому указывать эти номера не имеет смысла.)

История Апшеронского полка. с. 229.

211

Глинка Ф.Н. Обед у Милорадовича // Московский городской ли сток. 1847. 11 января.

Керсновский А.А. Указ. соч. с. 18.

Бескровный Л. Г Русская армия и флот в XIX веке. М., 1973. с. 73.

214

Михаил Павлович, великий князь (1798—1848) — генерал-фельдцейхмейстер.

Корф М.А. Записки. М., 2003. с. 591.

Ланжерон А.Ф. Указ. соч. с. 148.

217

Письмо А.И. Якубовича… с. 78.

Ланжерон А.Ф. Указ. соч. с. 149.

219

Шульц-фон-Ашераден Вильгельм Васильевич, барон (1740—1792) — участник многих войн, выборгский обер-комендант в 1791— 1792 годах.

Бородкин М. Указ. соч. с. 19.

221

Линь Шарль Жозеф, де, принц (1735—1814) — бельгиец, служил в различных европейских армиях, фельдмаршал с 1808 года, военный писатель.

Там же. с. 18.

Ланжерон А.Ф. Указ. соч. с. 154.

Последний довод *(лат.)*.

Поджио А.В. Записки, письма. Иркутск, 1989. с. 75.

Милютин Д.А. Указ. соч. с. V.

Рылеев К.Ф. К временщику // Поэты-декабристы. М., 1949. с. 12.

Милютин Д.А. Указ. соч. с. 177.

Бантыш-Каменский Д.Н. Указ. соч. с. 142.

230

Поход в Италию в 1799 году. Рассказ старика суворовского ратника // Москвитянин. 1844. № 1. с. 125.

231

Петрушевский А. Генералиссимус князь Суворов. СПб., 1884. т. 3. с. 6.

Шильдер Н. К Указ. соч. с. 278.

Отечественная война и русское общество. с. 132.

234

Розенберг Андрей Григорьевич (1739—1813) — генерал от инфантерии, командир корпуса. Его корпус численностью в 20 тысяч человек находился в Австрии с октября 1798 года.

235

История Апшеронского полка. с. 227.

Милютин Д.А. Указ. соч. с. 84.

Ланжерон А.Ф. Указ. соч. с. 147—148.

238

Дурова Надежда Андреевна (1783—1866) — первая русская женщина-офицер, штабс-ротмистр; писатель.

Дурова Я А. Избранные сочинения кавалерист-девицы Н.А. Дуровой. М., 1988. с. 64.

Милютин Д.А. Указ. соч. с. 85.

241

История Апшеронского полка. с. 229.

Поливанов М. Указ. соч. с. 174.

243

Львов Сергей Лаврентьевич (1740—1812) — генерал от инфантерии. Участник штурмов Очакова и Измаила. Родство с Потемкиным помогло ему сделать быструю и блестящую карьеру; в 1788 году отличился при штурме Очакова. В 1790 году при штурме Измаила командовал 1-й колонной правого крыла, был ранен во время штурма и по представлению Суворова награжден орденом Святой Анны 1-й степени. Впоследствии командовал Белорусским егерским корпусом. Император Павел произвел его в генерал-поручики и генералы от инфантерии (1800), назначил членом Военной коллегии, но затем уволил его от службы.

Ферстер Иван Иванович (1752—1807) — генерал-лейтенант, архангельский военный губернатор (1803—1807).

245

История Апшеронского полка. с. 229.

Комаровский Е. Ф. Указ. соч. с. 49.

247

Саксен-Кобург-Заальфельд Фридрих Иосия фон, принц (1737—1817) — австрийский фельдмаршал. Участник Семилетней войны (1756—1763). Особенно отличился в сражениях при Лобозице, Праге и Гохкирхене. После окончания войны быстро достиг высоких военных чинов: в 1766 году — генерал-майор и в 1773 году — фельдмаршал-лейтенант. С 1778 по 1786 год — комендант города Пресбурга (Братислава). В 1786 году произведен в генералы от кавалерии и назначен военным губернатором Галиции и Буковины. В 1787—1791 годах участвовал в войне с Османской империей. Разбил турок под Хотином, Яссами, при Рогатине (1788), при Фокшанах, на реке Рымник (совместно с русскими войсками под командованием А.В. Суворова, 1789). Завершил кампанию вступлением в Бухарест. С 1791 по 1793 год — губернатор Венгрии. В качестве главнокомандующего австрийской армии участвовал в войне с революционной Францией (1793—1794). В последующие годы занимал должности только в тыловых службах.

Петрушевский А. Указ. соч. с. 7.

Ланжерон А.Ф. Указ. соч. с. 155.

Сталь Жермена, де. 1812 год. Баронесса де Сталь в России // Россия первой половины XIX века глазами иностранцев. Л., 1991. с. 24.

251

Отечественная война и русское общество. с. 132.

Бантыш-Каменский Д.Н. Указ. соч. с. 194—195.

253

Иосиф Карл Франц I — с 1792 года австрийский император; он же под именем *Франца II*— император Священной Римской империи до 1806 года.

Комаровский Е. Ф. Указ. соч. с. 49.

255

Герман Иван Иванович (ум. 1801) — генерал от инфантерии, командир корпуса. Его корпус численностью в 11 тысяч человек выступил с зимних квартир с берегов Днестра.

А.В. Суворов. Документы. М., 1953. т. 4. с. 3.

Бантыш-Каменский Д.Н. Указ. соч. с. 144.

Комаровский Е. Ф. Указ. соч. с. 49.

Бантыш-Каменский Д.Н. Указ. соч. с. 145.

Поход в Италию в 1799 году… с. 128.

261

Суворов А.В. Письма. с. 333.

История Апшеронского полка. с. 230—231.

Масловский С. Указ. соч. с. 63.

Анекдоты и черты из жизни графа Милорадовича… с. 23.

265

Суворов-Рымникский Аркадий Александрович, светлейший князь Италийский, граф (1784—1811) — генерал-лейтенант; погиб в реке Рымник, спасая тонущего солдата.

Горчаков Андрей Иванович, князь (1779—1855) — генерал-лейтенант (1800), генерал от инфантерии (1819). Был посредником между императором Павлом I и А.В. Суворовым. Сопровождал Суворова во время Швейцарского и Итальянского походов (1799). Отличился в сражениях при Треббии и Нови. С 1800 года — шеф Невского, с 1805-го — Тамбовского пехотного полка. В 1806-м руководил формированием в Калуге 18-й пехотной дивизии, во главе которой участвовал в кампании 1806 — 1807 годов. Отличился в сражении при Гейльсберге и Фридланде. В 1809 году направлен в армию, предназначенную для военных действий против Австрии. Однако вступил в переписку с австрийским эрцгерцогом Фердинандом, был отдан под суд и уволен с запрещением вновь поступать на службу и жить в Москве и Петербурге. После начала Отечественной войны 1812 года назначен состоять при 2-й Западной армии. Отличился в Бородинском сражении, был тяжело ранен во время контратаки на Багратионовы флеши. После выздоровления вернулся в строй и принял участие в сражениях при Лейпциге, Бриене, Ла-Роть-ере, Бар-сюр-Об. Отличился при взятии Парижа. С 1816 года —член Государственного совета.

Масловский С. Указ. соч. с. 63.

А.В. Суворов. Документы. М., 1953. т. 4. с. 12.

269

Шерер Бартелеки Луи (1747—1804) — французский генерал, командовавший Итальянской армией, в апреле сдал ее генералу Моро; позднее — военный министр Франции.

Край Павел, фон, барон (1735—1804) — австрийский генерал-фельдмаршал-лейтенант.

Масловский С. Указ. соч. с. 63.

Клаузевиц К. 1799 год. М., 1938. с. 124.

Шателер (Шатлер), маркиз (1776—1825) — австрийский генерал-фельдцейхмейстер; в 1799 году — генерал-квартирмейстер штаба Суворова.

Милютин Д.А. Указ. соч. с. 265.

Петрушевский А. Указ. соч. с. 31.

Золотарев В.А. Генералиссимус А.В. Суворов: вершины славы. М., 1999. с. 71.

Милютин Д.А. Указ. соч. с. 266—267.

Петрушевский А. Указ. соч. с. 27.

279

Сражение 14 октября 1806 года между французскими и прусско-саксонскими войсками.

Отечественная война и русское общество. с. 128.

281

С-в Д. Багратион // Русский биографический словарь. СПб., 1900. с. 395.

282

[Старков Я. М.] Рассказы Старого Воина о Суворове. М., 1847. Кн. II. С. 108-109.

С-в Д. Указ. соч. с. 394.

Ермолов А.П. Записки А.П.Ермолова. 1708—1826. М, 1991. с. 152-153.

285

Меласс Михаил Фридрих Бенедикт, барон (1729—1806) — главнокомандующий австрийской армией.

Суворов А.В. Письма. с. 334.

Лесков Н.С. Указ. соч. с. 153.

История Апшеронского полка. с. 235.

289

1799 г. Журнал военных действий отряда князя П.И. Багратиона. СПб., 1903. с. 3.

Петрушевский А. Указ. соч. с. 52—53.

291

Я.И.Я. Воспоминания Суворовского солдата [С.О. Попадичев]. СПб., 1899. с. 110.

292

Серрюрье Жан Матье Филибер, граф (1742—1819) — командир дивизии; впоследствии — маршал Франции.

Мамышев В.Н. Указ. соч. с. 25.

История Апшеронского полка. с. 236.

Давыдов Д.В. Военные записки. М., 1982. с. 163.

Разумовский Андрей Кириллович, князь (1752—1836) — действительный тайный советник. В 1769 году был послан в Архипелаг к адмиралу Спиридову и принимал участие в Чесменской битве (1770). С 1772 года — при дворе, имел влияние на цесаревича Павла Петровича, которое немало беспокоило Екатерину II, решившую в 1779 году назначить Р. послом в Неаполь. В 1784 году переведен в Копенгаген, через два года — в Стокгольм. В 1790 году назначен «министром к королю венгеро-богемскому» в Вену. В 1792 году его стараниями был возобновлен договор между Россией и Австрией. После поражения Римского-Корсакова при Цюрихе по приказанию Павла I оставил Вену и жил в Батурине; затем назначен сенатором. В 1801 году опять назначен послом в Вену. После Тильзитского мира вышел в отставку и оставался в Вене, занимаясь, главным образом, устройством своей знаменитой картинной галереи и не менее славившихся музыкальных вечеров. В 1813 году вступил в свиту Александра во время похода во Францию; в начале 1814 года был назначен уполномоченным для переговоров о мире; за участие в Венском конгрессе награжден княжеским титулом. С 1815 года до самой смерти проживал по преимуществу в Вене. Под влиянием своей второй жены, графини Тюргейм, за несколько лет до смерти принял католичество.

297

А.В. Суворов. Документы. с. 106.

Бантыш-Каменский Д.Н. Указ. соч. с. 148.

299

Дерфельден Вилим Христофорович, фон, граф (1735—1819) — генерал от кавалерии.

Комаровский Е. Ф. Указ. соч. с. 50.

Милютин Д.А. Указ. соч. СПб., 1852. т. 2. Ч. 3. с. 22.

Комаровский Е. Ф. Указ. соч. с. 52.

303

История Апшеронского полка. с. 238.

304

Бальи — крупный государственный чиновник в средневековой Франции, осуществлявший административную и судебную власть в крупной области. Имеется в виду Командорский крест ордена Святого Иоанна Иерусалимского, одним из элементов которого были «бурбонские лилии».

Комаровский Е. Ф. Указ. соч. с. 53.

Милютин Д.А. Указ. соч. СПб., 1852. т. 2. Ч. 3. с. 25.

Петрушевский А. Указ. соч. с. 72.

308

Сафонов Павел Андреевич (1762—1814) — адъютант великого князя Константина; затем — шеф Санкт-Петербургского гренадерского полка; в 1801—1814 годах — комендант Петропавловской крепости в Санкт-Петербурге, генерал-лейтенант.

Комаровский Е. Ф. Указ. соч. с. 55.

История Апшеронского полка. с. 239.

Клаузевиц К. Указ. соч. с. 141.

Чубаров — генерал-майор, командовавший авангардом корпуса Розенберга.

Петрушевский А. Указ. соч. с. 76.

Фукс Е. Б. История генералиссимуса, князя Италийского, графа Суворова-Рымникского. М, 1811. Ч. 2. с. 90.

315

Моро Жан Виктор (1763—1813) — дивизионный генерал, командовал армией в Италии.

316

Виктор Клод Перрэн, герцог Беллюнский (1764—1841) — дивизионный генерал; впоследствии — маршал Франции.

317

Гренье Поль, граф (1768—1827) — дивизионный генерал.

История Апшеронского полка. с. 239—240.

Комаровский Е. Ф. Указ. соч. с. 55.

Н. И. Н. Указ. соч. с. 111.

Клаузевиц К. Указ. соч. с. 141.

322

Фукс Е. Б. История Российско-Австрийской кампании 1799 года под предводительством генералиссимуса, князя Италийского, графа Александра Васильевича Суворова-Рымникского. СПб., 1825. Ч. 1. с. 89.

Комаровский Е. Ф. Указ. соч. с. 54.

Рудаков В.Е. Указ. соч. с. 79.

Комаровский Е. Ф. Указ. соч. с. 55.

326

А.В. Суворов. Документы. с. 69.

327

Там же.

Анекдоты и черты из жизни графа Милорадовича… с. 27.

Ланжерон А.Ф. Указ. соч. с. 189.

Суворов А.В. Письма. с. 336.

331

А.В. Суворов. Документы. с. 102.

Н. И. Н. Указ. соч. с. 120.

333

Казал (Казелле, Касселе) — город на реке Скривиа.

Комаровский Е. Ф. Журнал военных действий Российско-Австрийских войск в Италии // Военный журнал. 1810. Кн. 3. с. 33.

Керсновский А.А. Указ. соч. с. 187—188.

Фукс Е. Б. История генералиссимуса… с. 31.

337

Ростопчин Федор Васильевич, граф (1763—1826) — генерал от инфантерии; главнокомандующий (генерал-губернатор) в Москве с 1812 по 1814 год; член Государственного совета.

338

Воронцов Семен Романович, граф (1744—1832) — генерал от инфантерии, российский политический деятель и дипломат, был послом в Италии, кавалер всех российских орденов. В 1784 году — российский посол в Лондоне, женат на Екатерине Алексеевне Сенявиной (скончавшейся в Венеции в 1784 году). Имел сына — Михаила Семеновича (1782— 1856), впоследствии светлейшего князя и фельдмаршала, участника Прусского похода, Наполеоновских войн, сражения при Бородине.

339

Вести из России в Англию в царствование императора Павла Петровича. Письма графа Ф.В. Ростопчина к графу С.Р. Воронцову // Русский архив. 1876. № 10. с. 77.

Гофкригсрат — австрийский придворный военный совет.

Милютин Д.А. Указ. соч. СПб., 1852. т. 2. Ч. 4. с. 335.

Вести из России в Англию… с. 73.

Милютин Д.А. Указ. соч. СПб., 1852. т. 2. Ч. 3. с. 39.

История Апшеронского полка. с. 242.

345

Там же. с. 245.

Масловский С.. Указ. соч. с. 69.

347

Домбровский Ян Генрих (1755—1818) — польский генерал; сражался при Костюшко; после падения Польши собирал во Францию польские легионы и с ними участвовал во всех французских походах с 1796 по 1813 год. Вернулся в Польшу, сделан генералом от кавалерии и польским сенатором.

Там же. с. 69.

Бантыш-Каменский Д.Н. Указ. соч. с. 161.

350

Макдональд Жан Стефан, герцог Тарентский (1765—1840) — маршал Франции (1809). В 1793 году завоевал Неаполь, в 1799-м разбит при Треббии. Отличился в сражении при Ваграме (1809). В 1810—1812 годах командовал корпусом в Испании. В 1812—1814 годах — в России, Германии и Франции. В 1813 году разбит при Кацбахе. В 1815 году — пэр Франции.

Масловский С.. Указ. соч. с. 69.

352

А.В. Суворов. Документы. с. 177.

353

Исполняемый барабанщиками бой «поход» различался по родам пехоты: «гвардейский», «гренадерский», «армейский», «саперный». За боевое отличие пехотным полкам жаловался «гренадерский марш».

История Апшеронского полка. с. 241.

355

Лапуап Жан Франсуа Корню, барон (1758—1851)— дивизионный генерал.

356

Монришар Жозеф Эли Дезире Перрюке, де (1760—1828) — дивизионный генерал.

Масловский С.. Указ. соч. с. 69.

Петрушевский А. Указ. соч. с. 62.

Золотарев В.А. Указ. соч. с. 251.

Масловский С.. Указ. соч. с. 70.

Золотарев В.А. Указ. соч. с. 215.

Масловский С.. Указ. соч. с. 70.

363

Жубер Бартелеми Катрин (1769—1799)— дивизионный генерал; возможный соперник Наполеона Бонапарта на политической сцене. Убит в сражении при Нови в 1799 году.

Сен-Сир-Нюге, барон (1774—1842)—лейтенант при штабе Итальянской армии; впоследствии — генерал-лейтенант.

365

Бельгард Генрих, маркиз (1756—1845) — австрийский генерал-майор.

Милютин Д.А. Указ. соч. СПб., 1852. т. 3. Ч. 5. с. 42-43.

Масловский С.. Указ. соч. с. 72.

Фукс Е. Б. История генералиссимуса… с. 72.

Клаузевиц К. 1799 год. с. 282.

Комаровский Е. Ф. Журнал военных действий… Кн. 4. с. 43.

История Апшеронского полка. с. 252.

Зуев Д.Д. Суворов в 1799 году (по австрийским официальным источникам). СПб., 1900. с. 48.

Поход в Италию в 1799 году… с. 258-259.

Клаузевиц К. 1799 год. с. 282.

Ватрен (Ватрант) Пьер Жозеф (1724-1799).

Периньон (Периньян) Доменик, граф (1754—1818) — маршал Франции.

377

Груши Альфонс Фредерик Эммануил, де, маркиз (1766— 1847) — маршал Франции (с 1815). Считается виновником поражения Наполеона при Ватерлоо; в 1815—1819 годах уехал в Америку; затем вернулся во Францию. В 1830 году — депутат Национального собрания, в 1832-м — пэр Франции.

Коллириччи Луиджи Леонардо Антонио Джузеппе Гаспаро Венанс, де, маркиз (1760—1809) — дивизионный генерал.

Партуно Луи, граф (1770—1835) — дивизионный генерал.

Суворов А.В. Письма. с. 350.

381

Там же.

Комаровский Е. Ф. Записки… с. 55.

383

Красницкий А.И. Русский чудо-вождь. Граф Суворов-Рымникский, князь Италийский, его жизнь и подвиги. СПб., 1900. с. 310—311.

Там же. с. 313.

Милютин Д.А. Указ. соч. СПб., 1852. т. 2. Ч. 4. с. 405.

Бантыш-Каменский Д.Н. Указ. соч. с. 169.

Фукс Е.Б. История генералиссимуса… с. 114.

388

А.В. Суворов. Документы. с. 276.

389

Карл Людвиг Иоанн, эрцгерцог (1771—1847) — брат императора Франца I, фельдмаршал, командующий Рейнской армией.

390

Римский-Корсаков Александр Михайлович (1753—1840) — генерал-лейтенант; генерал от инфантерии. Участник второй Русско-турецкой войны, похода Зубова в Персию. С 1805 года управлял губерниями и войсками в Западном крае. С 1830 года — член Государственного совета.

Керсновский А.А. Указ. соч. с. 189.

392

А.В. Суворов. Документы. с. 454.

393

Рединг-Биберегг, фон. Поход Суворова через Швейцарию 24 сентября — 10 октября 1799 года. СПб., 1902. с. 6.

Готце (Гоце) Фридрих, барон (1739—1799) — генерал-фельдмаршал-лейтенант, командир корпуса.

Милютин Д.А. Указ. соч. СПб., 1853. т. 4. Ч. 6. с. 17.

А.В. Суворов. Документы. с. 324—325.

Вейротер Франц, фон (1755—1806) — впоследствии генерал-майор.

Милютин Д.А. Указ. соч. СПб., 1853. т. 4. Ч. 6. с. 18.

399

Клаузевиц К. 1799 год. с. 124.

Клаузевиц Карл Филипп Готфрид, фон (1780—1831) — генерал-майор прусской армии; в 1812—1814 годах — на русской службе, участник Отечественной войны и Заграничного похода.

Золотарев В.А. Указ. соч. с. 143.

Гадик Карл, граф (1756—1800) — австрийский фельдмаршал-лейтенант, командир дивизии.

Милютин Д.А. Указ. соч. СПб., 1852. т. 24. Ч. 3. с. 143.

Поход в Италию в 1799 году… с. 369.

Комаровский Е. Ф. Записки… с. 55.

Керсновский А.А. Указ. соч. с. 189.

Рединг-Биберегг, фон. Указ. соч. с. 42.

Петрушевский А. Указ. соч. с. 221.

Н. И. Н. Указ. соч. с. 117.

410

А.В. Суворов. Документы. с. 327.

411

Там же. с. 330.

412

Швейцарский поход Суворова в 1799 г. по запискам Грязева // Русский вестник. 1894. Сентябрь. с. 7.

Рединг-Биберегг, фон. Указ. соч. с. 17.

А.В. Суворов. Документы. с. 334—335.

Мамышев В.И. Указ. соч. с. 37.

Бантыш-Каменский Д.Н. Указ. соч. с. 173—174.

Богданович М. Переход Суворова через Сен-Готард и Чертов Мост // Отечественные записки. 1843. т. 27. с. 43.

Бантыш-Каменский Д.И. Указ. соч. с. 173.

419

Н. И. Н. Указ. соч. с. 117.

420

Екатеринославские лейб-гренадеры в 1642—1912 гг. М., 1912. с. 79.

421

Тимирязев В.А. Иностранцы о России // Исторический вестник. 1904. т. 97. № 7. с. 238.

Бантыш-Каменский Д.Н. Указ. соч. с. 175.

Фукс Е. Б. История генералиссимуса… с. 172.

Гюден Шарль Этьен, граф (1768—1812)—дивизионный генерал; убит в бою при Валутиной Горе.

Богданович М. Переход Суворова через Сен-Готард… с. 42.

Массена Андре (1758—1817)— дивизионный генерал, командующий французской армией в Швейцарии; маршал Франции.

Рединг-Биберегг, фон. Указ. соч. с. 23.

История Апшеронского полка. с. 255.

Комаровский Е. Ф. Записки… с. 56.

Поход в Италию в 1799 году… с. 372.

431

Фут — 0,3048 метра.

Милютин Д.А. Указ. соч. СПб., 1853. т. 4. Ч. 6. с. 33.

Фукс Е. Б. Указ. соч. с. 169-170.

Милютин Д.А. Указ. соч. СПб., 1853. т. 4. Ч. 6. с. 34.

Ребиндер Максим Владимирович (1730—1804) — генерал-лейтенант, генерал от инфантерии.

История Апшеронского полка. с. 256.

Петрушевский А. Указ. соч. с. 235.

История Апшеронского полка. с. 256.

439

Русский инвалид или Военные ведомости. 1835. 20 июня. № 154. с. 616.

Толь Карл Федорович, фон, граф (1777—1842) — генерал от инфантерии. Участвовал в войнах с Францией (1805, 1812—1814) и Турцией (1806—1809). С 1810 года в свите его величества по квартирмейстерской части. Во время Русско-турецкой войны 1828—1829 годов и подавления Польского восстания 1830—1831 годов — начальник штаба Действующей армии. С 1830 года — член Государственного совета. С 1833-го — главноуправляющий путями сообщений и публичными зданиями.

441

Михайловский-Данилевский А.И. Император Александр I… // Военная галерея Зимнего дворца. т. 2.

Богданович М. Указ. соч. с. 44.

Швейцарский поход Суворова… с. 16.

История Апшеронского полка. с. 256.

Мансуров 2-й Александр Павлович (1751 —?) — генерал-лейтенант.

Сабанеев Иван Васильевич (1770—1829) — генерал от инфантерии (1823); в 1799 году — майор, по ранению попал в плен. В 1802 году — командир 12-го егерского полка; в 1809-м — генерал-майор; участвовал в боях с турками (1810—1811); в 1812 году — генерал-лейтенант, начальник штаба 3-й Западной армии П.В. Чичагова; в 1815—1818 годах служил в Оккупационном корпусе во Франции, затем — командир 6-го пехотного корпуса 2-й армии.

Милютин Д.А. Указ. соч. СПб., 1853. т. 4. Ч. 6. с. 43-44.

А.В. Суворов. Документы. с. 355.

Масловский С.. Указ. соч. с. 75.

Н. И. Н. Указ. соч. с. 121.

451

Мещерский 1-й Степан Васильевич, князь (1766—?) —майор Орловского мушкетерского полка.

452

А.В. Суворов. Документы. с. 355.

Масловский С. Указ. соч. с. 75.

А.В. Суворов. Документы. с. 356.

[Старков Я. М] Указ. соч. с. 199-200.

Поход в Италию в 1799 году… с. 381.

Милютин Д.А. Указ. соч. СПб., 1853. т. 4. Ч. 6. с. 124.

Петрушевский А. Указ. соч. с. 252.

459

Анекдоты и черты из жизни графа Милорадовича… с. 27.

Елачич (Елашиц) Бужим Франц, де (1746—1810) — австрийский фельдмаршал-лейтенант.

Линкен — австрийский фельдмаршал-лейтенант.

Клаузевиц К. 1799 год. с. 122.

463

Там же.

[Старков Я. М.] Указ. соч. с. 216.

Клаузевиц К. 1799 год. с. 122-123.

Керсновский А.А. Указ. соч. с. 191.

Швейцарский поход Суворова… с. 19—20.

А.В. Суворов. Документы. с. 352.

469

История Апшеронского полка. с. 263.

470

Тиральер — легкий пехотинец во французской армии.

471

А.В. Суворов. Документы. с. 352.

Белецкий Михаил Михайлович (1744—?) — генерал-майор, командир Бутырского мушкетерского полка.

Милютин Д.А. Указ. соч. СПб., 1853. т. 4. Ч. 6. с. 138.

[Старков Я. М.] Указ. соч. с. 230.

475

А.В. Суворов. Документы. с. 352.

[Старков Я. М.] Указ. соч. с. 231.

477

История Апшеронского полка. с. 265.

Милютин Д.А. Указ. соч. СПб., 1853. т. 4. Ч. 6. с. 139.

479

Молитор Габриель Жан Жозеф (1770—1849) — бригадный генерал; маршал Франции.

Керсновский А.А. Указ. соч. с. 191.

481

История Апшеронского полка. с. 265—266.

Петрушевский А. Указ. соч. с. 276.

Масловский С.. Указ. соч. с. 77.

Милютин Д.А. Указ. соч. СПб., 1853. т. 4. Ч. 6. с. 159.

485

А.В. Суворов. Документы. с. 368.

История Апшеронского полка. с. 267.

487

Фукс Е. Б. И Северная пчела. 1826. 16 сентября. № 111.

Рединг-Биберегг, фон. Указ. соч. с. 138, 140.

489

История Апшеронского полка. с. 268.

Там же. с. 267.

Бантыш-Каменский Д.Н. Указ. соч. с. 181.

Чечулин Н. Константин Павлович // Русский биографический словарь. СПб., 1903. с. 171.

Комаровский Е. Ф. Записки… с. 57.

А.В. Суворов. Документы. с. 439.

Бантыш-Каменский Д.Н. Указ. соч. с. 180.

История Апшеронского полка. с. 267.

Комаровский Е. Ф. Записки… с. 57—58.

Анекдоты и черты из жизни графа Милорадовича… с. 12.

Красницкий А.И. Указ. соч. с. 330.

500

Анекдоты и черты из жизни графа Милорадовича… с. 26—27.

501

Красницкий А.И. Указ. соч. с. 329.

502

Анекдоты и черты из жизни графа Милорадовича… с. 28.

Бантыш-Каменский Д.Н. Указ. соч. с. 182.

504

А.В. Суворов. Документы. с. 455-456.

Петрушевский А. Указ. соч. с. 372.

506

Майор, состоявший при командире бригады; фактически — начальник штаба бригады. Это звание, как и чин бригадира, упразднены императором Павлом I.

[Старков Я. М.] Указ. соч. с. 271-272.

Бантыш-Каменский Д.Н. Указ. соч. с. 187.

Чичерин А. Указ. соч. с. 636-637.

Лесков Н.С. Указ. соч. с. 152-153.

511

История Апшеронского полка. с. 267.

Глинка Ф.Н. Обед у Милорадовича…

Поливанов М. Указ. соч. с. 173—174.

514

Анекдоты и черты из жизни графа Милорадовича… с. 105—107, 110-111.

Керсновский А.А. Указ. соч. с. 180.

516

Муравьев А.М. Мой журнал // Мемуары декабристов. Северное общество. М., 1981. с. 123.

517

Чарторижский (Чарторийский, Чарторыйский) Адам Адамович, князь (1770—1861) — министр иностранных дел в 1804—1807 годах.

518

Думается, офицеров гвардии…

Чарторижский А. Мемуары. М., 1998. с. 177.

Вязьмитинов Сергей Кузьмич, граф (1749—1819) — военный министр в 1802—1808 годах.

521

Николай Михайлович, вел. кн. Император Александр I. Опыт исторического исследования. 2-е изд. Пг., 1914. с. 37.

Шильдер Н. К Указ. соч. с. 213-214.

Николай Михайлович, вел. кн. Указ. соч. с. 5.

Ульянов И.Э. Регулярная пехота. 1801—1855. М., 1997. с. 17.

525

Бестужев А.А. Их вечен с вольностью союз. М., 1983. с. 205.

526

Анекдоты и черты из жизни графа Милорадовича… с. 89.

527

Глинка Федор Николаевич (1786—1880) — полковник гвардии, литератор, декабрист, действительный статский советник.

История Апшеронского полка. с. 269—270.

529

Анекдоты и черты из жизни графа Милорадовича… с. 102.

История Апшеронского полка. с. 271.

531

Анекдоты и черты из жизни графа Милорадовича… с. 110—111.

Глинка Ф.И. Иванчук // Москвитянин. 1844. № 1. с. 145.

Там же. с. 147-148.

Глинка Ф.Н. Обед у Милорадовича…

535

Сибирский А. В., князь (1779 — после 1826) — генерал-лейтенант (1824); в 1805 году — полковник, командир сначала Апшеронского, затем Нарвского пехотных полков, при Аустерлице ранен и попал в плен; участвовал в Русско-шведской войне (1808—1809). В 1812 году в чине генерал-майора состоял в корпусе графа П. Х. Витгенштейна, участвовал в Заграничном походе; затем — командир пехотной бригады и дивизии.

История Апшеронского полка. с. 271.

537

Энгиенский (Ангиенский) Луи Антуан де Бурбон-Конде, герцог (1772—1804) — французский принц, последний представитель дома Конде (боковой ветви Бурбонов).

Чарторижский А. Мемуары. с. 264—265.

Щербатов А. Г Указ. соч. с. 71.

Ланжерон А.Ф. Записки графа Ланжерона. Война с Турцией 1806-1812 гг. // Русская старина. 1907. т. 130. № 9. с. 569.

541

Попов А.А. Отечественная война 1812 года. М., 1905. т. 1. с. 301.

История Апшеронского полка. с. 272.

543

Записки Ивана Степановича Жиркевича // Русская старина. 1872. т. 9. № 2. с. 213.

544

Жиркевич Иван Степанович (1789—1848) — генерал-майор, автор «Записок». Состоял адъютантом при графе Аракчееве, участвовал в Отечественной войне 1812 года и в Заграничных походах. В 1829 году назначен помощником командира тульского оружейного завода, в 1834 году — симбирским губернатором. В 1836 году его перевели губернатором в Витебск. В 1838 году вышел в отставку.

Отечественная война и русское общество. с. 200.

Глинка Ф.Н. Письма русского офицера. М., 1990. с. 49—50.

547

Панчулидзев с. История кавалергардов. т. 3. СПб., 1903. с. 15—16.

548

Глинка Ф.Н. Письма русского офицера о Польше, Австрийских владениях, Пруссии и Франции; с подробным описанием похода Россиян против французов в 1805 и 1806, а также Отечественной и Заграничной войны с 1812 по 1815 год. М., 1815. Ч. 1. с. 4.

Там же. с. 28.

550

М.И. Кутузов. Сборник документов. М., 1951. т. 2. с. 61.

551

Витгенштейн Петр Христиановж, граф (1768—1843) — впоследствии светлейший князь и генерал-фельдмаршал. В Отечественной войне 1812 года командовал 1-м пехотным корпусом, прикрывавшим петербургское направление. В кампании 1813—1814 годов командовал корпусом, с 1818 года — 2-й армией. Во время Русско-турецкой войны 1828— 1829 годов был главнокомандующим (до февраля 1829) русской армией.

Ермолов Алексей Петрович (1772—1861) — генерал от артиллерии. Во время Отечественной войны 1812 года был начальником штаба 1-й Западной армии, сыграл значительную роль в сражениях при Валутиной Горе, Бородине и Малоярославце; под Бородином лично водил войска в атаку. После Бородинского сражения был начальником штаба объединенных армий. Во время Заграничных походов 1813—1814 годов начальник артиллерии союзных армий, командовал дивизией и корпусом, отличился при Кульме. С 1816 года командир Отдельного Грузинского (позже Кавказского) корпуса, главнокомандующий в Грузии и одновременно чрезвычайный и полномочный посол в Иране. Возглавлял военную и гражданскую власть на Кавказе. За связь с декабристами в марте 1827 года отозван Николаем I с Кавказа, а в ноябре 1827 года уволен в отставку. Во время Крымской войны избран начальником государственного ополчения в семи губерниях, но принял эту должность по Московской губернии.

Булгарин Ф.В. Воспоминания. М., 2001. с. 190.

Панчулидзев с. Указ. соч. с. 15—16.

Глинка Ф.Н. Письма русского офицера о Польше… с. 58.

556

Дохтуров Дмитрий Сергеевич (1759—1816) — генерал-лейтенант, с 1810 года — генерал от инфантерии. В армии с 1781 года, участвовал в Русско-шведской войне 1788—1790 годов и в войнах 1805—1807 и 1812—1814 годов против наполеоновской Франции.

Шишов А.Н. Неизвестный Кутузов. Новое прочтение биографии. М., 2001. с. 405.

558

Макк Карл, барон фон Лейберих (1752—1828) — впоследствии фельдмаршал австрийской армии.

559

Панчулидзев с. Указ. соч. с. 20.

В различных документах и воспоминаниях бригада именуется «отделенной» или «отдельной».

561

М.И. Кутузов. Сборник документов. с. 118—119.

Мальтиц Леонтий Федорович, барон (ум. 1828) — генерал-лейтенант. В 1805 году командовал 5-й колонной Подольской армии; шеф Ярославского мушкетерского полка.

Ермолов А. И Указ. соч. с. 36.

Мамышев В.Н. Указ. соч. с. 46.

Ермолов А.П. Указ. соч. с. 39—40.

Мамышев В.Н. Указ. соч. с. 37.

Глинка Ф.И. Письма русского офицера о Польше… с. 75—78.

568

Ошибка мемуариста — в рапорте М.И. Кутузова от 25 октября 1805 года указан подполковник Ребиндер.

Ермолов А. И Указ. соч. с. 40.

Люшковский М.В. Полководческое искусство Кутузова в кампаниях 1805 и 1811 гг. Л., 1943. с. 13.

Мюрат Иоахим (1771—1815)— маршал Франции (1804), герцог Бергский и Клевский (1806), король Неаполитанский (с 1808). Сын трактирщика. С 1787 года служил в кавалерии. Отличился при подавлении роялистского мятежа 4 октября 1795 года и стал адъютантом Наполеона Бонапарта. За отличие в Итальянском походе 1796 года произведен в бригадные, а за Египетскую экспедицию — в дивизионные генералы (1799). Командуя гренадерами, содействовал Бонапарту в захвате власти 18 брюмера (9 ноября) 1799 года. В 1800 году женился на сестре Наполеона Каролине. Участвовал во всех Наполеоновских войнах, проявив выдающиеся способности в командовании кавалерийскими соединениями и исключительную храбрость. В 1808 году жестоко подавил восстание в Мадриде. Став королем Неаполя, пытался вести самостоятельную политику, чем вызвал с 1810 года ухудшение отношений с Наполеоном. Во время похода в Россию 1812 года командовал кавалерийским корпусом, потерпел поражение под Тарутином. После отъезда Наполеона во Францию командовал отступавшей наполеоновской армией. В 1813 году участвовал в сражениях при Дрездене и Лейпциге, затем уехал в Неаполь и в январе 1814 года, стремясь сохранить престол, вступил в тайный союз с Австрией и Великобританией, изменив Наполеону. Однако на Венском конгрессе (1814—1815) притязания М. не получили поддержки, и он во время «Ста дней» выступил на стороне Наполеона, был разбит в Италии и бежал на Корсику; позже с небольшим отрядом высадился в Калабрии, намереваясь вернуть престол, но был схвачен, осужден австрийским военным судом и расстрелян.

Берг Георгий Максимович (1765—1838) — генерал-майор, шеф Малороссийского гренадерского полка; впоследствии — генерал от инфантерии.

Михайловский-Данилевский А.И. Император Александр I… // Военная галерея Зимнего дворца. т. 6.

Глинка Ф.Н. Письма русского офицера о Польше… с. 79.

575

М.И. Кутузов. Сборник документов. с. 146.

Глинка Ф.Н. Письма русского офицера о Польше… с. 79.

Ермолов А.П. Указ. соч. с. 40.

578

Колюбакин Петр Михайлович (1763 — после 1815) — генерал-майор. Шефом Смоленского пехотного полка принял участие в кампании 1805 года и был ранен пулей в голову и контужен в правый бок. В 1806 году вошел со своим полком в состав Молдавской армии и участвовал в сражении при Мачине, в блокадах Браилова, Варны, Шумлы и Рущука и в штурме Базарджика. В Отечественную войну 1812 года сражался при Солтановке и был ранен картечью в правую руку. Получив затем в командование 12-ю пехотную дивизию, отличился в сражениях при Малоярославце и Красном, а в кампании 1813 года участвовал в блокаде Данцига. В 1814 году был уволен от службы по болезни.

579

М.И. Кутузов. Сборник документов. с. 350.

История Апшеронского полка. с. 275—276.

Ермолов А.П. Указ. соч. с. 42—43.

Керсновский А.А. Указ. соч. с. 219.

583

Гюлай (Гиулай) Игнац, фон, граф (1763—1831) — фельдмаршал-лейтенант.

Панчулидзев с. Указ. соч. с. 21.

585

Мортье Эдуар Адольф Казимир Жозеф, герцог Тревизский (1768 — 1835) — маршал Франции. Командовал корпусом в войнах 1805—1807 годов с Австрией и Пруссией, в 1808—1811 годах участвовал в военных действиях в Испании. В 1812—1813 годах командовал Молодой гвардией во время похода на Россию, был военным губернатором Москвы и при отступлении взорвал часть Кремля. В 1814 году вместе с маршалом О. Мармоном подписал акт о капитуляции Парижа и перешел на сторону Бурбонов, стал пэром Франции. Во время «Ста дней» присоединился к Наполеону. С 1816 года снова в армии, восстановлен в звании пэра. В 1830—1831 годах посол в России. В 1834—1835 годах военный министр Франции. Был убит при покушении Дж. Фиески на короля Луи Филиппа.

Ермолов А.П. Указ. соч. с. 44.

587

Газан Оноре Теодор Максим, граф де ла Пейрьер (1765—1845) — дивизионный генерал.

588

Штрик Федор Борисович (ум. 1808) — генерал-майор, шеф Бутырского пехотного полка.

Л'Этан Пьер Дюпон, де (1765—1840) —дивизионный генерал.

590

Очерк истории 3-го пехотного Нарвского генерал-фельдмаршала князя Михаила Голицына полка. М., 1904. с. 245.

591

Криштафович Егор Константинович (1769—1829) — впоследствии генерал-лейтенант.

592

М.И. Кутузов. Сборник документов. с. 180—181.

593

Эссен 2-й Александр Александрович (ум. 1805) — генерал-лейтенант, шеф Черниговского драгунского полка.

594

Иверень — верешок, щепа, ощепок; черепок, осколок, осколыш, отломочек.

595

Уланицус Карл Карлович (1762—1808) — генерал-майор, шеф 6-го егерского полка.

Глинка Ф.Н. Письма русского офицера о Польше… с. 84—89.

597

История Апшеронского полка. с. 279.

Лесков Н.С. Указ. соч. с. 154.

599

Грабе И.Х. Русский архив. 1873. № 5. с. 805.

600

Буксгевден Федор Федорович, граф (1750—1811) — генерал от инфантерии, командир отдельного корпуса — так называемой Волынской армии.

601

Ланн Жан, герцог де Монтебелло (1769—1809) — маршал Франции. В Аустерлицком сражении 1805 года командовал левым крылом французской армии, под Йеной — центром. В 1808—1809 годах был командующим французскими войсками в Испании, руководил осадой и штурмом Сарагосы. Во время Австро-французской войны 1809 года начальник авангарда, 22 мая в сражении при Асперне был тяжело ранен и вскоре умер.

Ермолов А. И. Указ. соч. с. 45.

Бантыш-Каменский Д.Н. Указ. соч. Ч. 3. с. 45.

Бутовский И. Фельдмаршал князь М.И. Кутузов в конце и начале своего боевого поприща. СПб., 1858. с. 19.

Ермолов А. И Указ. соч. с. 42—43.

606

Генерал Багратион. Сборник документов и материалов. М., 1945. с. 40-41.

607

М.И. Кутузов. Сборник документов. с. 202.

Керсновский А.А. Указ. соч. с. 219.

Ермолов А. И. Указ. соч. с. 50.

Бантыш-Каменский Д.Н. Указ. соч. Ч. 3. с. 45.

611

Полевать — охотиться.

Бутовский И. Указ. соч. с. 59.

613

Панчулидзев С. Указ. соч. с. 39.

Чарторижский А. Мемуары. с. 283.

Панчулидзев С. Указ. соч. с. 48.

616

Шильдер Н. К. Император Александр I. Его жизнь и царствование. СПб., 1897. т. 1. с. 137.

Панчулидзев С. Указ. соч. с. 48.

618

Пржибышевский Игнатий Яковлевич (1755 — после 1810) — генерал-лейтенант с 1799 года. В кампанию 1805 года командовал 3-й колонной (6 пехотных полков) армии генерала М.И. Кутузова. От Ольмюца при этой колонне находился император Александр I. В сражении при Аустерлице (1805) попал в плен. После Тильзитского мира 1807 года по возвращении на родину обвинен в умышленной сдаче в плен в начале боя и отдан под суд. Однако Генерал-аудиториат оправдал П., не усмотрев в его действиях никакой вины. Александр I передал дело в Государственный совет, где генерал был приговорен к разжалованию в рядовые с увольнением через месяц со службы.

Шильдер Н. К. Император Александр I… с. 138.

Коловрат Иоганн Карл, граф Краковский (1748—1816) — фельдмаршал австрийской армии.

621

Малороссийский гренадерский, Апшеронский, Новгородский и Смоленский мушкетерские полки.

Лихтенштейн Иоганн, князь (1760—1836) — фельдмаршал австрийской армии.

623

История Апшеронского полка. с. 283—284.

Ермолов А. И. Указ. соч. с. 54.

Панчулидзев С. Указ. соч. с. 56—58.

История Апшеронского полка. с. 285.

627

Михайловский-Данилевский А.И. Император Александр I… // Военная галерея Зимнего дворца. т. 6.

История Апшеронского полка. с. 271.

629

Очерк истории 3-го пехотного… с. 258.

Н. И.Н. Указ. соч. с. 15.

631

Лонжерон А.Ф. Записки графа Ланжерона // Военный сборник. СПб., 1900. т. 256. № 11. с. 33-34.

Шильдер Н. К. Император Александр I… с. 284.

Панчулидзев С. Указ. соч. с. 56—58.

Ланжерон А.Ф. Записки… // Военный сборник. с. 34—35.

635

Военная энциклопедия. с. 292.

Ланжерон А.Ф. Записки… // Военный сборник. с. 33.

Панчулидзев С. Указ. соч. с. 61.

638

М.И. Кутузов. Сборник документов. с. 230.

639

Михайловский-Данилевский А.И. Император Александр I… // Военная галерея Зимнего дворца. т. 6.

Глинка Ф.Н. Письма русского офицера. с. 44.

641

Бутовский И. Указ. соч. с. 46.

История Апшеронского полка. с. 286—287.

Ланжерон А.Ф. Записки… // Военный сборник. с. 35, 46.

Чарторижский А. Мемуары. с. 282—286.

645

Михайловский-Данилевский А.И. Император Александр I… // Военная галерея Зимнего дворца. т. 1.

646

Отрывки из записок Л.Н. Энгельгардта // Исторический сборник вольной русской типографии в Лондоне. М., 1971. Кн. 2. с. 138.

Керсновский А.А. Указ. соч. с. 219.

История Апшеронского полка. с. 287.

649

Михельсон Иван Иванович (1740—1807) — генерал от кавалерии.

650

Мейендорф Казимир Иванович, барон (1749—1813) — генерал от кавалерии.

651

Рейхель Абрам Абрамович (1767 — после 1822) — генерал-майор.

Там же. с. 290.

653

Себастьяни Орас Франсуа Бастьен, граф де ла Порта (1772—1851) — корсиканец, дивизионный генерал. В 1809—1811 годах командовал корпусом в Испанской войне, в 1812—1813 годах — участник похода в Россию и Лейпцигского сражения, в 1830—1831 годах — министр иностранных дел Франции. С 1840 года — маршал.

Лависс Э., Рамбо А. История XIX века. М., 1938. т. 2. с. 156.

Керсновский А.А. Указ. соч. с. 230.

Там же. с. 230.

Каменский 1-й Сергей Михайлович, граф (1771—1834) — генерал от инфантерии. Участник турецкой (в 1789 году), шведской (в 1790 году) и польской (в 1792 и 1794 годах) кампаний. В кампанию 1805 года находился в корпусе графа Буксгевдена, а в сражении при Аустерлице — в колонне графа Ланжерона. 15 июня 1806 года произведен в генерал-лейтенанты и назначен начальником 12-й дивизии, а затем командиром корпуса в армии Михельсона. В 1807 году отличился в бою под Браиловом. За штурм Базарджика произведен в генералы от инфантерии. В кампанию 1812 года командовал корпусом, входившим в состав 3-й резервной армии генерала от кавалерии Тормасова. 6 марта 1822 года уволен от службы с мундиром. Оставив действительную службу, поселился в Орле, где зажил богатым барином и разорился.

658

Долгоруков Петр Петрович, князь (1777—1806) — генерал-майор (с 1798); сверстник и приближенный Александра I, пользовавшийся его доверием.

659

История Апшеронского полка. с. 295.

Петров А. Война России с Турцией. 1806-1812 гг. СПб., 1885. т. 1. с. 54.

661

История Апшеронского полка. с. 291.

Пусть не смутит читателя это слово! Даже при описании австрийских владений известный нам автор «Писем русского офицера» именовал оным местных жителей.

663

Мустафа-паша Байрактар (1765—1808) — с 1806 года командовал войсками на Дунае; в 1808 году — великий визирь; убит во время мятежа янычар.

Петров А. Указ. соч. с. 96.

665

История Апшеронского полка. с. 291.

Петров А. Указ. соч. с. 98.

Керсновский А.А. Указ. соч. с. 230.

Бантыш-Каменский Д.Н. Указ. соч. Ч. 4. с. 188.

669

Глинка Ф.Н. Краткое обозрение… с. 10—11.

Ланжерон А.Ф. Записки… // Русская старина. № 6. с. 586.

671

История Апшеронского полка. с. 291.

Ипсиланти Константин Александрович, князь (1760—1816) — господарь Молдавии (1799—1801), господарь Валахии (1802—1806, 1807).

Петров А. Указ. соч. с. 102.

История Апшеронского полка. с. 293.

675

Ланжерон А.Ф. Записки… // Русская старина. № 6. с. 588.

Гусары Белорусского гусарского полка.

Мамышев В.Н. Указ. соч. с. 59.

Арнауты — албанцы.

679

Ланжерон А.Ф. Записки… // Русская старина. № 6. с. 588.

История Апшеронского полка. с. 293.

681

Ланжерон А.Ф. Записки… // Русская старина. № 6. с. 588—589.

История Апшеронского полка. с. 293.

683

Селим III (1761—1808) — султан Османской империи (1789-1807).

684

Мармон Огюст Фредерик Луи Виес, де, герцог Рагузский (1774—1852) — маршал Франции. В 1796—1798 годах адъютант Наполеона Бонапарта. С 1798 года — бригадный генерал, участник переворота Восемнадцатого брюмера. В 1800 году — командующий артиллерией Итальянской армии, дивизионный генерал. В 1806—1811 годах генерал-губернатор Далмации и Иллирийских провинций. В 1811—1812 годах командовал войсками в Португалии и Испании. Подписал капитуляцию гарнизона Парижа (1814). После отречения Наполеона перешел на сторону Бурбонов и остался им верен во время «Ста дней», с 1814 года — пэр Франции. Был членом Высшего военного совета. Во время Июльской революции 1830 года бежал с Карлом X за границу.

Лависс Э., Рамбо А. Указ. соч. с. 159.

Там же. с. 160-161.

687

История Апшеронского полка. с. 294.

688

Паскевич Иван Федорович, светлейший князь Варшавский, граф Эриванский (1782—1856) — генерал-фельдмаршал, полный кавалер ордена Святого Георгия. Во время Отечественной войны 1812-го и Заграничных походов 1813—1814 годов командовал дивизией. В 1817—1819 годах состоял при великом князе Михаиле Павловиче, затем командовал гвардейской пехотной дивизией, в которой служил будущий император Николай I. С 1825 года — командир корпуса. Член Верховного суда по делу декабристов. С 1826 года командовал войсками в Закавказье, наместник на Кавказе. Во время Русско-иранской войны 1826—1828 годов и Русско-турецкой войны 1828—1829 годов — главнокомандующий войсками на Кавказском театре. Руководил подавлением Польского восстания 1830—1831 годов, после чего назначен наместником Царства Польского. Командовал войсками при подавлении Венгерской революции 1848— 1849 годов. Во время Крымской войны (1853—1856) —главнокомандующий войсками на западных границах и в 1853—1854 годах — на Дунае.

689

Щербатов А. И Генерал-фельдмаршал князь Паскевич, его жизнь и деятельность. СПб., 1888. т. 1. с. 16.

Ребиндер Отто Иванович (?) — генерал-майор, шеф Житомирского драгунского полка.

691

История Апшеронского полка. с. 295—296.

692

Пехливан-паша Ибрагим (Пегливан, Пешшван) (1760—1820) — начальник гарнизона Измаила.

693

Мустафа IV (1778—1808) — султан Османской империи (1807-1808).

Керсновский А.А. Указ. соч. с. 231.

Лависс Э., Рамбо А. Указ. соч. с. 164.

Керсновский А.А. Указ. соч. с. 231.

Михайловский-Данилевский А.И. Император Александр I… // Военная галерея Зимнего дворца. т. 2.

История Апшеронского полка. с. 297.

Петров А. Указ. соч. с. 179.

История Апшеронского полка. с. 297.

701

Глинка Ф.Н. Краткое обозрение… с. 12.

Ланжерон А.Ф. Записки… // Русская старина. № 8. с. 324.

703

Мамышев В.Н. Указ. соч. с. 87.

История Апшеронского полка. с. 298—299.

705

Михайловский-Данилевский А.И. Воспоминания о графе М.А. Милорадовиче. с. 10.

Ланжерон А.Ф. Записки… // Русская старина. № 8. с. 325.

Петров А. Указ. соч. с. 194.

Ермолов А. И. Указ. соч. с. 114.

709

Ланжерон А.Ф. Записки… // Русская старина. № 8. с. 326.

710

Граф Михаил Андреевич Милорадович (Биографические сведения). Полтава, 1887. с. 12.

711

Семевский М.В. Граф Михаил Андреевич Милорадович. 1770—1825 гг. (Материалы для его биографии) // Военный сборник. 1869. № 10. с. 148.

Лонжерон А.Ф. Записки… // Русская старина. № 8. с. 323.

713

Там же. с. 323.

714

Гейсмар Федор Клементьевич, барон (1783—1848) — генерал от кавалерии. Службу начал в австрийской армии, в 1805 году перешел в русскую службу. Участвовал в Русско-турецкой войне 1806—1812 годов. Герой битвы под Кульмом (1813). В 1825 году усмирил взбунтовавшийся Черниговский полк, который был разбит в селе под Белой Церковью. Участвовал в Русско-турецкой войне 1828—1829 годов и подавлении Польского восстания 1830—1831 годов. Тяжело ранен при штурме Варшавы.

715

15 сентября 1828 года при деревне Бойлешти 4-тысячный отряд генерала Гейсмара разбил 30-тысячную турецкую армию.

716

Барон Федор Клементьевич Гейсмар // Русская старина. 1881. Т 32. № 12. с. 725.

717

Беннигсен Леонтий Леонтьевич, барон (1745—1826) — генерал от кавалерии, с 1813 года — граф. Служил на офицерских должностях в ганноверской армии, с 1773 года на русской службе. Участник дворцового переворота 11 марта 1801 года. В Русско-прусско-французской войне 1806—1807 годов командовал корпусом, затем был главнокомандующим. Во время Отечественной войны 1812 года с августа — исполняющий обязанности начальника Главного штаба русских армий. В ноябре снят с этого поста. Командовал армией во время Заграничных походов 1813—1814 годов. В 1814—1818 годах — командующий 2-й русской (южной) армией. За неумелое командование уволен со службы.

718

Махмуд II (1785—1839) — султан Османской империи (1808 — 1839). Провел ряд реформ, важнейшие из которых: уничтожение янычарского корпуса, ликвидация военно-ленной системы, учреждение министерств европейского типа, лишение генерал-губернаторов права иметь свое войско, создание нескольких светских школ и военных училищ и др.

719

Прозоровский Александр Александрович, князь (1732—1809) — генерал-фельдмаршал (1807), сенатор (1790), московский главнокомандующий (1790—1795). В 1795 году уволен «от главного начальства» по прошению с назначением шефом Московского гренадерского полка. Во время Русско-турецкой войны 1806—1812 годов назначен главнокомандующим русскими войсками в Молдавии.

Керсновский А.А. Указ. соч. с. 231—232.

721

История Апшеронского полка. с. 300.

Бантыш-Каменский Д.Н. Указ. соч. Ч. 3. с. 6.

723

История Апшеронского полка. с. 300.

Бантыш-Каменский Д.Н. Указ. соч. Ч. 3. с. 51.

Керсновский А.А. Указ. соч. с. 232.

Семевский М.В. Граф Михаил Андреевич Милорадович… с. 149.

Петров А. Указ. соч. т. 2. с. 341.

Ланжерон А.Ф. Записки… // Русская старина. № 8. с. 314—315.

729

Военная энциклопедия. с. 292.

Петров А. Указ. соч. т. 2. с. 343.

Ермолов А.П. Указ. соч. с. 114.

Барклай-де-Толли Михаил Богданович, князь (1757—1818) — генерал-фельдмаршал. На военной службе с 1776 года. Участвовал в Русско-турецкой войне 1787—1791 годов и Русско-шведской войне 1788—1790 годов. Отличился во время войны с Францией в 1806—1807 годах при Прейсиш-Эйлау, с 1807 года командовал дивизией, во время Русско-шведской войны 1808—1809 годов — корпусом. В 1809—1810 годах — генерал-губернатор Финляндии. С января 1810-го по сентябрь 1812 года военный министр. В Отечественной войне 1812 года командовал 1-й Западной армией, в Бородинском сражении — правым крылом русской армии. В феврале 1813 года назначен командующим 3-й, а затем русско-прусской армией, которой успешно командовал во время Заграничных походов русской армии 1813—1814 годов (Кульм, Лейпциг, Париж).

733

Бистром Карл Иванович (1770—1838) — генерал от инфантерии. В Отечественную войну 1812 года командовал лейб-гвардии Егерским полком, затем гвардейской егерской бригадой, отличился в сражениях при Смоленске, Красном и др. Участник Русско-турецкой войны 1828— 1829 годов, подавления Польского восстания 1830—1831 годов.

Анекдоты и черты из жизни графа Милорадовича… с. 30.

Вигель Ф.Ф. Записки. М., 2003. с. 1011-1012.

Михайловский-Данилевский А.И. Воспоминания о графе М.А. Милорадовиче. с. 9.

Исаев 1-й Иван Иванович (1748—1810) — генерал-майор Войска Донского, командир отряда.

Платов Матвей Иванович, граф (1753—1818) — генерал от кавалерии, войсковой атаман Донского казачьего войска (с 1801). Участвовал в обеих Русско-турецких войнах второй половины XVIII века (отличился во взятии Очакова и штурме Измаила), в подавлении Крестьянской войны под руководством Е. И. Пугачева. В 1797 году заподозрен Павлом I в заговоре, сослан в Кострому, а затем заключен в Петропавловскую крепость. В январе 1801 года освобожден и назначен главным помощником войскового атамана Донского войска, а вскоре — войсковым атаманом. В 1806—1807 годах участвовал в войне с Францией, в 1807—1809 годах — с Турцией. Во время Отечественной войны 1812 года командовал донским казачьим корпусом. Участник кампаний 1813— 1814 годов. В 1814 году сопровождал Александра I в поездке в Великобританию, где был торжественно встречен и получил диплом почетного доктора Оксфордского университета.

739

Резвой Дмитрий Петрович (1762—1823) — генерал-майор артиллерии. В 1788—1791 годах воевал с турками, в 1794 году — с поляками. Участвовал в военных действиях против французов в Швейцарии. 15 октября 1799 года произведен в генерал-майоры. Сражался с французами в кампаниях 1806—1807 годов, под Прейсиш-Эйлау ранен пулей в правую руку. В 1808—1811 годах, командуя двумя артиллерийскими бригадами, сражался с турками, получил пулевое ранение в правую руку. В 1812 году в составе Дунайской армии совершил поход на Волынь. В декабре 1812 года назначен командовать артиллерией 1-й Западной армии, в 1813 году переведен в Польскую армию. Участвовал в сражениях под Лютценом, Бауценом, Дрезденом, Лейпцигом. С 16 декабря 1813 года находился при осаде Гамбурга. Был представлен к производству в генерал-лейтенанты, но высочайшего соизволения не последовало. 17 декабря 1815 года вышел в отставку по болезни с мундиром.

740

Энгелъгардт Григорий Григорьевич (1759—1834) — генерал-майор. Участвовал в войне со шведами в 1788—1790 годах. В 1800 году назначен шефом Староингерманландского мушкетерского полка. Участвовал в походе в Австрию. В 1806—1807 годах сражался с французами в Польше и Восточной Пруссии. С 1808 года находился в Молдавии и Валахии и воевал с турками в 1809—1811 годах. В 1812 году командовал 2-й бригадой 8-й пехотной дивизии, участвовал в боях с поляками и австрийцами на Волыни. Затем сражался с французами под Горностаевичами, Волковыском и Каменцем-Журавским. В 1813 году участвовал при взятии Белостока, Варшавы и в сражениях под Лютценом и Бауценом. В 1815 году принимал участие во втором походе во Францию. 28 февраля 1816 года уволен от службы за ранами, с мундиром и пенсионом полного жалованья.

Турчанинов Павел Петрович (1776—1839) — шеф Олонецкого мушкетерского полка; впоследствии — генерал-лейтенант.

Семевский М.В. Граф Михаил Андреевич Милорадович… с. 149.

743

От «шиканить» — притеснять, придираться, цепляться, привязываться и надоедать или вредить.

Родофиникин Константин Константинович (1760—1838) — русский консул в Бухаресте; действительный тайный советник, сенатор, директор Азиатского департамента Коллегии иностранных дел.

745

Письма: *Семевский М.В.* Граф Михаил Андреевич Милорадович…

Там же. с. 153-156, 158-160, 163.

История Апшеронского полка. с. 301.

Петров А. Указ. соч. т. 2. с. 208, 214.

749

Гартинг Иван Маркович (1768—1831) — генерал-майор, начальник инженерной части Молдавской армии.

750

История Апшеронского полка. с. 301.

Петров А. Указ. соч. т. 2. с. 208.

752

Ретраншемент — полевое укрепление, окоп.

Форштат — предместье, слободка.

История Апшеронского полка. с. 302—303.

755

Контрэскарп — ближайший к противнику откос внешнего крепостного вала.

756

Из донесения генерала Милорадовича князю Прозоровскому.

Там же. с. 303.

Петров А. Указ. соч. т. 2. с. 213.

759

Там же. с. 214-215.

История Апшеронского полка. с. 304.

761

Семевский М.В. Граф Михаил Андреевич Милорадович… с. 161—162.

Марков Евгений Иванович (1769—1828) — генерал-лейтенант. В 1788 году участвовал в осаде и штурме Очакова, в 1794 году — при взятии Праги. В 1798 году генерал-майор и шеф Муромского мушкетерского полка, с которым участвовал в Швейцарском походе 1799 года в составе корпуса генерал-лейтенанта А.М. Римского-Корсакова и отличился в сражении под Цюрихом. В 1801 году назначен командиром Псковского мушкетерского полка, с которым в 1805 году сражался с французами под Кремсом и Аустерлицем. Участвовал в войне 1806—1807 годов, отличился при Прейсиш-Эйлау и Фридландом. В 1808 году назначен командиром 9-й пехотной дивизии, направленной в Молдавскую армию. В 1810 году за храбрость при штурме Базарджика награжден орденом Святого Александра Невского. В 1811 году блокировал корпус визиря под Слободзеей, вынудив турок капитулировать (1812). В 1812 году участвовал в сражении на Березине, а в 1813—1814 годах — в Заграничных походах русской армии.

763

Воинов Александр Львович (1770—1832) — генерал от кавалерии. В 1794 году участвовал в войне с Польшей. В 1799 году в чине генерал- майора стал шефом Стародубского кирасирского полка. Приняв участие в войне с Турцией 1806—1812 годов, отличился при осаде Измаила, в сражениях при Базарджике и Шумле. В 1810 году назначен начальником 12-й дивизии, с которой он отличился при взятии Рущука. В 1824 году назначен командиром Гвардейского корпуса. Член Верховного суда над декабристами. В войну с Турцией 1828—1829 годов назначен начальником всей кавалерии действующей армии.

Засс Андрей Павлович, барон (1753—1815) — генерал-лейтенант. Участвовал в войне с Барской конфедерацией, Русско-турецкой войне 1787—1792 годов, Польской кампании 1794 года. Отличился при штурме Праги. В 1809 году, во время Турецкой войны, под его командование были переданы войска под Измаилом, который и был им принужден к сдаче. В 1810 году взял крепость Туртукай. Назначенный начальником войск в Малой Валахии и Сербии, он овладел Кладовом, а в 1811 году победил турок под предводительством Измаил-бея. В 1812 году был назначен командующим кавалерией 3-й западной армии. В этом качестве участвовал в преследовании отступающих французов. С 1814 года в отставке.

Зия-паша Юсуф (1747—1818) — великий визирь Османской империи (1799-1811).

Лависс Э., Рамбо А. Указ. соч. с. 169.

История Апшеронского полка. с. 305.

Жилинский Иосиф Андреевич (1756—1810) — генерал-майор, шеф Лифляндского драгунского полка.

769

Там же. с. 305.

Семевский М.В. Граф Михаил Андреевич Милорадович… с. 160—161.

Ермолов А.П. Указ. соч. с. 114.

Бантыш-Каменский Д.Н. Указ. соч. Ч. 3. с. 8.

Там же. с. 8.

Безак Павел Христианович (1769—1831) — российский чиновник и предприниматель. В 1795 году поступил на службу секретарем в Правительствующий сенат; из Сената был назначен правителем дел канцелярии генерал-прокурора (Беклешова). В 1802 году вышел в отставку и поселился в Киеве, где ему подарен был Беклешовым дом. В 1806 году главнокомандующий армией, фельдмаршал князь Прозоровский назначил его правителем дел своей канцелярии; в этой должности Безак оставался и при Багратионе. Когда на место Багратиона был назначен граф Каменский, Безак вышел в отставку и поселился в Петербурге. Здесь его, как человека способного, приблизил к себе Сперанский. После ссылки Сперанского Безак окончательно отказался от государственной службы и занялся торговыми предприятиями, на которых очень разбогател.

Грен Н.И. Указ. соч. с. 65.

Семевский М.В. Граф Михаил Андреевич Милорадович… с. 162.

777

История Апшеронского полка. с. 306.

778

Сборник биографий кавалергардов. 1801—1826. СПб., 1906. с. 141.

Генерал Багратион. с. 72.

История Апшеронского полка. с. 307.

781

Генерал Багратион. с. 72—73.

Петров А. Указ. соч. т. 2. с. 356-357.

Щербатов А.П. Указ. соч. с. 79.

Генерал Багратион. с. 76.

785

Марии Андреевне Стороженковой, жене черниговского губернского предводителя дворянства.

786

Русская старина. 1899. т. 99. № 6. с. 60.

История Апшеронского полка. с. 309.

788

Бибиков Дмитрий Гаврилович (1791—1870) — корнет Белорусского гусарского полка; генерал от инфантерии, министр внутренних дел (1852-1855).

789

Анекдоты и черты из жизни графа Милорадовича… с. 30.

Петров А. Указ. соч. т. 2. с. 413.

791

Дубровин К.Ф. Письма главнейших деятелей в царствование императора Александра I (1807-1829). М., 2006. с. 29-30.

Петров А. Указ. соч. т. 2. с. 410.

793

Румянцев Николай Петрович, граф (1754—1826) — министр иностранных дел (1808—1814).

Дубровин И.Ф. Письма главнейших деятелей… с. 40.

Там же. с. 45.

Семевский М.В. Граф Михаил Андреевич Милорадович… с. 164.

Русская старина. 1899. № 6. с. 694.

Дубровин Н.Ф. Письма главнейших деятелей… с. 31—32.

Лависс Э., Рамбо А. Указ. соч. с. 170—171.

800

История Апшеронского полка. с. 310.

801

С-в Д. Багратион. Русский биографический словарь. СПб., 1900. с. 396.

802

Воронцов Михаил Семенович, граф (1782—1856) — полковник лейб-гвардии Преображенского полка, командовал Нарвским мушкетерским полком; впоследствии — светлейший князь, генерал-фельдмаршал. В Отечественной войне 1812 года командовал дивизией, в 1815—1818 годах — русским оккупационным корпусом во Франции. Был близок к деятелям преддекабристских организаций. С 1823 года — новороссийский генерал-губернатор и наместник Бессарабской области, в 1828—1844 годах — новороссийский и бессарабский генерал-губернатор. В 1844—1854 годах — наместник на Кавказе и главнокомандующий Отдельным кавказским корпусом.

803

Бенкендорф Александр Христофорович, граф (1783—1844) — полковник лейб-гвардии Семеновского полка, командир отдельного кавалерийского отряда; генерал от кавалерии, шеф Корпуса жандармов.

Греч Н.И. Указ. соч. с. 65.

Каменский 2-й Николай Михайлович, граф (1776—1811) — генерал от инфантерии. В 1799 году в качестве шефа Архангелогородского мушкетерского полка участвовал в Швейцарском походе Суворова, в 1805 году — в Аустерлицком сражении. При Прейсиш-Эйлау (1807) командовал 14-й дивизией. В Русско-шведскую войну 1808—1809 годов, командуя корпусом, одержал победы над шведскими войсками при Куортане и Оравайсе в Финляндии. В Русско-турецкую войну 1806—1812 годов — главнокомандующий Дунайской армией (с 1810), овладел рядом турецких крепостей, нанес поражение турецким войскам при Ватине в Болгарии.

806

Николай Михайлович, вел. кн. Император Александр I. Опыт исторического исследования. 2-е изд. Пг., 1914. с. 77.

Бантыш-Каменский Д.Н. Указ. соч. Ч. 2. с. 263.

История Апшеронского полка. с. 314—315.

809

Щербатов А.Г. Указ. соч. с. 71.

С.М. Каменского 1-го.

811

Ланжерон А.Ф. Записки… // Русская старина. № 9. с. 429.

Бантыш-Каменский Д.Н. Указ. соч. Ч. 3. с. 51.

813

Военная энциклопедия. с. 292.

814

Хроника киевской общественной жизни по дневнику митрополита Серапиона // Киевская старина. 1884. т. 9. с. 443.

Серапион (Стефан Александровский) (1747—1824) — митрополит Киевский и Галицкий (1803—1822).

816

Путешествие в Киев. Неизданное сочинение кн. И.М. Долгорукова. ГПИБ. Хмыровская коллекция. Киевская губерния. Тетрадь 1.

817

Русская старина. 1899. № 6. с. 694.

818

Феньш (Фенш) Андрей Семенович (1757—1828) — киевский военный губернатор (1798—1803); генерал от инфантерии.

819

Вигель Ф.Ф. Записки. с. 188—189.

Иконников В.С. Киев в 1654-1855 годах. Киев, 1904. с. 105.

821

Ермолов Сергей Алексеевич (1763—1818) — генерал-майор, командир 9-й пехотной дивизии.

Дубровин Н.Ф. Указ. соч. с. 47.

823

Русская старина. 1899. № 6. с. 694.

Там же. No 4. с. 76.

825

Муравьев Александр Николаевич (1792—1863) — брат Н.Н. Муравьева-Карского; активный участник первых декабристских организаций; в 1826 году был сослан в Сибирь без лишения чинов и дворянства. Впоследствии — генерал-лейтенант и сенатор.

826

Муравьев А.Н. Сочинения и письма. Иркутск. 1986. с. 67.

827

Командир эскадрона Мариупольского гусарского полка.

Дурова Н.А. Указ. соч. с. 119—121.

829

Вигель Ф.Ф. Записки. с. 188.

830

Путешествие в Киев.

831

Трощинский Дмитрий Прокофьевич (1754—1829) — сенатор, министр юстиции (1811—1817).

Хроника киевской общественной жизни… с. 444.

Дурова Н.А. Указ. соч. с. 122.

834

Юнкер — унтер-офицер из дворян, проходящий в полку подготовку к получению офицерского чина.

835

Семевский М.В. Граф Михаил Андреевич Милорадович… с. 165.

Поливанов М. Указ. соч. с. 175.

837

История Апшеронского полка. с. 316.

Лесков Н.С. Указ. соч. с. 154.

839

Русская старина. 1899. т. 98. № 5. с. 352.

Француз-путешественник на Украине // Киевская старина. 1885. т. 13. № 12. с. 752.

Бантыш-Каменский Д.Н. Указ. соч. Ч. 4. с. 192.

Поливанов М. Указ. соч. с. 175.

843

Даву Луи Никола, герцог Ауэрштедтский, князь Экмюльский (1770— 1823) — маршал Франции. Участвовал в Египетской экспедиции 1798—1799 годов. В 1800—1801 годах командовал кавалерией Итальянской армии. В 1805—1814 годах — командир корпуса, активный участник всех Наполеоновских войн, в 1807 году — губернатор великого герцогства Варшавского. В 1813—1814 годах руководил обороной Гамбурга от русско-прусских войск. Во время «Ста дней» — военный министр Наполеона. С воцарением Бурбонов лишен чинов и титулов, которые ему были возвращены в 1817 году. С 1819 года — пэр Франции.

Глинка Ф.Н. Письма к другу. М., 1990. с. 149—150.

845

Хроника киевской общественной жизни… с. 446.

846

Анекдоты и черты из жизни графа Милорадовича… с. 78.

847

Глинка Ф.Н. Письма к другу. с. 151—152.

Анекдоты и черты из жизни графа Милорадовича… с. 78—79.

849

Глинка Ф.Н. Письма к другу. с. 150.

850

Анекдоты и черты из жизни графа Милорадовича… с. 78—81.

851

Глинка Ф.Н. Письма к другу. с. 150.

852

Визитатор — инспектор, ревизор, проверщик, осмотрщик.

853

Чацкий Фаддей Феликсович (1765—1813) — основатель Кременецкого лицея, писатель.

Хроника киевской общественной жизни… с. 449.

855

ГПИБ. Хмыровская коллекция. Киевская губерния. Тетрадь 8.

Хроника киевской общественной жизни… с. 450.

857

Сталь Анна Луиза Жермена, де (1766—1817) — французская писательница.

Сталь Жермена, де. Указ. соч. с. 24.

859

Тургенев Н.И. Русские мемуары. Избранные страницы. 1800—1825 гг. с. 261-262.

Бескровный Л.Г. Указ. соч. с. 74.

861

Аршин — 71,12 сантиметра; вершок — 4,45 сантиметра. Итого — 143 сантиметра.

862

Столетие Военного министерства. СПб., 1902. т. 4. Ч. 1. Кн. 1. Отд. 2. с. 156.

863

Корф М.А. Записки. с. 668.

Безотосный В.М. Кампания 1812 года // Отечественная война 1812 года. М., 2004. с. 6.

865

Словенские и хорватские земли на Балканах, отошедшие к Франции по Пресбургскому (1805) и Шенбруннскому (1809) мирным договорам.

866

Фонвизин М.А. Сочинения и письма. Иркутск, 1982. т. 2. с. 160—161.

867

Николай Михайлович Стороженко был женат на сестре М.А. Милорадовича — Марии Андреевне.

868

Русская старина. 1894. № 4. с. 237.

869

Хроника киевской общественной жизни… с. 452.

Семевский М.В. Граф Михаил Андреевич Милорадович… с. 165—166.

871

Подробнее см.: *Габаев Г.* Роспись русским полкам 1812 года. Киев, 1912; а также — *Ульянов И.Э.* Регулярная пехота. 1801—1855 // История российских войск. М., 1996.

872

М.И. Кутузов. Сборник документов. т. 4. Ч. 1. с. 80.

873

Вяземский Петр Андреевич, князь (1792—1878) — государственный деятель, поэт, академик Петербургской Академии наук (1841); тайный советник; в 1812 году — камер-юнкер. В 1818—1820 годах участвовал в подготовке «Государственной уставной грамоты». В 1846—1853 годах — директор Государственного заемного банка, с 1855 года — товарищ министра народного просвещения, руководил Главным управлением цензуры. С 1866 года — член Государственного совета.

Четвертинский Борис Антонович, князь (ок. 1784—1865) — полковник; действительный статский советник. В 1812 году — командир 1-го конного казачьего полка.

Вяземский П.А. Воспоминания о 1812 годе. Поли. собр. соч. СПб., 1882. т. 7. с. 202.

Кульнев Яков Петрович (1763—1812) — генерал-майор. В Русско-шведскую войну 1808—1809 годов во главе отряда перешел по льду Ботнический залив. В Отечественную войну 1812 года — командир кавалерийского отряда, отличился в бою при Клястицах, смертельно ранен.

877

Глинка С.Н. Записки. с. 361.

878

Окулов Модест Матвеевич (1768—1812) — генерал-майор. С 1811 года — шеф Рыльского пехотного полка. В Отечественную войну 1812 года командовал пехотной бригадой в 4-м пехотном корпусе.

879

Тормасов Александр Петрович, граф (1752—1819) — генерал от кавалерии. В 1808—1811 годах — главнокомандующий в Грузии и в войнах с Турцией и Персией. С 1814 года — московский генерал-губернатор.

880

Зельницкий Григорий Кириллович (1762—1828)— доктор философии (1805), писатель, краевед и издатель. С 1804 года — учитель в калужской гимназии. В 1819 году получил дворянство за выслугу; с 1820 года — коллежский советник. С 1827 года — исправлял должность директора училищ Калужской губернии. Цит. по: *Зельницкий Г.К.* Описание событий 1812 года, случившихся в пределах Калужской губернии. ML, 1815. С. 59.

881

В тылу армии. Калужская губерния в 1812 году. Обзор события и сборник документов / Сост. В.И. Ассонов. Калуга, 1912. с. 10.

Николай Михайлович, вел. кн. Император Александр I. с. 96.

883

В тылу армии… с. 23.

884

Волконский Дмитрий Михайлович, князь (1769—1835) — генерал-лейтенант. Участник Русско-шведской войны 1788—1790 годов. Воевал против турок и поляков. С апреля 1798 года — командир Московского гарнизона. С 1803 года — командующий войсками в Грузии. Во время кампании 1805 года состоял дежурным генералом при М.И. Кутузове. Командир 6-й пехотной дивизии, с которой совершил кампанию 1806— 1807 годов. Отличился в сражениях при Гутштадте, Гейльсберге и Фридланде. В 1812 году заменил генерала Ливена на посту командира пехотного корпуса 3-й армии. В 1813 году участвовал в осаде Глогау, сражениях при Лютцене и Бауцене. В июне 1813 года назначен командующим Тульским ополчением (осада Данцига). С 1816 года — сенатор.

885

Волконский Д.М. Дневник 1812—1814 гг. // 1812 год… Военные дневники. М., 1990. с. 139.

Ермолов А.П. Указ. соч. с. 143.

887

Михайловский-Данилевский Александр Иванович (1790—1848) — генерал-лейтенант, военный историк.

888

Анекдоты и черты из жизни графа Милорадовича… с. 42.

Сталь Жермена, де. Указ. соч. с. 59—60.

Бантыш-Каменский Д.Н. Указ. соч. Ч. 3. с. 64.

891

М.И. Кутузов. Сборник документов. т. 4. Ч. 1. с. 87—88.

892

Там же. с. 79.

893

Там же. с. 143.

894

1812—1814. Реляции. Письма. Дневники. Из собрания ГИМ. М., 1992. с. 179.

895

Муравьев Н. К Записки. Русские мемуары. Избранные страницы. 1800-1825 гг. М., 1989. с. 106.

Коленкур Арман, де. Мемуары. Поход Наполеона в Россию. М., 1943. с. 128-129.

897

Коленкур Арман Огюстен Луи, де, маркиз, герцог Виченцский (1773— 1827) —дивизионный генерал; посол в Санкт-Петербурге (1807—1811). Сопровождал Наполеона в Русском походе.

898

Михайловский-Данилевский А.И. Отечественная война 1812 года: Воспоминания. М., 2004. с. 106.

899

М.И. Кутузов. Сборник документов. т. 4. Ч. 1. с. 105.

Михайловский-Данилевский А.И. Отечественная война… с. 107.

901

Михайловский-Данилевский А.И. Отечественная война… с. 108.

902

Неверовский Дмитрий Петрович (1771 —1813) — генерал-лейтенант. В Отечественную войну 1812 года — командир пехотной дивизии. Отличился в сражениях под Красным, Смоленском и Бородином. Смертельно ранен в Лейпцигском сражении (1813).

903

Бородино. Документальная хроника / Сост. А.М. Валькович и А.П. Капитонов. М., 2004. с. 84-85.

904

Багговут Карл Федорович (1761—1812) — генерал-лейтенант. Участвововал во второй турецкой войне императрицы Екатерины II, в Итальянском походе Суворова и во всех войнах с Наполеоном. 6 октября 1812 года убит под Тарутином.

905

Остерман-Толстой Александр Иванович, граф (1771 — 1857) — генерал от инфантерии. Во время Отечественной войны 1812 года и Заграничных походов 1813—1814 годов командовал пехотным корпусом, отличился во многих сражениях (в том числе при Бородине и Кульме).

906

Михайловский-Данилевский А.И. Император Александр I… // Военная галерея Зимнего дворца. т. 5.

907

М.И. Кутузов. Сборник документов. т. 4. Ч. 1. с. 93.

Олсуфьев 3-й Захар Дмитриевич (1773—1835) — генерал-лейтенант. Участник Русско-шведской войны 1788—1790 годов в составе гребной флотилии. В 1795—1796 годах находился в составе эскадры, направленной в Англию. В составе колонны генерала А.Ф. Ланжерона отличился в сражении при Аустерлице (1805). Сражался при Прейсиш-Эйлау (1807). С 1807 года — командир 22-й пехотной дивизии. Участник Русско-турецкой войны 1806—1812 годов, сражался при Браилове. В апреле 1810 года ему поручено командование резервным корпусом в Молдавии и Валахии; во главе 2-й колонны отличился при штурме Рущука. С 1811 года — начальник 17-й пехотной дивизии, в 1812-м — входившей во 2-й пехотный корпус 1-й Западной армии. Отличился в сражениях при Смоленске, Бредихине и Валутиной Горе, Бородине. Во время Тарутинского сражения после гибели генерала Багговута принял командование 2-м пехотным корпусом. Участвовал в сражениях при Малоярославце, Вязьме, Дорогобуже, Красном. В кампанию 1813—1814 годов, командуя 9-м корпусом в составе армии генерала Г. Блюхера, сражался при Бауцене, Кацбахе, Лейпциге, руководил осадой Майнца. В сражении при Бриене попал в плен. После взятия Парижа освобожден. В сентябре 1814 года назначен командиром 4-го пехотного корпуса, а в 1815—1820 годах— 17-й пехотной дивизии. С 1820 года — сенатор.

909

Бахметев 1-й (Бахметьев) Николай Николаевич (1772—1831) — генерал-майор. С 1798 по 1803 год состоял оренбургским военным губернатором. Участвовал в Отечественной войне 1812 года. В Бородинском сражении он сначала находился со своей дивизией на правом крыле позиции; затем, переведенный в центр, в середину самого жаркого боя, он здесь получил рану, оставил сражение и впоследствии вышел в отставку.

910

Бахметев 3-й (Бахметьев) Алексей Николаевич (1774—1841) — генерал от инфантерии. В кампанию 1805 года находился в составе отряда русских войск, направленного в Южную Италию. Участник Русско-турецкой войны 1806—1812 годов, отличился в сражениях при Журже, Обилешти, Браилове и т. д. Прославился своими отважными действиями во главе отдельного отряда при взятии Силистрии и Рущуке, под Шумлой. В апреле 1812 года назначен командиром 23-й пехотной дивизии, которая вошла в 4-й пехотный корпус 1-й Западной армии. При отступлении русской армии успешно воевал под Островной, Смоленском, Заболотьем. С августа 1814 года — подольский военный губернатор. Одновременно с мая 1816 года — полномочный наместник Бессарабской области. С 1823 года — нижегородский, казанский, симбирский и пензенский генерал-губернатор. Член Государственного совета.

911

Муравьев Н.И. Записки… с. 106.

912

Бородино. Документальная хроника… с. 3.

913

Васильев А. А., Ивченко Л. Л., Попов А.И., Земцов В.И. Бородинское сражение // Отечественная война 1812 года. М., 2004. с. 80—92.

914

Понасенков Е. И. Правда о войне 1812 года. М., 2004. с. 205.

915

Бородино. Документальная хроника… с. 75.

916

Потемкин Яков Алексеевич (1781 —1831) — генерал-лейтенант; командир лейб-гвардии Семеновского полка с декабря 1812 года.

917

Раевский Николай Николаевич (1771—1829) — генерал от кавалерии. Участник войн с Турцией, Францией и Швецией. В Отечественную войну 1812 года командовал пехотным корпусом, успешно действовал под Смоленском, в Бородинском сражении оборонял центр русской позиции с Курганной батареей, отличился при Малоярославце.

918

Тучков 1-й Николай Алексеевич (1765—1812) — генерал-лейтенант. Участник Русско-шведской войны 1788—1790 годов. Командовал батальоном Муромского пехотного полка во время подавления Польского восстания в 1792—1794 годах. Участвовал в походе в Швейцарию в составе корпуса генерала А.М. Римского-Корсакова. Отличился в бою под Цюрихом. С лета 1806 года командовал 5-й пехотной дивизией. Отличился в сражении при Прейсиш-Эйлау, где удерживал правый фланг русских войск. После войны занял пост Каменец-Подольского военного губернатора. При подготовке к Отечественной войне 1812 года назначен командиром 3-го пехотного корпуса. Поддерживал части 4-го пехотного корпуса в бою при Островне, затем оборонял Смоленск, сражался при Лубино. Перед началом Бородинского сражения его 3-й корпус перекрыл Старую Смоленскую дорогу у деревни Утица. 26 августа вел упорные бои за Утицкий курган с частями корпуса генерала И. По-нятовского. Возглавил контратаку Павловского гренадерского полка и был тяжело ранен пулей в грудь. Умер от последствий ранения.

919

Лавров Николай Иванович (1761—1813) — генерал-лейтенант, в начале Отечественной войны 1812 года начальник штаба 1-й Западной армии, затем командир 5-го пехотного (гвардейского) корпуса.

920

Ермолов А.П. Из записок об Отечественной войне 1812 г. // России двинулись сыны. Записки об Отечественной войне 1812 года ее участников и очевидцев. М., 1988. с. 65—66.

921

Вяземский П. А Воспоминание о 1812 годе // России двинулись сыны. с. 442.

922

Ермолов А.П. Из записок об Отечественной войне… с. 65.

923

Ложье Н. Дневник офицера Великой армии в 1812 г. М., 2005. с. 60-61.

Глинка Ф.Н. Письма русского офицера. с. 19.

925

Петров М.М. Рассказы служившего в 1-м егерском полку полковника Михаила Петрова о военной службе и жизни своей и трех родных братьев его, зачавшейся с 1789 года // 1812 год. Воспоминания воинов русской армии. Из собрания отдела письменных источников Государственного исторического музея. М., 1991. с. 160.

926

Ермолов А.П. Из записок об Отечественной войне… с. 66.

927

Вяземский И.А. Воспоминания о 1812 годе. Полн. собр. соч. т. 7. с. 203-204.

928

Вяземский П.А. Поминки по Бородинской битве // И славили Отчизну меч и слово. 1812 год глазами очевидцев. М., 1987. с. 647—648.

929

Бородино. Документальная хроника… с. 291.

930

Анекдоты и черты из жизни графа Милорадовича… с. 77.

931

Там же. с. 43-44.

932

Там же. с. 39.

933

Тучков 4-й Александр Алексеевич (1777—1812) — генерал-майор, командир пехотной бригады, сражался под Витебском и Смоленском, убит в Бородинской битве.

Кутайсов Александр Иванович, граф (1784—1812) — в генеральском звании участвовал в войне с Францией в 1806—1807 годах; особо отличился при Прейсиш-Эйлау (1807), под Фридландом. В 1810—1811 годах жил в Вене и Париже, изучая математику, фортификацию, восточные языки. Написал «Общие правила для артиллерии в полевом сражении». Эта инструкция была принята для русской армии в 1812 году. Во время Отечественной войны 1812 года был назначен начальником артиллерии 1-й Западной армии. М.И. Кутузов вспоминал, что смерть Кутайсова «лишила армию начальника артиллерии в такой битве, где преимущественно действовали орудия».

935

Лихачев Петр Гаврилович (1758—1813) — командир 24-й пехотной дивизии. В 1783 году участвовал с отличием в Закубанском походе Суворова, в 1788—1790 годах в Русско-шведской войне. С 1797 года, командуя полком, принял участие в ряде походов в Кабарде и Дагестане, в которых обнаружил неустрашимость, инициативу и быстроту в военных действиях против горцев. В Отечественную войну 1812 года Лихачев командовал дивизией, с которой принял участие в обороне Смоленска, а в Бородинском сражении в защите батареи Раевского.

936

Булгаков Александр Яковлевич (1781—1863) — московский почт-директор, сенатор.

937

Булгаков А.П. Из записок // России двинулись сыны. с. 409.

Грабе И.Х. 1812 год // России двинулись сыны. с. 409.

939

Граббе Павел Христофорович, граф (1789 или 1787—1875) — генерал от кавалерии, участник войн 1805—1809 годов, Отечественной войны 1812 года и Заграничных походов, адъютант М.Б. Барклая-де-Толли, а затем А.П. Ермолова, командир Лубенского гусарского полка (1817), «за явное несоблюдение порядка военной службы» отставлен с повелением жить в Ярославле, определен полковником в Северский конно-егерский полк (1823). Член «Союза благоденствия», участник Московского съезда 1821 года. После разгрома восстания высочайше было поведено (1826) посадить Граббе на 4 месяца в Динаминдскую крепость. В 1829 году назначен исправлять должность начальника штаба войск в Валахии, участник Русско-турецкой войны 1828—1829 годов, командующий войсками на Кавказской линии и в Черномории, генерал-адъютант. В 1854 году назначен исправляющим должность военного губернатора города Ревеля, командующий войсками в Эстляндии, наказной атаман Войска Донского, член Государственного совета.

940

Анекдоты и черты из жизни графа Милорадовича… с. 40.

941

Керсновский А.А. Указ. соч. с. 256.

942

Бородино. Путеводитель по местам боев Бородинского сражения 1812 г. М., 1938. с. 79.

943

Бонами (старинное правописание) — *Шарль Огюст Жан Батист Луи Жозеф Боннами де Бельфонтен* (1764—1830) — бригадный генерал французской армии; генерал-лейтенант с 1815 года.

944

М.И. Кутузов. Сборник документов. т. 4. Ч. 1. с. 168.

945

Вяземский П.А. Воспоминание о 1812 годе // России двинулись сыны… с. 445.

Понятовский Иосиф (Юзеф) Антоний, князь (1763—1813) — главнокомандующий польской армией, маршал империи. Племянник польского короля Станислава Августа (Понятовского). С 1780 года служил в австрийской армии, был адъютантом императора Иосифа II. В 1789 году по приглашению Станислава Августа приехал в Польшу, был произведен в генерал-майоры, участвовал в реорганизации польской армии, командовал дивизией. Во время Польского восстания 1794 года, командуя дивизией, действовал против русских войск при обороне Варшавы. С 1807 года военный министр герцогства Варшавского. Во время австро-французской войны 1809 года успешно действовал против австрийских войск в Галиции. В 1812 году, во время похода Наполеона в Россию, командовал 5-м польским корпусом, входившим в состав французской Великой армии. После разгрома армии Наполеона в России отступил с остатками польских войск в Саксонию, где был создан 8-й польский корпус, участвовавший в Лейпцигском сражении 1813 года. Будучи тяжело ранен, П. утонул во время переправы через реку Эльстер.

947

Строганов Павел Александрович, граф (1774—1817) — генерал-лейтенант. В 1802 году получил чин тайного советника, звание сенатора и должность товарища министра внутренних дел. В 1805 году находился при императоре Александре I во время Аустерлицкой битвы. В 1807 году вступил волонтером в действующую армию и командовал казачьим полком. После окончания кампании перешел на военную службу, переименован в генерал-майоры. Воевал со шведами в 1808—1809 годах, под начальством генерала П.И. Багратиона участвовал в переходе на Аландские острова. С 1809 по 1811 год находился в Дунайской армии и отличился в нескольких боях с турками. В 1811 году пожалован в генерал-адъютанты. В 1812 году командовал 1-й гренадерской дивизией, в Бородинской битве заменил раненого генерала Н.А. Тучкова на посту командира 3-го пехотного корпуса. Командовал им в сражениях при Тарутине, Малоярославце, Красном. В 1813 году принимал участие в Лейпцигской битве.

948

Михайловский-Данилевский А.И. Император Александр I // Военная галерея Зимнего дворца. т. 5.

949

М.И. Кутузов. Сборник документов. т. 4. Ч. 1. с. 168.

950

Михайловский-Данилевский А.И. Император Александр I // Военная галерея Зимнего дворца. т. 5.

951

Вяземский П.А. Воспоминание о 1812 годе // России двинулись сыны… с. 446.

952

Уваров Федор Петрович (1773—1824) — генерал от кавалерии. Участвовал в Русско-шведской войне 1788—1790 годов и подавлении Польского восстания 1794 года. С 1799 года — шеф Кавалергардского полка, с 1807 года — командир гвардейской кавалерийской бригады, участник войны с Францией в 1805—1807 годах. В 1810 году, командуя авангардом Молдавской армии, участвовал в Русско-турецкой войне 1806—1812 годов. В 1812 году командир 1-го резервного кавалерийского корпуса, отличился в Бородинском сражении 1812 года, в сражениях под Вязьмой и Красным. С 1813 года состоял при императоре Александре I. С 1821 года — командир Гвардейского корпуса.

953

М.И. Кутузов. Сборник документов. т. 4. Ч. 1. с. 219.

954

ЦГВИ А.Ф. 29. Оп. 153г. Св. 1. Д. 16 (228). Л. 1 и об.

Попов А.И. Платова и Уварова рейд // Отечественная война 1812 года. М., 2004. с. 572.

Коленкур Огюст Жан Габриель, де, барон (1777—1812) — дивизионный генерал, брат Армана де Коленкура, принял 2-й кавалерийский корпус, после того как генерал Монбрен был убит ядром.

957

Михайловский-Данилевский А.И. Император Александр I // Военная галерея Зимнего дворца. т. 5.

Грабе П. Х. Указ. соч. с. 408-409.

959

Попов А.И. Коленкур… с. 354.

Грабе И.Х. Указ. соч. с. 408—409.

961

Глинка Ф.Н. Письма русского офицера. с. 363.

962

Михайловский-Данилевский А.И. Император Александр I // Военная галерея Зимнего дворца. т. 5.

963

Коноеницын Петр Петрович, граф (1764—1822) — генерал от инфантерии. В Отечественную войну 1812 года командовал дивизией, отличился в Бородинском сражении, с сентября дежурный генерал штаба М.И. Кутузова. В 1815—1819 годах — военный министр.

Ермолов А. И. Записки А.П. Ермолова. 1798—1826. с. 195.

Грабе П. Х. Указ. соч. с. 409.

Бородино. Документальная хроника… с. 266.

967

Анекдоты и черты из жизни графа Милорадовича… с. 57.

968

Семевский М.В. Граф Михаил Андреевич Милорадович… с. 167.

969

Михайловский-Данилевский А.И. Отечественная война… с. 121.

Там же. с. 123.

Вяземский П.А. Воспоминание о 1812 годе // России двинулись сыны… с. 442-446.

Бородино. Документальная хроника… с. 23.

973

Мой век, или История генерала Маевского // Русская старина. 1873. т. 8. № 7. с. 144.

Безотосный В.М. Платов // Отечественная война 1812 года. с. 570-571.

Михайловский-Данилевский А.И. Отечественная война… с. 121.

Ростопчинские афиши. СПб., 1904. с. 51.

Бородино. Документальная хроника… с. 138.

Там же. с. 23.

979

Милорадович М.А. О сдаче Москвы. Рассказ, записанный в 1818 году А.И. Михайловским-Данилевским // 1812 год в воспоминаниях современников. М., 1995. с. 58.

Полковник К.Ф. Толь, генерал-квартирмейстер.

981

Щербинин Александр Андреевич (1790—1876) — действительный статский советник; гофмейстер.

982

Записки Щербинина // 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Материалы Военно-Ученого архива Главного Штаба. Вильна. Вып. 1. 1900. с. 22—23.

983

Киселев Павел Дмитриевич, граф (1788—1872) — генерал от инфантерии; почетный член Петербургской Академии наук (1855). В 1837—1856 годах — министр государственных имуществ, провел реформу управления государственными крестьянами. Сторонник отмены крепостного права.

984

Заблоцкий-Десятовский А.П. Граф П.Д. Киселев и его время. СПб., 1882. с. 8-9.

985

Сборник биографий кавалергардов. 1801—1826. СПб., 1906. с. 145.

986

Мой век… с. 149.

987

Щербатов А.П. Указ. соч. с. 156.

Шишов А.И. Указ. соч. с. 371.

989

М.И. Кутузов. Сборник документов. т. 4. Ч. 1. с. 192.

990

Глинка Ф.Н. Письма русского офицера. с. 21.

991

Кайсаров Паисий Сергеевич (1783—1844) — генерал от инфантерии. В 1812 году — дежурный генерал армии, потом командовал передовыми войсками; в 1813 году стоял во главе летучего партизанского отряда. В 1814 году, командуя конным отрядом, Кайсаров обратил на себя внимание смелостью предпринимаемых экспедиций и точностью доставляемых сведений. В марте 1831 года назначен командующим 3-м пехотным корпусом, с частью которого действовал против поляков в южной части Люблинской губернии и держал в блокаде крепость Замостье. После того, до самой смерти, Кайсаров командовал 5-м пехотным корпусом.

Бородино. Документальная хроника… с. 161.

993

Щербатов А.П. Указ. соч. с. 160.

994

Ермолов А.П. Записки А.П. Ермолова. 1798—1826. с. 204.

995

Пушкин А.С. Дневник 1833—1835 гг. // Собр. соч. В 10 т. М., 1976. т. 7. с. 289.

Корф М.А. Записки. с. 273.

997

Муравьев А.Н. Что видел, чувствовал и слышал // России двинулись сыны. с. 290.

Сталь Жермена, де. Указ. соч. с. 31.

999

Ростопчинские афиши. с. 60.

1000

Милорадович М.А. О сдаче Москвы… с. 59.

1001

Щербинин А.А. Записки Щербинина // 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. с. 23.

1002

Попов А.Н. Французы в Москве в 1812 году // Русский архив. 1876. № 2. с. 232.

1003

Ермолов А.П. Записки А.П. Ермолова. 1798—1826. с. 206.

Милорадович М.А. О сдаче Москвы… с. 59.

1005

Сипягин Николай Мартемьянович (1785—1828) — флигель-адъютант; генерал-лейтенант. Участвовал в Аустерлицком сражении (1805), в сражении при Фридланде (1807). В 1812 году находился при великом князе Константине Павловиче, а затем при князе Багратионе, с которым и участвовал при защите Шевардинского редута и в сражении при Бородине. Позднее состоял при Кутузове. В сражениях при Вязьме и Красном участвовал в отряде Милорадовича. Во время Заграничных походов назначен начальником штаба авангардного корпуса Милорадовича и вместе с ним находился при обложении крепости Глогау. Отличился в битве при Лейпциге (1813), в сражении при Арси-сюр-Об и под Парижем. В мирное время состоял начальником штаба Гвардейского корпуса, основал «Военный журнал». Начальник 6-й пехотной дивизии в 1819 году, позднее начальник сводной дивизии 5-го пехотного корпуса. В 1827 году получил пост тифлисского военного губернатора.

1006

Щербинин А.А. Записки // Изгнание Наполеона из Москвы. М., 1938. с. 23.

1007

«Генерал, перед французской армией не надо бравировать». — «Это мое дело бравировать, а ваше умирать» *(фр.)*.

Милорадович М.А. О сдаче Москвы… с. 59—60.

1009

Бертье Луи Александр, герцог Валанженский, князь Ваграмский и Невшательский (1753—1815) — маршал Франции. Участвовал в войне за независимость США (1775—1783). С 1789 года — начальник штаба национальной гвардии Версаля. Участвовал в подавлении мятежей в Вандее. В 1796—1797 годах — начальник штаба, а в 1797—1798 годах — командующий французской Итальянской армией. При Наполеоне — военный министр (1799—1807, перерыв в 1800). До 1814 года являлся бессменным начальником штаба Наполеона. Разработал основы штабной службы, принятые затем всеми европейскими армиями.

1010

Акинфов Федор Васильевич (1789—1848) — генерал-майор с 1824 года, впоследствии — тайный советник и сенатор. Был причастен к деятельности тайных обществ, что «оставлено без внимания».

1011

Акинфов Ф.В. Разговор с Мюратом // России двинулись сыны. с. 181-182.

1012

Ермолов А.П. Записки // Изгнание Наполеона из Москвы. с. 22.

1013

Муравьев Н.Н. Записки… с. 132.

1014

Акинфов Ф.В. Разговор с Мюратом. с. 182.

1015

Там же.

1016

Михайловский-Данилевский А.И. Отечественная война… с. 130.

1017

Васильчиков Илларион Васильевич, князь (1775—1847) — генерал от кавалерии; с 1838 года — председатель Комитета министров.

Милорадович М.А. О сдаче Москвы… с. 60.

Ложье Ц. Указ. соч. с. 71-72.

1020

Воспоминания сержанта Бургоня. М., 2005. с. 3.

1021

М.И. Кутузов. Сборник документов. т. 4. Ч. 1. с. 235.

1022

Бородино. Документальная хроника… с. 162.

1023

История 30-го драгунского Ингерманландского полка / Сост. В. И. Геништа и А.Т. Борисевич. СПб., 1904. Ч. 1. с. 203.

1024

Оленин Евгений Иванович (1766—1828) — генерал-майор, действительный статский советник, тульский гражданский губернатор с 1819— 1820 годов.

1025

Глинка С.Н. Записки о 12-м годе // России двинулись сыны. с. 261.

1026

Голицын Александр Борисович, князь (1792—1865)— действительный статский советник. Адъютант великого князя Константина Павловича. Губернатор Саратовской губернии в 1826—1830 годах, владимирский губернский предводитель дворянства.

1027

Голицын А.Б. Записка о войне 1812 года // России двинулись сыны. с. 169.

1028

Ростопчин Ф.В. Записки // Изгнание Наполеона из Москвы. с. 20-21.

1029

Растковский Ф. Об Отечественной войне // Изгнание Наполеона из Москвы. с. 18—19.

Петров М.М. Рассказы… с. 189—190.

1031

Ошибка мемуариста — Акинфов.

1032

Брозин Василий Иванович (1762—1823) — генерал-майор, шеф Московского гарнизонного полка; генерал-лейтенант, сенатор.

1033

Щербинин А.А. Записки // Изгнание Наполеона из Москвы. с. 24.

1034

Клаузевиц К. 1812 год // Изгнание Наполеона из Москвы. с. 29.

1035

Ермолов А.П. Записки // Изгнание Наполеона из Москвы. с. 22.

Волконский Д.М. Указ. соч. с. 143—144.

1037

Акинфов Ф.В. Разговор с Мюратом. с. 184.

1038

Глинка с. К Записки о 12-м годе // России двинулись сыны. с. 262.

1039

Михайловский-Данилевский А.И. Отечественная война… с. 130.

Ложье Ц. Указ. соч. с. 73.

1041

Клаузевиц К. 1812 год // Изгнание Наполеона из Москвы. с. 29.

1042

Доброе утро, дорогой Милорадович! *(фр.)*.

1043

Сейчас не те прекрасные дни в Бухаресте *(фр.)*.

1044

Михайловский-Данилевский А.И. Отечественная война… с. 131.

1045

Акинфов Ф.В. Разговор с Мюратом. с. 184—185.

1046

Муравьев А.Н. Сочинения и письма. с. 120.

1047

Акинфов Ф.В. Разговор с Мюратом. с. 184.

1048

Панчулидзев 1-й Иван Давидович (1758—1815) — генерал-лейтенант (1813). Участвовал в штурме Очакова (1788), Персидском походе (1796), в кампании 1805 года, сражении при Аустерлице. В 1812 году отличился в сражениях при Бородине, Красном, Вязьме, Малоярославце. Участвовал в Заграничных походах (1813—1814), отличился в сражениях при Лютцене, Бауцене и др., занятии Парижа.

Милорадович М.А. О сдаче Москвы… с. 60.

1050

Клаузевиц К. 1812 год // Изгнание Наполеона из Москвы. с. 29.

1051

Щербинин А.А. Записки Щербинина // 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. с. 28—29.

1052

М.И. Кутузов. Сборник документов. т. 4. Ч. 1. с. 235.

1053

Раевский В.Ф. Материалы о жизни и революционной деятельности. Иркутск, 1983. с. 371.

1054

Дрейлинг И.Р., фон. Воспоминания участника войны 1812 года // 1812 год. Воспоминания воинов русской армии. с. 377.

1055

Михайловский-Данилевский А.И. Отечественная война… с. 132.

1056

Голицын А.Б. Записка о войне 1812 года // России двинулись сыны. с. 170.

1057

В тылу армии // Калужская губерния в 1812 году. Обзор события и сборник документов / Сост. В.И. Ассонов. Калуга, 1912. с. 27.

1058

Ермолов А.П. Записки А.П. Ермолова. 1798—1826. с. 208.

1059

«Северные амуры» — так называли французы башкирских кавалеристов, вооруженных луками со стрелами.

1060

Щербинин А.А. Записки Щербинина // 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. с. 32—33.

1061

Из письма с. Мизина // Изгнание Наполеона из Москвы. с. 30.

1062

Клаузевиц К. 1812 год. М., 1937. с. 118.

1063

Щербинин А.А. Записки Щербинина // 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. с. 29.

1064

Орлова-Чесменская Анна Алексеевна, графиня (1785—1848) — камер-фрейлина, дочь А.Г. Орлова. Осталась после смерти отца наследницей многомиллионного состояния. Предполагала вступить в брак с графом Н.М. Каменским, но, разочаровавшись в нем, стала искать утешения в религии. Ее религиозное настроение усилилось под влиянием духовника, монаха Александро-Невской лавры, известного архимандрита Фотия. Своих крепостных она частью перевела в вольные хлебопашцы, часть передала в удельное ведомство, где быт крестьян считала лучше обеспеченным.

1065

Анекдоты и черты из жизни графа Милорадовича… с. 35.

1066

Шишов А.Н. Указ. соч. с. 377-378.

1067

От великого до смешного только шаг *(фр.)*.

1068

Михайловский-Данилевский А.И. Описание войны 1813 года. 4.1. СПб., 1840. с. 177.

1069

Корф Федор Карлович, барон (1774—1823) — генерал-лейтенант, генерал-адъютант. Участник подавления Польского восстания 1794 года. Отличился при штурме предместья Варшавы — Праги. В 1800—1814 годах — шеф Псковского драгунского полка. В 1806 году отличился в сражениях при Голымине и Прейсиш-Эйлау. С апреля 1812 года — командир 2-го кавалерийского корпуса. В начале Отечественной войны 1812 года командовал арьергардом 1-й Западной армии. Во время Бородинского сражения руководил действиями двух кавалерийских корпусов. Во время Заграничных походов 1813—1814 годов сражался при Пределе, Рохлице, Вальдгейме, Герлице, Гольдберге, Кацбахе и Лейпциге. В сражении при Левенберге (1813) захватил 3,5 тысячи пленных, 16 орудий и 2 знамени. С 1815 года командовал 2-й драгунской дивизией, а с 1816-го — 2-м резервным кавалерийским корпусом.

1070

Михайловский-Данилевский А.И. Император Александр I… // Военная галерея Зимнего дворца. т. 2.

1071

Костенецкий Василий Григорьевич (1769—1831) — генерал-лейтенант. Отличился при штурме Очакова (1788), в Аустерлицком сражении (1805). В 1807 году сражался при Гейльсберге и Фридланде. С июня 1812 года командовал артиллерией 6-го пехотного корпуса. Отличился в Смоленском сражении. После гибели генерала А.И. Кутайсова принял командование над артиллерией русской армии. Командовал артиллерией в сражениях при Тарутине, Малоярославце, Красном. В Заграничных походах 1813—1814 годов командовал артиллерией отряда генерала Ф.Ф. Винцингероде, 4-го, 7-го и Гвардейского корпусов, левого фланга 1-й армии. Отличился во многих сражениях. С 1814 года — командующий артиллерией 3-го корпуса, с которым в 1815 году вновь совершил поход во Францию. С 1817 по 1819 год — начальник артиллерии 4-го корпуса.

Там же. т. 1.

1073

Там же.

1074

М.И. Кутузов. Сборник документов. т. 4. Ч. 1. с. 236—237.

1075

Шульгин Александр Сергеевич (ок. 1775—1841) — полковник, адъютант цесаревича Константина; в 1812 году находился в распоряжении генерал-полицмейстера армии М.И.Левицкого; в 1814-м — генерал-майор.

1076

Ланской Василий Сергеевич (1754—1831) — действительный тайный советник, сенатор. В 1813—1815 годах — генерал-губернатор бывшего Великого герцогства Варшавского. В мае—ноябре 1815 года — председатель Временного правительствующего совета Царства Польского. В 1823—1827 годах — министр внутренних дел, член Верховного уголовного суда над декабристами (1826).

1077

Голицын А.Б. Записка о войне 1812 года // России двинулись сыны.

1078

Растковский Ф. Об Отечественной войне // Изгнание Наполеона из Москвы. с. 19.

1079

Михайловский-Данилевский А.И. Отечественная война… с. 146.

Милорадович М.А. О сдаче Москвы… с. 60.

1081

Михайловский-Данилевский А.И. Отечественная война… с. 146.

Милорадович М.А. О сдаче Москвы… с. 61.

1083

Михайловский-Данилевский А.И. Отечественная война… с. 146.

Милорадович М.А. О сдаче Москвы… с. 61.

1085

Ермолов А.П. Записки А.П. Ермолова. 1798—1826. с. 210.

1086

М.И. Кутузов. Сборник документов. т. 4. Ч. 1. с. 239.

1087

Петров М.М. Рассказы… с. 191.

1088

М.И. Кутузов. Сборник документов. т. 4. Ч. 1. с. 243.

1089

Михайловский-Данилевский А.И. Отечественная война… с. 147.

1090

Из письма с. Мизина // Изгнание Наполеона из Москвы. с. 30—31.

1091

Бессьер Бертран, барон (1773—1854) — бригадный генерал; с 1821 года — генерал-лейтенант. В 1795—1797 годах сражался в Италии, в 1798—1801 годах — в Египте. С 1800 года — командир 11-й конно-егерской бригады. Участник кампании 1805—1806 годов. Отличился при Аустерлице. В 1808—1810 годах сражался в Испании и Каталонии. Участник похода в Россию (1812). Ранен при Бородине. Командовал 2-й бригадой 1-й дивизии 1-го кавалерийского корпуса. Ранен в Битве народов при Лейпциге (1813). При 1-й Реставрации остался в армии и получил пост командующего департаментом Ду. Во время «Ста дней» переведен Наполеоном на такой же пост в департамент Ло и Гаронна. Активного участия в кампании 1815 года не принимал и при 2-й Реставрации не пострадал.

1092

Я вижу, что вы мне приносите счастье *(фр.)*.

1093

Грабе Я *Х.* Указ. соч. с. 416.

1094

Анекдоты и черты из жизни графа Милорадовича… с. 80—81.

1095

Там же. с. 41.

1096

Мой век… с. 144.

1097

Глинка Ф.Н. Подвиги графа Михаила Андреевича Милорадовича в Отечественную войну 1812 года. М., 1814. с. 21—22.

1098

Мой век… с. 148.

1099

Записки Н.Н. Муравьева. с. 360—361.

1100

Граф Михаил Андреевич Милорадович. с. 3—4.

1101

Михайловский-Данилевский А.И. Воспоминания о графе М.А. Милорадовиче. с. 6.

1102

Дубровин Н.Ф. Отечественная война в письмах современников. 1812-1815 гг. М., 2006. с. 153-155.

1103

Глинка Ф.Н. Подвиги графа Михаила Андреевича Милорадовича… с. 25-26.

1104

Михайловский-Данилевский А.И. Отечественная война… с. 148.

1105

Мешетич Г.П. Исторические записки войны россиян с французами и двадцатью племенами 1812, 1813, 1814 и 1815 годов // 1812 год. Воспоминания воинов русской армии. с. 50—51.

1106

Анекдоты и черты из жизни графа Милорадовича… с. 33.

1107

Вильсон Роберт Томас, барон (1777—1849) — бригадный генерал; генерал армии. В 1794 году командирован в Австрию, состоял при Главной квартире и сблизился с императором Францем II. В 1800 году служил на Средиземном море, участвовал в сражениях при Абукире и Александрии. Ездил с секретной миссией в Каир. В ноябре 1806 года сопровождал лорда Хатчинсона, направленного с секретной миссией к императору Александру I. Поступил волонтером в русскую армию, участвовал в кампании 1806—1807 годов. Участник сражений при Эйлау, Гейльсберге, Фридланде. С началом войны в Испании в 1808 году направлен в Лиссабон, где руководил формированием вспомогательных португальских войск. В 1810—1811 годах состоял при А. Веллингтоне, выполнял его особые поручения. Во время Отечественной войны 1812 года состоял при Главной квартире М.И. Кутузова, а затем при Александре I в качестве представителя английского командования. Участвовал в сражениях при Винкове, Малоярославце, Вязьме, Красном, Дессау, Дрездене, Лютцене, Бауцене, Кульме. Военный писатель, автор большого числа военно-исторических работ. В 1818 году избран членом Палаты общин. За участие в процессе королевы Каролины и короля (1821) исключен со службы. Жил во Франции, затем в Испании. В 1826 и 1830 годах вновь избирался в Палату. Активно выступал в парламенте в защиту ирландских католиков. В 1842—1848 годах — губернатор и главнокомандующий в Гибралтаре.

1108

Дубровин Н.Ф. Отечественная война в письмах современников. с. 182-183.

1109

Дурново Н.Д. Дневник 1812 года // 1812 год… Военные дневники. М., 1990. с. 94.

1110

Шевич Иван Георгиевич (1754—1813) — генерал-лейтенант. Командир лейб-гвардии Гусарского полка. Убит под Лейпцигом в 1813 году.

1111

Ермолов А.П. Записки А.П. Ермолова. 1798—1826. с. 209.

1112

Петров М.М. Рассказы… с. 193.

1113

Дрейлинг И. Р., фон. Воспоминания участника войны 1812 года // 1812 год. Воспоминания воинов русской армии. с. 377.

1114

Глинка Ф.Н. Письма русского офицера. с. 30.

1115

Каткарт Уильям, барон Гринок, виконт, граф (1755—1845) — генерал армии, британский представитель при русской армии. Участвовал в военных действиях в Северной Америке. В 1788 году утвержден в достоинстве пэра Шотландии. С 1790 года в течение двух лет возглавлял Комитет по делам палаты. В ноябре 1793 года получил бригаду на Пиренеях. В составе войск графа Мойра направлен на поддержку армии герцога Йоркского во Фландрии. В 1794 году встал во главе 1-й бригады дивизии генерала Д. Дандаса. Участвовал в сражении при Боммеле. Прославился в сражении при Бюрене (1795). В 1803—1805 годах — главнокомандующий в Ирландии, где руководил подавлением антианглийских волнений. В 1805 году получил пост главнокомандующего в Шотландии. В мае 1807 года назначен главнокомандующим армией на Балтике, направленной для «наказания» союзника Франции Дании, где предпринял выдающуюся по своей жестокости и бессмысленности бомбардировку беззащитного Копенгагена (погибли 1600 мирных жителей). В июле 1812 года назначен послом в России и британским военным представителем при императоре Александре I. Во время кампании 1813—1814 годов находился в составе свиты Александра I, одновременно являлся также и послом при дворах Австрии и Пруссии. С 1830 года — губернатор Хала.

1116

Дубровин Н.Ф. Отечественная война в письмах современников. с. 195.

1117

Глинка Ф. Н Подвиги графа Михаила Андреевича Милорадовича… с. 27.

1118

Рибас Хосе (Осип Михайлович), де (1749—1800) — адмирал. В 1772 году по предложению А.Г. Орлова из неаполитанской армии перешел на русскую службу. Участвовал в Русско-турецких войнах 1768—1774 и 1787—1791 годов. Командовал авангардом при взятии Хаджибея и Аккермана (1789), гребной флотилией при взятии Тулчи и Исакчи (1790), гребной флотилией и десантными отрядами при штурме Измаила. В 1793 году составил план строительства порта в Хаджибее (Одессе) и, будучи главным начальником порта, руководил его постройкой. Участвовал в строительстве города Одессы (1794—1797), в которой главная улица в честь Рибаса была названа Дерибасовской. В 1797—1800 годах — член Адмиралтейств-коллегий и генерал-кригскомиссар.

1119

Грабе П. Х. Указ. соч. с. 416-417.

1120

Лористон Жак Александр Бернар Ло, граф (1768—1828) — министр и королевский обер-егермейстер, товарищ Наполеона по артиллерийской школе. Участвовал в кампаниях 1805 и 1809 годов, решил судьбу боя при Ваграме. В 1811—1812 годах — посланник в Санкт-Петербурге; во время «Ста дней» не перешел на сторону Наполеона, за что получил титул маркиза (1817) и маршальский жезл (1823).

1121

Дурново Н.Д. Дневник 1812 года // 1812 год… Военные дневники. с. 95.

1122

Анекдоты и черты из жизни графа Милорадовича… с. 41.

1123

Дурново Н.Д. Дневник 1812 года // 1812 год… Военные дневники. с. 95.

1124

Щербинин А.А. Записки Щербинина // 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. с. 36.

1125

Ермолов А.П. Записки А.П. Ермолова. 1798—1826. с. 210.

1126

Дурново Н.Д. Дневник 1812 года // 1812 год… Военные дневники. с. 95.

1127

Михайловский-Данилевский А.И. Отечественная война… с. 163.

1128

М.И. Кутузов. Сборник документов. т. 4. Ч. 1. с. 401.

1129

Глинка Ф.Н. Письма русского офицера. с. 30.

Шишов А.Н. Указ. соч. с. 383.

1131

Муравьев А.Н. Что видел, чувствовал и слышал // России двинулись сыны. с. 296.

1132

Сысоев Василий Алексеевич (1772—1840) — генерал-майор (6 декабря 1812), генерал-лейтенант (1828), генерал-адъютант. Участник Русско-польской войны (1792—1794); с 1799 года — войсковой старшина, командующий полком; участник Русско-австро-французской войны (1805); в 1809 году — участник боев под Браиловым, Кюстенджи, Рассеване, Силистрии и др. В 1812 году — участник боев под Миром, Городищем, Быхвой, Могилевом; участник Бородинского сражения. В 1817—1819 годах — участник экспедиций против горцев Северного Кавказа; в 1826—1827 годах — в Черноморском войске; участник Русско-турецкой войны (1828—1829).

1133

Там же. с. 296.

1134

Там же. с. 297.

1135

Здесь и далее: *Булгаков А.П.* Из записок // России двинулись сыны. с. 432-435.

Грабе П. Х. Указ. соч. с. 417.

1137

Муравьев Н.Н. Записки // Русские мемуары. Избранные страницы. 1800-1825 гг. М., 1989. с. 144.

1138

М.И. Кутузов. Сборник документов. т. 4. Ч. 1. с. 10.

1139

Грабе П. Х. Указ. соч. с. 417.

1140

Муравьев Н. Н. Записки // Русские мемуары. с. 144.

1141

Там же. с. 145.

1142

См.: *Ульянов А.И.* Тарутинское сражение // Отечественная война 1812 года. с. 693-694.

1143

В тылу армии… с. 39.

Глинка Ф.Н. Письма русского офицера. с. 31—32.

1145

Имеется в виду Александр Григорьевич Милорадович (1793—1868) — действительный статский советник.

1146

Там же. с. 32-33.

1147

Глинка Ф.Н. Подвиги графа Михаила Андреевича Милорадовича… с. 36-37.

Николай Михайлович, вел. кн. Император Александр I. с. 131.

1149

Д'Аржанс Пьер Жак Жан Эктор дю Буске (1765—1823) — бригадный генерал.

1150

Голицын А.Б. Записка о войне 1812 года // России двинулись сыны. с. 174.

1151

Твоя рутина обратила меня в бегство *(фр.)*.

1152

Муравьев Н.Н. Записки // Русские мемуары. с. 145.

1153

Фезанзак Раймон Эмери Филипп Жозеф, герцог де Монтескье (1784—1867) — полковник (1812); генерал-лейтенант.

1154

Попов А.И. От Малоярославца до Березины // Русская старина. 1877. т. 18. с. 59.

1155

Сеславин Александр Никитич (1780—1858) — генерал-лейтенант. Участвовал в войнах с Францией 1805—1807 годов и Турцией 1806— 1812 годов. В начале Отечественной войны 1812 года был адъютантом генерала М.Б. Барклая-де-Толли. В сентябре назначен командиром кавалерийского партизанского отряда. Совершал смелые рейды по тылам противника, участвовал в освобождении Вязьмы, Борисова, Вильно. 28 октября 1812 года под Ляховом совместно с другими партизанскими отрядами участвовал в окружении и пленении двух тысяч французов, за что произведен в полковники. За отличие в Лейпцигском сражении (1813) произведен в генерал-майоры; после 1814 года — в отставке.

1156

Михайловский-Данилевский А.И. Отечественная война… с. 179.

1157

Чичагов Павел Васильевич (1765-1849) — адмирал (1807). В 1802— 1811 годах — министр морских сил. В Отечественную войну 1812 года — главнокомандующий Дунайской армией, действовавшей против южного фланга наполеоновских войск. С 1813 года — в отставке.

1158

Михайловский-Данилевский А.И. Император Александр I // Военная галерея Зимнего дворца. т. 5.

1159

Долгоруков Сергей Николаевич, князь (1769—1829) — генерал-лейтенант, генерал от инфантерии (1816). Участник Русско-шведской войны 1788—1790 годов. С 1796 года командир Кексгольмского мушкетерского полка. В 1798 году произведен в генерал-майоры и назначен членом Военной коллегии. С 1799 года произведен в генерал-лейтенанты и назначен комендантом Петербургской крепости. В 1805 году командирован в Вену для урегулирования расчетов с австрийцами за снабжение продовольствием русской армии. С 1808 года — посол в Голландии, с 1811 года — в Неаполе при дворе И. Мюрата. В октябре 1812 года прибыл в действующую армию. После сражения при Тарутине получил в командование 2-й пехотный корпус. Позже командовал 8-м корпусом. В 1813 году командовал 3-м корпусом. В мае 1813 года направлен с дипломатической миссией в Копенгаген. В 1816 году выхлопотал себе бессрочный отпуск для лечения за границей.

1160

Карпов Аким Акимович (Еким Екимович) (1767—1838) — генерал-лейтенант. Участник боев с горцами, экспедиций на Кубань и в Чечню. В 1797 году руководил формированием первых рот Донской артиллерии и был назначен ее командующим. Участник похода в Индию (1801). С 1804 года — командир 1-й Донской артиллерийской роты на Кавказе. Участник Русско-турецкой войны 1806—1812 годов. Отличился при Журже, Браилове, Силистрии, Рущуке, Шумле и др. Перед началом Отечественной войны 1812 года назначен командиром восьми (затем десяти) казачьих полков 2-й Западной армии генерала князя П.И. Багратиона. Участвовал во всех значительных боях армии от Мира до Березины. В кампанию 1813—1814 годов успешно сражался при Глогау, Дрездене, Бауцене, Кацбахе, Лейпциге и др. С 1814 года — командующий всей Донской конной артиллерией. С 1817 года — войсковой дворянский депутат в должности губернского предводителя дворянства Войска Донского. С 1819 года — член Комитета по устройству Войска Донского.

1161

Теннер К.И. Сведения о марше отряда генерал-майора Паскевича от села Детчина до города Вязьмы во время войны в 1812 году // 1812 год в воспоминаниях современников. М., 1995. с. 149.

1162

М.И. Кутузов. Сборник документов. т. 4. Ч. 2. с. 10.

1163

Дельзон Алексис Жозеф, барон (1775—1812) — дивизионный генерал, командир 13-й пехотной дивизии.

Ложье Ц. Указ. соч. с. 91—92.

1165

Муравьев Н.Н. Записки // Русские мемуары. с. 146.

1166

Шиканов В.Н. Дельзон // Отечественная война 1812 года. с. 236.

1167

Анекдоты и черты из жизни графа Милорадовича… с. 44.

1168

Б.Ф. Доблести графа Милорадовича… с. 135.

1169

Щербинин А.А. Записки Щербинина // 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. с. 45.

1170

Глинка Ф.Н. Письма русского офицера. с. 34.

1171

Гильемино (Guilleminot) Лрман Шарль, граф (1774—1840) — дивизионный генерал.

1172

Там же. с. 146-147.

1173

Михайловский-Данилевский А.И. Отечественная война… с. 182.

1174

Лье — старинная французская путевая мера, равная 4,445 километра (4,16 версты).

Коленкур Арман, де. Указ. соч. с. 206—207.

1176

Ермолов А.П. Записки А.П. Ермолова. 1798—1826. с. 226.

1177

Анекдоты и черты из жизни графа Милорадовича… с. 43.

1178

Муравьев Н.Н. Записки // Русские мемуары. с. 146.

1179

М.И. Кутузов. Сборник документов. т. 4. Ч. 2. с. 176.

1180

Глинка Ф.Н. Письма русского офицера. с. 147.

1181

Лависс Э., Рамбо А. Указ. соч. с. 273.

1182

Анекдоты и черты из жизни графа Милорадовича… с. 37—38.

1183

Клаузевиц К. 1812 год. М., 1937. с. 181-182.

1184

Глинка Ф.Н. Письма русского офицера. с. 34.

1185

Богарне Эжен Роз (Евгений) (1781—1824) — бригадный генерал, старший сын Жозефины от первого брака. Был усыновлен Бонапартом. В 1805 году провозглашен вице-королем Италии. Женат на принцессе Баварской. В 1809 году — главнокомандующий Итальянской армией. Участвовал в Русской камлании 1812 года в качестве командира корпуса. После ухода из России и отъезда Мюрата командовал остатками Великой армии в Пруссии. После отречения Наполеона по решению Венского конгресса получил титул герцога Лейхтенбергского и имение в Баварии.

1186

Ермолов А.П. Записки А.П. Ермолова. 1798—1826. с. 227—228.

1187

Елисеев А.А. Вюртембергский Евгений // Отечественная война 1812 года. с. 168.

1188

Давыдов Д.В. Военные записки. с. 191.

1189

Жомини Антуан Анри (Генрих Вениаминович), барон (1779—1869) — французский и российский военный деятель, историк и теоретик. С 1798 года служил в швейцарской армии, с 1804 года — во французской армии, был начальником штаба корпуса маршала М. Нея (1805—1809 и 1813). С августа 1813 года — на русской службе. Состоял в штабе и свите императора Александра I. В своих трудах обобщил опыт войн конца XVIII — начала XIX века и считал, что победы над противником следует достигать не путем маневрирования без сражения, а решительным сражением, считал полководческое искусство Наполеона незыблемым образцом военного искусства. Недооценивал влияние политики на войну. Внес значительный вклад в разработку методики исследования военной истории (применение сравнительного метода). Труды Ж. оказали большое влияние на развитие военно-теоретической мысли и принципы ведения войны вплоть до начала XX века.

1190

Жомини Г.В. Французы в России. 1812 год по воспоминаниям современников-иностранцев // Россия первой половины XIX века глаза ми иностранцев. Л., 1991. с. 266.

1191

Ней Мишель, герцог Эльхингенский, князь Московский (1769— 1815) — маршал империи» С 1788 года служил в кавалерии, выдвинулся в 1794— 1795 годах во время революционных войн; с 1799 года — дивизионный генерал. Принимал участие во всех Наполеоновских войнах. В 1800 году командовал дивизией, с 1802 года — войсками в Швейцарии, в 1803— 1814 годах— корпусом. Успешно действовал под Ульмом (1805), в сражениях при Йене (1806) и Фридланде (1807). В 1808—1811 годах потерпел ряд поражений в Испании. В Бородинском сражении 1812 года командовал центром наполеоновской армии, атаковавшим Семеновские флеши. Во время отступления от Москвы командовал арьергардом, который был почти полностью уничтожен под Красным. Отличался личной храбростью и пользовался большой популярностью среди солдат. В 1814 году после отречения Наполеона перешел на службу к Бурбонам, стал пэром Франции и членом Военного совета, но во время «Ста дней» (1815) присоединился к Наполеону. При Ватерлоо командовал центром армии. После разгрома армии Наполеона скрывался, но был арестован и расстрелян по приговору военного суда.

1192

Михайловский-Данилевский А.И. Отечественная война… с. 187.

1193

Михайловский-Данилевский А.И. Император Александр I // Военная галерея Зимнего дворца. т. 2.

1194

Анекдоты и черты из жизни графа Милорадовича… с. 42.

1195

Эммануэль Георгий Арсеньевич (1775—1837) — генерал от кавалерии. Сначала состоял в австрийской военной службе, в 1797 году перешел в русскую. Во время войны 1812 года отличился в сражениях при Шевардине, где был ранен, и под Вязьмой. В 1813 и 1814 годах, будучи начальником конницы корпуса Ланжерона, в авангарде армии Блюхера, показал себя блестящим кавалерийским генералом и способным авангардным начальником. В 1826 году Эммануэль назначен командующим войсками на Кавказской линии и частью мирными средствами, частью силой оружия немало способствовал водворению спокойствия между горцами. В 1828 году генерал Эммануэль своими экспедициями за Кубань содействовал успеху осады Анапы. Последующие годы он провел в непрерывных военных действиях против горцев. В 1829 году организовал и возглавил первую русскую научную экспедицию на Эльбрус. В бою под крепостью Внезапной получил тяжелую рану в грудь и принужден был оставить военное поприще.

Юзефович Дмитрий Михайлович (1777—1821) — генерал-майор, начальник 2-й уланской дивизии. Находясь во время войны 1805 года в корпусе М.И. Кутузова, участвовал во всех движениях корпуса к Ольмюцу, в сражении под Аустерлицем. Командиром Харьковского полка принял участие в войне 1807 года. С самого начала военных действий 1812 года, находясь в армии Багратиона, командовал Харьковским полком и летучими командами нескольких казачьих полков. Участвовал в обороне Смоленска, после чего до самого Бородина находился в арьергарде. Отличился в Бородинском сражении, в боях при Тарутине, Малоярославце и близ Вязьмы. Под конец войны 1812 года командовал авангардом корпуса генерал-адъютанта Васильчикова. В войну 1813 года участвовал в блокаде крепостей Модлина и Глогау, в деле при Носсене, под Бишофсверденом, под Бауценом и Герлицем, отличился под Лейпцигом. После взятия Парижа назначен комендантом города Нанси и начальником русских войск в Лотарингии. По возвращении в Россию назначен командиром 2-й бригады 4-й драгунской дивизии, а в 1816 году получил в командование 1-ю драгунскую дивизию, которой и командовал до 1819 года, когда был назначен начальником 1-й конно-егерской дивизии. Назначенный 20 января следующего года начальником 2-й уланской дивизии, он командовал ею полтора года, когда в середине 1821 года, заболев психическим расстройством, был отчислен по кавалерии.

1197

Михайловский-Данилевский А.И. Отечественная война… с. 187.

1198

Ермолов А.П. Записки А.П. Ермолова. 1798—1826. с. 231.

Ложье Ц. Указ. соч. с. 104-105.

1200

Воспоминания сержанта Бургоня. с. 55.

1201

Теннер К.И. Сведения о марше отряда генерал-майора Паскевича… с. 153.

1202

Чоглоков Павел Николаевич (1772—1832) — генерал-лейтенант. Участвовал во многих стычках с поляками (1794), отличился во время штурма предместья Варшавы (Праги). В 1803 году назначен командиром Кексгольмского полка, с которым совершил кампанию 1805 года в составе корпуса графа Толстого. В 1807 году ему поручено было сформировать пехотный полк (Перновский). В том же году принял участие в сражениях под Гейльсбергом и Фридландом. По заключении Тильзитского мира со своим полком был отправлен в отряд войск, действовавших в Финляндии. В 1812 году назначен командиром 1-й бригады 11-й пехотной дивизии. Сражался с французами при Островной, Заболотье, в Бородинской битве. Находясь в авангарде Милорадовича, участвовал в сражении под Вязьмой. По взятии Дрездена он был назначен его комендантом, а вскоре — командующим 1-й гренадерской дивизией. Вслед за этим он дрался с французами под Лютценом, Бауценом и Лейпцигом. По взятии Парижа отвел гренадерский корпус в Россию. В самый день вступления своего на родную землю он был утвержден начальником 1-й гренадерской дивизии.

1203

Михайловский-Данилевский А.И. Император Александр I // Военная галерея Зимнего дворца. т. 2.

1204

Глинка Ф.И. Письма русского офицера. с. 148.

1205

Михайловский-Данилевский А.И. Император Александр I // Военная галерея Зимнего дворца. т. 2.

1206

Керн Ермолай Федорович (1772—1841) — генерал-лейтенант. Участвовал в Русско-турецкой войне (1787—1791), отличился при штурме Измаила. Затем — в войне с Польшей (1794). В 1806, 1807 и 1808 годах участвовал в войнах с кавказскими горцами, французами и шведами. В 1812 году, находясь в авангарде, он прикрывал отступление 1-й армии от Вильны к Дриссе и участвовал в сражении под Смоленском и при Бородине. После сражения при Тарутине назначен в авангард Милорадовича и отличился в сражениях при Вязьме и под Красным. Совершив затем поход 1813—1814 годов, участвовал в сражениях при Бауцене и Лейпциге. В 1815 году назначен командиром 3-й бригады 17-й дивизии, а затем начальником 15-й пехотной дивизии. Перемещенный в 1820 году на должность начальника 2-й пехотной дивизии, занимал затем должность коменданта в Риге (1823) и Смоленске (1828).

1207

Там же.

1208

Керн Анна Петровна, урожденная Полторацкая (1800—1879).

1209

Теннер К.И. Сведения о марше отряда генерал-майора Паскевича… с. 155.

1210

Поль (Полль) Иван Лаврентьевич (1768—1840) — генерал-майор. Участвовал в подавлении Польского восстания (1794). В 1806 году в составе Днестровской армии участвовал в блокаде Хотина. В декабре 1806 года его Новороссийский драгунский полк был переброшен для прикрытия границ России на участке Брест — Гродно во время войны с французами 1806—1807 годов. После ее окончания назначен шефом Каргопольского драгунского полка, с которым прошел Отечественную войну 1812 года и Заграничные походы 1813—1814 годов. Отличился в боях за Вязьму, под Красным, под Фер-Шампенуазом (1814). С 1815 года — бригадный командир.

1211

Михайловский-Данилевский А.И. Император Александр I // Военная галерея Зимнего дворца. т. 5.

1212

Глинка Ф.Н. Письма русского офицера. с. 35.

1213

Ермолов А.П. Записки А.П. Ермолова. 1798-1826. с. 232.

1214

Глинка Ф.Н. Письма русского офицера. с. 35.

1215

Ермолов А.П. Записки А.П. Ермолова. 1798—1826. с. 231.

1216

Давыдов Д.В. Военные записки. с. 191.

1217

Ермолов А.П. Записки А.П. Ермолова. 1798—1826. с. 231.

1218

Михайловский-Данилевский А.И. Отечественная война… с. 188.

1219

Теннер К.И. Сведения о марше отряда генерал-майора Паскевича… с. 151.

1220

Ермолов А.П. Записки А.П. Ермолова. 1798—1826. с. 229.

1221

Давыдов Д.В. Военные записки. с. 246.

1222

Петров М.М. Рассказы… с. 201.

1223

Глинка Ф.И. Письма русского офицера. с. 36.

1224

Записки сэра Роберта Вильсона о нашествии Наполеона на Россию и об отступлении его армии // Русский вестник. 1862. т. 37. Кн. 1. с. 181.

1225

М.И. Кутузов. Сборник документов. т. 4. Ч. 2. с. 201—202.

1226

Орлов-Денисов Василий Васильевичу граф (1775—1843) — генерал от кавалерии. В Отечественную войну 1812 года и в Заграничных походах 1813—1814 годов, командуя лейб-гвардии Казачьим полком и кавалерийскими отрядами, неоднократно наносил поражения французским войскам. Отличился в Бородинском и Лейпцигском сражениях.

1227

Михайловский-Данилевский А.К. Отечественная война… с. 188.

1228

Д'Ильер Луи Баррагэ, граф (1764—1813) —дивизионный генерал.

1229

Ожеро Жан Пьер, барон (1772—1836) — бригадный генерал.

1230

Клаузевиц К. 1812 год. М., 1937. с. 182.

1231

Михайловский-Данилевский А.И. Отечественная война… с. 188.

1232

Вигель Ф.Ф. Записки. с. 688.

1233

Михайловский-Данилевский А.И. Отечественная война… с. 189.

Записки сэра Роберта Вильсона… с. 181—182.

1235

М.И. Кутузов. Сборник документов. т. 4. Ч. 2. с. 225.

Ложье Ц. Указ. соч. с. 106.

1237

Lieutenant-colonel de Baudus. Etudes sur Napoleon // Французы в России. 1812 г. По воспоминаниям современников-иностранцев. Ч. III. (Отступление). М, 1912. с. 55.

1238

Фоссен П. Французы в России… с. 9—10.

1239

Дюпюи П. Французы в России… с. 4.

1240

Лемуан Н. Французы в России… с. 4.

1241

Клаузевиц К. 1812 год. М., 1937. с. 182.

1242

М.И. Кутузов. Сборник документов. т. 4. Ч. 2. с. 250.

1243

Иванов Иван Дмитриевич (1764—1828) — генерал-лейтенант.

1244

Там же. с. 10.

1245

Епанчин Ю.Л. Красный // Отечественная война 1812 года. с. 379.

Клаузевиц К. 1812 год. М., 1937. с. 183.

1247

Там же. с. 184.

Коленкур Арман, де. Указ. соч. с. 239.

1249

Меллер-Закомельский Егор Иванович, барон (1767—1830) — генерал-лейтенант. В 1801 году произведен в генерал-майоры и назначен шефом Тверского драгунского полка. С 1803 года — командир Уланского Цесаревича и Великого князя Константина Павловича полка. В сражении при Аустерлице (1805) тяжело ранен и взят в плен. С 1808 года — шеф Мариупольского гусарского полка. В начале кампании 1812 года его корпус стоял во второй линии у Торопца. В сентябре 1812 года сменил генерала Ф.П. Уварова на посту командира 1-го кавалерийского корпуса. Отличился в сражениях при Тарутине, Малоярославце, Красном, Березине. В 1815 году вышел в отставку.

1250

Михайловский-Данилевский А.И. Отечественная война… с. 193.

1251

Ожаровский Адам Петрович, граф (1776—1855) — генерал от кавалерии, генерал-адъютант (1807). Во время сражения при Аустерлице (1805) захватил французское знамя. В 1807 году отличился в сражениях при Гутштадте, Гейльсберге, Фридланде. В начале Отечественной войны 1812 года состоял при Главной квартире 1-й Западной армии, руководил размещением войск в Дрисском военном лагере. В сражениях при Тарутине и Малоярославце командовал отдельным корпусом, который состоял из казаков и ополченцев. Занимал Красный, когда к нему подошел Наполеон. Во время Заграничных походов 1813—1814 годов сражался при Лютцене, Бауцене, Дрездене, Лейпциге, Фер-Шампенуазе, Париже… Отличился в бою при Сомпюи. После окончания войны состоял при Александре I, исполняя обязанности генерал-адъютанта. С 1826 года — сенатор. В 1827 году назначен командиром отдельного Литовского корпуса. Участвовал в подавлении Польского восстания в 1831 году. В 1833 году назначен членом Государственного совета по управлению Царством Польским. С 1841 года присутствовал в варшавских департаментах Сената.

1252

Клаузевиц К. 1812 год. М, 1937. с. 184.

1253

Ермолов А.П. Записки А.П. Ермолова. 1798-1826. с. 237-238.

1254

Михайловский-Данилевский А.И. Отечественная война… с. 194.

1255

Кудашев Николай Данилович, князь (1784—1814) — адъютант цесаревича Константина; генерал-майор (1812); был женат на дочери М.И. Кутузова Екатерине; смертельно ранен под Альтенбургом.

1256

Ложье Ц. Французы в России… с. 95.

1257

М.И. Кутузов. Сборник документов. т. 4. Ч. 2. с. 315.

1258

Ложье де Белькур, граф (1789—1871) — младший лейтенант, старший адъютант итальянского гвардейского полка; генерал-лейтенант и военный министр Тосканы, историк и мемуарист.

1259

Пюибюск П. Французы в России… с. 51.

1260

Михайловский-Данилевский А.И. Отечественная война… с. 194.

1261

Ермолов А. П. Записки А.П. Ермолова. 1798—1826. с. 239.

1262

Михайловский-Данилевский А.И. Отечественная война… с. 194—195.

1263

Никитин Алексей Петрович (1777—1858) — впоследствии граф, генерал от кавалерии и кавалер всех высших российских орденов и ордена Святого Георгия 3-й степени.

1264

Слова Петра I по поводу взятия русскими лодками в устье Невы двух шведских кораблей.

1265

Анекдоты и черты из жизни графа Милорадовича… с. 34.

1266

Михайловский-Данилевский А.И. Отечественная война… с. 196.

1267

Там же. с. 196.

1268

Рапорт М.А. Милорадовича // Из боевого прошлого Русской армии. М., 1944. с. 107.

1269

Воронов П., Бутовский В. История лейб-гвардии Павловского полка. 1790-1890. СПб., 1890. Ч. 1. с. 96.

1270

Рикар Этьен Пьер Сильвестр (1771—1843) — дивизионный генерал. С 1805 года — 1-й адъютант в штабе 4-го корпуса маршала Сульта в составе Великой армии. Участвовал в сражении при Йене. В 1808 году назначен начальником Генерального штаба 2-го корпуса маршала Сульта в Армии Испании. В 1809 году участвовал в военных действиях в Португалии. Отличился в сражении при Таррагоне (1811). Участвовал в походе в Россию (1812). 11 ноября сменил генерала Фриана на посту командира 2-й дивизии 1-го корпуса. Через 7 дней был тяжело ранен при Красном. После выздоровления в 1813 году получил в командование 3-ю дивизию обсервационного корпуса на Рейне. С марта возглавил 11-ю дивизию 3-го корпуса маршала М. Нея. Участвовал в сражениях при Вейсенфельсе, Лютцене, Кацбахе, Варшаве, Лейпциге и др. 30 марта во время боев у стен Парижа тяжело ранен. Во время «Ста дней» продемонстрировал полную преданность Людовику XVIII и, отправившись в Вену, активно защищал его интересы. При 2-й Реставрации он стал командующим 10-м и 18-м военными округами, пэром Франции, графом. Во время войны с Испанией в 1823 году назначен командиром 1-й дивизии корпуса генерала Лористона. В 1829 году назначен на почетный пост командира 1-й пехотной дивизии королевской гвардии. После Июльской революции 1830 года отошел от дел.

1271

Разу Жан Никола (1772—1820) —дивизионный генерал.

1272

Ледрю Франсуа Рош Дез Эссар (1770—1844) — дивизионный генерал.

1273

Щербатов А. П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич… с. 186.

1274

Орлов Михаил Федорович (1788—1842) — генерал-майор, декабрист. Участник Отечественной войны 1812 года и Заграничных походов 1813—1814 годов. Принимал капитуляцию Парижа. В 1814 году организовал «Орден русских рыцарей». Член «Союза благоденствия». В 1826 году сослан под надзор полиции в Калужскую губернию, с 1831 года — в Москве.

1275

«Бюллетени» — французские официальные известия из действующей армии. В 29-м «Бюллетене», написанном самим Наполеоном, очень туманно объяснялись причины поражения Великой армии.

Их вечен с вольностью союз. М., 1983. с. 290.

1277

Анекдоты и черты из жизни графа Милорадовича… с. 43.

1278

Шиканов В. К. Ней Мишель // Отечественная война 1812 года. с. 501.

1279

Михайловский-Данилевский А.И. Отечественная война… с. 193—197.

1280

Анекдоты и черты из жизни графа Милорадовича… с. 49.

1281

Глинка Ф.Н. Письма русского офицера. с. 37.

1282

Анекдоты и черты из жизни графа Милорадовича… с. 35.

1283

Там же. с. 38.

Флиз, де ла // Французы в России… с. 43.

1285

Глинка Ф.Н. Письма русского офицера. с. 42.

1286

Кретов Николай Васильевич (1773—1839) — бригадный командир 2-й кирасирской дивизии; генерал-лейтенант.

1287

Crossard. Memoires politiques et diplomatiques // Французы в России… с. 90-91.

1288

Епанчин Ю.Л. Красный // Отечественная война 1812 года. с. 380.

1289

Михайловский-Данилевский А.И. Император Александр I // Военная галерея Зимнего дворца. т. 1.

1290

Мерлин Павел Иванович (1769—1841) — полковник. Участвовал в войне со Швецией 1788—1790 годов. В бою под Черновом (1806) он оказал «мужественное сопротивление» при отбитии атак Даву и доблестно сражался под Пултуском, Прейсиш-Эйлау, Гутштадтом, Гейльсбергом и Фридландом. Раненный под Фридландом, был взят в плен. В 1811 году назначен командиром 2-й резервной артиллерийской бригады и с ней во время Отечественной войны 1812 года участвовал во всех крупных сражениях. Будучи назначенным в 1813 году начальником артиллерии Гренадерского корпуса, он с отличием участвовал в кампании 1812-1814 годов, затем командовал артиллерией 5-го пехотного корпуса. В 1822 году зачислен по артиллерии и в 1835 году уволен от службы.

1291

Глинка Ф.Н. Подвиги графа Михаила Андреевича Милорадовича… с. 53.

1292

Давыдов Д.В. Военные записки. с. 191.

1293

Глинка Ф.Н. Письма русского офицера. с. 42.

1294

Михайловский-Данилевский А.И. Отечественная война… с. 222—223.

1295

Муравьев Н.Н. Записки // Русские мемуары. с. 190.

1296

Михайловский-Данилевский А.И. Отечественная война… с. 230.

1297

Глинка Ф.Н. Подвиги графа Михаила Андреевича Милорадовича… с. 64.

1298

Клаузевиц К. 1812 год. М., 1937. с. 192.

1299

Анекдоты и черты из жизни графа Милорадовича… с. 46.

1300

Саблуков Николай Александрович (1776—1848) — генерал-майор, состоял при генерале Ф.К. Корфе, автор «Записок» на английском языке о времени Павла и Александра I, появившихся в «Frazer's Magazine» в 1865 году.

1301

Дубровин Н.Ф. Отечественная война в письмах современников. с. 376.

1302

1812—1814. Реляции. Письма. Дневники. с. 236.

1303

М.И. Кутузов. Сборник документов. т. 4. Ч. 2. с. 348—349.

1304

Анекдоты и черты из жизни графа Милорадовича… с. 54.

1305

Михайловский-Данилевский А.И. Воспоминания о графе М.А. Милорадовиче. т. 3. с. 8.

Волконский Д.М. Указ. соч. с. 155.

1307

Глинка Ф.Н. Письма русского офицера. с. 48.

1308

Давыдов Д.В. Военные записки. с. 246.

1309

Там же.

1310

Глинка Ф.Н. Подвиги графа Михаила Андреевича Милорадовича. с. 75.

1311

Мой век… с. 150.

Заблоцкий-Десятовский А.П. Указ. соч. с. 10.

1313

Карпенко Моисей Иванович (1775—1854) — генерал-лейтенант; участвовал с отличием в войнах 1812—1813 годов. Во время войны вел «Записки», выдержки из которых помещены в биографической заметке А. Иокиша в «Военном сборнике» (1872, № 1).

1314

Петров М.М. Рассказы… с. 160, 217-219.

1315

Глинка Ф.Н. Письма русского офицера. с. 51.

1316

Волконский С.Г. Записки. Иркутск, 1991. с. 233—234.

1317

Шварценберг Карл Филипп, фон, князь, герцог фон Крумау (1771— 1820) — австрийский генерал-фельдмаршал. Участвовал в войне с Турцией, в войнах с революционной Францией. В 1795—1797 годах воевал на Рейне и в Италии. В 1799 году во главе дивизии действовал в Германии и Швейцарии. В сражении при Гейделъберге успешно противостоял войскам М. Нея. В 1805 году назначен вице-президентом Гофкриг-срата. В кампанию 1805 года сражался при Ульме. После Тильзитского мира 1807 года назначен послом в Петербурге. После заключения Венского мира назначен австрийским посланником в Париже. Вел переговоры о свадьбе Наполеона и австрийской эрцгерцогини Марии Луизы. Во время похода Наполеона в Россию (1812) командовал австрийским вспомогательным корпусом в составе Великой армии. В качестве посла вновь прибыл во Францию (1813), где предпринял неудачную попытку способствовать заключению франко-русского мира. После присоединения Австрии к антифранцузской коалиции в августе 1813 года назначен главнокомандующим Богемской армией, считался также главнокомандующим всеми союзными войсками. В Битве народов при Лейпциге (1813) действовал вяло и нерешительно. После возвращения Наполеона во Францию (1815) командовал союзными войсками на Верхнем Рейне. После 2-го Парижского мира назначен президентом Гофкригсрата.

1318

Рейнье (Ренье) Жан Луи Эбенезер, граф (1771—1814) — дивизионный генерал, командир саксонского корпуса.

1319

Михайловский-Данилевский А.И. Описание войны 1813 года. с. 15.

1320

Глинка Ф.Н. Письма русского офицера. с. 55.

1321

Михайловский-Данилевский А.И. Описание войны 1813 года. с. 27.

1322

Глинка Ф.Н. Письма русского офицера. с. 54.

1323

Шильдер Н.К. Император Александр I… с. 140.

1324

Анекдоты и черты из жизни графа Милорадовича… с. 48—49.

1325

Глинка Ф.Н. Письма русского офицера. с. 62.

1326

Поход русской армии против Наполеона в 1813 г. и освобождение Германии. Сборник документов. М., 1964. с. 37—38.

1327

Михайловский-Данилевский А.И. Описание войны 1813 года. с. 29—30.

1328

Марков Евгений Иванович (1769—1828) — генерал-лейтенант. Участвовал в сражении при Кинбурне (1787), штурме Очакова (1788) и Измаила (1790). В составе Апшеронского мушкетерского полка участвовал в военных действиях в Польше в 1792 и 1794 годах. Командовал Муромским мушкетерским полком в Швейцарском походе в составе корпуса А.М. Римского-Корсакова, отличился в сражении при Цюрихе. С 1801 года — шеф Псковского мушкетерского полка. Отличился в сражениях при Кремсе и Аустерлице (1805). В кампанию 1806—1807 годов участвовал в сражениях при Либштадте, Фридланде и др., отличился при Прейсиш-Эйлау. С 1808 года — командир 9-й пехотной дивизии в составе Молдавской армии. Успешно сражался при Браилове, Мачине, Бабадаге… В 1811 году блокировал крепость Силистрию и в 1812 году принудил ее к капитуляции. Во время Отечественной войны 1812 года командовал корпусом в Молдавской армии. Участник сражения на Березине. В 1813 году командовал авангардом армии генерала Беннигсена, а затем дивизией в корпусе генерала графа Толстого. Участвовал в блокаде крепостей Торн и Гамбург. С 1814 года — командир 15-й пехотной дивизии. В 1816 году зачислен по армии.

1329

Глинка Ф.Н. Письма русского офицера. с. 58—59.

1330

Поход русской армии против Наполеона… с. 51.

1331

Глинка Ф.Н. Письма русского офицера. с. 61.

Бантыш-Каменский Д.Н. Указ. соч. Ч. 3. с. 140.

1333

Михайловский-Данилевский А.И. Описание войны 1813 года. с. 30—31.

1334

Поход русской армии против Наполеона… с. 52.

1335

Михайловский-Данилевский А.И. Описание войны 1813 года. с. 31—32.

1336

Глинка Ф.Н. Письма русского офицера. с. 64—65.

1337

Михайловский-Данилевский А.И. Описание войны 1813 года. с. 60—61.

Волконский Д.М. Указ. соч. с. 159—160.

1339

Михайловский-Данилевский А.И. Описание войны 1813 года. с. 45.

1340

Вигель Ф.Ф. Записки. с. 687.

1341

Семевский М.В. Граф Михаил Андреевич Милорадович… с. 170.

1342

Бирон Густав Каликст, принц Курляндский (1780—1821) — генерал-майор.

1343

Поход русской армии против Наполеона… с. 61.

1344

История 30-го драгунского Ингерманландского полка. с. 209.

1345

Шарнгорст Герхард Иоганн Давид (1755—1813) — прусский генерал-лейтенант. С 1793 года в составе ганноверских войск сражался против французов, командуя батареей. Во время войны с Францией в 1806 году был начальником штаба главнокомандующего, участвовал в сражениях при Ауэрштедте и Прейсиш-Эйлау. С июля 1807 года — директор военного департамента, одновременно начальник Генштаба и председатель комиссии по реорганизации армии, с 1808 года возглавлял военное министерство. Провел военную реформу, в результате которой была значительно улучшена организация армии и подготовка офицеров. Во время освободительной войны с наполеоновской Францией в 1813 году был начальником штаба Силезской армии генерала Г. Блюхера. В сражении при Лютцене (май 1813) был тяжело ранен.

1346

Михайловский-Данилевский А.И. Описание войны 1813 года. с. 78—79.

1347

Поход русской армии против Наполеона… с. 84—85.

1348

Вид квартирного расположения войск при условии реальной угрозы нападения противника.

1349

Анекдоты и черты из жизни графа Милорадовича… с. 48.

1350

Глинка Ф.Н. Письма русского офицера. с. 72.

1351

Там же. с. 72.

1352

Федорченко В.И. Свита российских императоров. М., 2005. т. 1. с. 6.

1353

Михайловский-Данилевский А.И. Журнал 1813 года // 1812 год. Воспоминания воинов русской армии. с. 346—347.

1354

Поход русской армии против Наполеона… с. 111.

1355

Деяния графа Михаила Андреевича Милорадовича… Ч. 3. с. 17—18.

1356

Глинка Ф.Н. Письма русского офицера. с. 75—76.

1357

Михайловский-Данилевский А.И. Описание войны 1813 года. с. 123.

1358

Глинка Ф.Н. Письма русского офицера. с. 78—79.

1359

Анекдоты и черты из жизни графа Милорадовича… с. 52.

1360

Поход русской армии против Наполеона… с. 141.

1361

Там же. с. 150.

1362

Петров М.М. Рассказы… с. 222.

1363

Сен-При Эммануэль Францевич, граф (1776—1814) — генерал-лейтенант, французский эмигрант, состоящий на русской службе, начальник штаба 2-й Западной армии, генерал-адъютант. В Бородинском сражении был тяжело контужен.

1364

Глинка Ф.Н. Письма русского офицера. с. 96.

1365

Поход русской армии против Наполеона… с. 162—163.

1366

Глинка Ф.Н. Письма русского офицера. с. 97.

1367

Блюхер Гебхарт Лебрехт, князь фон Вальштатт (1742—1819) — прусский генерал-фельдмаршал (1813). В 1813 году командовал объединенными русско-прусскими войсками в Силезии.

Бантыш-Каменский Д.Н. Указ. соч. Ч. 4. с. 43.

1369

Поход русской армии против Наполеона… с. 163.

Винцингероде Фердинанд Федорович, барон (1761—1818) — генерал от кавалерии. Участвовал в Итальянском походе 1799 года и благодаря покровительству великого князя Константина Павловича сделал блестящую карьеру. В кампанию 1805 года направлен М.И. Кутузовым в Холлабрюнн для переговоров к И. Мюрату. Успешно провел переговоры, выиграв для отступавшей русской армии два перехода. В 1809 году перешел в австрийскую армию, участвовал в военных действиях. В 1812 году вновь вступил в русскую армию в чине генерал-майора. После соединения 1-й и 2-й Западных армий командовал первым партизанским отрядом в Отечественной войне 1812 года. В самом конце Отечественной войны и в Заграничных походах 1813—1814 годов командовал корпусом. Организовал преследование противника в герцогстве Варшавском. В сражении под Лютценом командовал всей кавалерией союзных армий. Занял германские герцогства Берг и Ольденбург, а также Фрисландию. В кампанию 1814 года отличился в сражении при Суассоне, Лаоне, Сен-Дизье и при взятии Парижа. Затем получил в командование 2-й кавалерийский резервный корпус. С 1817 года — командир Отдельного Литовского корпуса. В 1818 году выехал в Баварию к родственникам.

1371

Шуберт Ф.Ф. Дневник 1813 г. // 1812-1814. Реляции. Письма. Дневники. с. 331.

1372

Михайловский-Данилевский А.И. Описание войны 1813 года. СПб., 1840. Ч. 1. с. 148.

1373

Поход русской армии против Наполеона… с. 163.

1374

Глинка Ф.Н. Письма русского офицера. М., 1987. с. 101.

1375

Михайловский-Данилевский А.И. Описание войны 1813 года. с. 148.

Мешетин Г.П. Указ. соч. с. 57-58.

1377

Деменков П.С. Мои воспоминания // *Бондаренко А.Ю.* Преображенцы. М., 2000. с. 351.

1378

Записки Н.Н. Муравьева. с. 462.

1379

Анекдоты и черты из жизни графа Милорадовича… с. 49.

1380

Глинка Ф.Н. Письма русского офицера. с. 101.

1381

Мешетин Г.П. Указ. соч. с. 58.

1382

Глинка Ф.Н. Письма русского офицера. с. 102.

1383

Михайловский-Данилевский А.И. Описание войны 1813 года. с. 167.

1384

Дибич-Забалканский Иван Иванович, граф (1785—1831) — генерал-квартирмейстер союзных армий; генерал-фельдмаршал, полный кавалер ордена Святого Георгия.

1385

Записки Н.Н. Муравьева. с. 463.

1386

Граф Михаил Андреевич Милорадович. с. 6.

Бантыш-Каменский Д.Н. Указ. соч. Ч. 4. с. 47.

1388

Михайловский-Данилевский А.И. Журнал 1813 года // 1812 год. Воспоминания воинов русской армии. с. 337.

Бантыш-Каменский Д.Н. Указ. соч. Ч. 4. с. 47—48.

1390

Михайловский-Данилевский А.И. Описание войны 1813 года. с. 167.

1391

Глинка Ф.Н. Письма русского офицера. с. 102.

1392

Михайловский-Данилевский А.И. Описание войны 1813 года. с. 172-173.

1393

История 30-го драгунского Ингерманландского полка. с. 204.

Лависс Э., Рамбо А. Указ. соч. с. 295.

1395

Волконский с. Г Записки. с. 250.

1396

Глинка Ф.Н. Письма русского офицера. с. 102—103.

1397

Михайловский-Данилевский А.И. Описание войны 1813 года. с. 176.

1398

Шуберт Ф.Ф. Дневник 1813 г. // 1812—1814. Реляции. Письма. Дневники. с. 332.

1399

Михайловский-Данилевский А.И. Описание войны 1813 года. с. 177.

1400

Глинка Ф.Н. Краткое обозрение военной жизни и подвигов графа Милорадовича. СПб., 1818. с. 5.

1401

Глинка Ф.Н. Письма русского офицера. М., 1987. с. 105.

1402

Анекдоты и черты из жизни графа Милорадовича… с. 32.

1403

Шуберт Ф.Ф. Дневник 1813 г. // 1812—1814. Реляции. Письма. Дневники. с. 332.

1404

Щербинин А.А. Военный журнал 1813 года // 1812 год. Воспоминания воинов русской армии. с. 272.

1405

Глинка Ф.Н. Письма русского офицера. с. 107.

1406

Анекдоты и черты из жизни графа Милорадовича… с. 46.

1407

Щербинин А.А. Военный журнал 1813 года // 1812 год. Воспоминания воинов русской армии. с. 272.

1408

Михайловский-Данилевский А.И. Журнал 1813 года // 1812 год. Воспоминания воинов русской армии. с. 340—341.

1409

Поход русской армии против Наполеона… с. 173.

1410

История 30-го драгунского Ингерманландского полка. с. 215.

1411

Глинка Ф.Н. Письма русского офицера. с. 111.

1412

Михайловский-Данилевский А.И. Журнал 1813 года // 1812 год. Воспоминания воинов русской армии. с. 340—341.

1413

Деяния графа Михаила Андреевича Милорадовича… Ч. 3. с. 35.

1414

Анекдоты и черты из жизни графа Милорадовича… с. 58.

1415

Шуберт Ф.Ф. Дневник 1813 г. // 1812—1814. Реляции. Письма. Дневники. с. 333.

Бантыш-Каменский Д.Н. Указ. соч. Ч. 4. с. 48.

1417

Поход русской армии против Наполеона… с. 170—171.

1418

Макдональд Этьен Жак Жозеф Александр, герцог Тарентский (1765— 1840) — маршал Франции, по национальности шотландец. Участвовал в Итальянском походе Наполеона 1796—1797 годов. В 1798 году занял Рим. В 1799 году, командуя неаполитанской армией, потерпел поражение от А.В. Суворова в сражении на р. Треббия. В 1800—1801 годах возглавлял французские войска в Швейцарии, затем был послом в Дании (1801—1803). За связи с обвиненным в измене генералом Ж. В. Моро в 1804 году уволен с военной службы, на которую вновь вернулся в 1809 году. В войне против Австрии командовал корпусом, отличился в бою при Ваграме. В 1810—1811 годах был командиром французского корпуса в Испании. Во время вторжения Наполеона в Россию командовал 10-м прусско-французским корпусом. Участник кампаний 1813— 1814 годов. В сражении у Кацбаха командовал армией, был разбит Г.Л. Блюхером. После отречения Наполеона I перешел на сторону Бурбонов. Во время «Ста дней» остался на их стороне. Член Высшего военного совета и пэр Франции (1814), госминистр (1815), великий канцлер ордена Почетного легиона (1816—1830).

1419

Михайловский-Данилевский А.И. Описание войны 1813 года. с. 184-185.

1420

Удино Никола Шарль, герцог Реджио (1767—1847) — маршал Франции. Во время революционных войн командовал бригадой. В 1799— 1800 годах — начальник штаба армии генерала А. Массены, действовавшей в Швейцарии и Италии. В 1805—1807 годах командовал отборным отрядом гренадер, а в сражении при Фридланде (1807) — авангардом французской армии. В 1809 году — командир корпуса, отличился в сражении при Ваграме (1809). В 1810—1812 годах возглавлял французские войска в Голландии. Во время похода на Россию в 1812 году командовал корпусом. В кампании 1813 года командовал войсками, предназначавшимися для захвата Берлина, но был разбит Северной армией союзников. В 1814 году перешел на сторону Бурбонов и остался им верен во время «Ста дней». С 1814 года — пэр Франции. В 1823 году командовал корпусом при подавлении революции в Испании. С 1839 года — великий канцлер ордена Почетного легиона, с 1842-го — губернатор (директор) Дома инвалидов.

Бантыш-Каменский Д.Н. Указ. соч. Ч. 4. с. 49.

1422

Михайловский-Данилевский А.И. Описание войны 1813 года. с. 194.

1423

Деяния графа Михаила Андреевича Милорадовича… Ч. 3. с. 40.

1424

Клейст Фридрих Генрих Фердинанд Эмиль, граф фон Ноллендор (1762—1823) — прусский генерал-фельдмаршал (1821). Участвовал в кампании 1806—1807 годов и после сражения при Ауэрштедте направлен

1425

Михайловский-Данилевский А.И. Журнал 1813 года // 1812 год. Воспоминания воинов русской армии. с. 273.

1426

Бертран Анри Гасьен, граф (1773—1841)— дивизионный генерал, сопровождал Наполеона на остров Святой Елены.

1427

Михайловский-Данилевский А.И. Описание войны 1813 года. с. 201.

1428

Михайловский-Данилевский А.И. Журнал 1813 года // 1812 год. Воспоминания воинов русской армии. с. 342—344.

1429

Михайловский-Данилевский А.И. Император Александр I // Военная галерея Зимнего дворца. т. 6.

1430

Там же.

1431

Анекдоты и черты из жизни графа Милорадовича… с. 47.

1432

Довре Федор Филиппович (1766—1846) — генерал от инфантерии (1826). Преподавал фортификацию и инженерное искусство в Артиллерийском и Инженерном кадетском корпусе. В 1805 году находился в составе посольства в Китае. В рядах гвардии в кампанию 1807 года участвовал в сражениях при Гутштадте, Гейльсберге и Фридланде. Автор проектов оборонительных сооружений на западной границе империи. С началом Отечественной войны 1812 года назначен начальником штаба корпуса генерала П. Х. Витгенштейна. Отличился в боях при Якубове, Клястицах, Головчине и Свольне. В апреле 1813 года — начальник Главного штаба Главной армии. В кампанию 1813 года руководил осадой крепостей Пиллау и Шпандау. Принимал участие в сражениях при Лютцене и Бауцене. В кампанию 1814 года участвовал в сражениях при Бар-сюр-Об, Арси-сюр-Об, Фер-Шампенуазе, Париже. После заключения мира оставлен в Париже «для секретных поручений», а в 1815 году командирован в Царство Польское для определения его границ. В 1819—1827 годах — командир отдельного Литовского корпуса. Во время Русско-турецкой войны 1828—1829 годов состоял при Витгенштейне, а затем командовал 2-м пехотным корпусом и Дунайской флотилией. С 1831 года — главный советник военного министра, член Совета военно-учебных заведений, затем начальник штаба Резервной армии.

1433

Михайловский-Данилевский А.И. Журнал 1813 года // 1812 год. Воспоминания воинов русской армии. с. 343—344.

Щербатов А. Г. Указ. соч. с. 84.

1435

Михайловский-Данилевский А.И. Журнал 1813 года // 1812 год. Воспоминания воинов русской армии. с. 273—275.

1436

История 30-го драгунского Ингерманландского полка. с. 217.

1437

Латур-Мобур де Фэ Мари Виктор Никола, маркиз, граф империи (1768—1850)— дивизионный генерал. Сражался при Абукире и Каире (1800). Отличился в сражении при Александрии (1801). Участвовал в сражении при Аустерлице (1805). С июня 1807 года командовал 1-й драгунской дивизией у И. Мюрата. Отличился при Гейльсберге и при Фридланде (1807). В мае 1811 года сменил маршала Мортье на посту командира 5-го корпуса Армии Испании. Одержал победу при Элвасе. Во время похода в Россию (1812) — командир 4-го кавалерийского корпуса. Участвовал в Бородинском сражении. В 1813 году возглавил 1-й кавалерийский корпус Великой армии. Участвовал в сражениях при Бауцене, Рейхенбахе, Гольдберге, Вахау. Прославился своими действиями в сражении при Дрездене. Во время Битвы народов под Лейпцигом был тяжело ранен и потерял ногу. После отречения Наполеона стал пэром Франции (1814) и членом Комитета обороны (1814). При приближении Наполеона покинул Францию и уехал в Гент к Людовику XVIII. В 1817 году введен в Административный совет Дома инвалидов. В 1819 году — посол в Лондоне. С 1819 по 1821 год — военный министр. С 1821 года — государственный министр и губернатор Дома инвалидов. После Июльской революции 1830 года последовал за Карлом X в изгнание в Мелюн. С 1835 года был воспитателем его внука герцога Бордоского. В 1848 году вернулся во Францию.

1438

Дюрок Жиро Кристоф Мишель, герцог Фельтрский и Фриульский (1772—1813)— дивизионный генерал. В 1793—1798 годах сражался в рядах Итальянской армии. Во время осады Тулона обратил на себя внимание Наполеона Бонапарта и вскоре стал его адъютантом и одним из самых близких к нему людей. Сопровождал Наполеона во всех без исключения походах, в том числе в Египет (1798—1801). Активно участвовал в перевороте 18 брюмера, направлен с дипломатической миссией в Дюссельдорф и Берлин. В 1800 году находился в составе резервной армии; отличился при Маренго. В 1805—1807 годах сопровождал императора в походах в Австрию, Пруссию и Польшу. В 1805 году направлен в Берлин, где добился важного для Франции нейтралитета Пруссии. Отличился в сражении при Аустерлице. В 1806 году заключил договор с Пруссией, Саксонией и германскими князьями, а в 1807-м подписал перемирие, предшествовавшее Тильзитскому миру. Сопровождал императора в Эрфурт и Испанию. В 1809 году принимал участие в сражениях при Эсслинге, Ваграме и Цнайме. Позже возглавил личную секретную полицию императора. Сопровождал Наполеона в походе в Россию (1812). В 1813 году принимал активнейшее участие в формировании пополнений для армии, руководил воссозданием Императорской гвардии.

Бантыш-Каменский Д.Н. Указ. соч. Ч. 4. с. 53—54.

1440

Орлов Михаил Федорович.

1441

Орлов Григорий Федорович (1790—1853) — полковник.

1442

Орлов Федор Федорович (1792—1835) — с 1832 года отставной полковник лейб-гвардии Уланского полка. Начал службу в Конной гвардии, переведен тем же чином, корнетом, в Сумской гусарский полк, в 1812 году — ординарец у Дохтурова. В 1813 году переведен в лейб-гвардии Уланский полк. В кампании 1813 года в результате ранения потерял ногу. Общался с А.С. Пушкиным в Кишиневе.

1443

Орлов Алексей Федорович, князь (1786—1861) — генерал от кавалерии. Участник подавления восстания декабристов (1825). В 1844—1856 годах — шеф жандармов. В 1856 году — первый уполномоченный России на Парижском конгрессе, подписал Парижский мир (1856). В 1856—1860 годах — председатель Государственного совета и Комитета министров.

1444

Глинка Ф.Н. Письма русского офицера. с. 122.

1445

Там же.

1446

Екатеринославские лейб-гренадеры… с. 98.

1447

Глинка Ф.Н. Письма русского офицера. с. 97.

1448

Михайловский-Данилевский А.И. Журнал 1813 года // 1812 год. Воспоминания воинов русской армии. с. 346.

1449

Шильдер Н. К. Император Александр I… т. 3. с. 152—153.

1450

Михайловский-Данилевский А.И. Журнал 1813 года // 1812 год. Воспоминания воинов русской армии. с. 346—347.

1451

Там же. с. 347.

1452

Поход русской армии против Наполеона… с. 216.

1453

Моро Жан Виктор (1763—1813) — французский дивизионный генерал; состоял советником при Главной квартире союзников. Выдвинулся во время революционных войн 1792—1794 годов. С 1794 года командовал Северной, затем Рейнско-Мозельской армиями, в 1795—1797 годах нанес ряд поражений австрийским войскам, был одним из лучших полководцев Французской республики. В 1799 году, командуя Итальянской армией, потерпел поражения от войск А.В. Суворова на р. Адда и при Нови. Поддержал Наполеона Бонапарта во время переворота 18 брюмера. В 1800-м, командуя Рейнской армией, одержал победу над австрийцами при Гогенлиндене (Хоэнлиндене). Будучи противником единоличной диктатуры Бонапарта, удалился от службы. В 1804 году арестован, обвинен в участии в заговоре Ш. Пишегрю и осужден на два года тюрьмы, но вскоре помилован и эмигрировал в США. В 1813 году по приглашению императора Александра I приехал в Европу и стал советником при штабе союзных армий. 27 августа смертельно ранен в Дрезденском сражении (1813).

1454

Михайловский-Данилевский А.И. Журнал 1813 года // 1812 год. Воспоминания воинов русской армии. с. 357.

1455

Поход русской армии против Наполеона… с. 216.

1456

Михайловский-Данилевский А.И. Журнал 1813 года // 1812 год. Воспоминания воинов русской армии. с. 357.

1457

Поход русской армии против Наполеона… с. 217.

Бантыш-Каменский Д.Н. Указ. соч. Ч. 4. с. 190.

1459

Муравьев-Апостол М.И. Отечественная война. 1813 год // Мемуары декабристов. Южное общество. М., 1982. с. 176.

Бантыш-Каменский Д.Н. Указ. соч. Ч. 3. с. 190—191.

1461

Михайловский-Данилевский А.И. Описание войны 1813 года. с. 359.

1462

Вандам Доменик Жозеф Рене, граф де Юзенбург (1770—1830) — французский дивизионный генерал. Сделал быструю карьеру в революционной армии. В 1793 году воевал в Бельгии и Голландии. Прославился своими действиями в сражении с англо-австрийскими войсками при Ондскоте (1793), где командовал авангардом Северной и Арденнской армий. Отличался большой личной храбростью, но в то же время чрезвычайной требовательностью, если не жестокостью. В 1799 году отстранен от командования за присвоение части контрибуции. С 1800 года командовал крылом Рейнской армии. Успешно сражался при Хохентвейле, Штоккахе, Месскрихе, Меммингене. Отличился в сражении при Аустерлице (1805). Отлично провел кампанию 1806—1807 годов, во главе корпуса заняв всю Силезию. В 1809 году возглавил 1-ю дивизию 1-го корпуса резервной армии (позже 8-й корпус Великой армии), с которым принял участие в сражениях при Абенсберге и Ландсхуте. Организовал преследование отступавших австрийцев к Линцу. Сменил маршала Ожеро на посту командира 8-го корпуса, с которым сражался при Ваграме. В начале Отечественной войны 1812 года — командующий корпусом. В 1813 году успешными действиями отнял у противника Гамбург, после чего назначен командиром 1-го корпуса. После сражения под Дрезденом форсировал Эльбу и нанес поражение корпусу Евгения Виртембергского при Пирне. Но разгромлен при Кульме. Был взят в плен и отвезен в Россию, жил в Вязьме. После Парижского мира 1814 года освобожден и вернулся во Францию. Во время «Ста дней» безоговорочно поддержал Наполеона. Участвовал в сражениях при Лигни и Вавре. После Ватерлоо сумел в полном порядке отвести 3-й и 4-й корпуса в Париж, а затем за Луару. После вторичного отречения Наполеона одним из первых встал на сторону Бурбонов, но осужден на изгнание. Уехал в Америку. В 1819 году помилован и вернулся во Францию.

1463

Михайловский-Данилевский А.И. Император Александр I // Военная галерея Зимнего дворца. т. 2.

1464

Голицын Дмитрий Владимирович, светлейший князь (1771—1844) — генерал от кавалерии; московский генерал-губернатор (1820—1843).

1465

Цитен Ганс Эрнст Карл, граф (1770—1848) — прусский генерал-фельдмаршал. Участвовал в кампании 1806 года. Принимал активное участие в реорганизации прусской кавалерии в межвоенный период. В кампанию 1813 года воевал сначала под началом Г. Блюхера при Гросдершенс и Ханау, а затем возглавил 11-ю бригаду в составе 2-го прусского армейского корпуса генерала Г. фон Клейста. Отличился при Дрездене, Кульме, Вахау. В 1814 году участвовал в боях на территории Франции. В сражении при Лаоне ему было поручено руководство объединенной кавалерией корпусов генерала Г. Йорка и Клейста (всего 30 эскадронов). После получения известий о возвращении Наполеона во Францию (1815) назначен командиром 1-го армейского корпуса. Отличился при Лигни и Ватерлоо. После Парижского мира (1815) назначен главнокомандующим прусским оккупационным корпусом во Франции. С 1824 года — шеф 4-го гусарского полка. Осенью 1835 года оставил службу.

1466

Поход русской армии против Наполеона… с. 220.

1467

Михайловский-Данилевский А.И. Описание войны 1813 года. с. 364.

1468

Остен-Сакен Фабиан Вильгельмович, князь (1752—1837) — генерал-фельдмаршал (1826). Участник войн с Турцией конца XVIII века, Францией (1805 и 1806-1807), Заграничных походов 1813—1814 годов (в 1814 году — генерал-губернатор Парижа). В 1818—1835 годах — главнокомандующий 1-й армией, участник подавления Польского восстания (1830—1831).

1469

Шуберт Ф.Ф. Дневник 1813 г. // 1812—1814. Реляции. Письма. Дневники. с. 339.

1470

Анекдоты и черты из жизни графа Милорадовича… с. 52.

1471

Там же. с. 32.

1472

Михайловский-Данилевский А.И. Описание войны 1813 года. с. 206-207.

1473

Подмазо А.А. Большая Европейская война 1812—1815 годов: Хроника событий. М., 2003. с. 248.

1474

Михайловский-Данилевский А.И. Журнал 1813 года. 1812 год. Воспоминания воинов русской армии. с. 364.

1475

Сухозанет Иван Онуфриевич (1788—1861) — генерал-майор; генерал от артиллерии (1834). Участвовал во всех войнах против Наполеона I. Участвовал в сражении под Пултуском, под Прейсиш-Эйлау, Фридландом, Тильзитом и др. Во время Отечественной войны 1812 года командиром конноартиллерийской № 1 батареи — в сражениях под Вилькомиром, Волынцами, Якубовым, при Клястицах; особенно отличился в первой битве под Полоцком. Во время преследования армии Наполеона в чине полковника командовал артиллерийской бригадой. Сражался под Бауценом и Лейпцигом. Командовал резервной артиллерией главной армии, а по взятии Парижа и заключении мира — начальник артиллерии 4-го корпуса. Во вторичном походе за Рейн состоял начальником штаба всей артиллерии. В 1819 году — начальник артиллерии Гвардейского корпуса. 14 декабря 1825 года гвардейская артиллерия сыграла решающую роль в подавлении восстания декабристов, разогнав картечью его участников. В Русско-турецкой войне 1828—1829 годов был сначала начальником штаба осадных войск под Браиловым, потом под Шумлой начальником штаба Гвардейского корпуса. В польской кампании 1830 года — начальник артиллерии всей боевой армии, в сражении под Прагой ему ядром оторвало ногу. С 1831 года — председатель артиллерийского комитета, с 1832 года — директор военной академии и член военно-учебного комитета, главноуправляющий главным инженерным училищем; с 1833 года — член военного совета, главный директор Пажеского и всех сухопутных корпусов и Дворянского полка, член совета в военно-учебных заведениях.

Бантыш-Каменский Д.К. Указ. соч. Ч. 3. с. 199—200.

1477

Желтухин Петр Федорович (1777—1829) — генерал-лейтенант (1829), киевский военный губернатор.

1478

Поход русской армии против Наполеона… с. 353—354.

1479

Михайловский-Данилевский А.И. Журнал 1813 года//1812 год. Воспоминания воинов русской армии. с. 372.

Керсновский А.А. Указ. соч. с. 285.

1481

Ливен Иван Андреевич, князь (1768—1848) — генерал-лейтенант.

Щербатов А. Г. Указ. соч. с. 97—98.

1483

Глинка Ф.Н. Письма русского офицера. с. 124.

1484

Сдавайтесь! *(фр.)*.

1485

Мы не сдадимся, нам говорили, что Франция сильна *(фр.)*.

1486

Щербатов А. И. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич… с. 246—247.

Бантыш-Каменский Д.Н. Указ. соч. Ч. 3. с. 223.

1488

Отступайте, перемирие подписано *(фр.)*.

1489

Щербатов А.П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич… с. 247.

1490

Глинка Ф.Н. Письма русского офицера. с. 124.

1491

Щербатов А.Г. Указ. соч. с. 103.

1492

Д'Артуа Филипп, граф (1757—1836) — король Франции *Карл X* (1824-1830).

1493

Записки Ивана Степановича Жиркевича. с. 652.

1494

Рассказы старого лейб-гусара // *Бондаренко А.Ю.* Лейб-гусары. М., 2003. с. 240.

1495

Анекдоты и черты из жизни графа Милорадовича… с. 53.

Подмазо А.А. Указ. соч. с. 192.

Щербатов А. Г. Указ. соч. с. 104.

1498

Лондондерри Чарльз Вильям Вэн Стюарт (1778—1854)— уполномоченный Англии в Главной квартире союзников в 1813—1814 годах.

1499

Веллингтон Артур Колли Уэлсли (1769—1852) — фельдмаршал, победитель Наполеона при Ватерлоо (1815). В 1794—1795 годах участвовал в походе против республиканской Франции. В 1796—1805 годах служил в Индии. По возвращении в Англию стал членом парламента (1806), в 1807—1808 годах — государственный секретарь по делам Ирландии. С 1808 по 1813 год — главнокомандующий союзными войсками, действовавшими на Пиренейском полуострове против наполеоновской армии. После Реставрации Бурбонов был английским послом в Париже (1814). После Ватерлоо возглавлял союзные оккупационные войска во Франции (1815—1818). Участник Венского (1814—1815), Аахенского (1818) и Веронского (1822) конгрессов. В 1826 году подписал в Петербурге англо-русский протокол, определивший позиции сторон в отношении Греции. С 1827 года до конца жизни — главнокомандующий английской армией, одновременно в 1828—1830 годах занимал пост премьер-министра, в 1834—1835 годах — министра иностранных дел.

1500

Якушкин И.Д. Мемуары, статьи, документы. Иркутск, 1993. с. 80.

1501

Воронов П., Бутовский В. Указ. соч. с. 138.

1502

Трубецкой С.П. Материалы о жизни и революционной деятельности. Иркутск, 1983. т. 1. с. 85.

1503

Мамышев В.Н. Указ. соч. с. 173.

1504

Петров М.М. Рассказы… с. 294.

1505

Рассказ И.И. Лажечникова. Анекдоты и черты из жизни графа Милорадовича… с. 53.

1506

Петров М.М. Рассказы… с. 296.

1507

Якушкин Иван Дмитриевич (1793—1857) — капитан в отставке (1818). Участник Отечественной войны 1812 года и Заграничных походов 1813—1814 годов. Один из учредителей «Союза спасения», член «Союза благоденствия» и Северного общества. Приговорен к 20 годам каторги (отбывал в Нерчинских рудниках). Автор «Записок».

Якушкин И.Д. Указ. соч. с. 78—79.

1509

Хроника киевской общественной жизни… с. 457.

1510

Деяния графа Михаила Андреевича Милорадовича… Ч. 3. с. 68—69.

1511

Глинка Сергей Николаевич (1776—1847) — литератор, издатель популярного тогда журнала «Русский вестник».

1512

Кашкин Данила Никитич (1769—1841) — композитор; происходил из крепостных крестьян.

1513

Глинка С.Н. Записки. с. 360.

1514

Мария Федоровна (1759—1828) — вдова Павла I.

1515

Е. Ф. О приезде графа Михаила Андреевича в Петербург // Русский вестник. 1815. Кн. 3. с. 81.

1516

Мое дорогое дитя, мое возлюбленное дитя *(фр.)*.

1517

Михайловский-Данилевский А.И. Воспоминания о графе М.А. Милорадовиче. т. 3. с. 12.

1518

Анекдоты графа Михаила Андреевича Милорадовича. с. 107.

1519

Поливанов М. Указ. соч. с. 178.

1520

Семевский М.В. Граф Михаил Андреевич Милорадович… с. 172.

1521

Козен Петр Андреевич (1778—1853) — генерал-майор, командовал гвардейской артиллерией; генерал от артиллерии. Участвовал в сражении при Аустерлице (1805), в кампании 1807 года. С лейб-гвардии Конной артиллерией принял видное участие в войнах 1812—1814 годов. Отличился под Бородином, Малоярославцем. В 1813 году сражался под Лютценом, Бауценом, Дрезденом и Лейпцигом. В 1814 году — в сражениях под Бриенн-ле-Шато, Арсис-сюр-Об, Фер-Шампенуазом и Парижем. По возвращении из похода назначен первым начальником артиллерии Гвардейского корпуса с оставлением и командиром лейб-гвардии Конной артиллерии. В 1827 году назначен управляющим Санкт-Петербургским арсеналом и лабораторией и Охтинским пороховым заводом. В 1828 году сформировал ракетную роту. В том же году назначен инспектором местных арсеналов, а в 1835 году — заведующим ракетным заведением и в 1836 году — членом генерал-аудиториата.

1522

Записки Ивана Степановича Жиркевича. с. 559—560.

1523

Командир бригады.

1524

Горчаков Михаил Дмитриевич, князь (1793—1861) — генерал от артиллерии, наместник Царства Польского; *Горчаков Петр Дмитриевич, князь* (1789—1868) — генерал от инфантерии, генерал-губернатор Западной Сибири. А ведь были исключены из гвардии…

1525

Якушкин И.Д. Указ. соч. с. 80-81.

1526

Тургенев Александр Иванович (1784—1845) — действительный статский советник, директор Главного управления духовных дел иностранных исповеданий (1810—1824), почетный член Петербургской Академии наук (1818), член литературного кружка «Арзамас». С 1825 года жил за границей, выявлял в зарубежных архивах документы по истории России. Автор публицистического цикла «Хроники русского» и дневников.

1527

Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. т. 1. с. 27.

1528

Чернышёв Александр Иванович, светлейший князь (1785—1857) — генерал от кавалерии (1826). В Отечественную войну 1812 года и в заграничных походах 1813—1814 годов командовал кавалерийским отрядом. В 1832—1852 годах — военный министр, в 1848—1856 — председатель Государственного совета.

1529

Друо Антуан, граф (1774—1847) —дивизионный генерал. С успехом участвовал в сражениях при Флерюсе (1794), Треббии (1799) и Гогенлиндене (1800). В 1808 году назначен директором артиллерийских парков Императорской гвардии. Командовал крупными артиллерийскими частями в Испании (1808—1809), Австрии (1809); прославился в сражении при Ваграме. Участвовал в походе в Россию, отличился в Бородинской битве. Руководил действиями гвардейской артиллерии при Вейссёнфельсе и Лютцене (1813). Прославился своим командованием артиллерией при Бауцене и Вахау. При Ганау разгромил баварские войска. Участвовал в сражениях при Ла-Ротьере, Краоне, Лаоне. После отречения Наполеона сопровождал его на остров Эльбу, где занял пост губернатора острова. Во время «Ста дней» назначен главнокомандующим артиллерией Императорской гвардии. Во время сражения при Ватерлоо (1815) командовал Императорской гвардией и вместе с генералом Фрианом возглавил последнюю атаку 9 батальонов Старой гвардии. С 1816 года жил в Нанси. Наполеон завещал ему 100 тысяч франков, которые Друо истратил на благотворительность.

1530

Дубровин Н.Ф. Отечественная война в письмах современников. с. 511.

1531

Глинка Ф.Н. Письма к другу. с. 198—199.

1532

Хранитель, сторож *(фр.)*.

1533

Там же. с. 197.

1534

Михайловский-Данилевский А.И. Мемуары. 1814—1815. СПб., 2001. с. 221.

1535

Пашков Василий Александрович (1764—1834) — генерал-майор, обер-егермейстер (1819). В 1789 году в качестве волонтера участвовал в походе в Финляндию. В 1821 году — член Государственного совета, а в 1825 году — председатель в Департаменте законов.

1536

Глинка Ф.Н. Письма к другу. с. 194—195.

1537

Там же. с. 206.

1538

Семевский М.В. Граф Михаил Андреевич Милорадович… с. 177.

1539

Дубровин Н.Ф. Отечественная война в письмах современников. с. 522.

1540

Семевский М.В. Граф Михаил Андреевич Милорадович… с. 171—172.

1541

Глинка Ф.Н. Письма к другу. с. 207.

1542

Там же. с. 206.

1543

Выдержки из старой записной книжки, начатой в 1813 году // Русский архив. 1883. № 9. с. 2143-2144.

1544

Елагин Н.В. Жизнь графини Анны Алексеевны Орловой-Чесменской. СПб., 1853. с. 1-2.

1545

Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. В 86 т. М., 1994. т. 5. с. 61.

Елагин Н.В. Указ. соч. с. 19.

1547

Каменский Михаил Федотович, граф (1738—1809) — генерал-фельдмаршал. В Семилетней войне 1756—1763 годов — волонтер при французской армии, затем офицер русской армии (1760—1761). В Русско-турецкой войне 1768—1774 годов в должности командира бригады участвовал в сражении при Хотине (1769), штурме Бендер (1770), при взятии крепости Аккерман (1770); командуя корпусом, одержал победу в бою при Базарджике (1774) и совместно с А.В. Суворовым — при Козлудже (1774). В ходе войны за Баварское наследство (1778—1779) был русским военным атташе при прусской армии. В 1783—1786 годах — рязанский и тамбовский генерал-губернатор. В Русско-турецкой войне 1787—1791 годов командовал дивизией, корпусом, участвовал в наступлении на Яссы (1788), Бендеры (1789), Татарбунары и Килию (1790). В Русско-прусско-французской войне 1806—1807 годов был назначен главнокомандующим русской армией, но, сославшись на преклонный возраст и болезнь, сам сложил с себя полномочия и был уволен из армии.

1548

[Шереметев Г.С.] Старая Москва. Екатерина Васильевна Шереметева. М., 1915. с. 4.

1549

Алексеевский Б. Орлова-Чесменская // Русский биографический словарь. СПб., 1905. с. 312.

Елагин Н.В. Указ. соч. с. 93.

1551

Скавронская Екатерина Павловна (ок. 1782—1857).

1552

Выдержки из старой записной книжки… с. 2143.

1553

Муравьев-Апостол М.И. // Декабристы рассказывают… М., 1975. с. 107.

1554

Якушкин Вячеслав Евгеньевич (1856—1912) — историк.

1555

Якушкин В.Е. II Декабристы в воспоминаниях современников. М., 1988. с. 107-108.

Панчулидзев с. Указ. соч. с. 428.

Греч Н.И. Указ. соч. с. 271.

1558

Семевский М.В. Граф Михаил Андреевич Милорадович… с. 172—173.

1559

Восстание декабристов. Документы и материалы. Дела Уголовного суда и Следственной комиссии. М., 1980. т. 17. с. 28.

1560

Пестель Павел Иванович (1793—1826) — полковник (1819), командир Вятского пехотного полка. Участник Отечественной войны 1812 года и Заграничных походов 1813—1814 годов. Член «Союза спасения» и «Союза благоденствия», основатель и директор Южного общества декабристов. Республиканец. Автор «Русской правды». Арестован (по доносу) 13 декабря 1825 года. Повешен в Санкт-Петербурге.

1561

Трубецкой Сергей Петрович, князь (1790—1860) — полковник (1822). Участник Отечественной войны 1812 года и Заграничных походов 1813—1814 годов. Один из организаторов «Союза спасения», «Союза благоденствия» и Северного общества. Во время подготовки восстания избран диктатором, но на Сенатскую площадь 14 декабря 1825 года не явился. Приговорен к вечной каторге. С 1826 года — в Нерчинских рудниках, в 1839—1856 годах — на поселении в Иркутской губернии. Автор «Записок».

1562

Муравьёв Никита Михайлович (1795—1843) — капитан (1825). Участник заграничных походов 1813—1814 годов. Один из основателей «Союза спасения» и «Союза благоденствия». Член Верховной думы и правитель Северного общества, автор проекта его программы (так называемая Конституция Муравьёва). Приговорен к 20 годам каторги. С 1827 года — в Нерчинских рудниках, с 1835 года — на поселении в Иркутской губернии.

1563

Муравьёв-Апостол Сергей Иванович (1795—1826) — подполковник (1820). Участник Отечественной войны 1812 года. Один из основателей «Союза спасения» и «Союза благоденствия». Глава Васильковской управы Южного общества. Руководитель восстания Черниговского полка. В 1826 году приговорен к смертной казни, повешен в Петербурге. *Муравьёв-Апостол Матвей Иванович* (1793—1886) — подполковник в отставке (1823). Брат С.И. Муравьёва-Апостола. Участник Отечественной войны 1812 года. Один из основателей «Союза спасения» и «Союза благоденствия», член Южного общества. Участник восстания Черниговского полка. Приговорен к 20 годам каторги. В 1826—1856 годах — на поселении в Вилюйске, Ялуторовске. Автор мемуаров.

1564

Лунин Михаил Сергеевич (1787—1845)— подполковник (1822). Участник Отечественной войны 1812 года. Один из учредителей «Союза спасения» и «Союза благоденствия». В 1826 году приговорен к 20 годам каторги. В 1836—1840 годах написал ряд антимонархических сочинений (в том числе «Взгляд на тайное общество в России»). В 1841 году заключен в Акатуйскую тюрьму, где и умер.

Муравьев А.М. Указ. соч. с. 125.

1566

Тургенев Н.И. // Русские мемуары. с. 271—273.

1567

Якушкин В.Е. // Декабристы в воспоминаниях современников. с. 105.

1568

Тургенев Н.И. // Русские мемуары. с. 286, 290.

1569

Великий князь Константин Павлович в сомнениях и отрицаниях современных ему порядков. (Из переписки его с Н.М. Сипягиным) // Русская старина. 1900. № 4. с. 92.

1570

Великий князь Константин Павлович в сомнениях… с. 93.

1571

Великий князь Константин Павлович в сомнениях… с. 95.

1572

Бондаренко А.Ю. Конногвардейцы. М., 2006. с. 108.

1573

Розен А.Е. Записки декабриста. Иркутск, 1984. с. 111.

1574

Исторические рассказы и анекдоты (Записки Богуславского) // Русская старина. 1879. № 9. с. 106.

1575

Семевский М.В. Граф Михаил Андреевич Милорадович… с. 188—189.

1576

Анекдоты и черты из жизни графа Милорадовича… с. 68—69.

1577

Исторические рассказы и анекдоты… с. 107.

1578

Фонвизин М.А. //Декабристы рассказывают…. М., 1975. с. 56—57.

1579

Капцевич Петр Михайлович (1772—1840) — генерал от артиллерии (1835). Участник экспедиции в Голландию в 1799 году. С 1808 года — дежурный генерал при военном министре генерале А.А. Аракчееве. В 1810-м получил в командование 7-ю пехотную дивизию, во главе которой участвовал в Отечественной войне 1812 года. Отличился в сражениях при Бородине, Тарутине, Малоярославце, Красном. В начале 1813 года — командир 10-го корпуса в составе Силезской армии. Участник взятия Кюстрина, сражения при Гольдберге. Был тяжело контужен в Битве народов при Лейпциге, но остался в строю и одним из первых ворвался в город. В 1819—1828 годах — командир Отдельного Сибирского корпуса, тобольский и томский генерал-губернатор. С 1822 года — генерал-губернатор Западной Сибири. В 1828 году — командир Отдельного корпуса внутренней стражи. С июня 1837 года — председатель Александровского комитета о раненых.

1580

Хроника киевской общественной жизни… с. 459—460.

1581

Штейнгель В. К. Сочинения и письма. Иркутск, 1985. т. 1. с. 119—120.

1582

Стуколкин Л.П. Преподаватель и распорядитель бальных танцев. СПб., 1890. с. 167, 69.

1583

Пущин И.И. Записки о Пушкине. Письма. М., 1988. с. 32.

1584

Императрица Александра Федоровна (1798—1860)— супруга Николая I.

1585

Греч Н.И. Указ. соч. с. 275.

1586

Яковлев Иван Алексеевич (1767—1846) — отец писателя Герцена, отставной капитан лейб-гвардии Измайловского полка. В 1801 году уехал за границу и прожил, скитаясь из страны в страну, до конца 1811 года. Сделался известен по своему свиданию с Наполеоном в Москве 1812 года.

1587

Яковлев Лев Алексеевич (1764—1839) — действительный тайный советник (1838), сенатор (1820), чрезвычайный посланник и полномочный министр (1809). Участвовал в Русско-шведской войне (1788—1790), а в 1795 и 1796 годах служил волонтером в Англии на эскадре адмирала Дункана. В 1798 году назначен канцелярии советником в коллегию иностранных дел и отправлен сначала к миссии в Швецию, а оттуда в Англию, где в 1800 году был произведен в статские советники и перемещен в Штутгарт поверенным в делах. В 1810 году — чрезвычайный посланник при Вестфальском короле, где и находился до июня 1812 года, когда, по случаю разрыва с Францией, возвратился в Россию. В 1829 году назначен почетным опекуном в Москве, управляющим Мариинской больницей и членом совета Екатерининского и Александровского институтов.

1588

Пасек Т. П. Из ранних лет, из жизни дальней // Русская старина. 1872. т. 6. с. 644.

1589

Герцен Александр Иванович (1812—1870)— революционер, писатель, философ. В начале 1830-х годов вместе с Н.П. Огарёвым возглавлял студенческий кружок в Московском университете. В 1834 году арестован, 6 лет провел в ссылке. С 1842 года — в Москве, глава левого крыла западников. Остро критиковал крепостничество в романе «Кто виноват?». С 1847 года — в эмиграции. После поражения европейских революций 1848—1849 годов разочаровался в революционных возможностях Запада и разработал теорию «русского социализма», стал одним из основоположников народничества. В 1853 году основал в Лондоне Вольную русскую типографию. В газете «Колокол» обличал самодержавие, вел пропаганду социалистических идей, требовал освобождения крестьян с землей. В 1861 году содействовал созданию тайного общества «Земля и воля», поддержал Польское восстание 1863—1864 годов. Автобиографическое сочинение «Былое и думы» (1852—1868) — один из шедевров отечественной мемуарной литературы.

1590

Герцен А.И. Былое и думы. Л., 1946. с. 11.

1591

Витберг Александр Лаврентьевич (1787—1855) — исторический живописец и архитектор, один из основоположников романтизма в русском зодчестве, автор проекта грандиозного памятника-ансамбля (храм, спуски к реке, набережная) в честь победы в Отечественной войне 1812 года (конкурс 1815 года), задуманного им в тяжеловесных формах позднего ампира, с элементами символики; был заложен в 1817 году на Воробьевых горах в Москве, но не выстроен. В 1839—1864 годах по проекту В. был сооружен псевдоготический Александро-Невский собор в Вятке, где В. находился в ссылке (1835—1839) и сблизился с А.И. Герценом.

1592

Записки академика Витберга // Русская старина. 1872. т. 5. с. 540.

1593

Вяземский П.А. Записные книжки. М., 1992. с. 300.

Шильдер И.К. Император Александр I… т. 4. с. 95.

1595

Меншиков Александр Сергеевич, светлейший князь (1787—1869) — государственный и военный деятель, адмирал (1833), почетный член Петербургской Академии наук (1831) и Российской Академии (1835). Правнук А.Д. Меншикова. С 1827 года — начальник Морского штаба и член Комитета министров. В Крымскую войну 1853—1856 годов — главнокомандующий сухопутными и морскими силами в Крыму, после ряда поражений смещен с должности.

1596

Каподистрия Иоанн Антонович, граф (1776—1831) — российский министр иностранных дел; президент Греции.

1597

Виллие Яков Васильевич, баронет (1768—1854)—лейб-медик Александра I, действительный тайный советник.

1598

Гессен-Гомбургский Филипп Август Фридрих, ландграф (1779—1846) — австрийский фельдмаршал.

1599

Там же. с. 98.

1600

Из воспоминаний Михайловского-Данилевского. 1817 год // Русская старина. 1897. № 7. с. 75.

1601

Сборник биографий кавалергардов. 1801—1826. СПб., 1906. с. 7.

1602

Там же. с. 8.

1603

Из воспоминаний Михайловского-Данилевского… с. 99.

1604

Анекдоты и черты из жизни графа Милорадовича… с. 54.

1605

Там же. с. 56.

1606

Из воспоминаний Михайловского-Данилевского… с. 95—96.

1607

Семевский М.В. Граф Михаил Андреевич Милорадович… с. 173—174.

1608

Анекдоты и черты из жизни графа Милорадовича… с. 56.

1609

Бескровный Л. Г. Указ. соч. с. 75.

1610

Шильдер Н.К. Император Александр I… т. 1. с. 116.

1611

Записки Николая I. с. 15—16.

1612

Семевский М.В. Граф Михаил Андреевич Милорадович… с. 173—174.

1613

Военная энциклопедия. СПб., 1911. т. 7. с. 227.

1614

Шредер Ф. Новейший путеводитель по Санкт-Петербургу с историческими указаниями. СПб., 1820. с. 1.

1615

Император Александр Павлович и его время // Русская старина. 1881. Т 32. № 12. с. 670-671.

1616

Михайловский-Данилевский А.И. Воспоминания о графе М.А. Милорадовиче. т. 3. с. 5.

1617

Хмельницкий Николай Иванович (1791—1845) — в 1812—1814 годах был в ополчении; с 1824 года — на службе в Министерстве внутренних дел; с 1829 года — губернатор в Смоленске, с 1837 года — в Архангельске. Действительный статский советник, поэт, драматург.

1618

Вигель Ф.Ф. Записки. с. 920—921.

1619

Записки Н.Н. Муравьева. с. 365.

1620

Военная энциклопедия. СПб., 1911. т. 7. с. 227.

1621

Император Александр Павлович и его время // Русская старина. с. 671.

1622

Декабристы. Биографический справочник. М., 1988. с. 52.

1623

Из воспоминаний А.И. Михайловского-Данилевского // Русская старина. 1899. т. 100. № 12. с. 555.

1624

Император Александр Павлович и его время // Русская старина. с. 671.

1625

Глинка Ф.Н. Писатели-декабристы в воспоминаниях современников. М., 1980. т. 1. с. 325.

1626

Император Александр Павлович и его время // Русская старина. с. 671.

1627

Дубровин Н.Ф. Русская жизнь в начале XIX века // Русская старина. 1899. т. 98. № 4. с. 66.

1628

Пушкин А. С. Моцарт и Сальери // Собр. соч. М., 1975. т. 4. с. 286.

1629

Греч Н.И. Фаддей Венедиктович Булгарин // Русская старина. 1871. т. 4. № 9. с. 507.

1630

Вигель Ф.Ф. Записки. с. 921.

1631

Модзалевский Б. Сибиряков // Русский биографический словарь. СПб., 1904. с. 396.

1632

Остафьевский архив князей Вяземских. с. 282.

1633

Русский архив. 1873. № 4. с. 641.

1634

Там же. с. 641-642.

1635

Остафьевский архив князей Вяземских. т. 2. с. 62.

1636

Тургенев Николай Иванович (1789—1871)— декабрист. С 1816 года — помощник статссекретаря Государственного совета; основоположник финансовой науки в России («Опыт теории налогов», 1818). Один из учредителей «Союза благоденствия» и Северного общества, сторонник ликвидации крепостного права при сохранении помещичьего землевладения. С 1824 года за границей. Заочно приговорен к вечной каторге, амнистирован в 1856 году. Автор книги «Россия и русские» (1847).

1637

Тургенев И.С. Николай Иванович Тургенев // Декабристы в воспоминаниях современников. М., 1988. с. 48.

1638

Тургенев Н.И. Нечто о крепостном состоянии в России // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. М., 1951. т. 1. с. 216, 220.

1639

Тургенев И.С. Николай Иванович Тургенев… с. 48.

1640

Тургенев Н.И. Их вечен с вольностью союз. М., 1983. с. 316.

1641

Квакеры — влиятельная религиозная община в Англии.

1642

Шильдер Н.К. Император Александр I… т. 4. с. 132.

1643

Греллэ-де-Мобилье С. Записки квакера о пребывании в России // Русская старина. 1874. т. 9. № 1. с. 11—12.

Шильдер Н.К. Император Александр I… т. 4. с. 136.

1645

Анекдоты и черты из жизни графа Милорадовича… с. 69.

1646

Соколовский М. Из донесений военного губернатора графа Михаила Андреевича Милорадовича. (Черты для биографии графа М.А. Милорадовича.) СПб., 1904. с. 10.

1647

Перетц Григорий Абрамович (1789 или 1790 — после 1850) — коллежский асессор (1846), чиновник канцелярии петербургского генерал-губернатора. Лютеранин-евангелист. Отец — известный откупщик Абрам Израилевич Перетц (1771—1833). В службу записан в канцелярию государственного казначея канцеляристом (1801), переведен в Экспедицию о государственных доходах (1809) титулярным советником, откомандирован в канцелярию А.Б. Куракина, созданную для прекращения чумы в Новороссийском крае (1813). В 1817 году поступил на службу в канцелярию петербургского генерал-губернатора М.А. Милорадовича, где и познакомился с Ф.Н. Глинкой. Член «Союза благоденствия», вместе с Ф.Н. Глинкой создал в 1819 или 1820 году тайное общество.

1648

Дело Ф.Н. Глинки // Восстание декабристов. Документы… т. 20. с. 115.

1649

Пыляев М.И. Старый Петербург. СПб., 1889. с. 322.

Соколовский М. Указ. соч. с. 5.

Греллэ-де-Мобилье С. Указ. соч. с. 12.

Соколовский М. Указ. соч. с. 4.

1653

Анекдоты и черты из жизни графа Милорадовича… с. 60.

Пыляев М.И. Указ. соч. с. 270.

1655

Из бумаг Н.И. Бахтина // Русская старина. 1870. т. 2. с. 530.

1656

Остафьевский архив князей Вяземских. т. 1. с. 324.

1657

Семевский М.В. Граф Михаил Андреевич Милорадович… с. 178, 177.

1658

Воспоминания К.С. Сербиновича. Николай Михайлович Карамзин // Русская старина. 1874. т. 11. с. 63.

1659

Записки Николая I. с. 13—14.

1660

Николай Михайлович, вел. кн. Император Александр I. с. 254. с. 316-317.

1661

Записки Николая I. с. 13—14.

1662

Корф М.А. Записки. с. 158.

1663

Росси Карл Иванович (1775—1849) — архитектор, крупнейший зодчий русского ампира. Создал замечательный архитектурно-парковый ансамбль на Елагином острове (1818—1822). Во многом именно благодаря Росси Петербург к 1830-м годам обрел новое лицо. В 1819 году он полностью преобразил пространство перед Зимним дворцом, между Невским проспектом и Марсовым полем. Преображая территорию от Невского до Чернышева моста через Фонтанку, возвел здесь в 1828— 1834 годах Александрийский театр с отходящей от его заднего фасада Театральной улицей, оформленной двумя однородными протяженными корпусами со сдвоенными дорическими колоннами; с городом театр и улицу связали площади Театральная и Чернышева. Последний из крупных ансамблей был выстроен на Сенатской площади; проекты Росси определили облик и структуру соединенных аркой зданий Сената и Синода — тем самым была завершена система трех парадных площадей центра города (Дворцовой, Адмиралтейской и Сенатской).

1664

Монферран Август Августович (1786—1858) — русский архитектор, декоратор и рисовальщик. По происхождению француз. С 1816 года работал в России, в Петербурге. Творчество М. знаменует переход от позднего классицизма к эклектизму. Работы: Исаакиевский собор, Александровская колонна, дом Лобанова-Ростовского (1817—1820), отделка Фельдмаршальского, Петровского и строительство Круглого залов Зимнего дворца (1827 — начало 1830-х), перестройка дома Гагариной (1840-е).

1665

Пыпин А.Н. Общественное движение в России при Александре I. Пг., 1918. с. 458.

1666

Анненков П. Александр Сергеевич Пушкин в Александровскую эпоху. 1799-1826 гг. СПб., 1874. с. 134.

1667

Ода «Вольность».

1668

Вигель Ф.Ф. Записки. с. 973.

1669

Глинка Ф.Н. Писатели-декабристы в воспоминаниях современников. т. 1. с. 323-324.

1670

Ах! это по-рыцарски! *(фр.)*.

1671

Пущин И.И. Записки о Пушкине. с. 62.

1672

Глинка Ф.Н. // Писатели-декабристы в воспоминаниях современников. т. 1. с. 324.

1673

Энгельгардт Егор Антонович (1775—1862) — директор Царскосельского лицея (1816—1822).

Пущин И.И. Записки о Пушкине. с. 62.

1675

Глинка Ф.Н. // Писатели-декабристы в воспоминаниях современников. т. 1. с. 325.

1676

Янькова Е. Я Рассказы бабушки. Из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово. Л., 1989. с. 255.

1677

Анекдоты и черты из жизни графа Милорадовича… с. 66—67.

1678

Фредерикс Петр Андреевич, барон (1786—1855) — генерал-майор (1819), командир лейб-гвардии Московского полка (1820); обер-шталмейстер (1843). Отличился в сражении при Аустерлице (1805). В кампанию 1812 года отличился при Бородине. В сражении под Кульмом он был ранен пулей в левую ногу и отвезен в замок графа Туровского; здесь он познакомился с графиней Сесилией Владимировной Туровской, которая через год вышла за него замуж. В 1817 году он был назначен адъютантом к великому князю Николаю Павловичу. 14 декабря 1825 года явился на Дворцовую площадь в рядах Гвардейского корпуса; ранен при попытке увещевания. На другой день император Николай Павлович произвел его в генерал-адъютанты. В 1836 году назначен вице-президентом Придворной конюшенной конторы, в 1843 году — президентом.

1679

Семевский М.В. Граф Михаил Андреевич Милорадович… с. 181—182.

1680

Там же. с. 183.

1681

Остафьевский архив князей Вяземских. т. 2. с. 84.

1682

Лорер Н.И. Записки декабриста. Иркутск, 1984. с. 50.

1683

Поджио А.В. Воспоминания // Мемуары декабристов. Южное общество. М., 1982. с. 235-236.

1684

Лорер И.И. Записки декабриста. с. 51.

1685

Муравьев-Апостол М.И. //Декабристы рассказывают… с. 107—108.

1686

Розен А.Е. Записки декабриста. с. 73—74.

1687

Шварц Фёдор Ефимович (ум. после 1867) — генерал-лейтенант (1844). Участвовал в кампании 1808 года и в Отечественной войне 1812 года. В 1820 году назначен командиром лейб-гвардии Семеновского полка. После «Семеновской истории» предан военному суду. В уважение прежней долговременной и усердной службы был избавлен от смертной казни и отставлен от службы. Несмотря на этот приговор, в скором времени опять был определен на службу и произведен в 1828 году в генерал-майоры. Участвовал в кампаниях против кавказских горцев и состоял с 1837 года командиром 3-й бригады Грузинских линейных батальонов. В 1838 году вторично отставлен от службы с тем, чтобы впредь в оную не определять, но ненадолго. С 1840 года — командир 3-й бригады Грузинских линейных батальонов, в 1844 году — начальник Лезгинского отряда, начальник Джаробелоконского военного округа и всей Лезгинской кордонной линии. С 1848 года — командир 19-й пехотной дивизии, но в 1850 году за злоупотребление властью, жестокое наказание и истязание нижних чинов исключен из службы с воспрещением въезда в обе столицы. Только в 1857 году Шварцу разрешен въезд в Санкт-Петербург, а в 1867 году ему назначена пенсия.

1688

Греч Н.И. Записки о моей жизни. с. 271.

1689

Павлов-Сильванский Н.И. Потемкин // Русский биографический словарь. СПб., 1905. с. 686.

1690

Отрывки из записок Л.Н. Энгельгардта. с. 149.

1691

Греч Н.И. Записки о моей жизни. с. 272.

1692

Лорер Н.И. Записки декабриста. с. 50.

1693

Муравьев-Апостол М.И. // Мемуары декабристов. Южное общество. с. 182.

1694

Лорер Н.И. Записки декабриста. с. 51.

1695

Розен А.Е. Записки декабриста. с. 74.

1696

Муравьев-Апостол М.И. // Мемуары декабристов. Южное общество. с. 182.

1697

Закревский Арсений Андреевич, граф (1783—1865) — дежурный генерал Главного штаба; генерал от инфантерии; министр внутренних дел (1828—1831); московский генерал-губернатор (1848—1859).

1698

Афанасьев А.И. Возмущение старого лейб-гвардии Семеновского полка. 1820 // Русская старина. 1871. т. 4. № 9. с. 539.

1699

Тургенев А.И. Политическая проза. М., 1989. с. 187.

1700

Дубровин Н.Ф. Письма главнейших деятелей… с. 258—259.

1701

Николай Михайлович, вел. кн. Император Александр I. с. 254.

1702

Розен Андрей Евгеньевич, барон (1799—1884)— декабрист. В конце 1825 года вступил в Северное общество, примыкал к республиканскому крылу, участвовал в подготовке восстания. 14 декабря 1825 года остановил на Исаакиевском мосту лейб-гвардии Финляндский полк, вызванный Николаем I для подавления восстания. Приговорен к 10 годам каторги (срок сокращен до 6 лет), которую отбывал в Нерчинских рудниках, с 1832 года — на поселении. В 1837 году определен рядовым на Кавказ. С 1839 года, уволенный по болезни с военной службы, жил в Эстляндской губернии под надзором полиции; с 1855-го — в Харьковской губернии, где участвовал в проведении Крестьянской реформы 1861 года. В течение 6 лет был мировым посредником. Оставил воспоминания и ряд статей о декабристах.

1703

Розен А.Е. Записки декабриста. с. 73.

1704

Частное письмо из Петербурга в Тульчин о Семеновском возмущении 1820 года // Русский архив. 1868. с. 1824.

1705

Дубровин Н.Ф. Письма главнейших деятелей… с. 259—260.

Афанасьев А.Н. Указ. соч. с. 542.

1707

Чаадаев Петр Яковлевич (1794—1856) — философ и публицист. Участник Отечественной войны 1812 года. В 1821 году принят в Северное общество декабристов. Философско-исторические взгляды сложились под влиянием идей католического провиденциализма и социального христианства. В «Философических письмах» (1829—1831) высказал мысли об отлученности России от всемирной истории, о духовном застое и национальном самодовольстве, препятствующих осознанию и исполнению ею предначертанной свыше исторической миссии. За публикацию первого письма (1836) журнал «Телескоп» был закрыт, а Чаадаев «высочайшим повелением» объявлен сумасшедшим.

1708

Жихарев М.И. Докладная записка потомству о Петре Яковлевиче Чаадаеве // Русское общество 30-х годов XIX в. Мемуары современников. М., 1989. с. 73.

1709

Семевский М.В. Граф Михаил Андреевич Милорадович… с. 175.

Афанасьев А.Н. Указ. соч. с. 544.

1711

Архив светлейшего князя Петра Михайловича Волконского. Письма генерал-адъютанта (впоследствии князя) И.В. Васильчикова к князю Волконскому // Русская старина. 1871. т. 4. № 12. с. 657.

1712

Семевский М.В. Граф Михаил Андреевич Милорадович… с. 175.

1713

Николай Михайлович, вел. кн. Император Александр I. с. 561.

1714

Оболенский Е. П. Воспоминания // Мемуары декабристов. Северное общество. М., 1981. с. 88.

1715

Дополнение П.Н. Свистунова в примечаниях книги: *Лорер Н.И.* Записки декабриста. Иркутск, 1984. с. 51—52.

1716

Грибовский Михаил Кириллович (ум. после 1833) — симбирский вице-губернатор (1823). Публицист и переводчик. Исправляющий должность правителя канцелярии Инвалидного комитета (1814), доктор обоих прав Харьковского университета (1816), библиотекарь гвардии Генерального штаба (1819), правитель канцелярии Комитета о раненых (1821). Тайный агент (1820) и доносчик на декабристов, после восстания Семеновского полка взял на себя организацию тайной военной полиции. В 1821 году его записка о тайном обществе была передана Бенкендорфом Александру I. Член «Союза благоденствия». Статский советник (1826), слободско-украинский (харьковский) губернатор (1827). В 1828 году по высочайшему повелению отдан под суд «по разным предметам». Дело рассматривалось в Сенате, который определил собрать о Грибовском дополнительные сведения. В 1833 году числился при герольдии.

1717

Архив светлейшего князя Петра Михайловича Волконского. с. 661.

1718

Ронов Александр Никитин — в ноябре 1820 года сделал донос на Н.Д. Синявина, обвиняя его в принадлежности к тайному обществу, однако доказать этого не смог и за «поступки, несвойственные офицерскому званию», уволен от службы и выслан в г. Порхов под надзор полиции. Определен поручиком в Староингерманландский пехотный полк (1826). В 1846 году занимал должность заседателя Санкт-Петербургской уголовной палаты в чине отставного штабс-капитана.

1719

Сенявин Дмитрий Николаевич (1763—1831) — флотоводец, адмирал (1826), почетный член Петербургской Академии наук (1826). В Русско-турецкую войну 1806—1812 годов командовал эскадрой в Адриатическом и Эгейском морях (1806—1807). Нанес поражение турецкому флоту в Дарданелльском и Афонском сражениях (1807). С 1825 года — командующий Балтийским флотом.

1720

Сенявин (Синявин) Николай Дмитриевич (1798—1833) — проходил по делу декабристов, оправдан; в 1829 году — командир егерского полка, полковник.

1721

Федоров В.А. Доносы на декабристов // Декабристы и Сибирь. Иркутск, 1985. Вып. 4. с. 131-132.

1722

Журналы следственного комитета // Восстание декабристов. Документы… т. 16. с. 122.

1723

Федоров В.А. Указ. соч. с. 132.

1724

Дело Н.Д. Сенявина // Восстание декабристов. Документы… т. 20. с. 480.

1725

Шильдер Н.К. Император Николай I. Его жизнь и царствование. СПб., 1903. т. 1. с. 163.

1726

Фонвизин М.А. Сочинения и письма. т. 2. с. 187.

Муравьев А.М. Указ. соч. с. 126.

1728

Съезд членов Союза благоденствия в Москве. 1821 г. // Русская старина. 1872. т. 6. с. 601.

1729

Декабристы в воспоминаниях современников. М., 1988. с. 186.

1730

Берг Н.В. Записки // Русские мемуары. Избранные страницы. 1826-1856 гг. М., 1990. с. 366.

1731

Николай Михайлович, вел. кн. Император Александр I. с. 264.

1732

Там же. с. 265.

1733

Вигель Ф.Ф. Записки. с. 978.

1734

Гангеблов А.С. Воспоминания декабриста Александра Семеновича Гангеблова. М., 1886. с. 14—15.

1735

Розен А.Е. Записки декабриста. с. 76.

1736

Дюрова (Каратыгина) Любовь Осиповна (1805—1828) — драматическая актриса.

17 37

Телешова Екатерина Александровна (1805—1850) — «любимая балерина императорских театров».

1738

Позор, кто дурно об этом подумает… *(фр.)*.

1739

Нравственно силен, но физически нравственен *(фр.)*.

1740

Анекдоты и черты из жизни графа Милорадовича… с. 64—66.

1741

Вигель Ф.Ф. Записки. с. 1011.

1742

Записки Рафаила Михайловича Зотова // Исторический вестник. 1896. т. 65. № 7. с. 37.

1743

Арапов Пимен. Летопись Русского театра. СПб., 1861. с. 312.

1744

Зотов Р.М. Записки // *Гроссман Л.П.* Пушкин в театральных креслах. Картины русской сцены 1817—1820 годов. СПб., 2005. с. 270.

1745

Тюфякин Петр Иванович, князь (1769—1845) — гофмейстер; директор императорских театров (1816—1821).

1746

Майков Аполлон Александрович (1761—1838) — драматург, директор императорских театров (1821—1825).

Пыляев М.И. Старый Петербург. с. 418.

1748

Зотов Рафаил Михайлович (1796—1871) — романист, драматург, мемуарист, театральный деятель.

1749

Записки Рафаила Михайловича Зотова. с. 39.

1750

Зотов Р.М. Записки. с. 272-273.

1751

Вигель Ф.Ф. Записки. М., 2003. с. 1014.

1752

Каратыгин Василий Андреевич (1802—1853) — выпускник Горного корпуса; актер.

1753

Зотов Р.М. Записки. с. 276-277.

1754

Катенин Павел Александрович (1792—1853) — русский поэт, драматург и критик. Служил в Министерстве народного просвещения, участвовал в войнах с Наполеоном (1812—1814). В 1817 году — член тайного общества. В 1820 году вынужден покинуть военную службу, а в 1822 году выслан в деревню в Костромскую губернию, где жил три года без права выезда, а потом семь лет добровольно. Вернувшись в Петербург, через два года уехал на военную службу на Кавказ, в 1838 году подал в отставку, был уволен в чине генерал-майора, конец жизни провел в имении, слывя среди соседей безбожником и вольнодумцем.

1755

Колосова Александра Михайловна (1802—1880) — драматическая актриса; жена В.А. Каратыгина с 1827 года.

1756

Каратыгин П.А. Записки. Л., 1970. с. 98—99.

1757

Каратыгин Петр Андреевич (1805—1879) — артист петербургской придворной труппы, драматург, автор мемуаров; брат известного артиста-трагика Василия Каратыгина. Прошел школу классицизма, современник Шаховского, Гнедича, Катенина, Семеновой, Яковлева, Брянского и других корифеев классической драматургии и сцены.

1758

Воспоминания А.М. Каратыгиной // *Гроссман Л.П.* Пушкин в театральных креслах. с. 73—74.

Штейнгель В.И. Указ. соч. с. 207.

1760

Вигель Ф.Ф. Записки. с. 576.

1761

Татаринова Екатерина Филипповна (1783—1856) — основательница мистической секты «духовного союза» в Санкт-Петербурге в 1820-х годах, заимствовавшей у хлыстов и скопцов обрядность радений, как путь к экстазу, вызывающему пророчества. В 1837 году арестована и сослана в Сретенский монастырь в городе Кашине. Через десять лет ей было разрешено жить в Кашине, в 1848 году — в Москве, где и скончалась.

1762

Голицын Александр Николаевич, князь (1773—1844) — министр духовных дел и народного просвещения.

1763

Пыляев М.И. Старый Петербург. с. 402.

1764

Русский биографический словарь. с. 316—317.

1765

Вигель Ф.Ф. Записки. с. 996—997.

1766

Русский биографический словарь. с. 318.

1767

Рылеев К. Ф., Бестужев А.А. // Поэты-декабристы. Стихотворения. Л., 1949. с. 115.

1768

Милорадович Алексей Григорьевич — поручик лейб-гвардии Семеновского полка.

1769

Дубровин Н.Ф. Наши мистики-сектанты // Русская старина. 1895. №11. с. 18.

1770

Бестужев-Марлинский А.А. // Русская эпиграмма. XVIII—XIX вв. Л., 1958. с. 140.

1771

Селиванов Кондратий (от 1720 до 1740—1832) — основатель скопческой ереси в России, крестьянин Орловской губернии. Главой общины хлыстов Акулиной Ивановной был признан ее сыном, рожденным от Святого Духа. Против разврата хлыстов проповедовал оскопление, как единственное средство против греха; основал свой «корабль», где уже назывался сыном Божиим, искупителем (оскопителем). В 1775 году был сослан в Нерчинск, но остался в Иркутске, в 1795 году бежал в Москву. По сказаниям скопцов, являлся к императору Павлу, который велел поместить его в дом умалишенных (Обуховскую больницу). Освобожденный в 1802 году, был взят на поруки скопцом-камергером Елянским; жил свободно, руководил радениями. Александр I в 1805 году навестил его. В 1820 году Селиванова тайно отвезли в суздальский Евфимиев монастырь, где он жил свободно и принимал учеников.

1772

Отечественная война и русское общество. М., 1912. т. 7. с. 179.

1773

Дубровин Н.Ф. Наши мистики-сектанты // Русская старина. с. 18—19.

1774

Попов Василий Михайлович (1771—1842)—директор департамента народного просвещения (1817), известный мистик. В 1802 году переведен в департамент Министерства юстиции столоначальником. В 1808 году назначен вице-правителем Белостокской области с чином статского советника; в 1811 году — директор канцелярии министра внутренних дел, тогда же пожалован в действительные статские советники с утверждением директором канцелярии министра. В ноябре 1817 года с особым поручением он был отправлен в Москву к скопцу Селиванову, с целью разубедить его в его заблуждениях. Был секретарем санкт-петербургского Библейского общества (1813). Участвовал в деятельности высшего переводного комитета по переводу Евангелий. Был президентом Комитета опекунства израильских христиан (1817—1833). В 1821 году он посещал, вместе с князем Голицыным, известные тайные собрания у Е. Ф. Татариновой. В 1837 году выслан в Зилантов монастырь Казанской губернии.

1775

Русский биографический словарь. с. 317.

1776

Дубровин Н.Ф. Наши мистики-сектанты // Русская старина. с. 18.

1777

Там же.

1778

Шишков Александр Семенович (1754—1841) — адмирал, президент Российской Академии, министр народного просвещения в 1824—1828 годах.

1779

Русский биографический словарь. с. 319.

1780

Отечественная война и русское общество. т. 7. с. 186.

Пыпин А.Н. Указ. соч. с. 339-340.

1782

Миркович Ф.Я. Его жизнеописание, составленное по собственным его запискам, воспоминаниям близких людей и подлинным документам // *Бондаренко А.Ю.* Конногвардейцы. М., 2006. с. 258.

1783

Кочубей Виктор Павлович (1768—1834) — министр внутренних дел, председатель Государственного совета и Комитета министров.

Пыпин А.Н. Указ. соч. с. 347, 351-352.

1785

Соколовская Т. Русское масонство и его значение в истории общественного движения. XVIII и первая четверть XIX столетия. СПб., 1907. с. 138.

1786

Оленин Александр Николаевич (1763—1843) — писатель и государственный деятель. Участвовал в Шведской кампании 1789—1790 годов и в действиях против польских конфедератов в 1792 году. При Павле I был обер-прокурором в Сенате и директором школы титулярных юнкеров, учрежденной для образования юристов. В 1803 году назначен товарищем министра уделов, в 1811 году — директором Императорской публичной библиотеки, в 1817 году — президентом Академии художеств. Как член Академии наук принимал участие в составлении славяно-русского словаря. Разобрав надпись на Тмутараканском камне и сделав ее критическую оценку, Оленин положил начало русской палеографии. Написал много статей и брошюр, посвященных археологическим изысканиям и изданных археологическим обществом. Оленин примыкал к партии Шишкова, был врагом галломанов, принимал деятельное участие в «Беседе любителей русского слова».

1787

Лабзин Александр Федорович (1766—1825) — поэт, издатель, переводчик, действительный статский советник (1804). С 1787 года — переводчик в Московском университете. Был принят в Московское общество мартинистов (масонское). В 1789 году перевелся цензором иностранной периодики в Секретную экспедицию Санкт-Петербургского почтамта. По поручению императора Павла I составил «Историю ордена Св. Иоанна Иерусалимского», за что получил звание историографа Мальтийского ордена (1801). В 1799 году в чине статского советника переведен в Коллегию иностранных дел. Тогда же назначен конференцсекретарем Академии художеств (с 1818 года — ее вице-президент). В 1804 году в чине действительного статского советника назначен директором Департамента военно-морских сил, а в 1805-м определен членом Адмиралтейского департамента. В 1800 году основал ложу «Умирающий Сфинкс». Создатель журнала «Сионский вестник» (с января 1806). В декабре 1812 года примкнул к Библейскому обществу и вскоре стал его директором.

1788

Кошелев Родион Александрович (1742—1827) — известный мистик, член Государственного совета. Служил в лейб-гвардии Конном полку; в 1777 году вышел в отставку ротмистром. Женатый на сестре мистика С.И. Плещеева, К. вступил, под его влиянием, в масонство, объездил Европу, свел знакомство с Сен-Мартеном, Эккартстгаузеном, Сведенборгом, Лафатером и другими и поддерживал с ними оживленную переписку. Войдя в доверие цесаревича Александра Павловича, Кошелев способствовал развитию в нем мистических склонностей; обратил в мистицизм князя А.Н. Голицына; после воцарения Александра стал деятельным членом Библейского общества и был назначен действительным камергером и председателем комиссии прошений, позже — членом Государственного совета и обер-гофмейстером. В 1818 году К. вышел в отставку, исключительно отдавшись пропаганде мистицизма, в среде петербургских последователей которого главенствовал.

Дубровин Н.Ф. Письма главнейших деятелей… с. 346.

1790

Греч Н.И. Записки о моей жизни. с. 249.

1791

Вигель Ф.Ф. Записки. с. 575.

1792

Гурьев Дмитрий Александрович, граф (1751—1825) — в 1806—1825 годах — министр уделов, одновременно в 1810—1823 годах — министр финансов. В 1818—1819 годах — глава Секретного комитета для подготовки крестьянской реформы (разработанный проект отклонен императором Александром I). Гурман и кулинар, создатель рецепта «гурьевской каши».

1793

Лопухин Петр Васильевич, светлейший князь (1753—1827) — председатель Государственного совета и Комитета министров (1816—1827). В 1798—1799 годах — генерал-прокурор, в 1803—1810 годах — министр юстиции, участвовал в разработке проектов реформ государственного управления, противник М.М. Сперанского.

1794

Дубровин Н.Ф. Наши мистики-сектанты // Русская старина. с. 38.

1795

Татищев Александр Иванович, граф (1762—1833) — генерал от инфантерии, с 1823 года — военный министр. Участвовал во второй Русско-турецкой войне и в войне с польскими конфедератами; отличился при осаде Очакова (1788) и в сражении с поляками при м. Гранове (1792). В 1798 году уволен от службы с чином действительного статского советника. При Александре I был принят на службу генерал-майором с зачислением в провиантский штат. В 1806 году, когда формировалась милиция, московское дворянство избрало Т. сначала московским уездным начальником, а затем бригадным начальником подвижной милиции. В этом звании Т. обратил на себя внимание императора Александра I, который назначил его (1808) генерал-кригскомиссаром. Отечественная война вызвала усиленную деятельность этого ведомства, но Т. блестяще справился с трудной задачей. В 1826 году возведен в графское Российской империи достоинство и через год по болезни уволен от службы.

1796

Нарышкин Дмитрий Львович (1764—1838) — гофмейстер (1798) и обер-егермейстер (1804). В 1795 году женился на княжне Марии Антоновне Святополк-Четвертинской, занимавшей особое положение в петербургском светском обществе благодаря увлеченности ею императора Александра I. Славился своим изысканным хлебосольством и оркестром роговой музыки. На его даче на Каменном острове собиралось аристократическое общество.

1797

Модзалевский Б. // Русский биографический словарь. с. 9.

1798

Мартос Иван Петрович (1750—1835) — скульптор, профессор Академии художеств. Основные произведения: статуя Иоанна Крестителя на портике Казанского собора в Санкт-Петербурге, памятник Минину и Пожарскому в Москве, статуя императрицы Екатерины II в зале Московского дворянского собрания, памятник Александру I в Таганроге, герцогу Ришелье в Одессе, Ломоносову в Холмогорах и пр.

1799

Кулибин Иван Петрович (1735—1818) — механик-самоучка, изобретатель.

1800

Власов Семен Прокофьевич (1789—1821)— технолог-самоучка; лаборант Медико-хирургической академии.

1801

Дубровин К Ф. Наши мистики-сектанты // Русская старина. с. 40—41.

1802

Русская старина. 1875. № 10. с. 292—293.

1803

Там же. т. 32. №12. с. 881.

1804

Модзалевский Б. // Русский биографический словарь. с. 9.

1805

Шаховской Александр Александрович, князь (1777—1846) — драматург, театральный деятель.

1806

Гроссман Л. И. Пушкин в театральных креслах. Картины русской сцены 1817—1820 годов. СПб., 2005. с. 76.

1807

Семенова Екатерина Семеновна (1786—1849) — трагическая актриса; с 1828 года — княгиня Гагарина.

1808

Каратыгин П.А. Записки. с. 101—102.

Арапов Пимен. Указ. соч. с. 328—329.

1810

Бахтин Николай Иванович (1796—1869) — литературный критик, друг и издатель сочинений Катенина.

1811

Каратыгин И А. Записки. с. 103.

Лесков Н.С. Указ. соч. с. 156.

1813

Анекдоты и черты из жизни графа Милорадовича… с. 57—58.

1814

Семевский М.В. Граф Михаил Андреевич Милорадович… с. 189.

1815

Глинка С.Н. Записки. с. 362.

1816

Глинка Ф.Н. // Писатели-декабристы в воспоминаниях современников. М, 1980. т. 1. с. 324.

1817

Анекдоты и черты из жизни графа Милорадовича… с. 57.

1818

Михайловский-Данилевский А.И. Воспоминания о графе М.А. Милорадовиче. т. 3 с. 12.

1819

Анекдоты и черты из жизни графа Милорадовича… с. 24.

1820

Гордин А. М., Гордин М.А. Пушкинский век. СПб., 1995. с. 380.

1821

Пыляев М.И. Старый Петербург. с. 70.

1822

Там же. с. 78, 84-86.

1823

Зотов Р.М. Записки. с. 269.

Гордин А. М., Гордин М.А. Указ. соч. с. 353.

1825

Божерянинов И.Н. Екатерингоф // Русская старина. 1884. № 3. с. 628.

1826

Анекдоты и черты из жизни графа Милорадовича… с. 58.

1827

Пыляев М.И. Старый Петербург. с. 86.

1828

Ежова Екатерина Ивановна (1787—1837) — актриса, подруга жизни князя Шаховского.

1829

Вигель Ф.Ф. Записки. с. 1011.

1830

Зотов Р.М. Записки. с. 269—270.

Арапов Пимен. Указ. соч. с. 350.

1832

Пыляев М.И. Старый Петербург. с. 87.

1833

Пушкин А.С. Дневник 1833—1835 гг. с. 286.

1834

Из Записок А.Д. Петрова // Всемирная иллюстрация. 1873. 17 марта. № 220. с. 195.

1835

Анекдоты и черты из жизни графа Милорадовича… с. 33.

1836

Выдержки из старой записной книжки, начатой в 1813 году // Русский архив. 1883. № 9. с. 2145.

Шильдер Н.К. Император Александр I… т. 4. с. 269.

1838

Анекдоты и черты из жизни графа Милорадовича… с. 58—60.

1839

Там же. с. 30.

Арапов Пимен. Указ. соч. с. 366.

1841

Зотов Р.М. Записки. с. 276-277.

1842

Вигель Ф.Ф. Записки. с. 1014.

1843

Башуцкий Павел Яковлевич (1771—1836) — генерал от инфантерии (1828), генерал-адъютант (1825). Участник Русско-шведской войны 1788—1790 годов. В 1803 году произведен в генерал-майоры, комендант Петербурга. В 1805 году принял командование над несколькими оставшимися в столице батальонами. В кампанию 1807 года командовал гвардейской бригадой (лейб-гвардии Семеновский и Измайловский полки). Отличился в сражениях под Гейльсбергом и Фридландом. С 1811 года — начальник 25-й пехотной дивизии. С началом Отечественной войны 1812 года Б. поручено руководство формированием и подготовкой запасных батальонов, а также обучение Петербургского ополчения. С 1813 года командовал 1-м резервным корпусом (41 батальон), действовавшим в Польше. Участвовал в осаде Модлина и Данцига. В 1814 году вернулся на прежнюю должность коменданта Петербурга. В 1816 году произведен в генерал-лейтенанты. Во время мятежа гвардейских частей на Сенатской площади 25 декабря 1825 года обнаружил «полное усердие и преданность» и после этого был назначен членом Верховного уголовного суда над участниками восстания на Сенатской площади. С 1826 года — сенатор. С июня 1832 года — член генерал-аудиториата.

1844

Нессельроде Карл Васильевич, граф (1780—1862) — государственный деятель, канцлер (с 1845), почетный член Петербургской Академии наук (1833). В 1816—1822 годах — управляющий министерством, в 1822— 1856 годах — министр иностранных дел, сторонник Священного союза. Деятельность Нессельроде на посту министра — одна из главных причин дипломатической изоляции России во время Крымской войны.

1845

Шильдер Н.К. Император Александр I… т. 4. с. 269.

1846

Глинка С.Н. Записки. с. 402-403.

1847

Сушков Н.В. Из записок о времени императора Александра I // Вестник Европы. 1867. № 6.

Шильдер Н.К. Император Николай I. т. 1. с. 155.

1849

Пыляев М.И. Старый Петербург. с. 118.

1850

Розен А.Е. Записки декабриста. с. 97—98.

1851

Комаровский Е. Ф. Записки // Русские мемуары. Избранные страницы. 1800-1825 гг. М., 1989. с. 184.

1852

Мемуары отставного генерал-лейтенанта барона Василия Романовича фон Каульбарса, начатые в ноябре 1860 года // Журнал Императорского русского военно-исторического общества. СПб., 1911. № 1, 3, 6 и 7.

1853

Велио И.И. Записки барона Велио // Русская старина. 1913. № 11 и № 12.

1854

Пыляев М.И. Старый Петербург. с. 125-126.

1855

Завалишин Д.И. Воспоминания. М., 2003. с. 104.

Велио И.И. Указ. соч.

Завалишин Д.И. Воспоминания. с. 104—105.

Каульбарс В. Р., фон. Указ. соч.

1859

Пыляев М.И. Старый Петербург. с. 134.

1860

Депрерадович Николай Иванович (1767—1843) — командир 1-го кавалерийского корпуса; генерал от кавалерии (1826).

1861

Е. Ф. Комаровский. Записки. Русские мемуары. Избранные страницы. 1800-1825 гг. М., 1989. с. 183.

1862

Семевский М.В. Граф Михаил Андреевич Милорадович. 1770 — 1825 гг. (Материалы для его биографии) // Военный сборник. 1869. № 10. с. 188.

1863

Комаровский Е. Ф. Записки графа Комаровского. М., 1990. с. 140.

1864

Глинка С.Н. Записки. с. 402.

Вигель Ф.Ф. Записки. с. 1141.

1866

Завалишин Д.И. Воспоминания. с. 106.

Зотов Р.М. Записки. с. 277.

Арапов Пимен. Указ. соч. с. 365.

Пыляев М.И. Старый Петербург. с. 94—95.

Там же. с. 95.

1871

Якубович Александр Иванович (1792—1845) — декабрист. С 1813 года служил в лейб-гвардии Уланском полку, в 1818 году переведен на Кавказ. В 1825 году приехал в Петербург для лечения, сблизился с членами Северного общества декабристов, вызвался убить императора Александра I. Участвовал в совещаниях руководителей общества на квартире К.Ф. Рылеева. В день восстания декабристов я должен был возглавить Измайловский полк и лейб-гвардии Морской экипаж, захватить Зимний дворец и арестовать царскую семью. Однако в 6 часов утра 14 декабря 1825 года отказался от этого поручения, чем спутал планы восставших. Находясь в тюрьме, представил императору Николаю I «Записку» с размышлениями о судьбах России. Приговорен к смертной казни, замененной вечной каторгой (позднее срок был сокращен до 20 лет). Отбывал в Петровском Заводе и на Нерчинских рудниках. С 1839 года — на поселении в деревне Малая Разводная близ Иркутска.

Зотов Р.М. Записки. с. 277.

1873

Каратыгин П.А. Записки. с. 200.

1874

Шереметев 2-й Василий Васильевич (1794—1817) — из эстандарт-юнкеров Кавалергардского полка в 1812 году был произведен в корнеты, в 1813 году — в поручики, а в 1817 году — в штаб-ротмистры. В том же году был убит на дуэли камер-юнкером графом А.П. Завадовским из-за балерины Истоминой.

1875

Бестужев Александр Алексеевич (1797—1837) — знаменитый писатель Марлинский. Штабс-капитан лейб-гвардии Драгунского полка. Совместно с К.Ф. Рылеевым издавал альманах «Полярная звезда» (1823—1825). Первый представитель романтической критики в России. В 1825 году был адъютантом герцога Вюртембергского и принадлежал к тайному обществу. 14 декабря привел на Сенатскую площадь батальон Московского полка. Сослан в Якутск. В 1829 году переведен на Кавказ рядовым в черноморский батальон № 10, с выслугой. В стычках с горцами выказывал чудеса храбрости (при Байбурге, на мосту Чирчея, под стенами Дербента). Произведен в прапорщики. При взятии мыса Адлера (Константиновского) находился в отряде генерала В.Д. Вальховского. Со свойственной ему отчаянной храбростью слишком углубился вперед, был убит и изрублен горцами в куски.

1876

Восстание декабристов. Документы… т. 17. с. 46.

1877

Трубецкой С.П. Материалы о жизни и революционной деятельности. т. 1. с. 230.

1878

Так в оригинале.

1879

Оболенский Евгений Петрович, князь (1796—1865) — поручик лейб-гвардии Финляндского полка (1821), адъютант генерал-адъютанта К.И. Бистрома, декабрист, член «Союза спасения» и «Союза благоденствия». Один из основателей Северного общества, член его Верховной думы. Начальник штаба восстания 14 декабря 1825 года в Санкт-Петербурге. Приговорен к вечной каторге. С 1826 года в Нерчинских рудниках, с 1839 года — на поселении. Автор «Воспоминаний».

1880

Записки Николая I. с. 17.

1881

Левашов Василий Васильевич, граф (1783—1848) — генерал от кавалерии. В 1820 году расследовал «беспорядки» в Семеновском полку. Член Верховного уголовного суда над декабристами (1826). С 1847 года — председатель Государственного совета и Комитета министров.

1882

Щеголев И.Е. Каховский. М., 1919. с. 10-11.

1883

Каховский служил юнкером в лейб-гвардии Егерском полку, 7-м егерском полку на Кавказе, офицерский чин получил в Астраханском кирасирском полку.

1884

Рылеев Кондратий Федорович (1795—1826) — поэт, декабрист. Создатель альманаха «Полярная звезда», автор лирических стихов, цикла «Думы», поэм «Войнаровский», «Наливайко» и др. Член Северного общества, один из организаторов и руководителей восстания 14 декабря 1825 года в Санкт-Петербурге. Повешен.

Оболенский Е.П. Воспоминания. с. 86.

1886

Щеголев П.Е. Каховский. с. 63.

1887

Записки Николая I. с. 14.

Велио И.И. Указ. соч.

Оболенский Е. П. Воспоминания. с. 87.

1890

Новосильцев Владимир Дмитриевич (1800—1825) — адъютант главнокомандующего 1-й армией графа Ф.В. Сакена, флигель-адъютант (1822). Воспитывался в иезуитской школе в Петербурге, служил в лейб-гвардии Гусарском полку. Был женихом Екатерины Пахомовны Черновой, смертельно ранен в Петербурге на дуэли с ее братом Константином (1825).

Федорченко В.И. Указ. соч. т. 2. с. 101.

1892

Чернов Константин Пахомович (1803—1825) — подпоручик лейб-гвардии Семеновского полка (родственник К.Ф. Рылеева). Воспитывался в Пажеском корпусе, выпущен прапорщиком в Санкт-Петербургский гренадерский короля прусского полк (1820). Член Северного общества. Смертельно ранен на дуэли с флигель-адъютантом В.Д. Новосильцевым, защищая честь своей сестры Екатерины (секундантом Чернова был К.Ф. Рылеев). Похороны Чернова превратились в яркую общественную демонстрацию, в которой приняли участие многие члены Северного общества.

Оболенский Е. П. Воспоминания. с. 83.

1894

Чернов Пахом Кондратьевич — генерал-аудитор 1-й армии.

1895

Кропотов Д.А. // Декабристы в воспоминаниях современников. М., 1988. с. 77.

Оболенский Е. П. Воспоминания. с. 83.

Завалишин Д.И. Воспоминания. с. 123.

1898

Кропотов Д.А. // Декабристы в воспоминаниях современников. с. 77-78.

Федорченко В.И. Указ. соч. т. 2. с. 102.

Оболенский Е. П. Воспоминания. с. 85.

Завалишин Д.И. Воспоминания. с. 124.

1902

Шильдер Н. К. Император Николай I. т. 1. с. 179.

1903

Штейнгель Владимир Иванович, барон (1783—1862) — отставной подполковник, декабрист. С 1795 года плавал по Балтийскому морю, в эскадре контр-адмирала П.В. Чичагова у берегов Англии и Голландии, командуя транспортами, — в Охотском море. Позже поступил в Иркутскую морскую команду и обозревал реки Нерчинского края вплоть до Амура, переведен в Балтийский флот (1809), назначен чиновником по особым поручениям при сибирском генерал-губернаторе И.Б. Пестеле и командирован в Иркутск. Участник Отечественной войны 1812 года и Заграничных походов (1813—1814), назначен адъютантом к московскому главнокомандующему генералу от кавалерии А.П. Тормасову и управлял его канцелярией. Член Северного общества (1824), активный участник подготовки восстания, один из авторов «Манифеста к русскому народу» и автор «Приказа войскам». Приговорен к каторжным работам (1826). Через десять лет отправлен на поселение. Умер в Петербурге. Мемуарист.

1904

Загоскин Михаил Николаевич (1789—1852) — автор исторических романов, драматург.

Штейнгель В.И. Указ. соч. с. 207.

1906

Марченко В.Р. Автобиографическая записка // Аракчеев: свидетельства современников. М., 2000. с. 82.

1907

Корф М.А. Восшествие на престол императора Николая I. с. 72.

Малышев В.Н. Указ. соч. с. 188-189.

1909

Витт Иван Осипович, де, граф (1778 или 1781 — 1840) — генерал от кавалерии. Перейдя в 1802 году из кавалергардов в Лейб-кирасирский полк, он принял участие в кампании 1805 года (Аустерлиц). В 1807 году вышел в отставку, а в 1809-м поступил волонтером в армию Наполеона, участвовал с ней во многих сражениях, а в 1811 году был тайным агентом Наполеона в герцогстве Варшавском. В июне 1812 года вернулся на русскую службу, и ему было поручено сформировать в Киевской и Подольской губерниях четыре Украинских казачьих регулярных полка, с которыми он и принял участие в Отечественной войне; отличился при взятии Калиша, участвовал в сражениях при Вейсенфельде, Лютцене, Бауцене, Кацбахе и Лейпциге. В 1814 году назначен начальником Украинской казачьей дивизии, переименованной позже в уланскую. Активно занимался устройством военных кавалерийских поселений. В 1823 году — командир 3-го резервного кавалерийского корпуса. Открыв существование во 2-й армии тайного общества, лично доложил государю в Таганроге (1825) свои сведения. Участник Русско-турецкой войны 1828—1829 годов. В 1831 году со своим корпусом принял участие в усмирении Польши. Назначен Варшавским военным губернатором, в 1832 году — председателем уголовного суда над польскими мятежниками и в том же году — инспектором всей поселенной кавалерии. В 1838 году был переименован в инспекторы резервной кавалерии.

1910

Майборода Аркадий Иванович (ум. 1844) — капитан Вятского пехотного полка. Член Южного общества. 25 ноября 1825 года сделал на декабристов донос на высочайшее имя. В виде награды переведен тем же чином в лейб-гвардии Гренадерский полк, затем перешел опять в армию, из подполковников Эриванского пехотного полка переведен в Апшеронский пехотный (1833), вышел по болезни в отставку полковником. В 1840-х годах снова на военной службе, назначен командиром Апшеронского пехотного полка (1842), уволен от должности в восьмимесячный отпуск с зачислением по армейской пехоте (1844). Покончил жизнь самоубийством в Темир-Хан-Шуре.

1911

Павлу Ивановичу Пестелю.

Волконский С.Г. Записки. с. 396—397.

Муравьев А.М. Мой журнал. с. 124—125.

Бестужев А.А. // Декабристы рассказывают… М., 1975. с. 68.

1915

Фотий (Петр Никитин Спасский) (1792—1838) — архимандрит, настоятель новгородского Юрьевского монастыря, известный религиозный деятель.

1916

Нарышкина Мария Антоновна (урожд. Четвертинская) (1779—1854) — жена Д.Л. Нарышкина, фаворитка Александра I.

Штейнгель В.И. Указ. соч. с. 147-148.

1918

Русская старина. 1879. т. 24. с. 382.

1919

Рюль Иван Федорович — лейб-медик при Марии Федоровне.

1920

Лейб-медик баронет Яков Васильевич Виллие (1768—1854) сопровождал Александра I в Таганрог.

1921

Баранова (урожд. Адлерберг) Юлия Федоровна, графиня (1789 — 1864) — наставница дочерей Николая I.

1922

Великая княжна Мария Николаевна.

1923

Из дневников Николая Павловича // Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи / Подг. к печати Б.Е. Сыроечковский. М.; Л., 1926. с. 65—66.

1924

Деллингсгаузен Иван Федорович, барон (1794—1845) — полковник, адъютант великого князя; генерал-лейтенант.

1925

Потапов Алексей Николаевич (1772—1847)— дежурный генерал Главного штаба; генерал от кавалерии.

Там же. с. 66—67.

1927

Ужасные известия *(фр.)*.

1928

Государь умирает; остается самая слабая надежда *(фр.)*.

1929

Заметки Николая I на полях рукописи М.А. Корфа // Междуцарствие 1825 года… с. 37.

1930

Опонинин Федор Петрович (1779—1852) —действительный статский советник (1811), обер-гофмейстер, член Государственного совета (1846), председатель Попечительного совета заведений общественного призрения в Петербурге. В 1805 году, в чине ротмистра, в составе лейб-гвардии Конного полка участвовал в сражении при Аустерлице. В 1807 году участвовал в сражениях при Гейльсберге и Фридланде. В 1809 году поступил на гражданскую службу советником в Экспедицию государственных доходов. В следующем году назначен на должность санкт-петербургского вице-губернатора. Директор Департамента разных податей и сборов (1813—1819). С 1826 года — при дворе. Назначен членом комиссии о построении Исаакиевского собора попечителем больницы Святой Марии Магдалины. В 1838 году пожалован в действительные тайные советники и через два года — президентом гоф-интендантской конторы. В 1840 году назначен членом комитета для устройства финансовой части Санкт-Петербургской театральной дирекции. В 1851 году Опочинин временно управлял Придворной конторой.

1931

Куракин Алексей Борисович, князь (1759—1829) — государственный деятель, действительный тайный советник 1-го класса. В 1796—1797 годах — генерал-прокурор. С 1804 года — член Непременного совета. В 1807—1810 годах — министр внутренних дел. С 1821 года — председатель Департамента государственной экономии Государственного совета. С 1826 года — канцлер российских орденов. Член Верховного уголовного суда над декабристами.

1932

Трубецкой С.П. Материалы о жизни и революционной деятельности. т. 1. с. 313-314.

1933

Новосильцев Николай Николаевич, граф (1761 — 1836) — российский комиссар при правительстве Царства Польского; председатель Государственного совета и Комитета министров.

1934

Голицын Александр Федорович, князь (1796—1866) — действительный тайный советник, статссекретарь, член Государственного совета.

1935

Воспоминания Михаила Павловича о событиях 14 декабря 1825 г. // Междуцарствие 1825 года… с. 52.

1936

Трубецкой С.П. Материалы о жизни и революционной деятельности. т. 1. с. 236-237.

1937

Из официальной переписки членов царской семьи // Междуцарствие 1825 года… с. 127—128.

1938

Корф М.А. Восшествие на престол императора Николая I. с. 20.

Там же. с. 34.

1940

Камердинер Марии Федоровны.

1941

Генерал-майор А.С. Шульгин — обер-полицмейстер.

1942

Из дневников Николая Павловича // Междуцарствие 1825 года… с. 68.

1943

Из воспоминаний принца Евгения Виртембергского // Между царствие 1825 года… с. 107.

1944

Заметки Николая I на полях рукописи М.А. Корфа // Междуцарствие 1825 года… с. 38.

1945

Рота его величества («Государева») — 1-я гренадерская рота лейб-гвардии Преображенского полка.

1946

Из дневников Николая Павловича // Междуцарствие 1825 года… с. 69.

1947

Трубецкой С.П. Материалы о жизни и революционной деятельности. т. 1. с. 314-315.

1948

Саблуков Н.А. Записки // Русские мемуары. Избранные страницы. 1800-1825 гг. М., 1989. с. 51.

1949

Мордвинов Николай Семенович, граф (1754—1845) — председатель Департамента гражданских и духовных дел Государственного совета, адмирал (1799), почетный член Петербургской Академии наук (1826). В 1802 году — морской министр. В 1823—1840 годах — президент Вольного экономического общества. Выступал за освобождение крестьян без земли за выкуп. В 1826 году единственный из членов Верховного уголовного суда отказался подписать смертный приговор декабристам.

Штейнгель В.И. Указ. соч. с. 149.

Якушкин И.Д. Указ. соч. с. 234-235.

1952

Корф М.А. Записки. с. 579-580.

1953

Заметки Николая I на полях рукописи М.А. Корфа // Междуцарствие 1825 года… с. 40.

1954

Трубецкой С.П. Материалы о жизни и революционной деятельности. т. 1. с. 316.

1955

Каратыгин П.А. Записки // Декабристы в воспоминаниях современников. М., 1988. с. 200.

1956

Пушкин А.С. Письма. Собр. соч. М., 1977. т. 9. с. 205.

Штейнгель В.И. Указ. соч. с. 149.

1958

Трубецкой С.П. Материалы о жизни и революционной деятельности. т. 1. с. 237.

1959

Записки Николая I. с. 15.

1960

Минимальный рост рекрута, как мы говорили, составлял 2 аршина и 2 вершка; аршин — 71,12 сантиметра, вершок — 4,45 сантиметра. Для простоты, когда говорили о росте солдата, два аршина отбрасывали. Так что в данном случае речь идет о двухметровых гигантах.

Лорер Н.И. Записки декабриста. с. 50.

Штейнгель В.И. Указ. соч. с. 147.

1963

Кадет об императоре Николае I. Письмо Александра Аполлоновича Марина к отцу, А.Н. Марину. 9 августа 1837 г. // Николай Первый и его время. М., 2000. т. 2. с. 126.

1964

Трубецкой Василий Сергеевич, князь (1776—1841) — генерал-адъютант; генерал от кавалерии (1826). Во время похода в Австрию состоял адъютантом при Багратионе. Отличился при Аустерлице (1805). Был во всех главных сражениях следующей войны с Наполеоном до Фридланда включительно. Сопровождал Александра I в Тильзит. Принял участие в военных действиях против Турции (1809). В 1812 году находился при государе в Вильне, затем командовал кавалерией корпуса Винценгероде. В 1813 и 1814 годах участвовал в главных сражениях вплоть до взятия Парижа. С 1814 по 1822 год неоднократно сопровождал Александра I в его поездках за границу и находился при нем на конгрессах в Вене, Аахене и Вероне. В 1851 году, во время холеры, он был временным генерал-губернатором 3-й части Петербурга, а в 1835 году назначен членом Государственного совета. Последние годы его жизни были посвящены общественной благотворительности.

1965

Голенищев-Кутузов Павел Васильевич, граф (1773—1843) — генерал-адъютант; генерал от кавалерии (1826). Участвовал в заговоре, результатом которого стало убийство императора Павла I. В 1801 году — командир Кавалергардского полка. С 1803 года — шеф Белорусского гусарского полка. В составе отряда генерала М.А. Милорадовича участвовал в Русско-турецкой войне 1806—1812 годов. Отличился в боях при Бухаресте, Турбате, Журже, Измаиле. В 1809 году зачислен в свиту Его Величества. С февраля 1810-го по сентябрь 1811 года — петербургский полицеймейстер. С началом Отечественной войны 1812 года сопровождал императора в Вильну. Участвовал в сражении при Витебске, а затем вместе с императором покинул действующую армию. После сдачи Москвы сформировал из ямщиков Тверской и Новгородской губернии Ямской казачий полк. Принимал активное участие в преследовании отступавшей Великой армии. В начале 1813 года отозван в свиту. Участник сражений при Лютцене, Бауцене, Дрездене, Культе, Лейпциге, Бриене, Ла-Ротьере, Арси-сюр-Об, Фер-Шампенуазе, Париже. В марте 1814 года направлен в Петербург с сообщением о победе над Наполеоном. В 1815 году сопровождал императора на Венский конгресс. В 1823—1826 годах — главный директор Пажеского и кадетских корпусов, Воспитательного дома и Царскосельского лицея. В 1832—1841 годах — председатель Совета о военно-учебных заведениях. После убийства Милорадовича назначен петербургским военным губернатором и членом Государственного совета. Входил в состав следственной комиссии по делу декабристов.

1966

Что сделали вы, Николай? Разве вы не знаете, что есть акт, который объявляет вас наследником? *(фр.)*.

1967

Если и есть такой акт, он мне неизвестен, никто о нем не знал; но мы все знаем, что наш повелитель, наш законный государь — брат Константин, и мы исполнили наш долг — будь что будет! *(фр.)*.

1968

Александр Николаевич Голицын.

1969

Заметки Николая I на полях рукописи М.А. Корфа // Междуцарствие 1825 года… с. 39.

1970

Трубецкой С.П. Материалы о жизни и революционной деятельности. т. 1. с. 317.

1971

Воспоминания моей жизни. Записки почетного лейб-хирурга Д.К. Тарасова // Русская старина. 1872. т. 6. с. 159.

Деменков П.С. Указ. соч. с. 349.

Розен А.Е. Записки декабриста. с. 119.

1974

Трубецкой С.П. Материалы о жизни и революционной деятельности. т. 1. с. 236-237.

1975

Поджио А.В. Записки, письма. Иркутск, 1989. с. 128.

1976

Трубецкой С.П. Материалы о жизни и революционной деятельности. т. 1. с. 233.

1977

Розен А.Е. Записки декабриста. с. 120.

1978

Трубецкой С.П. Материалы о жизни и революционной деятельности. т. 1. с. 299.

1979

Девиз *(лат.)*.

Штейнгель В.И. Указ. соч. с. 133.

1981

Оболенский Е.П. Воспоминания. с. 89.

1982

Трубецкой С.П. Материалы о жизни и революционной деятельности. т. 1. с. 243.

1983

Оболенский Е.П. Воспоминания. с. 86.

1984

Дело В.И. Штейнгеля // Восстание декабристов. Документы… т. 14. с. 167-168.

1985

Трубецкой С. П. Материалы о жизни и революционной деятельности. т. 1. с. 98-99.

1986

От лат. *insurrectio* — вооруженное восстание.

Штейнгель В.И. Указ. соч. с. 150-151.

1988

Розен А.Е. Записки декабриста. с. 120—121.

1989

Лорер Николай Иванович (1797—1873) — майор Вятского пехотного полка; прапорщик (1840). Участник Заграничных походов 1813—1814 годов (Дрезден, Кульм, Лейпциг, Париж). Масон, член ложи «Палестина» и заграничной ложи в Оффенбахе. Член Северного и Южного обществ. Арестован в Тульчине и приговорен в каторжную работу на 12 лет, срок сокращен до 8 лет. Отправлен из Петропавловской крепости в Сибирь, в Читинский острог. По указу от 8 ноября 1832 года обращен на поселение. По высочайшему повелению, объявленному военным министром (1837), определен рядовым в Кавказский корпус, назначен в Тенгинский пехотный полк, дослужился до прапорщика, уволен от службы с воспрещением въезда в столицы. Жил в Херсоне и Херсонской губернии. Освобожден от всех ограничений по манифесту об амнистии в 1856 году. Умер в Полтаве. Автор мемуаров.

1990

Волконский С.Г. Записки. с. 397—398.

1991

Записки Николая I. с. 20.

1992

Военная энциклопедия. т. 15. СПб., 1914. с. 293.

1993

Трубецкой С.П. Материалы о жизни и революционной деятельности. т. 1. с. 233.

1994

Корф М.А. Восшествие на престол императора Николая I. с. 91.

1995

Декабристы. Сборник отрывков из источников. М.;Л., 1926. с. 264-265.

Пресняков А.*Е.* 14 декабря 1825 года. М.; Л., 1926. с. 87.

Штейнгель В.И. Указ. соч. с. 150.

1998

Воспоминания Михаила Павловича… // Междуцарствие 1825 года… с. 54.

1999

Перовский Василий Алексеевич, граф (1795—1857) — генерал от кавалерии. Участник Отечественной войны 1812 года, отличился при Бородине. При отступлении войск из Москвы взят в плен, в котором оставался до взятия Парижа. Был на Венском конгрессе (1815), в 1816 году находился в заграничном путешествии с великим князем Николаем Павловичем. В 1819 году в чине полковника переведен в лейб-гвардии Измайловский полк с назначением адъютантом к великому князю Николаю Павловичу. Член «Союза благоденствия» (1818) и Военного общества. Высочайше поведено оставить без внимания. Флигель-адъютант (1825), участник Русско-турецкой войны 1828—1829 годов, под Варной тяжело ранен в грудь, свиты генерал-майор (1828), директор канцелярии начальника Морского штаба (1828), переведен в корпус штурманов, генерал-адъютант (1829), оренбургский военный губернатор (1833—1842), в 1839 году предпринял неудачный поход в Хиву, член Государственного совета (1845), оренбургский и самарский генерал-губернатор (1851-1857).

2000

Дивов Николай Адрианович (1781—1869) — генерал-майор, шталмейстер великого князя Михаила Павловича, участник Бородинского сражения.

2001

Из дневников Николая Павловича // Междуцарствие 1825 года… с. 73.

2002

Из дневников Александры Федоровны // Междуцарствие 1825 года… с. 85.

2003

Трубецкой С.П. Материалы о жизни и революционной деятельности. т. 1. с. 299-300.

2004

Воспоминания Михаила Павловича… // Междуцарствие 1825 года… с. 55-56.

2005

Трубецкой С.П. Материалы о жизни и революционной деятельности. т. 1. с. 317-318.

2006

Из дневников Александры Федоровны // Междуцарствие 1825 года… с. 82.

2007

Лазарев Алексей Петрович (1793 — после 1851) — выпускник Морского корпуса, лейтенант. В 1824—1825 годах — штабс-капитан лейб-гвардии Измайловского полка; контр-адмирал. Брат адмирала М.П. Лазарева.

Воспоминания Михаила Павловича… // Междуцарствие 1825 года… с. 56.

2009

Заметки Николая I на полях рукописи М.А. Корфа // Междуцарствие 1825 года… с. 41.

2010

Ивелич Константин Маркович, граф (1799—1837) — адъютант лейб-гвардии Саперного батальона; генерал-майор. С 1836 года — командир Апшеронского полка. Зверски замучен горцами на Кавказе.

2011

Кавелин Александр Александрович (1793—1850) — адъютант великого князя Николая Павловича (1818); генерал от инфантерии (1843). Участник Отечественной войны 1812 года и Заграничных походов 1813—1814 годов, отличился под Бородином, флигель-адъютант (1825). Член «Союза благоденствия» (1818). Высочайше поведено оставить без внимания. Генерал-майор свиты (1827), директор Пажеского корпуса (1830), назначен состоять при наследнике Александре Николаевиче с 1834 года, сопровождал его в путешествиях по России (1837) и за границей (1838, 1839), сенатор и член Совета о военно-учебных заведениях (1841), санкт-петербургский генерал-губернатор (1842), член Государственного совета с оставлением в должности (1842).

Из дневников Николая Павловича // Междуцарствие 1825 года… с. 73.

Трубецкой С.П. Материалы о жизни и революционной деятельности. т. 1. с. 316.

2014

Якушкин И.Д. Четырнадцатое декабря // Русские мемуары. Избранные страницы. 1800—1825 гг. М., 1989. с. 409.

2015

Трубецкой С.П. Материалы о жизни и революционной деятельности. т. 1. с. 300.

Брюханов В.А. Заговор графа Милорадовича. М., 2004. с. 305.

2017

Из воспоминаний принца Евгения Виртембергского // Междуцарствие 1825 года… с. 110.

Из дневников Александры Федоровны // Междуцарствие 1825 года… с. 86.

Башуцкий А.П. Из воспоминаний… // Декабристы в воспоминаниях современников. М., 1988. с. 260.

2020

Великая княгиня Елена Павловна (1806—1873) — жена Михаила Павловича.

2021

Письма Павла I к Марии Федоровне.

2022

Графиню Софью Андреевну Бобринскую (урожд. Шувалову).

Из дневников Николая Павловича. Междуцарствие 1825 года… с. 77 — 78.

Штейнгель В.И. Указ. соч. с. 134.

Федоров В.А. Указ. соч. с. 146—147.

2026

Дело Г.А. Перетца // Восстание декабристов. Документы… т. 20. с. 53-54.

2027

Чин VIII класса, равен армейскому майору.

2028

Ростовцев 4-й Яков Иванович (1803—1860) — генерал от инфантерии (1859). В 1825 году — подпоручик, исправляющий должность старшего адъютанта гвардейской пехоты. Писал стихи, переводил драмы и печатался в журналах. Член Северного общества (1825), в письме Николаю I от 12 декабря 1825 года донес о готовившемся восстании. В 1828 году назначен адъютантом к великому князю Михаилу Павловичу, дежурный штаб-офицер по управлению главного начальника военно-учебных заведений (1831), начальник штаба военно-учебных заведений (1835), член Государственного совета (1855), член Секретного, а потом и Главного комитета по крестьянскому делу (1857), председатель Комитета (1858).

2029

Из дневников Марии Федоровны // Междуцарствие 1825 года… с. 100.

2030

Корф М.А. Восшествие на престол императора Николая I. с. 104.

2031

Розен А.Е. Записки декабриста. с. 121.

2032

Записки Николая I. с. 16.

2033

Междуцарствие в России с 19 ноября по 14 декабря 1825 года // Русская старина. 1882. т. 35. № 7. с. 195.

2034

Розен А.Е. Записки декабриста. с. 122—123.

2035

Раевский Владимир Федосеевич (1795—1872) — русский поэт, публицист, декабрист. Участник Отечественной войны 1812 года. Член «Союза благоденствия» и Южного общества декабристов, один из основателей Кишиневской управы декабристов. В 1822 году — арестован в Кишиневе по обвинению в революционной агитации среди солдат и юнкеров. До ареста написаны публицистические произведения «О рабстве крестьян и необходимости скорого преобразования в России» и «О солдате», где Р. осуждал крепостное право. После пребывания в крепости в 1827 году отправлен на поселение в Сибирь, где находился до конца жизни.

2036

Записки Николая I. с. 16.

2037

Фонвизин М.А. Сочинения и письма. т. 2. с. 191.

Штейнгель В.И. Указ. соч. с. 154.

2039

Пущин И.И. Записки о Пушкине. Письма. с. 390.

2040

Щепин-Ростовский Дмитрий Александрович, князь (1798—1858) — декабрист, штабс-капитан лейб-гвардии Московского полка. Членом тайных обществ не был, присутствовал на совещаниях декабристов накануне восстания 14 декабря 1825 года, принял активное участие в восстании на Сенатской площади. Осужден по I разряду к каторжным работам навечно, в августе 1826 года срок сокращен до 20 лет, в ноябре 1832 года — до 15 и в декабре 1835 года — до 13 лет. Каторгу отбывал в Читинском остроге, затем Петровском Заводе, по окончании ее срока поселен в селе Тасеевском Канского округа Енисейской губернии. В 1842 году получил разрешение переехать в город Курган. После амнистии 1856 года вернулся из Сибири, жил в селе Иванькове Ростовского уезда Ярославской губернии.

Бестужев М.А. // Декабристы рассказывают… с. 168.

2042

Корф М.А. Записки. с. 581.

2043

Корф М.А. Восшествие на престол императора Николая I. с. 104.

Штейнгель В. И. Указ. соч. с. 151.

2045

Башуцкий А.П. Из воспоминаний… с. 261.

2046

Записки Николая I. с. 21.

2047

Фонвизин М.А. Сочинения и письма. т. 2. с. 191—192.

2048

Записки барона Велио // *Бондаренко А.Ю.* Конногвардейцы. М., 2006. с. 270.

2049

Трубецкой С.П. Материалы о жизни и революционной деятельности. т. 1. с. 289.

Оболенский Е. П. Воспоминания. с. 90.

2051

Башуцкий А.П. Из воспоминаний… с. 261.

Дело Ф.Н. Глинки // Восстание декабристов… с. 96.

2053

Записки Николая I. с. 21.

2054

В оригинале написано по-русски.

2055

Из дневников Александры Федоровны // Междуцарствие 1825 года… с. 88.

2056

Марченко Василий Романович (1772—1840) — статссекретарь Департамента государственной экономии Государственного совета; член Государственного совета, действительный тайный советник (1840).

2057

Марченко В.Р. Из воспоминаний… // Декабристы в воспоминаниях современников. М., 1988. с. 254.

2058

Каратыгин П.А. Записки // Декабристы в воспоминаниях современников. с. 201.

2059

Штейнгель В.И. Указ. соч. с. 134.

Оболенский Е. П. Воспоминания. с. 90.

2061

Записки барона Велио. с. 270.

2062

Каратыгин П.А. Записки // Декабристы в воспоминаниях современников. с. 201.

2063

Мемуары отставного генерал-лейтенанта барона Василия Романовича фон Каульбарса, начатые в ноябре 1860 года // *Бондаренко А.Ю.* Конногвардейцы. М., 2006. с. 276.

2064

Арбузов Антон Петрович (1797 или 1798—1843) — лейтенант Гвардейского экипажа. С 1812 года совершал плавания по Балтийскому морю, в 1823 году на фрегате «Проворный» плавал к Исландии и в Англию, в 1824-м на шлюпе «Мирный» — в Росток. Один из основателей тайного «Общества Гвардейского экипажа» (1824), автор его «статутов». В 1825 году принят Завалишиным в Орден восстановления, член Северного общества (декабрь 1825), активный участник восстания на Сенатской площади. Арестован в ночь с 14 на 15 декабря 1825 года и заключен в № 11 Алексеевского равелина Петропавловской крепости, высочайше поведено заковать в железа. Осужден по I разряду и приговорен в каторжную работу вечно, срок сокращен до 20 лет. Отправлен в Роченсальм, затем в Сибирь, в Читинский острог. Прибыл в Петровский Завод в сентябре 1830 года, срок сокращен до 13 лет. По окончании срока обращен на поселение в село Назаровское Ачинского округа Енисейской губернии, где и умер.

2065

Панов 2-й Николай Алексеевич (1803—1850) — поручик лейб-гвардии Гренадерского полка, ранее был батальонным адъютантом (1823). Член Северного общества (1825), участник восстания на Сенатской площади. Добровольно явился в Петропавловскую крепость и был арестован. Осужден по I разряду и приговорен в каторжную работу вечно. Отправлен в Свартгольм, срок сокращен до 20 лет, затем отправлен в Сибирь, доставлен в Читинский острог в 1827 году, прибыл в Петровский Завод в сентябре 1830 года, срок сокращен до 13 лет (1835). По отбытии срока обращен на поселение и водворен в село Михайловское Жилкинской волости Иркутского округа, высочайше разрешено отправиться для лечения на Туркинские минеральные воды (1844) и разрешено переселиться в село Урик Кудинской волости Иркутского округа. Умер в Иркутске.

2066

Сутгоф Александр Николаевич (1801—1872) — поручик лейб-гвардии Гренадерского полка. Член Северного общества (1825), участник восстания на Сенатской площади. Арестован и доставлен в Петропавловскую крепость в № 10 Алексеевского равелина. Осужден по I разряду и приговорен в каторжную работу вечно. Отправлен в Свартгольм, срок сокращен до 20 лет, затем — в Сибирь, доставлен в Читинский острог (1827), прибыл в Петровский Завод в сентябре 1830 года, срок сокращен до 13 лет. По отбытии срока обращен на поселение в слободу Введенщина Жилкинской волости Иркутской губернии, переведен в село Куду Иркутской губернии. По ходатайству матери определен рядовым в Кавказский отдельный корпус (1848). По манифесту об амнистии (1856) восстановлен в прежних правах, переведен в 6-й резервный батальон Кубанского пехотного полка, командирован в фехтовально-гимнастическую команду в Москву (1858), назначен смотрителем кисловодских зданий углекислых вод (1859), назначен управляющим боржомским казенным имением и дворцом великого князя Михаила Николаевича (1859). Переведен в 155-й Кубанский пехотный полк с оставлением в прежней должности, капитан (1870). Умер в Боржоми.

Штейнгель В.И. Указ. соч. с. 134.

2068

Вступление на престол императора Николая I в записках генерал- лейтенанта Михайловского-Данилевского // Русская старина. 1890. №11. с. 505.

2069

Башуцкий Александр Павлович (1803—1876)— литератор, действительный статский советник. В 1820 году состоял адъютантом при петербургском генерал-губернаторе графе Милорадовиче. 14 декабря сопутствовал ему и присутствовал при последних минутах графа. Состоял адъютантом и при двух последующих петербургских генерал-губернаторах — Голенищеве-Кутузове и Эссене. Оставил военную службу и поступил в Министерство внутренних дел; впоследствии был помощником статссекретаря Государственного совета и камергером. В 1835—1839 годах издавал «Журнал общеполезных сведений», помещал в журналах статьи, касающиеся разных вопросов текущей жизни. В 1840 году выпустил одно из самых видных своих произведений «Очерки из портфеля ученика натурного класса. Тетрадь первая — Мещанин. Посвящ. Грыцку Основьяненко Башуцким». Вышел в отставку и поступил в послушники Троицесергиевской пустыни, что близ Стрельны, потом перешел в Черменецкий монастырь. В середине 1860-х годов состоял в числе учредителей и членов совета «Первого миссионерского общества» (1865—1869), частным образом принимал участие в крещении евреев, рисовал образа («Икона тысячелетия России»), составлял назидательные брошюры. Под конец жизни увлекся гомеопатией и занимался бесплатным лечением бедного люда.

2070

Дело плохо, они идут к Сенату, но я буду говорить с ними *(фр.)*.

2071

Записки Николая I. с. 23.

2072

Башуцкий А.П. Из воспоминаний… с. 262—263.

2073

Государь, дело плохо, но я поговорю с ними *(фр.)*.

2074

Заметки Николая I на полях рукописи М.А. Корфа // Междуцарствие 1825 года… с. 45.

2075

Лицейское прозвище Корфа; он же — «Дьячок», он же — «Мордан».

2076

Корф М.А. Восшествие на престол императора Николая I. с. 138.

2077

Заметки Николая I на полях рукописи М.А. Корфа // Междуцарствие 1825 года… с. 45.

2078

Башуцкий А.П. Из воспоминаний… с. 263.

2079

Анекдоты и черты из жизни графа Милорадовича… с. 72—73.

2080

Башуцкий А.П. Из воспоминаний… с. 263—264.

2081

Рымникский А. А., князь Суворов-Италийский. Лейб-гвардии Конный полк 14-го декабря 1825 года//Русская старина. 1881. т. 30. № 1. с. 205.

2082

Воспоминания К.С. Сербиновича. с. 257.

2083

Башуцкий А.П. Из воспоминаний… с. 264.

2084

Бутенев А.Л. Рассказ очевидца о 14 декабря 1825 г. // Декабристы в воспоминаниях современников. М., 1988. с. 213.

2085

Якушкин И.Д. Мемуары. Статьи. Документы. с. 243.

2086

Башуцкий А.П. Из воспоминаний… с. 264—265.

2087

Записки Рафаила Михайловича Зотова. с. 45.

Штейнгель В.И. Указ. соч. с. 156.

2089

Башуцкий А.П. Из воспоминаний… с. 265.

2090

Отрывки из записок Л.Н. Энгельгардта // Исторический сборник вольной русской типографии в Лондоне. М., 1971. Кн. 2. с. 148.

2091

Пресняков А.Е. 14 декабря 1825 года. с. 117.

2092

Розен А.Е. Записки декабриста. с. 129—130.

2093

Башуцкий А.П. Из воспоминаний… с. 265.

2094

Якушкин И.Д. Мемуары. Статьи. Документы. с. 243.

2095

Щеголев П.Е. Каховский. с. 80—81.

2096

Журналы следственного комитета // Восстание декабристов. Документы… т. 16. с. 196.

2097

Рассказ актера Борецкого о дне 14 декабря 1825 г. // Декабристы в воспоминаниях современников. с. 225.

2098

Бутенев А.П. Рассказ очевидца о 14 декабря 1825 г. // Декабристы в воспоминаниях современников. с. 214.

2099

Башуцкий А.П. Из воспоминаний… с. 265—266.

2100

Отрывки из записок Л.Н. Энгельгардта. с. 149.

2101

Мемуары отставного генерал-лейтенанта барона Василия Романовича фон Каульбарса… // *Бондаренко А.Ю.* Конногвардейцы. с. 276.

2102

Записки барона Велио. с. 271.

2103

Корф М.А. Восшествие на престол императора Николая I. с. 144.

2104

Стрекалов Степан Степанович (1781—1856) — генерал от инфантерии; действительный тайный советник. В 1818 году — командир лейб-гвардии Измайловского полка, сенатор. В 1840 году — казанский военный губернатор.

2105

Дурново Николай Дмитриевич (1792—1828) — генерал-майор, флигель-адъютант (1815). Участник Отечественной войны 1812 года, Заграничных походов 1813—1814 годов. Об этих событиях, а также о смерти Александра I, восстании декабристов, следствии и других оставил подробные дневниковые записи. Член тайного общества «Рыцарство». Участник Русско-иранской (1826—1828) и Русско-турецкой (1828— 1829) войн, убит при штурме Варны.

2106

Адлерберг Эдуард (после 1829 — Владимир) Федорович, граф (1791— 1884) — генерал от инфантерии (1843), министр Императорского двора (1852—1870). Участвовал в кампаниях 1812—1814 годов, отличился в Бородинском сражении, а также в битвах при Лютцене и Бауцене. Адъютант великого князя Николая Павловича (1817), в течение 39 лет исполнял самые доверенные его поручения. В 1823 году — управляющий канцелярией генерал-инспектора по инженерной части, а при воцарении Николая I — флигель-адъютант, был помощником правителя дел следственной комиссии по делу о восстании 14 декабря 1825 года. Директор канцелярии начальника Главного штаба (1828), генерал-адъютант. Начальник военно-походной е. и. в. канцелярии и член Военного совета (1832). Неоднократно управлял Военным министерством на правах товарища министра. В 1841 году получил в управление почтовый департамент. При нем в России введены почтовые марки. Член «Секретного» (впоследствии Главного) комитета по крестьянскому делу (1857), позже — высочайше учрежденного комитета для устройства быта крестьян удельных, государевых, дворцовых и заводских. Член Государственного совета.

2107

Голицын Андрей Михайловичу князь (1792—1863) — обер-квартирмейстер Гвардейского корпуса; генерал от инфантерии.

2108

Записки Николая I. с. 23.

2109

Лебцельтерн З.И. Екатерина Трубецкая // Декабристы в воспоминаниях современников. с. 154.

2110

Бибиков Илларион Михайлович (1793—1863) — полковник, старший адъютант Главного штаба, избит при попытке вернуть к повиновению Гвардейский экипаж; на следующий день после восстания — флигель-адъютант; генерал-лейтенант. Женат на Е. И. Муравьевой-Апостол — сестре декабристов С. И., М.И. и И.И. Муравьевых-Апостолов.

2111

Завалишин Дмитрий Иринархович (1804—1892) —декабрист, преподаватель морского корпуса; из кругосветного плавания прислал Александру I записку об извращении на практике идей Священного союза, также проект устройства русско-американских колоний и просьбу об учреждении «Ордена восстановления» полумистического масонского характера для поднятия нравственности и борьбы со злом законными мерами. Учредил этот орден с политическим оттенком. В 1824 году — член Северного общества. По возвращении с каторги в 1856 году писал во многих журналах. Воспоминания опубликованы в «Русском вестнике» (1873), «Русской старине» (1881—1882).

2112

Завалишин Д.И. Воспоминания. с. 264—266.

2113

Башуцкий А.П. Из воспоминаний… с. 266.

2114

Анекдоты и черты из жизни графа Милорадовича… с. 71.

2115

Мемуары отставного генерал-лейтенанта барона Василия Романовича фон Каульбарса… // *Бондаренко А.Ю.* Конногвардейцы. с. 278.

2116

Башуцкий А.П. Из воспоминаний… с. 267.

2117

Анекдоты и черты из жизни графа Милорадовича… с. 68.

2118

Башуцкий А.П. Убийство графа Милорадовича (рассказ его адъютанта)//Исторический вестник. 1908. № 1. с. 150.

2119

Анекдоты и черты из жизни графа Милорадовича… с. 72.

2120

Арендт Николай Федорович (1785—1859) — врач-хирург, лейб-медик Николая I с 1829 года.

2121

Петрашевский Василий Михайлович (1787—1845)— действительный статский советник; в 1812 году — главный доктор по авангарду и арьергарду. Отец М.В. Буташевича-Петрашевского.

2122

Башуцкий А.П. Убийство графа Милорадовича… с. 153—154.

2123

Записки Рафаила Михаиловича Зотова. с. 45.

2124

Башуцкий А.П. Убийство графа Милорадовича… с. 156—157.

2125

Греч Н.И. Записки о моей жизни. с. 236.

2126

Из воспоминаний принца Евгения Виртембергского // Междуцарствие 1825 года… с. 119—120.

2127

Якушкин И.Д. Мемуары. Статьи. Документы. с. 243.

2128

Отрывки из записок Л.Н. Энгельгардта. с. 151.

2129

Из дневников Александры Федоровны // Междуцарствие 1825 года… с. 91.

2130

Из официальной переписки членов царской семьи // Междуцарствие 1825 года… с. 146.

2131

Русский инвалид или Военные ведомости. 1825. 19 декабря. № 300. с. 1207.

Лависс Э., Рамбо А. Указ. соч. т. 3. с. 156.

2133

Из дневника Н.Д. Дурново // Декабристы в воспоминаниях современников. с. 286.

2134

Дело Ф.Н. Глинки // Восстание декабристов. Документы… т. 20. с. 129.

2135

Федоров Б. Доблести графа Милорадовича // Отечественные записки. 1826. Ч. 25. с. 142-143.

2136

Батенъков Гавриил Степанович (1793—1863) — подполковник; осужден по III разряду, но 20 лет просидел в Петропавловской крепости.

2137

Дело В.И. Штейнгеля // Восстание декабристов. Документы… т. 14. с. 170.

2138

Журналы следственного комитета // Там же. т. 16. с. 155.

2139

Бестужев Петр Александрович (1804—1840) — мичман 27-го флотского экипажа. С 1825 года состоял в Северном обществе. По приговору суда лишен чинов — «в солдаты с выслугою». Служил на Кавказе с августа 1826 года в пехотном полку, участвовал в войне 1826—1829 годов.

Дело П.А. Бестужева // Там же. т. 14. с. 318.

2141

Муравьев Александр Михайлович (1802—1853) — корнет Кавалергардского полка, брат Н.М. Муравьева. Член «Союза благоденствия» (1820) и Северного общества. Арестован и осужден по IV разряду, приговорен в каторжную работу на 12 лет, срок сокращен до 8 лет. Отправлен закованным в Сибирь, доставлен в Читинский острог в 1827 году, прибыл в Петровский Завод в 1830 году. По собственной просьбе оставлен в рудниках впредь до окончания срока работ его брата. В 1835 году освобожден и обращен на поселение вместе с братом и доктором Ф.Б. Вольфом в селе Урик Иркутской губернии, после смерти брата по ходатайству матери разрешено вступить на службу по гражданской части. В 1853 году разрешено возвратиться из Сибири и служить в Курске. Умер в Тобольске до получения известия о разрешении выехать из Сибири. Мемуарист.

Дело А.М. Муравьева // Там же. с. 391.

2143

Гангеблов Александр Семенович (1801—1891) — поручик лейб-гвардии Измайловского полка; поручик Кавказского саперного батальона. Выпущен офицером в Измайловский полк, попал в артель двух братьев Семеновых, Михаила и Николая, и И.И. Богдановича. Под влиянием Николая Семенова начал читать запрещенную литературу. В 1825 году ему предложено вступить в Северное общество. 23 декабря 1825 года арестован и посажен в крепость. Приговорен к трехмесячному заключению в каземате с 13 июля 1826 года и к переводу тем же чином поручика из гвардии в гарнизон. Едет на службу во Владикавказ. Вскоре был прикомандирован к проходившему в Персию Кабардинскому пехотному полку. Участвует в штурме Эривани. По объявлении войны с Турцией был прикомандирован в пионерный батальон. Отличился при взятии Ахалцыха в 1828 году. Участвовал при взятии города Олты. После Турецкой войны жил в Тифлисе, откуда был командирован с саперным (бывшим пионерным) батальоном на постройку крепости Новые Закаталы. Вышел в отставку в 1832 году. Мемуарист.

2144

Горский Осип-Юлиан Викентьевич (1766—1848) — отставной статский советник; случайный участник восстания на Сенатской площади.

2145

Дело А.С. Гангеблова // Там же. т. 18. с. 40.

2146

Ринкевич (Рынкевич) Александр Ефимович (1802—1829) — корнет лейб-гвардии Конного полка. Член Северного общества (1825). Арестован в Петербурге и содержался в № 8 Никольской куртины и в № 3 Невской куртины Петропавловской крепости. Высочайше поведено (15 июня 1826 года), продержав еще два месяца в крепости, выписать тем же чином в Бакинский гарнизон и ежемесячно доносить о поведении. Переведен в Бакинский гарнизонный батальон прапорщиком, в чине поручика Куринского пехотного полка исключен из списков (1829).

Дело А.Е. Ринкевича // Там же. с. 118.

2148

Журналы следственного комитета // Там же. т. 16. с. 38.

2149

Цебриков Н.Р. Воспоминания о Кронверкской куртине. Из записок декабриста // Русские мемуары. Избранные страницы. 1800— 1825 гг. М., 1989. с. 430.

2150

Смирнова-Россет А.О. Дневник. Воспоминания. М., 1989. с. 158—159.

2151

Беркопф В. И. — начальник Кронверка Петропавловской крепости.

2152

Рассказ В.И. Беркопфа // Русский архив. 1881. № 2. с. 345.

2153

Сон юности: записки дочери Императора Николая I великой княгини Ольги Николаевны, королевы Вюртембергской // Николай Первый и его время. М., 2000. т. 2. с. 185.